А.А.Зимин

Формирование боярской аристократии в России

во второй половине XV-первой трети XVI в.

·Наука·

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
ЗИМИН
(1920—1980 гг.)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории СССР

А.А.Зимин

Формирование боярской аристократии в России

во второй половине XV-первой трети XVI в.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В И БУГАНОВ

Москва «Наука» 1988

ББК 63.3(2)4
362

Рецензенты:
доктора исторических наук
В. Б. КОБРИН, А. Л. ХОРОШКЕВИЧ

Зимин А. А.

362 Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. — М.: Наука, 1988. — 350 с.

ISBN 5—02—009407—2

Издаваемая посмертно монография А. А. Зимина посвящена одной из важнейших проблем отечественной истории эпохи образования и укрепления единого Русского государства. Автор анализирует формирование состава Боярской думы — высшего правительственного органа государства XV—XVII вв. В исследовании рассматриваются складывание Боярской думы во второй половине XV—первой трети XVI в. из разных слоев феодальной аристократии и постепенный переход князей на положение бояр. Автор прослеживает генеалогию боярских родов, биографии, службы и землевладение каждого из бояр и окольничих и их однородцев, давая читателю научно выверенный материал о множестве исторических лиц, сыгравших определяющую роль в создании и развитии единого государства в России, — полководцах, дипломатах, землевладельцах, государственных деятелях и др.

Для всех, кто интересуется историей нашей Родины.

З $\frac{0505010000—159}{042(02)—88}$ 31—88—II **ББК 63.3(2)4**

ISBN 5—02—009407—2 © Издательство «Наука», 1988

А. А. Зимин — исследователь

Восемь с лишним лет отделяет нас от того времени, когда скончался Александр Александрович Зимин, проживший всего 60 лет, — один из самых ярких и талантливых представителей отечественной исторической науки послевоенного времени. Ученик С. В. Бахрушина на Историческом факультете МГУ и в аспирантуре Института истории АН СССР, он в первом послевоенном году опубликовал статью, обратившую на себя внимание специалистов, — «О периодизации истории Русского государства» [1]. С этого года и до конца жизни его научное творчество, поразительное и по объему, и по значимости научных идей, и по высокому профессиональному мастерству, продолжалось и нарастало из десятилетия в десятилетие. Восемь опубликованных монографий, несколько книг, ждущих опубликования, десятки учебных пособий и изданий источников, сотни статей, рецензий, редактирование — такого хватило бы не на одну жизнь, активную и целеустремленную, в науке истории, которая людям, мало в ней сведущим, кажется легкой; на самом же деле она очень трудна и сложна, требует крайней отдачи сил, физических и духовных. Именно так служил музе Клио Зимин — самозабвенно, до последнего вздоха. Историческая наука не бедна сейчас специалистами; немало среди них людей способных, талантливых. Но и среди них Зимин выделялся заметно и ярко; как метеор, комета, он прочертил небо науки, оставив в нем свой вдохновенный след. В древние времена пораженные летописцы заносили в свои хроники известия о подобных небесных явлениях, называя их знамéниями; в летописях нашей науки появление Зимина, его подвижничество, его книги, ученики, все его дела описаны в наши дни, о них будут писать и потомки.

Сотни научных исследований, созданных Зиминым, охватывают историю русского и других народов нашей страны с древнейших времен до начала XVII в.; это теоретические, обобщающие труды, конкретно-исторические исследования; работы собственно по истории России и штудии по историографии, источниковедению, дипломатике, генеалогии, хронологии, палеографии, нумизматике и другим специальным историческим дисциплинам; публикации источников; главы и разделы в коллективных трудах по истории СССР, Москвы, Коми АССР и др.; методические разработки,

[1] Вопр. истории. 1946. № 8/9. С. 148—151.

рецензии на десятки книг, вступительные к ним статьи, публицистические заметки в массовой печати. Он выступал в разных научных жанрах, печатал свои работы в нашей стране и за рубежом, в научных, литературных, общественно-политических изданиях. И в научных и в широких читательских кругах его сочинения вызывали и вызывают живые и благодарные отклики, будят мысль, приводят к спорам, столкновению мнений. А ведь все это и делает науку нужной, действенной, живой, ученого же — собеседником, другом, учителем читателей и при его жизни, и тогда, когда его уже нет среди них.

При жизни Зимина многие поражались его огромной работоспособности: одна за другой выходили в свет статьи, публикации, рецензии, книги. Всего ему принадлежит свыше десятка крупных монографий. В одной из них («Холопы на Руси») он прослеживает судьбы рабского труда с древнейших времен до XV в., в другой — детально анализирует все редакции «Русской Правды», ее влияние на последующее законодательство (неопубликованная рукопись «Русская Правда», 600 машинописных страниц). Опубликовано множество его статей по истории феодального землевладения, крестьянства, классовой и национально-освободительной борьбы, внутриполитического развития, общественно-политической мысли, истории церкви и еретических, реформационных движений. Целый ряд его исследований посвящен различным источникам: русским летописям, духовным и договорным грамотам, другому актовому материалу, ханским ярлыкам, законодательным памятникам, публицистике, мемуаристике, эпистолярии, фольклору и др.

Многие его работы характеризуют деятельность исторических лиц, знаменитых и менее знаменитых; это целая галерея тех, кто «творил» историю Отечества. Главным среди них он всегда считал русского пахаря и ремесленника; отдавал свои симпатии и сочувствие им, вынесшим на своих плечах все тяжкие испытания, выпавшие на долю народа, государства Российского.

Публикуемая книга — одна из серии монографий, составляющих единый цикл исследований о России XV—конца XVI столетия. Не все они опубликованы; когда книги, остающиеся еще в рукописях, увидят свет, окончательно выявится замысел ученого. Это «Феодальная война второй четверти XV в. (1425—1462)». Кн. 1. Исследование. Кн. 2. Справочник (Источники. Города. Люди. Соседи, Этюды) (общий объем около 1120 машинописных страниц); «Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в.» (публикуется здесь); «Россия на рубеже XV—XVI вв. (1480—1505)» (М., 1982); «Россия на пороге нового времени» (М., 1972); «Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.)» (М., 1977); «Реформы Ивана Грозного» (М., 1960); «И. С. Пересветов и его современники» (М., 1958); «Опричнина Ивана Грозного» (М., 1964); «Россия времени Ивана Грозного» (М., 1982; совместно с А. Л. Хорошкевич); «В канун грозных потрясений» (М., 1986). Эти десять книг — научная история России, ее лето-

пись почти за два столетия, причем в них мы встретим экскурсы — исторические, генеалогические и иные — в прошлое Руси XIV—XV и XVI столетий Они — результат работы в течение десятилетий, изучения источников, опубликованных и архивных, всей имеющейся литературы, раздумий и непрерывного труда.

В статьях, посвященных А А Зимину [2], уже отмечалась склонность ученого к историко-генеалогическому подходу в изучении прошлого· прослеживая судьбы людей, родов, кланов, их родственные связи, службу, взаимоотношения между собой и с верховной властью, Александр Александрович наполнял историческое повествование живыми лицами, одухотворял его, через описание жизненных путей государей и князей, бояр и дворян, дипломатов и военачальников, приказных дельцов и духовных лиц, вольнодумцев и публицистов, деятелей-практиков и мыслителей он выходил на осмысление путей общего исторического развития России Исходил из того, что судьбы общества и личности неизбежно и всегда взаимосвязаны.

В 1950-х—конце 1970-х годов появились в печати его статьи, в которых он скрупулезно собрал и сгруппировал данные источников о людях, входивших в Боярскую думу XV—XVI вв [3], служивших в дворцовых учреждениях [4], о судьбах представителей княжеских родов разных регионов, уделов [5] Эти работы, а также статья о Дворовой тетради середины XVI в [6] прямо связаны с большой темой, которую он в развернутом виде, на более широком историческом фоне разрабатывает в публикуемой монографии На нее же «работали» многие его публикации источников, источниковедче-

[2] *Каштанов С М* Александр Александрович Зимин — исследователь и педагог // История СССР 1980 № 6 С 152—157, *Он же* Александр Александрович Зимин // АЕ за 1980 год М, 1981 С 357—358, *Кобрин В Б* Александр Александрович Зимин Ученый Человек // Ист зап М, 1980 Т 105 С 294—309, *Лурье Я С* Об А А Зимине — источниковеде и текстологе // ВИД Л, 1982 Сб XIII С 329—331, *Панеях В М* Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А А Зимина // Там же Л, 1983 Сб XIV С 107—135, *Хорошкевич А Л* Памяти Александра Александровича Зимина // Историо графический сборник Саратов, 1983 Вып 10 С 107—122

[3] *Зимин А А* Состав Боярской думы в XV—XVI вв // АЕ за 1957 г М, 1958 С 41—87

[4] *Зимин А А* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в // Ист зап М, 1958 Т 63 С 180—205

[5] *Зимин А А* Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV—первой трети XVI в // ВИД Л, 1973 Сб V С 182—195, *Он же* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV—первой трети XVI в // История СССР 1973 № 3 С 124—142, *Он же* Служилые князья в Русском государстве конца XV—первой трети XVI в // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв М, 1975 С 28—56 // *Он же* Суздальские и ростовские князья во второй половине XV—первой трети XVI в // ВИД Л, 1976 Сб VII С 56—69, *Он же* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в // История и генеалогия С Б Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований М, 1977 С 161—188, *Он же* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV—первой трети XVI в // Ист зап М, 1979 Т 103 С 195—241

[6] *Зимин А А* Дворовая тетрадь 50 х годов XVI в и формирование состава Боярской думы и дворцовых учреждений // ВИД Л, 1981 Сб XII С 28—47

ские исследования, в частности работа о Государственном (Царском) архиве России XVI в.[7]

В своих исследованиях Зимин исходит из мысли о том, что в России конца XV—XVI в. еще оставались заметные следы, пережитки удельной децентрализации. Процесс централизации отнюдь не закончился с образованием единого Русского государства, а продолжался еще довольно долгое время, окончательно завершился к середине XVII в.[8]. Эти идеи сходны с положениями, которые развивал М. Н. Тихомиров[9]. Зимин опирался также на труды других ученых, например С. Б. Веселовского, Л. В. Черепнина, с их блестящим анализом различных источников в плане выявления этапов формирования единого Русского государства. Но проведенная им в таком объеме работа по детальному, скрупулезному выяснению состава боярской аристократии позволяет сказать, что он сделал очень большой шаг вперед в комплексном, всестороннем и глубоком изучении проблемы; собственно говоря, в нашей историографии со времен «Боярской думы» В. О. Ключевского работа подобного масштаба появляется впервые. Автор опирается на весь комплекс источников, известных сегодня науке, а их объем со времен Ключевского возрос очень заметно.

Зимин заново проанализировал и все известные источники, причем во многих случаях показал, что некоторым из них, например Шереметевскому списку думных чинов XV—XVII вв., опубликованному Н. И. Новиковым в «Древней российской вивлиофике», отнюдь не всегда можно доверять. Между тем этот источник широко и без сомнений использовали его предшественники — те же Ключевский, Веселовский и др.

Еще один пример. Из разрядных книг XVI—XVII вв., содержащих списки многих известных деятелей — князей, бояр и прочих в связи с их назначениями по военному, гражданскому, придворному ведомствам, Александр Александрович использует, помимо так называемых Государевых разрядов, или кратких редакций, и пространную редакцию. Последняя сохранилась в большом количестве списков, частных по своему происхождению; подлинники этих «служебных книг», содержащих наиболее древние и подробные записи разрядов, не сохранились, были уничтожены в 1682 г. при отмене «братоненавистного» и «враждотворного» местничества. Частные списки в основе своей, правда по-разному в смысле объема, точности передачи записей и т. д., сохранили текст официальной пространной редакции, однако он осложнен различного рода вставками в интересах того или иного рода, повторами, хронологическими неувязками и т. д. Поэтому списки

[7] Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / Подгот. текста и коммент. А. А. Зимина; Под ред. и с предисловием Л. В. Черепнина. М., 1978.

[8] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 6; *Он же.* В. И. Ленин о «Московском царстве» и черты феодальной раздробленности в политическом строе России XVI в. // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 270—293.

[9] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962; и др.

пространной редакции группируются в частные изводы, в которые входят рукописи, сходные по тем или иным признакам [10]. Ее текст за последнюю четверть XV—первую половину XVI в., входящий в состав разрядной книги 1475—1605 гг. и составленный в первой половине XVII в. (один из списков этого извода изготовлен для знаменитого Д. М. Пожарского), издан [11]. Зимин широко привлекает данные пространной редакции, показывая при этом имеющиеся в ней фактические, хронологические ошибки, сравнивает ее записи с данными других источников.

Помимо разрядных книг, привлечены родословные, посольские книги, Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в., актовый материал, духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, многие летописи и хронографы, синодики и вкладные книги монастырей, другие источники. Все они при взаимном дополнении и проверке дают автору возможность проследить судьбы родов, имевших своих представителей в Думе.

Главная задача публикуемой книги — через призму судеб княжат и бояр показать процесс их перемещения в Москву, формирования правящей аристократической верхушки, выявить баланс политических сил, представленных в Боярской думе, высшем органе управления при особе монарха — великого князя. Боярская дума, как показывает Зимин, с одной стороны, стала средоточием честолюбивых устремлений, политических расчетов различных группировок феодальной знати, рассчитывавших на милости верховного правителя; с другой — давала последнему возможность использовать борьбу этих «партий» для укрепления самодержавной власти, приближать или удалять их представителей в своих политических целях. При всем том великий князь и Дума осуществляли общий курс, направленный на усиление централизации, позиций правящего класса феодалов.

В первой части книги речь идет о судьбах титулованной знати, ее позициях в Боярской думе. Это старомосковские княжата, *потомки Гедиминовичей, Звенигородских, Стародубских, Оболенских*, старшие представители которых, как показывает Александр Александрович, постепенно мельчают, расползаются по уделам, сходят с исторической авансцены. В силу родового принципа продвижения по лестнице чинов дети старшего из братьев (сыновей умершего великого князя) уступали «место» своим дядьям, а сами вынуждены были искать его в удельных княжениях.

Далее Зимин прослеживает по источникам, как потомки князей Северо-Восточной Руси — ростовских, суздальских, ярославских — постепенно теряют свои суверенные права на владения, все более мелкие с течением времени; князей включают в Боярскую думу, доверяют руководство армией и властью на местах, хотя стараются не допускать к центральному управлению.

Попадают в Думу представители тверской и рязанской знати.

[10] *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962.

[11] Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977. Т. 1, ч. I—II.

Относительно Рязанского княжества, равно как и Стародубского, Новгород-Северского, которые довольно долго сохраняли свое полусамостоятельное положение, Зимин отличает их стратегическое значение для Москвы — для прикрытия с юга от нападений крымцев и других кочевников.

Особое, промежуточное — между удельными князьями и боярством — положение занимали так называемые служилые князья. Их владения, как показывает Александр Александрович, были наследственными вотчинами, которые они получали от великого князя под условием несения военной службы; в то время как удел — часть общерусских земель, завещанных великим князем своим прямым потомкам. Как отмечает автор, если удельные князья имели хотя бы формальное право занять великокняжеский престол (что и происходило во время феодальной войны второй четверти XV в., когда удельные галичско-звенигородские князья претендовали на московский великокняжеский стол, более того, временно занимали его, выгнав великого князя Василия II Темного из Москвы), то княжата-слуги не смели об этом и мечтать, поскольку их княжения находились полностью под суверенитетом великого князя московско-владимирского, потом — «великого князя всея Руси». Служилых княжат — Шемячичей, Стародубских, Воротынских, Бельских, Глинских, Мстиславских, хотя они были «честнее» породой старомосковских бояр, довольно долго, до конца 1520-х годов, не допускают в Думу, к посольским делам.

Вторая часть книги посвящена нетитулованной знати, ее роли в деятельности Боярской думы. Прежде всего Зимин останавливается на службах Протасьевичей, Ратшичей, Кобылиных, Сабуровых, Плещеевых — фамилий, возвысившихся в Москве еще в первой половине XIV в. Тесно связанные экономическими интересами с Москвой (их владения располагались по Подмосковью, ближнему и дальнему), будучи в составе Государева двора, они были кровно заинтересованы в централизации, усилении Русского государства, его территориальном расширении.

Далее идут фамилии, поднявшиеся в конце XIV—начале XV в.: Редегины, Всеволож-Заболоцкие, Морозовы, Старковы; наконец, роды, пополнившие Думу в XV—начале XVI в.: Кутузовы, Новосильцевы, Басенковы, тверские и рязанские бояре, выезжие иноземцы Траханиоты, Ласкарисы и др. Все они, как прослеживает Зимин, продвигались наверх благодаря личным качествам, преданности великому князю, фавору. Немалую роль в возвышении «новых людей» сыграла та же феодальная война второй четверти XV в., которая свела на нет влияние сторонников звенигородских и прочих князей — смутьянов, выдвинула вперед преданных московскому правителю людей.

Детальный историко-генеалогический анализ состава русской феодальной аристократии дает Зимину возможность обобщить богатейший материал, им препарированный, в обширном заключении. По его наблюдениям, в работе Боярской думы принимали участие представители двух думных чинов — бояре и окольничие,

а также лица дворцовой администрации (печатники, дворецкие, казначеи, конюшие и др.). Чин думных дворян оформляется только в 1560-е годы, до этого в думных дворянах бывали, и то лишь изредка , фавориты великого князя Василия III (И. Ю. Шигона Поджогин) и царя Ивана IV (А. Адашев, И. Вешняков).

В обобщенном виде автор характеризует состав Думы на протяжении всего рассматриваемого времени, отмечает малейшие в нем изменения, связывает их с теми или иными политическими, военными событиями, позицией, устремлениями московских правителей, борьбой между княжеско-боярскими группировками за власть и влияние. Постоянным было, как отмечает Зимин, стремление московских великих князей пополнить ряды своих ближайших советников из числа деятелей, которые пользовались их особым доверием, в частности из представителей старомосковской нетитулованной знати.

С помощью последовательной политики подчинения Москве князей Северо-Восточной и Юго-Западной Руси, их включения в состав Боярской думы великокняжеская власть успешно, хотя и не без осторожности, вела борьбу с пережитками феодальной раздробленности. Происходил, по наблюдениям Александра Александровича, процесс трансформации титулованной аристократии из полусамостоятельных правителей в советников великого князя всея Руси. Из представителей, обломков княжеских и боярских фамилий, вышедших из земель эпохи феодальной раздробленности, которые влились в состав Русского государства, складывалось постепенно феодально-аристократическое сословие. Этот процесс предвещал появление в середине XVI в. сословно-представительной монархии в России.

Здесь же Зимин выявляет наличие и упадок удельных Боярских дум — тверской, дмитровской, угличской, волоколамской, вологодской, ростовской, старицкой и др., которые «были в своем роде миниатюрной копией московской». Родство и свойство удельных бояр с московскими (как и удельных князей с великим князем всея Руси) способствовали ослаблению позиций удельных правителей, безболезненному падению самой удельной системы.

Остроумно и убедительно опровергает Зимин традицию, идущую от Григория Котошихина, согласно которой московские бояре — это некая безликая масса людей бесталанных, бездарных, сидящих в Думе, «брады уставя» и никакого дела не разумея. Он с полным правом выделяет из их среды выдающихся военачальников — «удалого воеводу» Ф. В. Басенка (победы над Дмитрием Шемякой в годы его борьбы с Василием II Темным), кн. Д. Д. Холмского (новгородские походы 1470-х годов, победа над Ахмедханом в 1480 г. на р. Угре, взятие Казани 1487 г.), кн. Д. В. Щеню из Гедиминовичей (блестящие победы 1500 г. под Ведрошей над литовцами, под Гельмедом над Ливонским орденом, взятие Смоленска в 1514 г. и др.) и т. д. Далее идут выдающиеся администраторы — из Шуйских, Ростовских, Горбатых, Захарьиных; дипломаты — Ф. И. Карпов, Ю. Д. Траханиот, Д. В. Ховрин и др.

Очень интересна у Зимина и характеристика местничества, порядка назначения на должности. Разбирая имеющиеся известия источников (местнические «памяти», разряды, родословцы, летописи, местнические дела и др.), он приходит к выводу, что следы существования местничества во второй половине XV—первой трети XVI в. весьма незначительны. Причем сначала оно носило служилый, а не родовой характер: старомосковские бояре не могли равняться в знатности с княжатами, поэтому они «считались» между собой службами, так как их происхождение не давало оснований для более «высокого места» одного рода сравнительно с другим. Только со вхождением служилых княжат в Думу в годы «боярского правления» представители старомосковского боярства начали с ними «считаться местами», так как те и другие сравнялись по своему положению.

Очень важны наблюдения Александра Александровича относительно практической деятельности Боярской думы, которая играла наряду с великим князем большую роль в осуществлении законодательных, судебных, военно-административных функций центральной власти. Но она, как показывает автор, редко заседала в полном составе (члены Думы служили наместниками, исполняли дипломатические и иные поручения, попадали в опалу и т. д.). В ее работе, помимо собственно бояр, участвовали окольничие, члены дворцовой администрации. Многие дела великий князь поручал «боярским комиссиям», в которые, помимо одного или нескольких бояр, входили дворецкие, казначеи и прочие представители дворцового ведомства, дьяки, наконец, лица, которым только на время (например, в ходе посольских переговоров) присваивали («сказывали») чин боярина. В конечном счете положение чинов Думы, их роль в формировании и проведении политики зависели от воли великого князя. Только в малолетство Ивана IV Боярская дума стала играть решающую роль во всех делах. Но и это, как известно, продолжалось недолго.

По своим общеисторическим выводам публикуемая книга Зимина близка к его же «Опричнине Ивана Грозного» и другим работам, в которых он пересматривает традиционные тезисы о завершении создания в России в XVI в. централизованного государства, показывает, что главная линия его внутреннего развития пролегала не по пути противоборства «боярства и дворянства» (а на дворянство опиралась-де великокняжеская, царская власть в борьбе с княжеско-боярской аристократией), а в борьбе с пережитками, остатками удельной старины, децентрализации. И в этом, как он пишет в публикуемом исследовании, крепнущее российское самодержавие находило опору среди прочих социальных сил, и в старомосковском боярстве, и в служилых княжатах, которые постепенно и неуклонно подчинялись власти московских государей. Так историко-генеалогическое исследование, биографический справочник превращаются в фундаментальный труд с важными, во многом новыми наблюдениями и выводами общеисторического характера.

Зимин всю жизнь не покладая рук собирал знания, факты по истории России, обрабатывая их, занимаясь историописанием, создавая портреты исторических деятелей и целых эпох, он всегда оставался глубоким исследователем, тонким аналитиком, чутким на новые, неожиданные оттенки в сообщениях источников, их ошибки, противоречия, недоговоренности.

Творческий, исследовательский дар, присущий Александру Александровичу, раскрывается в его книгах и статьях, он передал его своим ученикам, последователям, ибо был убежден, что наука истории никогда не остановится в своем движении, пока жив род человеческий. За несколько дней до кончины, когда многочисленные ученики собрались у него в доме, они по его просьбе рассказывали о своем пути в науку. И он, знавший, что конец его жизни недалек, был искренне счастлив, сознавая, что молодые и не очень молодые ученые, его последователи, продолжают его дело сейчас и продолжат в будущем.

... Сорок лет тому назад в нашу небольшую студенческую аудиторию в утренний час семинарских занятий на втором курсе Московского государственного историко-архивного института вошел невысокий, худощавый, молодой (теперь я это понимаю!) человек, с бородой. И в первое, и в последующие занятия речь шла о старинных актах, клаузулах, а за ними, как мы быстро поняли со слов А. А. Зимина, стояли реальные люди — крестьяне с их болью и нищетой, бояре, князья с их привилегиями и богатством. Тесные стены комнаты в сознании моем раздвигались вширь, возникала обширная панорама жизни русского народа в далеком прошлом, и все это — по воле волшебника, чародея, который казался мне, тогда юноше 18—19 лет, мудрым и всеведущим старцем. А «старцу» в ту пору было 27 лет! Он выглядел в моих глазах, и,думаю, не только в моих, олицетворением науки истории, научного знания, исследовательского поиска. Завораживали его тонкое, одухотворенное лицо и глаза, пытливые, углубленные в свой внутренний мир видений и образов, то серьезные, то вдруг веселые, насмешливые. Лицо и глаза Ученого.

Авторитет Зимина среди нас, студентов, начинающих ученых, был непререкаем. Шли годы, бывшие слушатели Александра Александровича защищали кандидатские и докторские диссертации, публиковали статьи и книги. И всех их сопровождали в науке мудрые и проницательные глаза Зимина, его то доброе, поощрительное внимание, то строгое, требовательное отношение — смотря по тому, что и как делали в науке его ученики и последователи, друзья и коллеги.

Когда люди стареют, разница в возрасте, как известно, сглаживается. Научные работники моего поколения, и я в том числе, по прошествии двух-трех десятков лет стали, как и Александр Александрович, докторами наук, профессорами. Некоторые имели счастье быть с ним в хороших, добрых отношениях, перешли на «ты». Разница в 7—8 лет, которая сорок лет назад казалась огромной, потом «исчезла». Но не исчезли и не могли исчезнуть

уважение, пиетет, восхищение перед могучим, ищущим, беспокойным талантом исследователя, учителя, человека. Эти чувства — в нас, они будут с нами всю жизнь, ибо такова сила таланта, такова власть науки истории над всеми, кто ищет правды и добра.

* * *

При подготовке рукописи книги к печати был проверен научно-справочный аппарат, переведены на новейшие издания ссылки на некоторые источники. Многие сноски были объединены.

Включенные в книгу генеалогические таблицы составлены А. А. Зиминым [12]. В их основу положены древнейшие редакции официальных родословных книг, в том числе Типографский родословец (конец XV в.) [13], Летописная и Румянцевская редакции (40-е годы XVI в.) [14] и Государев родословец 1555 г. (по Бархатной книге) [15]. В каждой из них есть дополняющие друг друга данные и вместе с тем дефекты, вызывающиеся различными причинами. Это не позволяет предпочесть ни одну из названных редакций. В ряде случаев легендарные части родословий опускаются, ибо вопрос об их достоверности — предмет специальных исследований, лежащих за рамками настоящего труда.

Родословные таблицы доводятся, как правило, до поколения, деятельность которого протекала в конце 30—50-х годах XVI в. Поколение, помещенное в Тысячную книгу 1550 г. и Дворовую тетрадь 50-х годов XVI в., в таблицах обычно не фиксируется.

Формула родословных книг «бездетен», означающая отсутствие сыновей, обозначается в тексте «б/д».

При подготовке рукописи из таблиц в целях экономии места был исключен фактический материал, который можно найти в тексте книги. Сами таблицы были переведены в более удобную для издания графическую форму. Если все поколения одного рода не умещаются в одной таблице, она делится на разделы. При именах тех лиц, которые показаны родоначальниками в следующем разделе таблицы, в скобках проставлен номер этого раздела. Некалендарные имена и прозвища, служившие обычно основой для родовых прозваний ветвей княжеских и боярских фамилий, выделены шрифтом.

В примечаниях к таблицам даются сокращения:

Б — Бархатная книга. Р — Румянцевская редакция.
Л — Летописная редакция. Т — Типографский родословец.

Рукопись подготовлена к печати В. Г. Зиминой и В. Б. Кобриным. Были учтены замечания С. М. Каштанова и А. И. Плигузова. Именной указатель составлен В. Б. Кобриным.

В. И. Буганов

[12] Характеристика источников генеалогических таблиц принадлежит перу А. А. Зимина.
[13] ПСРЛ. Т. 24. С. 227—234.
[14] Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2.
[15] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... (Бархатная книга). М., 1787. Ч. 1—2.

Введение

Марксистская концепция истории России XVI—XVII вв. дана в трудах В. И. Ленина. Рассматривая русский исторический процесс в аспекте истории общественно-экономических формаций, Ленин характеризовал «эпоху московского царства» как время, когда не были еще изжиты следы феодальной автономии отдельных земель-княжений, когда бояре ходили в походы со своими войсками. Только «новый период» истории России, начинающийся около XVII в., характеризуется действительным слиянием земель в единое целое. Основой этого процесса было складывание единого всероссийского рынка [1]. Изучая развитие форм Русского государства в новый период истории, Ленин отмечал, что «монархия XVII века с боярской думой» или «русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией» [2] отличалось от самодержавия XVIII в. с его бюрократией, но обе формы государства представляли собой его движение по направлению к буржуазной монархии. В ленинской концепции русского исторического процесса феодального периода боярской аристократии и Боярской думе уделяется значительное место. Бояре и Боярская дума рассматриваются Лениным как явления, характерные для социальной и политической структуры России XVI—XVII вв., имевшей много черт, восходящих ко времени феодальной децентрализации. Ленинская концепция русского исторического процесса явилась методологической посылкой, от которой отправляются советские ученые в трудах по истории России.

В фундаментальных исследованиях Л. В. Черепнина по истории создания Русского государства в XIV—XV вв. обстоятельно вскрыты социально-экономические предпосылки объединительного процесса на Руси, изучены его ход и основные черты государственного аппарата XIV—XV вв. Особенно важны принципиальные положения Черепнина, касающиеся анализа первостепенных по значению документов — духовных и договорных грамот великих и удельных князей, жалованных и правых грамот [3].

Для понимания истории Москвы XIV—XV вв. как крупного феодального города и центра складывающегося единого Русского государства, характеристики черт феодальной обособленности отдельных русских земель (в том числе на примере Дмитровского княжества) большое значение имеют исследования М. Н. Тихомирова [4]. Первостепенны по важности для выяснения роли Боярской думы и боярской аристократии в процессе строительства

единого государства и аппарата власти труды С. Б. Веселовского по истории боярских родов XIV—XVI вв.[5] Необычайно широк круг привлеченных им источников: наряду с летописями и княжескими духовными и договорными грамотами он впервые использовал многочисленные актовые материалы (в первую очередь из архива Троице-Сергиева монастыря), родословные книги, синодики и вкладные книги монастырей. Топономические разыскания Веселовского позволили установить районы вотчинного землевладения боярских семей XIV—XV вв. Генеалогическая интерпретация разрозненного материала позволила создать серию научно обоснованных очерков важнейших родов нетитулованной знати Русского государства XIV—XVI вв. Основное внимание Веселовский уделял истории боярства XIV—первой половины XV в. Сведения, относящиеся к более позднему периоду, как правило (исключая работу «Род и предки Пушкина»), привлекались им выборочно. Повлияло на его выводы и то, что он недостаточно критически отнесся к Шереметевскому списку думных чинов, хотя в отдельных случаях корректировал его интересными соображениями.

К истории старого московского боярства обратился Н. Е. Носов. Ценны его наблюдения о генеалогии и деятельности князей Пенковых, игравших заметную роль в государственном аппарате первой трети XVI в. Он убедительно показал, что боярство в первой половине XVI в. нельзя считать силой, препятствующей объединительной политике великокняжеской власти [6]. Другие исследователи также высказали сомнения в том, что политическая история XVI в. сводилась к пресловутой борьбе самодержавия с боярством, полагая, что трудно говорить и в целом о реакционном боярстве. Борьба шла с пережитками феодальной раздробленности, в первую очередь с уделами и обособленностью церкви [7]. Словом, настало время для того, чтобы обстоятельно изучить состав и функции Боярской думы в период ее оформления.

Генеалогией боярских родов XIV—XVI вв. занимался ряд исследователей: И. А. Голубцов, С. М. Каштанов, В. Д. Назаров, М. Е. Бычкова, В. С. Шульгин, Б. Н. Флоря, С. О. Шмидт [8]. Изменения в составе Боярской думы можно понять только при анализе их в общей системе внутри- и внешнеполитических мероприятий русского правительства. Этим сюжетам посвящены монографические исследования К. В. Базилевича и С. М. Каштанова [9].

Для ретроспективного подхода к изучению истории формирования состава Боярской думы следует учитывать итоги исследования политической истории России времени Ивана Грозного (см. труды С. Б. Веселовского, И. И. Смирнова, В. Б. Кобрина, Р. Г. Скрынникова, С. О. Шмидта и других ученых). Новые материалы и свежие соображения по истории государственных учреждений 40—50-х годов XVI в. содержатся в статьях и публикациях В. Д. Назарова [10].

Настоящее исследование является плодом разысканий, которые автор вел на протяжении двадцати с лишним лет [11]. С рядом предварительных этюдов о государственном аппарате России

второй половины XV—первой трети XVI в. автор уже выступал в печати. В настоящей работе частично использован материал этих публикаций. Хронологические рамки исследования определяются завершающим этапом складывания единого Русского государства, т. е. второй половиной XV—первой третью XVI в. Для удобства изложения берутся условные даты — 1462 г. (вступление Ивана III на престол) — 1538 г. (начало княжеско-боярских усобиц).

* * *

Основной комплекс источников работы составляют разрядо-родословные материалы официального происхождения. Использовавшиеся в практических целях (при назначении на военно-административные должности, в случаях возникновения местнических споров и т. п.), они содержали, как правило, точные сведения и о родовых взаимоотношениях феодальной знати, и о придворных чинах.

Как бы остовом, по которому восстанавливается генеалогия боярских родов, является Государев родословец 1555 г.[12] В нем содержатся сведения о чинах и связях с уделами многих из упоминаемых лиц. Указания на думные и дворцовые должности важны для проверки других источников. Пропуски этих данных падают главным образом на XV в. К сожалению, хронология при таких упоминаниях самая общая: «был у великаго князя Ивана Васильевича боярин» или «был у великаго князя Василья Ивановича казначей» и т. п. Государев родословец — памятник официального и сравнительно раннего происхождения, хотя и не первоначальный опыт составления родословных книг. В Летописной редакции родословных книг, составленной в 40-х годах XVI в., особенный интерес представляет содержащая много сведений о службах роспись Сорокоумовых-Глебовых (очевидно, семейного происхождения). Предшествует Государеву родословцу и Румянцевская редакция родословных книг тех же 40-х годов XVI в.[13] Сведения Государева родословца о боярах и окольничих, не имеющие параллелей в других источниках, не могут быть отброшены, ибо источники второй половины XV—первой трети XVI в. фрагментарны, а Государев родословец — памятник, отличающийся достоверностью[14]. Он составлен на основе устных свидетельств самих представителей придворной знати, которые были проверены и пополнены в Разряде. Точность их не подлежит сомнению, ибо лица, жившие в 30—50-е годы XVI в., имели отчетливое представление о поколениях своих дедов и прадедов, деятельность которых падала на вторую половину XV в.

Наиболее конкретные и также точные сведения о лицах с думскими чинами содержит Государев разряд (или краткая редакция разрядных книг), составленный в 1556 г. В разрядные книги заносились прежде всего известия о назначении воевод «в полки». Поэтому в Государевом разряде упоминается о думных чинах только тех лиц, которые получали назначения на военную службу.

второй половины XV—первой трети XVI в. автор уже выступал в печати. В настоящей работе частично использован материал этих публикаций. Хронологические рамки исследования определяются завершающим этапом складывания единого Русского государства, т. е. второй половиной XV—первой третью XVI в. Для удобства изложения берутся условные даты — 1462 г. (вступление Ивана III на престол) — 1538 г. (начало княжеско-боярских усобиц).

* * *

Основной комплекс источников работы составляют разрядо-родословные материалы официального происхождения. Использовавшиеся в практических целях (при назначении на военно-административные должности, в случаях возникновения местнических споров и т. п.), они содержали, как правило, точные сведения и о родовых взаимоотношениях феодальной знати, и о придворных чинах.

Как бы остовом, по которому восстанавливается генеалогия боярских родов, является Государев родословец 1555 г.[12] В нем содержатся сведения о чинах и связях с уделами многих из упоминаемых лиц. Указания на думные и дворцовые должности важны для проверки других источников. Пропуски этих данных падают главным образом на XV в. К сожалению, хронология при таких упоминаниях самая общая: «был у великаго князя Ивана Васильевича боярин» или «был у великаго князя Василья Ивановича казначей» и т. п. Государев родословец — памятник официального и сравнительно раннего происхождения, хотя и не первоначальный опыт составления родословных книг. В Летописной редакции родословных книг, составленной в 40-х годах XVI в., особенный интерес представляет содержащая много сведений о службах роспись Сорокоумовых-Глебовых (очевидно, семейного происхождения). Предшествует Государеву родословцу и Румянцевская редакция родословных книг тех же 40-х годов XVI в. [13] Сведения Государева родословца о боярах и окольничих, не имеющие параллелей в других источниках, не могут быть отброшены, ибо источники второй половины XV—первой трети XVI в. фрагментарны, а Государев родословец — памятник, отличающийся достоверностью [14]. Он составлен на основе устных свидетельств самих представителей придворной знати, которые были проверены и пополнены в Разряде. Точность их не подлежит сомнению, ибо лица, жившие в 30—50-е годы XVI в., имели отчетливое представление о поколениях своих дедов и прадедов, деятельность которых падала на вторую половину XV в.

Наиболее конкретные и также точные сведения о лицах с думскими чинами содержит Государев разряд (или краткая редакция разрядных книг), составленный в 1556 г. В разрядные книги заносились прежде всего известия о назначении воевод «в полки». Поэтому в Государевом разряде упоминается о думных чинах только тех лиц, которые получали назначения на военную службу.

Текст его источников (разрядных росписей и др.) был значительно сокращен. Поэтому многие сведения выпали. Особенно фрагментарно представлены разрядные записи раннего периода (они начинаются октябрьской записью 1475 г.) [15]. Государев родословец и Государев разряд являлись основными справочниками при местнических счетах служилых людей, поэтому к их составлению дьяки Разрядного приказа подходили крайне осмотрительно.

В какой-то степени пропуски Государева разряда компенсируются пространной редакцией разрядных книг [16]. Но эта редакция, сохранившаяся в позднейших списках, компилятивна и составлена в первой половине XVII в., хотя некоторые ее источники восходят к раннему времени. Интересны в ней сведения о назначении наместников и общеисторического характера. Так как ранние сведения для создателя пространной редакции, по существу, не имели практического (местнического) значения, то при упоминании о боярских чинах тех или иных лиц он допускал много погрешностей, именуя боярами (при первом упоминании) тех княжат, которые получили звания позднее. В редакции содержатся дублирующие разряды под разными годами и т. п. Словом, источник нуждается в тщательной проверке.

В разрядных книгах помещены также свадебные разряды членов великокняжеского семейства (свадьбы кн. В. Д. Холмского 1500 г., кн. В. С. Стародубского 1506 г., Василия III 1526 г., кн. Андрея Ивановича Старицкого 1533 г.). Эти памятники дают представление о придворной знати, участвовавшей в свадебных торжествах. Подлинники свадебных разрядов изучаемого периода почти не сохранились. Сравнительно полный, но очень плохо изданный текст разряда свадьбы кн. В. Д. Холмского 1500 г. вообще ускользал из поля зрения исследователей [17]. Разрядные книги содержат упоминания о местнических делах и несколько ранних памятей местнического характера. Единственная правая грамота начала XVI в. (1504 г.) П. М. Плещеева — П. Г. Лобана Заболоцкого[18] представляла такой интерес для правительства, что хранилась в Государственном архиве и упоминалась в его описи.

Делопроизводство Боярской думы велось государевыми дьяками. Специального архива у Думы не было, поэтому о деятельности бояр и боярских комиссий (посольских и судебных) можно судить по материалам, отложившимся или в делах, касающихся внешнеполитических сношений России, или по поземельным актам из архивов монастырей-вотчинников. Дошел до нас только один приговор Боярской думы (1520 г.), хранившийся, очевидно, в Государственном архиве. Его опись, отразившая сведения об утраченных документах, проясняет некоторые биографические данные о членах боярских семей [19].

К упоминаниям о «боярстве» тех или иных лиц, отправлявшихся в посольства или ведших дипломатические переговоры в Москве и зафиксированных посольскими книгами, которые, однако, не старше самого конца XV в.[20], нужно относиться с осто-

рожностью, так как в ряде случаев чин на время выполнения дипломатического поручения «прибавлялся». В международных договорах и дипломатической переписке, хранящихся в зарубежных архивах, интересны сведения о боярах и наместниках тех городов, которые лежали на пути следования дипломатических миссий (Смоленск, Вязьма, Стародуб, Рязань, Псков и др.) [21].

Родовые, поземельные и служилые связи многих представителей боярских родов позволяют ретроспективно восстановить Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в., содержавшие списки служилых людей, составлявших Государев двор середины XVI в. Представление о земельных владениях знати расширяют и новгородские писцовые книги конца XV—начала XVI в.[22]

Очень важным источником по истории господствующего класса являются актовые материалы по истории феодального землевладения и внутренней политики России XV—первой трети XVI в., из числа которых изданы все акты до 1504 г., а также грамоты Московского митрополичьего дома, Иосифо-Волоколамского монастыря, Троице-Сергиева монастыря за 1505—1526 гг., Симонова монастыря и др.[23] Свод сведений об иммунитетных грамотах XVI в. содержит работа С. М. Каштанова [24]. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей сообщают сведения о боярах XIV—XV вв., редко известных по другим источникам, но отнести их к определенным лицам нелегко, так как в этих грамотах редко упоминаются фамилии.

Небольшой комплекс записей, содержащих извлечения из полных грамот XV—XVI вв., помещен в так называемых новгородских ретроспективных кабальных книгах конца XVI в. В записях содержатся сведения о докладе грамот наместниками. Е. И. Колычевой удалось уточнить место и время составления целого ряда этих записей [25].

Среди поземельных актов для целей нашего исследования особенно существенны правые грамоты и судные списки, содержащие «доклады» спорных дел великому князю в присутствии «бояр». Однако в актах второй половины XV в. только изредка указывалась точная дата, и их датируют по косвенным данным одним-двумя десятилетиями. К тому же за формулой «А на суде были бояре» не всегда следует перечень бояр в узком смысле слова. Иногда называются лица, входившие в боярскую коллегию, формально они могли не быть боярами, но должны были обладать «судом боярским». В их состав входили дворецкие и другие лица дворцовой администрации, а иногда и просто представители феодальной аристократии. Так, постельничий И. Д. Бобров был администратором «с судом з боярским и в Думе был» [26]. Трудно согласиться с Б. Н. Флорей, будто в конце XV в. «боярами» стали называться лишь крупные феодалы, «члены Боярской думы». Ведь «боярами» назывались не только члены Боярской думы. Более реально мнение В. Д. Назарова, писавшего, что термин «бояре» имел и широкое значение: так называли лиц, имевших право

боярского суда и выполнявших «иные „боярские" службы» [27]. Термин «боярин» в действительности имел в XIV—XV вв. и еще более расширенный смысл: им обозначались светские землевладельцы; отсюда формула кормленых грамот: «и вы бояре и слуги, все люди того пути» [28].

С той же трудностью, проистекающей из неопределенности терминологии, исследователь сталкивается, когда он пользуется летописными и публицистическими произведениями. Термин «бояре» в них часто употребляется просто для обозначения лиц, приближенных к великому князю (в частности, и для окольничих). Поэтому каждый конкретный случай упоминания в летописи о «боярах» должен быть по возможности сопоставлен с другими источниками.

Некоторые летописные памятники содержат чисто генеалогический материал. Так, в Типографской летописи находятся родословные заметки о знатнейших московских родах, составленные в конце XV в. в Троице-Сергиевом монастыре. В Продолжении Русского хронографа редакции 1512 г. под 1498 г. помещен список думных чинов [29]. В синодиках Успенского собора, Симонова монастыря, Иосифо-Волоколамского [30] и вкладных книгах Троице-Сергиева монастыря 1673 г. и Иосифо-Волоколамского монастыря [31] встречаются как сведения о родовых взаимоотношениях представителей феодальной аристократии, так и данные биографического характера (в частности, даты смерти).

Историки прошлых лет для изучения состава Боярской думы широко и без необходимой критики использовали сведения так называемого Шереметевского списка (далее — Ш) думных чинов (с 1462 по 1676 г.), содержащего многочисленные погрешности, отмеченные еще Н. П. Лихачевым, С. Б. Веселовским и др. Список Ш появился в конце XVII в. в результате работы приказных деятелей над материалами позднейших редакций разрядных книг [32]. Он содержит погодные перечни лиц думной и дворцовой администрации, сгруппированные под двумя рубриками: «сказано» и «умре». Сведения эти появились, скорее всего, на основании первых упоминаний тех или иных лиц с думными чинами (когда по интерпретации составителей списка им и был «сказан» чин) и на основании предположений, что боярин или окольничий должен был умереть на следующий год после последнего упоминания в разрядах. Все эти толкования далеко не всегда отражали реальное положение вещей, особенно для раннего периода, когда разрядные книги дают сравнительно мало материала. Кроме того, в тех редакциях разрядных книг, которыми пользовались составители списка Ш, представители многих княжеств и боярских фамилий, жившие в конце XV—начале XVI в. и не имевшие думных чинов [33], были ошибочно поименованы боярами. Эта ошибка проникла и в Шереметевский список. Не влияет существенно на общую картину ряд непроверенных данных о думных званиях Бутурлиных, Плещеевых, Сабуровых [34] и некоторых других лиц. Ошибочность этих сведений в какой-то степени корректируется Государевым

родословцем, в котором о думных чинах перечисленных выше «бояр» списка Ш ничего не говорится.

Полностью выявить источники списка Ш не удается. Кроме разрядных книг, его составители, несомненно, пользовались летописью (в частности, оттуда взяты некоторые данные о боярах, участниках новгородских походов Ивана III, а также, вероятно, об убийстве в 1530 г. Ф. В. Телепнева и И. А. Дорогобужского, о бегстве в Литву в 1534 г. С. Ф. Бельского и И. В. Ляцкого и т. п.). Для сведений о дворцовых чинах ими использованы были списки типа Беляевского [35]. Возможно, привлекались родословные книги. Использовались также материалы, неизвестные в настоящее время. Они не могли быть плодом «реконструкции» составителей, так как проверяются иными, недоступными составителям источниками (сведения об окольничестве С. Б. Брюхо Морозова, Б. В. Кутузова, И. Г. Мамона, Ю. И. Кутузова, Т. М. Плещеева, о которых разряды молчат). Словом, поиски источников списка Ш нужно продолжить.

* * *

Боярская дума в изучаемое время состояла из двух думных чинов — бояр и окольничих. Первый думный чин (боярин) корнями уходит в глубокую старину [36]. Происхождение второго (окольничего) не вполне ясно. Этимологически термин восходит к слову «около», а отсюда «окольный» в смысле «приближенный». «Околицей» также называлось место, расположенное по соседству (с городом), земельный округ [37]. Впервые «окольничий» упоминается в грамоте 1284 г. смоленского князя Федора Ростиславича по судному делу о колоколе. Смоленский окольничий упоминается и много позже (в конце XV в.). Он был одним из представителей судебно-административной рады при смоленском наместнике — воеводе [38]. В Рязани окольничие упоминаются впервые через сто лет после Смоленска. В грамоте 1371 г. князя Олега Ивановича говорится: «бояре со мною были Софоний Алтыкулачевич... Юрьи околничий, Юрьи чашьник» и другие лица. По грамоте кн. Ивана Федоровича (около 1427—1456 гг.), выданной князем вместе с его окольничим Григорием Давыдовичем и чашником [39], запрещалось волостелям въезжать в «околицу» (село и землю) Бузолевых. Григорий Давыдович происходил из старинной рязанской боярской фамилии. Бытование в Рязани терминов «окольничий» и «околицы», очевидно, находилось во взаимосвязи.

«Околичники» грамоты белозерского князя Михаила Андреевича (1448—1470 гг.) — это княжеские слуги типа дворян. Они могли ведать околицами. «Околичник» упоминается в Правосудии митрополичьем, памятнике XV в., скорее всего новгородского происхождения [40].

У кн. Владимира Андреевича серпуховским наместником и окольничим был Яков Юрьевич Новосилец, в 1374 г. отстраивавший столицу Серпуховского удельного княжества. В Серпухове, как и в Рязани, «околицами» также называли сельские поселения. Так, князь Владимир около 1400—1409 гг. пожаловал свою жену

Лужей «со всеми слободами и с волостми и с околицами и с селы» [41].

В Северо-Восточной Руси «окольничий» (Онанья) впервые упоминается в докончании детей Ивана Калиты конца 40-х—начала 50-х годов XIV в. среди лиц, присутствовавших при составлении этого акта. Около 1373 г. окольничий Тимофей (из рода московских тысяцких Протасьевичей) был первым среди послухов духовной Дмитрия Донского. В 1378 г. он участвовал в битве на р. Воже, а в 1380 г. стоял с войсками на р. Лопасне [42]. По С. Б. Веселовскому, в XIV в. существовал только один великокняжеский окольничий, который «был как бы квартирмейстером армии и церемониймейстером великокняжеского двора» [43]. Данные для этого вывода о первоначальных функциях окольничего, к сожалению, у нас недостаточны. Может быть, первоначально была какая-то связь между окольничим и позднейшим дворецким, но это только вопрос для изучения. На некоторое время термин «окольничий» исчезает с горизонта. О причинах этого что-нибудь сказать трудно. Возможно, они как-то связаны с падением семьи московских тысяцких при великокняжеском дворе. «Окольничий» снова появляется в источниках в конце XV в. В разрядах во время *похода Ивана III «миром» в Новгород в 1475 г. после бояр* называются два окольничих: Андрей Михайлович Плещеев и Иван Васильевич Ощера. Во всяком случае, до 1490 г. число окольничих не превышало трех. Об их функциях писал С. Герберштейн: «окольничий представляет собою претора или судью, поставленного государем, кроме того, этим именем называется главный советник, который всегда пребывает при государе» [44]. В этом определении принадлежность окольничих к ближайшему окружению великого князя и участие их в судопроизводстве подмечены верно.

В заседаниях боярских комиссий принимали участие не только думные чины, но и деятели государева дворца (дворецкие, конюшие и др.) и великокняжеской канцелярии — казны (казначеи, печатники). Поэтому изучение состава Боярской думы нужно проводить в тесной связи с изучением деятельности лиц дворцовой администрации.

При изучении личного состава Боярской думы второй половины XV—первой половины XVI в. нельзя абстрагироваться от проблемы Государева двора, изучаемой ныне специально В. Д. Назаровым и Г. Алефом [45].

Государев двор в XV в. был той основной социальной силой, на которую опиралась власть московских великих князей. Из состава Государева двора черпались кадры для замещения важнейших административных должностей, а также выходили наиболее видные русские военачальники. Государев двор складывался на протяжении многих десятилетий. В него входили три элемента. Первый — князья, находившиеся на московской службе с XIV в. (Гедиминовичи, Оболенские, Ряполовские). Второй — бояре, как правило также издавна связанные с Москвой (Кошкины, Моро-

зовы, Челяднины, Хромые и др.). Третий элемент — дети боярские. Это представители тех же боярских родов или боковых ветвей, а также новые слои: во-первых, местные землевладельцы, выдвинувшиеся благодаря службе, как ратной, так и административной; во-вторых, выходцы из-за рубежа или перебежчики из других княжений и, в-третьих, представители других сословий, связавшие свою судьбу со службой государю и обеспеченные за это вотчинами и поместьями (дети и родичи великокняжеских дьяков, всевозможные администраторы, иногда из «поповичей» и холопов).

Среди 304 полковых воевод разрядных книг времени правления Василия III (1505—1533) из княжеских родов происходило 187 человек (61,5 %). Среди 117 нетитулованных воевод 87 человек, т. е. более $^{3}/_{4}$, происходили из родов XIV в.[46] Исконные связи нетитулованной части Государева двора с Москвой не подлежат сомнению.

Боярская дума, совет при великом князе, выросла из верхушки Государева двора. В изучаемое время термин «Боярская дума» не упоминается. Но термин «дума» встречался под 1517 г., когда Шигона Поджогин назван сыном боярским, «который у государя в думе живет» [47]. Двор Василия Темного в 1443 г. был послан против царевича Мустафы. Этот двор обеспечил ему победу в борьбе с Дмитрием Шемякой. Осенью 1445 г. в Переславле «вси князи и бояре его и дети боярские и множьство двора его от всех градов» встречало Василия II. В заговоре против Шемяки летом 1446 г. приняли участие «многые дети боярскые двора великого князя». Весной 1449 г. они же под руководством И. В. Стриги Оболенского и Федора Басенка нанесли поражение войскам Шемяки под Костромой и в 1452 г. под Устюгом [48].

«Дети боярские, двор» Ивана III в 1467—1469 гг. участвовали в походах на Казань и Устюг, а в 1477/78 г. — на Новгород, в 1480 г. — на «немцы» [49]. Так же активен был двор в начинаниях 90-х годов (в 1491 г. — в походе на Орду, в 1495—1496 гг. — на Новгород, в 1496 г. — на Казань) [50]. Двор участвовал и в русско-литовских войнах (в 1501, 1508 и 1514 гг.) [51].

Летом 1532 г., когда предвиделся поход Сеадат-Гирея на Русь, Василий III послал на украины «княжат и дворян двора своего и детей боярских из многих городов безчислено много» [52].

Итак, пожалуй, во всех важнейших военных акциях московского правительства двор великого князя принимал самое деятельное участие. Дворянское ополчение состояло из двух частей. В первую входили местные дворянские полки костромичей, переславцев, устюжан, владимирцев и т. п.[53] — наследие периода феодальной обособленности русских земель. Вторую часть, наиболее боеспособную и преданную интересам великокняжеской власти, составлял двор [54]. В значительной степени это объясняется тем, что владения служилых людей Государева двора располагались в центральных уездах, издавна вошедших в Московское княжество. Именно эти служилые люди получали значительные пожалования поместьями после удачных войн Ивана III. В источниках

обычно различаются два элемента двора — князья и дети боярские [55], причем первая группа считалась более знатной и занимала более важные места на иерархической лестнице чинов.

Основной боевой силой Государева двора стали рядовые служилые люди, получившие наименование «дети боярские». Этим термином первоначально назывались дети вольных княжеских слуг, бояр [56]. Он упоминается в докончании Василия II с князем Василием Ярославичем 1432/33 г.[57]; в указных грамотах после 1438 г.[58]; с конца 40-х годов XV в. в жалованных грамотах в клаузуле о княжеских ездоках, которым запрещалось «ставиться» в селах и деревнях иммунистов [59]. В летописях «дети боярские» впервые упоминаются под 1433 г. в рассказе о переезде сторонников Василия II в Коломну и при описании Суходревского боя с татарами и междоусобной борьбы русских князей 1445 г.[60] В 60-х годах XV в. «дети боярские» составляли костяк Государева двора. В начале XVI в. известны дети боярские из городов и двора.

Превращение великокняжеского двора в крупную военно-служилую организацию и появление термина «дети боярские» привели к тому, что старое наименование «дворяне», применявшееся в XIII—первой половине XV в. для названия судебно-административных слуг из состава великокняжеского двора «людей дворовых», перестает на время употребляться. «Дворян» знают новгородские докончания с князьями с 60-х годов XIII в. до 1471 г., а в летописании — с конца XII в.[61] Не только в Новгороде, но и в его землях судебные и административные прерогативы дворян (вызов сторон на суд, сбор пошлин и др.) строго регламентировались [62].

До конца 70-х годов XV в. термин «дворяне» упоминается в грамотах ярославских князей. Около 1448—1470 гг. встречается он и на Белоозере, в 1462 г. — в Бежецком верхе. В основных землях Северо-Восточной Руси «дворяне» упоминаются в грамотах до 50-х годов XV в.[63] Изживание термина «дворяне» тесно связано с распространением термина «дети боярские». Этот процесс наглядно виден в истории текста клаузулы о «ездоках». Еще в 1438 и 1452 гг. «дворяне» соседствуют в ней с «детьми боярскими» [64]. Около 1451—1464 гг. наряду с «детьми боярскими» упоминаются «люди дворные» [65]. В грамотах 1463—1478 гг. изредка фигурируют уже просто «слуги» [66]. Дворян в них нет. Правда, еще раз «дворяне» в старом значении этого слова встречаются в духовной Ивана III конца 1503 г.[67], но это было уже анахронизмом, как, впрочем, и ироническое название «дворянин великого князя», данное около 1511 г. Вассианом Патрикеевым Иосифу Волоцкому [68].

В новом смысле (как название прослойки служилых людей) «дворяне» упоминаются в рассказе о «поимании» князя Андрея Старицкого 1537 г.: кн. Андрей послал «дворян своих многых и детей боярьских городовых» [69]. Вероятно, под «дворянами» в данном случае разумеются дворовые дети боярские князя Андрея (в отличие от городовых). Впервые «дворяне» в новом смысле слова упоминаются в официальной документации в приговоре

Земского собора 1566 г., но это была уже иная историческая эпоха [70]. Двор великих князей во второй половине XV—первой половине XVI в. разрастался, и, по наблюдениям Веселовского, в середине XVI в. в его составе числилось уже около 2600 человек, тогда как «с города» служило детей боярских (городовых) раз в 15 больше [71].

Являясь советом представителей феодальной аристократии при великом князе, Боярская дума одновременно была наиболее влиятельной частью Государева двора. Поэтому изучение ее состава невозможно без исследования биографий не только самих бояр и окольничих, но и всех членов боярских и княжеских родов, из среды которых назначались думные люди.

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 153—154.
[2] Там же. Т. 20. С. 121; Т. 17. С. 346.
[3] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960; *Idem.* La réorganisation de l'appareil d'Etát durant la periode de la centralisation politique de la Russie.Fin du XV-e et début du XVI-e siècles // Annali della Fondazione italiana per la storia amministrativa. Milano, 1964. N 1. P. 242—267; *Он же.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1948—1951. Ч. 1—2.
[4] *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957; *Он же.* Россия в XVI столетии. М., 1962; *Он же.* Российское государство XVI—XVII вв. М., 1973.
[5] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; *Он же.* Последние уделы в северо-восточной Руси // Ист. зап. М., 1947. Т. 22. С. 101—131.
[6] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957. С. 307—308, 313 и др.
[7] Мысль об антиудельной направленности опричной политики Ивана IV впервые была высказана С. М. Каштановым (*Каштанов С. М.* К изучению опричнины Ивана Грозного // Вопр. истории. 1963. № 2. С. 117; см. также: *Зимин А. А.* О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв). М., 1964. С. 18—49).
[8] АСЭИ. М., 1952—1964. Т. 1—3. Комментарии; *Голубцов И. А., Назаров В. Д.* Акты XV—начала XVI в. // СА. 1970. № 5. С. 74—89; Акты Русского государства, 1505—1526 гг. М., 1975; *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970; *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975; *Она же.* Первые родословные росписи литовских князей в России // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 133—140; *Шульгин В. С.* Ярославское княжество в системе Русского централизованного государства в конце XV—первой половине XVI в. // Научные доклады высшей школы. Ист. науки. 1958. № 4. С. 3—15; *Флоря Б. Н.* О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. С. 281 и след.; *Шмидт С. О.* Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский) // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 129—141.
[9] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV в.). М., 1952; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967.
[10] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.; Л., 1958; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960; *Он же.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; *Кобрин В. Б.* Состав Опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 16—91; *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966; *Он же.* Опричный террор. Л., 1969; *Он же.* Россия

после опричнины. Л., 1975; *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства. М., 1973; *Назаров В. Д.* О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. С. 40—51; *Он же.* Свадебные дела XVI в. // Вопр. истории. 1976. № 10. С. 110 -123; *Он же.* Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI в. // История СССР. 1976. № 3. С. 76—96.

[11] См. первые работы на эту тему: *Зимин А. А.* О сложении приказной системы на Руси // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. М., 1954. Вып. 3. С. 164—176; *Он же.* Состав Боярской думы в XV—XVI вв. // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 41—87; *Он же.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // Ист. зап. М., 1958. Т. 63. С. 180—205; *Он же.* Список наместников Русского государства первой половины XVI в. // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 27—42; *Он же.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV—первой трети XVI в. // Ист. зап. М., 1971. Т. 87. С. 219—286; *Он же.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV—первой трети XVI в. // История СССР. 1973. № 3. С. 124—142; *Он же.* Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV—первой трети XVI в. // ВИД. Л., 1973. Сб. V. С. 182—195; *Он же.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV—первой трети XVI в. // Ист. зап. М., 1974. Т. 94. С. 271—301; *Он же.* Служилые князья в Русском государстве конца XV —первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 28—56; *Он же.* Суздальские и ростовские князья во второй половине XV—первой трети XVI в. // ВИД. Л., 1976. Сб. VII. С. 56—69; *Он же.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. М., 1977. С. 161—188; *Он же.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. // Из истории Татарии. Казань, 1970. Сб. IV. (Учен. зап. Казанск. гос. педагогич. ин-та; Вып. 80). С. 141—163; *Он же.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV—первой трети XVI в. // Ист. зап. М., 1979. Т. 103. С. 195 —244.

[12] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... (Бархатная книга). М., 1787. Ч. 1—2; см. также: Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 10. Стб. 1—286.

[13] Летописная редакция издана М. Е. Бычковой в кн.: Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 11—75; Румянцевскую редакцию см:. Там же. С. 76—182.

[14] Вопрос о так называемой «легендарной части» родословных росписей не представляется существенным для целей нашего исследования.

[15] Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. Подробнее см.: *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962; *Он же.* Источники разрядных книг последней четверти XV—начала XVII в. // Ист. зап. М., 1965. Т. 76. До 7000 (1491/92) г. в Государеве разряде всего десять записей (1475, 1477, 1479 — о новгородских походах; 1482, 1485, 1486, 1487 — о Казанском; 1485 — о тверском походах и еще две записи 1478 и 1489 гг.).

[16] Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977. Т. 1, ч. I—II.

[17] Фрагменты разряда свадьбы Василия III изданы: ДРВ. М., 1790. Ч. 13; ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. № 24; *Лихачев Н. П.* Пенязи великокняжеских и царских свадьб // Тр. Моск. нумизматического о-ва. М., 1898. Т. 1. С. 103—108; а недавно и В. Д. Назаровым (*Назаров В. Д.* Свадебные дела XVI в. // Вопр. истории. 1976. № 10. С. 116—117; ср.: *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. II, кн. VI. С. 37—43).

[18] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. I. С. 81—86.

[19] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 106—108; Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / Подгот. текста и коммент. А. А. Зимина; Под ред. и с предисловием Л. В. Черепнина. М., 1978. Некоторые документы Государственного архива XVI в. называют описи архива Посольского приказа 1614 и 1626 гг. (Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960; Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1—2).

[20] Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35; СПб., 1887. Т. 59; СПб., 1887. Т. 53; ПДС. СПб., 1851. Т. 1; Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41; СПб., 1895. Т. 95; *Дунаев Б.* Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. СПб., 1916. Книги изданы только до начала

20-х годов XVI в См также ЦГАДА Ф 123 (Крымские дела) Кн 6 (1523—1532 гг), Кн 7 (1533 г) и др

[21] Русские акты Ревельского городского архива // РИБ СПб, 1894 Т 15, *Щербачев Ю Н* Датский архив М, 1893, Русско-ливонские акты СПб, 1868, Акты Копенгагенского архива Вып 1 // ЧОИДР 1915 Кн IV С 1—320

[22] Тысячная книга 1550 г и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в М, Л, 1950, Новгородские писцовые книги СПб, 1859—1910 Т 1—6, Временник ОИДР М, 1851—1852 Кн 11, 12

[23] ДДГ М, Л, 1950, ГВНП М, Л, 1949, АСЭИ Т 1—3. *Марасинова Л М* Новые псковские грамоты XIV—XV вв М, 1966, *Каштанов* Очерки С 341—484, *Голубцов И А, Назаров В Д* Указ соч АФЗХ М, 1951—1956 Ч 1—2, Акты Русского государства, 1505—1526 гг [см также АФЗХ Акты Московского Симонова монастыря/Сост Л И Ивина Л, 1983]

[24] *Каштанов С М* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в Ч I // АЕ за 1957 год М, 1958 С 302—376, *Он же* Хронологический перечень Ч II // Там же за 1960 год М, 1962 С 129—200, *Каштанов С М, Назаров В Д, Флоря Б Н* Хронологический перечень Ч III // Там же за 1966 год М, 1968 С 197—253, см также *Зимин А А* Хронологический перечень актов архива Суздальского Спасо Ефимьева монастыря (1506—1612 гг) // АЕ за 1962 год М, 1963 С 366—396

[25] АСЭИ Т 3 № 392 и след, см также РИБ СПб, 1898 Т 17, *Копанев А И* Материалы по истории крестьянства // Материалы и сообщения по фондам рукописей книги БАН СССР М, Л, 1966 Сохранились единичные полные тексты грамот (*Хорошкевич А Л* Источники по истории полного холопства конца XV —начала XVI в // СА 1974 № 4 С 82—84, *Она же* Псковская полная грамота 1511 г // АЕ за 1967 год М, 1969 С 68—72) О ретроспективных книгах подробнее см *Панеях В М* Холопство в XVI—начале XVII в Л, 1975, *Он же* О классификации и составе кабальных и записных книг старых крепостей XVI в // АЕ за 1962 год М, 1963 С 397—402, *Колычева Е И* Полные и докладные грамоты XV XVI вв // АЕ за 1961 год М, 1962 С 41—81

[26] Редкие источники по истории России Вып 2 С 70 См также «А на суде были бояре Яков Захарьич да казначей Дмитрей Володимерович» (АСЭИ Т 2 № 416 С 449 1498 г, ср Т 1 № 628 С 541 Около 1499—1502 гг)

[27] *Флоря Б Н* Кормленые грамоты XV—XVI вв как исторический источник // АЕ за 1970 год М, 1971 С 115, *Назаров В Д* Из истории С 79

[28] *Флоря Б Н* Кормленые грамоты С 114—115

[29] ПСРЛ Пг, 1921 Т 24 С 227—234, *Шмидт С О* Продолжение Хронографа редакции 1512 г // Ист архив М, 1951 Т VII С 272—273

[30] ГИМ Успенское собр № 64, ДРВ М, 1788 Ч 6, ГПБ F IV № 348 (издан во фрагментах АСЭИ Т 2 № 339 С 337—338, Т 3 № 479 С 465) Об этом синодике см *Ивина Л И* Вкладная и кормовая книга Симонова монастыря // ВИД Л, 1969 Вып 2 С 229—240, Рукописный отдел Пушкинского Дома Отдельные поступления 1953 г № 27, ср *Казакова Н А* Вассиан Патрикеев и его сочинения М, Л, 1960 С 342—357, *Она же* К изучению вкладных книг // Рукописное наследие Древней Руси Л, 1972 С 260—266 О синодиках см также *Веселовский* Исследования С 26—32

[31] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря хранится в Загорском музее Копию см Архив АН СССР Ф 620 (С Б Веселовского) Оп 1 Д 18 [Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря М, 1987] Вкладные Иосифо-Волоколамского монастыря см *Титов А А* Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI в М, 1906, см также *Зимин А А* Вкладные и записные книги Волоколамского монастыря XVI в // Из истории феодальной России Л, 1978 С 77—84

[32] ДРВ М, 1791 Ч 20 Список принадлежал В Ф Шереметеву, который в 1771 г передал его Вольному российскому собранию при Московском университете, рукопись утеряна (*Зимин А А* Состав Боярской думы С 41 и след)

[33] В том числе князья Ф С Хрипун Ряполовский и П С Ряполовский, В М, П М, П Н Оболенские, Ф В Щетина Телепнев-Оболенский, С Д Серебряный, Ю А Ростовский, В С, Ф И и Р И Одоевские, С Ф Бельский, И И Барбашин, А Б Горбатый, И В Белевский, С Ф Курбский, В Д Пенков, И Д Пронский, И В Ромодановский, И Ф Ушатый

[34] В том числе о боярстве И. Н. и Ф. Н. Бутурлиных, Ф. Ю. Кутузова, С. Ф. Пешека Сабурова и окольничестве А. Н. Бутурлина, М. А. Плещеева, И. А. Лобанова-Колычева, Ю. И. Кутузова и Ф. И. Беззубцева.

[35] *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений... С. 202—205.

[36] См. о княжеском совете и боярах в Древней Руси: *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 14—20.

[37] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 646. В повести «Стефанит и Ихнилат» по списку XV в. выражения «околнии» (приближенные к царю) и «окольник» употребляются альтернативно (ср.: «глагола ко околником своим», «околнии его» и др. — Стефанит и Ихнилат. Л., 1969. С. 13, 22, 28 и др.); князь Олег Рязанский около 1371 г. упоминает «Олговскую околицю» (АСЭИ. Т. 3. № 322. С. 351). В грамоте игумену Солотчинского монастыря запрещалось волостелям вступать «в околицу его» (Там же. № 324. С. 354; ср. № 333. С. 360; № 354, 355. С. 379; № 356. С. 380 и др.). В статьях 34 и 87 Псковской судной грамоты упоминаются «околнии суседи» (ПРП. М., 1953. Вып. 2. С. 290, 297).

[38] Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963. С. 83; Сб. РИО. Т. 35. С. 1, 3; ПСРЛ. Т. 24. С. 210. (О функциях окольничих см.: *Любавский М.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1892. С. 267—269, 838—840.)

[39] АСЭИ. Т. 3. № 322. С. 350 -351; № 354. С. 378—379; ср. № 352. С. 376.

[40] Там же. Т. 2. № 138. С. 81; «за безсчестье... тысячником, ли околичником, ли боярину, ли слузе...» (Там же. Т. 3. № 8. С. 22).

[41] ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 21; СПб., 1897. Т. 11. С. 20; СПб., 1913. Т. 18. С. 114; Т. 24. С. 130; М., 1949. Т. 25. С. 189; ДДГ. № 17. С. 47.

[42] ДДГ. № 2. С. 13; № 8. С. 25; ПСРЛ. Т. 8. С. 33; Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. С. 134; СПб., 1889. Т. 16. С. 106; Т. 18. С. 127; Т. 24. С. 142; Т. 25. С. 199; М., 1963. Т. 28. С. 82.

[43] *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 216.

[44] В 1498 г. окольничим был И. Шадра из рода Протасьевичей (*Шмидт С. О.* Продолжение хронографа... С. 273; Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 17). И. В. Ощера называется окольничим и в 1479 г. (Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 19; *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 84). О функциях окольничих в XVI—XVII вв. см.: *Сергеевич* В. И. Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. 1. С. 385—392.

[45] *Назаров В. Д.* О структуре «Государева двора» в середине XVI в. С. 40—54; *Alef G.* The Crisis of the Muscovite Aristocracy: A Factor in the Growth of Monarchical Power // [Alef G. Rulers and Nobles in Fifteenth-Century Moscovy. L., 1983. P. 50—55]. О Думе времен малолетства Грозного см.: *Rüß H.* Machtkampf oder «feudale Reaktion»? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1970. Bd. 18. H. 4. S. 481—502.

[46] *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 36.

[47] Сб. РИО. Т. 53. С. 40; ср. под 1553 г.: «у государя в думе» (ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. С. 523).

[48] Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 31; ПСРЛ. Т. 28. С. 105. «Двор» кн. Дмитрия Шемяки упоминается еще под 1436 г. (ПСРЛ. Т. 28. С. 101), а Василия II — в 1433 г. (Там же. С. 100; Иоасафовская летопись. С. 34; ПСРЛ. Т. 18. С. 200; Иоасафовская летопись. С. 42—46).

[49] Иоасафовская летопись. С. 55, 56, 58, 99, 100; ПСРЛ. Т. 25. С. 280; Т. 28. С. 118, 148.

[50] ПСРЛ. Т. 28. С. 155, 160; Т. 25. С. 332; Иоасафовская летопись. С. 129, 131; Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 25—26.

[51] [ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 99, 100]; ГБЛ. Собр. Румянцева. № 255. Л. 510 об.; Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 43, 55; ср. под 1541 г. о дворовых людях (ПСРЛ. Т. 13. С. 100).

[52] ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 265—266; Т. 13. С. 64—65.

[53] Иоасафовская летопись. С. 58, 99.

[54] Дворы были, конечно, и у удельных князей. В 1477 г. С. Пешек Сабуров отправлялся в Новгородский поход с двором княгини-вдовы Марии (Иоасафовская летопись. С. 99).

[55] См. в разрядах под 1495 г.: «А князи и дети боярские с великим князем» (Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 25).

[56] *Сергеевич В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 326.

[57] ДДГ. № 27. С. 70 («которые, господине, бояря и дети боярьские служат тобе»); ср. № 32. С. 82—83 (1434 г.) и др. В Новгороде «дети боярские» упоминаются под 1259, 1386, 1398—1399 гг., но в ином смысле (НПЛ. М.; Л., 1950. С. 82, 380, 391, 393; см. также: ПСРЛ. Т. 8. С. 51; Т. 11. С. 88, 89, 170—171). Свой «сын боярский» был у митрополита еще в 1332 г. (Там же. СПб., 1885. Т. 10. С. 205).

[58] АСЭИ. Т. 1. № 136. С. 105. Об этом см. также: *Флоря Б. Н.* Грамоты... С. 115.

[59] АФЗХ. Ч. 1. № 145. С. 130; № 187. С. 169; № 278. С. 244; АСЭИ. Т. 2. № 110. С. 68; Т. 3. № 96. С. 133; см. также: АИ. СПб., 1841. Т. 1. № 40.

[60] ПСРЛ. М., 1962. Т. 27. С. 270; *Черепнин Л. В.* Образование... С. 207 -208; ПСРЛ. Т. 8. С. 112—114; СПб., 1901. Т. 12. С. 65, 66, 69—74; Т. 25. С. 263; М., 1959. Т. 26. С. 197; Т. 27. С. 110; Т. 28. С. 104, 271 и др. Упоминание о «детях боярских» в Сказании о Мамаевом побоище датирует этот памятник не концом XIV в., а более поздним временем (Там же. Т. 26. С. 133, 142; Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 73 и след.).

[61] О дворянах XIII—XV вв. см.: *Сергеевич В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 422 и след. О дворянах в Великом княжестве Литовском см.: *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. М., 1901. С. 418—420; ГВНП. № 1 («дворяном твоим, княже, ходити по пошлине»); № 26 («дворяном нашым, как пошло, погон имати») и др. См. также: *Назаров В. Д.* «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII—XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 104—123.

[62] Ср. в ст. 41 Новгородской судной грамоты (ПРП. Вып. 2. С. 218) и в доокончаниях с князьями. В Русе в 1445—1461 гг. Василий II запрещал «дворяном моим з Городища» «позывати» на суд старорусских тонников (АСЭИ. Т. 3. № 13. С. 29); ср. то же в грамоте Ивана III около 1484/85 г. (Там же. № 21. С. 37).

[63] Там же. № 194. № 207; № 198. С. 209; № 200. С. 210—211; № 205. С. 215; Т. 2. № 121. С. 74; ср. грамоту митрополита Ионы князю Михаилу Андреевичу 1451 г. (Там же. Т. 3. № 9. С. 25); см. также: Там же. Т. 1. № 304. С. 214; Т. 3. № 96. С. 133; Т. 1. № 189. С. 134; Т. 2. № 96. С. 58.

[64] Там же. Т. 1. № 136. С. 105; Т. 3. № 96. С. 133; ср.: ПСРЛ. Т. 27. С. 270.

[65] АСЭИ. Т. 2. № 454. С. 494; № 459. С. 497. № 461. С. 498. То же в грамотах кн. Михаила Андреевича 1448—1470 гг.: в одном случае встречаются «дворяне» (Там же. № 121. С. 74), в другом — «люди дворные» (Там же. № 110. С. 68), в третьем — «околичники и посельские» (Там же. № 138. С. 81); ср. также в грамоте 1447 г. духовенства, обращенной к Дмитрию Шемяке (АИ. Т. 1. № 40).

[66] АСЭИ. Т. 3. № 196. С. 208.

[67] «А что которые мои дворы внутри города на Москве и за городом за моими бояры, и за князми, и за детми боярскими, и за дворяны за моими, и за дворцовыми людми» (ДДГ. № 89. С. 354). В декабре 1528 г. среди «дворян», ездивших с Василием III в Кириллов монастырь, называются кн. С. Ф. Бельский, кн. А. И. Холмский и «многие князи и дети боярские» (ЛОИИ. Собр. Лихачева. № 365. Л. 852 об.).

[68] Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 348. «Дворяне» есть и в рассказе о «поимании» Михаила Глинского в 1514 г. («поима... со своими дворяны» — [ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 101]). Но в данном случае речь должна идти о «королевских дворянах» (литовских) Глинского (ср. о них в рассказе о восстании Глинского в 1508 г.: *Зимин А. А.* Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 г. // СА. 1970. № 5. С. 68—73).

[69] ПСРЛ. Т. 28. С. 356.

[70] В описи архива Посольского архива 1614 г. упоминается тетрадь 1514/15 г., «как приехали... из Смоленска князи, и дворяне, и дети боярские» (Описи Царского архива... С. 54). Но здесь могла идти речь о литовских «дворянах» или сказаться делопроизводственная практика начала XVII в.

[71] *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 87. Дворовая тетрадь середины XVI в. содержала до 4500 лиц – членов Государева двора с 1551/52 по 1562 г. (*Зимин А. А.* К изучению реформ «Избранной рады» // История СССР. 1976. № 4. С. 156).

Часть первая

Княжата и Дума

Включение потомков великих и удельных князей Северо-Восточной и Юго-Западной Руси в состав Боярской думы — одно из следствий объединения русских земель в единое государство. Это был длительный процесс, растянувшийся более чем на два столетия. Еще в XIV в. ранее других вошли в Думу старомосковские княжата, не имевшие прочных удельных традиций. Затем, в конце XV—начале XVI в., настала очередь княжат Северо-Восточной Руси, долгое время цеплявшихся за остатки своих суверенных прав, а также удельных княжат, недавно присоединенных к Москве, Твери и Рязани. Наконец, на рубеже 20—30-х годов XVI в. в Думу начали входить и служилые князья Юго-Западной Руси, до того времени находившиеся на положении, как бы промежуточном между удельными князьями и княжатами, потерявшими свои суверенные права.

Подчинение княжеской аристократии московским государям, превращение ее в великокняжеских советников знаменовало шаг по пути изживания пережитков феодальной раздробленности. Этот процесс был противоречив, создавал острые политические коллизии. В Думе княжата потеснили нетитулованное старомосковское боярство и принесли с собой традиции удельной вольницы. Понадобился опыт княжеско-боярских усобиц в годы малолетства Ивана Грозного, чтобы покончить с претензиями княжеской аристократии на безраздельное руководство государственным аппаратом.

Глава первая

Старомосковские княжата в Думе

Старомосковскими княжатами мы условно называем потомков тех князей, которые еще в XIV в. вошли в состав великокняжеского двора. Это — Гедиминовичи, Стародубские, Оболенские и Звенигородские князья. Одни из них (Гедиминовичи и Звенигородские) ранее не имели никаких поземельных связей в Московском княжестве. Поэтому их благополучие всецело зависело

от воли великокняжеской власти. Другие (Стародубские, Оболенские) хотя и были связаны со своими исконными владениями, но могли их сохранять только при прямом покровительстве могущественного московского сюзерена. Именно старомосковские княжата, сначала Гедиминовичи и Стародубские, а затем и Оболенские в Государевом дворе и Думе второй половины XV в. составляли самую влиятельную прослойку.

Гедиминовичи

В 1408 г. в Москву выехал в свите кн. Свидригайлы литовский князь Патрикий Наримонтович, ранее (в 80—90-х годах XIV в.) служивший в Новгороде. В числе городов, пожалованных Свидригайле, были Владимир, Переславль, Юрьев, Волок, Ржев и половина Коломны [1]. Для московских великих князей приезд на Русь ближайших родичей их литовских соперников был событием большого политического значения. Он давал им серьезную возможность использовать литовских княжат в борьбе за старинные русские земли, входившие в это время в состав Великого княжества Литовского. Патрикий был встречен в Москве с почетом, а его сын Юрий женился на дочери Василия I (схема 1).

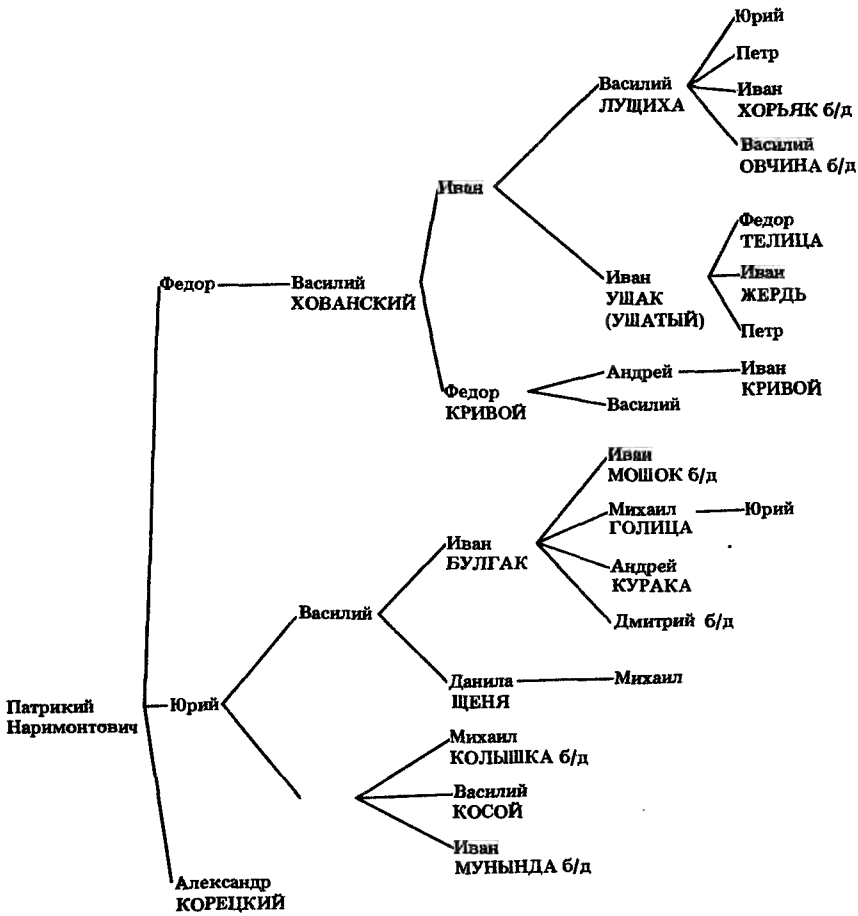
У Юрия Патрикеевича было двое братьев — старший Федор и младший Александр (умер в 1402 г.). От последнего пошли князья Корецкие [2]. Сын Федора Василий, получив земли на р. Хованке (на территории будущего Волоколамского удела), стал именоваться Хованским [3] и сделался родоначальником известной княжеской семьи. Конечно, с Юрием Патрикеевичем, свойственником самого великого князя, ни Федор, ни его сын Василий тягаться не могли.

У Василия Хованского было двое сыновей — Иван и Федор Кривой. В свою очередь, у Ивана Васильевича также было два сына — Василий Лущиха и Иван Ушатый, а у Федора Кривого сыновья — Андрей и Василий. Федор Кривой в 70—80-е годы XV в. наместничал в Волоколамске у кн. Бориса Васильевича, а около 1511 г. вместе с сыном Андреем служил сыну кн. Бориса Федору Волоцкому [4]. После смерти кн. Федора (1513 г.), не надеясь занять сколько-нибудь заметное место при великокняжеском дворе, Андрей перешел в Углицкий удел, где он и служил (во всяком случае, около 1521 г.) князю Дмитрию. Судя по землевладению его потомков в середине XVI в., Андрей Хованский служил со Ржевы, одна половина которой находилась в уделе Федора Волоцкого, а другая — у кн. Дмитрия Ивановича. Дочь Андрея Хованского в 1533 г. была выдана замуж за Андрея Ивановича Старицкого. На другой дочери Хованского был женат кн. Ю. А. Оболенский-Пенинский, один из волоцких землевладельцев. Хованские состояли в отдаленном родстве с Холмскими (по женской линии) [5].

Василий Лущиха Хованский упоминается уже в 1487 г. как боярин князя Бориса Волоцкого [6]. Брат Лущихи Иван Ушатый

Схема 1

Гедиминовичи



(Ушак) в 1500 г. числился воеводой князя Федора Борисовича Волоцкого [7]. У Василия Лущихи было четверо сыновей — бездетный Юрий, Петр [8] и бездетные же Иван Хорьяк и Василий Овчина. Оба сына Петра Лущихина (Борис и Андрей) позднее служили Владимиру Андреевичу Старицкому, который претендовал на Волоцкий удел. Дети Ивана Ушака появляются в разрядах уже после присоединения Волоцкого удела к Москве (Федор Телица с 1519 г., Иван Жердь с 1531 г. и Петр с 1528 г.) и особенного успеха по службе не достигли [9].

В целом же судьба Хованских типична для княжат, связанных с уделами. При великокняжеском дворе они прочных позиций не приобрели, к ним относились подозрительно.

Иное дело — потомки Юрия Патрикеевича. Старший сын князя Юрия, Василий, очевидно, рано умер и поэтому в источниках XV в. не встречается, а младший, Иван, стал крупным политическим деятелем. В годы феодальной войны второй четверти XV в. об Иване Юрьевиче еще ничего не слышно. Вероятно, он был тогда слишком молод, чтобы принимать активное участие в бурных событиях [10]. В 1455 г. князь Иван был послан против татар во главе рати, направленной к Оке. В 1457 г. «по приказу» своего отца он с племянниками (Иваном Булгаком и Данилой Щеней) дал митрополиту Ионе сельцо Московского уезда. В 1459 г. он был отправлен на Вятку с войсками, а около 1453—1462 гг. судил поземельные споры. Около 1461—1462 гг. Иван Юрьевич Патрикеев подписал духовную Василия II, в которой впервые прямо назван боярином [11].

Вскоре после смерти Василия II (в 1462 г.) кн. Иван Юрьевич подписал на имя Ивана III подтверждение в одной указной грамоте, а в августе 1463 г. — жалованную грамоту самого государя. В 1467 г. он ходил в поход с князем Иваном Васильевичем Стригой Оболенским на Казань. Около 1472 г. числился уже московским наместником (как и его отец) и был им до конца своей придворной карьеры (упоминался как наместник и в феврале 1498 г., и в январе 1499 г.) [12].

В 1474 г. И. Ю. Патрикеев принимал доклад поручной по кн. Д. Д. Холмском. В октябре 1475 г. назван первым из бояр, отправлявшихся с Иваном III в поход «миром» на Новгород. В 1477—1478 гг. вел переговоры с новгородцами, а во время похода на Новгород находился в большом полку великого князя [13]. Около 1477 г. И. Ю. Патрикеев выступал одним из душеприказчиков в завещании князя Андрея Васильевича Вологодского. В качестве московского наместника был оставлен в столице Русского государства во время стояния на Угре в 1480 г. Возможно, около 1483 г. его послужильцы были распущены. В 1485 г. он один из военачальников, возглавивших поход к Твери [14].

В 1483 г. Иван Юрьевич вел переговоры с князем Борисом Волоцким в связи с размежеванием его земель с великокняжескими. В 1487 г. присутствовал на приеме литовских, а в 1488 г. — имперских послов. В 1488 г. князь Адрей Углицкий просил его быть посредником в его споре с Иваном III, но И. Ю. Патрикеев отказался [15]. В 1490 г. Иван Юрьевич участвовал в соборе «на еретиков». В апреле 1492 г. Иван III переселился в его хоромы, так как начато было строительство нового великокняжеского дворца [16]. В 1492—1494 гг. в качестве «наивышшего» московского воеводы принимал участие в переговорах с литовскими представителями о мире. К нему, как к сторонникy литовско-русского сближения, обращались литовские паны — рада еще в 1493 г.[17] В том же году находился при Иване III среди его воевод. В июле 1497 г. присутствовал на мене земель Ивана III и князя Бориса Волоцкого [18]. Присутствовал и на многих судебных разбирательствах, проводившихся лично Иваном III [19]; и на докладах судеб-

ных дел великому князю [20]. Иван Юрьевич и сам судил поземельные споры [21], но особенно часто они докладывались ему как судье высшей инстанции [22]. Около 1495—1499 гг. составил завещание. В 1498 г. помещен в боярском списке [23]. В январе 1499 г. в связи с острой политической борьбой при дворе Ивана III насильственно пострижен в монахи. Женат был Иван Юрьевич на дочери боярина Владимира Григорьевича Ховрина [24]. Его дочь замужем за князем Семеном Ивановичем Ряполовским (Молодым).

Следующее поколение Патрикеевых было представлено целой плеядой выдающихся политических деятелей.

У старшего сына Юрия Патрикеевича Василия было два сына Иван Булгак и Данила Щеня. Еще в 1457 г. вместе с братом и дядей Иваном Юрьевичем И. В. Булгак дал земельный вклад в Московском уезде в митрополию. В 70—80-х годах здесь же находились и другие его владения [25]. Женат он на одной из дочерей Ивана Ивановича Заболоцкого [26]. В октябре 1475 г. назван среди «бояр», участвовавших в походе к Новгороду с Иваном III [27]. Впрочем, боярство его неясно: в 1495/96 г. он упоминается среди детей боярских, ездивших с Иваном III к Новгороду. В начале 1481 г. вместе с Я. В. Оболенским как новгородский наместник ходил в поход на ливонцев, осаждал г. Вельян [28]. В разрядных книгах летом 1482 г. упоминается в Нижнем некий боярин князь Иван Васильевич. Возможно, это был Булгак [29]. Умер он в апреле 1498 г.[30]

Младший брат князя Ивана Васильевича Булгака прославленный полководец Данила Щеня впервые упомянут, как и его брат, в грамоте 1457 г. В конце 1475 г. во время похода «миром» на Новгород Ивана III Д. В. Щеня в качестве одного из «бояр» сопровождал великого князя. В 1488 г. присутствовал на приеме имперского посла [31].

В июне 1489 г. вместе с Г. В. Морозовым Д. В. Щеня был послан на Вятку, где они привели вятчан к присяге [32]. Около 1460—1490-х годов, во всяком случае в феврале 1490 г., был наместником Юрьева Польского [33]. В конце 1492—начале 1493 г. взял вместе с Василием Ивановичем Патрикеевым («со двором» Ивана III) Вязьму. В 1492/93 г. назван первым из воевод, оставленных у княжича Василия в Твери. В августе 1495 г. возглавлял поход под Выборг, а в августе 1496 г. вместе с Яковом Захарьичем — поход «на свейские немцы» [34].

Весной 1500 г. Д. В. Щеня послан «с тверскою силой» в помощь к Юрию Захарьичу и одержал блистательную победу над литовцами на р. Ведроше [35]. Во время кампании он был поставлен во главе большого полка, а Юрий — в сторожевом, что вызвало неудовольствие со стороны последнего.

В октябре 1501 г. Даниил Щеня участвовал в войне со «свейскими немцами» вместе с Д. А. Пенко [36]. В декабре того же года послан воевать «немцев» вместе с В. В. Шуйским [37]. В июле 1502 г. он участвовал в походе сына Ивана III Дмитрия и осаде Смоленска, а в ноябре 1502 г. вместе с В. Д. Холмским и Яковом Захарьи-

чем вел переговоры с литовскими панами о перемирии. Был новгородским наместником в 1502—1505 гг.[38] В конце 1503 г. подписал духовную грамоту Ивана III [39]. В июне 1506 г. в связи с провалом Казанского похода кн. Дмитрия Жилки послан был для обороны Мурома. В мае 1508—1510 г. он опять наместник в Новгороде [40]. После 1505 г., а скорее всего, после 1510 г. был московским наместником, как бы продолжая традицию Патрикеевых. Во всяком случае, в марте 1512 г. ему докладывались поземельные грамоты Московского уезда [41].

В 1508 г. Д. В. Щеню послали с Лук на помощь М. Л. Глинскому в Литву, а весной 1512 г. направили на подмогу русским войскам, оборонявшим южные рубежи страны. В конце 1512—начале 1513 г. вместе с Василием III ходил в первый Смоленский поход, где фактически возглавил русскую армию. В мае 1512 г. он впервые в разрядах назван боярином. В Хронографическом списке бояр 1498 г. Д. В. Щеня не упомянут. Во время второго Смоленского похода 1513 г. он послан во главе большого полка на Вязьму, а потом к Смоленску. В третьем походе 1514 г. он также командовал русскими войсками (еще перед выходом самого Василия III к Смоленску). Именно он принимал присягу смолян. Наконец, в 1515 г. Д. В. Щеня снова был с войсками в Дорогобуже. Это — последнее упоминание о нем в разрядах. Женат был Щеня на дочери суздальского князя Ивана Васильевича Горбатого [42].

У И. Ю. Патрикеева было три сына: Михаил Колышка, Василий Косой и Иван Мунында. Михаил Иванович Колышка упоминается первым среди детей боярских, сопровождавших Ивана III в его походе к Новгороду в сентябре 1475 г. В 1493 г. в войне с Литвой вместе с кн. А. В. Оболенским взял г. Мезецк. Умер 12 июня 1495 г. в Коломне. По нем сделан вклад в Симонов монастырь в 200 руб., где он похоронен [43].

Сын Ивана Юрьевича Василий Косой — не менее примечательная личность, чем его отец. Еще в 1491 г. он выполнял «деликатную» миссию: «поймал» детей опального князя Андрея Углицкого. В 1493 г. из Твери был послан с войсками в Можайск [44], а в январе 1494 г. вел переговоры о мире с Литвой (впервые назван боярином, правда, в составе боярской комиссии) и отправлен в Вильно (март—апрель) для подтверждения мирного договора. В августе 1494 г. Василий Иванович снова вел переговоры с литовскими представителями в Москве. Позднее (в 1503 г.) Иван III вспоминал, что он и кн. С. И. Ряполовский во время переговоров «высокоумничали» [45]. Ряполовский и Патрикеевы, очевидно, были сторонниками литовско-русского сближения. Вернувшись в Москву после удачно проведенных переговоров, завершившихся заключением мирного договора, во всяком случае к концу 1495 г., В. И. Патрикеев был пожалован в бояре и назван первым из них во время поездки Ивана III в Новгород [46]. Это было уже после смерти его старшего брата Михаила Колышки (1495 г.). Около 1495—1499 гг. упомянут в завещании своего отца [47].

В январе—марте 1496 г. Василий Иванович ходил во главе русских войск «на свейские немцы» из Новгорода [48]. В июле 1497 г. присутствовал на мене земель Ивана III и князя Бориса Васильевича Волоцкого [49].

И. А. Голубцов и Н. А. Казакова связывали с именем Патрикеева ряд земельных дел, рассмотренных «князем Василием Ивановичем». Однако, очевидно, речь должна идти о сыне Ивана III, княжиче Василии [50]. В 1498 г. В. И. Патрикеев помещен в Хронографическом списке думных лиц [51]. В январе 1499 г. его насильственно постригли в монахи (под именем Вассиана). С тех пор началась новая страница его жизни, в первую очередь как писателя-публициста, прямо не относящаяся к его светской деятельности. Как известно, она окончилась его заточением в 1531 г. в Иосифо-Волоколамский монастырь [52].

Младший брат В. И. Патрикеева Иван Мунында в 1495 г. назван вторым после князя Ф. И. Бельского среди детей боярских, сопровождавших Ивана III в Новгород. Упомянут в завещании своего отца 1495—1499 гг. В 1499 г. пострижен вместе с братом Василием. По нем сделан вклад 150 руб. в Симоново, где долгое время жил Вассиан Патрикеев. Владел поместьем в Новгородской земле около 1495 г.[53]

Последнее интересующее нас поколение Гедиминовичей представлено Булгаковыми и Щенятевыми. У Ивана Булгака были сыновья: бездетный Иван Мошок, Михаил Голица, Андрей Курака и бездетный Дмитрий. Об Иване Мошке нам ничего не известно, а Михаил Голица упоминается во время новгородской поездки Ивана III 1495 г. и на свадьбе кн. В. Д. Холмского 1500 г.[54]

Осенью 1506 г. М. И. Голица Булгаков послан на Плес «по казанским вестем». В боярском чине ездил вместе с Василием III в Новгород осенью 1509 г. В 1512 г. возглавлял передовой полк, а позднее вместе с И. А. Челядниным — большой полк на оборонительной линии по Угре. В первом походе на Смоленск в конце 1512 г. кн. Михаил был вторым воеводой сторожевого полка при Федоре Волоцком, т. е. фактически командовал этими войсками. Во время второго Смоленского похода 1513 г. он возглавлял оборонительные рати на р. Угре. В битве под Оршей 1514 г. во время третьей Смоленской кампании, возглавляя русскую рать, М. И. Булгаков потерпел сокрушительное поражение и попал в литовский плен, откуда вернулся только в 1551 г., а в 1554 г. умер [55]. Сын его Ю. М. Булгаков впервые в разрядах упоминается в 1522 г. в качестве рынды [56]. В годы малолетства Ивана IV он энергично поддерживал группировку Глинских.

Брат Михаила Голицы Дмитрий в 1500 г. был на свадьбе кн. В. Д. Холмского, а в 1508 г. наместничал в Дорогобуже [57]. В 1514 г. он также попал в литовский полон. Другой брат Михаила — Андрей появился в источниках в 1495 г., в 1500 г. присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского, а в 1512 г. служил в большом полку вместе с кн. Д. В. Щеней. Последний раз он записан в разрядах 1521 г. как воевода в Дорогобуже [58].

Сын Данилы Щени Михаил Щенятев впервые упоминается в начале 1510 г. во время похода Василия III во Псков. В мае 1512 г. он оборонял южные окраины Руси, возглавив вместе с Василием Шемячичем и Василием Стародубским большой полк. Во втором Смоленском походе 1513 г. Михаил Данилович командовал в рати своего отца полком правой руки. Именно тогда впервые он называется боярином. В третьем Смоленском походе 1514 г. и в кампании 1515 г. он снова у своего отца в полку правой руки. В 1516 г. он назван первым из воевод на Вязьме. В 1517 г. М. Д. Щенятев послан в Серпухов на подмогу к кн. Андрею Старицкому. В перечне бояр, участвовавших в составлении приговора от февраля 1520 г., он помещен вторым. Весной того же года должен был возглавить рать, посланную в поход в Литву. Вследствие начавшихся русско-литовских переговоров поход не состоялся. В 1521 г. во время крымского набега возглавлял русские войска, стоявшие в Тарусе, а потом в Серпухове. В 1522 г. вместе с кн. Д. Ф. Бельским был направлен с полками в Коломну перед выездом туда Василия III. Уже в декабре 1525 г.—январе 1526 г. М. Д. Щенятев был в немилости, ибо, когда происходил розыск великокняжеской невесты, предписывалось, чтобы она не была «в племяни» Щенятевых. В 1528 г. кн. М. Д. Щенятев стоял ратью «на Костроме». Затем он снова попал в немилость и был освобожден из «нятства» в августе 1530 г. в связи с рождением наследника престола. В 1531 г. был с войсками в Серпухове, а затем в Кашире. Это — последнее упоминание кн. М. Д. Щенятева в источниках. Его род пресекся на детях Василии и Петре (последний — видный боярин времен Ивана IV). На дочери кн. М. Д. Щенятева был женат кн. И. Ф. Бельский [59].

Судьбы Гедиминовичей очень напоминают судьбы Оболенских (о которых пойдет речь ниже). Все они главным образом полководцы, отчасти наместники. В отличие от Оболенских самостоятельной корпорации Гедиминовичи не образовали, а входили в состав придворного дворянства [60]. Это произошло, возможно, потому, что они прямо восходили по генеалогической линии к правящему княжескому дому Великого княжества Литовского. Объединение Гедиминовичей в одну корпорацию поэтому могло представить опасность для московских князей. Может быть, сказалась и сравнительная малочисленность Гедиминовичей, и отсутствие у них компактной территории, с которой бы они были связаны крепкими узами. В малолетство Грозного Гедиминовичи, как и Оболенские, поддерживали Бельских.

Князья Стародубские

Еще при Дмитрии Донском Стародуб Ряполовский вошел в состав великого княжества Московского [61]. У участника Куликовской битвы Андрея Федоровича Стародубского было четыре сына: первый — Василий Пожарский (от него пошли князья Пожарские), второй — Федор Стародубский (от него — Старо-

дубские, Кривоборские, Ковровы и Ромодановские), третий — Иван Ряполовский (от него — Ряполовские, Хилковы), четвертый — Давыд Палецкий (от него — Гундоровы, Тулуповы, Палецкие) [62] (схема 2).

У сына Данилы Васильевича Пожарского Федора было пятеро сыновей (Иван Большой, Федор, Семен, Василий, Иван Третьяк), которые ничем себя не проявили [63].

От второго сына Андрея Федоровича (Федора) пошли Кривоборские. Они также не сделали карьеры при великокняжеском дворе. Внуки Федора Александр и Федор Лайко Ивановичи в 1485 г. заложили своему двоюродному брату Ивану Константиновичу Стародубскому-Льяловскому с. Нестерово в Стародубе. В конце 1495 г. Александр и Федор Ивановичи с братом Семеном Приимышем ездили с Иваном III в Новгород. В 1500 г. кн. Александр присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского [64]. Четвертый из «Ивановичей», кн. Иван, служил новгородским архиепископам Геннадию и Серапиону (около 1488—1509 гг.) [65].

Двоюродный брат Александра, Семена и Федора Василий Андреевич Ковер (родоначальник князей Ковровых) в конце 1495 г. сопровождал Ивана III в его поездке в Новгород. В 1503, 1506 гг. он наместничал в Перми. В 1517—1521 гг. кн. Василий промелькнул в разрядах. Умер он в 1531 г.[66]

Константин Федорович Льяловский еще около 1451—1464 гг. обладал остатками суверенных прав в своих владениях [67]. Дети Ивана Константиновича Борис и Василий были взяты в плен в 1514 г. в битве под Оршей [68]. Брат Константина Федоровича Петр Стародубский (Осиповский) около 1453—1462 гг. присутствовал на суде кн. И. Ю. Патрикеева [69]. Сын Константина Иван в январе 1495 г. сопровождал в Литву княгиню Елену Ивановну [70].

От третьего сына Федора Стародубского Ивана Голибесовского пошли Гагарины. Сын Михаила Гагары Иван испомещен был в Новгороде. Там же получил поместье и его двоюродный брат Семен Васильевич Голица Голибесовский [71].

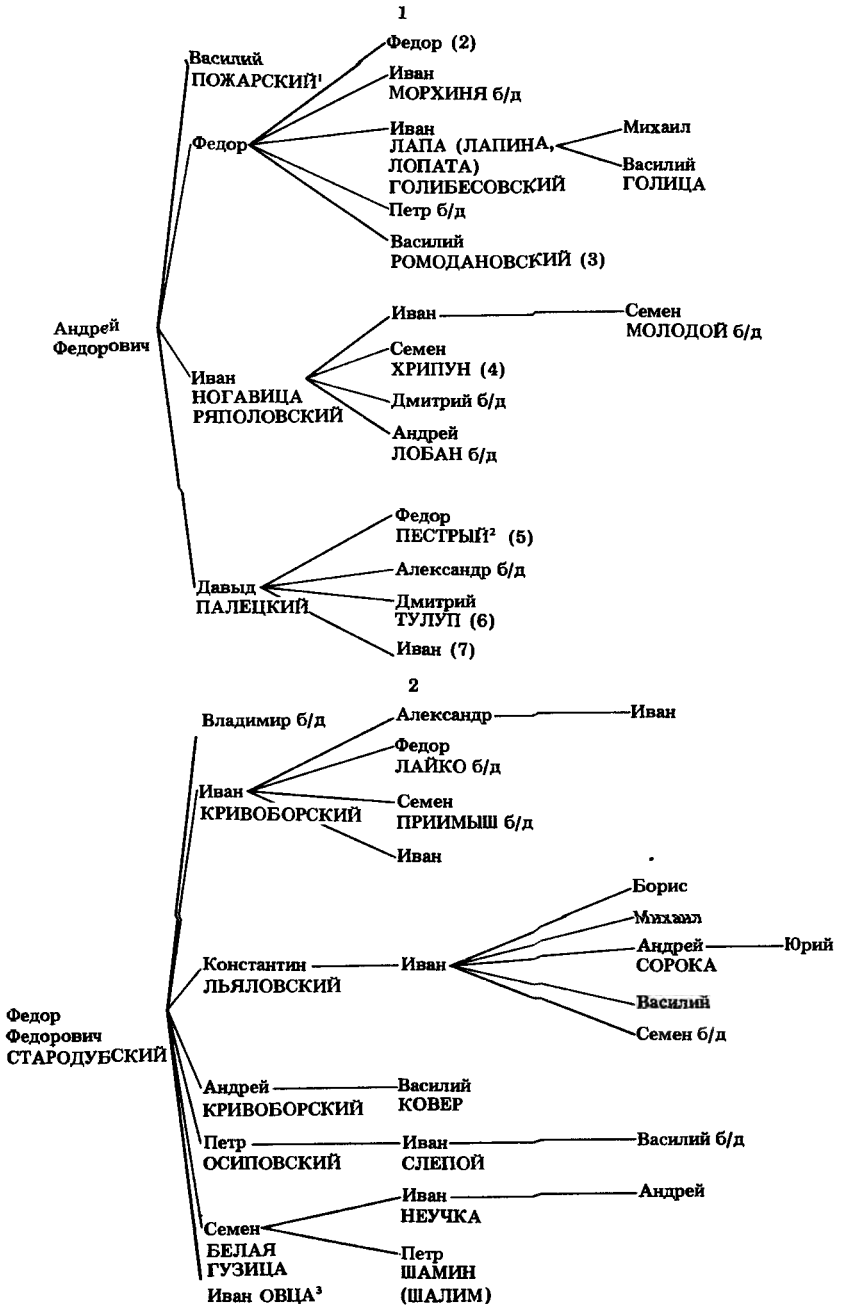
Среди Ромодановских, шедших от пятого сына князя Федора Андреевича Стародубского, в начале XVI в. известны дети Василия Федоровича: Василий, Иван Лихач, Семен, Юрий, Федор, Михаил и Борис.

Василий Васильевич Ромодановский принадлежал к числу наиболее приближенных лиц к кн. Михаилу Андреевичу Верейскому. Боярином кн. Василий был уже около 1470—1486 гг. В сентябре 1476 г. он присутствовал на мене земель кн. Михаила, а около 1486 г. в качестве боярина подписал его духовную грамоту. Князь Василий владел слободкой на Москве, позднее (до 1503 г.) конфискованной Иваном III. В 1490 г. он ездил с посольством в Крым [72].

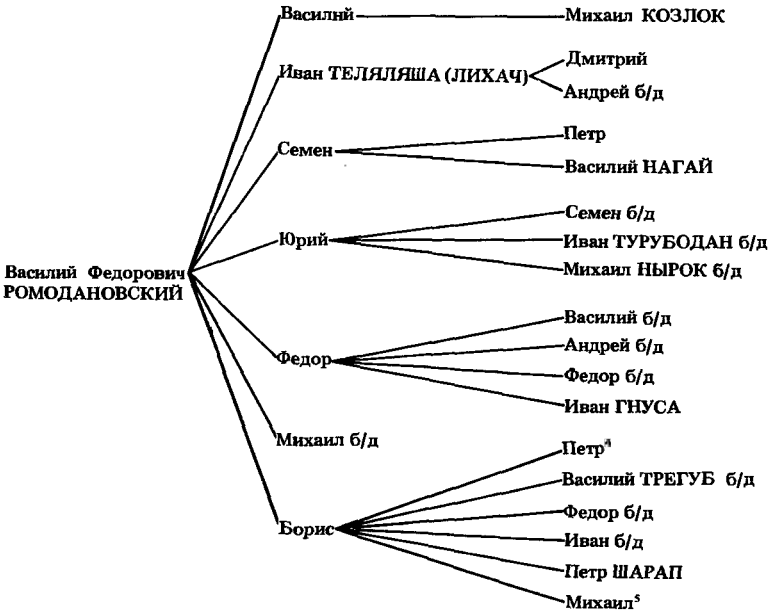
Затем в 1492 г. Василий Васильевич в походе «на Северу» был вторым воеводой правой руки. В 1495 г. он послан в Литву с княгиней Еленой в качестве боярина. В августе 1496 г. В. В. Ромодановский упоминался как второй воевода передового полка

Схема 2

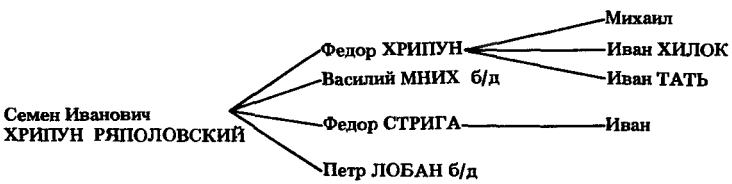
Князья Стародубские



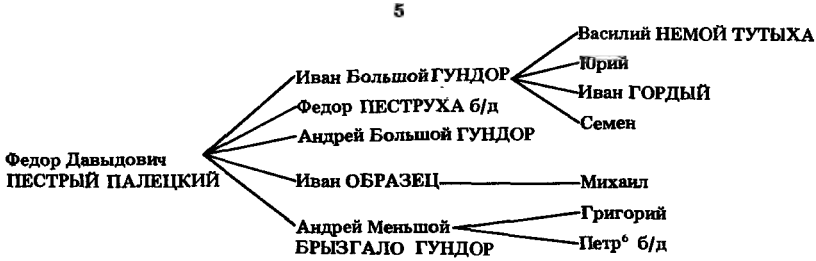
3


Василий Федорович РОМОДАНОВСКИЙ
Василий
Михаил КОЗЛОК
Иван ТЕЛЯЛЯША (ЛИХАЧ)
Дмитрий
Андрей б/д
Семен
Петр
Василий НАГАЙ
Юрий
Семен б/д
Иван ТУРУБОДАН б/д
Михаил НЫРОК б/д
Федор
Василий б/д
Андрей б/д
Федор б/д
Иван ГНУСА
Михаил б/д
Борис
Петр[4]
Василий ТРЕГУБ б/д
Федор б/д
Иван б/д
Петр ШАРАП
Михаил[5]

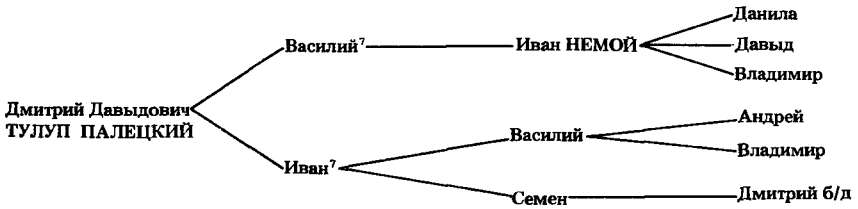
4


Семен Иванович ХРИПУН РЯПОЛОВСКИЙ
Федор ХРИПУН
Михаил
Иван ХИЛОК
Иван ТАТЬ
Василий МНИХ б/д
Федор СТРИГА
Иван
Петр ЛОБАН б/д

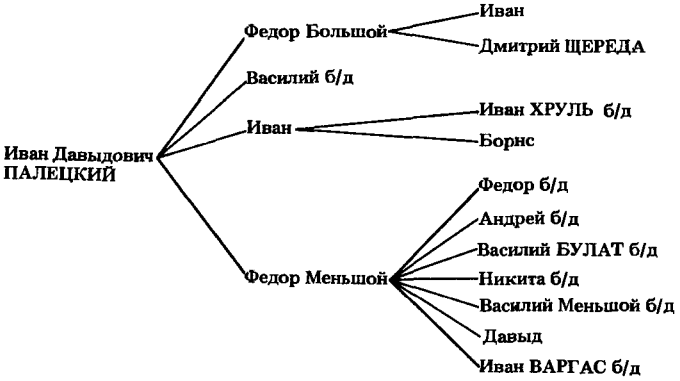
5


Федор Давыдович ПЕСТРЫЙ ПАЛЕЦКИЙ
Иван Большой ГУНДОР
Василий НЕМОЙ ТУТЫХА
Юрий
Иван ГОРДЫЙ
Семен
Федор ПЕСТРУХА б/д
Андрей Большой ГУНДОР
Иван ОБРАЗЕЦ
Михаил
Андрей Меньшой БРЫЗГАЛО ГУНДОР
Григорий
Петр[6] б/д

6



7



Примечания:

[1] Л Данила ... А князь Данилов сын Федор Пожарской.
[2] По Л у него сын Федор, детьми которого были Иван Большой и другие.
[3] Л иет.
[4] Р, Б нет. Так Л.
[5] Р Иван да Михайло.
[6] По Л далее Иван.
[7-7] По Л Иван, Василий.

в походе «на свейские немцы». В марте 1498 г. ездил с миссией в Литву, а в сентябре того же года был послан в передовом полку к Казани [73].

В апреле 1499 г. В. В. Ромодановский был «поиман» [74]. Обстоятельства этого события в литературе трактуются по-разному. Д. Феннелл и С. М. Каштанов объясняют его близостью князя к Софье Палеолог (сын князя Михаила Белозерского Василий женат на ее племяннице) [75]. Нам представляются их доводы недостаточно убедительными. Связь же Ромодановского с Патрикеевыми и Ряполовским кажется более чем вероятной [76]. Сведение о новой миссии В. В. Ромодановского в Литву, состоявшейся якобы в 1500 г., не вполне ясно [77]. В конце 1501 г. в походе на Литву он командовал сторожевым полком. В сентябре 1507 г. кн. В. В. Ромодановский был вторым в полку правой руки в новом походе на Литву. Наконец, в сентябре 1509 г. во время поездки Василия III в Новгород по возрасту его оставили в Москве [78]. В это время он впервые назывался окольничим.

Иван Лихач Васильевич (Теляляша) Ромодановский впервые упоминался среди воевод, участвовавших в Казанском походе

1485 г. В 1491 г. он купил земли в Московском уезде. В 1495 г. в свите сопровождал Ивана III в его поездке в Новгород [79]. Позднее он несколько лет выполнял обязанности наместника трети Московской (март 1507 г., декабрь 1511 г., март 1512 г., 1515/16 г.) [80]. Во второй Смоленский поход 1513 г. И. В. Ромодановский взят не был: его оставили в Москве [81]. Сохранилась духовная грамота 1521/22 г. Ивана Васильевича, ушедшего на покой в Богоявленский монастырь [82].

Третий из братьев Ромодановских, Семен Васильевич, в декабре 1499 г. вернулся из посольства в Крым. В декабре 1502 г. он был вторым воеводой сторожевого полка во время похода из Новгорода «в Литовскую землю» [83].

Четвертый «Васильевич», Юрий, упоминался в разряде похода 1495 г. и в качестве одного из участников торжеств по случаю свадьбы кн. В. Д. Холмского в 1500 г.[84]

Пятый брат, Федор, в источниках не упоминается, но, возможно, входил во двор кн. Семена Ивановича Калужского, так как его сын в середине XVI в. числился дворовым сыном боярским по Бежецкому верху [85].

Шестой брат, бездетный Михаил, присутствовал в 1500 г. на свадьбе кн. В. Д. Холмского [86]. Больше о нем ничего не известно.

Не повезло последнему из братьев — Борису. Впервые он упоминался в разрядах под 1495 г., затем в 1500 г. на свадьбе кн. В. Д. Холмского, но в битве под Оршей (1514 г.) он попал вместе с одним из своих сыновей (Петром) в плен [87].

У Ивана Андреевича Ряполовского было четверо сыновей: Иван, Семен Хрипун, Дмитрий и Андрей Лобан (убит в Белеве в 1437 г.) [88]. Первые трое в 1446 г. выступали горячими сторонниками Василия II в его борьбе с Дмитрием Шемякой [89]. Семен Хрипун Иванович, очевидно, в 1458 г. неудачно ходил в поход на Вятку [90]. Где-то в начале своей деятельности дал землю в Троицкий монастырь, а около 1472—1488 гг., возможно, он выступал среди послухов в купчей дьяка Романа Алексеева. Около 1467—1474 и 1474—1478 гг. выдавал жалованные грамоты в Стародубе Ряполовском, что говорит о сохранении им остатков суверенных прав [91].

Князь Семен с суздальцами и юрьевцами в конце 1477 г. участвовал в походе на Новгород [92]. В источниках, повествующих о событиях 60—70-х годов XV в., обычно не говорится, о каком из Семенов Ивановичей Ряполовских (Хрипуне или Молодом) идет речь в том или ином конкретном случае. Около 1483 г. кн. Семена Хрипуна постигла опала, а его послужильцы были распущены [93]. Исходя из этого, мы условно более поздние сведения относим к кн. Семену Молодому. Около 1472—1479 гг. «князь Семен Иванович» (возможно, Хрипун) променял ряд земель Суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю [94]. Около 1470 г. «князь Семен Иванович» был суздальским наместником [95]. Боярином Семен Иванович Хрипун не был в связи с тем, что он нахо-

дился на положении «служебных князей», т. е. сохранял остатки суверенных прав.

Дмитрий Иванович Ряполовский в 1459 г. участвовал в походе на Вятку. Около 1463 г. был боярином Ивана III. В 1461/62 г. ему Иван III дал жалованную грамоту. Около 1463—1470 гг. его вдова Елена передала земли Суздальского уезда на помин его души [96].

Лидером следующего поколения Ряполовских был сын Ивана Ивановича Семен Молодой. Впервые в источниках Семен Иванович Молодой упоминается в данной грамоте около 1467—1474 гг.[97] Летом 1482 г. «бояром и воеводам» в Нижний Новгород отправлены были «речи» Ивана III [98]. Среди «бояр и воевод» вторым назван некий «князь Семен Иванович», воевода кн. Андрея Углицкого. Последующие за ним лица (кн. Б. Оболенский, кн. Ф. Курбский и др.) в это время боярами не были. Возможно, не был им и кн. Семен Иванович, которого мы отождествляем с С. И. Молодым Ряполовским, так как его дядя Семен Хрипун если и был жив в это время, то находился в опале. В 1487 г. «князь Семен Иванович Ряполовский» (скорее всего, Молодой) возглавлял передовой полк в походе к Казани. В 1489 г. «князь Семен Иванович» находился на Вятке. Около 1491 г. кн. Семен Иванович Ряполовский (возможно, Молодой) был душеприказчиком А. М. Плещеева [99].

В конце 1491 г. кн. С. И. Ряполовский по распоряжению Ивана III «поимал» кн. Андрея Углицкого [100]. В 1492/93 и в 1495 гг. он сопровождает великого князя. В январе 1494 г. во время приема литовских послов, очевидно, впервые в источниках упоминается с боярским титулом. В том же году в марте—апреле ездил в Литву для переговоров о мире. В сентябре 1496 г. и сентябре 1498 г. дважды посылался к Казани [101]. Назван в 1498 г. в Хронографическом боярском списке [102]. С. И. Ряполовский был зятем И. Ю. Патрикеева [103]. Блистательная карьера Семена Ивановича окончилась трагедией: в январе 1499 г. он был казнен [104]. Детей у С. И. Ряполовского не было, зато двоюродных братьев четверо: Федор Хрипун, Василий Мних, Федор Стрига и Петр Лобан Семеновичи.

Старший из сыновей Семена Хрипуна Федор еще в 1468 г. разбил татарские войска у Нижнего. В Казанском походе 1487 г. он был вторым воеводой передового полка, в 1493 г. находился в войсках, располагавшихся в Твери, а в 1495—1496 гг. в качестве второго воеводы передового полка воевал со «свейскими немцами» [105]. Федор Хрипун упоминается также в поземельных актах 1485—1490, 1491—1492 и около 1490—1496 гг.[106]

У Федора Хрипуна было три сына. Старший из них, Михаил, известен как воевода в Дорогобуже в 1519 г.[107] Следующий по старшинству сын, Иван Хилок, в 1517 г. упоминается как воевода полка левой руки на Вошани [108]. Он стал родоначальником князей Хилковых (его сын Дмитрий — боярин середины XVI в.). Третий сын Хрипуна, Иван Тать, встречается неоднократно в разрядных

книгах с 1517 по 1537 г. Он побывал наместником в Туле (лето 1527 г.), третьим наместником в Рязани (1534—1537 гг.), но до думного чина не дослужился [109]. Иван Тать стал родоначальником князей Татевых.

Второй сын Семена Хрипуна, Василий Мних, упоминается в разрядах с 1492 по сентябрь 1507 г.[110] В 1503 г. он наместничал в Брянске. Первым браком Василий Мних женат был на дочери И. И. Всеволож-Заболоцкого, а вторым — на свояченице Василия III Марии Юрьевне Сабуровой (в 1506 г.) [111].

Третий из братьев Ряполовских, Федор Семенович Стрига, в 1500 г. присутствовал на церемонии бракосочетания кн. В. Д. Холмского. В Казанском походе 1506 г. командовал полком левой руки в конной рати (участвовавшие также в этом походе его братья командовали: Василий Мних — полком правой руки, а младший Петр Лобан — передовым полком) [112].

Последний из братьев Ряполовских, Петр Лобан Семенович, в разрядах упоминается с 1492 г. до лета 1522 г. В 1500 г. находился с кн. М. Курбским в Казани. В 1508/09 г. строил г. Белую. Во время первого похода на Смоленск (1512—1513 гг.) был третьим воеводой правой руки [113]. С 1518 по 1521 г. наместничал во Пскове [114]. В Государственном архиве хранилась духовная его жены (Аксиньи) и купчая князя Петра на с. Ламну [115]. Туда они попали, очевидно, в связи с бездетностью князя. Умер до 11 ноября 1523 г.[116]

Последняя ветвь Стародубских князей шла от Давыда Андреевича Палецкого, отца четырех сыновей (Федора Пестрого, Александра, Дмитрия Тулупа и Ивана). Федор Пестрый участвует в военных кампаниях еще в 1429 и 1431 гг.[117] Около 1453—1462 гг. Федор Давыдович с сыном Федором упоминаются в одном из поземельных дел [118]. Зимой 1471—1472 гг. Федор Пестрый (сын?) посылался с походом на Пермь [119].

У Федора Пестрого было пять сыновей: Иван Гундор (родоначальник Гундоровых), Федор Пеструха, Андрей Большой Гундор, Иван Образец и Андрей Меньшой Гундор. Иван Гундор в 1495 г. ездил в Литву в свите княжны Елены, затем присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского в 1500 г., а под 1501 г. упоминается в разрядах [120]. Андрей Большой, Иван Образец и Андрей Меньшой Гундор участвовали в поездке 1495 г. Ивана III в Новгород [121]. Первый из них упоминался в разрядах до 1519 г.[122] Возможно, он проводил какой-то «съезд бояром о землях» [123]. Андрей Меньшой Гундор участвовал в походах 1505—1521 гг.[124]

Внуки Дмитрия Тулупа Василий и Семен Ивановичи Тулуповы упоминаются в 1485—1500 и 1495 гг.[125], а их старший двоюродный брат Иван Васильевич — в 1501 г.[126]

У Ивана Давыдовича Палецкого было четверо сыновей: Федор Большой, Василий, Иван и Федор Меньшой. Иван встречается в разрядных записях 1507—1512 гг.[127]

Сын Ивана Ивановича Иван Хруль был казнен в 1497 г. в связи с заговором сторонников княжича Василия Ивановича [128]. Брат

Ивана Хруля Борис позднее служил Андрею Старицкому (1533—1537 гг.) [129]. С двумя братьями Федорами Палецкими разобраться по глухим упоминаниям источников трудно. Кто-то из них (возможно, Федор Большой) в 1480 г. находился при Иване III и в том же году был отправлен с посольством в Литву [130]. В 1497 г. Федор Палецкий ездил с миссией в Казань [131]. Федор Большой Палецкий упоминается в разрядах 1502 г.[132] Возможно, Федор Меньшой погиб в 1506 г., во время неудачного похода под Казань [133]. Федор Большой Палецкий и его дети Иван и Дмитрий упоминаются в духовной Г. Д. Русинова 1521/22 г.[134]

Сын Федора Большого Иван был в 1517 г. воеводой передового полка в войсках, стоявших на Вошани, а в 1519 г. стоял в Стародубе вместе с кн. Ф. И. Хованским. В 1523 г. И. Ф. Палецкий — второй воевода сторожевого полка под Опочкой. В 1524 г. его судовая рать была разбита под Казанью [135]. В марте 1525 г. как рязанский дворецкий он скреплял своей подписью жалованную грамоту [136]. В 1526 г. И. Ф. Палецкий упоминался среди поручителей по кн. М. Л. Глинском [137]. В 1529 г. был послан с дипломатической миссией в Казань. В марте 1532 г. в чине окольничего Иван Федорович встречал литовских послов [138]. Вскоре после этого (но до 3 августа 1533 г.) он умер [139].

Брат Ивана Федоровича Палецкого Дмитрий Череда (Щереда) в разрядах упоминается уже с 1527 г., когда наместничал в Мезецке. Очевидно, он был близок к Василию III. Во всяком случае, в 1533 г. сопровождал его в предсмертной поездке «на Волок». В 1534—1537 гг. наместничал на Луках. В 1537 г. он был уже дмитровским дворецким. Когда в апреле того же года его отправили в составе посольства в Литву, то ему приписан был и чин дворецкого Нижнего Новгорода: «а „дворетцкой" князь Дмитрей приписан в грамоте имяни для, а он был не дворетцкой» [140]. Дочь кн. Дмитрия была выдана замуж за брата Ивана IV Юрия в 1547 г.[141]

Шесть сыновей Федора Ивановича Меньшого Палецкого умерли бездетными. Федор и Андрей были взяты в плен, а Василий Булат убит во время одного из Смоленских походов [142]. И только Давыд Федорович в середине XVI в. дослужился до чина окольничего [143].

Потомки Стародубских князей сохранили прочные земельные связи со Стародубом на протяжении всего XVI в. и в середине века образовали особую корпорацию [144]. Однако остатки суверенных прав на Стародуб они потеряли где-то около 80-х годов XV в. (возможно, в связи с опалой кн. С. И. Хрипуна Ряполовского).

Оболенские

Князья Оболенские уже со второй половины XIV в. находились на московской службе. Они сыграли видную роль в обеспечении победы Василия II над Дмитрием Шемякой [145]. О том, чтобы они пользовались какими-либо суверенными правами в XV—XVI вв.,

нам не известно, но владения в Оболенске сохраняли [146]. К концу XV в. они получили поместья в Новгороде [147], Твери, а некоторые из них — в Бежецком верхе (уделе кн. Андрея Углицкого) (схема 3).

Сильно размножившиеся князья Оболенские в XV—XVI вв. состояли из нескольких ветвей. У князя Ивана Константиновича (сподвижника Дмитрия Донского) было шесть сыновей: от старшего, Никиты, пошли Курлятевы и Ногтевы, от второго, Василия, — Стригины, Ярославовы, Нагие и Телепни, от третьего, Михаила, — Туренины, Репнины, Пенинские, от четвертого, Семена, — Горенские, Золотые, Серебряные, Щепины, от пятого, Владимира, — Лыковы и Кашины. От младшего брата Ивана Константиновича, Андрея, пошли Долгорукие, Щербатые и Тростенские, которые в изучаемое время особенной роли в политической жизни страны не играли.

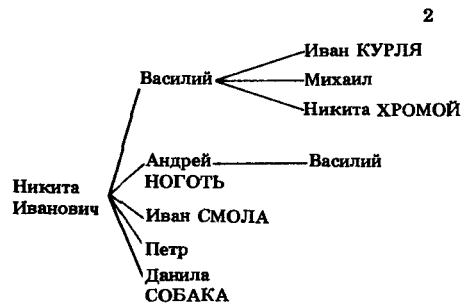
У Никиты Ивановича Оболенского были сыновья: Василий, Андрей Ноготь, Иван Смола, Петр и Данила Собака.

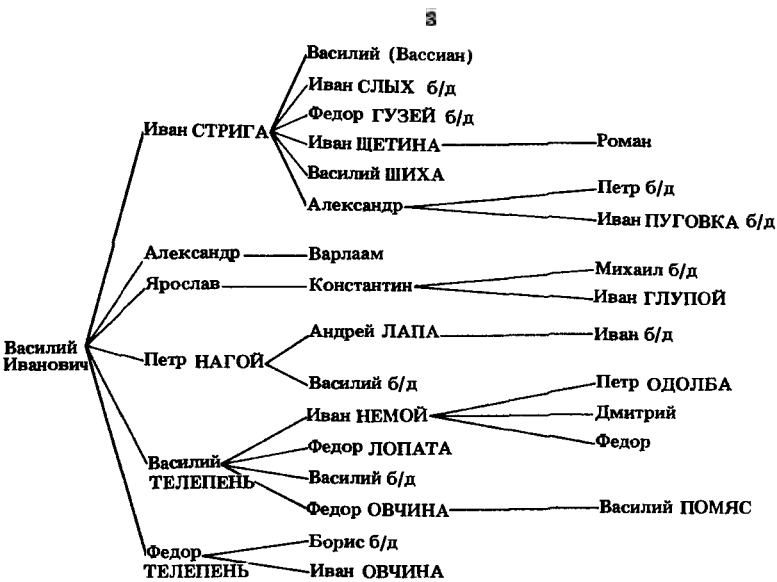
Василий Никитич стал боярином кн. Андрея Углицкого. Причиной этому могла быть родовая система наследования чинов. Дело в том, что ко времени образования уделов, накануне смерти Василия Темного, старшим в роду был дядя Василия Никитича Василий Иванович — боярин великого князя. Это не давало перспективы племяннику занять боярское место при дворе Ивана III, а вот в Углицком уделе брата великого князя он сразу же стал боярином. Уже около 1474—1491 гг. он в качестве такового присутствовал на суде кн. Андрея. Был Василий Никитич как боярин углицкого князя и на обмене земель, происходившем в 1470—1472 гг. В 1479 г. его посылал кн. Андрей для переговоров с Иваном III. Будучи воеводой кн. Андрея, В. Н. Оболенский находился в полку правой руки судовой рати, отправленной на Казань в 1487 г.[148]

Второй из «Никитичей», Андрей Ноготь, в январе 1480 г. послан был Иваном III в помощь Пскову для участия в войне с Ливонией. В январе 1493 г. Андрей Никитич и его брат Иван Смола в полку правой руки в походе против Литвы, а позднее находились «на берегу» [149].

Иван Смола Никитич присутствовал в феврале 1500 г. на свадьбе кн. В. Д. Холмского [150]. Возможно, именно И. Н. Оболенский около 1461 г. (или скорее 1471 г.) был боярином кн. Юрия Васильевича Дмитровского [151]. Брат Ивана Никитича Петр служил Борису Волоцкому (он упоминается в завещании этого князя 1477 г.). В конце 1477 г. участвовал в походе на Новгород, а в 1479 г. Петр Никитич был послан князем Борисом для весьма щекотливых переговоров с Иваном III. Весной 1491 г. он отправлен на помощь Менгли-Гирею против Большой Орды. В 1493 г. он в передовом полку в походе на Литву и, наконец, снова в передовом полку ходил под Выборг в августе 1495 г. В конце XV—начале XVI в. присутствовал на отводе волоцких земель [152].

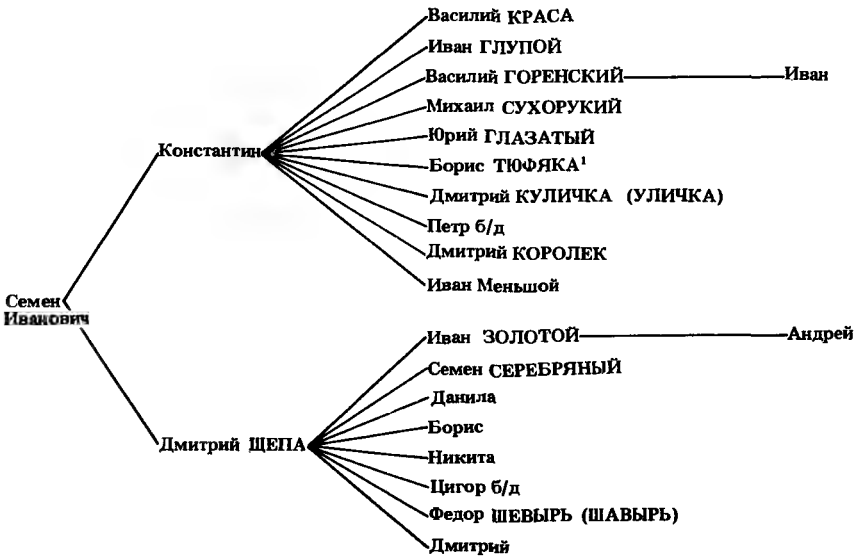
Схема 3
Князья Оболенские





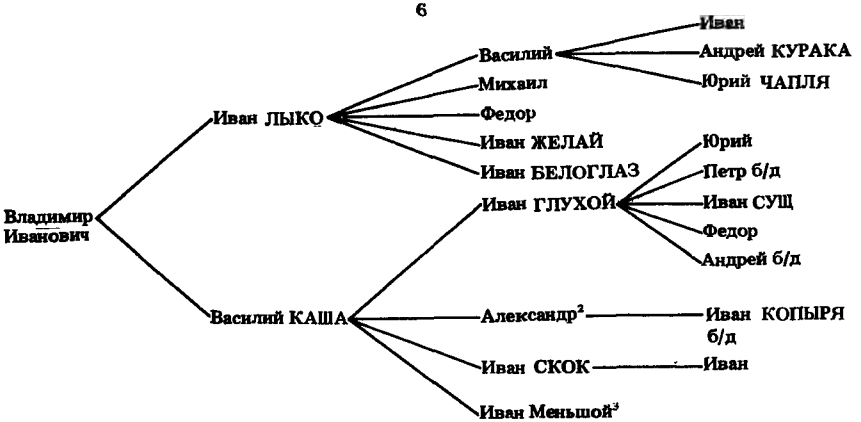
4

5

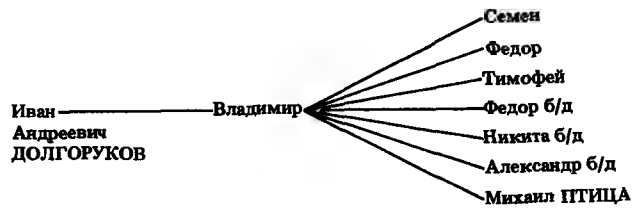


У Василия Никитича Оболенского было трое сыновей: Иван Курля, Михаил и Никита Хромой. Иван Курля, как и его отец, служил на Угличе: в 1506 г. во время Казанского похода он командовал нарядом в войсках князя Дмитрия Жилки [153]. У Курли (родоначальника Курлятевых) также было три сына: Михаил, Константин и Дмитрий. Константин в 1527 г. называется среди поручников по кн. М. Л. Глинском [154]. Д. И. Курлятев в разрядах появляется с 1531/32 г.[155] Оба они присутствовали в 1526 г. на свадьбе Василия III [156]. В 1527 г. кн. Дмитрий владел селом Горен-

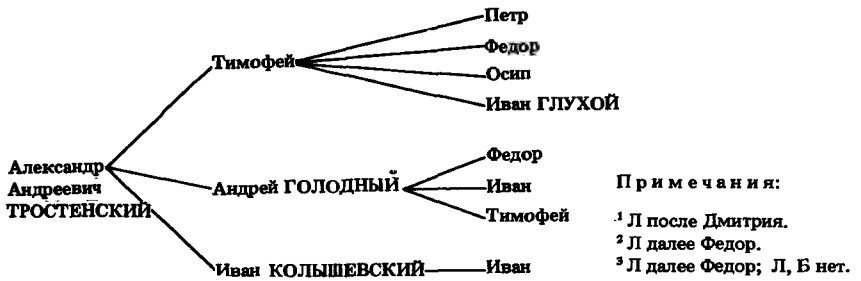
6



7



8



ским в Оболенске, а в 1536 г. он наместничал в Старой Русе [157]. Константин и Дмитрий в середине XVI в. дослужились до боярского звания.

Никита Хромой в 1500 г. присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского. В первом Смоленском походе 1512—1513 гг. он — первый воевода левой руки, во втором 1513 г. — воевода правой руки, в 1517 г. — первый воевода полка левой руки. После ликвидации Новгород-Северского княжества Василия Шемячича (1523 г.), во всяком случае с февраля 1524 по лето 1530 г., он

наместничал в Новгороде Северском. Затем, в 1531 г., он стоял с войсками против Рославля и в Кашире. В октябре того же года возглавил передовой полк в Нижнем Новгороде [158].

Последние десять лет жизни (с февраля 1534 г.) Н. В. Оболенский провел на наместничестве в Смоленске [159]. К ноябрю 1534 г. он уже боярин [160]. В ноябре 1534 г., во время Литовского похода, Никита Васильевич находился при кн. М. В. Горбатом вторым воеводой большого полка. На следующий год летом он упоминался в завещании этого князя, затем снова служил вторым воеводой большого полка в войсках, стоявших на Коломне в 1537 г. В том же году Н. В. Оболенский участвовал в «поимании» кн. Андрея Старицкого. Последний раз он упоминался в разрядах в 1540 г.[161] То, что Н. В. Оболенский сравнительно поздно получил боярский титул, объясняется, по-видимому, удельной службой его отца.

Вторая ветвь Оболенских шла от кн. Василия Ивановича, одного из верных сподвижников Василия Темного. В 1443 г. Василий Оболенский и Андрей Голтяев с великокняжеским двором разбили царевича Мустафу. В 1445 г. кн. Василий взял в плен мурзу Бегича. Будучи «большим воеводой», В. И. Оболенский в 1450 г. нанес решающее поражение Дмитрию Шемяке. «Князь Василий Иванович» присутствует на местническом суде 70-х годов XV в. среди бояр Ивана III. Его имя встречаем среди бояр и на докладе великому князю судного дела около 1462—1464 гг., а также на мене земель около 1456—1462 гг.[162]

Князь Василий женат был дважды: первым браком на дочери Федора Дмитриевича Всеволож-Заболоцкого; вторым — на внучке кн. В. Р. Белевского [163]. От первого брака у него были дети: Иван Стрига, Александр, Ярослав и Петр; от второго — Василий и Федор Телепни [164].

Иван Васильевич Стрига Оболенский, так же как и его отец, был горячим сторонником Василия II в его борьбе за великое княжение. Еще в 1446 г. он участвовал в переговорах с князьями Ряполовскими об освобождении Василия Темного. После освобождения великого князя присоединился к нему в 1447 г., а в 1449 г. не допустил Дмитрия Шемяку в Кострому. В 1456 г. взял Старую Русу и разбил новгородцев. В 1461—1462 гг. с год наместничал во Пскове. В 1467 г. вместе с царевичем Касимом возглавлял поход на Казань. Около 1463—1468 гг. он — наместник Ярославля и боярин [165]. Ему Иван III посылал распоряжение об «отказе» крестьян. В летописи сохранилась язвительная характеристика Стриги («явися новый чюдотворец, Иоанн Огафонович Сущей, созиратай Ярославьской земли; у кого село добро, ин отнял. . .») [166]. С другой стороны, псковичи и в 1464/65 г., и в 1472 г. просили Ивана III дать им Стригу в качестве князя-наместника, но в этом им было отказано [167]. Присутствовал как боярин на докладе Ивану III поземельных дел около 1462—1464, 1462—1478, 1465— 1469 (ярославское дело) и 1475—1476 гг.[168]

Иван Стрига был воеводой в походе на Новгород 1471 г. В 1472 г. посылался против Ахмата. В конце 1477—начале 1478 г.

был одним из деятельных участников ликвидации независимости Великого Новгорода [169]. Вместе с братом Ярославом назначен новгородским наместником, но вскоре (в феврале 1478 г.) отстранен от должности и весной того же года умер в Новгороде. Похоронен по его распоряжению в Спасо-Евфимьевом монастыре. Его московский двор до лета 1504 г. передан был князю Юрию Ивановичу Дмитровскому [170].

Из детей Ивана Стриги старший, Василий (Вассиан), стал епископом тверским (с 1477 г. до смерти в 1508 г.). Иван Слых и Федор Гузей ничем не прославились и умерли бездетными [171]. Четвертый сын, Иван Щетина, в неудачном походе на Казань 1505/06 г. служил на перевозе у воевод конной рати. В 1508 г. он был в войсках Д. В. Щени вторым воеводой правой руки. В третьем Смоленском походе 1514 г. И. И. Щетина — второй воевода левой руки. В 1516 г. на Вошани он второй воевода в передовом полку. В 1520 г. И. И. Щетина служил на Белой [172]. Будучи новгородским наместником (1522—1524 гг.), заключил 3 апреля 1524 г. договор со Швецией [173]. По возвращении с новгородского наместничества Щетина оказался «при деньгах» и в 1524/25 г. прикупил вотчину в Московском уезде. В 1526 г. он снова наместничал, на этот раз в Смоленске. В звании боярина в 1527 г. был одним из воевод на Ростиславле, а в 1528 и в 1529 гг. — на Коломне. Последние упоминания о нем относятся к 1530 и 1532 гг., когда он с войсками стоял на Кашире. У Щетины была дочь Мария [174].

Последние два сына Ивана Стриги — Василий Шиха и Александр — до думных чинов не дослужились. У Шихи была дочь Ефросинья. Известно также, что у него кн. Юрий Дмитровский «поотнимал» несколько починков и пожен. Очевидно, именно он в 1485/86 г. стоял во главе русской рати, посланной к Мухаммед-Эмину, в 1496 г. возглавлял большой полк конной рати в походе под Казань, а в 1525 г. наместничал в Новгороде [175]. Александр Иванович Стригин в 1507 г. был козельским наместником. В апреле 1525 г., зимой 1525/26 г., 1528 г. и, возможно, в декабре 1531 г. наместничал в Стародубе. В апреле 1536 г. он уже перебрался на наместничество во Псков [176].

Вторым сыном князя Василия Ивановича Оболенского был Александр. Как боярин он упоминается уже во время похода «миром» на Новгород в октябре 1475 г.[177] В конце 1477 г. с калужанами, серпуховичами и алексинцами кн. Александр участвовал в новом Новгородском походе. В походе на Казань 1487 г. он возглавлял полк правой руки судовой рати. В походе 1493 г. «на Северу», командуя полком правой руки, взял г. Мезецк. В том же году был среди воевод, находившихся при самом великом князе. В 1495 г. ездил с окружением Ивана III в Новгород. В 1496 г. вместе с кн. Василием Ивановичем Патрикеевым возглавлял большой полк конной рати в походе на Казань. В 1498 г. упоминался в Хронографическом списке думских чинов [178]. В конце 1501 г. участвовал в походе на Литву, во время которого 20 или

21 ноября был убит [179]. В конце XV в. владел поместьем в Бежецком уезде. Его московский двор до июня 1504 г. был передан Иваном III князю Юрию Ивановичу [180]. Сын Александра, Варлаам, постригся в Троицком монастыре.

Третий сын Василия Ивановича Оболенского, князь Ярослав, *с 1473 по 1477 г. был князем-наместником в Пскове, в 1478 г.*— феврале 1481 г. некоторое время наместничал в Новгороде, а затем в 1481—1482 гг. и с 1484 г. княжил во Пскове, где и умер с сыном в октябре 1487 г. Женат на дочери М. Ф. Сабурова. Боярином не был. В 1488 г. его сын Константин уехал с княжения во Пскове. В 1495 г. он ездил в свите княжны Елены в Литву [181].

Четвертый сын князя Василия Ивановича, Петр Нагой, впервые в источниках упоминается еще под 1468 г., когда он возглавлял московское ополчение, посланное к Казани. В походе на Новгород «миром» 1475 г. участвовал как сын боярский. Ходил и в поход на Новгород в 1477 г. В 1492/93 г. послан в Тверь вместе с другими воеводами княжича Василия. В 1498 г. упоминается в Хронографическом списке бояр. В феврале 1500 г. на свадьбе кн. В. Д. Холмского упомянут как боярин. Участвовал в 1500/01 г. в походе на Литву. Тогда был вторым воеводой передового полка. *В конце 1509 г., во время Псковского похода, по старости оставлен* в Москве [182].

Пятый сын Василия Ивановича Оболенского, Василий Телепень, в 1493 г. вместе с братом Александром возглавлял передовой полк в походе на Литву, а с братом Федором в начале 1494 г. выполнял придворные поручения во время приема литовских послов [183].

Шестой сын Василия Ивановича Оболенского, Федор Телепень, в 1492 г. ходил в поход на Литву и, возглавляя сторожевой полк, в августе взял Мценск. В походе на «свейских немцев» 1495 г. он во главе полка правой руки. В сентябрьском походе 1496 г. на Казань снова в полку правой руки. В феврале 1500 г. присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского. Участвовал в том же году в походе на Литву. В походе 1502 г. на Смоленск назван только третьим среди воевод сторожевого полка. В походе 1508 г. к Смоленску *снова возглавляет полк правой руки. Погиб в это время* при осаде Мстиславля. Боярином, возможно, не был [184].

Московские дворы Федора и Василия Телепней еще до конца 1503 г. Иван III передал своему брату Юрию [185].

Дети рано умершего В. В. Телепня, Иван Немой, Федор Лопата и Федор Овчина, а также их двоюродный брат Иван Федорович (будущий временщик в годы регентства Елены Глинской) играли заметную роль во второй период правления Василия III. На дочери Ивана Немого в начале 1527 г. женился кн. М. Л. Глинский [186]. Иван Немой воевал еще в Смоленских походах. В 1516 г. он служил с кн. И. М. Воротынским в Рославле. В 1517 г. стоял на Угре во главе передового полка. В 1519 г. И. В. Немой находился «на берегу» в полку левой руки, а в походе на Литву — вторым воеводой левой руки. В 1519/20 г. и во время набега

Мухаммед-Гирея в августе 1521 г. он был наместником на Белой. В 1522 г. находился среди воевод в Коломне. В 1523 г. он вместе с кн. И. И. Горбатым во главе конной рати отправлен для основания Васильграда [187]. Возможно, вместе с кн. С. Д. Оболенским подписывал («приказывал») жалованную грамоту Василия III на передачу Троицкому монастырю с. Леднева князя П. С. Ряполовского [188]. На свадьбе Василия III в 1526 г. присутствовал уже в качестве боярина [189]. В декабре 1526 г. сопровождал Василия III в Тихвинский, а в декабре 1528 г. в Кириллов монастырь. В феврале 1530 г. менял земли Василия III. Это последнее упоминание об И. В. Немом в источниках. Возможно, именно он женат на дочери Ф. А. Плещеева (в 1513/14 г.). Один из его сыновей, Дмитрий, — боярин времен Ивана IV. Его владения находились в Переяславском и Рузском уездах [190].

Федор Большой Лопата был менее удачлив. Прославился он в 1517 г., когда разбил вместе с И. В. Ляцким литовцев под Опочкой. В походе 1519 г. в Литву В. В. Шуйского из Вязьмы он возглавлял полк левой руки. Во время набега Мухаммед-Гирея 1521 г. он был вторым воеводой на Кашире, взят в плен, но выкуплен. Присутствовал на свадьбе Василия III с Еленой Глинской 1526 г. В конце 1527 г. отбивал вместе с другими воеводами набег Ислам-Гирея под Ростиславлем. Летом 1529 г. снова находился на юге «против устья Осетрьскаго» [191]. До 1531/32 г. задолжал 50 руб. благовещенскому протопопу Василию [192]. Федор Васильевич Лопата Телепнев-Оболенский возглавлял передовой полк судовой рати в походе на Казань 1530 г. и погиб во время погони за Сафа-Гиреем. До боярского чина он не дослужился [193].

Василий Васильевич Телепнев, очевидно, очень рано умер (в разрядах не встречается). Третий из братьев Телепневых, Федор Овчина, участвовал в войнах с крымцами (1521 г.) и с Казанью (1530 г.). В 1527 г. он находился среди поручников по кн. М. Л. Глинском. В бытность стародубским воеводой (с октября 1532 по август 1535 г.) попал в литовский плен, откуда не выбрался [194].

Если Федор Лопата и Федор Овчина боярами так и не стали, то их двоюродный брат Иван Федорович Овчина Телепнев-Оболенский сделал головокружительную карьеру. Сначала его военная деятельность была схожей со службой его родичей. В 1510/11 г. И. Ф. Телепнев возглавлял передовой полк небольшой рати на Туле. Упоминается он в качестве второго воеводы сторожевого полка во время зимнего похода 1515 г. В. В. Шуйского на Литву. В подобном же походе 1519 г. Иван Федорович Овчина — уже второй воевода левой руки. В 1515 г. встречал крымского посла. Во время набега Мухаммед-Гирея 1521 г. он находился в Серпухове (назван в разрядах после М. Д. Щенятева и И. М. Воротынского). В конной рати похода 1524 г. на Казань он возглавлял уже полк левой руки. В 1526 г. Иван Овчина присутствовал на свадьбе Василия III с Еленой Глинской. В 1526/27 г. вместе с А. М. Шуйским дал вклад в качестве душеприказчика

жены Н. Басенкова. Осенью 1527 г. на Ростиславле отбил вместе с В. С. Одоевским и И. И. Щетиной набег Ислам-Гирея. В августе 1528—летом 1529 г. наместничал в Калуге, а в 1529 г. снова послан «в поле» [195].

В Казанском походе 1530 г. в конной рати Иван Овчина возглавлял полк правой руки. Весной 1531 г. за новую неудачу, на этот раз в преследовании «крымских людей», он попал вместе с И. М. Воротынским и И. В. Ляцким в опалу, но уже в 1532 г. служил на Кашире вместе с двоюродным братом И. И. Щетиной. Летом 1533 г. Иван Овчина с другими воеводами находился в Коломне [196]. После смерти Василия III сделался при Елене Глинской первой фигурой в государстве. В январе 1534 г. он упоминался среди бояр [197]. В июле 1534 г. он в Коломне в качестве боярина и конюшего был воеводой левой руки [198]. Ходили слухи, что Овчина был возлюбленным правительницы России [199].

Во время русско-литовской войны Иван Овчина в ноябре 1534 г. командовал передовым полком, стоявшим в Рузе, а летом 1535 г. — таким же полком в рати кн. В. В. Шуйского, шедшей из Можайска к Смоленску. В феврале и августе 1536 г. вел переговоры с литовскими послами по поводу своего двоюродного брата Федора Телепнева. Весной 1537 г. И. Ф. Овчина участвовал в «поимании» кн. Андрея Старицкого. Летом того же года в Коломне он возглавлял полк левой руки, а в сентябре должен был пойти вторым воеводой передового полка в походе на Казань [200].

Как мы видим, даже то, что Иван Овчина был фаворитом Глинской, не давало ему еще возможности получить важнейшие разрядные должности, определявшиеся думным положением. Зато по дворцовому ведомству он достиг максимума — стал конюшим, т. е. наиболее видным администратором этого ведомства.

В 1538 г., после смерти Елены Глинской, И. Ф. Овчина Телепнев-Оболенский был казнен «боярским советом» [201]. Сын Овчины Федор был казнен в 1547 г.[202]

Борис Михайлович Туреня — племянник Василия Ивановича Оболенского — участвовал в походе на Новгород в 1477 г. (с можаичами, звенигородцами и ружанами). В 1482 г. он стерег Нижний Новгород от возможных набегов казанского царя Алегама. В 1484 г. Туреню посылали в погоню за князем Василием Михайловичем Верейским. В 1493 г. он первый воевода сторожевого полка во время похода на Литву; в 1498—1499 гг. находился в Вязьме, где был наместником. Во всяком случае, весной 1498 г. в Вязьму ему направлялись грамоты. В 1498 г. помещен в Хронографическом списке думных людей среди окольничих [203].

У Турени было шестеро сыновей: Василий Большой (который по неизвестной причине «в приказе не был»), Василий Меньшой, Владимир, Федор Гвоздь, Иван Бобос и Никита. Владимир Борисович упоминается в разрядах уже в 1493 г. Служил он также при дворе в 1495 и 1500 гг. В мае 1501 г. наместничал в Орешке [204]. Его брат Иван Борисович Туренин занимал небольшие командные посты в 1521 и 1524 гг.[205] Никита Борисович в 1512 г. служил

вторым воеводой передового полка в рати кн. И. М. Воротынского в Козельске и Калуге. В 1528 г. он вместе с другими служилыми людьми давал поруку по князьям А. М. и И. М. Шуйским. Затем он упоминался в разрядах в августе 1530 г. Побывав рязанским наместником летом 1530—в мае 1533 г., Н. Б. Туренин исчез из разрядов после 1536 г.[206]

Иоасаф Михайлович, брат Бориса Турени, постригся в Ферапонтовом монастыре и в 1481 г. стал архиепископом ростовским. Оставил архиепископию в 1489 г.[207]

Иван Михайлович Репня, третий брат Турени, в 1491 г. отпускался на помощь Менгли-Гирею. В мартовском походе 1492 г. к Смоленску он командовал полком правой руки [208]. В мае 1494 г. Репня наместничал в Суздале [209]. В 1495 г. он сопровождал Ивана III в поездке его в Новгород, откуда в сентябре 1496 г. был отправлен к Выборгу вторым воеводой передового полка. Осенью 1496 г. Иван Михайлович ходил в передовом полку к Казани, а в мае 1497 г. наместничал в Устюге [210]. В 1500 г. в качестве сына боярского он присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского. В том же году возглавлял передовой полк, отправленный к Путивлю. В 1502 г. во время походов на Литву И. М. Репня — в передовом полку и в полку левой руки. В походе 1506 г. на Казань в судовой рати он возглавлял полк левой руки. В осенней кампании 1507 г. против Литвы в войсках Якова Захарьича кн. Иван был во главе передового полка, направлявшегося к Смоленску [211]. В 1508/09 г. он назначен псковским князем-наместником [212]. Его самовластные действия вызвали раздражение псковичей и явились поводом «гнева» на них Василия III. Впервые с боярским титулом И. М. Репня упоминается в ноябре 1512 г., когда был отправлен воеводой большого полка к Смоленску. В это время он являлся вяземским наместником. Последний раз И. М. Репня упоминается во втором походе к Смоленску летом 1513 г., когда он возглавлял передовой полк на Вязьме в войсках Д. В. Щени и осенью этого же года — большой полк, отправленный к Смоленску из Дорогобужа [213].

Старший сын И. М. Репни, Василий, постригся в Кирилловом монастыре. Его брат Петр впервые упоминается в разрядах под 1510/11 г. В 1526 г. он присутствовал на свадьбе Василия III. В 1526/27 г. он находился в Серпухове, осенью 1527 г. — в Коломне, а осенью 1528 г. — в Кашире. В 1536/37 г. Петр Иванович наместничал в Рязани [214]. Третий из братьев Репниных, Василий Меньшой, упоминался в разрядах в 1518—1537 гг.[215]

Брат Ивана Михайловича Репни Андрей Пенинский промелькнул в разрядах начала XVI в. (присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского в 1500 г. и в 1512/13 г. участвовал в обороне южных рубежей Русского государства) [216]. Три его сына — Иван, Юрий Большой и Юрий Меньшой — служили у кн. Андрея Старицкого. Юрий Большой, очевидно, был старицким дворецким в 1537 г.[217]

У Семена Ивановича (брата Василия и Михаила Оболенских)

было два сына — Константин и Дмитрий Щепа. Князь Дмитрий Щепа, а также кн. Константин (очевидно, уже умерший) и его сын Иван упоминаются в акте 1496—1498 гг. в связи с поземельным спором в районе Малоярославского уезда [218].

Третий из десяти сыновей Константина Семеновича, кн. Василий, был родоначальником князей Горенских [219]. Его сын Иван в середине XVI в. стал боярином [220], а внук Петр — кравчим.

Дмитрий Семенович Щепа в 1482 г. служил в полках в Нижнем Новгороде. В 1495 г. он сопровождал Ивана III в его новгородской поездке. В конце XV в. владел землями в Малом Ярославце [221]. Его сын Семен Дмитриевич Щепин-Серебряный участвовал уже в военной кампании с Литвой 1508 г. Во время второго Смоленского похода 1513 г. стоял на Угре вторым воеводой передового полка. В третьем Смоленском походе 1514 г. С. Д. Серебряный находился на Туле вторым воеводой левой руки. В 1515 г. в походе к Мстиславлю Б. И. Горбатого он первый воевода правой руки. На следующий год кн. Семен стоял на Вошани первым воеводой левой руки, а также служил на Вязьме. В 1517 г. на Вошани возглавлял сторожевой полк, а на Суре был вторым воеводой передового полка. В 1519 г. «на берегу» Семен Дмитриевич — второй воевода левой руки. В 1520 г. он служил на Белой, в 1521 г. — вторым среди воевод на Угре. В 1522 г. вместе с другими воеводами находился при Василии III в Коломне. В 1524 г. в походе на Казань С. Д. Серебряный возглавлял полк правой руки. В 1526 г. присутствовал на свадьбе Василия III, причем впервые упомянут с боярским титулом. В ноябре 1523 г. и июле 1528 г. он исполнял обязанности дворецкого [222]. Другие дети Д. С. Щепы (Борис, Иван Золотой, Федор, Никита и Дмитрий) или их потомки в середине XVI в. владели землями в Твери [223]. Дети князя Семена Василий и Петр в середине XVI в. также стали боярами.

Иван Владимирович Лыко Оболенский (сын одного из братьев Василия Ивановича, родоначальник Лыковых) на заре своей деятельности, будучи великолуцким наместником, в 1479 г. отъехал от Ивана III к его брату Борису. В 1483 г. ездил с посольством в Крым. В 1487 г. посылался на Вятку. В 1487/88 г. стерег Устюг от вятчан. В 1493 г. в Литовском походе был воеводой левой руки и в том же году стоял с войсками в Тарусе. В феврале 1494 г. он присутствовал на приеме литовских послов. В августе 1495—августе 1497 г. наместничал в Новгороде [224]. Его дети — Василий, Федор и Михаил — в 1500 г. присутствовали на свадьбе В. Д. Холмского [225]. Князь Василий в 1500 г. владел поместьями в Вотской пятине [226]. Дети Василия Ивановича Лыкова — Иван, Андрей Курака и Юрий Чапля — служили князю Андрею Старицкому, а последний был и боярином у сына Андрея Ивановича — Владимира [227].

Брат Ивана Владимировича Лыка Василий Каша (родоначальник Кашиных) в 1493 г. участвовал в походе к Мезецку [228]. Его сын Иван Глухой помелькнул в разрядах в 1516—1521 гг.[229] В 1527 г. он выступал одним из поручников по кн. М. Л. Глин-

ском [230]. Брат Ивана Глухого, Александр, сначала (в 1508 г.) служил князю Семену Калужскому, затем он встречается в разрядах с 1510/11 по 1535 г. в различных должностях: воеводы-наместника (рязанского в 1527/28 и 1529 гг. и стародубского в апреле 1525 г., зимой 1525/26 г. и в 1531 г.), строителя Пронска и т. п.[231] У князя Ивана Глухого было пять сыновей, старший из них, Юрий, в середине XVI в. стал боярином, а в 1564 г. был казнен [232].

У младшего брата Ивана Константиновича Оболенского, Андрея, было три сына: Иван Долгорукий [233], Василий Щербатый и Александр Тростенский [234]. Василий Щербатый упоминается как участник Новгородского похода Ивана III 1495 г.[235], а его сын (тоже Василий) впервые — в 1535 г.[236] Судя по тому, что в середине XVI в. владения Щербатовых находились в Алексинском уезде, надо полагать, что Щербатовы служили князю Андрею Старицкому, а потому их незаметно при великокняжеском дворе.

Иван Васильевич Щербатов был женат на дочери Ф. А. Плещеева Настасье, а мужем ее сестры был кн. П. В. Хованский. Это также связывает Щербатовых с двором кн. Андрея [237].

На судьбе князей Оболенских можно проследить две тенденции, характерные для истории княжеских родов XV—начала XVI в. Во-первых, старшие ветви рода постепенно сходят с исторической сцены, так как их потомки оказываются связанными с уделами. Это происходило из-за родового принципа продвижения по лестнице чинов: дети старшего из братьев оказывались «младше» своих дядей и вынуждены были искать чинов и счастья в уделах, не дожидаясь смерти своих «старших» родичей. Так, дети Никиты Ивановича Оболенского вынуждены были пойти в уделы: Василий — в Углич, Иван — в Дмитров, Петр — на Волок, так как ко времени создания уделов Василием Темным при великокняжеском дворе служил их дядя Василий Иванович. Во-вторых, в случае разрастания рода и самые младшие ветви тоже могут оказаться связанными с уделами, а поэтому с трудом пробивают себе путь к великокняжескому двору.

Оболенские в годы правления Василия III в реальной правительственной деятельности участия не принимали. В первой половине княжения в Думе было по одному из них (П. В. Оболенский — до 1509 г., И. М. Репня — в 1512—1513 гг.). Зато во второй период правления роль Оболенских увеличилась (И. В. Немой — в 1526—1530 гг., С. Д. Щепин-Серебряный — в 1526—1528 гг., И. И. Щетина — в 1527—1532 гг.). Это подготовило их взлет в годы регентства Елены Глинской. Оболенские известны по преимуществу как военачальники.

В середине XVI в. Оболенские (во всяком случае, их компактная масса) составляли особую служилую корпорацию, сохранившую не только следы своего территориального происхождения, но и реальные владения в Оболенске [238]. Реконструкция землевладения Оболенских в изучаемый период должна основываться (как, впрочем, и для других родов) на сочетании трех аспектов исследования: 1) сведений о вотчинах потомков Оболенских;

2) установлении генеалогической связи этих потомков с предками, жившими в XV—XVI вв.; 3) сопоставлении историко-генеалогических материалов с топонимическим и картографическим вообще.

Князья Звенигородские

Князья Звенигородские (из Черниговских князей) издавна служили московским государям. У князя Александра Федоровича Звенигородского, приехавшего на Русь в свите Свидригайлы в 1408 г.[239], было четыре сына: Глеб, Иван Большой, Иван Катлече (последний бездетный) и Евлах [240] (схема 4).

Старшая ветвь Звенигородских вся пошла в уделы. У князя Глеба было три сына: Василий, Иван Смотра и Федор Шист. Потомство Глеба прочно обосновалось в Кашине и Рузе. Сам Василий, очевидно, имел земли в Рузе. Во всяком случае, он записан в Синодике Иосифа Волоцкого, а в середине XVI в. внуки его сына Ивана Рюмы служили в Рузе, числясь детьми боярскими Юрия Ивановича [241]. Сын Василия Глебовича Данила постригся в Волоколамский монастырь [242] и умер в 1538 г. В Рузе владели землями и дети другого его сына — Петра [243]. Иван Смотра также, скорее всего, служил кн. Борису Васильевичу [244]. Потомки Ивана Смотры и Федора Шиста были землевладельцами по Ржеве, Рузе и Дорогобужу [245]. Всего этого было вполне достаточно, чтобы старшая ветвь Звенигородских была исключена из окружения Ивана III и Василия III. Только младшая ветвь, не связанная с уделами, продвинулась по служебной лестнице.

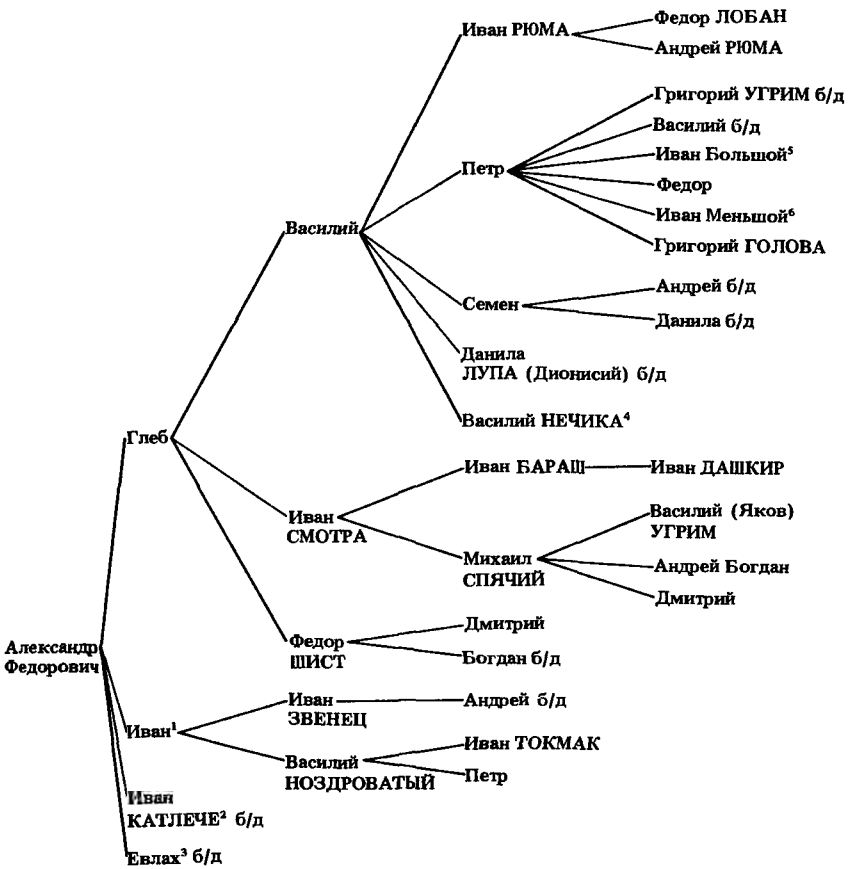
Иван Большой Александрович Звенигородский еще в 1451 г. был московским воеводой. Около 1447—1455 гг. он в качестве великокняжеского боярина присутствовал на мене земель. Около 1453—1462 гг. присутствовал на суде у кн. Ивана Юрьевича. При Иване III Иван Александрович в Думу не входил. Около 1455—1463 гг. ему докладывались поземельные дела. С 1463 по 1466 г. он был князем-наместником во Пскове [246]. У него было два сына — Иван Звенец и Василий Ноздроватый [247].

Иван Иванович Звенец уже в 1468 г. участвовал с устюжанами в Казанском походе, а в конце 1475 г. — в походе «миром» Ивана III, будучи сыном боярским. Участвовал и в походе на Новгород 1477 г. В апреле 1480 г. Звенец был послан в Крым, а в 1482 г. ездил с миссией в Казань. В 1489 г. (с устюжанами) был одним из участников взятия Вятки. Летом 1490 г. в чине окольничего присутствовал на приеме имперского посла. Возможно, этот чин кн. Иван Иванович получил за успешный поход 1489 г. В 1495/96 г. ездил с Иваном III в Новгород. В конце 1496 г. был отправлен в новое посольство в Крым, из которого не вернулся [248].

Второй сын князя Ивана Александровича, Василий Ноздроватый, также известен своей службой при дворе. В марте 1484 г. он посылался с миссией в Крым, а в ноябре 1491 г. вел переговоры в Москве с крымскими послами. В 1501 г. возглавлял поход на улусы Мухаммед-Эмина. В январе 1502 г. ездил с миссией

Схема 4

Князья Звенигородские



Примечания:

[1] Л нет.
[2] Р нет; Л Иван Коплечей (Иванко Плечей?)
[3] Так Л. Б, Р нет.
[4] Л нет.
[5] Л нет.
[6] Л нет.

в Казань. В 1507 г. находился среди других русских воевод в Нижнем Новгороде. В конце 1509 г. он окольничий, сопровождающий Василия III в Новгород [249].

Внуки В. И. Ноздроватого Юрий и Василий Ивановичи Токмаковы в середине XVI в. служили по Коломне, а затем по Кашире [250].

Судьба Звенигородских весьма примечательна. Она показывает, как младшие ветви княжеских фамилий (лишенные родовых земель) переходили на великокняжескую службу и достигали

значительно бóльших успехов, чем их старшие родичи, служившие в уделах. Звенигородские особой корпорации не образовали, несли службу «с города».

* * *

Старомосковские княжата входили в Думу постепенно: ранее других — Гедиминовичи, затем — Оболенские. Только в 1494 г. боярином стал кн. С. И. Ряполовский ввиду того, что Стародубские и Ряполовские княжата еще в 70-х годах сохраняли остатки суверенных прав. Старомосковские княжата на протяжении второй половины XV—первой трети XVI в. дали ряд крупных политических деятелей, таких, как князья И. Ю. и Ю. П. Патрикеевы, кн. С. И. Ряполовский, полководцы Д. В. Щеня и И. В. Стрига Оболенский. Если в начале 60-х годов XV в. они не занимали ведущего положения в Думе, то уже с начала 70-х годов до половины ее членов происходило из этих фамилий. Как показали С. Б. Веселовский и Л. В. Черепнин, все это были решительные сторонники объединительной политики великокняжеской власти, хотя их представления о путях ее осуществления не всегда совпадали с намерениями Ивана III.

События 1499 г. привели к резкому падению роли Гедиминовичей и Ряполовских в Думе. Приход к власти в 1534 г. фаворита Елены Глинской кн. И. Ф. Телепнева-Оболенского, продолжавшего линию правительства Василия III на укрепление единодержавия, вызвал недовольство княжеско-боярской оппозиции, что привело к его падению в 1538 г.

[1] ПСРЛ. Т. 28. С. 88, 92.

[2] В конце XV в. в новгородских писцовых книгах мы находим Ивана Большого, Ивана Меньшого и Василия Семеновича Корецких и Семена Волоха (НПК. Т. 1. Стб. 218, 408).

[3] *Зимин А. А.* Из истории феодального землевладения в Волоцком удельном княжестве // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 71—78.

[4] АСЭИ. Т. 3. № 407; АФЗХ. Ч. 2. № 49. С. 51.

[5] ДДГ. № 99. С. 414; РК. С. 13; АРГ 1505—1526 гг. № 78. С. 85.

[6] РК. С. 21. Василий в Казанском походе 1487 г. был вторым воеводой левой руки (Р. С. 28). О вкладах его и брата по душе отца в Иосифо-Волоколамский моиастырь см.: Послания Иосифа Волоцкого. М., 1959. С. 182; *Зимин.* Вотчина. С. 107.

[7] РК. С. 30. Его сын Петр в 1528 г. был одним из поручников по князьям Шуйским (СГГД. Ч. 1. № 156. С. 430).

[8] О владениях Петра см.: АРГ 1505—1526 гг. № 108, 123, 141, 251.

[9] Род. кн. Ч. 1. С. 31; Р. С. 168, 217. О Хованских см.: *Шереметев П.* О князьях Хованских // ЛИРО. М., 1980. Вып. 1, 2.

[10] Поскольку в 1455 г. Иван Юрьевич командует ратью, то ему вряд ли было в это время менее 25 лет, но и вряд ли особенно больше, ибо после этого он еще при дворе находился 44 года до своего пострижения.

[11] ПСРЛ. Т. 28. С. 112, 115; АФЗХ. Ч. 1. № 30. С. 49. См. также его меновную около 1476—1482 гг. на белозерские земли: АСЭИ. Т. 2. № 247, 496; ДДГ. № 61. С. 198—199. По Ш, боярин с 1462 г. См. также: *Alef.* P. 95, 96, 110. В Государеве родословце ни он, ни его сын Василий боярами ие названы (Род. кн. Ч. 1. С. 36).

[12] АСЭИ. Т. 3. № 97, 229, 403; ПСРЛ. Т. 28. С. 117; *Шмидт.* С. 272. В Московском уезде он приобрел земельные владения. Находился в тесных отношениях с Симоновским монастырем (*Ивина.* С. 109).
[13] АСЭИ. Т. 3. № 19; РК. С. 17; ПСРЛ. Т. 12. С. 184—186; Р. С. 19.
[14] ДДГ. № 74. С. 277; ПСРЛ. Т. 12. С. 200; Т. 23. С. 162. РИБ. Т. 22. Стб. 29—30.
[15] ДДГ. № 77. С. 292; Сб. РИО. Т. 35. С. 5; ПДС. Т. 1. Стб. 1; ПСРЛ. Т. 12. С. 219—220.
[16] *Казакова, Лурье.* С. 385; ПСРЛ. Т. 12. С. 233.
[17] Сб. РИО. Т. 35. С. 71, 72, 133—137, 149 и др.; *Черепнин.* Архивы. Ч. 2. С. 307—308; АЗР. Т. 1. № 110.
[18] РК. С. 24; ДДГ. № 85. С. 344.
[19] Около 1462—1484 гг. (АСЭИ. Т. 1. № 330, 642), 1465—1469 гг. (Там же. Т. 2. № 381), 1473—1489 гг. (АФЗХ. Ч. 1. № 249), 1475—1476 гг. (АСЭИ. Т. 2. № 229), 1472—1476 гг. (Там же. № 467-а). Присутствовал на решении местнического дела Ивана III 70-х годов XV в. (Р. С. 86).
[20] Около 1474—1475 гг. (АСЭИ. Т. 1. № 430).
[21] В 1490 г. (Там же. Т. 2. № 402), 1494—1499 гг. (Там же. № 410).
[22] Около 1474—1484 гг. (Там же. Т. 1. № 446), 1490—1498 гг. (Там же. Т. 2. № 404, 405), после августа 1494 г. (Там же. № 409), 1494—1499 гг. (Там же. № 411, 412), в сентябре 1496 г. (Там же. Т. 1. № 604), 1496—1498 гг. (Там же. № 607, 607-а).
[23] ДДГ. № 86. С. 345—349; *Шмидт.* С. 272.
[24] РИИР. Вып. 2. С. 56.
[25] АФЗХ. Ч. 1. № 30, 80.
[26] Род. кн. Ч. 2. С. 43. О нем см. также: *Alef.* P. 112. По Ш, боярин с 1475/76 г., умер в 1478/79 г. В Государеве родословце боярином не назван (Род. кн. Ч. 1. С. 36, 41).
[27] РК. С. 17.
[28] ИЛ. С. 122; ПЛ. Вып. 1. С. 79.
[29] РК. С. 19, 20. Некий Иван Васильевич наместничал в Нижнем и летом 1491 г. (Сб. РИО. Т. 41. С. 132). По Алефу, это был Чобот (*Alef.* P. 90). Нам кажется, скорее Булгак.
[30] ПСРЛ. Т. 6. С. 15.
[31] АФЗХ. Ч. 1. № 30; РК. С. 17; ср.: *Alef.* P. 112; ПДС. Т. 1. Стб. 1. Назван боярином в Государеве родословце (Род. кн. Ч. 1. С. 36).
[32] РК. С. 21; ИЛ. С. 127.
[33] АСЭИ. Т. 3. № 400. С. 416 («Булгаков»); *Каштанов.* Очерки. № 36. С. 403 («Данилу Михайловичю»).
[34] РК. С. 23, 24, 26, 27; Р. С. 37; ИЛ. С. 185; [ПСРЛ. Т. 37. С. 98]; ПЛ. Вып. 1. С. 81.
[35] ИЛ. С. 141; РК. С. 30, 31.
[36] ПСРЛ. Т. 28. С. 335.
[37] РК. С. 33. Возможно, поход состоялся в декабре 1502 г. (Там же. С. 35; ПЛ. Вып. 1. С. 87). В марте 1502 г. ему в городок Ям была послана «Триодь» (*Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С.* Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 152).
[38] ИЛ. С. 144; Сб. РИО. Т. 35. С. 336, 339, 384 («воевода новогородский»); ПЛ. Вып. 1. С. 87; РК. С. 33, 35; ПДС. Т. 1. Стб. 123, 125 (сентябрь и ноябрь 1502 г., январь 1503 г., май 1504 г., июнь 1505 г.).
[39] ДДГ. № 89. С. 364.
[40] РК. С. 37, 39, 40; *Зимин.* Наместническое управление. С. 280; ПДС. Т. 1. Стб. 154; РЛА. № 306.
[41] *Голохвастов Д.* Историческое значение слова «кормление» // Рус. архив. 1889. № 4. С. 651; АРГ 1505—1526 гг. № 101. С. 105—106.
[42] РК. С. 39, 40, 42, 45, 48, 49, 51—53, 57; ИЛ. С. 163; Сборник Муханова. СПб., 1866. № 278; ср.: АСЭИ. Т. 2. № 464; ср. № 490.
[43] РК. С. 17, 22, 23; ИЛ. С. 185; ПСРЛ. Т. 6. С. 15; АСЭИ. Т. 3. № 479.
[44] ПСРЛ. Т. 28. С. 156; РК. С. 23; Р. С. 36.
[45] Сб. РИО. Т. 35. С. 114, 116, 123, 124, 138—144, 146, 148, 149, 428.
[46] РК. С. 24. О нем см.: *Alef.* P. 114.
[47] ДДГ. № 86. С. 348. Завещание написано после смерти Михаила Колышки.

[48] РК. С. 27; ПСРЛ. Т. 28. С. 327. По Вологодско-Пермской летописи, осаждал Выборг в апреле 1496 г. (ПСРЛ. Т. 26. С. 290).
[49] ДДГ. № 85. С. 344.
[50] Подробнее см.: *Зимин.* События. С. 98—100.
[51] *Шмидт.* С. 272.
[52] О В. И. Патрикееве см.: *Черепнин.* Архивы. Ч. 2. С. 308—309; *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 36—48; *Она же.* Очерки. С. 87 и след. Н. А. Казакова неоднократно повторяла, что Вассиан «был родственником Сабуровых» (*Казакова.* Очерки. С. 118 и др.). Это ошибка.
[53] РК. С. 25; АСЭИ. Т. 3. № 479; НПК. Т. 1. Стб. 718.
[54] РК. С. 16, 25; *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37.
[55] РК. С. 37, 45, 46, 47, 49, 50; ПСРЛ. Т. 23. С. 201; Сб. РИО. Т. 35. С. 654, 657; *Зимин.* Состав Боярской думы. С. 49. Князь Михаил был отпущен в Москву, но король велел ему «опять быть с Москвы к себе в Литву. И князь Михайло Голицын с Москвы в Литву отпущен и не стало его на рубеже» (ЦГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД). № 173. Л. 44. Указано М. Е. Бычковой).
[56] РК. С. 68. Затем, в 1534 г. и позднее, воевода (Там же. С. 84, 87—91). В декабре 1528 г. он ездил «в окольничих» вместе с Василием III в Кириллов монастырь (ЛОИИ. Собр. Лихачева. № 365. Л. 852 об.). Сохранилось глухое известие, что он был кравчим (*Зимин.* О составе. С. 189).
[57] РК. С. 16; Сб. РИО. Т. 35. С. 484.
[58] РК. С. 16, 25, 45, 67. По одному из родословцев, Михаил, Дмитрий и Андрей Голицыны были «взяты в полон в Литву на Оршинском бою в лето 7023-го году, а были в полону сорок лет» (ЦГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД). № 173. Л. 44). Сведение об Андрее неверно, ибо он участвовал в походах 1513—1520 гг. (РК. С. 47, 51, 52, 54, 57, 59, 62, 65).
[59] *Масленникова.* С. 193; РК. С. 45, 51, 53, 57, 59, 61, 66—69, 72, 76, 77; Сб. РИО. Т. 53. С. 213, 217, 230, 241; *Лихачев.* С. 176; *Назаров.* Свадебные дела. С. 116 (В. Д. Назаров связывает опалу с тем, что в 1514 г. в литовский плен попали двоюродные братья М. Д. Щенятева М. И. и Д. И. Булгаковы); ПСРЛ. Т. 28. С. 161; *Лихачев.* Заметки. С. 71. См. «ссороки» (? «соромки») его человека с Марком Греком (ГАР. С. 50 (ящик 42), 204), а также купчую его на две трети с. Лыкова (Там же. С. 65 (ящик 134), 294).
[60] Тысячная книга. С. 138.
[61] *Экземплярский.* Т. 2. С. 182. О дроблении Стародубского княжества на уделы к концу XIV в. после смерти кн. Андрея Федоровича см.: *Кучкин В. А.* Стародубское княжество и его уделы до конца XIV в. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 245—252.
[62] Род. кн. Ч. 2. С. 59. В. А. Кучкин чисто умозрительно старшим сыном считает не Василия Пожарского, а Федора Стародубского. Летописная редакция родословных книг старшим сыном называет Данилу Пожарского, у которого был сын Федор (РИИР. Вып. 2. С. 36). Но в конце XIV—начале XV в. был кн. Данила Васильевич Пожарский (АСЭИ. Т. 1. № 5).
[63] См. о них: *Савёлов Л. М.* Князья Пожарские // ЛИРО. М., 1906. Вып. 2-3. С. 13—14. Кн. Иван Васильевич Черный Стародубский в 1495 г. сопровождал Ивана III в Новгород (РК. С. 25). Кн. Ф. Ф. Пожарский и его дети упоминаются в актах 1519 г. (*Зимин.* Хронологический перечень актов архива Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря (1506—1612 гг.) // АЕ за 1962 год. М., 1963. № 15. С. 369; Владимирский сборник. М., 1857. С. 128).
[64] АСЭИ. Т. 1. № 513; ср. в грамоте около 1468—1478 гг. (Там же. № 385); РК. С. 25; *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37; Род. кн. Ч. 2. С. 61; Послания Иосифа Волоцкого. С. 194, 208, 220—224, 226, 264. В 1488 г. с ним Иван III прислал в Новгород послание о еретиках (*Казакова, Лурье.* С. 314; см. также: *Зимин.* Вотчина. С. 82—83). В середине XVI в. дети И. А. Кривоборского Андрей, Василий, Федор и Василий Меньшой владели землями на Белоозере (АГР. Т. 1. № 79. С. 220—221).
[65] *Савёлов Л. М.* Князья Ковровы // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 286—296.
[66] РК. С. 25, 60—62, 65, 66; *Зимин.* Наместническое управление. С. 284; *Экземплярский.* Т. 2. С. 196.

[67] АСЭИ. Т. 2. № 455.
[68] Род. кн. Ч. 2. С. 62.
[69] АСЭИ. Т. 2. № 496.
[70] Сб. РИО. Т. 35. С. 164.
[71] *Веселовский*. Землевладение. С. 291.
[72] АСЭИ. Т. 1. № 378; Т. 2. № 189, 190, 233; ДДГ. № 80. С. 305, 308, 311; № 89. С. 358; Сб. РИО. Т. 41. С. 98—104.
[73] РК. С. 22, 27, 28; Сб. РИО. Т. 35. С. 170, 172, 173, 180, 198, 210, 249 и след.
[74] ПСРЛ. Т. 26. С. 291.
[75] *Каштанов*. История. С. 113; *Fennell J.* Ivan the Great of Moscow. L., 1961. P. 351—352, 358.
[76] *Зимин*. События. С. 96.
[77] ПСРЛ. Т. 6. С. 45, 243. По С. М. Каштанову, это сведение, скорее всего, ошибочно (*Каштанов*. История. С. 118).
[78] РК. С. 33; ср. в конце 1502 г. (Там же. С. 35, 38, 44).
[79] Там же. С. 20, 21, 25; *Голубцов, Назаров*. С. 83.
[80] АСЭИ. Т. 3. № 451; РИБ. Т. 17. № 347, 509.
[81] РК. С. 53. По Ш. боярин с 1514/15 г., умер в 1519/20 г. В Государеве родословце о его боярстве не говорится (Род. кн. Ч. 2. С. 73).
[82] *Голубцов, Назаров*. С. 84.
[83] ИЛ. С. 138; РК. С. 34, 35. Старшего сына Семена Васильевича Петра «убили. . . в Стародубе литовские люди» (Род. кн. Ч. 2. С. 73). О Петре см. также: АФЗХ. Ч. 2. № 97. В разрядах он упоминается в 1532—1534 гг. Убит он был, вероятно, в 1535 г., когда город был осажден литовцами (РК. С. 81, 85).
[84] РК. С. 25; *Сахаров* Т. II, кн. VI. С. 37.
[85] Тысячная книга. С. 201.
[86] *Сахаров*. Т. II, кн. VI.С. 37.
[87] РК. С. 25; *Сахаров*. Т. II, кн. VI. С. 37.
[88] Род. кн. Ч. 2. С. 76; ПСРЛ. Т. 8. С. 107.
[89] ПСРЛ. Т. 28. С. 106, 107.
[90] Там же. Т. 12. С. 112.
[91] АСЭИ. Т. 1. № 188, 350, 415, 436.
[92] РК. С. 18; ПСРЛ. Т. 6. С. 207, 209. Г. Алеф, следуя Шереметевскому списку (боярин с 1477/78 г., «выбыл» в 1498/99 г.), относит получение Ряполовским боярства ко времени Новгородского похода 1477 г. (*Alef*. P. 86, 104, 113). В Государеве родословце о его боярстве не говорится (Род. кн. Ч. 2. С. 76).
[93] РИБ. Т. 22. Стб. 29—30; ср.: НПК. Т. 3. С. 32, 82, 360.
[94] АСЭИ. Т. 2. № 470, 471 (в последнем случае 1472—1479 гг.). Сохранилось упоминание о «меновных» князя «Семена Ивановича» и его жалованной грамоте (Там же. Т. 3. № 502, п. 102, 126, п. 5 доп.).
[95] Там же. Т. 3. № 409, 410; *Колычева Е. И.* Полные и докладные грамоты XV—XVI вв. // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 46—47.
[96] ПСРЛ. Т. 12. С. 112; АСЭИ. Т. 2. № 374—375. С. 370, 373; № 462; Т. 3. № 502, п. 108. О Д. И. Ряполовском см.: *Alef*. P. 116.
[97] АСЭИ. Т. 1. № 374.
[98] РК. С. 19.
[99] Там же. С. 20, 21; АСЭИ. Т. 1. № 562. Возможно, в 1482 г. он (кн. Семен Ряполовский) был воеводой кн. Андрея Вологодского и находился в Нижнем (РК. С. 20). Но, может быть, речь идет о Семене Ивановиче Приимыше Стародубском-Кривоборском.
[100] [ПСРЛ. Т. 37. С. 97]. По Г. Алефу, возможно, с этого года стал боярином (*Alef*. P. 104).
[101] РК. С. 24, 28; Сб. РИО. Т. 35. С. 114—124, 148, 151, 163—171, 175, 176, 178—188, 190, 206, 207. В Государеве родословце о его боярстве не говорится (Род. кн. Ч. 2. С. 77), возможно, в связи с опалой.
[102] *Шмидт*. С. 272.
[103] ДДГ. № 86. С. 348.
[104] Подробнее об этом см.: *Черепнин*. Архивы. Ч. 2. С. 315; *Зимин*. События. С. 91—103.
[105] ПСРЛ. Т. 12. С. 120; Т. 28. С. 153; РК. С. 21, 23, 24, 26. Сведение Ш о боярстве Федора Хрипунова с 1492/93 г., скорее всего, основано на разрядных книгах.

В Государеве родословце о его боярстве не говорится (Род. кн. Ч. 2. С. 77).
[106] АСЭИ. Т. 2. № 399, 484; АФЗХ. Ч. 1. № 227.
[107] РК. С. 62.
[108] Там же. С. 60.
[109] Там же. С. 59, 68, 70, 74, 76, 78, 79, 81, 83, 84, 87, 88, 90, 91. В 1531 г. был «придан» к большому полку кн. И. М. Воротынского, находившемуся на Туле (Р. С. 219).
[110] РК. С. 16, 21, 22, 25, 30, 34, 37, 39.
[111] Сб. РИО. Т. 35. С. 447; Род. кн. Ч. 2. С. 43; РК. С. 16; АРГ 1505—1526 гг. № 220. С. 222.
[112] *Сахаров*. Т. II, кн. VI. С. 37; РК. С. 37. У Федора Стриги был сын Иван, промелькнувший в разрядах 1521 г. (РК. С. 65).
[113] РК. С. 22, 33, 35, 37, 39, 43, 49, 52, 60, 67, 69; *Сахаров*. Т. II, кн. VI. С. 37; ИЛ. С. 141, 192; [ПСРЛ. Т. 37. С. 100].
[114] Сб. РИО. Т. 53. С. 42, 71, 120, 135, 188; РЛА. № 369 (март 1518 г., апрель 1519 г., июнь 1520 г., март 1521 г.); ПЛ. Вып. 1. С. 102 (1520—1521 гг.).
[115] ГАР. С. 42 (ящик 26), 79 (ящик 186), 148, 402—403.
[116] АРГ 1505—1526 гг. № 220. С. 222. По Ш, боярин с 1518/19 г., умер в 1523/24 г. В Государеве родословце о его боярстве не говорится (Род. кн. Ч. 2. С. 77), но в Летописной редакции есть («в боярстве был» — РИИР. Вып. 2. С. 38).
[117] ПСРЛ. Т. 6. С. 143, 144.
[118] АСЭИ. Т. 2. № 496.
[119] ИЛ. С. 75, 79. А. В. Экземплярский путает его с Ф. Д. Хромым (*Экземплярский*. Т. 2. С. 194—195).
[120] ДРВ. Ч. 14. С. 20; Сб. РИО. Т. 35. С. 164; *Сахаров*. Т. II, кн. VI. С. 37; РК. С. 32. Испомещен в Новгороде (НПК. Т. 6. Стб. 130, 512).
[121] РК. С. 25. Возможно, Иван Образец («Иван Пестрый») присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского 1500 г. (*Сахаров*. Т. II, кн. VI. С. 37).
[122] РК. С. 64 (Андрей Федорович «Пестрого»). Сын И. Гундора Семен упоминался в разрядах в 1531 г. (Там же. С. 79), Юрий — с 1533 г. (Там же. С. 81).
[123] ДДГ. С. 448.
[124] РК. С. 37, 66.
[125] Там же. С. 20, 26; *Сахаров*. Т. II, кн. VI. С. 37.
[126] РК. С. 31. Андрей и Владимир Васильевичи и Иван Дмитриевич Тулуповы в конце XV в. были новгородскими помещиками (НПК. Т. 4. Стб. 478; Т. 5. Стб. 154).
[127] РК. С. 38—39, 41, 43, 46.
[128] ПСРЛ. Т. 12. С. 263. О нем см.: *Веселовский С. Б.* Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 г. // Ист. зап. М., 1939. Т. 5. С. 43—44; *Зимин А. А.* Летописные свидетельства о коронации Дмитрия-внука и заговоре Владимира Гусева (1497—1498 гг.) // Летописи и хроники: Сб. статей, 1973 г. М., 1974. С. 246.
[129] ПСРЛ. Т. 13. С. 97 (1535—1537 гг.); Р. С. 237 (1533 г.).
[130] ПСРЛ. Т. 6. С. 230; Сб. РИО. Т. 35. С. 13, 25.
[131] ИЛ. С. 132; Сб. РИО. Т. 41. С. 239.
[132] РК. С. 34.
[133] ПСРЛ. Т. 24. С. 215.
[134] АРГ 1505—1526 гг. № 196.
[135] РК. С. 60, 62; Р. С. 188; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 264, 265.
[136] ГИМ. ОПИ. Собр. Барсова. № 48987/2. Указано С. М. Каштановым.
[137] СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428. В 1526/27 г. он упоминается среди послухов в купчей того же кн. Михаила (АРГ 1505—1526 гг. № 286).
[138] ПСРЛ. Т. 13. С. 46; Сб. РИО. Т. 35. С. 847, 850, 855.
[139] *Зимин*. Состав Боярской думы. С. 53. В духовной Н. Ф. Лихарева упоминается долг ему (ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). Кн. 556. Л. 51 об.).
[140] РК. С. 71, 85, 90; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 555—556; ПЛ. Вып. 1. С. 106; *Зимин*. Наместническое управление. С. 272; *Он же*. О составе. С. 192; Сб. РИО. Т. 59. С. 109.
[141] РК. С. 11.
[142] Род. кн. Ч. 2. С. 84. В Государственном архиве хранился «съезд бояром о зем-

лех» при Василии III «со князем Ондреем Палитцким» (Описи Царского архива. С. 50; ГАР. С. 203).

[143] В 1527 г. Давыд Федорович назван среди поручников по кн. М. Л. Глинском (СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428). В разрядах упомянут в 1531/32 г. (Р. С. 230).

[144] Тысячная книга. С. 55, 58, 63. О земельных связях князей Стародубских см.: *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 331—332. По наблюдениям Ю. М. Эскина, около 40 % пахотной земли в Стародубе еще в конце XVI в. принадлежало князьям Стародубским (*Эскин Ю. М.* Стародубские князья: Дипломная работа, защищенная в 1973 г. в МГПИ им. В. И. Ленина).

[145] Подробнее об Оболенских см.: *Власьев.* Т. I, ч. 2. С. 251 и след.

[146] Еще в 1496—1498 гг. владения Троицкого монастыря в Малоярославском уезде находились на границе «со всеми князи Оболенскими» (АСЭИ. Т. 1. № 607, 607-а. С. 505, 510). Их потомки владели землями в Оболенске еще в XVII в. (*Власьев.* Т. I, ч. 2. С. 412, 456, 485 и др.).

[147] НПК. Т. 1. Стб. 531—533, 829, 860—862.

[148] АСЭИ. Т. 1. № 447; Т. 3. № 58-а; ПСРЛ. Т. 6. С. 223; РК. С. 21. По Ш, В. М. (?Н) Оболенский — боярин с 1479/80 г., умер в 1480/81 г.

[149] ПЛ. Вып. 1. С. 77; РК. С. 22, 24.

[150] РК. С. 16.

[151] ДДГ. № 68. С. 224. Фамилия «Ивана Никитича» не указана.

[152] Там же. № 71. С. 251; ПСРЛ. Т. 6. С. 213, 223; Т. 28. С. 155; РК. С. 23, 24; АФЗХ. Ч. 2. № 24. См. о нем также: *Зимин.* Вотчина. С. 107.

[153] РК. С. 36.

[154] СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428.

[155] РК. С. 80, 82; Р. С. 228, 229, 232 (1531/32 г.); ср. вместе с братом Константином в 1533/34 г. (Р. С. 246).

[156] Р. С. 194.

[157] *Шумаков С. А.* Сотницы, грамоты и записи. Вып. 3 // ЧОИДР. 1904. Кн. IV. С. 29; РК. С. 90. В середине XVI в. владел поместьем в Твери (ПКМГ. Ч. I, отд. 2. С. 236).

[158] *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37; РК. С. 48, 51, 53, 60, 75, 77, 79; ЦГАДА. Ф. 123 (Крымские дела). Кн. 6. Л. 47, 164 об., 200, 289; *Дукаев.* Максим Грек. С. 82 (в декабре 1526 г., марте 1528 г., 1529 г., нюле 1530 г.).

[159] *Зимин.* Наместническое управление. С. 288.

[160] ПСРЛ. Т. 13. С. 81; ср. в мае 1536 г. (Сб. РИО. Т. 59. С. 30). По Ш, боярин с 1512/13 г., умер в 1539/40 г.

[161] РК. С. 85, 91, 100; Владимирский сборник. С. 129; ПСРЛ. Т. 13. С. 118.

[162] ПСРЛ. Т. 8. С. 111; Т. 28. С. 110; ИЛ. С. 34; Р. С. 86; АФЗХ. Ч. 1. № 103; АСЭИ. Т. 1. № 277. С. 198, 612; см. также в меновной 1458 г. без боярского титула (АФЗХ. Ч. 1. № 126; ср.: *Alef.* Р. 117).

[163] Род. кн. Ч. 2. С. 44; РИИР. Вып. 2. С. 112—113; *Власьев.* Т. I, ч. 2. С. 253.

[164] Брат Василия Семен (родоначальник Горенских, Серебряных, Щепиных) в 1445 г. после ослепления Василия Темного бежал в Литву (ИЛ. С. 37). В 1446 г. после освобождения великого князя присоединился к нему (Там же. С. 40). В 1451 г. упоминается, что боярину С. И. Оболенскому великий князь продал с. Толстиково (ДДГ. № 58. С. 180). В 1452 г. вместе с Федором Басенком организует сопротивление под Устюгом Дмитрию Шемяке, назван при этом боярином (ИЛ. С. 46). Младший из братьев — Глеб, будучи в Устюге, в 1436 г. убит киязем Василием Юрьевичем (ПСРЛ. Т. 28. С. 101).

[165] ИЛ. С. 39, 40, 55; ПСРЛ. Т. 28. С. 110, 113; ПЛ. Вып. 1. С. 61, 62; АСЭИ. Т. 1. № 338.

[166] ПСРЛ. Т. 23. С. 158. См. об Иване Стриге Оболенском: *Веселовский.* С. 436; *Черепнин.* Образование. С. 828—830; *Alef.* Р. 101—102, 110. По Ш, боярин с 1462 г., умер в 1477/78 г. В Государеве родословце о его боярстве не говорится (Род. кн. Ч. 1. С. 214).

[167] ПЛ. Вып. 2. С. 164, 187.

[168] АФЗХ. Ч. 1. № 103. С. 99 («князь Иван Васильевич»); АСЭИ. Т. 2. № 229. С. 152 («князь Иван Васильевич»); № 370. С. 365; № 464. С. 504 («князь Иван Васильевич»).

[169] ИЛ. С. 66, 80, 99, 100, 104, 106—108, 114—117; ПСРЛ. Т. 6. С. 192; РК. С. 18. Шел в поход «с володимерцы».

[170] ПСРЛ. Т. 6. С. 220—221; ДДГ. № 91. С. 370.

[171] У Ивана Слыха и Ивана Щетины было поместье в Суздальском уезде (АИ. Т. 1. С. 319). Женой Федора была дочь И. Г. Чорта Курицына Евдокия (АРГ 1505—1526 гг. № 108; *Ивина.* С. 139), женой Ивана Стригина — дочь И. К. Морозова-Владыкина (Род. кн. Ч. 1. С. 266).

[172] РК. С. 36, 39, 54, 58, 65.

[173] РИБ. Т. 15. № 15, 24; БАН. Текущие поступления. № 98. Л. 64; ЦГАДА. Ф. 1144 (Новгородская приказная изба). Кн. 8. Л. 114 (декабрь 1522 г., май—декабрь 1523 г.); СГГД. Ч. 5. № 99. С. 100—102.

[174] АРГ 1505—1526 гг. № 108, 243; Сб. РИО. Т. 35. С. 712; РК. С. 71—74, 80. Какой-то Оболенский в 1530 г. менял земли с Кирилло-Белозерским монастырем по приказу Василия III (ГПБ. Собр. Санкт-Петербургской духовной академии. № А I/16. Л. 15 об.—16; *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 107).

[175] АРГ 1505—1526 гг. № 108; *Лихачев Н. П.* Сборник актов. СПб., 1895. Вып. 2. С. 213; РК. С. 20, 24, 28; РИБ. Т. 15. № 17. Упоминается в разрядах также 1502 г. (РК. С. 34).

[176] ИЛ. С. 151; *Зимин.* Наместническое управление. С. 288; РК. С. 90.

[177] РК. С. 17. По Ш, боярин с 1475/76 г., убит в 1501/02 г. См.: *Alef.* P. 113; *Веселовский.* С. 436. В Государеве родословце о его боярстве не говорится (Род. кн. Ч. 1. С. 214).

[178] РК. С. 18, 21—24, 28; ПСРЛ. Т. 6. С. 207, 209; *Шмидт.* С. 272.

[179] ПСРЛ. Т. 6. С. 47; Т. 28. С. 335; ПЛ. Вып. 1. С. 86, 87. См.: *Гиршберг В. Б.* Надпись 1501 г. из Троице-Сергиевой лавры // Сов. археология. 1959. № 3. С. 227.

[180] НПК. Т. 2. Стб. 426—428; ДДГ. № 91. С. 370.

[181] ПСРЛ. Т. 6. С. 19; Т. 25. С. 322; ПЛ. Вып. 1. С. 75, 76, 79, 80, 81; ср.: НПК. Т. 3. Стб. 748; *Власьев.* Т. 1, ч. 2. С. 260; Сб. РИО. Т. 35. 164. Михаил Константинович упоминался в духовной А. И. Шадрина 1525 г. (АРГ 1505—1526 гг. № 251).

[182] ПСРЛ. Т. 6. С. 240; Т. 28. С. 119; РК. С. 16, 17, 19, 23, 30, 31, 44; *Шмидт.* С. 272. По Ш, боярин с 1499/1500 г., умер в 1509/10 г. См.: *Alef.* P. 104; *Веселовский.* С. 436—437. В Государеве родословце о его боярстве не говорится (Род. кн. Ч. 1. С. 214). Старший сын Петра Андрей осенью 1527 г. находился с другими воеводами на Кашире (Р. С. 199; дата 7035 ошибочна).

[183] РК. С. 22; Сб. РИО. Т. 35. С. 113.

[184] ПСРЛ. Т. 28. С. 157; РК. С. 22, 24, 27, 28, 16, 31, 34, 39; Р. С. 32; *Власьев.* Т. I, ч. 2. С. 261. Упоминается как боярин в 1507 г. в посольских делах (Сб. РИО. Т. 35. С. 483). Но так как ни в разрядах под 1508 г., ни в Государеве родословце о боярстве его не говорится, считаем сведение 1507 г. недостаточным для зачисления Федора Телепня в бояре.

[185] ДДГ. № 89. С. 358; № 91. С. 370.

[186] ПСРЛ. Т. 8. С. 272. Ф. В. Лопата (и его сын Василий Помяс) и И. В. Немой (с сыном Дмитрием) около 1508 г. владели землями в Бежецком верхе по наследству от кн. А. В. Оболенского (АГР. Т. 1. № 71. С. 176—177; *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVII вв. М., 1973. С. 160; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 313. Потомки И. Немого продолжали владеть землями в Оболенске (*Власьев.* Т. I, ч. 2. С. 400).

[187] РК. С. 50 (на Угре второй воевода большого полка), 55 (в левой руке на Туле), 59, 62, 67, 68; Р. С. 156, 185, 187.

[188] АРГ 1505—1526 гг. № 220.

[189] РК. С. 9. По Ш, боярин с 1521/22 г., умер в 1533/34 г.

[190] ПСРЛ. Т. 6. С. 265; ЛОИИ. Собр. Лихачева. № 365. Л. 852 об.; РИБ. Т. 2. № 35; АРГ 1505—1526 гг. № 111; *Шумаков.* Обзор. Вып. 4. № 953; АФЗХ. Ч. 2. № 297.

[191] ПСРЛ. Т. 6. С. 259, 263; ПДС. Т. 1. Стб. 256, 337; РК. С. 63, 65, 71, 73; Р. С. 195.

[192] ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). № 281. Платил деньги его сын Василий.

[193] РК. С. 75; ПСРЛ. Т. 6. С. 265; Т. 26. С. 314; Род. кн. Ч. 1. С. 216; ЦГАДА. Ф. 123 (Крымские дела). Кн. 6. Л. 303; *Власьев.* Т. I, ч. 2. С. 396—397 (16 июля). По Ш, боярин с 1518/19 г., убит в 1530 г. В Государеве родословце о его боярстве не говорится (Род. кн. Ч. 1. С. 216). Сын Федора Василий упоминается примерно с 1535 до 1550 г. (Р. С. 253 и след.).

[194] РК. С. 66, 73, 83 (май 1533 г.), 85 (июль 1534 г.); СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428; ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 301; Сб. РИО. Т. 35. С. 860—861; Т. 59. С. 14.

[195] Р. С. 115, 193; РК. С. 57, 62, 63, 64 (в Стародубе). 67, 71—74; Сб. РИО. Т. 95. С. 151; АРГ 1505—1526 гг. № 284.

[196] РК. С. 75, 78, 80, 82.

[197] АЗР. Т. II. № 175. С. 234. Сведение В. Н. Татищева о том, что Василий III поручил править государством Овчине вместе с Еленой Глинской, Михаилом Глинским, Б. И. Горбатым и М. Ю. Захарьиным, не основано на не дошедших до нас летописях, как думает Х. Рюсс (*Rüß*. S. 488), а явилось результатом исторических построений автора «Истории Российской» (*Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1966. Т. 6. С. 138).

[198] РК. С. 84. Рюсс ошибочно считает, что впервые как боярин в разрядах он упоминается в 1536 г. (*Rüß*. S. 487).

[199] *Герберштейн*. С. 39.

[200] РК. С. 86, 87, 91, 94; Сб. РИО. Т. 59. С. 22, 43; ПСРЛ. Т. 13. С. 118. Летом 1535 г. вместе с кн. В. В. Шуйским был душеприказчиком у кн. М. В. Горбатого (Владимирский сборник. С. 130). В 1526/27 г. вместе с кн. А. М. Шуйским был душеприказчиком у вдовы И. Н. Басенкова (АРГ 1505—1526 гг. № 284).

[201] ПСРЛ. Т. 13. С. 123; *Герберштейн*. С. 40. Ср. «дело княж Иваново Овчининово-Телепнева, что ему прислал король грамоту ехати было ему в Литву» (ГАР. С. 44 (ящик 27), 63 (ящик 121), 159—160, 284).

[202] *Тихомиров*. Записки. С. 180—181.

[203] ПСРЛ. Т. 6. С. 207, 208, 235; РК. С. 19 (упомянут среди «бояр и воевод»), 22; АЗР. Т. 1. № 155. С. 176—177; Сб. РИО. Т. 35. С. 273, 276, 278; *Шмидт*. С. 273. В Государеве родословце о его думных чинах сведений нет (Род. кн. Ч. 1. С. 217).

[204] РК. С. 22—24, 26, 30, 32; Р. С. 66.

[205] РК. С. 66, 70.

[206] Р. С. 121; СГГД. Ч. 1. № 156. С. 430; РК. С. 74, 76—78, 81—83, 86, 87, 90. Его потомки продолжали владеть землями в Оболенске.

[207] ПСРЛ. Т. 6. С. 233, 238.

[208] Там же. Т. 28. С. 155; Р. С. 30, 31.

[209] Ср.: «доложа князя Ивана Михайловича, наместника суздальского» (ЦГАДА. Ф. 135 (Государственное древлехранилище). Приложения. Рубр. VI. № 4).

[210] РК. С. 27; Северные грамоты XV в. // ЛЗАК. Л., 1929. Вып. 35. С. 163. № 64.

[211] РК. С. 25, 26, 16, 34—36, 47.

[212] ПЛ. Вып. 1. С. 92. Тогда же участвовал в войне с Великим княжеством Литовским (Р. С. 112).

[213] РК. С. 47, 51; ИЛ. С. 191.

[214] РК. С. 56, 90—91; Р. С. 115, 193, 200, 201.

[215] РК. С. 67 и след.

[216] Там же. С. 16, 45, 47, 50.

[217] Род. кн. Ч. 1. С. 219; ПСРЛ. Т. 28. С. 356—357; РК. С. 13. О вкладах Оболенских, в том числе и кн. Ю. А. Пенинского, в Волоколамский монастырь см.: *Зимин*. Вотчина. С. 133.

[218] АСЭИ. Т. 1. № 607. С. 505, 507.

[219] Его братья Михаил Сухорукий, Дмитрий Уличка и Юрий Глазатый около 1495 г. владели поместьями в Деревской пятине Новгорода (НПК. Т. 1. Стб. 531—533, 539, 829, 856 -862; Т. 3. Стб. 776—777). Федор Юрьевич Глазатый в 1550 г. был тысячником той же пятины (Тысячная книга. С. 82).

[220] Впервые упоминается на свадьбе Василия III в 1526 г. (РК. С. 9).

[221] РК. С. 19, 20, 25; АСЭИ. Т. 1. № 607, 607-а.

[222] РК. С. 42, 50, 55, 56, 58—60, 62, 65—68; 70; Р. С. 9, 108, 155; АРГ 1505—1526 гг. № 43, 220; ГПБ. F. I. 788; Гос. архив Рязанской области. Ф. 869 (Рязанская ученая архивная комиссия). Оп. 1. Св. 18. № 237. Л. 3—3 об. По Ш, боярин с 1521/22 г., умер в 1523/24 г. В Государеве родословце о его боярстве не говорится (Род. кн. Ч. 1. С. 223).

[223] ПКМГ. Ч. I, отд. 2. С. 51—52, 62, 85, 102, 230, 236, 242. Б. Д. Щепин принимал участие в приеме крымских послов в 1508 г. и в приеме литовских в 1509 и 1526 гг. (Сб. РИО. Т. 95. С. 19; Т. 35. С. 486, 713, 717), а также на свадьбе Василия III в 1526 г. (Р. С. 194). О нем см. в разрядах под 1531, 1533, 1540, 1544 гг. (РК. С. 13, 78, 98, 108). Под 1524 г. упоминается «Борис Щепин» (Там же.

С. 70); ср. в Государственном архиве (ГАР. С. 45 (ящик 28), 171) Б. Д. и Д. Д. Щепины упоминаются в 1546 г. (*Назаров.* Свадебные дела. С. 117). Дмитрий Дмитриевич Щепин наместничал в Гомеле летом 1534 г., в июле 1535 г. литовцы взяли Гомель, но Щепина отпустили (*Тихомиров.* Записки. С. 175; РК. С. 85, 88). Никита Дмитриевич встречается в разрядах в 1521—1530 гг. (РК. С. 66, 74).

224 ПСРЛ. Т. 6. С. 222; АЗР. Т. 1. № 71. С. 87; Сб. РИО. Т. 35. С. 123; Т. 41. С. 34—37; РК. С. 21, 22, 24; *Зимин.* Наместническое управление. С. 279—280.

225 ДРВ. Ч. XIII. С. 2; *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37.

226 НПК. Т. 3. Стб. 19—20.

227 В середине XVII в. потомки Василия Ивановича продолжали владеть землями в Оболенске (*Власьев.* Т. I, ч. 2. С. 485).

228 РК. С. 22. Упомянут как послух в акте по Малоярославскому уезду около 1496—1498 гг. (АСЭИ. Т. 1. № 609).

229 РК. С. 59—62, 65, 67; Р. С. 176. Его сын Юрий присутствовал на свадьбе Василия III в 1526 г. (Р. С. 195).

230 СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428.

231 Р. С. 98 (? он или Иван Глухой), 115; РК. С. 45, 46, 57, 58, 60, 63—65, 71, 73—79, 82, 83, 85, 90; Сб. РИО. Т. 35. С. 693, 709, 767, 844. Позднее, в 1538—1542 гг., — посол в Крыму (*Власьев.* Т. I, ч. 2. С. 498). Упоминается в докладной 1515 г. (АРГ 1505—1526 гг. № 123).

232 Князь Юрий и его племянник Иван служили в середине XVI в. по Калуге (Тысячная книга. С. 168).

233 Сын Ивана Владимир с детьми Семеном и Федором упоминаются в поземельном акте на малоярославецкие земли около 1496—1498 гг. (АСЭИ. Т. 1. № 609).

234 У Александра были сыновья Тимофей, Андрей Голодный и Иван Колышевский. Тимофей впервые упомянут в разрядах уже под 1486 г. (РК. С. 20), а затем в походах 1495 и 1500 гг. (Там же. С. 24, 30). В 1500 г. присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского (Там же. С. 16). Сведения о нем доходят до 1512 г. (Там же. С. 46, 47). Его сын Осип в 1527 г. наместничал и был воеводой в 1534 г. (Там же. С. 70; Р. С. 232, 247 и след.), а впервые с братом Иваном упоминается еще в 1519 и 1534 гг. (РК. С. 64; Р. С. 251). Андрей и Иван Александровичи встречаются в разрядных записях 1520 г. (РК. С. 65, 66). Петр Тимофеевич Тростенский был новгородским помещиком (НПК. Т. 5. Стб. 27). Федор Тимофеевич упоминается в 1527/28—1530/31 гг. (Р. С. 206, 220, 224). Около 1496—1498 гг. упоминается в акте по Малому Ярославцу кн. Даниил Александрович Оболенский (АСЭИ. Т. 1. № 609. С. 519). Как предполагает В. Б. Кобрин, возможно, речь шла об одном из сыновей Александра Тростенского.

235 РК. С. 25.

236 Там же. С. 87; Р. С. 255.

237 *Шумаков.* Обзор. Вып. 4. № 994, 995 (1515—1517 гг.). Позднее Щербатовы присутствуют на свадьбах кн. Владимира Старицкого (*Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 52, 62).

238 Тысячная книга. С. 55, 57, 61, 118—119.

239 ПСРЛ. Т. 11. С. 204. Среди других городов, полученных Свидригайлой, был и Волок. Отсюда, очевидно, и связи князей Звенигородских с Волоцким уделом.

240 Род. кн. Ч. 1. С. 196; АФЗХ. Ч. 2. № 2. Евлах есть только в Летописной редакции родословца, где нет Ивана Большого.

241 Тысячная книга. С. 134, 175.

242 Род. кн. Ч. 1. С. 196.

243 АФЗХ. Ч. 2. № 299, 300, 347.

244 Иван Смотра около 1477—1494 гг. был послухом в одном акте на волоколамские земли (АФЗХ. Ч. 2. № 2). Другой сын Василий Нечик владел поместьем в Рузском уезде в 1510 г. (Там же. № 47). Иван Бараш также владел там землями около начала XVI в. (Там же. № 30). Брат Бараша Михаил Спячий с детьми Яковом (по родословным книгам Василием), Угримом и Андреем в 1516 г. был рузским вотчинником (Там же. № 72). О Звенигородских см. также: *Зимин.* Вотчина. С. 110, 114, 139.

245 Тысячная книга. С. 176, 177, 191; АФЗХ. Ч. 2. № 72.

246 ПСРЛ. Т. 28. С. 111; АСЭИ. Т. 1. № 201. С. 144 («князь Иван Александрович»); Т. 2. № 496. С. 545 («князь Иван Александрович»); *Каштанов.* Очерки. № 17.

С. 373—374 (без боярского титула); ПЛ. Вып. 1. С. 63—65 (без боярского титула).

[247] Возможно, на его дочери женат был Федор Андреевич Плещеев (АРГ 1505—1526 гг. № 111. С. 113).

[248] ПСРЛ. Т. 6. С. 188, 203, 213; Т. 28. С. 118; РК. С. 17, 19, 21, 24; Сб. РИО. Т. 41. С. 16—24, 223—231, 253; [ПСРЛ. Т. 37. С. 96]; ПДС. Т. 1. Стб. 26. О нем см.: *Alef*. P. 88—89, 101. 119.

[249] Сб. РИО. Т. 41. С. 37—41, 120—122, 127, 148; РК. С. 32, 38, 44; ПСРЛ. Т. 28. С. 335. Иван Ноздроватый с 1532 г. наместничал на Двине (РИБ. Т. 22. № 125). Об И. А. Звенигородском и его детях см. также: *Власьев*. Т. I, ч. 1. С. 557—559.

[250] Тысячная книга. С. 158—161.

Глава вторая

Пополнение Думы княжатами Северо-Восточной Руси

В отличие от старомосковских княжат потомки ростовских, суздальских и ярославских князей в течение долгого времени сохраняли остатки суверенных прав на осколки наследия своих предков. Процесс ликвидации этих прав, шедший параллельно раздроблению владений княжат Северо-Восточной Руси и укреплению власти московских государей, растянулся на несколько десятилетий XV в., а в отдельных случаях захватил и начало следующего столетия. И только по мере завершения его с конца XV в. началось постепенное включение ростовских, суздальских и ярославских княжат в Боярскую думу. Долгое сохранение традиций удельного времени у Шуйских, Горбатых и Ростовских объясняет в какой-то степени их упорное сопротивление объединительным тенденциям великокняжеской власти, особенно наглядно проявившееся в годы малолетства Ивана IV.

Суздальские князья

Суздальско-Нижегородское княжество было ликвидировано как самостоятельное в конце XIV в. По завещанию 1423 г. Василий I передавал Нижний своему старшему сыну Василию [1]. Суздаль, правда, там не упоминался. Возможно, в нем сидели полузависимые от Москвы князья (схема 5).

Суздальские князья образовали две основные ветви: Шуйские (шедшие от сына Дмитрия Константиновича Василия Кирдяпы) и Горбатые (шедшие от Семена — брата Василия) [2]. К середине XV в. борьба за Суздаль обострилась. Василий и Федор Юрьевичи (внуки Василия Кирдяпы) заключили около 1445—1447 гг. докончание с галицким князем Дмитрием Юрьевичем, который санкцио-

С. 373—374 (без боярского титула); ПЛ. Вып. 1. С. 63—65 (без боярского титула).

[247] Возможно, на его дочери женат был Федор Андреевич Плещеев (АРГ 1505—1526 гг. № 111. С. 113).

[248] ПСРЛ. Т. 6. С. 188, 203, 213; Т. 28. С. 118; РК. С. 17, 19, 21, 24; Сб. РИО. Т. 41. С. 16—24, 223—231, 253; [ПСРЛ. Т. 37. С. 96]; ПДС. Т. 1. Стб. 26. О нем см.: *Alef*. P. 88—89, 101. 119.

[249] Сб. РИО. Т. 41. С. 37—41, 120—122, 127, 148; РК. С. 32, 38, 44; ПСРЛ. Т. 28. С. 335. Иван Ноздроватый с 1532 г. наместничал на Двине (РИБ. Т. 22. № 125). Об И. А. Звенигородском и его детях см. также: *Власьев*. Т. I, ч. 1. С. 557—559.

[250] Тысячная книга. С. 158—161.

Глава вторая

Пополнение Думы княжатами Северо-Восточной Руси

В отличие от старомосковских княжат потомки ростовских, суздальских и ярославских князей в течение долгого времени сохраняли остатки суверенных прав на осколки наследия своих предков. Процесс ликвидации этих прав, шедший параллельно раздроблению владений княжат Северо-Восточной Руси и укреплению власти московских государей, растянулся на несколько десятилетий XV в., а в отдельных случаях захватил и начало следующего столетия. И только по мере завершения его с конца XV в. началось постепенное включение ростовских, суздальских и ярославских княжат в Боярскую думу. Долгое сохранение традиций удельного времени у Шуйских, Горбатых и Ростовских объясняет в какой-то степени их упорное сопротивление объединительным тенденциям великокняжеской власти, особенно наглядно проявившееся в годы малолетства Ивана IV.

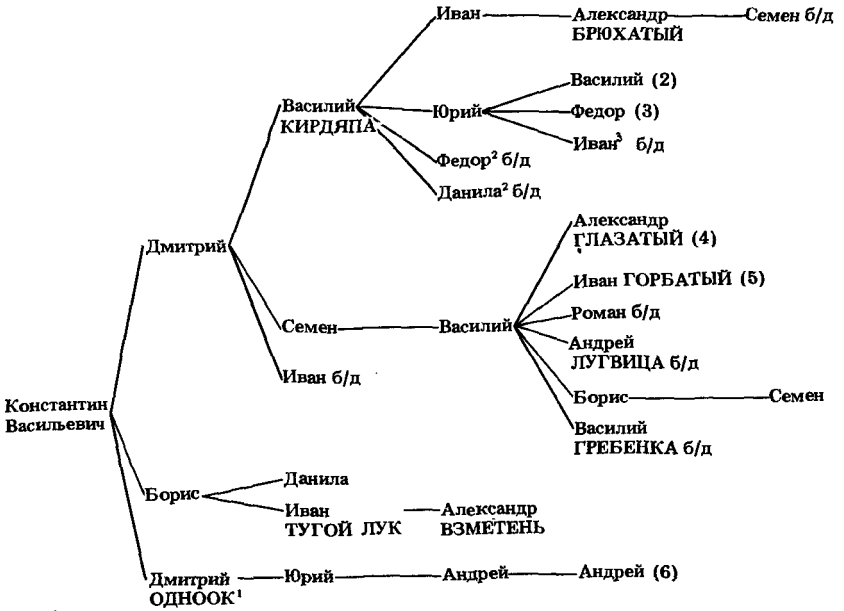
Суздальские князья

Суздальско-Нижегородское княжество было ликвидировано как самостоятельное в конце XIV в. По завещанию 1423 г. Василий I передавал Нижний своему старшему сыну Василию [1]. Суздаль, правда, там не упоминался. Возможно, в нем сидели полузависимые от Москвы князья (схема 5).

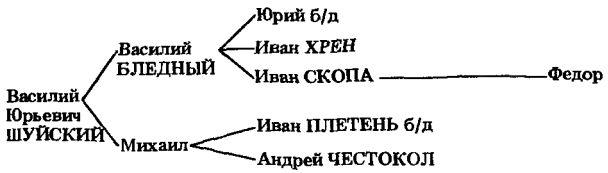
Суздальские князья образовали две основные ветви: Шуйские (шедшие от сына Дмитрия Константиновича Василия Кирдяпы) и Горбатые (шедшие от Семена — брата Василия) [2]. К середине XV в. борьба за Суздаль обострилась. Василий и Федор Юрьевичи (внуки Василия Кирдяпы) заключили около 1445—1447 гг. докончание с галицким князем Дмитрием Юрьевичем, который санкцио-

Схема 5
Князья Суздальские

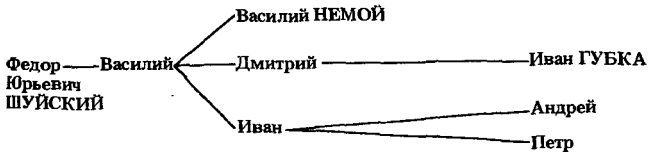
1

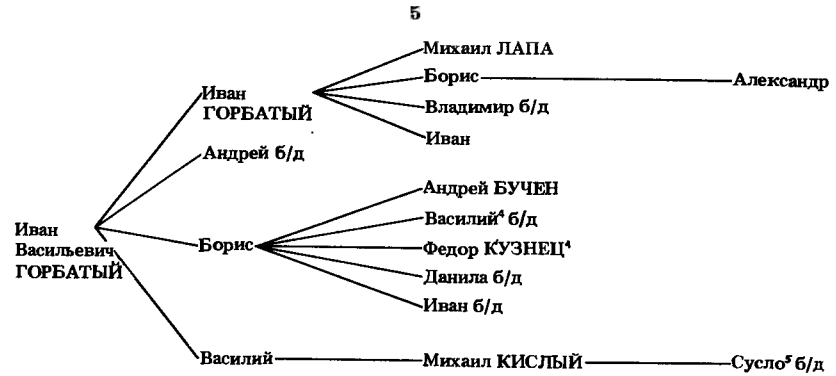


2



3





Примечания:

[1] Б, Р Ноготь.
[2–2] Т Данила, Федор. По Т Юрий — четвертый сын.
[3] Б, Р нет.
[4–4] Л Федор, Василий.
[5] Б, Р нет.

нировал их права на Суздаль и Нижний Новгород [3]. Однако как бы в ответ на это Василий II пожаловал Городцом и «вотчиною в Суздале» Ивана Васильевича Горбатого (внука Семена Дмитриевича) [4]. В 1461—1462 гг. Василий II передал Суздаль своему сыну Ивану [5].

Старшую ветвь суздальских князей представлял в 70-х годах XV в. кн. Федор Юрьевич Шуйский. В 1470—1471 гг. он наместничал со своим сыном Василием во Пскове [6]. Там же в октябре 1477 г. и в 1480—1481 гг. находился и Василий Васильевич Бледный, племянник Федора Юрьевича. В 1492 г. он ходил первым воеводой правой руки на Северу [7]. Брат Василия Бледного Михаил в 1495 г. ездил в свите Ивана III в Новгород. В мае 1508—мае 1514 г. (в 1508/09 г. ?) он вместе с В. М. Заболоцким был переславским наместником и «стерег» в Переславле детей «княж Ондреевых» (Углицкого) [8]. Сын Василия Бледного Иван Скопа

был родоначальником Скопиных-Шуйских. Он упоминался в разрядах под 1492 г.[9] Федор Иванович Скопин в малолетство Грозного стал боярином [10].

У Михаила Васильевича Шуйского было два сына: Иван Плетень и Андрей Честокол. В 1527 г. А. М. Шуйский выступал одним из поручителей по кн. М. Л. Глинском [11]. Но уже через год цвет московской знати ручается за самих братьев Шуйских [12]. Дело в том, что Михайловичи чем-то провинились, возможно пытались отъехать к Юрию Дмитровскому, за что их постигла опала. В октябре 1531 г. А. М. Шуйский был главой полка правой руки в полках Ивана и Василия Васильевичей Шуйских в Нижнем [13]. Князь Иван Михайлович тогда же служил «на Сенкине», а затем из Каширы отправлен в Коломну. В 1532 г. он назван первым среди воевод на Угре [14]. Судя по летописи, из какого-то заключения Шуйских освободила Елена Глинская сразу же после кончины Василия III. Братья Андрей и Иван Шуйские незадолго до смерти великого князя хотели снова отъехать к кн. Юрию, но тот их выдал головою [15]. Сразу же после этого, т. е. в конце 1533 г., А. М. Шуйский вновь пытался отъехать к кн. Юрию и, быть может, даже подбить его на выступление против малолетнего великого князя, но был схвачен и освобожден из темницы уже после смерти Елены Глинской [16]. В августе 1538 г. на него и Головиных били челом великому князю старцы Изосиминской пустыни [17]. В годы боярского правления кн. Андрей был видной политической фигурой. Во Пскове (1539—1540 гг.) он прославился своей жестокостью. Князь Иван Михайлович в декабре 1535 г. наместничал на Двине. Стал боярином в октябре 1538 г.[18]

Заметным политическим деятелем в конце XV в. был Василий Федорович Шуйский. В 1480—1481 гг. он наместничал в Новгороде, с 1491 г. был князем-наместником во Пскове, где умер в 1496 г. С Новгородом и Псковом Шуйские сохранили связи надолго. В. Ф. Шуйский пользовался доверием великокняжеской власти не только за верную службу, но и потому, что был связан родственными узами с московским княжеским домом (двоюродный брат его отца Александр Иванович Брюхатый был женат на дочери Василия I) [19].

Сын Василия Федоровича Василий Немой появился в источниках в феврале 1500 г., на свадьбе кн. В. Д. Холмского. Долгие годы он провел на новгородском наместничестве (декабрь 1500 г.—октябрь 1506 г.). Во время летнего нападения 1507 г. крымских татар на южные укрепления он находился в Серенске. Возглавлял во время войны с Литвой передовой полк в апреле 1501 г., полк правой руки в походе осенью 1507 г. и рать, стоявшую весной—осенью 1508 г. на Вязьме (возможно, был там и наместником) [20].

Весной 1509 г. В. В. Шуйский вел переговоры с Литвой. Во всяком случае, в декабре 1510 г., марте 1511 г., июне 1512 г. снова наместничал в Новгороде. Летом 1512 г. он, очевидно, уже получил боярский чин. В конце 1512 г. Василий Немой должен был с нов-

городской ратью участвовать в первом Смоленском походе и отправиться в Холмский городок. В росписи воевод похода Василия III он назван вторым воеводой передового полка после кн. В. С. Стародубского [21].

Во время второго Смоленского похода в 1513 г. он командует войсками на Луках и оттуда направляется под Полоцк. В мае 1514 г. от его имени как новгородского наместника составлен договор с Ливонией. В марте—апреле 1514 г. он в Новгороде. В третий Смоленский поход (1514 г.) В. В. Шуйский снова пошел из Новгорода на Луки, а затем в Литву. После взятия Смоленска оставлен там наместником (сентябрь—декабрь 1514 г.). Зимой 1514/15 г. кн. Василий Немой снова ходил в поход на Литву. В 1517 г. возглавлял войска, стоявшие на Вязьме. Летом 1518 г. снова новгородский наместник. Летом 1519 г. во главе войск из Вязьмы и из Лук снова ходил в поход к Полоцку. Тогда же (в июле) В. В. Шуйский считался наместником Владимира. Это было одно из наиболее значительных придворных званий. В февральском боярском приговоре 1520 г. по делу о краже он назван среди бояр первым [22].

Во время набега Мухаммед-Гирея 1521 г. В. В. Шуйский был вторым воеводой (после молодого кн. Д. Ф. Бельского) в Серпухове и на Кашире, т. е. нес всю ответственность за вторжение в центр русских земель крымских войск. Естественно, что Василий Васильевич попал в опалу (январь 1522 г.) и дал в том же году запись в верности великому князю, за что тот «вины» ему «отдал». В летнем походе Василия III к Нижнему Новгороду 1523 г. кн. Василий возглавлял большой полк судовой рати. В 1526/27 г. В. В. Шуйский – уже муромский наместник. Наместничество это куда менее значительно, чем новгородское. В феврале 1527 г. он вместе с кн. Б. И. Горбатым и кн. Д. Ф. Бельским принимал поруку служилых людей по кн. М. Л. Глинском. В конце 1527 г. и в августе 1529 г. он нес военную службу в Муроме. В январе и летом 1531 г. В. В. Шуйский стоял с войском «на берегу» (у Каширы), но в августе был отозван в Москву. Вскоре (в конце того же года) кн. Василий Васильевич отправляется с войсками в Нижний Новгород, ибо предполагалась возможность войны с Казанью. В январе 1533 г. он присутствовал на свадьбе кн. Андрея Старицкого. Летом Шуйский был послан к Коломне, чтобы воспрепятствовать вторжению крымских войск. Летом 1535 г. он возглавлял поход на Литву. Тогда же был вместе с кн. И. Ф. Овчиной Телепневым-Оболенским душеприказчиком кн. М. В. Горбатого. В августе 1536 г. Василий Немой присутствовал на приеме литовских послов [23]. Но затем он и его брат Иван отстраняются от дел (до смерти Елены Глинской в 1538 г.).

В. В. Шуйский был одним из виднейших деятелей боярского правительства 1538 г. Летом этого года он женится на дочери царевича Петра (внучке Ивана III), закрепляя родственные узы с правящей династией. Его дочь была замужем за кн. И. Д. Бельским [24]. Умер Василий Шуйский в ноябре 1538 г. У Василия Ва-

сильевича было два брата: Дмитрий, очевидно рано умерший [25], и Иван.

Брат князя Василия Немого Иван впервые появился в разрядах в 1502 г., причем уже вторым воеводой большого полка новгородской рати. В Литовской кампании 1507—1508 гг. он занимал еще сравнительно скромное положение второго воеводы правой руки. В мае 1512 г. он рязанский наместник. С 1514/15 г., в 1517 г. и по март 1518 г. И. В. Шуйский наместничал во Пскове (как когда-то его отец). В 1519 г. мы застаем И. В. Шуйского воеводой передового полка в войсках его брата Василия, ходившего к Полоцку из Лук. В январе 1520—марте 1523 г. он наместник в Смоленске. В октябре 1526 г. князь Иван как глава боярской комиссии ведет переговоры с литовскими представителями. В декабре 1528 г. вместе с Василием III и его окружением он совершает поездку в Кириллов монастырь. В конце 1531 г. кн. Иван Васильевич вместе с братом Василием возглавляет рать, посланную в Нижний Новгород. В этой записи он впервые назван боярином. В январе 1533 г. он присутствовал на свадьбе кн. Андрея Старицкого, а в 1534 г. наместничал на Двине. И. В. Шуйский — виднейший деятель боярского правления в малолетство Ивана IV. В мае 1534 г. он судил поземельную тяжбу в Переславском уезде. В январе 1535 г. он угличский дворецкий. В феврале 1540 г. И. В. Шуйский — московский наместник. Умер он 14 мая 1542 г.[26] Его сын Петр и внук Иван — видные бояре времен Ивана Грозного. Шуйским принадлежало с. Семеновско-Шуйское в 18 верстах от Александровской слободы [27].

Вторая ветвь суздальских князей шла от внука Дмитрия Константиновича Василия Семеновича, у которого было шестеро сыновей: Александр Глазатый, Иван Горбатый, бездетные Роман и Андрей Лугвица, служивший князю Ивану Андреевичу Можайскому, Борис и бездетный Василий Гребенка. Об И. В. Горбатом нам уже приходилось говорить выше. Возможно, около 1472—1479 гг. он был суздальским наместником [28]. Борис еще в 1436 г. княжил во Пскове [29].

Брат князя Ивана Горбатого Василий Гребенка Шуйский в конце 40-х—60-х годах XV в. княжил во Пскове и Новгороде. Там же он был и в 1475—1477 гг., а в конце 1477 г. перешел на московскую службу [30]. Князь Василий Гребенка («брат суздальских князей», очевидно, сын князя Ивана Горбатого) в 1471 г. из Новгорода был послан новгородцами на Двину. В 1477 г. Василию Шуйскому «дан» Нижний Новгород [31].

У Александра Глазатого было трое сыновей: Дмитрий Глазатый [32], бездетный Борис и Иван Барбаша. От последнего пошли князья Барбашины. Иван Александрович Барбаша упоминается в разрядах 1495—1498 гг.[33] Из его пяти сыновей известно о деятельности первого (Михаила), второго (Владимира) и пятого (Ивана). Михаил и Владимир упоминаются в разряде Новгородского похода 1495 г.[34] Владимир Иванович Барбашин присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского 1500 г. Служил он позднее

на Угличе кн. Дмитрию Ивановичу Жилке. В марте 1507 г. ему докладывались углицкие грамоты [35]. Иван Иванович Барбашин появляется в разрядах довольно поздно (в 1521 и 1527 гг.). С весны 1531 по 1533/34 г. он наместничал «за городом» в Новгороде Северском. Последний раз о нем пишут разряды в 1536/37 г.[36]

Из четырех сыновей брата Александра Глазатого Ивана Горбатого сыновья известны у старшего (Ивана) и младших (Бориса и Василия). Андрей умер, как пишут родословцы, «бездетным».

У И. И. Горбатого было четверо сыновей: Михаил Лапа, Борис, Владимир и Иван. Михаил и Владимир другим источникам, кроме родословных, не известны, и умерли они бездетными [37]. Борис Иванович Горбатый в разрядах упоминается уже в 80-х годах XV в. Во время похода на Вятку в 1489 г. он стоял войсками на р. Каме. В 1495—1496 гг. Б. И. Горбатый сопровождал Ивана III в его поездке в Новгород. В 1512 г. он в войсках Д. В. Щени возглавлял полк правой руки. Во втором Смоленском походе 1513 г. князь Борис уже боярин (весной) и возглавляет на Дорогобуже большой полк. В походе основной рати на Смоленск он осенью 1513 г. (как позднее в мае 1514 г.) командовал сторожевым полком. В походе к Мстиславлю с Словажа в 1515 г. *Б. И. Горбатый вместе с М. Ю. Захарьиным возглавлял большой* полк, располагавшийся в Дорогобуже. После соединения словажской рати с войсками кн. Д. В. Щени Б. И. Горбатый должен был стать вторым воеводой передового полка. В 1515/16 г. он снова находился на Дорогобуже [38].

В сентябре 1516 г. производился обыск рядом с одним его сельцом Суздальского уезда. В апреле 1517—декабре 1518 г. кн. Борис наместничал в Смоленске. В февральском боярском приговоре 1520 г. он назван третьим из бояр (после В. В. Шуйского и М. Д. Щенятева). В марте того же года ему докладывались земельные акты. Во время набега Мухаммед-Гирея 1521 г. Б. И. Горбатый прикрывал в августе с войсками у Коломны русскую столицу. В 1523 г. Борис Иванович стоял «на пристани» у Опочки во главе рати. В 1523/24 г. он, возможно, был наместником, во всяком случае, воеводой на Муроме. В 1526 г. Б. И. Горбатый присутствовал на свадьбе Василия III. Во время похода Ислам-Гирея осенью 1527 г. оставлен во главе войск, оборонявших Москву. В 1528 г. кн. Борис принимал поруку служилых людей по своих родичах князьях А. М. и И. М. Шуйских. Затем некоторое время он находился в опале, которую сняли с него по случаю рождения наследника престола в 1530 г.[39]

В 1531 г. кн. Борис снова на ратном поприще, возглавляя войска в Путивле, куда его послали весной в преддверии возможного нападения крымцев. В 1533 г. он присутствовал на свадьбе кн. Андрея Старицкого и на заседаниях Боярской думы во время предсмертной болезни Василия III. В позднейших документах упоминаются переговоры шведского короля с новгородским наместником кн. Б. И. Горбатым и дворецким С. Н. Бутурлиным

при Василии III [40]. Но новгородским наместником Борис Горбатый был только в сентябре 1534 –январе 1537 г.[41] Имени наместника в Новгороде за 1532—1533 гг. нам не известно. В декабре 1534 г. и в 1535/36 г. Б. И. Горбатый возглавлял новгородскую рать, участвовавшую в войне с Литвой. В 1535 г. вместе с М. С. Воронцовым заключал русско-шведский и русско-ливонский договоры [42].

Умер Б. И. Горбатый вскоре после января 1537 г.[43] Единственный его сын, Александр Борисович, – видный деятель времени Ивана IV (с 1544 г. боярин) [44].

Брат кн. Бориса Иван по служебной лестнице не продвинулся. Он появился в разрядах летом 1505 г., когда был послан с заставой в Муром. В 1516 г. он возглавлял большой полк в Рославле и, наконец, наместничал в Дорогобуже в июле 1520—летом 1521 г.[45] С Дорогобужем у Горбатых, возможно, были какие-то особые связи. Здесь в 1513, 1515 и 1516 гг. воеводой был Б. И. Горбатый, а в 1519 г. — его двоюродный брат Михаил Васильевич [46]. С 1537 г. в разрядах стал упоминаться сын Бориса Ивановича Александр, позднее боярин времен Ивана Грозного [47]. Двоюродный брат Б. И. Горбатого Андрей Борисович Бучен впервые в разрядах встречается в 1515/16 г. В 1521 г. он уже наместничал в Вязьме. Последний раз разряды говорят о нем под 1522 г.[48] Брат Бучена Федор Кузнец убит под Казанью (в 1506 или 1530 г.) [49].

Михаил Кислый Васильевич Горбатый, так же как и его двоюродный брат Борис Иванович, был видным деятелем. В кампании 1508 г. он шел из Вязьмы с авангардом русских войск под Дорогобуж. Во время второго Смоленского похода 1513 г. с Лук В. В. Шуйский отпустил рать М. В. Горбатого под Полоцк. В войсках самого Шуйского в 1514 г. кн. Михаил должен был командовать передовым полком. В войсках Д. В. Щени на Дорогобуже в 1515 г. М. В. Горбатый вместе со своим двоюродным братом Борисом поставлен во главе полка правой руки. В объединенном русском войске во Ржеве М. В. Горбатый с кн. Василием Шуйским должны были возглавлять большой полк. Очевидно, в военном деле кн. Михаил был более сведущ, чем Борис Иванович. В 1518 г. он совершил успешный поход под Молодечно и Вильно, будучи послан туда В. В. Шуйским [50]. В апреле, июле 1519 г., июне 1520 г., марте 1521 г. М. В. Горбатый наместничал во Пскове [51]. Во время набега Мухаммед-Гирея (1521 г.) он с войсками псковичей и новгородцев в критическую минуту идет на освобождение столицы от осады [52]. В 1522 г. его отпустили с другими воеводами на Коломну, куда вслед за этим прибыл и сам Василий III [53]. В 1524 г. он был вторым воеводой большого полка в судовой рати кн. И. Ф. Бельского в походе на Казань. В марте 1529 г. уже в чине боярина Михаил Васильевич стоял у Коломны с князьями И. Ф. и С. Ф. Бельскими, а летом — против устья Осетра [54]. Тогда же и, очевидно, до октября 1531 г. находился на новгородском наместничестве [55]. В мае 1530 г. М. В. Горбатый возглавлял вместе

с кн. И. Ф. Бельским поход на Казань, а летом следующего года стоял на Кашире. Летом 1532 г. вместе с кн. Д. Ф. Бельским стоял у Коломны («против Колычовскаго острова»). В августе 1533 г. кн. Михаил вместе с князьями Д. Ф. Бельским и В. В. Шуйским послан к Коломне для обороны столицы от набега Сафа-Гирея. В конце 1533 г. Михаил Васильевич, как и кн. Борис, находился при смертельно больном Василии III. В большом летнем походе 1534 г. на Литву М. В. Горбатый возглавлял передовой полк, а в конце того же года — даже и большой полк. Умер кн. Михаил до 17 июля 1535 г. Женат он был на дочери видного боярина Д. В. Ховрина [56].

У Михаила Васильевича был двоюродный дядя кн. Семен Борисович Суздальский, упоминающийся в правой грамоте около 1456—1464 гг. и в данных 1503/04 и 1508—1515 гг. По родословцам, он «был в Литве, там и извелся» [57].

Не входила до второй половины XVI в. в Думу ветвь суздальских князей, шедшая от сына брата кн. Дмитрия Константиновича Суздальского — Дмитрия Константиновича Одноока, или Ногтя [58]. Василий Андреевич Ноготь встречается в разрядах в 1495—1529 гг.[59], но какого-либо успеха ни на ратном, ни на каком-либо еще поприще не достиг.

Ростовские князья

Еще в начале XIV в. сыновья кн. Василия Константиновича Ростовского Федор и Константин разделили Ростовскую землю пополам. Первая половина княжества уже в первой половине XV в. принадлежала Москве. По завещанию Василия Темного (1461/62 г.), ее получила в удел супруга московского великого князя Мария [60] (схема 6).

У Федора Васильевича был единственный сын Андрей. Из шести его сыновей потомство пошло от первых двух — Ивана и Федора. У Ивана было двое сыновей Юрий Немой и Федор Голеня. После смерти бездетного сына Юрия Семена ветвь князей Ростовских, шедшая от него, вымерла. У Федора были сыновья Иван и Андрей. Единственный сын Ивана Василий стал заметной фигурой в великокняжеском административном аппарате, хотя в Думу так и не вошел. В 1491/92 г. он описывал переславские земли. В 1498/99 г. ему как писцу докладывались спорные поземельные дела. В том же году он описывал Московский уезд. Около 1499—1502 гг. В. И. Голенин опять разбирал поземельные споры в Переславском уезде. В 1501 г. его назначили дворецким в Тверь, а в апреле 1502 г. ему докладывались поземельные дела на Белоозере. Вскоре он описывал земли в Радонеже (1503/04 г.), а затем снова возвратился к описанию и межеванию переславских земель. В 1504 г. кн. Василий Иванович отделяет земли в Дмитровском уезде. На закате своих дней принимает участие в походах (1507—1508 гг.). В 1510 г. В. И. Голенин «по слову» кн. Семена Калужского судит в Бежецком уезде [61]. Должно ли означать это послед-

нее известие о Голенине, что в конце своей деятельности он перешел в удел, сказать трудно.

Его трое сыновей умерли бездетными, младший из них (Иван Меншик) вскользь упоминался в разрядах в 1519—1527 гг., а в 1527 г. выступал одним из поручителей по кн. М. Л. Глинском [62].

Осталась за пределами великокняжеской Думы и ветвь Голениных, шедшая от дяди Василия Ивановича — Андрея Федоровича. Князь Андрей свою судьбу связал с Волоколамским уделом. К 60-м годам XV в., когда, возможно, и начиналась его деятельность, половина Ростова находилась в уделе вдовы Василия II Марии (Марфы) Ярославны, второй владели потомки младшей ветви ростовских князей. Поземельных связей у Голениных с Ростовом поэтому, вероятно, уже не было. Но и при великокняжеском дворе на ростовских князей смотрели еще с недоверием. В таких условиях «князь-изгой» А. Ф. Голенин перешел на службу к кн. Борису Васильевичу Волоцкому и получил земли в его уделе. Уже в завещании этого князя, написанном около 1477 г., Андрей Федорович упоминается как его боярин. Вскоре Андрей Федорович умер. Сохранилась его духовная грамота, составленная до 1482 г.[63]

У князя Андрея Федоровича Голенина было трое бездетных сыновей (Иван, Семен и Андрей). Андрей Андреевич еще в 1495 и 1501/02 гг. упоминался в разрядах как воевода кн. Ивана Борисовича Рузского, а в 1496 г. по традиции — как воевода кн. Бориса. В 1502 г. он участвовал в походе на Литву. После смерти кн. Ивана (1503 г.) Андрей Андреевич перешел на службу к кн. Юрию Ивановичу, который получил Рузу, где находились наследственные земли Голениных. В 1508 г. кн. Андрей упоминался как воевода кн. Юрия. Вскоре после этого (но до 1515 г.) он постригся в монахи (под именем Арсения) и стал одним из самых видных старцев Иосифова монастыря [64].

Потомки второго из сыновей князя Андрея Федоровича Ростовского — Федора (в их числе Щепины, Приимковы, Гвоздевы, Бахтеяровы) в изучаемое время себя ничем не проявили [65].

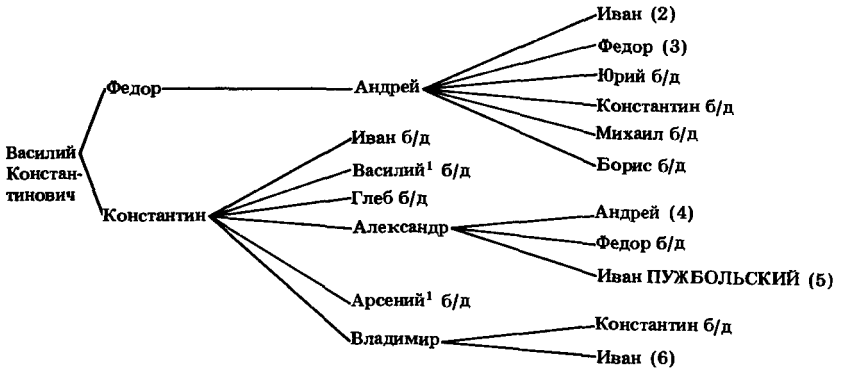
Более примечательна ветвь ростовских князей, шедшая от Константина Васильевича, женатого на дочери Ивана Калиты. Из его шести сыновей (Иван, Василий, Глеб, Александр, Арсений, Владимир) четверо умерли бездетными. У Александра было трое сыновей: Андрей, бездетный Федор и Иван Пужбольский.

У Андрея Александровича Ростовского было шестеро сыновей: Иван Брюхатый, Дмитрий, Федор, Владимир, Иван Ян, Петр (Дмитрий, Федор и Петр умерли бездетными).

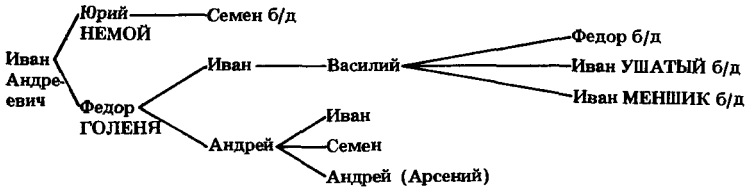
Владимир Андреевич еще в ноябре 1458 г. был вассалом Василия Темного [66]. В 1474 г. именно он (очевидно, старшие братья его к этому времени уже умерли) вместе с «братом» Иваном Ивановичем и «с всеми своими детми и з братаничи» продали свою половину Ростова Ивану III (возможно, речь идет об Иване Ивановиче Долгом и внуке двоюродного брата князя Владимира Константине) [67]. Тот передал ее вдовствующей княгине Марии

Схема 6
Князья Ростовские

1

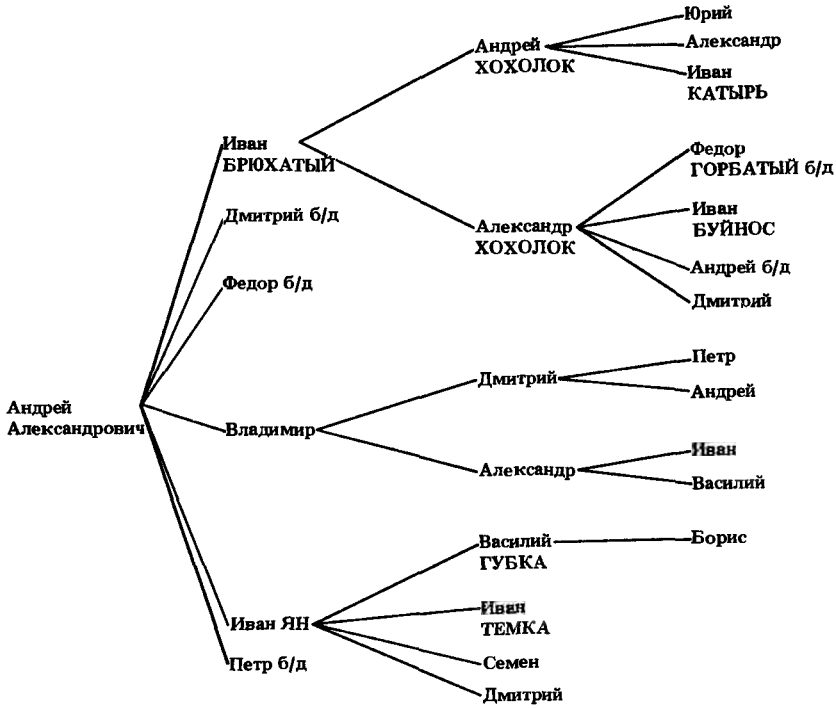


2



3

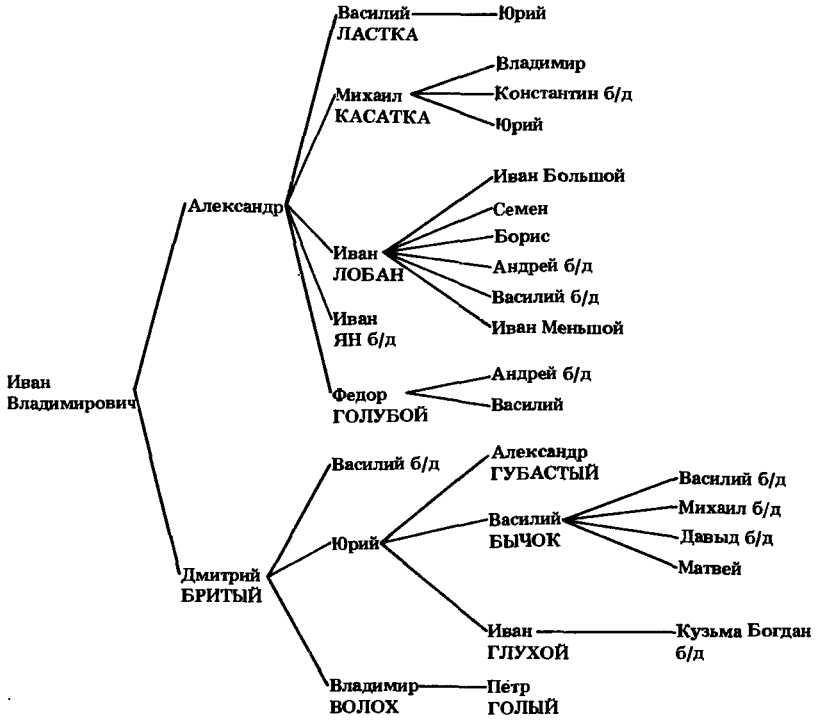
4



5

(Марфе), по смерти которой (1485 г.) Ростов вошел в состав великокняжеских земель.

У Ивана Брюхатого было два сына Андрей и Александр Хохолки. Об Александре у нас никаких (кроме родословных) сведений нет [68]. Об Андрее же известно, что в 1495 г. он ездил в свите Ивана III в Новгород со своими старшими сыновьями Юрием и Александром [69]. Младший же его сын (Иван Катырь) появился в разрядах значительно позднее [70]. Юрий Андреевич ничем осо-



Примечание: [1-1]Б, Р нет.

бенно себя не проявил и после 1522 г. исчез из разрядов [71]. Зато его брат Александр стал видным администратором. В 1512 г. он служил третьим воеводой на Кашире. В 1514—1519 гг. А. А. Хохолков-Ростовский наместничал в Ивангороде. Затем кн. Александр появляется в разрядах только в июле 1527 г. наместником уже более крупного города — Рязани. Здесь же он находился и в 1527/28 г. В 1529 г. он нес службу в Вязьме. В ноябре 1531—декабре 1533 г. А. А. Ростовский снова наместничал, на этот раз в Смоленске. В ноябре 1532 г. он упоминался уже с боярским титулом [72]. К тому времени в Думе никого из Ростовских не осталось (А. В. Ростовский умер после сентября 1521 г., сошли в могилу и все дяди кн. Александра, и старший брат Юрий — после 1522 г.).

Летом 1534 г. А. А. Ростовский вместе с другими воеводами служил в Боровске. Последний раз он упоминался в разрядах весной 1536 г. как псковский наместник. Умер кн. Александр бездетным еще до октября 1538 г.[73]

Как можно видеть, А. А. Хохолков-Ростовский главным образом проявил себя в качестве наместника. Для него, как и для других его родичей, наместничество было своего рода «эрзацем» их

старинного независимого положения, а вместе с тем переходной ступенью к полной потере элементов самостоятельной власти. Князю А. А. Хохолкову, вероятно, принадлежала д. Хохолково в 12 верстах от Александровой слободы и с. Богородское (в 30 верстах) [74].

Из четырех сыновей брата Андрея Хохолка Александра (бездетный Федор Горбатый, Иван Буйнос, бездетный Андрей и Дмитрий) наибольшую известность приобрел Иван Буйнос, ставший родоначальником Буйносовых. В 1500 г. он, как и его брат Андрей, владел поместьями в Вотской пятине Новгорода [75]. Иван Александрович Буйнос весной 1501 г. и осенью 1507 г. возглавлял полки правой руки в походах новгородского воинства на Литву, а в 1510 г. участвовал в походе на Псков. В 1512 г. он снова в новгородской рати, но во главе сторожевого полка [76]. В 1521 г. Иван Буйнос с войсками (очевидно, новгородскими) стоял в Торопце.

Четвертым (из шести) сыновей Андрея Александровича Ростовского был кн. Владимир, дети которого (Дмитрий и Александр) стали крупными политическими деятелями.

Александр Владимирович Ростовский впервые появляется в разрядах в 1492 г. С 1496 по 1501 г. он князь-наместник во *Пскове, а затем с апреля 1501 г. числится в воеводах при княжиче* Василии в Твери. Прославился как полководец во время войны с Литвой 1500—1503 гг. Но военное счастье переменчиво: в 1506 г. А. В. Ростовский возглавил конную рать в походе на Казань, который окончился полной неудачей. В 1506 г. участвовал в церемонии встречи литовских послов. Осенью 1507 г. кн. Александр уже возглавил передовой полк, отправленный в поход на Литву. Осенью 1508 г., будучи вторым воеводой большого полка при кн. В. Д. Холмском, был отправлен к Вязьме в связи с начинавшейся войной с Литвой. В Новгородско-псковском походе Василия III конца 1509—начала 1510 г. он уже боярин. В 1512 г. князь А. В. Ростовский отличился при отражении татарских набегов на Кашире и у р. Упы [77].

В первом Смоленском походе 1512—1513 гг. А. В. Ростовский вторым из бояр (после Д. В. Щени) сопровождал Василия III. Он *был приставлен к передовому полку, который номинально возглавлял* дмитровский князь Юрий Иванович. Во втором и третьем Смоленских походах 1513 и 1514 гг. князь Александр возглавлял большой полк, т. е., по существу, всю русскую армию. В 1515 г. он стоял с большим полком на Луках вместе с царевичем Василием Молейгдаровичем, в 1516 г. — с его братом царевичем Федором, а в 1517 г. — один. Вероятно, в это время, т. е. с 1515 до декабря 1522 г., он наместничал в Новгороде. В 1517/18 г., возможно, выполнял функции дворецкого. В Новгороде он был, во всяком случае, в марте—сентябре 1516 г., январе—марте, июле 1517 г., 1518/19 г., феврале и сентябре 1521 г. и декабре 1522 г. В 1519/20 г. находился с М. В. Тучковым на Луках. Здесь в сентябре 1521 г. А. В. Ростовский вместе с М. Я. Морозовым заключает перемирие с Ливонией [78]. Вскоре после этого он умирает. Один из крупнейших

полководцев — кн. Александр Ростовский фактически был отстранен от всех других (кроме военной) видов государственных дел в Москве, но сохранил свое влияние благодаря тому весу, который приобрел и по своему происхождению, и из-за длительного пребывания на посту новгородского наместника [79].

Старший брат Александра Ростовского Дмитрий Владимирович в мае 1503 г. как бы наследовал князю Александру, став после него псковским князем-наместником. Там он находился до тех пор, пока в 1507 г. не был отозван Василием III. Вообще о нем сохранилось очень мало известий. В 1517 г. он стоял с войсками на Серпухове вместе с кн. Андреем Ивановичем Старицким [80]. Тогда он впервые назван боярином. Возможно, вскоре после этого он умер. Трудно сказать, когда получил боярский чин кн. Дмитрий — раньше Александра (т. е. до конца 1509 г.) или после. Прочная традиция старшинства склоняет нас к первому предположению.

В поручной по князьям Шуйским 1528 г. упоминаются только сыновья Дмитрия Петр и Андрей, так как к этому времени сам кн. Дмитрий уже умер. Князь Петр Дмитриевич Ростовский был женат на дочери кн. Бориса Волоцкого. В 1520 г. возглавлял большой полк русской рати, стоявшей на Толстике (в Мещере). Последний раз в разрядах упоминается в 1521 г.[81] В 1515 г. его брат кн. Андрей возглавлял передовой полк на Луках в войсках кн. А. В. Ростовского. В 1519 г. он был отпущен в Стародуб к Василию Шемячичу. В 1529 г. он стоял на Вязьме вместе со своим отцом. Летом 1531 г. и летом 1532 г. А. Д. Ростовский наместничал в Рязани. В 1534 г. был воеводой «за городом» на Луках. Летом 1535 г. в походе на Литву возглавлял полк правой руки. В 1536 г. в чине боярина находился в Калуге [82].

У Ивана Яна Андреевича Ростовского было четверо сыновей. Василий Губка Иванович рано исчезает из источников (он встречался в разрядах в 1495—1500 гг.) [83]. Ивана Темку хорошо знают разряды 1501 и 1514 гг. Он в 1509 г. наместничал в Ивангороде, в 1513 г. — в Орешке. Вскоре погиб под Оршей (в 1514 г.). В 1500 г. владел поместьем в Вотской пятине [84]. Третий из братьев, Семен, упомянут с Василием Губкой в Новгородском походе 1495 г. [85], а Дмитрий — в 1500 и 1512 гг.[86]

Дядя Владимира Андреевича Ростовского Иван Александрович был родоначальником князей Пужбольских [87]. Из четырех его сыновей дети были только у младшего — Ивана Долгого. Его мы застаем около 1471—1476 гг. на Двине. Здесь же владели землями двоюродные братья Долгого: бездетный Константин и Иван Владимировичи, а также их двоюродный племянник Федор Андреевич [88]. Внук Ивана Владимировича Иван Александрович Лобан около 1495 г. владел поместьем в Новгороде [89]. Там же было поместье и внука Дмитрия Бритого Ивановича Петра Владимировича [90].

Ростовские и суздальские княжата в первой трети XVI в. образовали самую влиятельную прослойку в составе Боярской

думы. Но это произошло не сразу. Ростовские князья впервые начинают получать боярские звания около 1509 г., а суздальские — около 1512 г. Сравнительно позднее их включение в состав Боярской думы объясняется тем, что Ростовское княжество было окончательно присоединено к Москве только в 1474 г., а вошло в состав великокняжеских земель только после 1485 г. Суздальские княжата в значительной части занимали положение формально независимых князей-наместников Пскова и Новгорода.

Усиление позиций ростовских и суздальских князей в Боярской думе произошло во второй половине княжения Василия III. Если за время правления Василия III в Думу входили всего пять князей Оболенских, причем единовременно обычно по одному представителю этой фамилии (только в 1526—1529 гг. в Думе было двое Оболенских), если Гедиминовичей было всего трое (единовременно с 1515 г. только по одному человеку), то ростовских и суздальских княжат в Думе насчитывалось семь человек, причем с 1513 г. обычно единовременно трое, а накануне смерти Василия III — четверо, т. е. примерно половина всех бояр. Горбатым (с 1529 г.) и Шуйским (с 1531 г.) удалось добиться, чтобы в Думе насчитывалось по два представителя их фамилий, а Ростовские имели там одного члена. Так, в 1531—1535 гг. в Думе заседали пять потомков ростовских и суздальских княжат. Не менее важное отличие состояло и в том, что ростовские и суздальские княжата корнями были связаны со своими родовыми землями, а сверх этого держали в своих руках ключевые позиции в крупнейших русских городах. Так, новгородское и псковское наместничество было привилегией для этих княжат, ибо оно восходило к старинным связям ростово-суздальских княжат с Новгородом и Псковом времен их независимости. Так, только 9 лет из 28 правления Василия III на новгородском наместничестве не было представителей их клана. В 1470—1471, 1477/78, 1491—1501, 1503—1507, 1514/15—1521, 1539—1540, 1542—1595 гг. Ростовские и Шуйские занимали и псковское наместничество (до 1510 г. были там князьями-наместниками). С 1514 по 1524 г. они были смоленскими наместниками. Служили также наместниками на Вязьме, Дорогобуже, Муроме, Ивангороде, Переславле и Рязани. В итоге получалась очень своеобразная картина. Отстраняя княжат от участия в центральном управлении (особенно в первый период княжения), Василий III вынужден был в связи со слабостью центрального государственного аппарата передать в их руки распоряжение армией и властью на местах. Так, постепенно ростовские и суздальские княжата укрепили свои политические позиции в стране с благословения самого же правительства. Среди этих княжат были крупные администраторы и полководцы, такие, как братья И. В. и В. В. Шуйские, как Б. И. и М. В. Горбатые, которые в 20—30-е годы принадлежали к ведущим политическим деятелям страны. Казалось бы, что служилые княжата имели преимущество перед князьями Северо-Восточной Руси: они считались более

привилегированной частью русской аристократии, а в своих вотчинах-княжениях сохраняли суверенные права. Но по существу ростовские и суздальские княжата могли сравниться с ними по своему могуществу. Владения служилых княжат были, как правило, осколками когда-то крупных владений, а сами они были отстранены от реального управления страной. Шуйские, Горбатые и Ростовские были не тенями прошлого, а обладателями значительной власти в крупнейших русских городах и районах страны. Желая ослабить княжескую власть Думы, Василий III, хотел этого или не хотел, усилил их влияние на местах. Тем самым были подготовлены условия для временного торжества боярского самовластия, которое обрушилось (казалось бы, неожиданно) на Россию в годы малолетства Ивана IV.

Ярославские князья

История включения земель Ярославского княжества в состав единого Русского государства изучалась В. С. Шульгиным [91] (схема 7).

У Давыда Федоровича Ярославского (умер в 1321 г.) было два сына — Василий Грозные очи (умерший в 1345 г.) и Михаил [92]. При них Ярославское княжество стало дробиться. Первый из сыновей князя Давыда получил в наследие Ярославль, а второй — Мологу. У Василия было трое сыновей — Василий, Глеб и Роман [93].

Внук Василия Грозные очи, Иван Васильевич, рано умер (1426 г.). Ярославль унаследовал его брат Федор, который «после отца на большом княжении был на Ярославле» [94]. Какие-то земли в Ярославщине перепали сыновьям Ивана, а было их у него пятеро: Роман, бездетный Александр, Василий, бездетный Яков Воин и Семен Курбский. В удел Воину, как сообщают родословные книги, досталась Курба [95]. Но так как, скорее всего, Воин рано умер и к тому же бездетным, Курба перешла к Семену (откуда и его прозвище). Сохранение остатков суверенных прав на старинные земли не позволило детям Ивана Васильевича занять сколько-нибудь видное место при великокняжеском дворе.

У Романа Ивановича было четверо сыновей — Федор, Лев, бездетный Петр и Семен. И у них оставались какие-то суверенные права на отдельные ярославские земли. Во всяком случае, это можно сказать о Федоре (около 1463—1478 гг.) [96] и Семене. Возможно, благодаря этому потомки Федора не достигли во второй половине XV—первой трети XVI в. каких-либо успехов. У Федора было трое сыновей — Федор Алабыш, бездетный Василий Мамон и Александр Аленка (Оленка). Старший из двух сыновей Федора Алабыша, Иван, упоминается только в свадебном разряде 1500 г.[97], а младший, Семен, известен разрядам в 1516—1543 гг. Семен был женат на дочери кн. Василия Андреевича Микулинского [98]. Оба они умерли бездетными. Александр Аленка (родоначальник Аленкиных) несколько раз встречается в разрядах

1505—1508 гг.[99], а его сыновья Андрей и Федор — соответственно с 1536 и с 1521 гг.[100]

Сын Льва Романовича Петр, возможно, был испомещен в Новгороде, так как там находились поместья его детей. Внук Петра Иван Семенович казнен в связи с «мятежом» кн. Андрея Старицкого [101]. Другой сын Льва, Михаил Троекур (родоначальник Троекуровых), упоминается в разрядах Новгородского похода Ивана III 1495 г. и свадебном разряде кн. В. Д. Холмского 1500 г.[102] Сын Михаила Троекура Иван появляется в разрядах с 1520 г., а другой сын — Михаил — с 1537 г.[103]

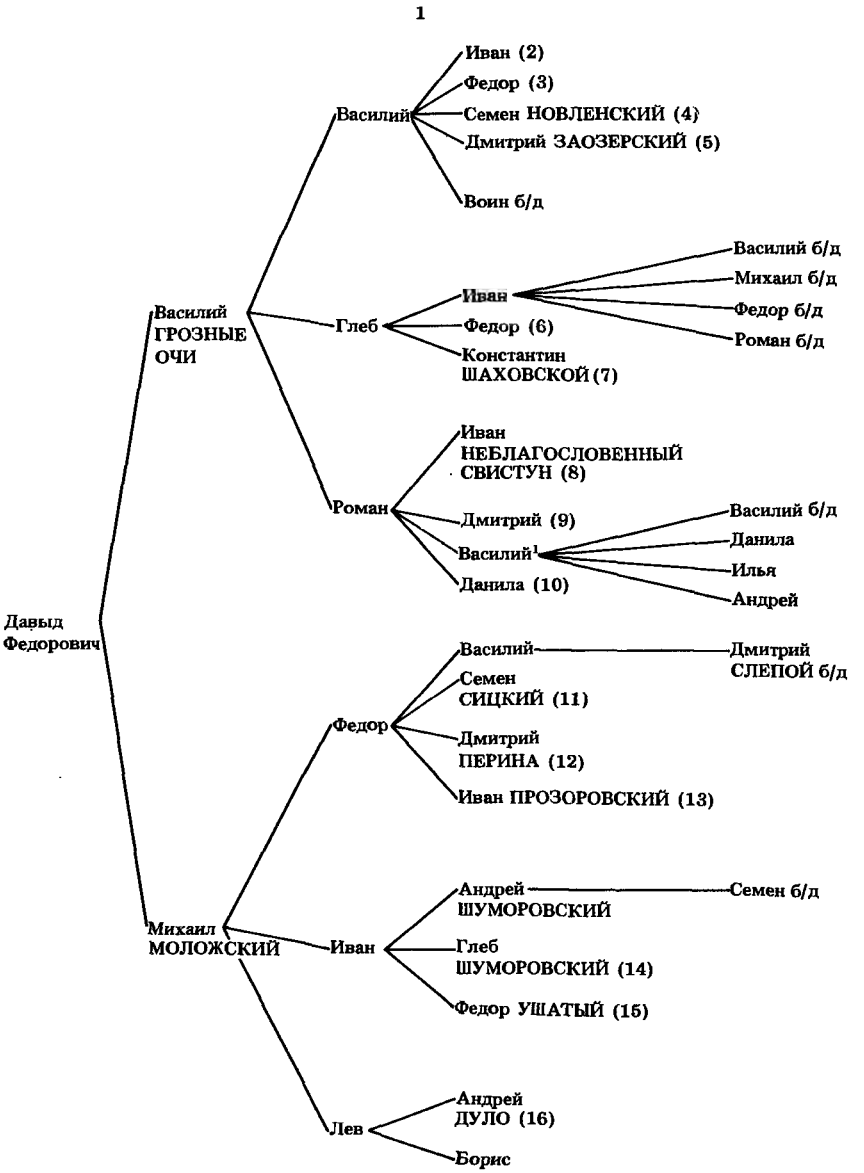
Судьба у кн. Семена Романовича Ярославского была примечательной. В 1467 г. он возглавлял поход «на черемису». Еще около 1463—1478 гг. он дал пожни в Ярославском уезде Спасскому монастырю. В 1485 и 1487 гг. участвовал в походах на Казань. В 1489 г. был князем-наместником во Пскове (до 1491 г.). В 1493 г. возглавлял в рати Д. А. Пенко передовой полк. В 1495 г. назван среди бояр, сопровождавших Ивана III в его поездке в Новгород. В 1500 г. был назначен в большой полк во время русско-литовской войны. О боярстве его в разрядной записи не говорится. Но в 1498 г. он упоминается в Хронографической росписи бояр. В ноябре 1495—марте 1496 г., марте 1497 г. и апреле—мае 1501 г. наместничал в Новгороде. Зятем его был П. Ф. Хромой, вместо которого кн. Семен около 1492 г. составлял межевую запись на владения Белозерского уезда. В 1503/04 г., накануне смерти, сделал земельный вклад в Спасо-Ярославский монастырь. Семен Романович был женат на вдове И. И. Товаркова Ирине [104].

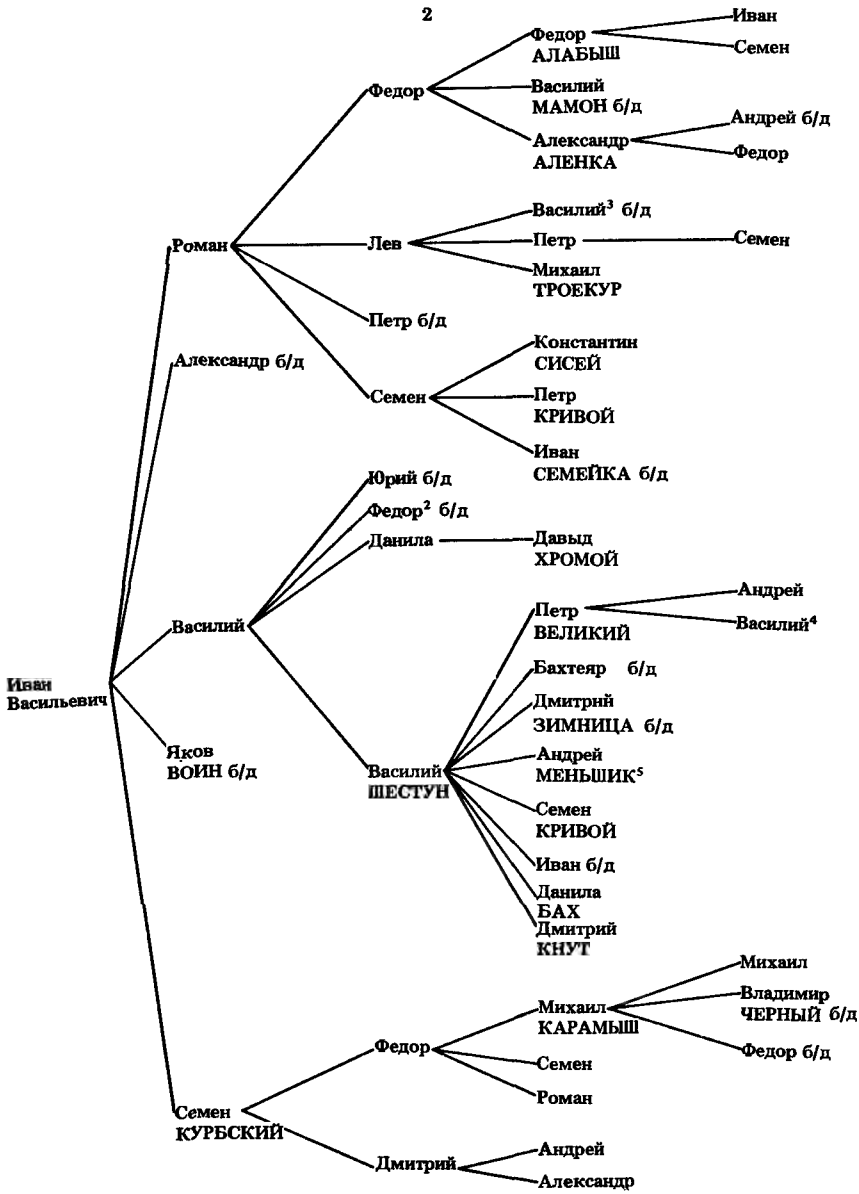
Князь Семен — единственный из ярославских княжат, вошедший в Думу. Впрочем, с боярским титулом он упомянут только дважды и в обоих случаях в записях, содержавших перечень не только бояр, но и других лиц (разрядная запись 1495 г. и хронографическая 1498 г.). Вопрос о его боярстве еще следует считать не вполне решенным, тем более что в Государеве родословце он боярином не называется [105].

У князя Семена было трое сыновей. Старший из них, Константин Сисей (родоначальник Сисеевых), упомянут со своим отцом в грамоте, составленной около 1463—1478 гг. Встречается Сисей и в разрядах 1495 и 1520 гг.[106] Второй сын князя Семена, Петр Кривой, в 1529/30 г. наместничал в Вязьме, а третий (Иван Семейка) погиб в 1514 г. под Оршей [107].

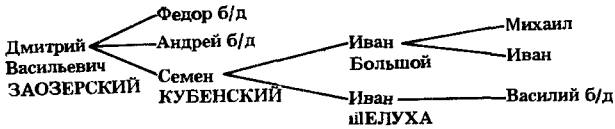
У брата кн. Романа Ивановича Ярославского Василия было трое или четверо сыновей: бездетный Юрий и, возможно, Федор, Данила и Василий Шестун [108]. Данила в 1469 г. убит в походе на Казань. Некоторое время он сохранял остатки суверенных прав в Ярославле, но еще Иван III выменял его земли на звенигородские села [109]. А так как Звенигород по завещанию великого князя отошел к его сыну Юрию, то и сын Данилы Давыд Хромой стал служить в Дмитровско-Звенигородском уделе. В 1504/05, 1506, 1511 гг. и марте 1518 г. он упоминается как дмитровский боярин.

Схема 7
Князья Ярославские

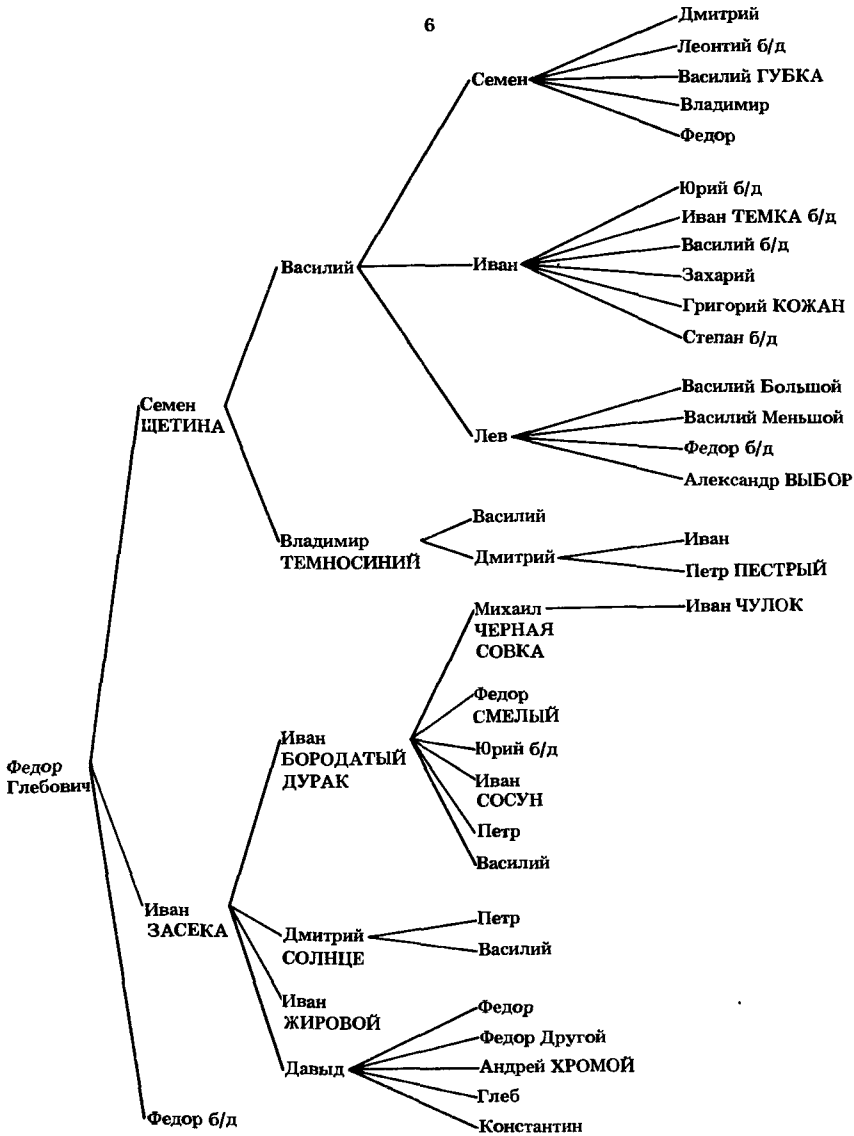



2
Федор
АЛАБЫШ
Иван
Семен
Федор
Василий
МАМОН б/д
Александр
АЛЕНКА
Андрей б/д
Федор
Роман
Лев
Василий[3] б/д
Петр
Семен
Михаил
ТРОЕКУР
Петр б/д
Александр б/д
Семен
Константин
СИСЕЙ
Петр
КРИВОЙ
Иван
СЕМЕЙКА б/д
Иван
Васильевич
Василий
Юрий б/д
Федор[2] б/д
Данила
Давыд
ХРОМОЙ
Яков
ВОИН б/д
Василий
ШЕСТУН
Петр
ВЕЛИКИЙ
Андрей
Василий[4]
Бахтеяр б/д
Дмитрий
ЗИМНИЦА б/д
Андрей
МЕНЬШИК[5]
Семен
КРИВОЙ
Иван б/д
Данила
БАХ
Дмитрий
КНУТ
Семен
КУРБСКИЙ
Федор
Михаил
КАРАМЫШ
Михаил
Владимир
ЧЕРНЫЙ б/д
Федор б/д
Семен
Роман
Дмитрий
Андрей
Александр
3
Федор
Васильевич
Александр
БРЮХАТЫЙ
Данила
ПЕНКО
Александр б/д
Василий (Вассиан)
Иван ХОМЯК
4
Семен
Васильевич
НОВЛЕНСКИЙ
Данила
Иван
ЮХОТСКИЙ
Федор
Иван б/д
Дмитрий
Иван

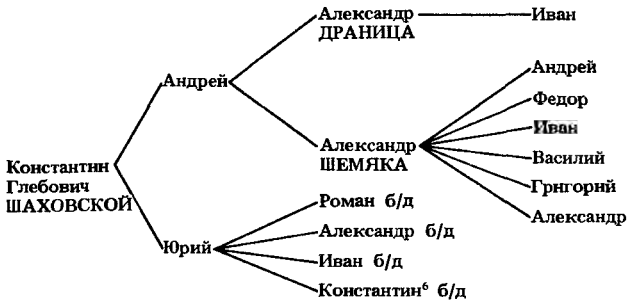
5


Дмитрий Васильевич ЗАОЗЕРСКИЙ
Федор б/д
Андрей б/д
Семен КУБЕНСКИЙ
Иван Большой
Михаил
Иван
Иван ШЕЛУХА
Василий б/д

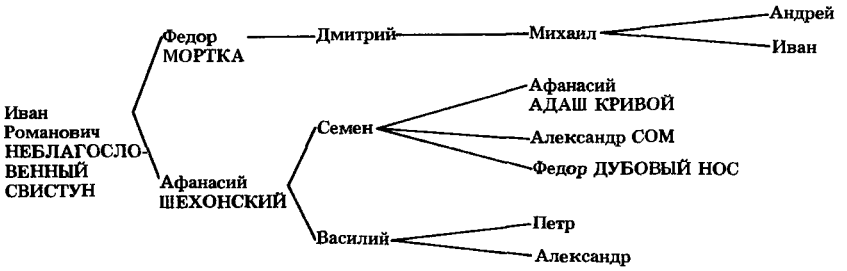
6


Федор Глебович
Семен ЩЕТИНА
Василий
Семен
Дмитрий
Леонтий б/д
Василий ГУБКА
Владимир
Федор
Иван
Юрий б/д
Иван ТЕМКА б/д
Василий б/д
Захарий
Григорий КОЖАН
Степан б/д
Лев
Василий Большой
Василий Меньшой
Федор б/д
Александр ВЫБОР
Владимир ТЕМНОСИНИЙ
Василий
Дмитрий
Иван
Петр ПЕСТРЫЙ
Иван ЗАСЕКА
Иван БОРОДАТЫЙ ДУРАК
Михаил ЧЕРНАЯ СОВКА
Иван ЧУЛОК
Федор СМЕЛЫЙ
Юрий б/д
Иван СОСУН
Петр
Василий
Дмитрий СОЛНЦЕ
Петр
Василий
Иван ЖИРОВОЙ
Давыд
Федор
Федор Другой
Андрей ХРОМОЙ
Глеб
Константин
Федор б/д

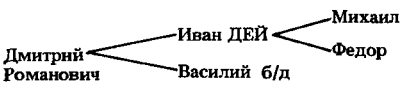
7


Константин Глебович ШАХОВСКОЙ
Андрей
Александр ДРАНИЦА
Иван
Александр ШЕМЯКА
Андрей
Федор
Иван
Василий
Григорий
Александр
Юрий
Роман б/д
Александр б/д
Иван б/д
Константин[6] б/д

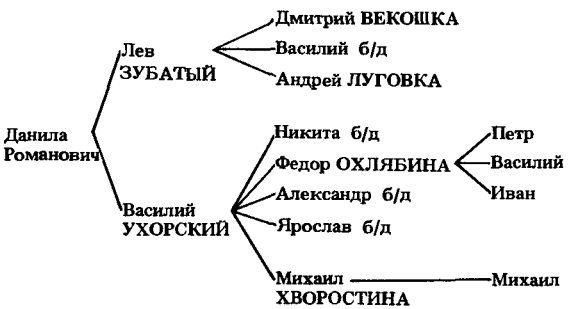
8

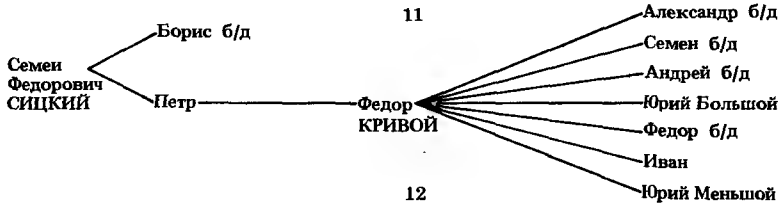

Иван Романович НЕБЛАГОСЛОВЕННЫЙ СВИСТУН
Федор МОРТКА
Дмитрий
Михаил
Андрей
Иван
Афанасий ШЕХОНСКИЙ
Семен
Афанасий АДАШ КРИВОЙ
Александр СОМ
Федор ДУБОВЫЙ НОС
Василий
Петр
Александр

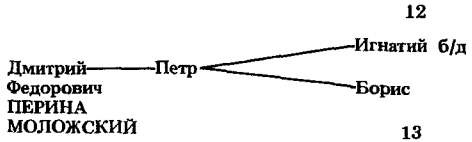
9

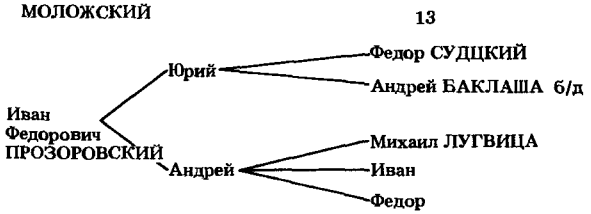

Дмитрий Романович
Иван ДЕЙ
Михаил
Федор
Василий б/д

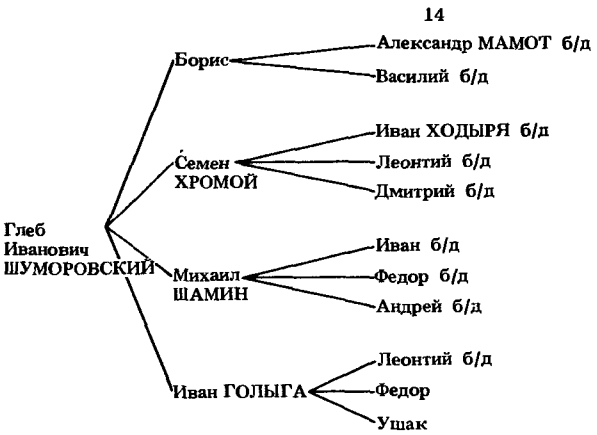
10

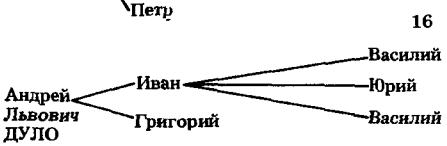

Данила Романович
Лев ЗУБАТЫЙ
Дмитрий ВЕКОШКА
Василий б/д
Андрей ЛУГОВКА
Василий УХОРСКИЙ
Никита б/д
Федор ОХЛЯБИНА
Петр
Василий
Иван
Александр б/д
Ярослав б/д
Михаил ХВОРОСТИНА
Михаил











Примечания:

[1] Р, Л нет.
[2] Р, Б нет.
[3] Р, Б нет.
[4] В родословных книгах нет.
[5] Р, Б нет.
[6] Р нет.

В 1504/05 г. был дмитровским наместником, владел землями в Звенигородском уезде [110].

Василий Васильевич Шестун в 1485 г. во время похода на Тверь был оставлен на Москве; возможно, к этому времени он обладал уже боярским титулом [111]. У Василия Шестуна было семь или восемь сыновей [112]. На его дочери был женат кн. И. М. Воротынский [113].

Сын Василия Шестуна Петр Великий начал свою карьеру еще при Иване III. Впервые он упоминается в связи с дворцовыми делами в 1489/90 г., когда он дал во временное пользование землю, оброк с которой шел на дворец. В конце 1491 г., будучи дворецким, участвовал в поимании кн. Андрея Углицкого. В 1495 г. сопровождал Ивана III в его поездке в Новгород. В конце XV—начале XVI в. (после 1485 г.) судил один поземельный спор. В мае 1498 г. «приказал» грамоту о разъезде земель кн. Б. И. Горбатого и Спасо-Ефимьева монастыря. В декабре 1498 г. проводил разъезд владений великого князя. В апреле 1499 г., 1501 и 1505 гг. ему докладывался разъезд великокняжеских земель. В декабре 1499 г. составлял меновную на великокняжеские земли. Вероятно, он «приказал» грамоту 1 марта 1506 г. Упоминается как дворецкий в завещании Ивана III (конец 1503 г.). В марте 1506 г. подписал уставную грамоту галицким рыболовам и ружную грамоту хотьковским попам [114]. Вскоре после этого (около 1507 г.) он оставил дворцовое поприще.

Летом 1507 г. П. В. Шестунов отправлен наместником во Псков, где пробыл до 1509 г. В чине окольничего сопровождал Василия III в сентябре 1509 г. в Новгород. Вскоре после Псковского взятия 1510 г. (до августа 1511 г.) вместе с кн. С. Ф. Курбским он заменил первых псковских наместников Г. Ф. Давыдова и И. А. Челяднина. «И начаша те намесники добры быти до пскович», — комментирует это известие составитель Псковской 1-й летописи. Во Пскове П. В. Великий пробыл до 1514/15 г. Во всяком случае, в мае 1514 г. он уже присутствовал на приеме турецкого посла Камала в Москве среди «бояр». В 1504 г. он владел землями в Московском уезде на Дмитровском рубеже [115]. В январе 1516 г. дал земли Каширского уезда в Белопесоцкий монастырь [116]. По Государеву родословцу, брат кн. Петра Семен Кривой — окольничий «царя» Ивана Васильевича [117]. Сведение это не подтверждается, а Дмитрий Семенович Шестунов в 50-х годах XVI в., действительно, имел звание окольничего. Он служил по Ростову (как и его дядя Дмитрий Васильевич с детьми) [118]. Сын П. В. Шестунова Андрей появился в разрядах в 1515/16 г., а летом 1529 г. наместничал на Луках [119].

Последний сын Ивана Васильевича Ярославского, Семен Курбский, имел двух сыновей – Федора и Дмитрия. (Внук Семена Андрей Дмитриевич женат на дочери кн. Андрея Васильевича Углицкого) [120]. А. Д. Курбский упоминается в разрядах за 1495—1521 гг.[121] Его брат Александр в разрядных книгах не упоминается [122].

В 1482 г. Федор Семенович находился в войсках, стоявших

в Нижнем Новгороде. На следующий год он участвовал в большом походе на Югру [123]. Тиун Дмитрия Семеновича Курбского, наместника на Устюге, около 1490—1500 гг. судил земельные споры. В 1500 г. кн. Дмитрий присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского [124].

У Федора Курбского было три сына — Михаил Карамыш, Семен и Роман. Первый из них (дед кн. А. М. Курбского) в январе 1500 г. участвовал в свадебных торжествах кн. В. Д. Холмского. В том же году он успешно отбил набег ногайцев на Казань. В апреле 1501 г. он в качестве второго воеводы большого полка ходил в поход на Литву. О деде кн. А. М. Курбского позднее вспоминал Грозный, говоря, что он «умышлял» вместе с кн. Андреем Углицким на Ивана III. В апреле 1506 г. кн. Михаил Карамыш послан под Казань (в передовом полку), где и был убит татарами вместе с братом Романом [125].

Старший из Курбских, оставшихся после 1506 г. в живых, Семен Федорович, появился впервые в разряде Новгородского похода 1495 г. В 1499/1500 г. он ходил в дальний поход на Югру. Вскоре после 1503 г. описывал Торопецкий уезд. Во время Казанского похода 1506 г. кн. Семен стоял на Каме «у перевозу». В походе с Лук в Литву в конце 1507 г. С. Ф. Курбский возглавлял передовой полк. В походе с Лук к Бряславлю в конце 1512 г. командовал тем же полком. Во время второго Смоленского похода 1513 г. кн. Семен возглавлял полк левой руки в армии, шедшей с Лук к Полоцку. Он возглавлял тот же полк и в третьем походе 1514 г. В апреле 1514 г. Семен Федорович участвовал в переговорах с рязанской княгиней. В 1515 г. в новом походе на Литву С. Ф. Курбский командовал передовым, а зимой — сторожевым полком в армии В. В. Шуйского. В это время (с 1510/11 до 1515 г.) он наместничал во Пскове. В 1516 г., двигаясь с войсками к Белой и Витебску, С. Ф. Курбский был вторым воеводой большого полка при А. Б. Горбатом. В июле—августе 1519 г. кн. Семен в качестве наместника находился в Стародубе. В 1523 г. он возглавлял передовой полк в походе Василия III к Нижнему. В 1524 г. он в судовой рати на Казань возглавляет передовой полк. Последнее известие в разрядах о С. Ф. Курбском относится к 1528 г., когда он находился в Нижнем Новгороде [126].

По сведениям его племянника, Василий III «князя Семена ото очей своих отогнал даже до смерти его». Причина немилости крылась в отрицательном отношении Курбского ко второму браку Василия III [127].

В грозный 1521 г. в разрядах впервые появляются сыновья Михаила Карамыша: Михаил, Владимир Черный и Федор [128]. Владимир и погиб в войне с крымцами в этом году [129]. Михаил Михайлович в 1522 г. наместничал в Торопце. Затем служил военачальником до 1544 г., а в последний год службы сделан был даже боярином [130]. Его сыном и был прославленный Андрей Курбский.

Об отце кн. Андрея вспоминал позднее Грозный, говоря, что он Василию III «многия пагубы и смерти умышлял» вместе с Дмит-

рием Внуком. За это ему «гонения было много, да и убожества». В другом месте послания Курбскому Иван Грозный сообщал, что кн. Михаил был «князя Михайла Кубенского боярин, понеже он ему дядя». Женат он был на дочери Михаила Васильевича Тучкова-Морозова [131].

Федор Михайлович Курбский (сыновей у него не было) до боярства не дослужился и упоминается в разрядах с 1521 по 1535/36 г.[132]

То, что Курбские до малолетства Грозного так и не попали в Думу, связано с их позицией в политической борьбе. Они поддерживали претендента на московский престол Дмитрия Внука и выражали неудовольствие политикой Василия III.

Потомство второго сына Василия Васильевича Ярославского, Федора, было малочисленным. Александр Федорович Брюхатый был последним князем на Ярославле, «уступившим» свою вотчину Ивану III в 1463 или 1471 г.[133] Сын Александра Данила Пенко положил начало особой ветви ярославских княжат — Пенковых. Он считался старшим в роде [134]. Вероятно, поэтому у него сохранились какие-то суверенные права в Ярославле (точнее — в Закубенье) [135]. Еще в 1493 г. во время военной кампании против Литвы во главе большого полка был послан с Лук на помощь новгородским войскам. В августе, ноябре 1495 г., марте 1496 г. и в 1497 г. он был новгородским наместником. В августе 1497 г., находясь в Новгороде, он выдал жалованную грамоту (по грамотам отца и деда) на владения Вологодского уезда. Это один из крайне редких случаев, когда владетельный князь совмещал наместническую должность с суверенными правами на другой территории. В конце 1495 г., будучи новгородским наместником, встречал Ивана III в Новгороде. Возможно, между 1490 и 1492 гг. и в 1499 г. наместничал на Белоозере [136]. В свадебном разряде кн. В. Д. Холмского 1500 г. краткой редакции кн. Д. А. Пенко назван боярином [137]. Впрочем, это сведение и запись 1498 г. (не подкрепленные родословными книгами) могут быть и недостоверными. Духовная грамота кн. Данилы была засвидетельствована митрополитом Симоном в 1501—1502 гг. и хранилась в великокняжеском архиве. Там же находилась и «отпускная» его княгини Марьи на его «людей» [138].

У князя Данилы было трое сыновей — Александр, Василий (Вассиан) и Иван Хомяк. Александру (убитому под Казанью в 1506 г.) принадлежала так называемая Буслаевская псалтырь (рукопись 80-х годов XV в.) [139].

Пенковы по своему месту среди княжат напоминали в какой-то мере служилых князей. Два сына Данилы — Василий и Иван Хомяк — боярами при Василии III так и не стали. Стремясь включить Пенковых в круг наиболее близких ему представителей княжеской знати, Василий III в виде особенной милости осенью 1527 г. выдал свою свояченицу Марью за И. Д. Пенкова [140].

Судя по межевой грамоте 1504 г., В. Д. Пенков владел землями в Переславщине. В. С. Шульгин считает, что он получил их в обмен

на ярославские. Но, может быть, просто Пенкова пожаловали за верную службу или он купил себе вотчину. Во всяком случае, еще в 1526 г. В. Д. Пенков выдал жалованную грамоту на владения в Вологодском уезде [141]. Это означает, что у него суверенные права сохранялись. В январе 1530 г. грамоту кн. Василия подтвердили его жена и сын Иван.

В. Д. Пенков при дворе Василия III занимал видное положение. Еще в 1512 г. под Себежем возглавлял сторожевой полк, а в 1516 и 1517 гг. — передовой полк на Вошани. Осенью 1524 г. он во главе ответственного посольства посылается на Казань. В 1526 г. кн. Василий присутствовал на приеме папских послов. В 1527 г. дал поруку вместе с другими служилыми людьми по кн. М. Л. Глинском [142]. Вскоре после этого (до января 1530 г.) он умер.

По «Казанской истории», В. Д. Пенкову дан «на брежение» Яналей, когда тот отпущен в Казань, т. е. летом 1531 г. Но это ошибка, ибо с Яналеем был послан Я. Г. Морозов. Составитель «Казанской истории» спутал, очевидно, события 1531 г. с миссией 1524 г.[143]

Иван Хомяк Пенков во время похода Мухаммед-Гирея 1521 г. находился на Кашире. Через семь лет он ездил с Василием III и его окружением в Кириллов монастырь. В апреле 1531 г. он наместничал во Пскове. В январе 1533 г. он присутствовал на свадьбе кн. Андрея Старицкого. В Думу вошел летом 1534 г. уже после смерти Василия III. В июле этого года он находился на Коломне при Елене Глинской (третьим воеводой большого полка). В 1534/35 г. был боярином и каширским наместником. Во время летнего похода 1535 г. к Смоленску он командовал сторожевым полком. Летом 1537 г. на Коломне он возглавлял полк правой руки, а в августе того же года как знаток казанских дел был назначен главой большого полка конной рати, отправленной под Казань [144]. Около 1540 г. И. Д. Пенков умер [145]. Род Пенковых на сыне Василия Иване (боярине в середине XVI в.) пресекся. И. Д. и В. Д. Пенковых называла «внучатами» вдова кн. Д. Д. Холмского [146].

Третьим сыном князя Василия Васильевича Ярославского был Семен Новленский. Его владения располагались в бассейне р. Шексны и Кубенского озера. Правнук Семена Федор Иванович Юхотский еще сохранял суверенные права в своем княжестве. Он выдавал жалованные грамоты около 80-х годов XV в. и в 1509/10 г.[147] В 1500 г. кн. Федор присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского [148]. У Федора было двое сыновей — Иван (бездетный) и Дмитрий. Дмитрий участвовал в Новгородском походе 1495 г. и присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского в 1500 г.[149] Сын Дмитрия Иван был последним Юхотским князем. После него род этих князей пресекся, «от того (него. — *А. З.*) Юхоть и отошла» (к великому князю). Было это около 1534—1543 гг.[150]

У четвертого сына Василия Васильевича Ярославского, Дмитрия Заозерского, было трое сыновей — Федор, Андрей (бездетные)

и Семен Кубенский [151]. Дочь Дмитрия Заозерского была замужем за кн. Дмитрием Шемякой. Князь Андрей получил сам Кубену в приданое за дочерью кн. Ивана Дмитриевича Дея, своего троюродного брата [152]. Уже около 1461—1462 гг. Заозерье и Кубену великий князь завещал своему сыну Андрею Меньшому, а тот, в свою очередь, в 1479 г. — Ивану III. По родословцам, князь Иван Семенович Кубенский женат на дочери кн. Андрея Большого Углицкого [153].

Удельные связи только на время задержали продвижение Кубенских по иерархической лестнице. Отсутствие у них прочных поземельных связей в Ярославском крае ставило их в прямую зависимость от воли великого князя.

У Семена Кубенского было два сына — Иван Большой и Иван Шелуха. Источники не всегда позволяют установить, какие сведения относятся к какому из братьев. Около 1467—1474 гг. Иван Семенович Кубенский писал данную В. Б. Тучка Морозова. В 1489 г. ходил на Вятку с кн. Д. В Щеней. В феврале 1500 г. он присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского. В апреле того же года послан в Крым, где и умер [154].

Иван Шелуха Меньшой упоминается в 1495 г. в составе двора Ивана III. В 1497 г. его имя встречается в духовной В. Б. Тучка Морозова. Как и его старший брат, он присутствовал в 1500 г. на свадьбе кн. В. Д. Холмского [155]. Бездетный сын Ивана Шелухи Василий ни в чем не преуспел. Известно только, что он в 1527 г. среди других лиц подписал поручную по кн. М. Л. Глинском [156].

Зато многого достиг сын Ивана Большого Иван Иванович Кубенский. Сохранилось глухое известие, что он был кравчим. Оно как будто подтверждается его ковшом с надписью 1535 г.[157] Иван Иванович ратными талантами не выделялся. В полках до 1535 г. его не видно совсем. Но уже в апреле 1518 г. он, будучи еще «сыном боярским», выполнял небольшие придворные поручения на приеме имперского посла Ф. да Колло [158]. Возвышение Кубенского относится к переломному периоду правления Василия. Уже в феврале 1524 г. он упоминается как дворецкий. В августе 1524 г. ему докладывались поземельные споры. В феврале, мае, июле и сентябре 1525 г. ему докладывались разъезды земель, а в июне 1525 г. он подписывает жалованные грамоты. В декабре 1526 г. он ездил с Василием III в Тихвин [159].

Затем в деятельности Ивана Ивановича наступает не вполне ясный перерыв. Возможно, он связан с неудачным Казанским походом 1524 г., в котором принимал участие его брат Михаил. Во всяком случае, в Государственном архиве хранился «список обыскной о казанском деле князя Ивана Кубенского» [160]. И. И. Кубенский снова появляется в дворцовом ведомстве в 1532 г., когда в одной из грамот (от 26 июня) сообщалось, что посельский одного из сел на Шексне должен положить список своего поземельного суда перед И. И. Кубенским. В феврале 1533 г. Кубенский разбирал дело о высылке крестьянина в земли одного из рязанских монастырей. В апреле 1533 г. он выдал оброчную грамоту поме-

щику И. И. Любовникову [161]. В предсмертные дни Василия III И. И. Кубенский был среди близких к великому князю лиц [162]. С боярским званием Кубенский встречается только в 1541 г., т. е. незадолго до казни (летом 1546 г.) [163]. Земельные владения Кубенского располагались в Рузе и Дмитрове, а также в Звенигороде (наследие матери, точнее, ее отца кн. Андрея Углицкого) [164].

В 1517—1518 гг. Михаил Иванович Кубенский светил как бы отраженным светом своего младшего брата. Он участвовал в посольских церемониях (1517 г.) [165]. В отличие от кн. Ивана Михаил главным образом подвизался на ратном поприще. Уже в 1518 г. в армии М. В. Горбатого он командовал полком правой руки. В 1522 г. упоминался среди воевод, сопровождавших Василия III на Коломну. В 1523 г. он у Опочки — первый воевода правой руки. В походе к Казани 1524 г. М. И. Кубенский возглавлял сторожевой полк судовой рати И. Ф. Бельского и М. В. Горбатого. В апреле и июле 1525 г. ведал сбором пошлин на Торопце, т. е. выполнял функции наместника [166]. В 1528 г. кн. Михаил наместничает в Торопце [167]. Прочные связи с суздальскими князьями позднее привели к тому, что Кубенские поддерживали Шуйских во время боярского правления при молодом Иване IV [168]. В 1529 г. М. И. Кубенский на Коломне, где среди воевод снова находим и М. В. Горбатого. В злополучном Казанском походе 1530 г. М. И. Кубенский «у наряду» в судовой рати И. Ф. Бельского и М. В. Горбатого. Опалы Кубенскому удалось избежать, и в январе 1531 г. мы его встречаем среди воевод на Кашире, где первым был В. В. Шуйский. В том же году посылался к Казани с «нарядом» и к Исламу, чтобы взять с него шерсть. В июне 1533—сентябре 1534 г. наместничал во Пскове. В декабре 1534 г. в новгородских войсках командовал полком правой руки. В 1537 г. привел полк из Владимира в Муром (стоял также в Мещере) [169]. Боярское звание получил только в 1539 г., а умер в 1548 г.[170]

Младшая ветвь ярославских князей в конце XV—первой трети XVI в. не дала сколько-нибудь крупных политических деятелей. У Глеба (второго сына Василия Грозные очи) было трое сыновей: Иван, Федор и Константин Шаховской. От сына Федора Семена Щетины пошли князья Щетинины, а от второго сына, Ивана Засеки, — Засекины.

Среди Щетининых наиболее выделялись правнуки Семена — Юрий и Василий Ивановичи, которые в 1512 и 1522 гг. «стряпали» у доспеха и оружия. К 1547 г. кн. Юрий стал оружничим [171]. Другие два брата Щетининых погибли: Иван Темка — под Оршей в 1514 г., а Захарий — под Смоленском [172]. Среди четырех сыновей Ивана Засеки известен Дмитрий Солнце, упоминающийся в свите Ивана III во время похода в Новгород в 1495 г.[173] Он был родоначальником Засекиных-Солнцевых. Внук Засеки Иван Сосун Иванович (сын Ивана Бородатого Дурака) в 1515 г. на Луках был вторым воеводой сторожевого полка, а в походе оттуда к Полоцку А. Д. Ростовского возглавлял полк левой руки. В Ли-

товском походе к Витебску из Белой в 1516 г. придан к большому полку отрядом с Лук, который возглавлял В. Г. Годунов и он. В 1524—1526 гг. И. И. Засекин ездил с ответственным посольством к императору Карлу V[174]. В середине XVI в. по Дмитрову числились дети Ивана Федоровича Засекина, поэтому, скорее всего, их отец служил кн. Юрию [175].

Не сложилась придворная карьера у Шаховских, связавших свою судьбу с Вологодским уделом и Новгородом. У Константина Шаховского было двое сыновей — Андрей и Юрий. Юрий еще около 1460—70-х годов сохранял остатки суверенных прав на какие-то земли в Ярославском крае [176]. Об Андрее нам известно только как об отце двух сыновей — Александра Драницы и Александра Шемяки. Последний из них служил Андрею Вологодскому [177]. Все его шесть сыновей были испомещены еще до 1495 г. в Деревской пятине Новгорода [178], т. е. фактически были исключены из дворовых детей боярских, которым главным образом и перепадали доходные кормления и чины. Иван Юрьевич Шаховской промелькнул в разрядах летом 1482 г.[179]

Третий сын Василия Грозные очи Роман известен как основатель г. Романова [180]. Его старший внук от первого сына (Ивана Неблагословенного свистуна) Федор Иванович Мортка (от него пошли Морткины) служил в Твери [181], а младший Афанасий стал родоначальником князей Шехонских. Дети внука Романа Льва Даниловича Зубатого — Дмитрий Векошка и Василий — служили Василию Шемячичу [182].

У брата Льва Зубатого Василия Ухорского было пять сыновей. Род пошел от второго — Федора Охлябины (Охлябинины) [183] и от младшего — Михаила Хворостины (Хворостинины) [184].

От второго сына кн. Давыда Федоровича Ярославского, Михаила Моложского, пошел целый ряд княжеских фамилий: от первого сына — Сицкие [185] и Прозоровские [186], от второго — Ушатые и Чулковы, от третьего — Дуловы [187].

Внуками Ивана Михайловича Моложского были: Василий, Константин, Иван Ляпун, Иван Бородатый, Юрий и Петр Федоровичи Ушатые [188].

Константин Федорович Ушатый в 1491 г. упоминается как послух в духовной М. А. Плещеева, затем он появляется в разрядах похода на Северу 1492 г., занимая сравнительно еще скромное место второго воеводы сторожевого полка. В 1495 г. он сопровождал Ивана III в Новгород в составе его свиты. В 1500 г. великий князь посылал его с поручением к Юрию Захарьичу «в полки». В 1504 г. он сидел на наместничестве в Дмитрове, т. е. находился в уделе. В июне 1505 г. наместничал в Ивангороде. Летом 1507 г. отбивал крымский набег, находясь в Калуге. Там же был и в 1508 г. В походах на Литву в октябре 1507—апреле 1508 г. К. Ф. Ушатый по-прежнему занимал скромное место (второго воеводы левой руки и третьего — в передовом полку). Осенью 1508 г. послан с Москвы в Вязьму, а затем в 1509 г. находился в Дорогобуже. В начале 1510 г. кн. Константин участвует в походе на Псков.

Уже в 1512 г. мы встречаем его в чине окольничего вторым воеводой левой руки в войсках кн. М. И. Булгакова, располагавшихся на Угре. В первом Смоленском походе 1512—1513 гг. К. Ф. Ушатый — всего-навсего четвертый воевода сторожевого полка. Весной 1513 г. он в войсках М. И. Булгакова командовал полком правой руки. В 1515 г. Константин Федорович был вторым воеводой большого полка на Вошане. В 1517 г. в войсках, стоявших на Суре, он возглавлял полк правой руки [189]. Продвижению кн. Константина по служебной лестнице, очевидно, способствовало то, что его отец был женат на дочери Якова Казака из влиятельного боярского рода Кошкиных [190].

Иван Ляпун и Иван Бородатый Федоровичи Ушатые в 1495 г. сопровождали Елену Ивановну в Литву [191]. Весной того же года Иван и Петр Ушатые были посланы «на Каянскую землю». Князь Петр Ушатый упоминается также в походе кн. С. Ф. Курбского на Югру 1499/1500 г.[192] Иван Ляпун в 1501/02 г. наместничал в Торжке [193]. Из двух Иванов Ушатых Бородатый упоминается в разрядах 1502—1522 гг. Думных чинов он не получил [194]. Юрий Федорович Ушатый в источниках не встречается, а его сын Василий в 1524 г. был первым воеводой левой руки в судовой рати, отправленной в Казань [195]. Другой его сын, Юрий Меньшой, упоминается в грамоте 1521 г.[196]

У старшего брата князя Константина Василия Ушатого было несколько сыновей, из которых наиболее выделялся Василий Чулок. Еще в 1508 г. он возглавлял сторожевой полк на Мещере. Во время второго Смоленского похода 1513 г. Чулок был вторым воеводой левой руки в авангарде русских войск. С тех пор он является непременным военачальником почти во всех крупных военных кампаниях. В 1536 г. он наместничал в Рузе [197]. В 1542/43 г. он уже окольничий, умер около 1548 г.[198]

В положении ярославских князей можно заметить существенные особенности. В отличие от суздальских, ростовских, а тем более Гедиминовичей и Оболенских некоторые из ярославских княжат сохранили свои суверенные права в старых владениях (Юхотские, Пенковы и др.). Прочными были связи с Ярославлем и тех княжат, которые не обладали там суверенными правами. Этим, а также близостью некоторых из ярославских княжат к удельным властителям объясняется тот факт, что они очень поздно вошли в Думу. Исключение составлял кн. Семен Романович (боярин в 1495— 1504 гг.), принадлежавший к старшей ветви ярославских княжат, потерявший права на Ярославль. К тому же он был младшим сыном Романа Ивановича, а сувереном в его владениях был старший (Федор Романович). Та часть ярославских княжат, которая порвала владельческие связи с Ярославлем (Кубенские, Шестуновы), дала крупных деятелей, которые сделали ставку на службу по дворцовому ведомству и близость к великому князю. Никто из ярославских княжат (кроме князя Семена) не стал боярами, но некоторые дослужились при Василии III до чина окольничего. Лидерами ярославских княжат стали Пенковы,

чему содействовал и брак И. Д. Пенкова со свояченицей Василия III. Положение Ушатых укрепилось благодаря родственным связям с Кошкиными.

[1] ДДГ. № 22. С. 61.
[2] От Семена же происходил кн. Александр Васильевич Глазатый, которому дана была какая-то «жаловальная грамота... в докончанье» (ГАР. С. 69 (ящик 147), 352). В Описи описка: «Ивановичю».
[3] ДДГ. № 40. Вероятно, в этой связи Федор Юрьевич Шуйский позднее дал запись в своей «вине» (ГАР. С. 69 (ящик 147), 351). Около 1445—1446 гг. оба брата выдавали жалованные грамоты на владения в Суздальщине (АСЭИ. Т. 2. № 448; Т. 3. № 491). Ср. грамоту кн. Федора около 1447—1449 гг. (Там же. Т. 3. № 492).
[4] Сохранились докончальные 1448—1449 гг. Василия II с кн. Иваном Васильевичем Горбатым (ДДГ. № 52. С. 155—160).
[5] Там же. № 61. С. 194.
[6] ПСРЛ. Т. 28. С. 124; ИЛ. С. 66.
[7] ПЛ. Вып. 2. С. 212—213, 218, 222; РК. С. 22.
[8] РК. С. 25; ОАПП. Ч. 1. С. 57 (между маем 1508 г. и маем 1514 г.); Описи Царского архива. С. 60 (1508/09 г.); ГАР. С. 44—45 (ящик 27/II), 167—168.
[9] РК. С. 33.
[10] Там же. С. 107. В 1527 г. Федор Иванович Скопин ручался за кн. М. Л. Глинского (СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428). В разрядах впервые упоминается в 1534 г. (РК. С. 84, 85).
[11] СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428. В 1526/27 г. он был одним из душеприказчиков Антониды Басенковой (АРГ 1505—1526 гг. № 284).
[12] СГГД. Ч. 1. № 156. С. 430—432.
[13] РК. С. 79.
[14] Там же. С. 76, 81.
[15] «Князь же Юрьи нимало не перекова о них, но въскоре их отда великого князя посланником...», «князь великий же положи на них опалу свою, велел их, оковавши, разослати по городом» (ПСРЛ. Т. 13. С. 77—78).
[16] ПСРЛ. Т. 13. С. 78, 123; ср. «выпись Третьяка Тишкова на князя Ондрея Шуйского» (ГАР. С. 43 (ящик 26), 155).
[17] ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). Кн. 539. Л. 270—273.
[18] Сб. ГКЭ. Т. I. № 76. Стб. 69—80; *Чумиков А.* Акты Ревельского городского архива // ЧОИДР. 1898. Кн. IV. Смесь. № 3. С. 4.
[19] ПСРЛ. Т. 25. С. 329; АЗР. Т. 1. № 75. С. 95; Сборник Муханова. СПб., 1866. № 27. С. 39; ПЛ. Вып. 1. С. 81, 82; Сб. РИО. Т. 35. С. 94, 153; Род. кн. Ч. 1. С. 68; см. его грамоты начала XV в. (АСЭИ. Т. 2. № 438).
[20] ПЛ. Вып. 1. С. 85; ПДС. Т. 1. Стб. 123, 125, 150; АСЭИ. Т. 3. № 443 (декабрь 1500 г.), 448, 459; РК. С. 16, 31, 33, 35 (август, декабрь 1501 г., декабрь 1502 г., февраль 1503 г., май 1504 г., июнь 1505 г. и октябрь 1506 г.), 38, 42, 43, 48; Р. С. 97. О Василии Васильевиче см.: *Герберштейн.* С. 133.
[21] Сб. РИО. Т. 35. С. 488—489; РИБ. Т. 15. № 5—6; ЦГАДА. Ф. 1144 (Новгородская приказная изба). Кн. 8. Л. 6 об.; *Копанев.* С. 158; ЛОИИ. Собр. рукописных книг. № 1092. Л. 5; РК. С. 48, 49; Р. С. 125.
[22] РК. С. 49, 52, 54, 57, 58, 61—64; СГГД. Ч. 5. № 65. С. 55—61; Сб. РИО. Т. 95. С. 219; ПСРЛ. Т. 13. С. 21; Т. 20. С. 400; ПЛ. Вып. 1. С. 100; *Лихачев.* С. 176.
[23] РК. С. 14, 65, 67, 71, 75, 77—79, 82, 87; Р. С. 187, 212, 217. Ср. также: Р. С. 199—200, где Василий Васильевич упоминается под 1526/27 г. вместе с братом Иваном среди воевод, посланных к Коломне; возможно, разряд относится к осени 1527 г. См. также: ПСРЛ. Т. 24. С. 221; СГГД. Ч. 1. № 149. С. 414—415; № 155. С. 528—529; ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). Кн. 518. Л. 248 об.; Владимирский сборник. М., 1857. С. 130; Сб. РИО. Т. 59. С. 43.
[24] Род. кн. Ч. 1. С. 70.
[25] Упомянут в разрядах только весной 1506 г. (РК. С. 16). Сын его бежал в Литву (Род. кн. Ч. 1. С. 70).
[26] РК. С. 14, 33, 46, 64, 79; ПЛ. Вып. 1. С. 100; Сб. РИО. Т. 53. С. 31, 42; ср. ПДС.

Т. 1. Стб. 176, под 1515 г.; Сб. РИО. Т. 35. С. 548, 664, 681, 718; РЛА. № 355; ЛОИИ. Собр. Лихачева. № 365. Л. 88 об.; ПСРЛ. Т. 33. С. 149; АЮБ. Т. 1. № 52/IV; *Шумаков.* Обзор. Вып. 4. № 1328. С. 481; Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909. С. 58; *Зимин.* Состав Боярской думы. С. 52. Ему докладывались и поземельные дела Клинского уезда (ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). Кн. 539. Л. 32—34).

[27] *Стромилов.* С. 73; ср. «Скопино», в 25 верстах от Александровской слободы (Там же. С. 79). О владениях Шуйских в Суздале см.: *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897. С. 183—184. Х. Рюсс путает И. В. Шуйского с И. М. Шуйским, говоря об опале его накануне смерти Василия III (*Rüß.* S. 483). Племянник И. В. и В. В. Шуйских И. Д. Губка Шуйский около 1536 г. бежал в Литву (Род. кн. Ч. 1. С. 70).

[28] АСЭИ. Т. 3. № 497. Его дочь была замужем за Д. В. Щсней (Там жс. Т. 2. № 464).

[29] ПЛ. Вып. 1. С. 43.

[30] Там же. С. 49, 52, 53 (1456 г.); ПСРЛ. Т. 6. С. 204; ИЛ. С. 91 (1475 г. «Гребенка»), 110—111. В Иоасафовской летописи говорится, что он был «братаничем» Ивану Горбатому. Но тогда речь должна идти о В. В. Бледном Шуйском (сыне Василия Юрьевича).

[31] ПСРЛ. Т. 28. С. 123, 147; ИЛ. С. 71 («Василий Шуйский»). На Двине был еще 9 марта 1472 г. (ГВНП. № 220. С. 243).

[32] Его сын Федор Глазатый Черленый упоминается в разрядах под 1495 г. (РК. С. 26).

[33] РК. С. 25, 28.

[34] Там же. С. 26.

[35] *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37; АРГ 1505—1526 гг. № 30, 31.

[36] РК. С. 65, 71, 75, 77. 85, 93; ЦГАДА. Ф. 123 (Крымские дела). Кн. 6. Л. 300—353; Акты Юшкова. № 131. По Ш, боярии с 1528/29 г., умер в 1540/41 г. В Государеве родословце о его боярстве не говорится (Род. кн. Ч. 1. С. 72).

[37] Все сведения в разрядах и других источниках о Борисе Ивановиче Горбатом по хронологическим соображениям следует отнести не к сыну Ивана Васильевича, а к сыну Ивана Ивановича. Около 1490—1496 гг. И. И. Горбатый владел с. Лопатничи в Суздальщине (АСЭИ. Т. 2. № 484), а Б. И. Горбатый в 1503/04 г. покупал земли в Ростове (Там же. Т. 1. № 648).

[38] РК. С. 21, 25, 45, 51, 52, 54, 56, 57, 59.

[39] ЦГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). Суздаль, № 12/11791; Ф. 201 (Собр. Оболенского). № 42. Л. 23 об.—24 (см. Р. С. 199—200, разряд 1526/27 г.); ПДС. Т. 1. Стб. 178, 186, 339, 435; *Лихачев.* С. 176; АРГ 1505—1526 гг. № 186; РК. С. 9, 67; Р. С. 188; *Зимин.* Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в. // Ист. архив. 1960. № 3. С. 147—148; СГГД. Ч. 1. № 156. С. 430—432; ПСРЛ. Т. 28. С. 161.

[40] РК. С. 14, 76, 77; ЦГАДА. Ф. 123 (Крымские дела). Кн. 6. Л. 303; ПСРЛ. Т. 6. С. 271; ПДС. Т. 1. Стб. 1306, 1396.

[41] ПСРЛ. Т. 6. С. 302; Т. 8. С. 288. Упоминается также в ноябре-декабре 1534 г., мае 1535 г., октябре 1536 г. и январе 1537 г. (АЗР. Т. 2. № 179/III. С. 332—333; Р. С. 250; ПСРЛ. Т. 6. С. 294, 302; Т. 13. С. 82; Сб. РИО. Т. 59. С. 536; *Чумиков А. А.* О торговле ганзейских городов с Новгородом и Москвою и Швеции с Россией // ЧОИДР. 1898. Кн. 1. Отд. IV. С. 14).

[42] РК. С. 86; Р. С. 261; *Каштанов С. М.* Борьба за Углич и древнейшие писцовые описания Угличского уезда // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 214—215.

[43] В марте 1539 г. А. Б. Горбатый дал «по отце» Троицкому монастырю земли Ростовского уезда (ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). Кн. 520. Л. 238—239).

[44] В разрядах А. Б. Горбатый впервые упоминается в 1538 г. (РК. С. 95). В Микулине у А. Б. Горбатого были владения в 1548 г. (ПКМГ. Ч. I, отд. 2. С. 133).

[45] РК. С. 35, 60, 67; Сб. РИО. Т. 35. С. 561, 564.

[46] РК. С. 51, 57, 59, 63.

[47] Там же. С. 95.

[48] РК. С. 59, 67, 69. По Ш, Андрей Борисович Горбатый — боярин с 1530/31 г., умер в 1531/32 г. Сведение о нем, что он уже в 1512/13 г. был нижегородским наместником (*Гацисский А.* Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886.

С. 30, 32), и по характеру памятника, в котором оно встречается, и по хронологическим соображениям сомнительно.

[49] РИИР. Вып. 2. С. 18. В Государеве родословце о боярстве Федора Кузнеца не говорится (Род. кн. Ч. 1. С. 73).

[50] РК. С. 43, 52, 53, 57, 58, 63; Сб. РИО. Т. 95. С. 535.

[51] Сб. РИО. Т. 53. С. 120, 231; ПЛ. Вып. 1. С. 102 (1520/21 г.); РЛА. № 369; ИЛ. С. 179 (июль 1519 г.).

[52] *Тихомиров М. Н.* Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 161.

[53] РК. С. 68. В этом году М. В. Горбатый был и в передовом полку у кн. Д. Ф. Бельского (Там же. С. 69).

[54] Там же. С. 69, 72, 73.

[55] М. В. Горбатый упоминается как новгородский наместник в марте 1529 г., марте — летом 1530 г., сентябре 1531 г. (РИБ. Т. 17. № 224, 232; *Копанев.* С. 174; ПСРЛ. Т. 13. С. 47; *Чумиков А. А.* Немецкий список перемирной грамоты // ЧОИДР. 1898. Кн. 1. Отд. IV. С. 5; Р. С. 213; РЛА. № 377).

[56] РК. С. 74, 76, 80, 82, 84-86; ПСРЛ. Т. 6. С. 271; ГИМ. Синодальное собр. № 485. Л. 550; ГБЛ. Ф. 256 (Собр. Румянцева). № 349. Л. 232. Завещание М. В. Горбатова см.: Владимирский сборник. С. 128—130; Сборник Хилкова. № 1. К 1531/32 г. он был должен благовещенскому протопопу Василию 180 руб. (ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). № 281. Л. 1).

[57] АСЭИ. Т. 2. № 458; Сборник Муханова. СПб., 1866. № 292; Род. кн. Ч. 1. С. 71. По Летописной и Румянцевской редакциям Государева родословца кн. Борис показан бездетным (РИИР. Вып. 2. С. 17, 94).

[58] Очевидно, владел землями по р. Уводи (*Кучкин В. А.* Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII—XIV вв. // Польша и Русь. М., 1974. С. 245).

[59] РК. С. 25, 55, 72, 73.

[60] Род. кн. Ч. 1. С. 75; *Экземплярский.* Т. 2. С. 43; ДДГ. № 61. С. 195.

[61] АФЗХ. Ч. 1. № 22, 39; АСЭИ. Т. 1. № 628, 643, 649; Т. 2. № 336, 337, 418; ДДГ. № 94, 95; РК. С. 31, 38, 42; ЦГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). Бежецк. № 37/1141.

[62] РК. С. 62, 64, 66; СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428.

[63] ДДГ. № 71. С. 251; АФЗХ. Ч. 2. № 15.

[64] Род. кн. Ч. 1. С. 77; РК. С. 24, 34, 35, 39; Р. С. 48. Об отношении Голениных к Волоколамскому монастырю см.: *Зимин.* Вотчина. С. 107, 112—113.

[65] Правнуки Дмитрия Александровича Щепы были испомещены в конце XV в. в Новгороде (Род. кн. Ч. 1. С. 77). Тысячником по Шелонской пятине числился кн. И. Д. Щепин (Тысячная книга. С. 82). В Новгороде (Деревская пятина) около 1495 г. находились поместья детей Дмитрия Дмитриевича Приимкова — Дмитрия, Ивана Волка, Семена, Андрея и Льва Балымата (НПК. Т. 1. Стб. 358, 267, 564).

[66] *Николаева.* № 100. С. 94.

[67] ПСРЛ. Т. 24. С. 194; Т. 8. С. 180. В пространной редакции разрядных книг под 1475/76 г. сказано: «Купил князь великий другую половину Ростова у князь Володимера Андреевича, а первоя половина при великом князе Иване Даниловиче куплена» (Р. С. 20.).

[68] Его сыновья Андрей, Дмитрий и Иван были новгородскими помещиками (*Веселовский.* Землевладение. С. 291).

[69] РК. С. 25.

[70] Иван Катырь упоминается в них под 1531—1542 гг. (Там же. С. 80, 92, 93). По Государеву родословцу, боярин Ивана IV (Род. кн. Ч. 1. С. 83). По Ш, боярин с 1531/32 г., умер в 1542/43 г.

[71] РК. С. 56, 59, 60, 66, 68. По Ш, боярин с 1516/17 г., умер в 1528/29 г. В Государеве родословце о боярстве его не говорится (Род. кн. Ч. 1. С. 83).

[72] РК. С. 46, 70, 74; Р. С. 201, 205, 211; РИБ. Т. 15. № 7, 9, 12, 28; Сб. РИО. Т. 35. С. 839; Т. 59. С. 1; *Дунаев.* Максим Грек. С. 91. По Государеву родословцу, боярин Василия III (Род. кн. Ч. 1. С. 83). По Ш, боярин с 1513/14 г., умер в 1529/30 г.

[73] РК. С. 84, 90; [Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 55].

[74] *Стромилов.* С. 73—74. О владениях ростовских князей в Ростовском уезде см.: *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 150 –152.

[75] Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 г. (2-я половина) // Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 11. С. 133, 361, 370; Род. кн. Ч. 1. С. 84. Иван Иванович Буйносов служил в середине XVI в. по Вотской пятине (Тысячная книга. С. 82).

[76] РК. С. 32, 39, 48. То же самое в 1513 и 1516 гг. (Там же. С. 52, 53, 59). В 1517 и 1519 гг. он «на Луках» возглавлял полк левой руки (Там же. С. 61, 64). См.: *Масленникова.* С. 192.

[77] РК. С. 22, 31—34, 37, 38, 42, 44, 46; Р. С. 120 («на Осетре»); ПЛ. Вып. 1. С. 82—84; ИЛ. С. 142; Сб. РИО. Т. 35. С. 480. По Ш, боярин с 1500/01 г., умер в 1522/23 г.

[78] РК. С. 48—50, 53, 55, 59, 61; Р. С. 165, 174; РИБ. Т. 15. № 15; Т. 17. № 536, 537; АРГ 1505—1526 гг. № 157. С. 150, 319; РЛА. № 356, 369; ПДС. Т. 1. Стб. 193; ЦГАДА. Ф. 1144 (Новгородская приказная изба). Кн. 8/I. Л. 84 об., 128; Неизданные русские акты XV—XVI вв. Ревельского городского архива // ЧОИДР. 1897. Кн. 2. Отд. IV. № 8; СГГД. Ч. 5. № 95.

[79] В 1517/18 г. посельский кн. А. В. Ростовского производил разъезд земель в Переславском уезде (АРГ 1505—1526 гг. № 157).

[80] ПЛ. Вып. 1. С. 88, 90, 91; РК. С. 61. По Ш, боярин с 1500/01 г., умер в 1517/18 г.

[81] СГГД. Ч. 1. № 156; ДДГ. № 87. С. 350; Р. С. 98, 166, 174; РК. С. 66.

[82] РК. С. 62, 74, 76, 81, 85, 87, 89. В Пространных разрядах А. Д. Ростовский называется боярином еще в 1534 г. (Р. С. 248). По Ш, боярин с 1534/35 г., умер в 1549/50 г., вероятно, в начале 1550 г. (*Зимин.* Состав Боярской думы. С. 57). Постригся в монахи у Бориса и Глеба (Род. кн. Ч. 1. С. 85); см. его кабалу на сельцо Пахомово (ГАР. С. 68 (ящик 145), 343—344).

[83] РК. С. 25, 29.

[84] Там же. С. 32, 54; ПДС. Т. 1. Стб. 154, 156; Акты Копенгагенского архива // ЧОИДР. 1915. Кн. 4. № 9; ПСРЛ. Т. 13. С. 22; Переписная окладная книга по Новугороду... С. 131. Его сын Юрий появляется в разрядах в конце 1531 г. (РК. С. 79). В 1527/28 г. у него были владения в Ростовском уезде (ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). Кн. 533. Л. 722).

[85] РК. С. 25.

[86] *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37; РК. С. 40.

[87] Владимир Волох, Иван Брюхо и Семен Вершка Ивановичи Пужбольские около 1495 г. были новгородскими помещиками (НПК. Т. 1. Стб. 112; *Веселовский.* Землевладение. С. 291).

[88] АСЭИ. Т. 3. № 16. С. 32—33.

[89] НПК. Т. 2. Стб. 590.

[90] Там же. Т. 3. Стб. 198.

[91] *Шульгин В. С.* Ярославское княжество в системе Русского централизованного государства в конце XV—первой половине XVI в. // Научные доклады высшей школы. Ист. науки. 1958. № 4. С. 3—15; см. также: *Маркевич А. И.* Ярославские князья в Московском государстве // Тр. VII Археологического съезда в Ярославле. М., 1891. Т. 2. С. 82—108.

[92] «Докончальные ярославских князей», хранившиеся в Царском архиве, до нас не дошли (ГАР. С. 69 (ящик 149), 354).

[93] Род. кн. Ч. 1. С. 114.

[94] ПСРЛ. Т. 25. С. 246; Род. кн. Ч. 1. С. 114; РИИР. Вып. 2. С. 102. По Летописной редакции родословных книг, «на великом княжение не был на Ярославли» (РИИР. Вып. 2. С. 28—29).

[95] Род. кн. Ч. 1. С. 114. В Летописной редакции Воина нет, в Румянцевской не говорится о его уделе.

[96] АСЭИ. Т. 3. № 198, 200.

[97] *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37.

[98] РК. С. 59, 67, 72, 89, 92, 93, 102—104; ЦГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). Ярославль, № 16/14764; ср.: АФЗХ. Ч. 2. № 191, 200 (сообщено В. Б. Кобриным).

[99] РК. С. 36, 39, 42.

[100] Там же. С. 66, 90.

[101] Род. кн. Ч. 1. С. 116; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 27, 76.

[102] РК. С. 25; *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37. В 1506 г. наместником на Двине

назван Михаил Михайлович Троекур (Р. С. 91—92). Вероятна ошибка в отчестве.

[103] РК. С. 65, 92; Р. С. 172, 269.

[104] ПСРЛ. Т. 8. С. 153, 231 (без боярского титула); Т. 28. С. 153; АСЭИ. Т. 2. № 284; Т. 3. № 199, 217, 436 (без боярского титула); АФЗХ. Ч. 2. № 54 (1512 г.; см.: *Зимин.* Вотчина. С. 109); РК. С. 20, 21, 23 (без боярского титула), 24 (см.: *Alef.* Р. 102, 104, 111), 31 (без боярского титула); Р. С. 26; ПЛ. Вып. 1. С. 81; *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XVI—XV вв. М.ц; 1966. С. 194; *Шмидт.* С. 272; Finlands Medilitudes Urkunden. Helsinki, 1930. Bd. VI. N 4734. S. 73—75.

[105] Род. кн. Ч. 1. С. 115.

[106] АСЭИ. Т. 3. № 199; РК. С. 25, 65.

[107] Р. С. 217; Род. кн. Ч. 1. С. 117; РК. С. 55.

[108] По Летописной редакции разрядных книг у Василия было четверо сыновей (третий — бездетный Федор). См.: РИИР. Вып. 2. С. 29.

[109] [ПСРЛ. Т. 37. С. 92. (Ошибочно: Даниил Александрович)]; Т. 28. С. 119. См. его жалованную грамоту около 1463—1469 гг. (АСЭИ. Т. 3. № 194). Ср. спор о его землях около 1465—1469 гг. (Там же. Т. 2. № 464). См.: *Шульгин В. С.* Указ. соч. С. 9.

[110] Род. кн. Ч. 1. С. 118; Р. С. 88; РК. С. 36, 38, 45, 52; Акты Юшкова. № 86; АРГ 1505—1526 гг. № 161; РИБ. Т. 32. С. 253. № 140 (1539 г.); ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). Кн. 521. Л. 138 об.

[111] РК. С. 20. По пространным разрядам упомянут среди бояр (Р. С. 27). По Ш, боярин с 1486 г., умер в 1494/94 г. Ср.: *Alef.* Р. 114. В Государеве родословце о его боярстве не говорится (Род. кн. Ч. 1. С. 118). Трудность состоит в том, что его старший двоюродный брат известен как боярин только с 1495 г., т. е. через десять лет после предполагаемого упоминания о боярстве В. В Шестуна.

[112] Четвертый сын (Андрей Меньшак) есть только в Летописной редакции родословных книг (РИИР. Вып. 2. С. 30).

[113] *Власьев.* Т. I, ч. 1. С. 53.

[114] АСЭИ. Т. 1. № 541, 624, 641 (С. 555), 642 (С. 560; дата 1502—1504 гг. в издании ошибочна); Т. 2. № 494; Т. 3. № 24, 218; АФЗХ. Ч. 1. № 32, 140, 260; АРГ 1505—1526 гг. № 15; ДДГ. № 89. С. 363; [ПСРЛ. Т. 37. С. 97]; РК. С. 25; Покровский Хотьков девичий монастырь. М., 1854. С. 10—11. По Ш, дворецкий с 1500/01 г., умер в 1512/13 г.

[115] ПЛ. Вып. 1. С. 91, 92, 95, 97; РК. С. 44; Описи Царского архива. С. 123; Сб. РИО. Т. 95. С. 96; ДДГ. № 95. С. 390. Упоминается в полной грамоте 4 декабря 1511 г. (*Хорошкевич А. Л.* Псковская полная грамота 1511 г. // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 72).

[116] *Шумаков С. А.* Сотницы, грамоты и записи. М., 1910. Вып. 5. № 36. Послухами были дети князя Петра Андрей и Василий (последнего родословцы не знают).

[117] Род. кн. Ч. 1. С. 118. В разрядах упоминается единожды — под 1495 г. (РК. С. 26) и без звания. Возможно, в Государеве родословце ошибка: об окольничестве Петра (а он им, несомненно, был) не сказано, т. е. оно приписано Семену. Семен был младше Петра, а тот стал окольничим только в 1509 г., когда Семен уже давно исчез из источников.

[118] *Зимин.* Состав Боярской думы. С. 68; Тысячная книга. С. 141.

[119] РК. С. 58, 74.

[120] Род. кн. Ч. 1. С. 121; *Экземплярский.* Т. 2. С. 117. Село Курба находилось в 25 верстах от Ярославля.

[121] РК. С. 25, 66 и др.

[122] По данным А. В. Экземплярского, служил в полках в 1514—1522 гг. (*Экземплярский.* Т. 2. С. 119).

[123] РК. С. 19—20; ПСРЛ. Т. 12. С. 215 (в тексте — Романович); Т. 26. С. 275—276.

[124] АСЭИ. Т. 3. № 288; РК. С. 16.

[125] *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37; ИЛ. С. 141; РК. С. 31; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 25, 57; Казанская история. М.; Л., 1954. С. 61—63; Род. кн. Ч. 1. С. 120. В Государственном архиве хранились «списки вятцкие,

что прислал княж Михайло Курбъской» (ГАР. С. 45 (ящик 28), 170). Сведение могло относиться, скорее всего, к сыну Михаила Карамыша, также Михаилу. В Вятке кн. Михаил мог наместничать только в 1523—1527 или 1530—1533 гг.

[126] РК. С. 25, 29, 36, 39, 48, 52, 53, 56, 57, 59, 62, 64, 69, 71; Р. С. 187; *Герберштейн.* С. 125, 133; ИЛ. С. 138; *Побойнин И. И.* Торопецкая старина // ЧОИДР. 1899. Кн. 3. С. 137; Торопецкая книга 1540 г. // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 297; Сб. РИО. Т. 95. С. 93; ПЛ. Вып. 1. С. 97; Описи Царского архива. С. 123; ПСРЛ. Т. 13. С. 34.

[127] РИБ. Т. 31. Стб. 163—165. О Семене Курбском как о суровом и аскетичном воине писал Герберштейн (*Герберштейн.* С. 125). По Ш, боярин с 1514/15 г., умер в 1526/27 г. В Государеве родословце о боярстве его не говорится (Род. кн. Ч. 1. С. 120).

[128] РК. С. 65.

[129] Род. кн. Ч. 1. С. 121; ПСРЛ. Т. 26. С. 310—311. Упоминается в завещании А. И. Шадрина 1525 г. (АРГ 1505—1526 гг. № 251).

[130] Сб. РИО. Т. 35. С. 658; Р. С. 255, 261; РК. С. 86.

[131] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 25, 42.

[132] РК. С. 65, 71, 86; Р. С. 261.

[133] [ПСРЛ. Т. 37. С. 91]; Т. 23. С. 157—158. Умер он 17 апреля 1471 г. (Там же. Т. 24. С. 188). Л. В. Черепнин считал, что Ярославль окончательно подчинился великокняжеской власти после смерти кн. Александра в 1471 г. (*Черепнин.* Образование. С. 825—830). Во всяком случае, кн. Александр после 1463 г. еще выпускал свои монеты (*Мец Н. Д.* Ярославские князья по нумизматическим данным // Сов. археология. 1960. № 3. С. 121—140).

[134] «А потому князь Данилов род Пеньков в своем роду и больше, что от князя Федора Ростиславича Смоленского и до отца его до князя Александра были на большом княжении» (Род. кн. Ч. 1. С. 121—122; РИИР. Вып. 2. С. 104).

[135] См. его жалованные грамоты около 1496 и 1497 гг. (АСЭИ. Т. 3. № 271, 272).

[136] Там же. Т. 2. № 285—289, 332, 334, 336; Т. 3. № 272, 437; РК. С. 23, 24 (назван князем Ярославским); ПСРЛ. Т. 8. С. 231; ИЛ. С. 131.

[137] РК. С. 16. В пространной редакции разрядов упоминания о боярстве нет (Р. С. 63). Помещен в Хронографическом списке бояр 1498 г. (*Шмидт.* С. 272; ср.: *Alef.* Р. 115, 122). По Ш, боярин с 1499/1500 г., умер в 1519/20 г. В Государеве родословце о его боярстве не говорится (Род. кн. Ч. 1. С. 121). Пенковы состояли в отдаленном родстве с Холмскими и Хованскими (АРГ 1505—1526 гг. № 78).

[138] ОАПП. С. 55. Сохранился покров 1501 г. жены кн. Данилы Марии и его дочери (тоже Марии) на гроб ярославских князей Федора Ростиславича и его сыновей Давида и Константина (*Николаева Т. В.* Указ. соч. № 54. С. 67—68).

[139] *Кучкин В. А.* О времени написания Буслаевской псалтыри // Древнерусское искусство. М., 1972. С. 225.

[140] ПСРЛ. Т. 8. С. 272.

[141] ДДГ. № 93. С. 377; ГПБ. F. I. 788. Л. 254—255.

[142] Р. С. 121; РК. С. 58, 60; ПСРЛ. Т. 8. С. 271; Сб. РИО. Т. 35. С. 714, 717; СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428. Герберштейн называет его «князем Ярославским» (*Герберштейн.* С. 125, 199). По его рассказу, Ярославлем владели три князя: В. Д. Пенков, И. И. Засекин («Посечень») и С. Ф. Курбский. По Ш, боярин с 1516/17 г., умер в 1534/35 г. В Государеве родословце о боярстве его не говорится (Род. кн. Ч. 1. С. 121).

[143] ПСРЛ. Т. 8. С. 277; Казанская история. С. 71; Р. С. 218. К 1531/32 г. В. Д. Пенков должен был 125 руб. благовещенскому протопопу Василию (ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). № 281).

[144] РК. С. 13, 65, 83, 87, 91; ЛОИИ. Собр. Лихачева. № 365. Л. 852 об.; РЛА. № 377; АГР. Т. 1. № 45. С. 47, 52. В Государеве родословце о его боярстве не говорится (Род. кн. Ч. 1. С. 121).

[145] *Зимин.* Состав Боярской думы. С. 54. О И. Д. Пенкове см. также: *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957. С. 294—297. О кн. В. Д. Пенкове (?) и его отношении к Кириллу Новоезерскому (умер в 1533 г.) см.: *Будовниц И. У.* Монастыри на

Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966. С. 299. О владениях Пенковых см. также: *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 166—167.

146 АРГ 1505—1526 гг. № 78.

147 АСЭИ. Т. 3. № 201, 219. Датировку первого акта уточняем, учитывая генеалогические соображения В. Б. Кобрина (*Кобрин В. Б.* Землевладельческие права княжат в XV—первой трети XVI в. и процесс централизации Руси // История СССР. 1981. № 4. С. 38, сн. 44 — *Примеч. ред.*).

148 РК. С. 16.

149 Там же. С. 25; *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37.

150 Род. кн. Ч. 1. С. 122; АСЭИ. Т. 3. № 219.

151 Род. кн. Ч. 1. С. 123; РИИР. Вып. 2. С. 31. Заозерье находилось к северо-востоку и северо-западу от озера Кубенского.

152 А. В. Экземплярский считает, что на дочери Дея был женат брат Андрея Семен (*Экземплярский.* Т. 2. С. 115).

153 ДДГ. № 61. С. 195; № 74. С. 276; Род. кн. Ч. 1. С. 123. Еще в 1486 г. князь Андрей Углицкий обязывался «не искать» себе ни Вологды, ни Кубены, ни Заозерья (ДДГ. № 82. С. 326).

154 АСЭИ. Т. 1. № 374 (возможно, речь идет об Иване Шелухе); РК. С. 17, 21; ПСРЛ. Т. 12. С. 250—251; Сб. РИО. Т. 41. С. 300—314, 320—324.

155 РК. С. 25; АСЭИ. Т. 1. № 612. С. 524; *Сахаров* Т. II, кн. VI. С. 37.

156 СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428.

157 *Зимин.* О составе. С. 189; Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сборник научных трудов. М., 1954. С. 168—169.

158 ПДС. Т. 1. Стб. 357—359, 373, 470.

159 Сборник Муханова. № 286, 319; *Амвросий.* История Российской иерархии. М., 1811. Ч. III. С. 136—144. № 1; АРГ 1505—1526 гг. № 229, 230, 233; *Каштанов С. М.* Хронологическнй перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. I // АЕ за 1957 год. М., 1958. № 225. С. 333; ПСРЛ. Т. 6. С. 265.

160 ГАР. С. 42 (ящик 26), 150.

161 АГР. Т. 1. № 38. С. 39; АИ. Т. 1. № 134; АЮБ. Т. 2. № 175/I. С. 557—559.

162 ПСРЛ. Т. 6. С. 268.

163 Упоминается в духовной кн. М. В. Горбатого до 17 июля 1535 г. (Владимирский сборник. С. 129, 130). Х. Рюсс ошибочно считает, что Кубенский получил боярство в 1534 г. (*Rüß.* S. 485, 487).

164 АФЗХ. Ч. 2. № 221.

165 Сб. РИО. Т. 35. С. 504, 506, 511, 544.

166 РК. С. 63, 68—70; Р. С. 188; АЮ. № 361/I, II.

167 РК. С. 72.

168 *Зимин.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 250—251.

169 РК. С. 72—73, 75, 78, 86, 92, 93; Р. С. 217—218; *Малиновский А.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год // Зап. Одесского о-ва истории и древностей. 1863. Т. 5. С. 260; *Копанев.* С. 178; ПСРЛ. Т. 8. С. 288. К 1531/32 г. должен был 50 руб. благовещенскому протопопу Василию (ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). № 281).

170 *Зимин.* Состав Боярской думы. С. 54; РК. С. 96.

171 РК. С. 51, 68; *Зимин.* О составе. С. 191.

172 Род. кн. Ч. 1. С. 124.

173 РК. С. 25.

174 Там же. С. 55, 56, 59; *Герберштейн.* С. 22. В Румянцевской редакции родословных книг говорится, что «был посольством у цысоря» (РИИР. Вып. 2. С. 106).

175 Тысячная книга. С. 66, 128. Их службу князю Юрию знает Государев родословец (Род. кн. Ч. 1. С. 136). Михаил Иванович и Иван Иванович Засекины владели поместьями в Деревской пятине около 1495 г. (НПК. Т. 2. Стб. 638, 687, 691, 692). В разрядах упоминаются: Давыд Иванович в 1495 г. (РК. С. 25), Михаил Иванович Черный с 1501/02 по 1507 г. (Там же. С. 34, 39), Иван Михайлович Чулок с 1518/19 по 1537 г. (Там же. С. 64, 94), Петр Дмитриевич Солнцев с 1521 по 1533 г. (Там же. С. 67, 82).

176 АСЭИ. Т. 3. № 205; Т. 1. № 368. В грамоте 1501 г. Юрий Шаховский упомянут как живший пятьдесят лет тому назад. Волость Шаховская к началу XVI в. уже считалась великокняжеской (Там же. Т. 1. № 221).

[177] Род. кн. Ч. 1. С. 138.
[178] Там же; НПК. Т. 2. Стб. 784, 798.
[179] РК. С. 19, 20. О его брате Константине см. также в духовной 1483 г. (АСЭИ. Т. 1. № 501. С. 379, 627).
[180] По Румянцевской редакции, у него были дети: Иван Неблагословенный свистун (с детьми Федором Морткой и Афанасием Шехонским), Дмитрий и Василий (с детьми Василием, Данилой, Ильей и Андреем). В Летописной редакции пропущен сын Романа Василий (РИИР. Вып. 2. С. 35). В Бархатной книге пропущен текст о том, что у Романа было два сына — Иван Неблагословенный и Дмитрий (Род. кн. Ч. 1. С. 149).
[181] Правнук Федора Мортки Иван Михайлович «бегал в Литву» (Род. кн. Ч. 1. С. 150).
[182] РИИР. Вып. 2. С. 35. Ранее Василий отъехал в Литву с кн. Иваном Можайским.
[183] Петр Федорович Охлябинин упоминается в разрядах с 1519 по 1537/38 г. (РК. С. 63, 95). Его брат Василий служил у князя Юрия Ивановича с 1507 г. (Там же. С. 38). Последний раз в разрядах упомянут в 1544 г. Дети Василия в середине XVI в. служили по Кашину (Тысячная книга. С. 134).
[184] Дети Михаила Хворостины в середине XVI в. служили по Коломне (Тысячная книга. С. 158).
[185] Федор Петрович Сицкий упоминается в разрядах в 1495—1509 гг. (РК. С. 16, 25, 36, 38, 40—43; Р. С. 45, 48, 59, 67, 75, 89, 94, 99, 107, 109, 112), а его дети: Александр в 1500 г. и 1514—1520 гг. (*Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37; РК, С. 55, 56, 59, 65), Семен в 1515—1530 гг. (РК. С. 56, 58, 63, 67, 71, 72, 74, 75; ср. в акте 1520/21 г. — АРГ 1505—1526 гг. № 191), позднее постригся в Кириллове монастыре (Род. кн. Ч. 1. С. 171), Андрей и Иван в 1531 г. (РК. С. 80).
[186] Андрей Иванович Прозоровский упоминается в 1493 1495 гг. (РК. С. 23, 25). Его племянник Федор Юрьевич Судцкий Прозоровский встречается среди воевод в 1492 г. (Р. С. 31) и 1501—1507 гг. (РК. С. 33, 35, 39), а в 1495 г. в свите княгини Елены. В 1503—1505 гг. он наместничал в Дорогобуже (Сб. РИО. Т. 35. С. 164, 448, 478 и др.). В 1510 г. участвовал в походе Василия III на Псков (*Масленникова.* С. 192). Внуком Ивана Прозоровского от младшего сына был Михаил Лугвица Андреевич, упоминающийся в разрядах в 1507—1508 гг. (РК. С. 38, 41). В 1495 г. он также сопровождал княгиню Елену в Литву (Сб. РИО. Т. 35. С. 164). Братья Михаила Иван и Федор встречаются в разрядных записях с 1521 г. (РК. С. 65, 71, 72, 74, 76, 77, 80, 85, 91, 92 и др.).
[187] У первого сына Михаила Моложского, Федора, в свою очередь, было четыре сына: Василий, Семен Сицкий, Дмитрий Перина Моложский и Иван Прозоровский. Внук Дмитрия, Борис Петрович Моложский, в 1495 г. провожал в Литву княгиню Елену Ивановну (Сб. РИО. Т. 35. С. 164). Его «книги» о смольнянине Андрее Полтеве хранились в Государственном архиве (ГАР. С. 42 (ящик 26), 144). В 1501/02 г. он наместничал на Городце (Р. С. 75—76).
[188] У Ивана Михайловича Моложского было трое сыновей: Андрей и Глеб Шуморовские и Федор Ушатый. Внуком Глеба был Иван Михайлович Шамин, наместничавший в 1526 г. на Луках (Сб. РИО. Т. 35. С. 741). Упоминался он и в разрядах 1513—1524 гг. (РК. С. 50, 70).
[189] АСЭИ. Т. 1. № 562. С. 442; РК. С. 22, 25, 30, 39, 40, 42, 45, 49, 50, 56; Р. С. 88, 97, 100, 108, 111, 156; ПДС. Т. 1. Стб. 125, 131; ПСРЛ. Т. 8. С. 247; *Масленникова.* С. 192.
[190] Род. кн. Ч. 2. С. 123.
[191] Сб. РИО. Т. 35. С. 164. И. Ф. Ушатый был помещиком Бежецкой пятины (НПК. Т. 6. Стб. 197).
[192] ИЛ. С. 131; Р. С. 50; РК. С. 29.
[193] Р. С. 75.
[194] РК. С. 34, 35, 42, 45, 47, 49, 50, 53, 59, 65, 68. По Ш. боярин с 1521/22 г., умер в 1523/24 г. В Государеве родословце о думных чинах К. Ф. и И. Ф. Ушатых не говорится (Род. кн. Ч. 1. С. 176—177).
[195] РК. С. 70.
[196] АРГ 1505—1526 гг. № 191.
[197] Р. С. 98; РК. С. 52, 55, 56, 59—62, 65, 66, 70 72, 75, 90.

[198] *Зимин.* Состав Боярской думы. С. 58. У Ивана Третьяка Васильевича Ушатого в 1544/45 г. была вотчина в волости Черемхе Ярославского уезда (*Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 164.). Василий Чулок Ушатый продал в 1528/29 г. вотчину свою с. Недюрево Переславского уезда (*Шумаков.* Обзор. Вып. 4. № 852. С. 267—268). В разрядах упоминается также старший брат Чулка Юрий Большой Васильевич в 1519—1533 гг. (РК. С. 62, 82). Братья Юрий, Василий и Иван Васильевичи Ушатые были помещиками Бежецкой пятины (НПК. Т. 6. Стб. 281).

Глава третья

Включение в Думу тверской и рязанской знати

В конце XV—начале XVI в. произошла ликвидация последних независимых княжеств — Тверского и Рязанского. Их аристократия влилась в состав московской знати.

Тверские князья

Последний тверской великий князь Михаил Борисович (родился в 1453 г.) вступил на престол в феврале 1461 г.[1] Князь был связан родственными узами с Иваном III, женатым на его сестре Марии (умершей в апреле 1465 г.), и с суздальскими княжатами (его мать—дочь князя Александра Васильевича Суздальского) [2]. Между мартом 1462 г. и сентябрем 1464 г. Иван III заключил союзное докончание с кн. Михаилом Борисовичем [3]. По этому договору тверской князь уже в 1471 г. выслал своих воевод для участия в походе на Новгород. В том же году кн. Михаил женился на дочери литовского князя Семена Олельковича. Тверской князь принимал участие в общерусском походе на Новгород 1477—1478 гг. Во время похода Ахмата на русские земли в 1480 г. Михаил Борисович высылал своих воевод на помощь Ивану III [4] (схема 8).

В 1483 г., после смерти первой жены, кн. Михаил снова хотел взять супругу из Литвы, внучку Казимира. Около 1483 г. он заключил союзный договор с литовским великим князем [5]. Все это вызвало резкое недовольство Ивана III. В результате похода московских войск на Тверь зимой 1484/85 г. кн. Михаил был принужден заключить новый договор с Москвой, согласно которому он фактически становился вассалом московского великого князя («братом молодшим»). Князь Михаил не смирился с этим и снова пытался вступить в сношения с Литвой. Его гонец был перехвачен. Миссия в Москву епископа тверского Вассиана

(июль 1485 г.), имевшая своей целью урегулирование отношений с Иваном III, не увенчалась успехом. В результате нового похода Тверь была взята, а Михаил Борисович в ночь на 12 сентября бежал в Литву. Мать его зимой 1485 г. отправлена в заточение в Переславль [6].

Присоединение Твери к Русскому государству в 1485 г. не означало еще полного ее слияния с общерусскими землями. В том же году Тверским княжеством был пожалован наследник московского престола кн. Иван Иванович Молодой, который был внуком по матери отца последнего тверского князя Михаила, а его жена, Елена Стефановна, — племянницей супруги кн. Михаила [7]. По наблюдениям С. М. Каштанова, Иван Иванович вскоре после 1488 г. лишился своей власти над Тверью [8].

Иван Иванович «бояр тверских» Михаила Борисовича «у себя пожаловал, в боярех учинил» [9]. Тем самым была заложена основа существования особой корпорации «тверских бояр» [10], ликвидированной, по предположению Б. Н. Флори, после 1509 г.

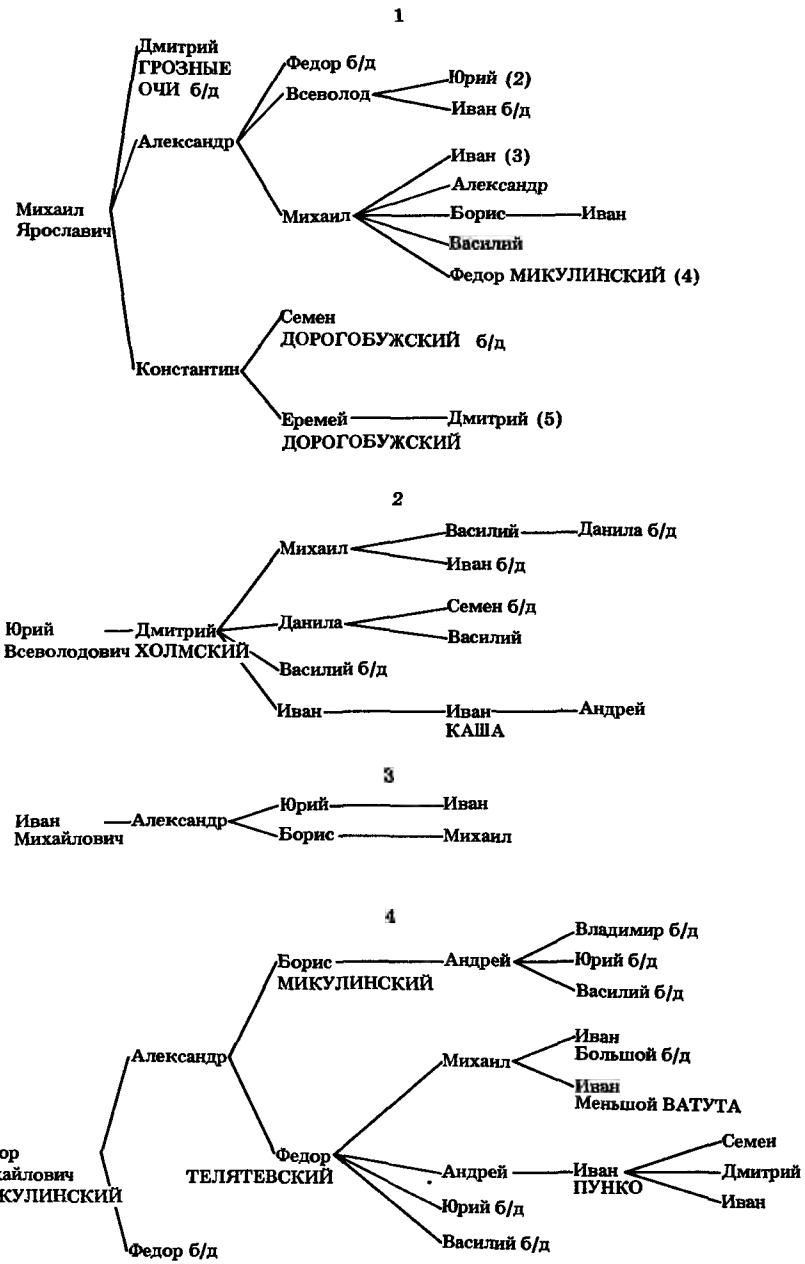
После смерти княжича Ивана (март 1490 г.) власть в Твери перешла к его сводному брату Василию Ивановичу [11]. Согласно гипотезе Каштанова, Василий Иванович между октябрем 1491 г. и августом 1492 г. был лишен Твери и получил в ведение Кострому и Белоозеро. Весной 1493 г. он снова отправлен в Тверь, но фактически распоряжался только Кашинским уездом [12]. Осенью 1491 г. в Тверь были посланы писцы «земли писати по московски в сохи» [13]. После опалы 1497 г. Василий Иванович снова потерял Тверь. И лишь в 1499 г. он получил в княжение Новгород и Псков, но не Тверь. Тверское княжество окончательно вошло в состав общерусских земель.

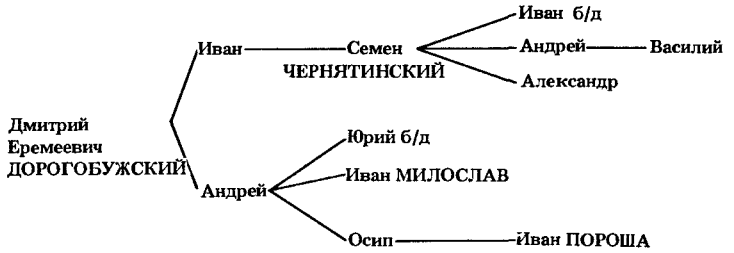
Слияние тверской знати с московской аристократией было длительным процессом, начавшимся задолго до присоединения Твери и окончившимся через несколько десятилетий после 1485 г.[14]

Одной из причин падения самостоятельности Твери было наличие в княжестве уделов, которые подрывали единство Тверской земли. В договоре 1462—1464 гг. с Москвой кн. Михаил упоминает свою «братью молодшую» — кн. Ивана Юрьевича, кн. Михаила Дмитриевича и «братью меньшую» (безымянно) [15]. В договоре 1485 г. упоминались брат «молодший» Михаил Дмитриевич и «братья меньшая». Михаил Дмитриевич Холмский представлял старшую ветвь князей Тверского дома. Весной 1471 г. его дочь была выдана за кн. Бориса Васильевича Волоцкого. Князь Михаил принимал участие в отражении нашествия Ахмата на Угре в 1480 г. Летом 1485 г. он возглавлял тверское посольство, отправленное в Москву. В сентябре того же года он отворил ворота Твери Ивану III. Однако 29 сентября он был «поиман» под лицемерным предлогом: «покинул князя своего у нужи, а целовав ему, изменил» [16]. Брат кн. Михаила кн. Данила Дмитриевич еще в 60-х годах XV в. перешел на московскую службу.

Князь Иван Юрьевич Зубцовский был двоюродным братом Михаила Борисовича [17].

Схема 8
Князья Тверские





Очень дальнее родство связывало Михаила Борисовича с дорогобужскими князьями. Прапрадеды Юрия Андреевича Дорогобужского, участвовавшего в 1471 г. с тверской ратью в Новгородском походе [18], и Бориса Александровича Тверского были родными братьями. Брат Юрия Осип (Иосиф) Андреевич Дорогобужский, как и М. Д. Холмский, участвовал в отражении похода Ахмата 1480 г. Летом 1485 г., предчувствуя близкое падение Твери, кн. Иосиф перешел на московскую службу и получил в удел-кормление Ярославль [19]. Он был женат на дочери Михаила Андреевича Верейского Анастасии [20]. В походе кн. Д. Д. Холмского на Казань в 1487 г. И. А. Дорогобужский был вторым воеводой большого полка в судовой рати. В военной кампании 1493 г. против Литвы И. А. Дорогобужский принимал участие как воевода «из Твери». К 1495/96 г. он уже потерял Ярославль и упоминался среди бояр «из Тверские земли», ездивших в свите Ивана III в Новгород. В августе 1496 г. кн. Иосиф командовал передовым полком в походе против «свейских немцев». В походе 1500 г. к Рославлю и в 1501/02 г. в «немцы» он командовал полком правой руки. Владел поместьем в Новгороде [21].

Сын О. А. Дорогобужского Иван Пороша в 1507 г. посылался на Плес в помощь кн. М. И. Булгакову. Он погиб под Казанью в 1530 г. Его вдова второй раз была замужем за И. П. Федоровым [22]. Сын Ивана Пороши, тоже Иван, в 1547 г. был казнен [23]. Владения Дорогобужских располагались в Тверском уезде [24].

Прадеды кн. Андрея Борисовича Микулинского и Михаила Борисовича Тверского были родными братьями. В 1477 г., во время похода на Новгород Ивана III, кн. Михаил высылал Андрея Борисовича навстречу московскому великому князю. Перейдя (как и И. А. Дорогобужский) летом 1485 г. на московскую службу, кн. Андрей получил в вотчину-кормление Дмитров, который, очевидно, вскоре потерял [25].

Его дети (Владимир, Юрий и Василий) верой и правдой служили московским государям. На них эта ветвь микулинских князей пресеклась. Летом 1489 г. кн. Владимир командовал полком правой руки в походе на Вятку. Во время похода «на Северу» 1492 г. он был «придан» к большому полку кн. Д. Д. Холмского. Князь Владимир сопровождал Ивана III в Новгород в 1495/96 г., он был назван среди бояр «Тверские земли». В походе к Рости-

славлю 1500 г. и в «немцы» 1501/02 г. он командовал полком левой руки. Участвовал кн. Владимир Андреевич и в походах 1505, 1507 гг. [26]

Василий Андреевич Микулинский появляется в разрядах зимой 1514/15 и 1516 гг., когда командовал полком правой руки. В 1517 г. он возглавлял русские полки в Мещере. В 1519 г. кн. Василий находился в сторожевом полку на Луках. Затем на десять с лишним лет он исчезает из разрядов. В эти годы В. А. Микулинский наместничал в Смоленске (август 1523—март 1525 г.) и Пскове (1528 г.). В 1530 г. он упомянут как воевода «против Рославля», в 1531 г. возглавлял большой полк на Туле, а в январе 1533 г. присутствовал на свадьбе Андрея Старицкого. В мае 1533 г. он был главным воеводой в Новгороде Северском. Последний раз в разрядах кн. Василий упомянут в 1540 г., когда уже был стар и болен. Боярином он так и не стал, занимая положение, близкое к служебным князьям. Земли его находились в Микулине [27]. Род Микулинских после него «извелся». Владения Василия Андреевича перешли к его родичам Телятевским. Дочь кн. Василия Александра была замужем за Ф. И. Беззубцовым, а вторая (Настасия) — за кн. С. Ф. Алабышевым [28].

Двоюродным братом кн. А. Б. Микулинского был Михаил Федорович Телятевский, который, по родословцам, «был во Твери и на Москве в боярех». Еще в походе на Новгород 1477 г. кн. Михаил принимал участие с «тверской силой». Во время кампании 1493 г. он был послан «к берегу» среди других воевод «изо Твери». Во время поездки Ивана III в Новгород 1495/96 г. М. Ф. Телятевский с сыном Иваном сопровождал великого князя среди других бояр «из Тверские земли». В конной рати, отправленной в сентябре 1496 г. под Казань, полком правой руки командовал некий князь Михаил Иванович Телятевский. Очевидно, речь идет о Михаиле Федоровиче. В 1500 г. в походе к Рославлю кн. М. Ф. Телятевский возглавлял передовой полк. В середине 1501 г. был третным наместником в Москве. В 1502 г. в рати под Смоленском он был приставлен к кн. Ивану Борисовичу Рузскому и его сторожевому полку. В неудачном походе 1506 г. под Казань он был среди воевод великого князя, причисленных к полку правой руки кн. Федора Волоцкого. В сентябре 1508 г. кн. Михаил с Лук был отправлен в поход против Литвы. Последний раз он упомянут (как наместник владимирский и тверской боярин) осенью 1509 г., когда был оставлен в Москве (по старости) во время поездки Василия III в Новгород [29]. О. А. Дорогобужский, В. А. Микулинский, М. Ф. Телятевский в 1495 г. названы тверскими боярами [30].

У кн. Михаила Федоровича Телятевского (позднее Микулинского) было двое сыновей — Иван Большой и Иван Меньшой Ватута. Один из них попал в плен под Оршей в 1514 г. В разрядах об Иване Телятевском сведения встречаются с 1495 г. В 1507 и 1508 гг. он возглавлял большой полк в походе из Дорогобужа в Литву, а осенью 1508 г. командовал полком левой руки в рати В. Д. Холмского, отправленной к Вязьме [31]. Из его сыновей

Дмитрий в середине XVI в. служил по Твери, а Петр (с сыном Андреем) и Василий числились ярославскими помещиками [32].

Племянник Михаила Федоровича Телятевского Иван Пунко (Лугвица) Андреевич (в разрядах Микулинский) во время походов 1507—1508 гг. в рати своего двоюродного брата Ивана Михайловича командовал полком правой руки. В авангарде русских войск в первом Смоленском походе в конце 1512 г. он также командовал полком правой руки. В период второго Смоленского похода 1513 г. Иван Лугвица возглавлял тот же полк в рати, расположенной в Дорогобуже, и в авангарде русских сил, брошенном на Смоленск. Неудача под Смоленском, очевидно, снизила служебный ранг И. А. Телятевского-Микулинского — в 1514 г., во время третьего Смоленского похода, он находился в Туле во главе всего-навсего сторожевого полка. В том же полку он пребывал и в 1515 г., во время похода «с Словажа» к Мстиславлю и в Дорогобуже. В 1517 г. он командовал тем же полком на Луках. Женат (не позднее 1511/12 г.) на дочери Федора Григорьевича Ошуркова [33]. Старший сын Ивана Андреевича (Пунко) Семен (именующийся Микулинским) при Грозном стал боярином (в 1550 г.), а другой — Дмитрий погиб «во взятье Казанское» [34]. Князь Семен, женатый на дочери В. Г. Морозова [35], владел остатками суверенных прав в Микулине [36]. Микулинские еще в середине XVI в. имели собственных вассалов на территории бывшего Микулинского удела. В 1534 г. С. И. Микулинский наместничал в Рязани, а первый раз в разрядах упоминается в мае 1533 г.[37] После его смерти род Телятевских-Микулинских окончательно извелся.

О третьем из сыновей И. А. Микулинского (Иване) известно то, что он в 1535/36 г. купил в Микулине часть вотчины [38].

Телятевские, по мнению Б. Н. Флори, попали в опалу, так как после 1509 до 1544 г. представители этой ветви княжат исчезают из разрядов, а внуки кн. М. Ф. Телятевского Петр и Василий записаны в середине XVI в. как ярославские помещики, причем у Василия вотчин вовсе не было [39]. Наблюдение весьма интересное. Вспомним, что тогда же оказался в опале кн. В. Д. Холмский. Именно это и может объяснить отсутствие Телятевских среди бояр.

Следующую ветвь удельных княжат Тверской земли представляли Чернятинские. Андрей Семенович Чернятинский (его отец был двоюродным братом И. А. Дорогобужского) летом 1489 г. в походе на Вятку Д. В. Щени был вторым воеводой большого полка [40]. Сын его Василий служил в уделе кн. Андрея Старицкого боярином. В качестве его воеводы послан на Серпухов в 1521 г.[41] Владения Ивана и Василия Васильевичей Чернятинских в 40-х годах XVI в. находились в Тверской земле [42]. Внук Андрея, Дмитрий Васильевич, по родословным, служил Владимиру Андреевичу Старицкому, в Старице служили и братья Дмитрия Иван Шах и Никита [43].

В середине XVI в. роды Чернятинских и Дорогобужских извелись.

Итак, тверские княжата сохраняли остатки суверенных прав в Тверской земле. В состав московского боярства при Василии III они не были включены. Вместе с тем и особой корпорации они не образовали, хотя и пользовались известным влиянием при великокняжеском дворе.

Особое положение в Твери занимали Холмские. У Дмитрия Юрьевича Холмского, княжившего в своем уделе в первой половине XV в., было два старших сына — Михаил и Данила. Первый из них оставался верным сторонником тверских князей до самого падения Твери. Очевидно, он наследовал Холмский удел. Данила же, оставшись «князем-изгоем», в 60-е годы XV в. отъехал в Москву. В 1469 г. он участвовал в походе на Казань. Его дочь Ульяна была выдана замуж в 1471 г. за кн. Бориса Васильевича Волоцкого [44]. Князь Данила фактически возглавлял поход на Новгород в 1471 г. В 1472 г. послан на Оку для отражения Ахмата. В марте 1474 г. принес присягу на верность Ивану III. В 1474 г. он во Пскове заключил перемирие с Ливонией. Вместе с переславцами и костромичами участвовал в Новгородском походе 1477 г. В конце 1479 г. назван среди бояр Ивана III, ездивших с ним в Новгород. Около 70-х годов XV в. Данила Дмитриевич был наместником во Владимире. Во время «стояния на Угре» в 1480 г. фактически командовал русскими войсками на Оке при номинальном главе — кн. Иване Ивановиче. В 1487 г. участвовал в походе на Казань (воевода большого полка судовой рати), окончившемся взятием города. В 1492 г. он находился во главе русских войск, отправленных «в Северу». Во время кампании 1493 г. кн. Данила находился при великом князе [45]. Очевидно, вскоре после этого он умер [46], во всяком случае, незадолго до 1504 г., когда боярский чин получил его сын Василий, но после 1495/96 г., когда младшие братья Данилы упомянуты без боярского звания. По семейному преданию Судимонтов, в 1503/04 г. вместо Д. Д. Холмского владимирским наместником стал И. К. Судимонт [47]. Женат был Д. Д. Холмский на дочери И. И. Заболоцкого [48]. Его дочь была замужем за Иваном Владимировичем Ховриным, одним из влиятельнейших бояр Ивана III. Владел землями в Суздальском, Дмитровском, Волоцком и Рузском уездах [49].

Князь Василий Данилович Холмский представлял собой крупную политическую фигуру. Впервые (вместе со старшим братом Семеном) упоминается в разрядах в конце 1495 г., когда с Иваном III ездил в Новгород. В 1500 г. Иван III отдал за него свою дочь, что было знаком величайшего доверия к нему. В 1502 г. в войсках кн. Дмитрия Жилки кн. Василий принимал участие в неудачной осаде Смоленска. Впервые в чине боярина упоминается в июне 1504 г., когда им в числе других бояр подписана одна местническая грамота [50].

Осенью 1505 г. кн. Василий возглавлял русские войска, посланные в Муром для отпора казанцам. После неудачного похода на Казань кн. Дмитрия Жилки осенью 1506 г. В. Д. Холмский возглавлял рать на Мурому, а летом 1507 г. — в Нижнем. Осенью

1507 г. кн. Василий отправлен в Литву во главе московского войска, которое должно было соединиться с полками Василия Стародубского и Василия Шемячича. Весной 1508 г. он присутствовал с Яковом Захарьичем на суде Василия III по спорному делу между князьями Кемскими. Осенью 1508 г. В. Д. Холмский и Яков Захарьич возглавляли русские войска, выступившие в Литву к Дорогобужу, но внезапно в ноябре этого же года В. Д. Холмский был «поиман» и отправлен в заточение на Белоозеро, где и умер [51]. Причины опалы остаются не вполне ясными. Возможно, Василий III не хотел иметь рядом с собой такой крупной фигуры, связанной к тому же родственными узами с московским княжеским домом.

Старший брат кн. В. Д. Холмского Семен известен меньше. В конце 1495 г. он, как и брат Василий, сопровождал Ивана III в Новгород. В марте 1497 г. Семен Данилович нес службу в Казани. Летом 1497 г. был отправлен к Нарове во главе большого полка [52]. Вместе с матерью и братом Василием упомянут в грамоте 1511 г.[53]

Двоюродный брат В. Д. Холмского Иван Иванович Каша летом 1502 г. во время набега крымских татар находился в Калуге. В апреле 1516 г. наместничал на Устюге, в 1516/17 г. он с воеводами в Калуге. Умер 27 июня 1519 г.[54] Другой двоюродный брат В. Д. Холмского — Василий Михайлович в разрядах упомянут один раз — под 1513 г., когда он был оставлен в Москве во время второго Смоленского похода. Однажды (под 1520 г.) упомянут и сын Василия Михайловича Данила (среди каширских воевод) [55].

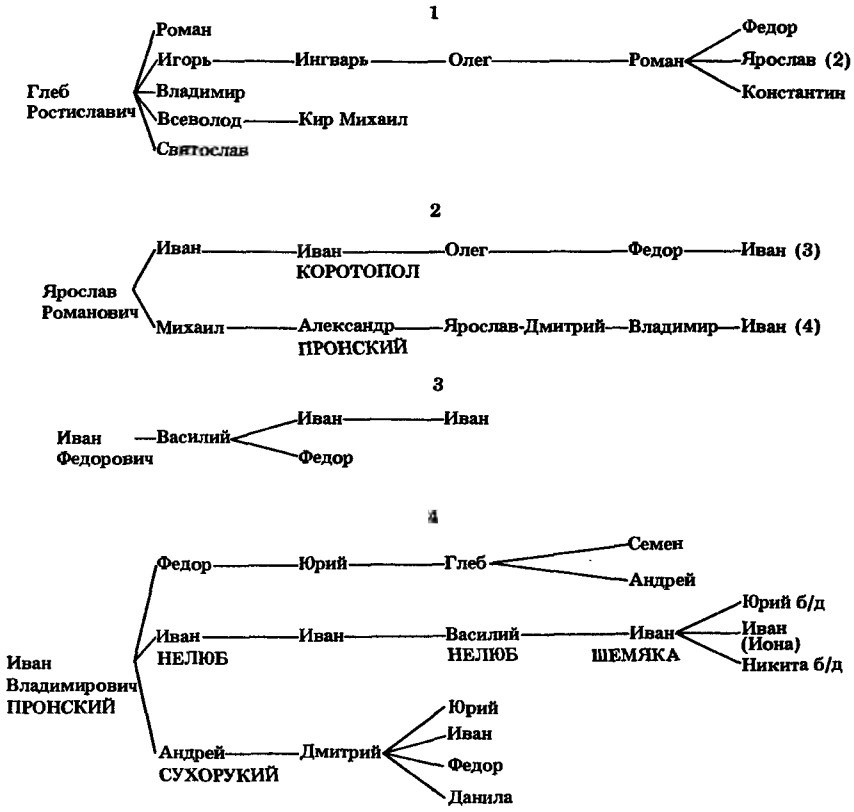
У В. Д. Холмского в 1507 г. были земли в Рузском уезде, в 1504 г. — во Владимирском и в Сурожике, а также в Дмитровском и Московском уездах [56]. Его сын Андрей в 1527 г. был одним из поручителей по кн. М. Л. Глинском, а в декабре 1528 г. — среди других лиц сопровождал Василия III в Кирилло-Белозерский монастырь [57]. В XVI в. род Холмских извелся.

Рязанские князья

Рязань попала в сферу московского влияния при Василии II. Весной 1456 г. умер великий князь рязанский Иван Федорович, оставив после себя восьмилетнего сына Василия. Опекуном его он сделал московского великого князя. В начале 1464 г. после состоявшейся 2 января женитьбы рязанского князя на сестре Ивана III Анне Василий Иванович был отпущен в Рязань. Уже 10 марта он выдает жалованную грамоту [58] (схема 9).

В январе 1483 г. Василий Иванович умер. На рязанский престол вступил его старший сын Иван, родившийся в 1467 г. 9 июня 1483 г. он заключил с Иваном III докончание, в котором признавал себя «молодшим братом» московского государя. В 1485 г. кн. Иван женился на дочери кн. Василия Бабич-Друцкого [59]. Младший сын Василия Ивановича Федор получил в княжение Перевитеск, Старую Рязань и треть в Переславле. По дого-

Схема 9
Князья Рязанские



вору между братьями (19 августа 1496 г.) кн. Федор обязывался быть «молодшим» по отношению к Ивану [60].

В 1493 г. кн. Федор Рязанский и воевода его старшего брата Инка Измайлов были посланы Иваном III освободить занятые литовскими войсками Серпейск и Мезецк. С этим поручением они успешно справились. По русско-литовскому договору 1494 г. Александр Казимирович признавал вассальную зависимость обоих рязанских княжеств от Москвы [61].

29 мая 1500 г. кн. Иван Васильевич умер. На престоле оказался его малолетний сын Иван (родился в 1496 г.) [62]. Князя опекали бабка Анна (до своей смерти в 1501 г.), а затем мать — Аграфена.

Около 1503 г. умер бездетный князь Федор, который передал свое княжество (несмотря на договор между братьями 1496 г.) дяде Ивану III [63].

О Рязани в годы правления Василия III известно очень мало. По договору 1508 г. с Москвой Сигизмунд признавал верховные права России на Рязань [64]. В Перевитеске, во всяком случае, с 1509 г. сидели московские наместники [65]. Весной 1512 г. Василий III приказал «в Рязани» быть наместником И. В. Шуйскому. Туда же были посланы воеводы П. С. Ряполовский и Ф. Ю. Кутузов. Речь шла, очевидно, о Перевитеске (а не о Рязани). Эти меры вызваны набегом на южные окраины крымских татар. И действительно, в октябре 1512 г. Бурнаш-Гирей подходил к Рязани, взял острог, но этим был вынужден ограничиться [66].

В 1512/13—1515 гг. в «Рязани» (Перевитеске) наместником был кн. Федор Дмитриевич Пронский, происходивший из удельных князей рязанских [67]. Но Рязань сохраняла еще видимость независимости. Так, в 1518 г. и январе 1519 г. к великому князю Ивану Ивановичу Рязанскому обращался с письмами крымский хан Мухаммед-Гирей [68]. Копии их, конечно, оказались в Москве.

Между июнем 1519 г. и июнем 1521 г. кн. Иван Иванович был «поиман» [69]. По С. Герберштейну, события развертывались так. Иван Иванович Рязанский «призывает к себе татар и насильно овладевает княжеством. . . которым доселе еще владела его мать. По совершении этого он ведет переговоры с князем московским, чтобы тот позволил ему властвовать так же, как его предкам, никому не обязанным и свободно управлявшим и владевшим княжеством». Во время переговоров кн. Ивана оболгали (что-де он сватает дочь крымского царя). Поэтому Василий III хитростью через «советника» рязанского князя Семена Коробьина («Крубин») вызвал князя Ивана в Москву, где и заточил его в темницу. Затем была изгнана из Рязани и заключена в монастырь и рязанская княгиня. Многие рязанцы были выведены из княжества [70].

Отсутствие упоминания об участии рязанских войск в общерусских военных акциях свидетельствует о том, что во время княжения Василия III Ивану Ивановичу удалось на короткий срок добиться известной самостоятельности. Московский государь был вынужден временно с этим мириться (как мирился он и с существованием Новгород-Северского и Стародубского княжеств). Осторожная политика на юге объяснялась важностью существования буферных княжеств, которые должны были выдерживать на себе основную силу крымских ударов. Пока они с этим справлялись и не проявляли децентрализаторских тенденций, Василий III допускал их полузависимое существование [71].

Князь Иван, скорее всего, был «поиман» зимой 1520/21 г. Причинами этого были, очевидно, обострение русско-крымских отношений и прокрымские симпатии кн. Ивана.

Во время набега Мухаммед-Гирея в августе 1521 г. кн. Иван Иванович бежал из Москвы в Литву [72]. 10 сентября 1522 г. Сигизмунд писал Мухаммед-Гирею о согласии кн. Ивана поехать в Крым, если «царь» готов посадить его на престол. В самом Переяславле Рязанском в 1521 г. находился наместник князя И. В. Хабар, которому с помощью местного населения удалось

отбить нападение крымских татар [73]. Умер Иван Иванович в Литве около 1534 г.[74]

В составе великого княжества Рязанского на особом, вассальном положении находилось в XIV—первой половине XV в. княжество Пронское, иногда именовавшееся даже «великим княжеством». Оно упоминается неоднократно в княжеских докончаниях 1442, 1447 и 1459 гг. Кто именно княжил в это время в Пронске, не вполне ясно. Поскольку в источниках упоминается князь Пронский «с братьею», то можно предположить, что речь идет о детях пронского князя Ивана Владимировича (первая треть XV в.) — Федоре, Иване Нелюбе и Андрее Сухоруком. Из докончания рязанских князей 1496 г. известно, что рязанский князь Василий Иванович передал Пронск своему сыну Федору [75]. Следовательно, еще до 1483 г. (дата смерти Василия Ивановича) Пронск был потерян его князьями. Вероятно, в это время князья Пронские перешли на московскую службу. Однако долгое время они не занимали значительных мест при дворе. Скорее всего, это произошло потому, что дети внука Федора Пронского, Глеба Юрьевича, сбежали в Литву. Первая ветвь Пронских, таким образом, прекратила свое существование, во всяком случае на Руси [76]. Сын внука Ивана Нелюба (Василия Ивановича) Иван Шемяка впервые появляется в источниках только в 1530 г., когда он стоял с войсками «против Колычевскаго острова» [77]. Позднее (в 1549 г.) дослужился до боярского звания [78].

У Дмитрия Андреевича Пронского, представлявшего третью ветвь этих князей, было четверо сыновей: Юрий, Иван, Федор и Данила. По родословным книгам, первые двое были боярами Василия III [79]. Князь Юрий в источниках упоминается очень редко. Осенью 1506 г. он посылался с поручением на Плес в воеводе кн. М. И. Булгакову. В первом Смоленском походе 1512—1513 гг. находился с авангардом русских войск под Смоленском. В ноябре 1518 г. отправлен в посольство в Крым и вернулся на Русь в 1520 г. Во время набега Мухаммед-Гирея 1521 г. служил воеводой в Муроме. В 1522 г. наместничал во Пскове. Во всех этих случаях он упоминался без боярского титула. С 1527 г. по весну 1530 г. кн. Ю. Д. Пронский наместничал в Смоленске, причем уже с лета 1529 г. именовался боярином. Возможно, именно он в 1533 г. «изымал» князей Андрея и Ивана Михайловичей Шуйских у кн. Юрия Ивановича Дмитровского [80].

Князь Иван Дмитриевич Пронский около 1505 г. владел землями в Ярославле. В 1500 г. присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского. В 1512 г. вместе с Василием Шемячичем ходил в поход к Киеву. Во время второго Смоленского похода 1513 г. оставлен на Туле в полку правой руки. В 1514 г. в битве под Оршей попал в плен, где и умер. Женат он был на дочери Ивана Головы (родоначальника Головиных) [81]. Его сын Иван Турунтай сделался при Иване IV одним из видных бояр [82].

Федор Дмитриевич Пронский появляется в разрядах в 1511/12 г., когда он в сторожевом полку находился на Осетре.

Во время первого Смоленского похода 1512—1513 гг. он стоял на Угре с князьями Д. В. Щеней, А. И. Булгаковым и другими в большом полку. Во время второго Смоленского похода 1513 г. он находился со старшим братом Иваном на Туле, но возглавлял полк левой руки [83]. В 1513/14 г. он был пожалован Перевитеском и «третью Федоровскою» в Переяславле Рязанском. Когда-то кн. Федор Рязанский получил отобранное у князей Пронских их княжество, теперь кн. Федор Пронский, в свою очередь, становился владельцем земель этого князя. Но здесь он правил не как суверенный владыка, а как кормленщик. Ему выдан был «наказ», как «жить и наместничь суд судить» [84]. В Перевитеске Федор Пронский находился недолго, примерно с апреля 1514 г. до мая 1515 г.[85] Зато в разрядах он упоминается как воевода в Мещере в 1519 г. В 1524/25 г. Ф. Д. Пронский уже был боярином и наместником старицкого князя. В 1533 г. присутствовал в качестве боярина кн. Андрея Старицкого на его свадьбе. Умер он до 1543/44 г.[86] Константин Федорович Пронский еще в 1537 г. находился при дворе Андрея Старицкого [87]. Его внуки Андрей и Василий Константиновичи служили в середине XVI в. по Старице [88].

Младший сын князя Дмитрия Данила появляется в разрядах вместе с Федором в 1512 г., когда в случае возникновения необходимости должен был идти на подмогу князю Д. В. Щене. Затем в 1518/19 г. он стоит с войсками на берегу и в Дорогобуже, в 1524 г. в Муроме, в 1529 г. в Калуге. В 1528 г. среди других представителей служилой знати Д. Д. Пронский дает поруку по князьям А. М. и И. М. Шуйским. В апреле 1534 г. он отправлен во главе передовых войск, шедших к Дорогобужу. Во время летнего похода на Литву 1535 г. Д. Д. Пронский был вторым воеводой большого полка. В 1536 и 1537 гг. он находился во главе войск, располагавшихся на р. Угре. Князь Данила дослужился до боярского титула только в 1547 г., когда боярином стал и Иван Турунтай Пронский. Умер он в 1555/56 г.[89] В середине XVI в. его дети — Петр, Семен и Василий — служили по Юрьеву [90].

Итак, княжата пронские уже при Василии III начали получать боярские звания. Но особой корпорации они не образовали: существование до начала 20-х годов XVI в. Рязанского княжества делало опасным выделение особой рязанской группы княжат. Часть рязанских княжат входила во двор старицкого князя Андрея. Это также сказывалось на служебном положении князей Пронских. Никаких прочных связей у них с Рязанью и Пронском не было. Это облегчало в дальнейшем их продвижение по «лестнице славы».

История различных групп феодальной знати Тверского и Рязанского княжеств в первые десятилетия после их присоединения к Москве не была сходной. Наибольших успехов по службе достигли потомки тех удельных княжат, которые перешли на московскую службу еще до включения Твери и Рязани в состав единого Русского государства (Холмские, Пронские). Головокружительная карьера князей Данилы Дмитриевича Холмского

и его сына Василия (женатого на дочери Ивана III) объяснялась не только их верной службой московским государям, но и полководческими талантами, во всяком случае первого из них. Впрочем, конец фавора Холмских был достаточно трагичен (опала в 1508 г. и смерть князя Василия).

Пронские также вошли в состав московского боярства рано. Князь Юрий Дмитриевич получил боярский титул около 1529 г., а один из его меньших братьев — Федор стал боярином князя Андрея Старицкого.

Некоторые из тверских княжат (Микулинские) сохранили остатки своих суверенных прав и по своему положению приближались к довольно влиятельной прослойке «служилых княжат» [91].

[1] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 496.
[2] Там же. Стб. 495.
[3] ДДГ. № 63. См.: *Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 202.
[4] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 497—498.
[5] ДДГ. С. 483—484; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 498.
[6] ДДГ. № 79 и С. 483—484; ПСРЛ. Т. 6. С. 236—237; Т. 12. С. 217—218; Т. 24. С. 236; Т. 28. С. 318. Подробнее об обстоятельствах присоединения Твери см.: *Черепнин.* Образование. С. 887—895.
[7] ПСРЛ. Т. 15. С. 500; ИЛ. С. 126. Был в Твери в 1485 г., мае 1486 г. и январе и марте 1488 г. (АСЭИ. Т. 1. № 517—519, 535; Т. 3. № 62, 161, 180; ср.: Сб. РИО. Т. 35. С. 16 и др.). В марте 1487 г. Иван Молодой выдавал грамоты на Кашин в Москве (*Каштанов.* Очерки. С. 402).
[8] *Каштанов.* История. С. 34. Впрочем, еще в июне 1489 г. он выдавал в Твери жалованные грамоты (ПКМГ. Ч. I, отд. 2. С. 200). Поэтому можно присоединиться к Д. Феннеллу, сомневающемуся в том, что Иван Иванович был отозван из Твери в Москву в 1488 г. (см. его рецензию на книгу С. М. Каштанова «Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в.» (М., 1967): Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1968. Bd. 16. H. 2. S. 288).
[9] Дела по местничеству // Русский исторический сборник. М., 1842. Т. 5. С. 2.
[10] См. под 1495 г. «тверские земли... бояре» (РК. С. 26). «Тверской боярин» упоминается в 1503 г. (*Бегунов Ю. К.* «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1964. Т. XX. С. 351 и др.).
[11] Выдавал и подтверждал грамоты в Твери в октябре 1490 г., 1490/91 г. (АСЭИ. Т. 2. № 271; Т. 3. № 181), 1496—июле 1497 г. (Там же. Т. 3. № 163—165). Был в Твери в 1493 г. (РК. С. 23).
[12] *Каштанов.* История. С. 51—52. С этим согласиться трудно. В 1492/93 г. ему на Тверь писал Иван III (Сборник Хилкова. С. 374; ср.: *Флоря Б. Н.* Рец. на книгу С. М. Каштанова «Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в.» (М., 1967) // История СССР. 1969. № 3. С. 181—182).
[13] ПСРЛ. Т. 26. С. 287.
[14] Структура землевладения в Твери после 1485 г. существенно не изменилась. Сведение Тверского сборника, что Иван III «бояр Тверьских много и князей на Москву свел» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 500), сомнительно (*Флоря Б. Н.* О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 282 и след.).
[15] Прадеды Михаила Дмитриевича и отца Михаила Борисовича были братьями.
[16] ДДГ. № 63. С. 202, 204, 205, 207; № 79. С. 295, 299, 301; ПСРЛ. Т. 6. С. 191; Т. 15. Стб. 498—499; Т. 24. С. 236; Т. 26. С. 278; Т. 27. С. 358.
[17] Упоминается в 1431 г. в духовной митрополита Фотия (ПСРЛ. Т. 6. С. 146) и в докончании Василия II с кн. Борисом Александровичем Тверским около 1454—1456 гг. (ДДГ. № 59. С. 187).
[18] ИЛ. С. 68.
[19] ПСРЛ. Т. 6. С. 237; Т. 15. Стб. 498. См. жалованную грамоту, выданную И. А. Дорогобужским около 1490—1495 гг. (АСЭИ. Т. 1. № 552). В апреле

1496 г. на Ярославль выдал грамоту княжич Василий Иванович (Там же. Т. 3. № 215).

[20] Ср.: ДДГ. № 80. С. 310. Владел землей в Твери (ПКМГ. Ч. I, отд. 2. С. 246).

[21] РК. С. 20, 23, 26, 27, 30, 31, 33; НПК. Т. 6. Стб. 155, 603; По Ш, боярин с 1494/95 г., умер в 1529/30 г.

[22] РК. С. 37; ПСРЛ. Т. 26. С. 314; Родословная книга по трем спискам // Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 10. С. 51; *Лихачев.* Заметки. С. 75—77. По Ш, боярин с 1494/95 г., убит в 1530 г. («И. А. Дорогобужский»).

[23] *Тихомиров.* Записки. С. 180—181.

[24] ПКМГ. Ч. I, отд. 2. С. 246, 247, 289, 290; *Зимин А. А.* Новые документы по истории местного управления в России первой половины XVI в. // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 352—353.

[25] ПСРЛ. Т. 6. С. 207, 237. В апреле 1486 г. и около 1486—1490 гг. грамоты на Дмитров выдавал Иван III (АСЭИ. Т. 1. № 529, 532).

[26] РК. С. 21, 26, 30, 31, 33, 36, 38. По Ш, боярин с 1494/95 г., умер в 1508/09 г.

[27] РК. С. 57, 59, 60, 64, 74, 79, 14, 83, 89; Сб. РИО. Т. 35. С. 672, 699; ПЛ. Вып. 1. С. 104; АФЗХ. Ч. 2. № 301; ПКМГ. Ч. I, отд. 2. С. 130, 137—139, 163. Возможно, к наместничеству в Смоленске относится ссора Микулинского с Рудаком Колычевым (Брань князя Василия Микулинского с Иваном с Рудным с Колычевым // ЧОИДР. 1910. Кн. 4. Смесь. С. 18—20; ГАР. С. 44 (ящик 27), 158). По Ш, боярин с 1530/31 г., умер в 1539/40 г.

[28] АФЗХ. Ч. 2. № 191, 200; ПКМГ. Ч. I, отд. 2. С. 140; *Лихачев.* Заметки. С. 98—99. Н. П. Лихачев, ссылаясь на «Микулинскую летопись», считал, что мужем Настасьи был С. Ф. Курбский. В. Б. Кобрин установил, что речь должна идти об С. Ф. Алабышеве (см.: ЦГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). Ярославль, № 16/14764).

[29] Род. кн. Ч. 1. С. 64; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 498; ИЛ. С. 98, 100, 101, 107; РК. С. 18, 23, 26, 28 (ср.: Р. С. 51), 30, 31, 34, 36, 42, 44; АСЭИ. Т. 3. № 446. По Ш, боярин с 1477/78 г., умер в 1509/10 г.

[30] РК. С. 26, 44 (1509 г.).

[31] Там же. С. 26, 38, 41, 43. По Ш, боярин с 1494/95 г., умер в 1511/12 г.

[32] Тысячная книга. С. 79, 123. Князь Василий и его племянники Андрей и Иван стали еще позднее опричниками (*Кобрин В. Б.* Состав Опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 75—76).

[33] РК. С. 38, 41, 51, 53, 55—57, 65. Возможно, попал в плен. Во всяком случае, в 1531/32 г. в качестве послуха подписывает в Вильне духовную Ф. М. Киселева (плененного в 1514 г.), где другим послухом выступает В. С. Колычев, попавший в плен еще в битве при Орше (ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). Кн. 530. Л. 906 об.—907). О браке см.: АРГ 1505—1526 гг. № 90. В 1533/34 г. его жена Ульяна разделила владения между детьми: Семеном, Дмитрием и Иваном (Там же. № 286). По Ш, боярин с 1513/14 г., умер в 1524/25 г.

[34] Род. кн. Ч. 1. С. 65. Земли Дмитрия находились в Микулине (ПКМГ. Ч. I, отд. 2. С. 113, 163, 216). Он был тысячником по Твери (Тысячная книга. С. 56). Князь С. И. Микулинский упоминается в разрядах с 1530 г.; ср. его купчую 1523/24 г. (АРГ 1505—1526 гг. № 224).

[35] АФЗХ. Ч. 2. № 301; ср. ее «сказку» (ГАР. С. 80 (ящик 187), 406).

[36] С. И. Микулинскому перешли владения В. А. Микулинского (ПКМГ. Ч. I, отд. 2. С. 163). Позднее Грозный (1572 г.) передавал своему сыну Ивану Микулин «со княжо Семеновскою вотчиною Микулинского, которая не отдана» (ДДГ. № 104. С. 437; см. также: АФЗХ. Ч. 2. № 301; ПКМГ. Ч. I, отд. 2. С. 181, 214). О Микулинских см. также: *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897. С. 184—186.

[37] РК. С. 81, 84; Р. С. 243.

[38] ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). № 291.

[39] Тысячная книга. С. 123; *Флоря Б. Н.* О путях политической централизации... С. 288.

[40] РК. С. 21.

[41] Род. кн. Ч. 1. С. 66; РК. С. 66.

[42] ПКМГ. Ч. I, отд. 2. С. 164, 247. О местоположении Чернятинского удела см.: *Экземплярский.* Т. 2. С. 558.

[43] Тысячная книга. С. 81. Князь Иван Шах служил князю Андрею Старицкому в 1537 г. (ПСРЛ. Т. 28. С. 357).

[44] ПСРЛ. Т. 6. С. 191. Холмские были в отдаленном родстве с Хованскими и Пенковыми (АРГ 1505—1526 гг. № 78).

[45] ПСРЛ. Т. 6. С. 141, 207, 209, 230—231; Т. 8. Стб. 157; Т. 28. С. 124—127, 133; АСЭИ. Т. 3. № 18, 19, 102; ПЛ. Вып. 2. С. 55—56; РК. С. 18—21, 24. По Ш, боярин с 1473/74 г., умер в 1492/93 г. См.: *Alef*. P. 105, 106, 111.

[46] Умер до 1511 г. (АРГ 1505—1526 гг. № 78).

[47] Русский времянник. М., 1820. Ч. 2. С. 246.

[48] Род. кн. Ч. 2. С. 43; АРГ 1505—1526 гг. № 78.

[49] О землевладении Д. Д. Холмского и его сына в Суздале, Дмитрове, Рузе, Волоколамске, Москве, Новгородской земле см.: АСЭИ. Т. 1. № 379—384; ДДГ. № 95. С. 386; АРГ 1505—1526 гг. № 78, 84; АФЗХ. Ч. 2. № 36, 50; АСЭИ. Т. 2. № 492. С. 535; НПК. Т. 6. Стб. 400; *Веселовский*. Землевладение. С. 81—82.

[50] РК. С. 25, 16, 34; ПСРЛ. Т. 26. С. 296; Сб. РИО. Т. 35. С. 336, 484 (назван воеводой и боярином); Р. С. 86.

[51] РК. С. 36—38, 42, 43; Р. С. 111; АСЭИ. Т. 3. № 475. С. 460; ПСРЛ. Т. 8. С. 250. Владел поместьем в Вотской пятине в 1500 г. (НПК. Т. 3. Стб. 19).

[52] Сб. РИО. Т. 41. С. 239; РК. С. 26, 28. По Ш, боярин с 1494/95 г., умер в 1500/01 г. У него в конце XV в. было поместье в Новгороде (НПК. Т. 3. Стб. 486), а также с братом Василием в Бежецкой пятине (Там же. Т. 6. Стб. 213).

[53] АРГ 1505—1526 гг. № 78.

[54] Р. С. 97; Вологодские губернские ведомости. 1851. № 31. Часть неофициальная. С. 351, 352; *Николаева Т. В.* Новые надписи на каменных плитах XV—XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры // Нумизматика и эпиграфика. М., 1966. Т. VI. С. 218.

[55] РК. С. 53, 65.

[56] АФЗХ. Ч. 2. № 36; Ч. 1. № 181; ДДГ. № 95. С. 386; ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). Кн. 518. Л. 142.

[57] СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428; ЛОИИ. Собр. Лихачева. № 238. Л. 852.

[58] ПСРЛ. Т. 28. С. 114, 117; АСЭИ. Т. 3. № 355.

[59] ПСРЛ. Т. 28. С. 151; Т. 12. С. 117; Т. 6. С. 237; ДДГ. № 76. С. 283—290.

[60] ДДГ. № 84. С. 333.

[61] РК. С. 22; ПСРЛ. Т. 18. С. 277; ДДГ. № 83. С. 329—332.

[62] ПСРЛ. Т. 28. С. 333; Т. 12. С. 251.

[63] Ср.: ДДГ. № 89. С. 357—358.

[64] «А Князь Великий Иван Иванович Резаньский в тебе и в твоих детей и з своею землею» (СГГД. Ч. 5. № 59. С. 50).

[65] Сб. РИО. Т. 95. С. 52.

[66] РК. С. 46; ПСРЛ. Т. 13. С. 15.

[67] Сб. РИО. Т. 95. С. 90, 129. О Ф. Д. Пронском см. далее в тексте главы.

[68] Там же. С. 527, 640.

[69] Д. И. Иловайский считал, что кн. Иван Иванович мог быть «поиман» после мая 1520 г. (*Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., 1858. С. 229—232). Он ссылается на упоминание в мае этого года перевитеского наместника И. В. Хабара (АСЭИ. Т. 3. № 390. С. 405). Но в Перевитеске великокняжеские наместники известны с 1509 г.: в 1509 г. там наместничал В. Г. Морозов, в 1512 г. — кн. И. В. Шуйский (Сб. РИО. Т. 95. С. 52; РК. С. 46), так что известие 1520 г. не может относиться к проблеме падения независимости Рязани. Последний раз кн. Иван Иванович в рязанских грамотах упоминается 4 июня 1519 г. (АСЭИ. Т. 3. № 388). В Устюжском летописном своде сведение о «поимании» князя Ивана помещено под 1516 г. [ПСРЛ. Т. 37. С. 102], но под тем же годом в своде находится несколько позднейших приписок, что не позволяет все их (в том числе и запись о Рязани) датировать 1516 г. А. Г. Кузьмин считает, что в этом году «либо была попытка рязанского князя получить бóльшую самостоятельность, либо Москва принимала меры, направленные к ликвидации остатков такой самостоятельности» (*Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. М., 1965. С. 270). Аргументация автора (отставка в 1516 г. рязанского епископа Протасия) явно недостаточна для такого утверждения.

[70] *Герберштейн.* С. 104—105. Герберштейн ошибается, когда пишет, что у Ивана было два старших брата — Василий и Федор.

[71] И. А. Голубцов относит недатированные рязанские грамоты Ивана Ивановича примерно к 1510—1516 гг. (от совершеннолетия князя и до «вмешательства» Василия III в дела Рязани в 1517 г.) или к 1514—1519 гг. (упоминание Кобяковых). Все эти основания весьма шатки. Вмешательства Василия III в 1517 г. не было. Даже при совершеннолетнем князе до 1513/14 г. (АСЭИ. Т. 3. № 379) грамоты докладывались Аграфене. С 1514/15 г. идут точные упоминания о боярах князя Ивана Ивановича (Там же. № 380). В 1515/16 г. М. Д. Кобяков упоминался как боярин Ивана Ивановича, а в 1513/14 г. он еще боярин Аграфены (Там же. № 379, 381). Поскольку ни одной грамоты с упоминанием княгини Аграфены после 1513/14 г. нет (как нет и грамот до 1514/15 г. с упоминанием Ивана Ивановича), то полагаем, что реальная власть в Рязани к Ивану Ивановичу перешла в 1514/15 г. Поэтому грамоты с упоминанием Ивана Ивановича Рязанского, на наш взгляд, надо датировать 1514/15 - 1519 гг.

[72] См. розыскное дело от 31 августа 1521 г. (АСЭИ. Т. 3. № 391), а также *Герберштейн.* С. 105.

[73] АЗР. Т. 2. № 116; ПСРЛ. Т. 26. С. 311.

[74] *Экземплярский.* Т. 2. С. 608.

[75] ДДГ. № 39. С. 118; № 47. С. 143; № 60. С. 193; № 84. С. 333.

[76] Род. кн. Ч. 1. С. 58.

[77] РК. С. 74. По пространным разрядам упоминался в 1510/11 г. на Туле в сторожевом полку (Р. С. 115). В 1531 г. он стоял «против Люблина» (РК. С. 75). Затем с Коломны прибыл на Тулу, где возглавил сторожевой, а позже даже передовой полк (Там же. С. 77 -78; Р. С. 225—226). Летом 1533 г. был послан в связи с крымским набегом в Коломну (РК. С. 82). Летом следующего года в большом походе к Коломне числился вторым воеводой передового полка (Там же. С. 84). Летом и осенью 1535 г. и летом 1536 г. на Коломне был вторым воеводой правой руки (Там же. С. 87, 88, 89). Летом 1537 г. назван третьим среди воевод, стоявших на Угре (Там же. С. 91).

[78] РК. С. 124. Боярином был также его сын Юрий, который вместе с братом Иваном в середине XVI в. служил по Тарусе (Тысячная книга. С. 56).

[79] Род. кн. Ч. 1. С. 58—59.

[80] РК. С. 37, 66; *ИЛ.* С. 174, 181, 191; ПСРЛ. Т. 8. С. 265; Т. 13. С. 77—78; Сб. РИО. Т. 35. С. 760, 768, 801, 813, 823; Т. 95. С. 571—605; Описи Царского архива. С. 101; *Хорошкевич А. Л.* Источники по истории полного холопства конца XV — начала XVI в. // СА. 1974. № 4. С. 84. Его внук Василий Федорович Рыбин в середине XVI в. служил по Костроме и Рузе (Тысячная книга. С. 148, 175; АФЗХ. Ч. 2. № 207. С. 213).

[81] АСЭИ. Т. 3. № 218; РК. С. 16, 50, 51; Р. С. 132 (под Оршей в правой руке); ИЛ. С. 191; Сб. РИО. Т. 35. С. 654, 657; [ПСРЛ. Т. 37. С. 101]; *Веселовский.* С. 446. Упоминается как душеприказчик Д. В. Шеина в 1506/07 г. (АРГ 1505—1526 гг. № 26). По Ш, боярин с 1513/14 г., умер в 1522/23 г. Боярство его подтверждается Государевым родословцем (Род. кн. Ч. 1. С. 59).

[82] В разрядах впервые упоминается осенью 1531 г. в качестве первого воеводы сторожевого полка в Нижнем (РК. С. 79). В 1532 г. служил на Муроме (Там же. С. 82). В 1533 и 1534 гг. стоял на Мещере (Там же. С. 83, 85). В 1537 г. упоминается среди воевод на Муроме (Там же. С. 92).

[83] РК. С. 45—47, 50, 51; Р. С. 121, 122 (под Оршей в полку левой руки).

[84] ОАПП. С. 58; ГАР. С. 48 (ящик 36/II), 190—191.

[85] Сб. РИО. Т. 95. С. 89, 90, 92 94, 129.

[86] РК. С. 13, 62; Сб. РИО. Т. 95. С. 90, 129; АРГ 1505—1526 гг. № 240; Род. кн. Ч. 1. С. 59; ПСРЛ. Т. 28. С. 356; АФЗХ. Ч. 2. № 176. С. 170.

[87] ПСРЛ. Т. 28. С. 357.

[88] Тысячная книга. С. 183.

[89] РК. С. 64, 70, 74, 84, 87, 89, 91; Р. С. 167; СГГД. Ч. 1. № 156. С. 430; *Зимин.* Состав Боярской думы. С. 59. Местничал с кн. Ю. Голицыным (Описи Царского архива. С. 31, ящик 145).

[90] Тысячная книга. С. 151. Сын князя Данилы, Петр, служил Владимиру Старицкому, а затем вместе с братом Семеном сделался видным опричником (*Кобрин В. Б.* Указ. соч. С. 66—67).

[91] Б. Н. Флоре неясно, в чем автор этих строк видит остатки суверенных прав Микулинских князей (*Флоря Б. Н.* О путях политической централизации... С. 284). Речь идет о вассалах Микулинских и землях самих князей на территории их родового Микулина.

Глава четвертая

Служилые князья Юго-Западной Руси и Дума

Проблема служилых князей в структуре господствующего класса и государственного управления второй половины XV—первой трети XVI в. сравнительно новая [1]. Образование правящей аристократии рисовалось как процесс слияния потомков удельных и иных князей со старомосковским боярством без учета различий в положении разных группировок княжат [2].

Впервые С. Б. Веселовский дал обстоятельный очерк, посвященный судьбам владений князей Воротынских, Одоевских, Бельских и Мстиславских в XVI в.[3] Однако и он различий между «служебными» и удельными княжатами, по существу, не видел и рассматривал их как одну группу. Затем было обращено внимание на то обстоятельство, что служебные князья сравнительно поздно начали входить в состав Боярской думы [4].

Наконец, М. Н. Тихомиров выделил «уделы служебных князей» из общей массы уделов XVI в. Он высказал интересное предположение, что статут служебных князей в Москве определялся примерно теми же нормами, что мы находим в докончании Казимира с Новосильскими и Одоевскими князьями 1459 г.[5]

Никакой разницы между уделами князей московского дома и «вотчинами» служилых князей не видит Р. Г. Скрынников [6], что привело его к ошибочному, на наш взгляд, отрицанию антиудельной направленности опричной политики Ивана IV [7]. «Уделами» считает владения служилых князей и С. П. Мордовина [8].

В своей типологии форм феодального землевладения на Руси XV—XVI вв. В. Б. Кобрин выделяет особую удельно-вотчинную форму, к которой он относит землевладение Воротынских, Трубецких и Одоевских, а также удельно-жалованную форму (землевладение Глинских, Мстиславских, Бельских и др.) [9]. В этом делении автор подметил черты сходства землевладения служилых князей с удельными (в отличие от чисто княжеского землевладения), а также различия в происхождении вотчин отдельных служилых княжат (жалованное и наследственное).

Однако отличия в положении служилых князей от удельных были очень значительными (последние сохраняли родственные

связи с великокняжеским домом). Происхождение владений служилых княжат не оказывало решающего сословно-иерархического воздействия на положение их в составе московской знати.

Корпорация служилых князей занимала как бы промежуточное место между удельными княжатами и боярством. Складываться она начала еще в XIV в. Уже в докончании Василия I с тверским великим князем Михаилом 1396 г. был особый пункт: «А кто моих князей отъедет к тобе, кого ми бог поручил и моей братьи молодшей, в тех ти вотчины не встоупатися» [10]. В докончании Василия II с галицким князем Юрием Дмитриевичем 1428 г. содержалось одностороннее обязательство «молодшего брата» не принимать к себе на службу «служебных князей» с их вотчинами. Переход служебных князей еще допускался, но без их вотчин [11]. Формула: «А князей ми, господине, служебных с вотчинами не приимати» — сохранилась до конца XV в. среди тех обязательств, которые брали на себя удельные князья в договорах с московскими государями [12]. В договорах между великими князьями (московскими и тверскими) обязательство это было обоюдным [13].

Еще в XIV в. в состав служилых князей вошли Гедиминовичи, Оболенские и Ряполовские. Во второй половине XV в. они уже прочно срослись с боярской аристократией, Государевым двором и фактически из состава корпорации служилых князей вышли. Во всяком случае, Патрикеевы никаких суверенных прав не имели. Оболенские сохраняли еще прочные связи со своими старинными землями. Но у нас нет прямых данных, чтобы утверждать, что они пользовались в своих владениях правами, сходными с теми, которыми обладали служилые князья [14]. Некоторые Ряполовские выдавали жалованные грамоты на свои владения еще в 70-х годах XV в., но тогда они в Думу еще не входили. Включение в Думу кн. С. И. Ряполовского, наиболее видного их представителя, относится примерно к 1494 г. Даже в середине XVI в. князья Ряполовские составляли особую корпорацию среди московской знати и сохраняли значительную часть своих владений [15]. Правда, служилыми князьями они уже не числились.

Вторую группу среди служилых князей образовывали ростовские, суздальские и ярославские княжата. Все они вошли в нее уже не ранее 70-х годов XV в. Ростовские княжата перешли на государеву службу, когда потеряли суверенные права в 1473/74 г.[16], и особенно после смерти княгини Марьи (Марфы), которой принадлежал Ростов (1485 г.). В 90-х годах XV в. они числятся на великокняжеской службе. В Боярскую думу ростовские князья перешли уже во время правления Василия III, когда окончательно потеряли свои привилегии как служилых князей [17].

Суздальские княжата (Шуйские, Горбатые) во второй половине XV в. еще часто выступают князьями-наместниками в Новгороде и Пскове. Они только к 90-м годам XV в. окончательно переходят на московскую службу, а лишь в начале правления Василия III появляются среди бояр.

Более сложной была судьба измельчавших ярославских княжат.

Они долго сохраняли остатки своих суверенных прав в осколках своего княжества, бывали и неоднократно князьями-наместниками и вместе с тем некоторые из них вошли в состав боярства уже в начале 90-х годов XV в. (Семен Романович, Данила Александрович Пенко и др.) [18].

Ликвидация самостоятельности Тверского и Рязанского великих княжеств не привела к образованию корпораций служилых князей из потомков удельных княжат. Князь Д. Д. Холмский еще в 60-х годах XV в. перешел на московскую службу и к 1479 г. вошел в Думу. Сохранявшие остатки суверенных прав в Микулине князья Микулинские оказались в составе тверского служилого дворянства, но в государеву Думу в изучаемое время их не включили.

Князья Пронские вообще утеряли связи со своими старинными землями и перешли на положение обычных княжат-изгоев, а в 20-е годы некоторые из них стали боярами.

В конце 80-х годов XV — начале XVI в. корпорация служилых князей пополнилась значительным числом северских княжат — Воротынских, Бельских, Глинских, Трубецких и др. Их судьба заслуживает особого рассмотрения.

Гедиминовичи

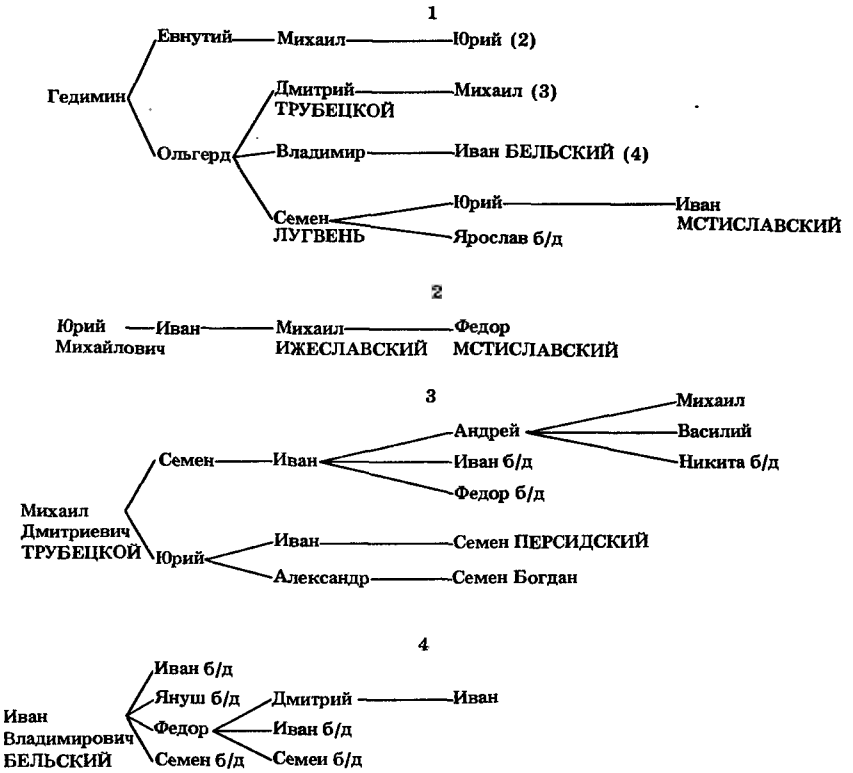
В конце XV — начале XVI в. в Россию въехали многие потомки великого князя литовского Гедимина, в их числе Бельские, Трубецкие и Мстиславские [19] (схема 10).

Ранее других покинули пределы Великого княжества Литовского Бельские. Свой род они вели от четвертого сына Гедимина Ольгерда (его внуком был князь Иван Владимирович Бельский). У князя И. В. Бельского было четверо сыновей — Иван, Януш, Федор, Семен, трое из которых умерли бездетными. Четвертый — князь Федор Иванович — выехал на Русь из Литвы еще в 1481/82 г. и получил «город Демон вотчину да Мореву со многими волостьми» [20]. В 1493 г. он по оговору был заточен, но через четыре года (в январе 1497 г.) освобожден и женился на княгине Анне Васильевне Рязанской. Тем самым он породнился с самим великим князем (на сестре Ивана III был женат отец княгини Анны). В удел Ф. И. Бельский на этот раз получил далекий от порубежья г. Лух (на средней Волге) [21]. Впрочем, в своем завещании Иван III (конец 1503 г.) обеспечивал верховный суверенитет как свой, так и своего старшего сына над вотчиной Ф. И. Бельского: в случае «отъезда» кн. Федора или его детей к меньшим сыновьям Ивана III «или х кому ни буди» их вотчина должна была перейти к княжичу Василию [22].

Литовские земли кн. Федора перешли к его брату Семену, который в 1500 г. также переехал в Москву, но уже со своей «вотчиною» [23]. Он был близок к Иосифо-Волоколамскому монастырю, куда делал щедрые вклады. После его смерти Белая была взята на великого князя [24].

Схема 10

Гедиминовичи
(Мстиславские, Трубецкие, Бельские)



Князь Федор Иванович Бельский был отправлен в августе 1499 г. защищать Казань «от шибанских царевичев». Участвовал он в неудачном походе 1506 г. на Казань (его владения находились на «казанском рубеже»). В этом походе он был вторым воеводой большого полка в судовой рати кн. Дмитрия Ивановича Углицкого, чей удел также был расположен на Волге [25].

У князя Федора было три сына — Дмитрий, Иван и Семен [26]. Князь Дмитрий был женат на дочери близкого к Василию III конюшего И. А. Челяднина [27]. Д. Ф. Бельский был, пожалуй, самым приближенным к великому князю лицом из служилых княжат. Еще весной 1519 г. он вместе с М. Ю. Захарьиным ездил «сажать» на царство в Казань Шигалея. Летом 1521 г., возглавляя во время набега Мухаммед-Гирея русскую оборону на реке Оке, он не пострадал (в отличие от других воевод) за то, что допустил

вторжение крымских войск в глубину русских земель, — якобы по «молодости лет» [28].

Первым среди воевод назван Д. Ф. Бельский и во время похода русских войск к Коломне 1522 г. Не попав в опалу, Д. Ф. Бельский все же за «тихие успехи» на ратном поприще надолго отстраняется от участия в военных делах. 20 сентября 1524 г. он с братом Иваном даже вынужден принести присягу в верности Василию III в связи с каким-то проступком [29]. Но уже в январе 1526 г. он — «дружка» на свадьбе московского государя. В феврале 1527 г. он вместе с В. В. Шуйским, Б. И. Горбатым и И. Д. Пенковым принимает поруку группы представителей высшей знати по кн. М. Л. Глинском, сам, в свою очередь, отвечая перед Василием III в случае побега кн. Михаила [30]. В декабре 1528 г. вместе с великим князем и его окружением ездил на богомолье в Кириллов монастырь [31]. В записи об этой поездке Д. Ф. Бельский впервые, причем первым и единственным из «служилых князей» при Василии III, назван боярином. В августе 1530 г. Д. Ф. Бельский впервые после длительного перерыва появился в полках: он, будучи боярином, вместе с И. М. Воротынским возглавлял рать, стоявшую «против Осетра». 31 июля 1531 г. великий князь велел «быти ... и спати переменяваясь» у Д. Ф. Бельского четырем детям боярским. Очевидно, в это время князь был в опале. Летом 1532 г. Д. Ф. Бельский стоял с войсками «против Колычовскаго острова» [32].

Включение Д. Ф. Бельского в состав Думы, возможно, объясняется тем, что его удел находился не на рубежах, а в середине Русского государства [33]. Князь Дмитрий был близок к Василию III. Именно его вместе с М. Л. Глинским объявили в 1533 г. опекуном малолетнего наследника престола княжича Ивана [34]. В декабре 1533 г. он участвует в приеме литовских послов. Летом 1534 г. он с братом Иваном командует большим полком на Коломне, где в это время находилась сама правительница государства Елена Глинская. Там же он возглавлял русскую рать летом следующего года. В феврале 1536 г. Д. Ф. Бельский числился старшим из воевод, находившихся на Муроме. Летом 1537 г. он во Владимире, будучи наместником этого города. Наконец, осенью 1537 г. назначен командующим большим полком судовой рати, которая должна была идти в Казань. Умер Д. Ф. Бельский в январе 1551 г.[35]

Второй из сыновей Федора Бельского, Иван, в источниках появился позднее своего старшего брата. Он был, судя по всему, более крупной исторической фигурой. В 1522 г. вместе с младшим братом Семеном сопровождал среди других воевод Василия III на Коломну. Во время неудачного летнего похода 1524 г. Шигалея на Казань он уже первый воевода большого полка. Очевидно, в связи с этим поражением он вместе с братом Дмитрием дал запись о верности Василию III (20 сентября 1524 г.). Прошло около пяти лет, и весной — летом 1529 г. кн. Иван с братом Семеном нес службу на южных рубежах страны. Казань снова стала камнем преткновения для кн. Ивана в 1530 г., когда он, возглавляя

судовую рать, рассорился с М. Л. Глинским и не смог взять город. Теперь служебная карьера кн. Ивана при дворе Василия III кончилась. Только в январе 1533 г. он появляется как тысяцкий на свадьбе кн. Андрея Старицкого. После смерти Василия III он снова (летом 1534 г.) назначается одним из главнокомандующих русских войск, причем уже с боярским титулом. В годы боярского правления он играл видную роль, возглавляя сторонников централизаторского курса правительственной деятельности. Убит по приказу Шуйских в мае 1542 г. Князь Иван, по словам А. М. Курбского, «не токмо быв мужествен, но и в разуме мног и в священных писаниих в некоторых искусен». Женат он был на дочери М. Д. Щенятева [36].

Наконец, последний сын Федора Бельского, Семен, в декабре 1528 г. сопровождал Василия III в Кириллов монастырь, летом 1532 г. стоял с войсками «против устья Осетрьскаго», а в сентябре — на Коломне. Весной 1533 г. послан оттуда в Муром. Летом 1534 г., находясь на службе в Серпухове, бежал в Литву [37].

Род Бельских извелся на сыне Дмитрия Иване [38].

Весной 1500 г. в связи с началом новой войны России с Великим княжеством Литовским на сторону московского государя перешли князья Трубецкие [39]. Они происходили не от четвертого (как Бельские), а от второго (Дмитрия Трубецкого) сына Ольгерда. Трубчевск сохранялся за ними на протяжении всего XVI в.[40]

В конце XV в. существовали две ветви Трубецких, шедшие от Михаила Дмитриевича Трубецкого: одну представляли дети Ивана Семеновича (Андрей, Иван, Федор), другую — его двоюродный брат Иван Юрьевич с сыном Семеном Персидским. Обе ветви владели Трубчевском по половинам еще в 1499 г.[41]

По русско-литовскому договору 1503 г. Трубецкие признавались «слугами» московских государей. Андрей (сын Ивана Семеновича) и Семен Персидский Трубецкие еще в 1508 г. вместе с Василием Шемячичем встречали М. Л. Глинского. Затем они упоминаются в разрядах только в 1535 г.[42] У Андрея были дети Михаил, Василий и Никита [43]. Семен-Богдан Александрович (сын родного брата Ивана Юрьевича) впервые упоминается среди воевод лишь летом 1531 г.[44] Возвышение Трубецких началось только в годы опричнины, когда боярство получили Федор Михайлович и Никита Романович [45].

Позднее других Гедиминовичей на московскую службу перешли Мстиславские. Они происходили от третьего сына Гедимина Евнутия (четвертым был Ольгерд). Еще в августе 1514 г., вскоре после взятия Смоленска, после того как под стенами Мстиславля появилась рать кн. М. Д. Щенятева и И. М. Воротынского, «бил челом» Василию III кн. Михаил Иванович Ижеславский. Однако военное счастье переменчиво, и после разгрома русских войск под Оршей кн. Михаил изменил Василию III [46]. Только сын Михаила Федор Ижеславский в июле 1526 г. окончательно выехал на Русь, но без своей вотчины [47]. Так как его матерью была дочь И. Ю. Мстиславского (не имевшего сыновей), кн. Федор начал именоваться

«Мстиславским» [48]. Василий III пожаловал ему «в вотчину» злополучный Ярославец, который уже был дважды во владении княжат (Василия Шемячича и М. Л. Глинского). В «кормление» Мстиславский получил Каширу. И именно Кашира в течение ряда лет становится его местопребыванием (в 1527, 1528 и весной 1529 г.), причем сначала он называется в разрядах просто воеводой на Кашире, а в 1529 г. — «наместником» [49]. Как мы видим, сделан еще один шаг к слиянию служилых князей с массой других княжат. Князь-кормленщик исполнял обязанности простого наместника, а не суверена.

По Продолжению Хронографа 1512 г., 11 июня 1530 г. дочь царевича Петра и сестры Василия III Анастасия была выдана замуж за кн. Федора Мстиславского. Однако еще в августе 1529 г. Мстиславский дал запись на верность Василию III, в которой он отмечал, что Василий III «дал за меня свою сестричну княжну Настасью» [50]. Очевидно, свидетельство Продолжения Хронографа не точно. Основное содержание записи кн. Федора сводилось к отказу от всяких сношений с Литвой, обязательству верно служить Василию III, не отъезжать с московской службы. Женитьба Мстиславского на дочери старинного русского вельможи также имела цель крепче привязать кн. Федора к его новой отчизне.

Уже вскоре Федор Мстиславский впал в немилость, и только после рождения наследника престола Ивана, в августе 1530 г., ему были прощены «грехи». Немилость была вызвана тем, что «сказали государю моему, — писал позднее сам Ф. М. Мстиславский, — что яз мышлю ехати к Жигимонту королю». Опала была недолгой, ибо даже сам Мстиславский писал, что великий князь вовсе «опалы своей на меня не положил» [51].

Правда, позднее кн. Федор все-таки решил изменить Василию III («хотел ехати к его недругу к Жигимонту королю»). И снова отделался сравнительно легким испугом: в феврале 1531 г. он дал вторую запись на верность Василию III (на этот раз и его сыну Ивану) под угрозой церковного проклятия [52]. В ходе опал, очевидно, Мстиславский и потерял свою вотчину в Ярославце, получив вместо нее сравнительно небольшие волости Юхоть и Черемху в Ярославском уезде [53]. В августе 1533 г. Ф. М. Мстиславский был послан к воеводам в Коломну во время нападения Сафа-Гирея на рязанские земли. Последний раз он упоминается в разрядах летом 1539 г. Умер 30 июня 1540 г.[54] На положение боярина он так и не перешел. Боярский титул получил только его сын Иван (1549 г.) [55].

Черниговские князья (Белевские, Воротынские, Одоевские, Мосальские и Мезецкие)

У Михаила Всеволодовича Черниговского было пятеро сыновей. Первый (Ростислав) умер бездетным. От второго (Романа) пошли князья Осовицкие, от третьего (Семена Глуховского и Новосильского) — Белевские, Воротынские и Одоевские, от четвертого (Мстислава Карачевского) — Мосальские, от пятого (Юрия Тарусского и Оболенского) — Мезецкие и Оболенские [56] (схема 11).

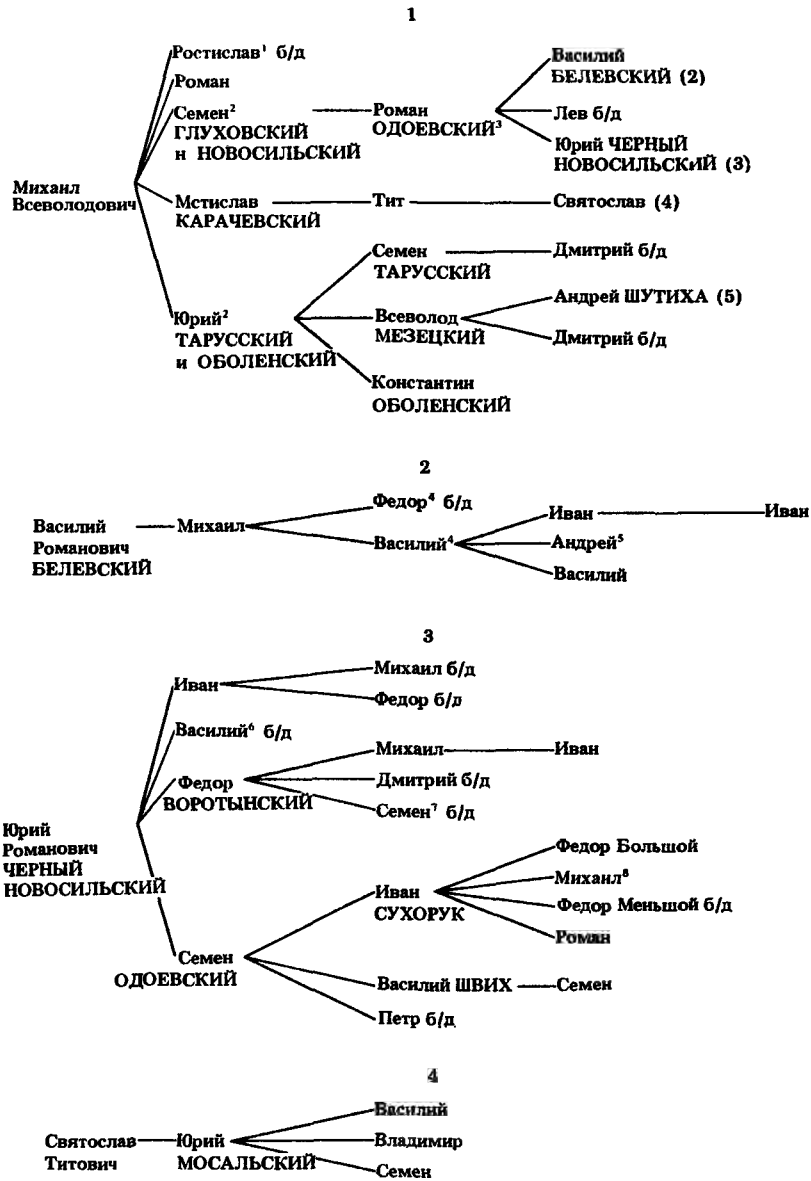
У Романа Семеновича Одоевского было трое сыновей. Старший из них, Василий, стал родоначальником князей Белевских, Лев умер бездетным, а от Юрия пошли Одоевские и Воротынские.

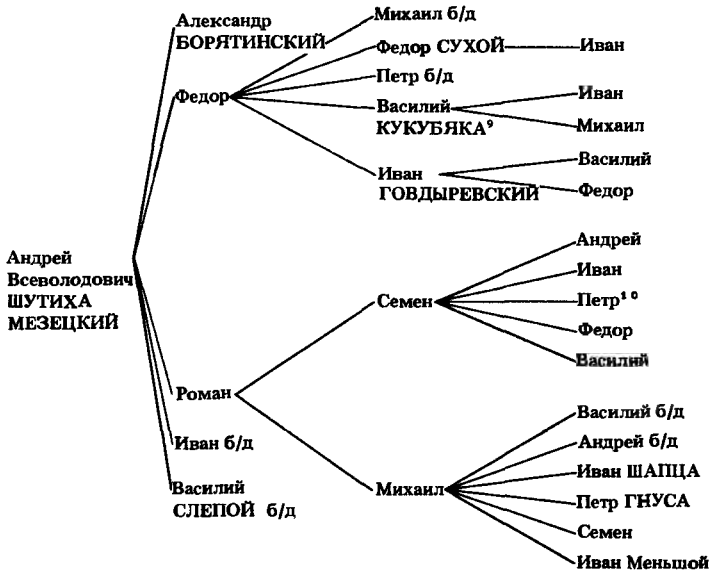
Перешедший на сторону Москвы в конце 1489 г. правнук Василия Романовича кн. Иван Васильевич Белевский сохранил на время свою отчину (Белев) [57], а его младшие братья Андрей и Василий, выехавшие вместе с ним на Русь, вскоре снова отъехали в Литву и только в конце 1492 г. окончательно перешли на русскую службу, став «слугами» (служилыми князьями) Ивана III [58]. По договору 1494 г. службу белевских князей московскому государю признал великий князь литовский Александр Казимирович [59].

Белевские князья не достигли тех высот, какие заняли позднее Бельские, Воротынские и другие северские княжата. В 1506—1507 гг. они отбивали нападение татар на Белевские, Одоевские и Козельские места. В 1512 г. на Угре И. В. Белевский был вторым воеводой правой руки (при кн. Б. И. Горбатом). В мае 1512 г., накануне первого Смоленского похода, он также находился на юге (на Туле) и был при кн. А. И. Булгакове вторым воеводой все той же правой руки. На следующий год там же И. В. Белевский был уже первым в передовом полку, а вторым в большом полку служил его сын Иван. Вторым воеводой правой руки был Петр Яковлевич (Кошкин), на дочери которого был женат Иван Иванович. Андрей Васильевич Белевский во время первого Смоленского похода в ноябре 1512 г. в рати кн. И. М. Оболенского командовал передовым полком (при Ф. Н. Бутурлине во вторых воеводах). Последнее известие о нем относится к 1516 г., когда он возглавлял сторожевой полк на Вошане в рати кн. В. С. Одоевского, а позднее отпущен к себе на Белев [60].

Больше известно о его сыне Иване Ивановиче Белевском. Во время набега Мухаммед-Гирея 1521 г. он был «головою» (как Ф. И. Одоевский и В. С. Мезецкий) у воевод, стоявших на Угре. Летом 1531 г. он находился среди одоевских воевод (во главе сторожевого полка). В 1532 г. И. И. Белевский был одним из воевод «на Сенкине». Весной 1533 г. кн. Иван упоминался в Белеве вместе с Р. И. Одоевским и другими воеводами [61]. Вскоре он сходит с исторической сцены [62], и позднее его ссылают на Вологду [63]. Так окончил существование Белевский «удел»-вотчина. По завещанию 1572 г., Иван IV передал Белев своему сыну Ивану [64].

Схема 11
Князья Черниговские





Примечания:

[1] Л нет.
[2—2] Л Мстислав, Семен, Юрий. Р Семен, Юрий, Мстислав.
[3] Л Новосильский, Р переехал "от насилья татарского" из Новосиля в Одоев.
[4—4] Л Василий, Федор.
[5] Л нет.
[6] Р, Б нет.
[7] Л нет.
[8] Р нет.
[9] Р Кобяка.
[10] Р нет.

Необходимо рассеять одно недоразумение. С. Б. Веселовский, используя показание Шереметевского списка думных чинов, говорил, что кн. Иван Васильевич Белевский умер в 1514 г. «После его смерти, — продолжает Веселовский, — великий князь Василий Иванович согнал „в опале" белевских князей с удела и дал им вместо него Волок Ламский. Однако через несколько лет он вернул им Белев» [65]. Это построение опирается на показание Государева родословца: «Князь Федор да князь Василей Белевские, а свел было их князь великий Василий с вотчины их с Белева, в опале, и дал им Волок, и жили на Волоце долго, и пожаловал им князь великий вотчину их Белев им отдал; а сестра их княгиня Опракса была за князем Васильем Ивановичем за Косым (по Рум. — Оболенским)» [66]. Речь в данном случае идет об эпизоде, который относится ко времени княжения Василия I или Василия II. Очевидно, после того как литовские войска сожгли в 1407 г. Одоев, белевские князья вместе со Свидригайлой в 1408 г. выехали на Русь. Волок они получили после отъезда в Литву Свидригайлы (т. е. не ранее 1410 г.). Василий I «отступился» им в пользу Новгорода. Затем они выехали в Литву. Во всяком случае, в 1459 г. они служили в Литве [67]. При каких обстоятельствах и когда их сестра вышла замуж за князя Василия Ивановича Оболенского [68],

остается неясным. В. И. Оболенский упоминается в источниках 1443 г. — начала 60-х годов XV в.

Еще осенью 1487 г. в Москву переехал служить правнук Юрия Романовича Черного Иван Михайлович Воротынский [69]. Вскоре за ним поспешили его дядья Дмитрий (декабрь 1489 г.) [70] и Семен (в конце 1492 г.) [71]. Великий князь литовский Александр Казимирович признал службу Воротынских московскому государю по договору 1494 г.[72]

Воротынском, очевидно, дядья и племянник Федор (сын старшего брата) [73] владели согласно старинным русским традициям по третям. Кроме того, Иван Михайлович владел Перемышлем (кн. Иван так и назывался в источниках — Перемышльским) [74], а Семен Федорович — Мосальском, Серпейском, Залидовом, Опаковом, Городечной и Лучином [75]. Однако вскоре две трети Воротынска (очевидно, после смерти бездетных Дмитрия и Семена) [76] попали в распоряжение Ивана III. Эти доли вместе с Серпейском, Залидовом, Опаковом он завещал сыновьям Юрию и Дмитрию, а Лучин — Василию [77].

И. М. Воротынский при дворе Василия III занимал высокое положение «слуги», сохраняя остатки былой независимости. В военных действиях он принимал участие только тогда, когда речь шла о южных и западных границах Руси, т. е. о территориях, непосредственно связанных с его уделом. Так, летом 1507 г. он участвовал в отражении нападения крымцев под Одоевом. В сентябре 1507 г. в походе двух Василиев (Можайского и Шемячича) был вторым воеводой передового полка (при кн. Александре Владимировиче Ростовском). В мае 1508 г. он шел «из Северы» в Литву во главе передового полка (в походе Василия Шемячича). Встречал князя М. Л. Глинского. Снова вторым воеводой передового полка был Воротынский в большом походе осенью того же года (после В. В. Шуйского). В 1510—1511 гг. возглавлял на Туле большой полк. В летнем походе на Угру 1512 г. Воротынский по-прежнему — воевода передового полка. В походе из Козельска к Калуге он возглавлял большой полк. Затем в конце года, когда начинался первый Смоленский поход, прибыл в Можайск и в общерусской армии в передовом полку уже был третьим (после князей В. С. Можайского и В. В. Шуйского). Во время третьего Смоленского похода 1514 г. И. М. Воротынский находился в Туле в армии А. В. Ростовского первым воеводой передового полка, прикрывая южные рубежи России от возможных татарских набегов. Отсюда он был направлен под Смоленск. В 1515 г. И. М. Воротынский снова на юге («на Вошане») в передовом полку. То же самое повторилось в 1516, 1517 и 1519 гг. («на берегу») [78].

Во время набега Мухаммед-Гирея 1521 г. он находился в Тарусе, а позднее — в Серпухове при боярине кн. М. Д. Щенятеве [79]. После этого его вместе с другими проштрафившимися воеводами постигла опала: 17 января 1522 г. он был «поиман». В феврале 1525 г. дал запись в верности и был прощен [80]. Летом 1527 г.

И. М. Воротынский находился с полками в своем Одоеве, в мае 1529 г. — в Почапе, а в июле — в Серпухове. В 1530 г. он сопровождал боярина кн. Д. Ф. Бельского в его службе «в поле». В январе 1531 г. он в Козельске, в феврале — в Туле, а летом — снова в Одоеве, но уже первым воеводой большого полка. Медленно, но уверенно И. М. Воротынский с годами продвигался по сложной иерархии военачальников. Летом 1532 г. И. М. Воротынский служил в Серпухове, а в 1534 г., во время похода княгини Елены Глинской на Коломну, кн. Иван был четвертым воеводой большого полка [81]. В военных службах при кн. Иване, как и при других служилых князьях, то в первых, то во вторых воеводах неотступно находились московские военачальники, как бы страхуя Василия III от возможной измены воротынского князя. Самостоятельное руководство крупными вооруженными соединениями И. М. Воротынскому не поручалось.

Остается не вполне ясным, когда перешел в его распоряжение Одоев. Это произошло не позднее 1527 г., когда И. М. Воротынский находился в нем, а скорее всего, значительно раньше. Во всяком случае, «двумя жеребьями» Одоева он владел еще до 1516 г., когда, отбыв службу на Вошане, получил распоряжение вернуться в Одоев. Как полагает В. Д. Назаров, это произошло в связи с прощением его после опалы, т. е. в 1525 г.[82] В обнаруженной им челобитной И. М. Воротынского он уже выступает владельцем Старого Одоева, точнее, двух великокняжеских жеребьев и доли Петра Семеновича. Правда, Василий Семенович Одоевский с «братаничи» (племянниками) стремились получать доходы с «двух жеребьев» Одоева. Чем кончилась распря, неизвестно [83]. Сын Ивана Михайловича известный полководец Михаил Воротынский владел по-прежнему третью Воротынска, Перемышлем, Старым Одоевом, Новосилем и другими волостями [84].

И. М. Воротынский был женат первым браком на Анастасии Ивановне Захарьиной (умершей в 1522 г.), а вторым — на дочери В. В. Шестунова. Последний раз он упоминается летом 1534 г.[85] Вскоре в связи с бегством в Литву С. Ф. Бельского был «поиман» (в августе 1534 г.) и 21 июля 1535 г. умер [86]. Его дети Александр, Владимир и Михаил — видные деятели времени Ивана Грозного. Перемышлем они владели совместно (по третям) [87].

У дяди братьев Михаила, Дмитрия и Семена Воротынских, Семена Одоевского, было трое сыновей: Иван Сухорук (Сухой), Василий Швих и Петр. Князь Семен Юрьевич («князь-изгой») ранее других черниговских князей перешел на русскую службу и был убит уже осенью 1473 г.[88] Одоев и Новосиль в 1459 г. принадлежали старшему брату Семена князю Ивану [89]. Его сын Федор позднее владел только половиной Одоева, второй распоряжались дети Семена Иван Сухой, Василий Швих и Петр. «Братья-разбойники» уже в 1492 г. захватили половину вотчины Федора [90]. Службу одоевских князей московскому государю признал Александр Казимирович в докончании 1494 г.[91] В декабре 1502 г. кн. Иван Семенович возглавлял передовой полк в войске Семена

Стародубского и Василия Шемячича, отправленный в Литовскую землю. Последний раз он упоминается в походе 1508 г. Василия Шемячича «из Северы» (как второй воевода большого полка) в Литву на помощь М. Л. Глинскому [92].

Второй из братьев Одоевских, Василий Швих Семенович, в упоминавшемся уже походе 1502 г. возглавлял полк правой руки. Летом 1507 г. он отбивал под Одоевом и Белевом нападение крымских татар («а из вотчин служилые князи», в их числе кн. В. С. Одоевский). Затем в конце 1512 г., во время первого Смоленского похода, он шел «с Лук с Великих» (где наместничал) в большом полку к Бряславлю. В 1515 г. он в армии, стоявшей на Вошани, а затем направившейся в Тулу, возглавлял большой полк. То же самое повторилось в 1516 и 1517 гг. Князя Василия (как, впрочем, и других северских княжат) все время сопровождает во вторых военачальниках кто-нибудь из московских воевод. Князь Василий Швих стоял вместе с другими воеводами в Серпухове. Во время набега Мухаммед-Гирея на Москву в июне 1521 г. он возглавлял русские войска, расположенные на Угре. Здесь же в «головах» впервые упоминается его племянник кн. Федор Иванович Одоевский. Затем кн. Василия перебрасывают в Серпухов (в августе), где уже были крупные соединения русских войск. Летом 1527 г. он стоял с отрядом в Коломне, осенью — в Ростиславле, а летом 1528 г. — снова на Коломне, основной базе русских войск, защищавших южные границы России. Земли Василия Швиха Одоевского в 1504 г. находились в Можайском уезде [93].

Племянники князя Василия Федор и Роман Ивановичи еще в 1512 г. возглавляли полк правой руки в рати И. М. Воротынского, преследовавшей крымских татар из Козельска и Калуги. Затем летом 1527 г. они несли службу в Туле, где кн. Роман оставался и летом 1528 г. Летом 1530 г. Роман Иванович находился «под Окатовым», а Федор тогда же был послан в Одоев. В начале 1531 г. оба брата возглавляли полк правой руки армии кн. И. М. Воротынского. Летом того же года кн. Федор сначала возглавлял в Одоеве большой полк, а затем был там вторым воеводой при кн. И. М. Воротынском (полком правой руки командовал его брат Роман). Очевидно, в первом случае кн. Федор командовал своими, одоевскими полками, которые позднее вошли в более крупную армию [94]. Летом 1533 г. в Одоеве располагался с войсками, вероятно, уже престарелый дядя Федора и Романа Василий Семенович, а кн. Роман нес службу «на Бобрике» [95]. После этого Василия Семеновича в источниках мы не находим. Вскоре пропадают известия и о его племянниках (Роман последний раз упоминается в разрядах в 1541 г., а Федор — в 1544 г.) [96]. На дочери Василия Одоевского был женат видный деятель времени Ивана IV Петр Иванович Головин [97]. Федор Иванович наместничал в Муроме в июле и октябре 1537 г. и марте 1538 г.[98]

Второй дядя Федора и Романа, Петр Семенович, исчез из источников очень рано. Во время похода 1508 г. на помощь М. Л. Глинскому в полках Якова Захарьича ему был поручен

сторожевой, а позднее полк правой руки. По разрядам 1522—1523 гг. он также возглавлял сторожевой полк [99].

Остается не вполне ясным, когда Одоев был потерян одоевскими князьями. Во всяком случае, часть Одоева (два жеребья и жеребий Петра Семеновича) к 1525—1526 гг. принадлежала уже кн. И. М. Воротынскому [100]. В. Д. Назаров полагает, что два жеребья в Одоеве достались Ивану III еще в конце 80-х — начале 90-х годов XV в., после смерти М. И. и Ф. И. Одоевских.

Остатки Одоевского княжества находились во владении кн. Никиты Романовича Одоевского (на его сестре был женат Владимир Старицкий), опричного боярина, казненного в 1573 г.[101]

Весной 1500 г. вместе с Трубецкими перешли на сторону Москвы и мосальские князья Дмитрий и Семен Ивановичи. Они происходили от четвертого сына Михаила Всеволодовича Черниговского Мстислава Карачевского. По русско-литовскому договору 1503 г. князья Мосальские признавались московскими «слугами». Оба князя в первом Смоленском походе 1512—1513 гг. были «приданы» к большому полку М. Л. Глинского [102]. Размножившиеся к середине XVI в. князья Мосальские не играли существенной роли в придворной жизни Русского государства, тем более что часть их продолжала служить в Литве. Впрочем, еще в середине XVI в. они не включались в общую массу дворовых детей боярских, а составляли особую корпорацию. Их потомки во второй половине XVI — начале XVII в. продолжали владеть селами в Мосальском уезде [103].

Князь Михаил Романович Мезецкий отъехал в Москву в августе — октябре 1492 г. [104], «поимав» при этом брата Семена и двоюродного брата Петра Федоровича. По русско-литовскому договору 1484 г. Мезецк оставался в «сместном» (совместном) владении Федора Сухого и Василия Кукубяки (детей Федора Андреевича Мезецкого), находившихся на литовской службе, а также Михаила Романовича и детей его двоюродного брата Ивана Федоровича Говдыревского, Василия и Федора. Князь Семен был отпущен по договору 1494 г. на московскую службу, а Петр Федорович — на литовскую [105]. Петр и Федор Сухой Федоровичи продолжали служить Литве еще в 1498 г. В этом же году «дольницами» в Мезецке продолжали владеть и мезецкие князья на русской службе [106].

Однако в конце 1503 г. Иван III завещал Мезецк своему сыну Дмитрию. Иван III, очевидно, из-за важности военно-стратегического положения Мезецка выменял его на с. Олексин в Стародубе Ряполовском, причем «суд и дань» с этого села шли в великокняжескую казну [107]. Мезецкие князья были низведены с положения служилых до положения обычных княжат. Измельчавшие к середине XVI в. мезецкие князья никакой политической роли не играли [108]. Так, Семен Романович в походе к Угре 1512 г. находился во вспомогательных войсках, приданных к большому полку, и должен был «боронить» одоевские и белевские места, если б возникла для этого надобность. На Угре в сторожевом полку он

стоял и в 1513 г. Отсюда он был послан в Стародуб. Его сын Петр упоминается в разрядах только под 1512 г., а Андрей Семенович — вторым воеводой правой руки в передовой рати, направленной в 1513 г. под Смоленск [109]. Долго, но без какого-либо успеха служили Иван, Федор и Василий Семеновичи Мезецкие.

Сын кн. Семена Иван (умер до 1539 г.) находился в 1515 г. в войсках В. С. Одоевского на Вошане вторым воеводой левой руки, а при отправлении рати на Тулу переведен вторым же в полк правой руки. В 1516 г. он у того же В. С. Одоевского на Вошане всего только третий воевода левой руки. В 1517 г. в Мещере — второй в сторожевом полку. В 1527 г. он снова в Мещере, на этот раз с кн. И. М. Воротынским, а в 1529 г. с ним же идет под Серпухов из Почапа. Его дочь вышла замуж за кн. Ю. И. Шемякина-Пронского [110].

Сын кн. Семена Федор появляется в разрядах впервые в 1516 г., когда он был вторым воеводой сторожевого полка в войске, направленном к Витебску. В 1519 г. он был среди воевод «в Мещере». Возможно, именно тогда и был убит в «Мещере» его старший брат Андрей. Затем Ф. С. Мезецкий с младшим братом Василием в 1529 г. стояли «на Сенкине». В конной рати, отправленной в 1530 г. под Казань, он — второй воевода сторожевого полка. В 1531 г. снова с братом Василием Федор Семенович служил в Рязани «за городом» с воеводами передового полка. Сам же кн. Василий при Р. И. Одоевском в 1532 г. служил в Серпухове, а в 1533 г. — на Белеве. В. С. Мезецкий впервые упомянут в разрядах среди воевод на Угре во время набега Мухаммед-Гирея 1521 г. Наместничал в Путивле в 1529/30, 1533/34 и в декабре 1534 г. — декабре 1535 г.[111] В середине XVI в. Иван, Федор и Василий Мезецкие числились дворовыми детьми боярскими по Можайску [112].

У брата Семена Романовича Михаила Мезецкого было шестеро сыновей. Самого отца с сыном Андреем убили под Казанью [113]. Старший сын Василий, очевидно, рано умер (бездетным). Младший сын Иван в 1522/23 г. купил с благословения отца и братьев Ивана Шапцы, Петра Гнуса и Семена их жеребьи с. Глумова Суздальского уезда [114].

Мезецкие, как мы видим, — типичные воины, для которых ратная деятельность является профессией. В ходе русско-литовских распрей они растеряли свои земли и прочных корней на Руси в изучаемое время не имели.

Князья Вяземские

После смерти великого князя литовского Казимира (июнь 1492 г.) борьба за русские земли, входившие в состав Литвы, обострилась. В августе—октябре 1492 г. в Москву со своей вотчиной отъехал кн. Андрей Юрьевич Вяземский, который был оставлен на своем княжении [115]. Вяземские вели свой род от сына кн. Владимира Рюриковича Андрея Долгой руки [116]. К концу

сентября русские войска взяли г. Хлепень, принадлежавший другому вяземскому князю — Михаилу Дмитриевичу [117]. Наконец, зимой того же года была взята и сама Вязьма, при этом вяземских князей привезли в Москву. Иван III «пожаловал их же вотчиною, Вязмою, и повеле им собе служити» [118]. По договору 1494 г. Александр Казимирович обещал «не вступатися ... в город у Вязму ... ни князей ... вяземских к себе не приимати». Впрочем, уже в 1495 г. в Вязьме сидел великокняжеский наместник, а в конце 1503 г. Иван III завещал этот город своему сыну Василию [119].

Ключевое положение Вязьмы на путях к литовским рубежам объясняет стремление московского правительства укрепить в ней свое влияние. Существование сильной корпорации вяземских князей было бы этому препятствием. Поэтому вяземские княжата (и дети боярские) лишаются своих старых владений и переводятся в другие районы России. В Вяземский уезд переселяются служилые люди из Северо-Восточной Руси.

Измельчавшие князья Вяземские служили к середине XVI в. среди «литвы дворовой» по Костроме и Романову, а также среди детей боярских Малого Ярославца (бывшего одно время вотчиной Михаила Глинского) [120].

Стародубское княжество Семена Ивановича Можайского и его сына Василия

Владения «украинских князей» Семена Можайского и Василия Шемячича [121] представляли собой нечто среднее между уделами родичей Василия III и вотчинами служилых князей. Оба князя происходили из той же семьи, что и московский государь. Их владения отличались внушительными размерами. Они в войнах возглавляли ополчения северских князей. И вместе с тем оба считались «слугами» Василия III.

В 1454 г. в Литву бежал кн. Иван Андреевич Можайский (внук Дмитрия Донского). Здесь он женился на дочери Федора Юрьевича Воротынского [122]. Его сын Семен в 1499 г. получил иммунитетную грамоту великого князя литовского Александра на пожалованную ему в Литве вотчину с городами Стародуб, Гомель, Чернигов, Карачев и Хотимль [123]. Весной 1500 г. кн. Семен со своей вотчиной перешел на русскую службу. Это был крупный властелин, с которым Василию III приходилось считаться. В русско-литовском договоре 1503 г. он был признан «слугою» великого князя всея Руси. Князь Семен приходился дальним родичем Василию III: его дядя Василий Михайлович был женат на Марии Андреевне (племяннице Софьи Палеолог). Последний раз в источниках кн. Семен Иванович упоминается в декабре 1502 г.[124]

Наследником Семена стал его сын Василий. Чтобы прочнее привязать этого князя к себе, Василий III в 1506 г. женил его на сестре своей супруги. Вероятно, тогда же он «придал» ему отчину [125]. В дальнейшем более десяти лет Василий Семенович

верой и правдой служил Василию III. Так, уже в период восстания Михаила Глинского он вместе с Василием Шемячичем отправляется с войсками в Литву на выручку новому союзнику московского государя. Весной 1512 г. Стародубский и Шемячич на юге прикрывали от крымцев тылы русской армии, готовившейся к походу на Смоленск. В этом случае, как и в походе 1507—1508 гг., с ними вместе находились и московские воеводы. То же самое повторилось и перед вторым походом на Смоленск в 1513 г. Во время первого похода на Смоленск в конце 1512 — начале 1513 г. Василий Семенович сопровождал московского государя [126].

Весной 1515 г. на вотчину Василия Семеновича, когда князь отправился по вызову Василия III в Москву, напали войска Менгли-Гирея [127]. В сентябре 1518 г. в Крым сообщалось, что кн. Василий Стародубский умер [128]. Его громадная вотчина перешла к Василию III.

В. Д. Назаров в неопубликованной пока работе выдвинул весьма правдоподобное предположение, что кн. В. С. Стародубский владел некоторое время Хотунской волостью. Так, в межевой грамоте 1518/19 г. упоминается, что дворцовый дьяк Александро «межы чинил и ямы копал со князем с Васильем Стародубским» в Хотунской волости. Вместе с тем в февральской грамоте 1519 г. Василий III выдавал льготы Троицкому монастырю на с. Дубошино Хотунской волости, которую дал в монастырь «слуга наш князь Василей Семенович» [129]. Очевидно, кн. Василий Семенович (Стародубский) обладал в Хотуни какими-то суверенными правами. Позднее Хотунь была дворцовой волостью.

Новгород-Северское княжество Василия Ивановича Шемячича

В том же 1454 г., что и Иван Андреевич Можайский, в Литву бежал сын злейшего врага Василия II Дмитрия Шемяки — Иван. Здесь он получил в кормление громадную вотчину, которую унаследовал его сын Василий, рожденный от некой «чародеицы Греческия» [130]. Весной 1500 г., так же как и Семен Можайский, Василий Шемячич перешел на сторону Ивана III [131] и занял положение «слуги». Это закреплено было русско-литовским договором 1503 г.[132] Именно Василий Шемячич, а не Семен и Василий Стародубские, был главной политической фигурой на юге России. В его вотчину входили Новгород Северский, Рыльск и Радогощь [133]. По наблюдению В. Д. Назарова (в уже упоминавшейся работе), в состав его вотчины входил и Путивль, ключевой пункт отношений России с Крымом [134]. Известно, что Шемячич был обязан доводить великокняжеских послов в Крым до Путивля и сообщать в Москву о прибытии в Путивль крымских посланцев. По летописи, он владел Новгородом Северским и Рыльском, а в 1500 г. получил Путивль, Радогощь и Северскую землю [135].

Центром владений Шемячича был Новгород Северский. Вместе с тем в январе 1516 г. Шемячич сообщал, что «к нему писал из

Путивля наместник его Василей Митюков». В ноябре 1517 г. к Шемячичу было послано распоряжение, чтобы он «послал из Путивля своих казаков». Той же осенью Шемячич сообщал в Москву, что татары напали «на их отчину на Путимльские места» [136]. Надо иметь в виду также, что в Москве находился в «поимании» кн. Богдан Федорович Глинский, который в Литве с 1495 по 1500 г. был путивльским наместником [137]. С конца 1509 г. шли затяжные переговоры о его освобождении. Князь Богдан умер, очевидно, еще в 1512 г.[138] До его смерти вряд ли вопрос о судьбе Путивля мог быть окончательно решен.

Впрочем, и позднее вряд ли Василий III был склонен полностью передавать суверенитет над этим важным городом Шемячичу. Так что известия 1516—1517 гг., возможно, рисуют только кратковременный эпизод из истории взаимоотношений Шемячича с Путивлем. К тому же С. Герберштейн сообщал, что «Путивлем . . . владел некий государь Димитрий» [139]. Действительно, весной 1522 г. в Путивль прибыл великокняжеский дьяк Третьяк Губин, который отсюда послал грамоту Шемячичу. (На этом основании М. Н. Тихомиров делал вывод, что Шемячич Путивлем не владел [140].)

Кроме громадных южных владений, Шемячичу принадлежал некоторое время и Малый Ярославец. Так, когда в 1526 г. кн. Ф. М. Мстиславский выехал на Русь, Василий III дал ему «княж Васильевские городки Шемячича в вотчину: Ярославец да Кременец, да волость Мышегу, да дал ему город Коширу в кормление». В Дворовой тетради 50-х годов XVI в. сохранилась запись о детях боярских «из Ярославца же княж Васильевские Шемячевского» [141]. Очевидно, Ярославцем Шемячич владел с самого выезда и, во всяком случае, около октября 1505 г.[142] и потерял его в 1508 г., когда Ярославцем был пожалован при выезде на Русь М. Л. Глинский. После того как Глинский был «поиман» в 1514 г., Ярославец снова перешел к Шемячичу: к нему он тянул «судом» и «данью» в феврале 1516 г.[143] Поэтому мнение М. Н. Тихомирова, считавшего, что Шемячичу только пообещали Ярославец, чтобы заманить его в 1523 г. в Москву [144], надо считать недоразумением. По родословию Яновых (в общем-то не очень достоверному), Малый Ярославец был дан Шемячичем «в кормленье в путь» Михаилу Даниловичу Янову, боярину князя. Но в летописи под 1517 г. сообщалось, что Михаил Янов был просто «человеком Шемячича», а не его боярином [145]. Служил Шемячичу один из потомков Нетши — Петр Шибра Дмитриевич (племянник окольничего Данилы Ивановича) [146]. На службе у князя находился также Василий Львович Зубатый. В 1519 г. были «приставлены» (для надзора что ли?) к Шемячичу новгородский дворянин Иван Андреевич Жулебин Овца (Меньшой) и Семен Никитич Бутурлин [147].

Вместе с Василием Стародубским Шемячич владел волостями Товарковом, Конопкарь и некоторыми другими на реке Угре [148].

Василий Шемячич участвовал в крупных военно-политических акциях Василия III. Осенью 1507/08 г. он ходил вместе с В. С. Ста-

родубским в поход в Литву на помощь М. Л. Глинскому. В 1508 г. встречал отъехавших на Русь М. Л. Глинского «с братьею» [149]. 18 января 1511 г. ему были написаны три опасные грамоты. В одной из них Василий III снимал с него обвинения в измене [150], возложенные на Шемячича князем Василием Стародубским, в другой митрополит гарантировал князю безопасный приезд в Москву, а третью давали великокняжеские бояре [151]. Воспользовался ли этой гарантией Шемячич, остается неясным. Весной 1512 г. оба князя обороняли русские «украины» на юге. Весной 1513 г. Шемячич даже настолько глубоко проник в пределы Великого княжества Литовского, что смог сжечь посады Киева [152].

В это время новгород-северский князь держался вполне независимо. Московский посол в Турцию Михаил Алексеев (январь 1513 г.) писал, что он, по словам крымских послов, «ни царя (крымского. — *А. З.*), ни великого князя обеих не смотрит». Оба Василия во время второго Смоленского похода 1513 г. держали оборону на Угре. В 1512—1513 гг. Шемячич с Василием Стародубским находился в Стародубе и даже писал оттуда Василию III. Судя по этому, именно Шемячич тогда распоряжался самим князем Василием. Летом 1515 г. Сигизмунд советовал Мухаммед-Гирею вступить в переговоры с Шемячичем, чтобы тот «королю дружбу учинил». Крымский хан, очевидно, пользовался известным кредитом у новгород-северского князя (в том же году Менгли-Гирей посылал грамоты Шемячичу). В ноябре 1517 г. Шемячич разбил крымских татар, нападавших на путивльские места [153].

25 июля 1517 г. В. С. Стародубский (Можайский) прислал к Василию III донос, в котором сообщалось о сговоре Василия Шемячича с киевским воеводой Ольбрахтом Гаштольтом. Шемячич якобы предлагал Ольбрахту с крымскими царевичами идти на его города, чтоб он, воспользовавшись этим, мог изменить Василию III. Донос подтвердил позже кн. Федор Пронский, который воеводствовал тогда в Стародубе. Очевидно, уже летом 1517 г. к Шемячичу были посланы доверенные лица Василия III — Шигона Поджогин и дьяк Иван Телешов, которые вместе с Григорием Федоровичем (Давыдовым) должны были расследовать дело. Узнав об этом, Шемячич послал в Москву своего человека Степана Рагозина, сообщая, что Стародубский его оговорил. При таких обстоятельствах и решено было вызвать Шемячича в Москву. Он прибыл сюда 14 августа 1518 г., и все обвинения с него были сняты [154]. Но проблема Шемячича этим решена не была. Новгород-северский князь продолжал находиться на полусамостоятельном положении. Крымский «царь» и царевичи писали ему особо от Василия III не только в 1515 г., но и в 1518 г. В 1519 г. в Новгороде у Василия Шемячича находились уже московские воеводы. Очевидно, это связано с «изветом» Василия Стародубского. Шемячича оправдали, но на всякий случай взяли под присмотр [155].

Через несколько лет, 12 мая 1523 г., Шемячич был «поиман» [156]. Это произошло после набега Мухаммед-Гирея в 1521 г. в связи с активизацией крымской угрозы. Историю этого события подробно

рассказал Герберштейн. По его словам, Шемячич — «человек храбрый на войне и гроза татар» [157] — довел Василия Стародубского «до последней крайности» и после изгнания Василия захватил его княжество. (Насколько справедливо это сведение, сказать трудно. Во всяком случае, в 1519 и 1521 гг. в Стародубе находились московские воеводы [158].) Затем Шемячич донес на Дмитрия (Путивльского) и по поручению Василия III схватил его, а затем тот в оковах был доставлен в Москву, где тогда же, т. е. в 1519 г., и умер. Юный сын Дмитрия (также носивший имя Дмитрий) бежал к татарам и был убит там родителями девушки, в которую он был влюблен. Внушению Василия Шемячича Герберштейн приписывает заточение Василием III еще раньше «владыки Каширского» (видимо, Абдул-Летифа в ноябре 1517 г.) и брата государя (очевидно, речь идет о Семене, умершем в июне 1518 г.), умерщвленных якобы в тюрьме.

Между тем дело дошло и до самого Шемячича. Это надо связывать с походом Мухаммед-Гирея 1521 г. Шемячич ничего не сделал для его предотвращения. В 1522 г. Василий III, прибыв на Коломну, «въсхоте» послать Шемячича и воевод на Мухаммед-Гирея [159], но поход не состоялся. Тогда новгород-северского князя обвинили в измене и вызвали в Москву. Он согласился приехать туда лишь после того,как получит охранную грамоту, скрепленную «клятвою государя и митрополита». Митрополит Варлаам не согласился пойти на клятвопреступление и в конце 1521 г. оставил митрополичий престол. Его место занял податливый Даниил, который согласился дать «крестоцеловальную запись» с тем, чтобы вызволить «запазушного врага» в столицу. 18 апреля 1523 г. Шемячич прибыл в Москву, с почетом был принят Василием III, но вскоре был схвачен и брошен в тюрьму. Причиной гибели Шемячича Герберштейн, ссылаясь на слухи, называет то, что Шемячич послал киевскому наместнику письмо, адресованное польскому королю, в котором содержалось сообщение о готовности перейти на его сторону. Киевский наместник переслал письмо в Москву. Вариант, близкий к тому, что было предметом расследования в 1518—1519 гг. Скорее всего, это полуофициальная версия. Сам же Герберштейн склонялся к другой. Один Шемячич оставался на Руси крупным властителем, и «чтобы тем легче изгнать его и безопаснее властвовать, выдумано было обвинение в вероломстве, которое должно было устранить его» [160].

Во время февральского процесса 1525 г. Федор Жареный рассказывал о том, как ему говорил Берсень Беклемишев о своем разговоре с митрополитом. Даниил воздавал хвалу богу, что тот избавил Василия III от «запазушного врага» (Шемячича), позабыв, что он сам вероломно нарушил присягу, пообещав в грамоте, которую он писал к Шемячичу, полную неприкосновенность [161].

Но не все деятели церкви были столь беспринципны. В 1524 г., когда Василий III был в Троицком монастыре, с просьбой о помиловании северского князя выступил игумен Порфирий. Дело, однако, кончилось ссылкой самого строптивого игумена [162]. Умер Шемя-

чич в заточении 10 августа 1529 г.[163] Сохранилась любопытная запись на надгробной плите, что в 1561 г. в Троицком монастыре умер «больничный старец», Иоанн Васильевский Шемячича, по прозвищу «Севрюк». Обычно он считается сыном Шемячича. Но П. А. Садиков предполагал, что это был один из «людей» княгини [164]. Троицкий монастырь продолжал оказывать знаки внимания потомкам того самого Дмитрия Шемяки, которого он энергично поддерживал еще в годы феодальной войны второй четверти XV в. Жена Шемячича и две дочери кн. Василия были пострижены в монахини и отправлены в Суздальский Покровский девичий монастырь, где и умерли [165].

Князья Глинские

Летом 1508 г. на Русь выехал один из крупнейших магнатов Великого княжества Литовского — Михаил Львович Глинский со старшим братом Иваном Мамаем и братом Василием Слепым [166]. При этом он получил «в вотчину Ярославец и Боровеск в кормление». Соседняя Медынь была дана в вотчину братьям кн. Михаила Ивану и Василию, а другие выехавшие с ними князья и дворяне получили поместья и кормления [167]. Пожалование кн. Михаила Глинского в придачу «кормлением» было новостью в практике награждения служилых князей, известным шагом в ограничении их суверенитета. В данном случае московское правительство использовало опыт обеспечения выезжавших на Русь татарских царевичей, получавших города «в кормление».

Но Боровск и Ярославец, отобранный у Шемячичей, были только временным владением Михаила Глинского. Его честолюбивые планы простирались значительно дальше. Самое деятельное участие принимал М. Л. Глинский в походах на Смоленск [168]. В первом походе 1512—1513 гг. он был в большом полку у царевича Петра и Д. В. Щени. Во втором и третьем походах 1513 и 1514 гг. М. Л. Глинский в рати Д. В. Щени возглавлял передовой полк [169]. Являясь инициатором Смоленских походов, Глинский полагал, что, присоединив Смоленск, великий князь пожалует его этим крупным городом. Не получив Смоленска, Глинский попытался осенью 1514 г. бежать в Литву, был поиман и брошен в заточение [170].

21 января 1526 г. Василий III женился на племяннице кн. Михаила Елене Глинской, тем самым приобретая некоторые права на борьбу за главенство в Великом княжестве Литовском, которую в свое время вел ее дядюшка. Сам же кн. Михаил был выпущен из «нятства» только в феврале 1527 г.; он был женат на дочери кн. Ивана Немого Оболенского [171]. Большая группа московской знати, в свою очередь, поручилась за Глинского перед Василием III (в случае побега Глинского они должны были уплатить громадную по тем временам сумму — 5 тыс. руб.) [172]. В вотчину-княжение на этот раз беспокойный князь, очевидно, получил Стародуб Ряполовский. Возможно, он был пожалован и Юрьевцем

Поволжским в «кормление» (городок, находившийся в кормлении у татарских царевичей) [173].

В последние годы княжения Василия III Михаил Глинский пользовался полным доверием великого князя, хотя не всегда его оправдывал. Так, в 1530 г. он как один из князей, чьи владения находились на Волге, был послан во главе военной рати на Казань. Город должен был пасть. Но кн. Михаил повздорил с главой судовой рати И. Ф. Бельским, и результат похода не был достигнут [174]. В отличие от Бельского кн. Михаил на этот раз не пострадал. Литовские планы заставляли Василия III смотреть сквозь пальцы на некоторые оплошности его дядюшки. В 1531/32 г. кн. Михаил Глинский был одним из душеприказчиков великокняжеского духовника протопопа Василия [175].

В январе 1533 г. кн. Михаил наряду с другими крупнейшими русскими вельможами присутствовал на свадебной церемонии у кн. Андрея Старицкого. Во время предсмертной болезни Василий III назначил его и кн. Д. Ф. Бельского опекунами малолетнего наследника престола Ивана [176]. Однако в ходе придворной борьбы, как крупная политическая фигура, он внушал опасения различным группировкам московской знати. Поэтому осенью 1534 г. он был брошен в заточение, где и умер в 1536 г.[177] В 38 верстах от Александровой слободы находилось одно из владений князя Михаила Глинского [178]. Вероятно, сам кн. Михаил на положение боярина не перешел [179], но его племянники получили боярство около 1547 г.

* * *

В первой трети XVI в. в Русском государстве существовала влиятельная прослойка так называемых «слуг», или «служилых князей», образовавшаяся в основных своих чертах в результате присоединения к России западнорусских земель. Это Мстиславские, Одоевские, Глинские, Воротынские, Бельские, Трубецкие и др. Они по своему положению занимали как бы промежуточное положение между удельными князьями и князьями Северо-Восточной Руси, потерявшими к концу XV—началу XVI в. суверенные права на старые княжения [180]. Основное отличие «удела» от княжения служилых князей сводилось к тому, что княжение рассматривалось как наследственная вотчина (перешедшая от предков «слуги» или пожалованная ему великим князем) и обусловливалось несением военной службы московскому государю. Удел же — часть общерусских земель, завещанная великим князем своим прямым потомкам (как правило, детям). В отличие от удельного служилый князь не имел даже формальных прав на занятие великокняжеского стола.

Для характеристики прав и обязанностей служилых князей можно привлечь докончание 1459 г. новосильского и одоевского князя Ивана Юрьевича и его братаничей Федора и Василия Михайловичей с великим князем литовским Казимиром [181]. Княжата прежде всего обязывались верно служить Казимиру и его детям

и вообще тем, «хто будет великим князем на Литовской земли». Они отныне будут в «воли Казимирове», в частности будут его союзниками в борьбе с литовскими врагами. В свою очередь, Казимир обязывался их «боронити». Великий князь литовский объявлялся сюзереном Ивана Юрьевича и его братаничей. Без его воли они не могли впредь вступать ни с кем в договорные отношения. Сам же Казимир обязывался «не вступаться» в новосильские и одоевские земли даже после смерти кн. Ивана и его братаничей. Суд по спорным вопросам должен быть совместный — великого князя и княжат-слуг.

Очень важно было то, что земли княжат-слуг не должны ни в каком случае выходить из-под великокняжеского суверенитета (даже в случае, если у княжат не будет «отрода», т. е. при выморочности владений).

Все эти порядки были близки к тем, которые устанавливались по докончаниям русских великих князей с их удельными братьями, ибо они также своими корнями уходили в права аристократии периода феодальной раздробленности. Но были и существенные отличия. О них мы частично говорили выше. В договоре Василия III с его братом Юрием 1531 г. последний обязывался «князей... служебных с вотчинами не приимати» [182]. Следовательно, удельные князья (каким был Юрий) считались рангом выше служебных. В частности, ни о каком «сместном» суде с великим князем в договоре 1531 г. не говорилось: удельный князь был полным хозяином в делах, касающихся его подданных. С. М. Каштанов показал, что кн. Ф. М. Мстиславский в 1533 г. был уже лишен даже права собирать дань со своих земель, позднее он снова (в 1538 г.) его присвоил [183].

Великий князь брал на себя ведение всех внешнеполитических сношений, связанных с интересами служилых князей. Когда в декабре 1518 г. с ним заключил договор Мухаммед-Гирей, то в «шерть» был вставлен пункт с обязательством крымского царя не воевать земель «князей, которые тебе (Василию III. — *А. З.*) служат и твоим детям — князь Василей Шемячичь и князи Трубецкие» [184].

Служилые князья в первой трети XVI в. не составляли единой, сплоченной корпорации. Так, среди них выделялись князья Василий Шемячич, владевший громадным Новгород-Северским княжеством, и Семен и Василий Стародубские, занимавшие переходное место между служилыми и удельными князьями. Формально числясь «слугами», они по существу считались как бы патронами северских княжат, часто находившихся во время войн на Юге и Западе под их командованием. На войну они ходили иногда обособленно, со своими войсками («Воротынские князи своим полком») [185]. По существу же их владения по размерам и военно-политическому значению мало чем уступали уделам, да и формально они принадлежали к князьям московского дома. Оба они имели и земли в центре страны, но эти их «уделы» были крайне незначительны.

Следующее место в иерархии служилых князей занимали Бельские, Глинские и Мстиславские. Прежде всего, в отличие от Трубецких и Одоевских они были связаны родственными узами с Василием III, правда по женской линии. Они получили земли в «жалование», причем в центральных районах страны (они перешли на Русь без вотчин), а Трубецкие и Одоевские сохраняли корпоративные связи на местах.

Естественно, что первые были более привязаны к великокняжеской власти, которая им и платила своим преимущественным вниманием. Промежуточное положение между этими группами занимали Воротынские: им земли были пожалованы великим князем, но в районах их старинных вотчин.

В распоряжении московского правительства было много средств, обеспечивших в конечном счете полное включение служилых князей в состав представителей старомосковской аристократии, но этот процесс растянулся на всю первую половину XVI в. К числу использовавшихся средств относилась замена старых владений «слуг» новыми, где связи с землевладельцами у служилых княжат не были столь прочными. Позднее стала практиковаться раздача слугам земель не в «вотчину», а только в «кормление». Частое привлечение слуг на военную службу способствовало ликвидации у них элементов политической обособленности. Участие в полках служилых князей московских воевод ставило первых под бдительный контроль центра. Опалы, которым подвергались все крупнейшие князья-слуги (В. Шемячич, В. Можайский, Стародубские, Ф. Мстиславский, М. Глинский, И. Бельский, И. Воротынский), все более и более ограничивали их власть, после того как немилость великого князя проходила. Поручные записи также закрепляли узы, подчинявшие «слуг» воле монарха. Наконец, браки северских князей с представительницами старомосковской знати также содействовали слиянию различных аристократических прослоек русского общества конца XV—первой трети XVI в. в единую массу.

Обратим внимание и еще на одно обстоятельство. Сохранив за «слугами» часть старинных привилегий в их вотчинных землях на южных и восточных окраинах Руси, московское правительство поставило их формально выше старомосковского боярства. Не случайно с княжатами-слугами старомосковская знать не местничала в первой трети XVI в. (те были выше их по лестнице чинов). И вместе с тем служилые князья были оттерты от участия в реальном управлении страной. Они не были членами Боярской думы, не участвовали в переговорах с послами, не посылались наместниками (кроме Мстиславского в его «кормлении»). Тем самым их политическая роль постепенно, по мере укрепления престижа Русского государства уменьшалась.

Включение служилых княжат в Думу растянулось на долгие десятилетия и началось только с перехода в Думу кн. Д. Ф. Бельского в 1528 г. Значительная часть их так и не попала ни в состав бояр, ни даже в состав окольничих. Многие вошли в Думу только

потому, что к их знатному роду прибавились личные заслуги при дворе или на поле боя. Раньше других боярами стали Бельские. Вслед за князем Дмитрием боярство получил его брат кн. Иван в 1534 г., а много позднее — его сын также Иван (1557 г.). В 1550 г. боярином стал В. И. Воротынский, а его брат Александр — в 1560 г. И. Ф. Мстиславский вступил в Боярскую думу в 1549 г., а братья Михаил и Юрий Глинские — в 1547 г.[186], когда реальная власть в стране перешла в их руки. Борьба в малолетство Ивана Грозного Бельских и Шуйских во многом объясняется еще соперничеством служилых князей со старой княжеской аристократией Северо-Восточной Руси.

След обособленного положения «служилых князей» среди московской знати находим и позднее в Дворовой тетради 50-х годов XVI в. Здесь после перечня лиц, входивших в думные чины, помещен раздел «Князи и дети боярские дворовые», который открывается рубрикой «Князи служилые» [187]. Среди служилых князей находятся в это время И. Д. Бельский, Трубецкие, М. И. и А. И. Воротынские, В. М. Глинский, Д. С. Одоевский, а также А. В. Черкасский и Иван и Богдан, воеводичи мутьянские [188]. Другие князья-слуги в указанной рубрике отсутствуют. Они уже потеряли остатки суверенных прав в своих вотчинах.

Следующий этап, когда некоторые из потомков служилых князей снова начинают играть видную роль, — опричнина. Но это уже совсем иная проблема [189]. Звание «служилый князь» выходит из употребления к концу XVI в.[190]

[1] Наиболее подробно о ней писал В. И. Сергеевич (*Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. СПб., 1900. Т. 2. С. 302—319).

[2] *Ключевский В. О.* Боярская дума древней Руси. Пг., 1919. С. 227.

[3] *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Ист. зап. М., 1947. Т. 22. С. 101—131.

[4] *Зимин.* Состав Боярской думы. С. 41—87.

[5] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 46—52.

[6] Творцы опричнины, по словам Р. Г. Скрынникова, «никогда не выступали последовательными противниками крупнейшего удельно-княжеского землевладения» (*Скрынников.* С. 173). Скрынников удельными князьями считает Мстиславских, Воротынских, Одоевских, Трубецких (*Скрынников Р. Г.* Опричный террор. М., 1969. С. 183—197 и др.). Н. Е. Носов по жалованным грамотам князей А. И. Воротынского (1547 г.) и Ф. М. Мстиславского (1538 г.) судит о тарханах, которыми обладали бояре (*Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 103). Однако оба князя еще не входили тогда в состав боярства и сохраняли статут служилых князей. То же относится в какой-то мере и к положению князей Пенковых в 1530 г., сохранивших некоторые черты положения служилых князей.

[7] *Каштанов С. М.* Книга о русском войске XVI в. // Военно-исторический журнал. 1965. № 12. С. 87—90.

[8] *Мордовина.* С. 326—340.

[9] *Кобрин В. Б.* О формах светского феодального землевладения в Русском государстве конца XV—XVI в. // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1969. № 309. С. 3—17.

[10] ДДГ. № 15. С. 42.

[11] «А князей ти моих служебных с вотчиною собе в службу не приимати. А которыми имут тобе служити, и им в вотчину в свою не вступатися» (Там же. № 24. С. 65; ср. С. 67).

[12] Там же. № 82. С. 328; № 81. С. 322.
[13] Там же. № 79. С. 298, 300.
[14] Оболенские еще в середине XVI в. составляли особую корпорацию, но в состав служилых князей не входили (Тысячная книга. С. 118).
[15] Там же. С. 123; ДДГ. № 104. С. 434—435.
[16] В завещании Василия II около 1461—1462 гг. есть еще специальный пункт: «А князи ростовские, что ведали при мне, при великом князи, ини по тому и деръжат и при моей княгине, а княгини моя оу них в то не въступается» (ДДГ. № 61. С. 195).
[17] В середине XVI в. князья Ростовские, так же как и Оболенские, Ряполовские и Суздальские, образовывали особую корпорацию, но в состав служилых князей уже не входили (Тысячная книга. С. 120).
[18] В середине XVI в. ярославские князья сохраняли корпоративное единство, но служилыми князьями не числились. В завещании 1572 г. Иван IV, передавая Ярославль своему сыну Федору, предусматривал, что тот не будет «отнимати» вотчин ярославских князей. Но, в свою очередь, эти княжата и их дети не могли со своими вотчинами «отъехати». В противном случае они лишались своих владений (ДДГ. № 104. С. 442).
[19] Ветвь Гедиминовичей, происходящая от Патрикия Наримонтовича (Патрикеевы), рассматривалась выше, в гл. 1.
[20] ПСРЛ. Т. 28. С. 152; НПК. Т. 2. Стб. 703—735.
[21] ПСРЛ. Т. 28. С. 324, 330. В этой связи, очевидно, по нем и были составлены «поручные» (ГАР. С. 69 (ящик 147), 351—352). О его женитьбе см.: *Герберштейн.* С. 72—73 (ошибочно назван Василием). ДДГ. № 89. С. 357.
[22] ДДГ. № 89. С. 357.
[23] АЗР. Т. 1. № 126; ПСРЛ. Т. 28. С. 333. Упоминается как «слуга» Василия III на своих землях до 1507 г. (Сб. РИО. Т. 35. С. 483).
[24] Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 182, 210; *Герберштейн.* С. 113.
[25] РК. С. 28, 36; Р. С. 56.
[26] Род. кн. Ч. 1. С. 47—48.
[27] *Лихачев.* Заметки. С. 70—71.
[28] ПСРЛ. Т. 8. С. 266—267; РК. С. 65, 67; *Герберштейн.* С. 108, 148, 151—152.
[29] РК. С. 80; СГГД. Ч. 1. № 152. С. 420—422. Не к этому ли времени относится «сказка на князя Дмитрея да на князя Ивана на Бельских и (очевидно, лишнее «и». — *А. З.*) их человека Ивашка Бажанина» (ГАР. С. 50 (ящик 42), 203—204).
[30] РК. С. 9; СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428—430. Упоминался первым среди воевод, посланных «по вестям» на Коломну в 1526/27 г. (Р. С. 199). Возможно, разряд нужно датировать осенью 1527 г.
[31] ЛОИИ. Собр. Лихачева. № 365. Л. 852 об.
[32] РК. С. 74, 80; ЦГАДА. Ф. 146 (Розыскные дела). № 5.
[33] Впрочем, не вполне ясно, кто владел Лухом — сам ли Дмитрий или его братья Иван и Семен. В последнем случае получается, что Д. Ф. Бельский фактически потерял свою «вотчину-княжение» и уже ничем не отличался от обычных ростовских, ярославских и других княжат Северо-Восточной Руси.
[34] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 558.
[35] Сб. РИО. Т. 59. С. 2; РК. С. 83, 87—89, 92, 93; *Зимин.* Состав Боярский думы. С. 52. Есть сведения о том, что Д. Ф. Бельский был владимирским наместником (декабрь 1533 г., июль 1537 г.) (*Зимин.* Наместническое управление. С. 273).
[36] РК. С. 13, 68, 69, 72—74, 83; СГГД. Ч. 1. № 152. С. 420—422; ПСРЛ. Т. 6. С. 265; Т. 29. С. 42, 141; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 249 и след.; *Каштанов.* История. С. 344—347; РИБ. Т. 31. Стб. 167; *Лихачев.* Заметки. С. 71.
[37] ЛОИИ. Собр. Лихачева. № 365. Л. 852 об.; РК. С. 80, 81, 83, 84; ПСРЛ. Т. 26. С. 315. По Ш, боярин с 1521/22 г., бежал в 1534/35 г. О его боярстве в Государеве родословце не говорится (Род. кн. Ч. 2. С. 48).
[38] Владения И. Д. Бельского находились во Владимире, Ростове и Бежецке (*Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897. С. 209).
[39] *Базилевич.* С. 451.
[40] См., например, шертные грамоты татарских ханов с упоминанием об этом (Сб. РИО. Т. 95. С. 659, 1519 г.), духовную Ивана IV (ДДГ. № 104. С. 435).

Подробнее см.: *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 202—203; *Мордовина.* С. 333—334. В Троицком соборе Трубчевска находилась усыпальница Трубецких (*Левенок В. П.* Надгробия князей Трубецких // Сов. археология. 1960. № 1. С. 245—253).

[41] *Трубецкая Е. Э.* Сказания о роде князей Трубецких. М., 1891. С. 307—308; АЗР. Т. 1. № 125. Сохранилась надгробная плита некоего князя Ивана (Семеновича или Юрьевича) Трубецкого, умершего 15 января 1520 г. (*Левенок В. П.* Указ. соч. С. 245).

[42] Сб. РИО. Т. 35. С. 399; Р. С. 102; РК. С. 87, 88. Михаил Андреевич (умер 5 декабря 1556 г.) был «за городом» наместником в Рязани в 1536—1538 гг. (РК. С. 90, 91, 95). Князь Семен умер 20 января 1566 г., Андрей — 16 мая 1546 г. (*Левенок В. П.* Указ. соч. С. 247, 249), а братья Андрея Иван умер в 1538 г. и Федор — в 1540 г. О последнем см. духовную А. И. Шадрина 1525 г. (АРГ 1505—1526 гг. № 251. С. 254).

[43] Род. кн. Ч. 1. С. 44.

[44] РК. С. 75, 77, 80.

[45] *Кобрин В. Б.* Состав Опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 78—79; *Скрынников.* С. 167—168.

[46] ИЛ. С. 164, 166.

[47] Р. С. 198. 12 сентября 1527 г. Сигизмунд дал жалованную грамоту на Мстиславль М. И. Мстиславскому (до смерти), а 19 августа 1528 г. Яну Ильиничу (АЗР. Т. 2. № 148, 155).

[48] Еще в 1533 г. в разрядах его называли то «Жеславским», то «Мстиславским» (РК. С. 82).

[49] ПСРЛ. Т. 26. С. 313; РК. С. 70, 72, 73. Летом 1529 г. на Кашире уже другие воеводы (РК. С. 73).

[50] ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. 522; ср. С. 520; СГГД. Ч. 1. № 157. С. 433—435; ГАР. С. 49 (ящик 39), 198.

[51] ПСРЛ. Т. 28. С. 161; СГГД. Ч. 1. № 159. С. 439.

[52] СГГД. Ч. 1. С. 439—443. В Государственном архиве хранились «списки княж Федоровы Мстиславского, как приехал в Можаеск, и прежнее его дело, что было ему ехати в Литву» (ГАР. С. 44 (ящик 27), 161). Как видим, в первом случае было только «дело», а во втором (1531 г.) Мстиславский добрался уже до Можайска.

[53] Первая жалованная грамота Ф. М. Мстиславского на ярославские земли датируется 22 июня 1533 г. (ЦГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). Ярославль, № 8/14756). См. также: *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 206—207; *Веселовский С. Б.* Последние уделы. С. 117—119; *Мордовина.* С. 331—333. По ярославским писцовым книгам 60-х годов XVI в., у кн. И. Ф. Мстиславского только пашни было около 20 тыс. дес. (*Левочкин И. В.* Сельское хозяйство Ярославского Поволжья во второй половине XV и в XVI вв. М., 1970. Канд. дис. С. 42—43).

[54] РК. С. 82, 96; ДРВ. Ч. 19. С. 384; *Мятлев Н.* К родословию князей Мстиславских // ЛИРО. М., 1915. Ч. 1—4. С. 303.

[55] *Зимин.* Состав Боярской думы. С. 61. Подробнее о нем см.: *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. С. 51—52; *Скрынников.* С. 161—162 (ошибочно считает его «удельным князем»). И. Ф. Мстиславский получил от Ивана IV жалованные грамоты 27 августа 1548 г. и 2 декабря 1550 г. [АФЗХ. Акты Московского Симонова монастыря / Сост. Л. И. Ивина. Л., 1983. № 100]. Следовательно, к лету 1548 г. кн. Иван уже потерял суверенные права служилого князя. Поэтому нельзя отождествлять его положение в 1548—1550 гг. с положением его отца в 1538 г., который сам выдавал иммунитетные грамоты (ср.: *Носов Н. Е.* Указ. соч. С. 103).

[56] От Константина Юрьевича Оболенского, убитого Ольгердом.

[57] ПСРЛ. Т. 28. С. 319; Сб. РИО. Т. 35. С. 47—51, 58.

[58] Сб. РИО. Т. 35. С. 58, 152, 262; АЗР. Т. 1. № 109.

[59] ДДГ. № 83. С. 330.

[60] Р. С. 97; РК. С. 45, 47, 50, 58; Род. кн. Ч. 1. С. 181. По Ш, И. В. Белевский — боярин с 1513/14 г., умер в 1522/23 г. В Государеве родословце о его боярстве не говорится (Род. кн. Ч. 1. С 181). Полагают, что И. В. Белевский в 1525 г. основал Спасо-Преображенский монастырь в Белеве (*Зверинский В. В.* Материал.

для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2. № 1170. Стб. 331).

[61] РК. С. 66, 76–78, 80, 82, 83.

[62] И. И. Белевский упоминается в походе 1534/35 г. в качестве первого воеводы сторожевого полка (Там же. С. 86), летом 1535 г. — вторым воеводой передового полка (Там же. С. 87) и летом 1536 г., когда должен был находиться на Коломне (вторым воеводой левой руки), но был «у себя в Белеве» (Там же. С. 89).

[63] *Власьев.* Т. I, ч. 1. С. 47. По С. Б. Веселовскому, умер до 1555 г. (*Веселовский С. Б.* Последние уделы. С. 121).

[64] ДДГ. № 104. С. 435.

[65] *Веселовский С. Б.* Последние уделы. С. 121.

[66] Род. кн. Ч. 1. С. 180; РИИР. Вып. 2. С. 112—113.

[67] *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 89; *Базилевич.* С. 292—293; *Зимин А. А.* Новгород и Волоколамск в XI–XV вв. // Новгородский исторический сборник. Новгород. 1962. Вып. 10. С. 112; ДДГ. № 60. С. 192—193.

[68] РИИР. Вып. 2. С. 112. Там же указано, что Федор Михайлович был убит на «Кщеневе» татарами (С. 113).

[69] Сб. РИО. Т. 35. С. 4–5; *Базилевич.* С. 291—292. Брат его деда — кн. Иван Юрьевич в ноябре 1463 г. сделал вклад в Зачатьевский монастырь, находившийся в 10 верстах к северу от Лихвина по дороге в Перемышль (*Преображенский М. Т.* Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. СПб., 1891. С. 64).

[70] ПСРЛ. Т. 28. С. 154; Сб. РИО. Т. 35. С. 39—40, 47; РК. С. 22. Упоминается в 1497—1498 гг. (Сб. РИО. Т. 35. С. 232—234).

[71] Сб. РИО. Т. 35. С. 80—84; АЗР. Т. 1. № 109.

[72] ДДГ. № 83. С. 330. В Описи Государственного архива упоминается «грамота Воротынских князей с Олександром королем» (ГАР. С. 52 (ящик 54), 223–224). Были еще «Списки судные Воротынских князей и Одоевских старые» при Василии II (Описи Царского архива. С. 50).

[73] Федор, очевидно, женат был на дочери кн. Ярослава Оболенского (РИИР. Вып. 2. С. 113).

[74] РК. С. 23; ПСРЛ. Т. 24. С. 221.

[75] Сб. РИО. Т. 35. С. 136 (1494 г.).

[76] Последний раз Дмитрий и Семен упоминаются в разрядах 1496 г., причем Семен «был болен» (РК. С. 27).

[77] ДДГ. № 89. С. 355, 359, 360.

[78] Р. С. 98, 102, 120; РК. С. 38—40, 42, 47—50, 53, 55—61, 63.

[79] РК. С. 66, 67. Есть неясное сведение, что И. М. Воротынский был в 1520/21 г. наместником на Костроме (Р. С. 179).

[80] ПСРЛ. Т. 24. С. 221; СГГД. Ч. 1. № 154. С. 425—427.

[81] РК. С. 71, 73, 74, 77, 78, 80, 83.

[82] Там же. С. 58; *Назаров В. Д.* Тайна челобитной Ивана Воротынского // Вопр. истории. 1969 г. № 1. С. 210—218.

[83] В. Д. Назаров датирует челобитную 1525 г. Однако о поездке Василия III в Александрову слободу в 1525 г. летописи молчат, а именно в слободе был великий князь, когда была передана ему эта челобитная. Поэтому челобитную можно датировать и осенью 1526 г.

[84] ДДГ. № 104. С. 435; ПСРЛ. Т. 13. С. 344. Подробнее о М. И. Воротынском см.: *Веселовский С. Б.* Последние уделы. С. 114—115; *Скрынников.* С. 163—167.

[85] *Власьев.* Т. I, ч. 1. С. 53; РК. С. 83. О владениях Воротынских в конце XVI в. см.: *Мордовина.* С. 328 и след. К 1531/32 г. М. И. Воротынский был должен «за соболи» 20 руб. благовещенскому протопопу Василию (ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). № 281. Л. 1).

[86] ПСРЛ. Т. 13. С. 79. В копии надгробной плиты — 21 июня 1535 г. (*Гиршберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1. С. 22—23; *Сахаров И.* История общественного образования Тульской губернии. М., 1832. Ч. 1. С. 206—207). Эту дату принимает и обосновывает В. Д. Назаров.

[87] ЦГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). № 9552. Л. 2 (1561 г.). Наблюдение это сделано В. Д. Назаровым.
[88] ПСРЛ. Т. 28. С. 136.
[89] ДДГ. № 60. С. 192—193.
[90] Сб. РИО. Т. 35. С. 57, 59, 65. Федор в 1494 г. держал Дорогобуж (Там же. С. 141). К лету 1497 г. он уже умер (Там же. С. 232).
[91] ДДГ. № 83. С. 330.
[92] РК. С. 34, 39, 40. В 1508 г. он с Василием Шемячичем встречал М. Л. Глинского (Р. С. 102). В крымских делах под 1516 г. упоминается Иван Одоевский (Сб. РИО. Т. 95. С. 391).
[93] РК. С. 35, 48, 56, 58, 60, 64, 66, 67, 70—72; Р. С. 98; ИЛ. С. 191; ДДГ. № 96. С. 396. По Ш, боярин с 1505/06 г., умер в 1533/34 г. В Государеве родословце о его боярстве не говорится (Род. кн. Ч. 1. С. 182).
[94] Р. С. 122; РК. С. 70, 72, 76—78. По Ш, Ф. И. Одоевский — боярин с 1527/28 г., умер в 1546/47 г., а Р. И. Одоевский — с 1532/33 г. В Государеве родословце об их боярстве не говорится (Род. кн. Ч. 1. С. 183).
[95] РК. С. 82, 83. По Ш, боярин В. С. Одоевский умер в 1533 г.
[96] РК. С. 102, 108. Сын Василия Семен уже в мае 1533 г. возглавляет с окольничим И. В. Ляцким рать на Туле (Там же. С. 81). Последний раз упоминается в разрядах в 1543 г. (Там же. С. 104).
[97] *К[азанский] П.* Село Новоспасское. М., 1847. С. 115—116.
[98] РК. С. 92; ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). Кн. 527. Л. 226 об.—227.
[99] РК. С. 39, 40, 42; Р. С. 186, 188.
[100] В своей челобитной И. М. Воротынский писал: «пожаловал меня. . .в Старом Одоеве своим жалованьем — своими двемя жеребьи да княж Петровским жеребьем Семеновнча» (*Назаров В. Д.* Указ. соч. С. 211).
[101] Подробиее см.: *Скрынников.* С. 167; *Веселовский С. Б.* Последние уделы. С. 114—115.
[102] Сб. РИО. Т. 35. С. 300, 399; *Базилевич.* С. 451; РК. С. 49.
[103] *Власьев.* Т. I, ч. 1. С. 118, 123—124, 133, 144; Тысячная книга. С. 124; *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 204—205.
[104] ПСРЛ. Т. 28. С. 157, 158; РК. С. 22; АЗР. Т. 1. № 109; *Базилевич.* С. 300. Роман Андреевич Мезецкнй выдал свою дочь за кн. Андрея Васильевича примерно в 1470 г. (ПСРЛ. Т. 6. С. 190).
[105] ДДГ. № 83. С. 330.
[106] Сб. РИО. Т. 35. С. 230, 248. Петр Федорович купил у своего дяди Ивана Андреевича его треть в Мезецке, которую еще до 1494 г. отнял у него Мнхаил Романович (Сб. РИО. Т. 35. С. 147). Иван Федорович Сухой упоминается в акте 1522/23 г. (АРГ 1505—1526 гг. № 215).
[107] ДДГ. № 89. С. 355, 360.
[108] Их генеалогню см.: *Татищев Ю. В.* Род князей Мезецких // ИРГО. СПб., 1903. Вып. 2. С. 48—71.
[109] РК. С. 45, 46, 50, 52.
[110] Там же. С. 56, 58, 60, 71, 73, 74; *Лихачев.* Заметки. С. 85.
[111] РК. С. 59, 62, 66, 73, 75—77, 81, 82, 85; Р. С. 163, 217; Род. кн. Ч. 1. С. 210; ЦГАДА. Ф. 123 (Крымские дела). Кн. 8. Л. 116, 225 об. «Дела рославские со князем Васильем Мезетцким» хранились в Государственном архиве (ГАР. С. 43 (ящик 26), 150—151).
[112] Тысячная книга. С. 184.
[113] Род. кн. Ч. 1. С. 211.
[114] АРГ 1505—1526 гг. № 214, 215. И. М. Мезецкий заложил село в 1523 г. (Там же. № 219); в 1526 г. межевались его земли в Стародубе Ряполовском (ЦГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономни). Суздаль, № 17/11796). Владения Мезецкнх также находились в Стародубе Ряполовском и Бежецком верхе (*Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 208).
[115] Сб. РИО. Т. 35. С. 81, 107 (лето 1493 г.); АЗР. Т. 1. № 109; *Базилевич.* С. 300.
[116] Род. кн. Ч. 1. С. 96.
[117] Сб. РИО. Т. 35. С. 73.
[118] ПСРЛ. Т. 28. С. 158. Правда, кн. Михаил Дмитриевич в этом же году был сослан на Двину, где он и «умре в железех» [ПСРЛ. Т. 37. С. 98].
[119] ДДГ. № 83. С. 330; № 89. С. 355; Сб. РИО. Т. 35. С. 199.

[120] Тысячная книга. С. 146, 150, 208. Михаил Черный Вяземский в 1519 г. служнл в сторожевом полку «на берегу» (РК. С. 62).
[121] См. термин «украинные князья» под 1503 г. (Сб. РИО. Т. 35. С. 357).
[122] ПСРЛ. Т. 28. С. 112.
[123] АЗР. Т. 1. № 139, 167.
[124] Сб. РИО. Т. 35. С. 399. Стародуб, Чернигов, Гомель в это время были в его вотчине (ПСРЛ. Т. 23. С. 196). С ннми Семен Иванович перешел на службу Ивану III (ПСРЛ. Т. 32. С. 166). Получнл еще Мглин, Почап, Дроков и Попову гору (Сб. РИО. Т. 35. С. 430); АЗР. Т. 1. № 180; Сб. РИО. Т. 35. С. 299—300, 399; ПСРЛ. Т. 24. С. 203; РК. С. 32—34.
[125] РК. С. 16; ГАР. С. 48 (ящнк 36/II), 190. Волости по Угре, Товарков и Конопкарь, данные Василию Шемячичу и Василию Стародубскому, упоминал Иван IV в своем завещании 1572 г. (ДДГ. № 104. С. 440—441).
[126] РК. С. 38, 41, 45, 50 ; Р. С. 115; ИЛ. С 191. О Василии Ивановиче упоминалось в русско-литовском договоре 1508 г. (АЗР. Т. 2. № 43).
[127] Сб. РИО. Т. 95. С. 104. О князьях Стародубских упоминалось позднее в 1516 г. (Там же. С. 292, 300, 301, 393, 395). См. также: Сб. РИО. Т. 35. С. 728, 729, 752, 759.
[128] Сб. РИО. Т. 95. С. 554, 555. По В. Д. Назарову, Василий Стародубскнй умер в конце 1517—начале 1518 г. (АРГ 1505—1526 гг. С. 317).
[129] АРГ 1505—1526 гг. № 169, 175.
[130] ПЛ. Вып. 1. С. 52; РИБ. Т. 31. Стб. 326.
[131] ПСРЛ. Т. 28. С. 333; АЗР. Т. 1. № 180.
[132] О термине «слуга» см.: Сб. РИО. Т. 41. С. 557; Т. 35. С. 339; РК. С. 34. См: «Тетрати, писан князь Семенов Стародубского и Шемячичев приезд» (ГАР. С. 47 (ящик 36/II), 189). О Шемячиче см. также: *Stökl G.* Die Entstehung des Kosakentums. München, 1953. S. 136—142.
[133] О Радогощи см.: АИ. Т. 1. № 124. С. 178. О Новгороде Северском и Рыльске см.: ПСРЛ. Т. 32. С. 166.
[134] О торговом значении Путивля см.: *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956. С. 16—17, 49. Суверенитет Шемячича над Путивлем убедительно доказан В. Д. Назаровым на основаиии порядка упоминания городов в договоре 1522 г. (Сб. РИО. Т. 35. С. 638—639).
[135] Сб. РИО. Т. 95. С. 69, 187 и др.; ПСРЛ. Т. 23. С. 196.
[136] Сб. РИО. Т. 95. С. 239, 493, 509; ПСРЛ. Т. 13. С. 28.
[137] О Б. Ф. Глннском см.: *Backus O.* Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow. 1377—1514. Lawrence, Kansas, 1957. P. 139.
[138] Сб. РИО. Т. 35. С. 491, 494, 661; АЗР. Т. 2. № 76.
[139] *Герберштейн.* С. 109.
[140] *Дунаев.* Максим Грек. С. 34; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. С. 50.
[141] ПСРЛ. Т. 26. С. 313; Тысячная книга. С. 208.
[142] АСЭИ. Т. 1. № 659. С. 584—585. О волостях на Угре, пожалованных Шемячичу и Стародубскому, см. выше.
[143] ЦГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегин экономии). Малый Ярославец, № 6/7696. О грамоте см.: *Каштанов.* История. С. 265.
[144] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. С. 49.
[145] *Лихачев Н. П.* О происхождении Яновых // ИРГО. СПб. 1900. Вып. 1. С. 153; ИЛ. С. 172.
[146] Род. кн. Ч. 2. С. 159. Его старший брат Михаил Шарап бежал в Литву с кн. Василием Верейским (откуда и связи с Шемячичем).
[147] Родословная книга по трем спискам // Временник ОИДР. М., 1851. Вып. 10. С. 63 («служил в Литве Шемячичю»); РК. С. 62.
[148] ДДГ. № 104. С. 440, 441.
[149] РК. С. 38—40; Р. С. 102. Согласно завещанию П. М. Плещеева (до 1510 г.), у Шемячича надо было душеприказчикам взять 10 руб. (АРГ 1505—1526 гг. № 59. С. 61).
[150] «Что будьтость наперед сего слуга наш князь Василей Семеновичь обговорил тебя нам, что уряживаешся королю служити» (СГГД. Ч. 2. № 28. С. 34—35).
[151] СГГД. Ч. 2. № 69. С. 36; ср.: Описи Царского архива. С. 52; ЦГАДА. Ф. 197 (Малиновского). Портф. 2. № 138.

[152] РК. 45; ИЛ. С. 193.
[153] Сб. РИО. Т. 95. С. 88, 167, 175, 176; РК. С. 50; ПСРЛ. Т. 13. С. 28.
[154] АИ. Т. 1. № 124.
[155] Сб. РИО. Т. 95. С. 175—176, 527; РК. С. 62. Возможно, в связи с этим делом взята «запись целовальная, на чом целовали послы князя Василья Шемятнча великого князя бояром» (Описи Царского архива. С. 52).
[156] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 541; Т. 6. С. 264, 281; Т. 24. С. 222 (11 мая); *Дунаев.* Максим Грек. С. 59.
[157] О храбрости Шемячича писал и А. М. Курбский (РИБ. Т. 31. Стб. 326): он вспоминал князя Василия как «мужа славнаго и зело храбраго и искусного в богатырских вещах. . . пагубу бусурманов, яже не токмо отчину свою Северу. . . оборонял. . . зело часто, но и на днкое поле под самую орду Перекопскую ходяще многажды. . .».
[158] РК. С. 62, 67.
[159] *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1973. С. 161 (в летописном тексте ошибочно Ахмат-Кирей; ср.: ПСРЛ. Т. 34. С. 13—14).
[160] *Герберштейн.* С. 109—111.
[161] ААЭ. Т. 1. № 172. С. 144.
[162] РИБ. Т. 31. Стб. 326—329.
[163] ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. 522; Т. 30. С. 203. В марте 1524 г. был еще «на Москве» (*Дунаев.* Максим Грек. С. 59).
[164] *Николаева Т. В.* Новые надписи на каменных плитах XV—XVII в. из Троице-Сергиевой лавры // Нумизматика и эпиграфика. М., 1966. Т. VI. С. 227—229; *Садиков П. А.* Последние Шемячичи. Рукопись // ЛОИИ. Ф. 263 (П. А. Садикова). № 8.
[165] См. разрядную книгу, опубликованную в «Зап. Отд-ния русской и славянской археологии Археологического о-ва» (СПб. 1851. Т. 1. Отд. 1. С. 105). Между 1534 и 1547 гг. Иван IV выдал грамоту старице Евфимии Шемячичевой на сельцо Глядково Суздальского уезда (АИ. Т. 1. № 145). В Государственном архиве хранилась какая-то грамота «Шемячичевские княгини» (ГАР. С. 43 (ящик 26), 154). Князь Юрий Васильевич Путятин, служивший в Литве, был женат на сестре Василия Шемячича (Родословная книга по трем спискам. С. 86).
[166] М. Е. Бычкова обратила внимание на очень интересную память, содержащую сведения о происхождении кн. Михаила Глинского и его службе в Москве (*Лихачев.* С. 417—418). См.: *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 107—125.
[167] ПСРЛ. Т. 8. С. 250; Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 г. // СА. 1970. № 5. С. 72—73.
[168] М. Л. Глинский дал особую запись «о королеве и великой княгине Олене, как ей зелье давал Сопегин человек» (ГАР. С. 44 (ящик 27), 163—164). После «поимания» княгини Елены и началась русско-литовская война.
[169] РК. С. 49, 52, 53. Князь Иван Васильевич Глинский в 1520/21 г. наместничал на Костроме (Р. С. 179). Он был там же в 1543 г. (РК. С. 106). Юрий Васильевич появляется в разрядных книгах в 1538 г. (Там же. С. 94).
[170] *Герберштейн.* С. 169—170; ПСРЛ. Т. 8. С. 257—258. О супруге М. Л. Глинского см.: АИ. Т. 1. № 120.
[171] ПСРЛ. Т. 8. С. 271, 272; Т. 22, ч. 1. С. 521.
[172] СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428—429.
[173] В Государственном архиве хранились «книги города Юрьевъца, что было за князем за Михаилом за Глинским» (ГАР. С. 62 (ящик 110), 276). В 1526/27 г. М. Л. Глинский купил у И. Г. Морозова с. Звягино Московского уезда (АРГ 1505—1526 гг. № 286).
[174] РК. С. 75; ПСРЛ. Т. 6. С. 265.
[175] ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). № 281. Л. 3.
[176] РК. С. 14; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 558.
[177] Подробнее см.: *Зимин,* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 230—232.
[178] *Стромилов Н. Г.* Александрова слобода // ЧОИДР. 1883. Кн. 2. С. 78. В 1533/34 г. он прикупил землицу в Ростовском уезде (ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). № 284). Летом 1534 г. он передает купленную им землю в Московском уезде в Троицкий монастырь (Там же. Кн. 518. Л. 447—448). Село Городище в Юрьеве Польском

князя Михаила было выменено Иваном IV у его сына Ивана на деревни Суздальского уезда (*Лихачев Н. П.* Сборник актов. СПб., 1895. Вып. 1. С. 63).

[179] Боярнном кн. Михаил назван только в летописном рассказе о болезни Василия III (ПСРЛ. Т. 29. С. 118).

[180] ДДГ. № 60. С. 192—193. Ср. договор с Казимиром 1442 г. новосильского и одоевского князя Федора Львовича (Там же. № 39. С. 117—118).

[181] На основании упоминания о том, что в разрядах 20-х годов XVI в. Горбатые, Микулинский и И. Д. Пенков писались «впереди некоторых бояр, но без боярского звания», С. О. Шмидт склонен («видимо», «возможно») отнести их к числу слуг (*Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 279). Однако автор ссылается лишь на «Указатель к разрядам», тогда как проверка по тексту памятника не подтвердила его наблюдений.

[182] ДДГ. № 101. С. 417.

[183] *Каштанов С. М.* Дипломатика как специальная историческая дисциплина // Вопр. истории. 1965. № 1. С. 43.

[184] Сб. РИО. Т. 95. С. 659.

[185] РК. С. 27.

[186] *Зимин.* Состав Боярской думы. С. 59, 61, 63, 70; РК С. 185.

[187] Тысячная книга. С. 117.

[188] С. Б. Веселовский считает, что Богдан Александрович, Стефан и Радул приехали в Москву около 1565 г. (*Веселовский С. Б.* Последние уделы. С. 121—122; см. также: *Скрынников.* С. 169). В Государственном архиве хранилась «грамота завещальная волошьская Ильяша воевода со царем и великим князем Иваном» (ГАР. С. 67 (ящик 141), 333). Мутьянскнй воеводич Радул и волошский Стефан упоминаются в походе Ивана IV в Новгород в 1572 г. (РК. С. 243).

[189] Подробнее см.: *Скрынников.* С. 152—154.

[190] *Мордовина.* С. 327, 338.

Часть вторая

Нетитулованная знать в Думе

Вступление

Поскольку история Боярской думы XIV — первой половины XV в. обстоятельно изучена С. Б. Веселовским, нет никакой необходимости возвращаться к этому вопросу. Веселовским было установлено, что костяк нетитулованной части феодального совета при великих князьях второй половины XV—первой трети XVI в. составляли представители родов, находившихся на службе московских князей еще в XIV в.

Нетитулованные боярские роды в великокняжеской Думе изучаемого периода по происхождению можно разделить на три неравные по значению группы.

Первую составляли древнейшие роды, сложившиеся и возвысившиеся при московских князьях еще в первой половине XIV в. (Протасьевичи, Ратшичи, Сабуровы, Плещеевы). Являясь основой объединения русских земель в единое государство, Москва была естественной продолжательницей тех центростремительных тенденций, которые наметились еще во Владимиро-Суздальской Руси. Поэтому ко двору московских князей уже в начале XIV в. устремились представители феодальной знати Владимиро-Суздальской Руси (Протасьевичи, потомки Гаврилы Алексича). На первых порах они занимали виднейшие позиции среди московской знати. Тысяцким Ивана Калиты стал Протасий, передавший это звание своим потомкам. Казнь в 1379 г. последнего тысяцкого — Ивана Васильевича не позволила Протасьевичам закрепить свое влияние при дворе московских государей. Зато Кобылины, Сабуровы, Плещеевы и Ратшичи стали костяком великокняжеской Думы.

Вторую группу составляли боярские роды, сложившиеся или возвысившиеся в конце XIV—начале XV в. (потомки легендарного Редеги, Всеволож-Заболоцкие, Морозовы, Старковы). Возвышение Москвы, первые успехи в борьбе с Ордой привели к тому, что московский великокняжеский двор стал центром притяжения для феодальной знати как соседних княжеств, так и русских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского.

Наконец, третью группу образовали те роды, которые сформировались и вошли в состав московской аристократии в XV—

начале XVI в. Это Кутузовы, Новосильцевы, Басенковы, тверские и рязанские бояре, выезжие иноземцы. Только единичным представителям новых родов удалось внедриться в устоявшуюся структуру феодальной аристократии Московского великого княжества. Это были или выезжие купцы — сурожане (Ховрины), или греки, родичи Софьи Палеолог (Траханиотовы). Их знания, богатый опыт дипломатической службы и ведения внешнеторговых операций широко использовались в складывающемся едином Русском государстве, международный престиж которого возрос к концу XV в. Путь новых родов в Думу лежал обычно через великокняжеский Дворец и государеву Казну, назначение в которые не было связано с необходимостью считаться с прочной традицией боярской аристократии.

Традиционность состава боярских фамилий в великокняжеской Думе (характерная также для рязанского боярства и для новгородских посадников) дополнялась стабильностью основы их материального благосостояния — феодального землевладения. Правда, естественный рост числа наследников приводил к дроблению когда-то целостных боярских латифундий [1], но одновременно земельные богатства бояр росли за счет новых возможностей, которые открывались перед ними во время исполнения крупных административных поручений (наместничества и другие должности обеспечивались не только регламентированными кормлениями, но и всевозможными поборами, «посулами» и «дарами», не предусмотренными «доходными списками»).

Корпоративная замкнутость старомосковского боярства увеличивалась многочисленными «перекрестными» браками между представителями узкого круга боярских семей. В результате всего этого во второй половине XV—первой трети XVI в. сложилось могущественное феодально-аристократическое сословие, с которым вынуждена была считаться великокняжеская власть.

В свою очередь, благосостояние московского боярства во многом определялось его традиционной связью с великокняжеским двором. Первоначальные земельные владения этого боярства ограничивались коренными московскими землями. Поэтому старомосковские бояре, численность которых все увеличивалась, были кровно заинтересованы в расширении территории Русского государства, надеясь на то, что оно принесет им и их потомкам новые блага, что их преданность престолу будет щедро вознаграждена пожалованиями чинов и земель. В результате старомосковское боярство стало надежной опорой великокняжеской власти в ее объединительной политике. Это очень убедительно показано С. Б. Веселовским и Л. В. Черепниным на материалах XV в. и Н. Е. Носовым на истории создания губных учреждений [2]. Именно старомосковская нетитулованная знать в отличие от основной массы княжат была тесно связана с Государевым двором, т. е. непосредственно с великокняжескими нуждами.

Предлагаемая ниже группировка нетитулованных боярских родов в целом основана на результатах исследования Веселов-

ского, установившего время их возникновения и возвышения. В выводы Веселовского внесены некоторые коррективы. Так, к родам, выехавшим на Русь или выдвинувшимся при Дмитрии Донском, Веселовский относит Новосильцевых и Кутузовых [3]. Но возвышение Новосильцевых относится только к началу XVI в. Основатель же рода Кутузовых, Федор Кутуз, по наблюдению самого же Веселовского, жил в последней четверти XIV—первой четверти XV в., так что Кутузовых вернее будет относить к родам, возвысившимся в XV в. (ч. II, гл. III).

Сложен вопрос о происхождении рода Морозовых. Веселовский относил его к числу древнейших. Однако возвышение Морозовых при великокняжеском дворе лучше датировать концом XIV—началом XV в. По Веселовскому, дети князя Константина Фоминского перешли на службу московских князей в 50-е годы XIV в. Но в это время они еще находились на положении служилых князей, а их потомки, потеряв княжеский титул, стали боярами не ранее конца XV в.

Нет ясности у Веселовского о времени вхождения в состав боярства потомков Редеги. В одном этюде он пишет, что Константин Добрынский и Одинец, вероятно, «занимали видное место среди бояр в середине XIV в.». В другом же с большей долей убедительности делает вывод, что «о службе Константина ничего не известно, о боярстве его не говорят даже частные родословцы» и что «на исторической сцене родичи Редеги появляются сравнительно поздно» (Александр Белеут — в конце княжения Дмитрия Донского, сыновья Константина Добрынского — при Василии I, а Сорокоумовы — еще позднее) [4]. На этом основании мы рассматриваем потомков Редеги в главе о боярских родах конца XIV—начала XV в. (ч. II, гл. II).

[1] Об этом процессе см.: *Веселовский.* Землевладение.
[2] Там же.; *Черепнин Л. В.* Образование; *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957.
[3] *Веселовский.* Землевладение. С. 491—492.
[4] Там же. С. 291, 302, 488.

Глава первая

Древнейшие боярские роды

Уже во время княжения Ивана Калиты, когда началось возвышение Москвы, происходит процесс формирования того состава боярских семей, которые впоследствии и создали основной костяк нетитулованной части Боярской думы.

В Москву в первой половине XIV в. устремились и дальновидные представители владимиро-суздальской знати (Протасьевичи, Ратшичи), и выезжие из русских земель, попавших под власть растущего Литовского княжества (Плещеевы).

При дворе московских князей немало было и местных бояр (Кобылины), и феодалов из соседних княжеств (костромичи Сабуровы). В дальнейшем не всем представителям местной знати удалось удержать надолго свои позиции (в том числе москвичам Валуевым, коломенцам Мининым). Но основная часть старомосковского боярства во второй половине XV в. сумела сохранить и укрепить свои позиции.

Протасьевичи

Древнейшие страницы истории боярского рода Протасьевичей (так мы условно называем потомков этого московского тысяцкого, получивших в начале XVII в. фамилию Воронцовых-Вельяминовых)[1] уходят своими корнями в историю Киевской Руси. Некоторое время предки Протасия (тысяцкого Ивана Калиты) находились во Владимиро-Суздальском княжестве. Затем выехали в Москву[2] (схема 12).

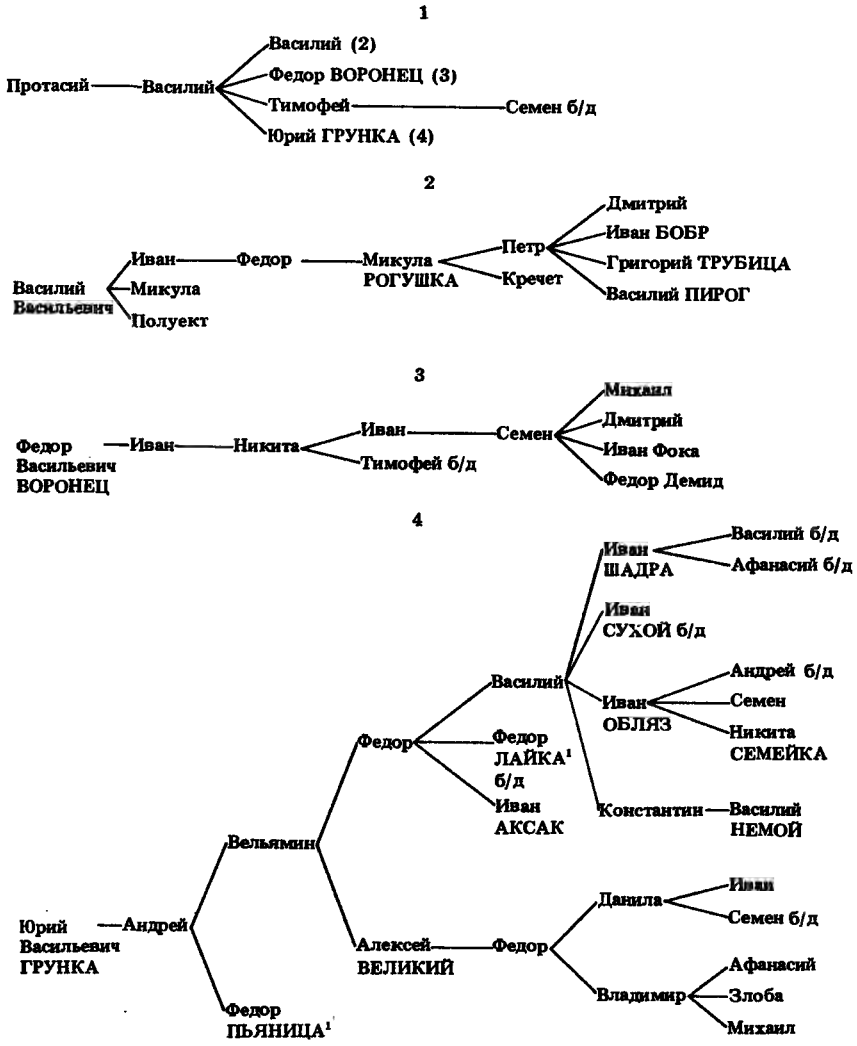
Старшая ветвь внука Протасия Василия Васильевича в связи с казнью его сына Ивана Васильевича в 1379 г. выпала из родовых счетов (дети Ивана «опалы для в своем роду и в счете не стояли»[3]). У Василия Васильевича было еще три брата — Федор Воронец, окольничий Тимофей (его сын умер бездетным) и Юрий Грунка. Федор стал родоначальником Воронцовых, Юрий — Вельяминовых, Аксаковых и Шадриных.

Воронцовы долгое время не могли пробиться к великокняжескому двору из-за удельных связей[4]. Возвышение их связано с именем Семена Ивановича, праправнука Федора Воронца. Его отец Иван Никитич был боярином кн. Юрия Васильевича Дмитровского (около 1461 или 1471 г.)[5]. Семен начал свою карьеру с воеводства в Можайске в 1493 г. Как и многие другие придворные Ивана III, он сопровождал великого князя в его Новгородском походе 1495 г. В 1500 г. присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского, а в конце 1501 г. вместе с кн. А. В. Ростовским сопровождал в Литовский поход в большом полку князей Семена Стародубского и Василия Шемячича. В июне 1505 г. он с кн. И. И. Горбатым находился на заставе в Муроме. В сентябре 1505 г. возглавлял

полк левой руки в войсках кн. В. Д. Холмского, оборонявших Нижний Новгород от Мухаммед-Эмина. В октябре 1506 г. Семен Иванович служил в Муроме при царевиче Янае в большом полку, а позднее в передовом полку у кн. Д. В. Щени. Тогда он якобы, будучи боярином, местничал с Ю. К. Сабуровым, служившим в сторожевом полку [6]. В своем послании 1511 г. Иосиф Волоцкий называет его боярином [7]. В июне 1511 г. ему как исполняющему обязанности дворецкого докладывалась деловая грамота, где он тоже называется боярином, о владениях в Московском, Ярославском и Боровском уездах [8]. С. И. Воронцов принадлежал к числу тех, кто не одобрял переход волоцкого игумена под великокняжеский патронат, поэтому некоторое время был не у дел. В 1512/13 г. Семен Иванович стоял с устюжанами «на перевозе на Кошире». В 1514 г. он появился в войсках на Угре, возглавляя их в чине боярина. В сомнительном местническом деле 1518/19 г. упоминается, что С. И. Воронцов когда-то «проиграл» местнический спор Н. И. Бутурлину. В февральском приговоре 1520 г. он назван четвертым среди бояр. В феврале 1521 г. вместе с сыном Михаилом присутствует на похоронах кн. Дмитрия Углицкого [9]. Умер С. И. Воронцов около 1521/22 г. (до мая 1522 г.) [10].

У С. И. Воронцова было четверо сыновей — Михаил, Дмитрий, Иван Фока и Федор Демид [11]. Все они достигли крупных успехов, двигаясь по служилой лестнице чинов. Михаил Семенович впервые упоминается в разрядах осенью 1512 г., когда он «придан» к воеводам, идущим под Смоленск. Во время второго Смоленского похода 1513 г. он всего-навсего еще второй воевода правой руки, оставленный «на Туле быти береженья для» (охраны). В 1517 г. М. С. Воронцов служил «на Мещере» с воеводами Ф. Ю. Кутузовым и Г. А. Колычевым. В 1519 г. он уже «на берегу» в передовом полку, хотя еще пока вторым воеводой, стоял в этом году он и в Мещере. Во время крымского набега 1521 г. он снова находился в Мещере с кн. П. Д. Ростовским, а затем на Угре. В 1521 г. Михаил Семенович вместе с отцом был на похоронах кн. Дмитрия Углицкого. В 1522 г. он отправился с другими воеводами на Коломну, а затем там же стоял третьим воеводой большого полка. В 1522/23 г. М. С. Воронцов послушествовал в записи своего брата Дмитрия. В 1523 г. он второй воевода большого полка при кн. Б. И. Горбатом на Опочке. Во время похода на Казань 1524 г. он опять второй воевода большого полка только в конной рати. Неудачный исход похода на время задержал продвижение М. С. Воронцова по служебной лестнице. Но в 1531 г. он уже боярин и третий воевода «на берегу» (после В. В. Шуйского и И. В. Хабара). «На берег» Михаил Семенович отправляется снова в 1532 г. На этот раз с кн. С. Ф. Бельским. В 1533 г. он присутствует на свадьбе кн. Андрея Старицкого. В августе того же года М. С. Воронцов в связи с ожидавшимся походом крымских татар посылается вместе с другими воеводами в Коломну. После смерти Василия III, возможно, склонялся к поддержке кн. Михаила Глинского во время его противоборства с племянницей Михаила Еленой [12]. Упоминал-

Схема 12
Протасьевичи



Примечание: [1-1] Б.Р нет.

ся в завещании кн. М. В. Горбатого (до июля 1535 г.)[13]. С 1534 по апрель 1536 г. наместничал в Новгороде (с 1534 по 1535 г. с кн. Б. И. Горбатым)[14]. В 1535 г. вместе с кн. Б. И. Горбатым же заключал русско-шведские и русско-ливонские договоры[15]. В апреле 1536 г. М. С. Воронцов находился в Молвятицах

«для береженья» во время строительства города-крепости Велижа. Получив назначение в большой полк на случай предполагавшегося Литовского похода, он «разболелся» и был замещен другим военачальником [16].

Младшие братья Михаила достигли многого. Дмитрий упоминался в разрядах с 1519 по 1537 г., был наместником в Пскове в январе—ноябре 1534 г.[17] В Думу он не попал, ибо в 1536 г. еще был жив его старший брат Михаил, а в 1537 г. (или вскоре после этого) Дмитрий умер. Уже после его смерти третий из братьев Воронцовых, Иван Фока, стал окольничим [18], затем боярином и тверским дворецким [19]. Федор Демид в разрядах упоминается с 1522 г. К 1544 г. он стал боярином и углицким дворецким. Казнен в 1546 г. Боярами стали и дети М. С. Воронцова Василий (дмитровский дворецкий, казненный в 1546 г.), Юрий и Иван [20]. Владения Воронцовых находились в Переславском уезде [21].

Судьба Шадриных-Вельяминовых складывалась трудно. У Вельямина (младшего брата деда С. И. Воронцова) было двое сыновей — Федор и Алексей Великий. Судя по тому, что потомки их обоих служили по Ржеву и Дмитрову, скорее всего, уже сам Вельямин владел землями в Дмитровском уделе. Связи Протасьевичей с Дмитровом были старинными [22]. Ведь Дмитров был уделом кн. Петра Дмитриевича, женатого на дочери Полуекта Васильевича.

У Федора Вельяминовича было трое сыновей — Василий, Федор Лайка и Иван Аксак. Потомки Ивана — Аксаковы, испомещенные в Новгороде, служили также по Кашину [23].

Четверо сыновей было у Василия Федоровича Вельяминова (боярина кн. Юрия Васильевича Дмитровского около 1461 или 1471 г.[24]) — Иван Шадра, Иван Сухой, Иван Обляз и Константин. Иван Васильевич Шадра в 1491 г., после «поимания» кн. Андрея Углицкого, посылался наместником на Углич [25]. Очевидно, он был неплохим администратором. Во всяком случае, в Вязьме он наместничал около десяти лет, с мая 1495 по февраль 1505 г. (с перерывами) [26]. Может быть, именно он («Иван Васильевич») присутствовал на суде великого князя Ивана Ивановича в начале 80-х годов XV в. Окольничим он называется впервые в 1503 г., хотя мог им быть еще в 1498 г.[27] Получение им боярского чина ранее смерти старшего в роде С. И. Воронцова (умер около 1521/22 г.) было исключено.

В 1507 и 1508 гг. И. В. Шадра дважды возглавлял рать, отправлявшуюся из Дорогобужа в Литву. Последний раз он упоминается в октябрьских разрядах 1509 г., когда отправился вместе с окружением Василия III в Новгород [28]. Еще в 1490—1495 гг. И. В. Шадра брал землю Дмитровского уезда в держание у Троицкого монастыря. Известно также, что около 1470—1490-х годов его земли находились в Костромском уезде. В 1504 г. упоминаются его владения в Московском уезде и Вышгороде. В 1509/10 г. он купил у своего брата Ивана Сухого деревни в Вышегородской волости

Дмитровского уезда. Иван Сухой был также в конце XV в. новгородским помещиком [29].

Другой брат И. В. Шадры — Иван Обляз служил трем удельным князьям. В 1500 г. встречается в разрядах как «князь Борисов воевода» [30] (владения Ивана Обляза располагались во Ржеве, входившем в вотчину этого князя) [31]. В 1507—1512 гг. он известен как воевода у кн. Дмитрия Углицкого, а затем, после его смерти, в том же 1521 г. мы встречаем Ивана Обляза при дворе кн. Юрия Ивановича Дмитровского. Около 1526 г. (а может быть, и раньше) он, покинув Дмитровский удел и перейдя к великому князю, наместничает в Стародубе. В 1527 г. его имя встречается среди поручников по кн. М. Л. Глинском. По родословцам, он окольничий [32]. Впрочем, возможно, это ошибка. В других источниках об окольничестве Ивана Обляза не говорится ничего. Зато в родословцах нет упоминания об окольничестве Ивана Шадры, что подтверждается другими свидетельствами.

У И. В. Шадры было два сына — бездетные Василий и Афанасий. Сохранилась духовная последнего, составленная в сентябре 1525 г.[33] Василий Иванович Шадрин в 1515 г. нес службу в сторожевом полку войск кн. В. С. Одоевского, отпущенных на Тулу. Затем не позднее ноября 1516 г. он попадает в плен к крымцам. В Крыму он стал полуофициальным представителем Москвы и возвратился на родину в феврале 1518 г. В 1521 г. В. И. Шадрин вместе со своим дядей Иваном Облязом стоит на Угре с войсками кн. Юрия Дмитровского. В 1522 г. выступал в качестве послуха в деле о землях Кашинского уезда. В 1523 г. снова упоминался как воевода кн. Юрия. В 1525 г. брат Афанасий завещал ему с. Протасово [34].

По Государеву родословцу, боярином кн. Юрия был и двоюродный брат В. И. Шадрина Василий Немой Константинович (Вельяминов). В 1518 г. он исполнял обязанности его дворецкого [35].

Третий (или второй) сын Федора Вельяминова, Иван Аксак, стал родоначальником Аксаковых. Его четыре сына (Иван, Александр, Дмитрий и Василий) в конце XV в. были испомещены в Новгороде [36].

У брата Федора Вельяминовича Алексея Великого был сын Федор, имевший, в свою очередь, двух сыновей — Данилу и Владимира. Двое детей первого (Иван и Семен) также находились при дворе дмитровского князя Юрия. А сам Данила в 1517/18 г. был его боярином и дмитровским наместником [37].

Ратшичи

У героя Невской битвы Гаврилы Алексича (из рода Ратши), по родословцам, было двое сыновей — Иван Морхиня и Акинф Великий. От первого из них пошли Пушкины, в том числе Курчевы, Рожновы, Товарковы и др.[38]; от второго — Хромые, Чоботовы, Свибловы, Бутурлины. Уже в XIV в. Ратшичи верой и правдой служили московским князьям (схема 13).

У старшего сына Ивана Морхини, Григория Пушки, было семеро сыновей — Александр, Никита, Василий Улита, Федор Товарок, Константин и бездетные Андрей с Иваном [39]. Трое бездетных правнуков Александра Григорьевича служили в конце XV в. новгородскому архиепископу Геннадию [40]. От Никиты Григорьевича пошли Курчевы и Рожновы. Курчевы обосновались в Дмитровском уделе и служили у кн. Юрия Ивановича [41]. Еще в середине XVI в. центром их земельных богатств оставался Дмитров [42]. По Дмитрову и Кашину тогда же служили Рожновы [43]. Так как с Дмитровом были связаны потомки четвертого сына Григория (Федора Товарка) и пятого (Константина) [44], то можно думать, что и сам Григорий был дмитровским землевладельцем.

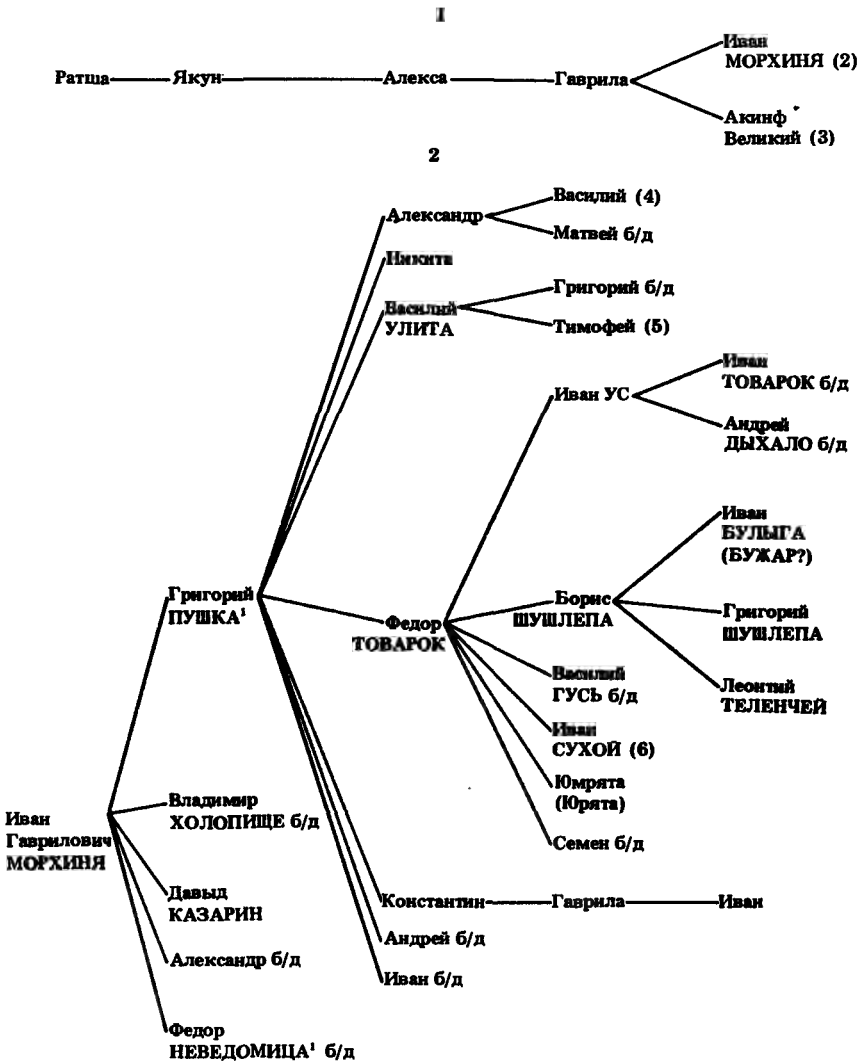
От Василия Улиты ведет свое происхождение ряд семейств — новгородские помещики Мусины-Пушкины [45], калужане Кологривовы [46], служившие по Ржеве Бобрищевы-Пушкины [47], новгородские помещики Шафериковы-Пушкины [48]. Связи с уделами и Новгородом не позволили им выдвинуться при великокняжеском дворе.

Из представителей первой ветви Ратшичей при дворе Ивана III наибольших успехов достигли Товарковы. Федор Григорьевич *Товарок был еще боярином Василия II в 1433 г.*[49] В 1471 г. Иван Ус Федорович Товарков посылался в Новгород с ультиматумом, предъявленным новгородцам Иваном III. В сентябре 1476 г. Иван III посылает своих «бояр» И. Ф. Товаркова и Ю. И. Шестака во Псков в связи с жалобой местного населения. Участвовал Товарков и в переговорах с новгородцами в январе 1478 г. В 1480 г. «боярина» Ивана Уса Товаркова направили к Ахмату с предложением мира. В 1483 г. он принимал участие в размежевании земель Ивана III и Бориса Волоцкого. Очевидно, ему (Ивану Товаркову) около этого года завещал 5 руб. И. И. Салтык. Скорее всего, на его дворе («Иванове дворе Товаркове») в 1484 г. пытали новгородцев, а возможно, он же (Иван Товарков) еще до 1486 г. «держал» митрополичью землю [50].

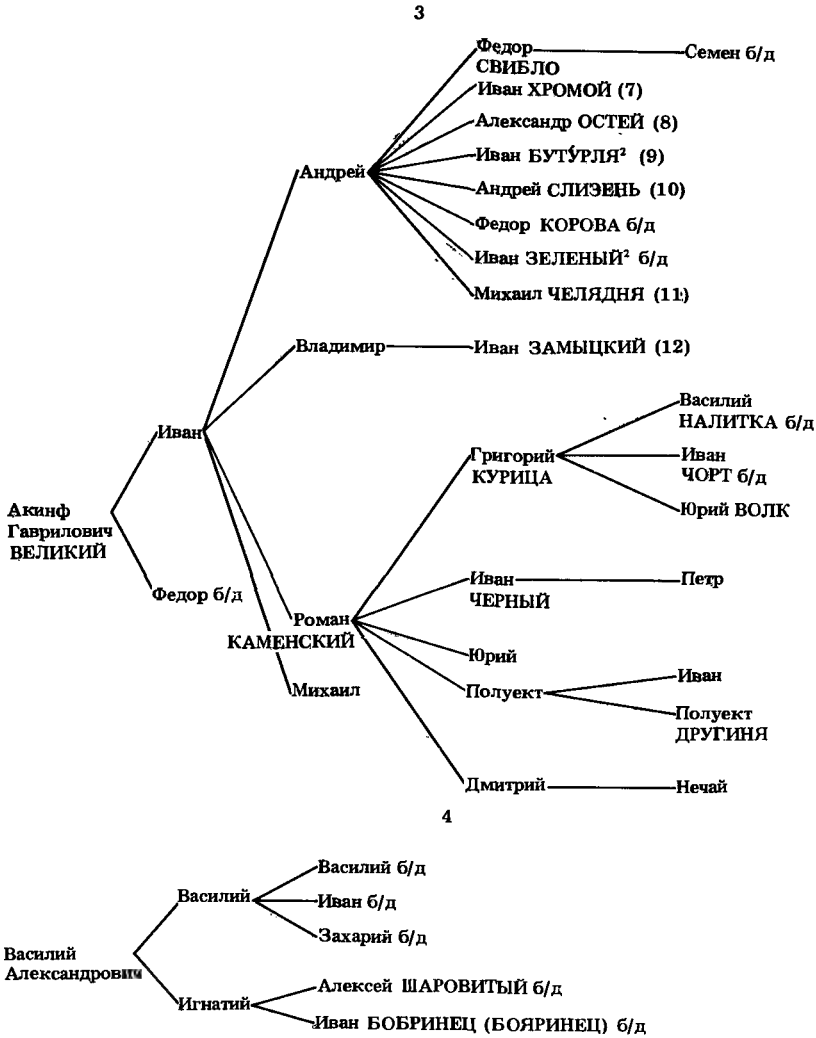
У Ивана Уса было двое бездетных сыновей — Иван Товарок (по Государеву родословцу, окольничий) и Андрей Дыхало. Известие об окольничестве Ивана Ивановича Усова не подкреплено показаниями других источников. Он вообще неизвестен памятникам, говорящим о служилых людях конца XV в. Сведение Государева родословца об его окольничестве, возможно, ошибочно, и его следует скорее отнести к Ивану Ивановичу «Сухого».

Брат Ивана Уса Борис Шушлепа в 1457 г. служил боярином кн. Юрия Васильевича Дмитровского [51]. О другом брате (Юряте, или Юмряте) известно только то, что в 1500 г. он присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского [52]. Сын еще одного брата Товарковых — Ивана Сухого — Иван Молодой (по родословцам, Иван Малой) в конце 1475 г., будучи сыном боярским, участвовал в походе «миром» Ивана III на Новгород («Иван Молодой»). Ездил он («Иван Товарков») вместе с другими детьми боярскими с Иваном III в тот же Новгород и в конце 1479 г.[53]

Схема 13
Ратшичи



Некий «Иван Иванович» «приказал» жалованную грамоту Ивана III в 1485 г. Был ли это Товарков, как думает Г. Алеф, или Кошкин, сказать трудно[54]. Жена И. И. Товаркова вторым браком была замужем за кн. Семеном Романовичем Ярославским. Уже после смерти обоих мужей она в 1512 г. передала в Волоколамский монастырь на помин души первого мужа вотчину в Дмит-

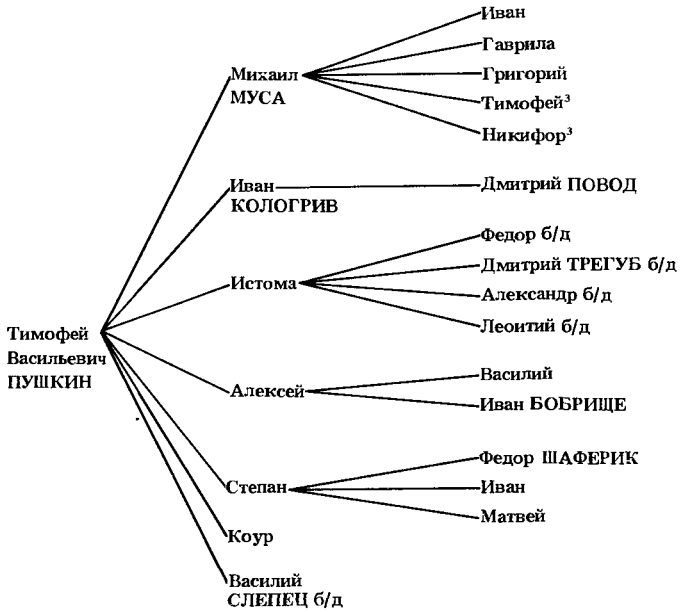


ровском уезде (с. Бужарово), очевидно принадлежавшую ранее этому ее супругу [55].

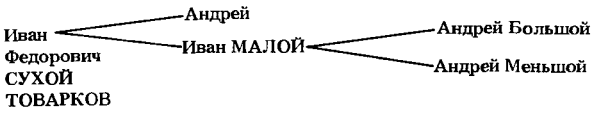
Известно, что Андрей Иванович Товарков в 1516 г. служил боярином дмитровскому князю Юрию [56]. Тому же князю, по родословным книгам, служили два брата Андрея, дети Ивана Молодого (Малого) Ивановича [57].

Ветвь Ратшичей, шедшая от Акинфа, дала в конце XV в. несколько видных бояр. У внука Акинфа Григорьевича Андрея Ивановича было восемь сыновей; второй из них — Иван Хромой (от него пошли Давыдовы), третий — Александр Остей (от него пошли Жулебины, Чоботовы и Чулковы), от четвертого, Ивана

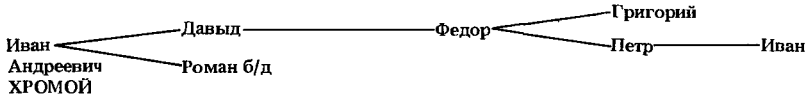
5



6



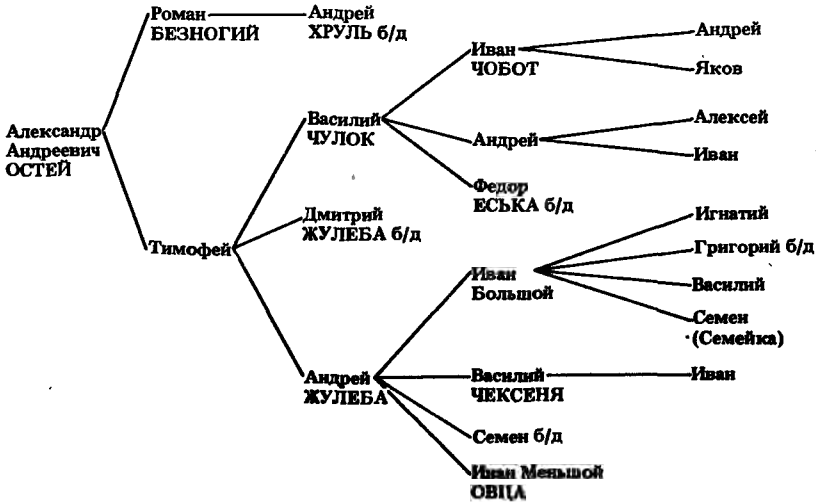
7



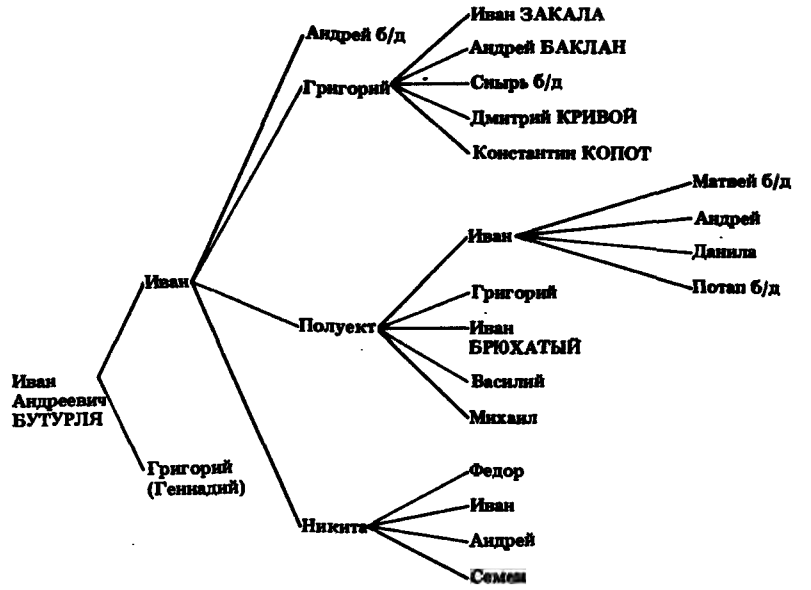
Бутурли, пошли Бутурлины, от шестого, Михаила, — Челяднины.

Внук Ивана Андреевича Федор Давыдович Хромой вместе с кн. Д. Д. Холмским возглавлял передовую рать в походе на Новгород 1471 г. Около 1463—1473 гг. он дал земли Белозерского уезда, купленные его отцом, в митрополичий дом. Сам же Ф. Д. Хромой некоторое время держал «на соблюдение» с. Почап Троицкого монастыря (до 1452 г.). В 1472 г. он встречал Софью Палеолог [58]. Во время новгородских экспедиций Ивана III 1475 и 1477 гг. Федор Давыдович был уже боярином. В 70-х годах XV в. присутствовал как боярин на суде у Ивана III по местническому делу [59].

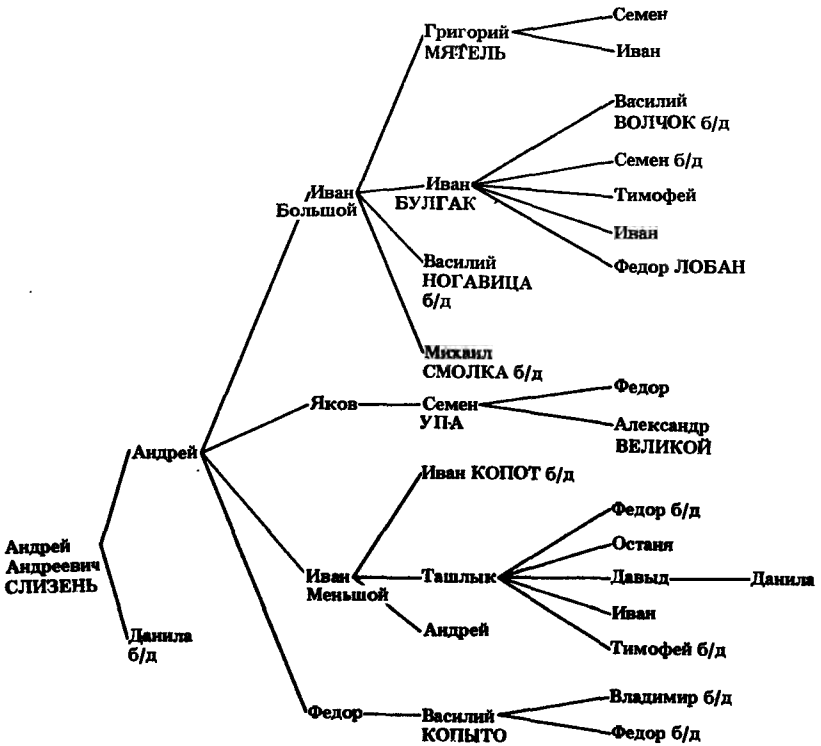
8


Александр Андреевич ОСТЕЙ
Роман БЕЗНОГИЙ
Андрей ХРУЛЬ б/д
Тимофей
Василий ЧУЛОК
Дмитрий ЖУЛЕБА б/д
Андрей ЖУЛЕБА
Иван ЧОБОТ
Андрей
Яков
Андрей
Алексей
Иван
Федор ЕСЬКА б/д
Иван Большой
Игнатий
Григорий б/д
Василий
Семен (Семейка)
Василий ЧЕКСЕНЯ
Иван
Семен б/д
Иван Меньшой ОВЦА

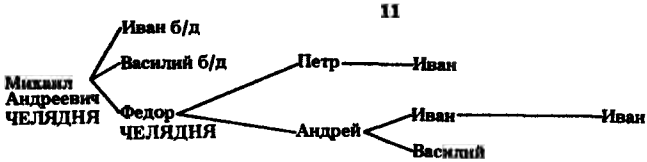
9


Иван Андреевич БУТУРЛЯ
Иван
Григорий (Геннадий)
Андрей б/д
Григорий
Полуект
Никита
Иван ЗАКАЛА
Андрей БАКЛАН
Сыръ б/д
Дмитрий КРИВОЙ
Константин КОПОТ
Иван
Григорий
Иван БРЮХАТЫЙ
Василий
Михаил
Матвей б/д
Андрей
Данила
Потап б/д
Федор
Иван
Андрей
Семен

10



11



12

Примечания:

1 – 1 По Р дети сына Моркини Александра.

2 – 2 Л Иван Зеленый, Иван Бутурля, Федор Корова, Андрей Слизень.

3 – 3 В родословиых иет, есть в писцовых книгах.

Около 1471 —1482 гг. ему (боярину) докладывались купчие грамоты [60]. Около 1473—1485 гг. он присутствовал на докладе у Ивана III [61]. Умер до 1492 г.[62] Федор Хромой был женат на дочери Якова Ивановича Кошкина [63].

Сын Федора Давыдовича Хромого Григорий Федорович Давыдов впервые упоминается в разрядах в 1495 г. В 1501 г. он уже окольничий при дворе княжича Василия в Твери. Во время переговоров с литовским посольством в 1503/04 г. он член боярской комиссии, хотя еще в 1504 г. числился окольничим и боярином [64]. Только весной 1506 г. в свадебном разряде кн. В. С. Стародубского он впервые упоминается с одним боярским титулом. В конце 1506 г., после Казанского похода, Г. Ф. Давыдова отправили в рати В. Д. Холмского в Нижний Новгород для обороны юго-восточных рубежей страны от казанцев. С лета 1507 по лето 1509 г. он занимал пост новгородского наместника, возможно при кн. Д. В. Щене (во всяком случае, в 1509 г.) [65].

Осенью 1507 г. Григорий Федорович с новгородским войском ходил в поход с Великих Лук в Литву. В ноябре 1508—марте 1509 г. он возглавлял посольство к Сигизмунду для подтверждения мирного договора с Литвой. Сразу же после этого, в марте 1509 г., вместе с кн. Д. В. Щеней как новгородские наместники заключили мирный договор с Ливонией. Затем Григорий Федорович в начале 1510 г. с Василием III прибыл во Псков. В июле 1511 г. он присутствовал вместе с Яковом Захарьичем на докладе одного поземельного дела Василию III. Летом 1512 г. Г. Ф. Давыдов, находясь в передовом полку, отражал на Осетре с кн. А. В. Ростовским нападение крымских татар. В конце 1512—1513 г. участвовал в первом походе на Смоленск, а летом 1513 г. — во втором. В первом случае он сопровождал кн. Дмитрия Углицкого, а во втором находился в непосредственном окружении Василия III. Во время третьего похода Г. Ф. Давыдов был послан первым воеводой «на Дрюцкие поля» [66]. Впрочем, военными талантами Г. Ф. Давыдов из среды бояр не выделялся.

Зато много времени уделял он дипломатической деятельности. В 1514—1515 гг. присутствовал на приемах турецких послов. В 1517—1518 гг. вел переговоры с С. Герберштейном и Ф. да Колло. В марте 1517 г. вместе с кн. Дмитрием Владимировичем (? Ростовским) заключил перемирие с Орденом. На важных переговорах с крымским мурзой Аппаком в 1519 г. Г. Ф. Давыдов возглавлял боярскую комиссию. Больше всего он занимался литовскими делами. Вел переговоры с Литвой в 1517 г. Как фактический глава Боярской думы Г. Ф. Давыдов в 1520—начале 1521 г. переписывался с кн. Николаем Радзивиллом [67]. В это время он именуется «воеводой Ярославским». Скрываются ли за этим пышным титулом какие-либо реальные права, сказать трудно.

Сохранилось несколько свидетельств и об участии Г. Ф. Давыдова во внутренних делах страны. Так, около 1517 г. он проводил расследование по обвинению Василия Шемячича в измене. В мае 1520 г. ему докладывалось дело о поджоге. В январе 1518 г. он

вынес окончательное решение по одному из земельных дел. Вместе с М. Ю. Захарьиным в декабре 1519 г. Г. Ф. Давыдов вел судебное дело по земельному спору. В марте 1520 г. Григорий Федорович вел дело о межевании земель Троицкого монастыря. 11 июля 1521 г. с М. Ю. Захарьиным разбирал дело по обвинению в «бое и грабеже» [68]. Это — последнее упоминание о Г. Ф. Давыдове в источниках. Возможно, его исчезновение связано с падением казначея Ю. Д. Малого и крупными переменами в составе окружения Василия III.

У Григория Федоровича был единственный брат Петр, который, как и он сам, появился в разрядах уже со званием окольничего в 1501 г.[69] Его «человек» отнял в марте 1501 г. пожни у Кириллова монастыря [70]. В апреле 1508 г. в войсках В. В. Шуйского, стоявших в Вязьме, П. Ф. Давыдов возглавлял полк правой руки. Весной 1509 г. он участвовал в переговорах с литовскими послами. В сентябре того же года он вместе с окружением Василия III направился к Новгороду, а затем — во Псков [71]. После этого сведения о Петре Федоровиче исчезают. Женат он был на дочери кн. Семена Романовича Ярославского [72]. Его сын И. П. Федоров, видный боярин и конюший при Иване IV, был женат на своей дальней родственнице, дочери В. А. Челяднина [73]. Это дало ему право именоваться Челядниным.

Брат Ивана Андреевича Хромого Александр Остей в 1385 г. был наместником коломенским [74]. Его внук Андрей Романович упомянут среди бояр в разъезжей грамоте 1462—1484 гг. (скорее всего, после июля 1478 г.) [75].

У брата Романа, Тимофея, было трое сыновей: Василий Чулок, Дмитрий Жулеба и Андрей Жулеба. Так как их отец служил Дмитрию Шемяке, дети не смогли продвинуться по службе при московском дворе. Успехов достигли только внуки. Сын Василия Чулка Иван Чобот стал окольничим. В 1488/89 г. ему докладывалась закладная кабала (окольничим он при этом не назывался). Но во время доклада одного судебного дела, составленного примерно в то же время (около 1489—1490 гг.), И. В. Чобот выступал уже окольничим. В этом же чине он присутствовал в 1490 г. на приеме имперского посла. Возможно, именно он в августе 1491 г. наместничал в Нижнем Новгороде. Около 1495—1499 гг. у него был двор в Москве. Упоминался в Хронографическом списке думных чинов 1498 г. В феврале 1500 г. И. В. Чобот присутствовал в чине окольничего на свадьбе кн. В. Д. Холмского [76].

Двоюродного брата И. В. Чобота Ивана Большого Андреевича Жулебина впервые встречаем в разрядах в сентябре 1509 г. уже в чине окольничего во время похода к Новгороду и во Псков. Весной 1509 г. он принимал участие в приеме литовских послов. В 1520 г. назван вторым воеводой «в Серпухове» [77]. Его старший сын Игнатий в 1526 г. присутствовал на свадьбе Василия III, а в 1530 г. погиб под Казанью [78]. Другой сын И. А. Жулебина, Семен, еще в 1501—1502 гг. был во Ржеве вторым воеводой сторожевого полка. В 1526 г. он, так же как и его брат, присутствовал

на свадьбе Василия III. В 1532 г. Семен Иванович находился среди воевод «за Рязанью». Последний раз в разрядах он упоминался в 1547 г. дворецким кн. Юрия Васильевича [79].

Брат И. А. Жулебина Большого Иван Андреевич Меньшой (Овца) в 1512—1517 гг. служил новгородским дворецким. В 1519 г. ему приказано находиться при Шемячиче [80].

Близость к удельным князьям задержала продвижение Жулебиных при великокняжеском дворе. Но сын Ивана Меньшого Иван Иванович дослужился в середине XVI в. до звания дмитровского дворецкого. Владения сына Ивана Овцы Ивана находились в Дмитрове. В середине XVI в. Жулебины владели землями в Костроме и Ростове [81].

Старинная боярская фамилия Бутурлиных идет от Ивана Андреевича Бутурли, у которого было два сына — Иван и Григорий. Младший из них рано постригся в Троицком монастыре под именем Геннадия [82]. Он прожил долгую жизнь. На его показания ссылались в местническом деле около 1462—1485 гг. Сам он составил вместе с М. Б. Плещеевым местническую память [83]. Был дядей М. Ф. Сабурова.

Мало известны племянники Геннадия — Андрей, Григорий, Полуект и Никита Ивановичи. Они еще около 1453 г. продали свою землю в Московском уезде [84]. Андрей когда-то, до 70—80-х годов XV в., держал в кормлении Нерехту. В 1456 г. его называют боярином великого князя [85], но вряд ли он им был в реальности. Старший сын Григория Ивановича, Иван Закала, летом 1506 г. наместничал на Двине [86]. Его братья Андрей Баклан, Дмитрий Кривой и Константин Копот в 1500 г. владели поместьями в Вотской пятине [87].

Четыре Никитича (Федор, Иван, Андрей и Семен) появляются почти одновременно в начале XVI в. В 1510/11 г. без ведома митрополита и «без доклада» Ф. Н. Бутурлин купил у митрополичьего сына боярского И. М. Чортова с. Хлябово Московского уезда. Митрополит Варлаам пожаловался Василию III, а тот «опалился» на Федора Бутурлина и приказал ему вернуть село в митрополичий дом. Но Варлаам предпочел выкупить это село у Бутурлина за 350 руб.[88]

Ф. Н. Бутурлин находился вторым воеводой передового полка в авангарде кн. И. М. Оболенского, двигавшегося в ноябре 1512 г. к Смоленску. В 1513 г. он возглавлял сторожевой полк в Дорогобуже. В авангарде русских сил под Смоленском в 1514 г. Федор Никитич находился в том же полку вторым воеводой. В 1516 г. на Вошане он служил снова вторым воеводой, но сторожевого полка, а в 1517 г. — вторым в полку правой руки. В 1519 г. Ф. Н. Бутурлин возглавлял сторожевой полк «на берегу». Последний раз он упоминался в разрядах 1520 г. на Торопце [89].

Брат Федора Иван Никитич в летнем походе 1512 г. к Осетру возглавлял сторожевой полк, а в упомянутом уже авангарде кн. И. М. Оболенского был вторым воеводой левой руки. В 1512/13 г. он служил наместником в Ивангороде. В 1517 г. он участвовал

в посольских церемониях при встрече С. Герберштейна. В 1519 г. отправлен воеводой в Стародуб. Во время набега Мухаммед-Гирея в 1521 г. с воеводами стоял на Серпухове и в Кашире. В 1529 г. ему с другими воеводами велено было идти из Почапа в Серпухов. Во время Казанского похода 1530 г. И. Н. Бутурлин в судовой рати возглавлял полк левой руки. В 1528/29 г. он наместничал на Костроме. В августе 1531 г. Иван Никитич находился с войсками на Коломне. Летом 1532 г. стоял с кн. Ф. И. Одоевским «против Девича». В августе 1533 г. получил распоряжение ехать с Коломны в Москву. Как новгородский дворецкий И. Н. Бутурлин упомянут в августе 1536 г. и при описании событий 1537 г.[90]

Третий из братьев Бутурлиных, Андрей, в первом походе 1512 г. к Смоленску был «придан» к рати кн. И. М. Оболенского. В том же году он служил вторым воеводой сторожевого полка на Туле, а потом взят под Смоленск. В 1514 г. Андрей Никитич снова на Туле, но вторым воеводой правой руки, откуда опять взят под Смоленск. Зимой 1514/15 г. он второй воевода правой руки в рати кн. В. В. Шуйского, отправленной в Литовскую землю. В 1519 г. он «на берегу» второй воевода большого полка. В 1518/19 г. «окольничий» А. Н. Бутурлин был на Волоке, где как будто выиграл местнический процесс у А. Н. Ярого Заболоцкого. Здесь он назван окольничим. Доверять этому сведению пространной редакции разрядов нет достаточных оснований[91]: оно не подкрепляется данными краткой редакции разрядных книг, где А. Н. Бутурлина всегда упоминают без чина окольничего. Да и при жизни старших братьев ему вряд ли могла быть оказана такая честь.

В 1519 г. А. Н. Бутурлин — второй воевода правой руки в походе с Вязьмы в Литовскую землю. Во время набега Мухаммед-Гирея 1521 г. он назван третьим среди воевод на Угре и пятым на Рязани. Во время Коломенского похода 1522 г. Василия III А. Н. Бутурлин был четвертым в составе воевод, которым следовало выйти из Вязьмы и присоединиться к основным русским силам. На Кашире он был вторым в сторожевом полку. В ноябре 1522—мае 1523 г. вместе с В. Г. Морозовым ездил в посольстве в Литву, при этом именуется «дворецким Нижнего Новгорода». Трудно сказать, что скрывалось за этим пышным титулом. В декабре 1526 г. Андрей Никитич наместничал в Луках. Осенью 1527 г. в ожидании набега Ислам-Гирея он находился под Басмановом. Летом 1528 г. называется третьим среди воевод, стоявших в Вязьме. В Казанском походе 1530 г. он второй воевода при брате Иване в левой руке в судовой рати. С тем же братом служил А. Н. Бутурлин летом 1531 г. на Коломне, когда он упоминается последний раз в разрядах. В трех верстах от Александровой слободы находилось с. Успенское, принадлежавшее Бутурлиным [92].

Последний (четвертый) Никитич, Семен, впервые упоминается позднее других. В 1519 г. его вместе с Иваном Андреевичем Меньшим Жулебиным отправили к Шемячичу. Во время набега Мухаммед-Гирея в 1521 г. он называется последним среди воевод, находившихся в Серпухове. В том же году участвовал в расследова-

нии дела о побеге из Москвы кн. Ивана Рязанского. В 20-х годах XVI в. он служил в Смоленске. В 1529/30 г. наместничал в Вязьме. В последний раз о нем пишут разряды в 1530 г., когда он служил «в городе на Резани». В 1536/37 г. описывал Углич [93].

До чина окольничего позднее (в середине XVI в.) дослужился сын Андрея Афанасий. В середине XVI в. Бутурлины служили по Переславлю [94].

От брата Ивана Бутурли Андрея Слизня пошли Мятлевы и Слизневы, ставшие дворовыми детьми боярскими [95].

Потомство младшего сына Андрея Ивановича (внука Акинфа), Михаила, достигло больших успехов при великокняжеском дворе. Федор Михайлович Челядня был боярином еще при Василии II и получил от него до 1451—1456 гг. в вотчину земли Бежецкого уезда [96]. За его старшим братом, Иваном, была замужем дочь влиятельнейшего боярина кн. Юрия Патрикеевича [97]. В 1462 г. Ф. М. Челядня выполнял важную дипломатическую миссию, будучи послан великим князем в Новгород [98]. Вместе с кн. И. Ю. Патрикеевым он подписал как боярин духовную грамоту Василия II [99]. Подписал он и ряд грамот Василия II по земельным вопросам [100], а около 1462 г. — грамоту на имя Ивана III [101]. Около 1462—1473 гг. Федору Михайловичу докладывались поземельные споры [102]. Умер Ф. М. Челядня вскоре после этого. Во всяком случае, около 1464—1473 гг. его вдова Аграфена и дети Петр и Андрей дали на помин его души землю в Ростовском уезде [103].

Петр Федорович Челяднин впервые в источниках упоминается около 1465—1471 гг., причем уже боярином на докладе Ивана III. В 1472 г. он отражал набег татар под Алексином. Боярином называется и во время Новгородских походов 1475 и 1477 гг. В 1478 г., будучи устюжским наместником, строил новый город на Устюге [104].

Андрей Федорович Челяднин впервые называется боярином в 1490 г. Тогда он присутствовал на приеме имперского посла [105]. Упоминается он и в 1493 г. как участник похода на Литву [106] и среди бояр, сопровождавших Ивана III во время его поездки в Новгород в конце 1495 г. В 1495/96 г. во время похода на шведов А. Ф. Челяднин был вторым воеводой большого полка [107]. В 1498—весной 1500 г. он наместничал в Новгороде [108]. В Хронографическом списке 1498 г. назван среди бояр [109]. Ему принадлежали земли в Вотской и Шелонской пятинах [110]. Дети Андрея Челяднина (Иван и Василий) — виднейшие политические деятели времени Василия III, руководители дворцовых ведомств.

В Житии Даниила Переславского рассказывается о том, что братья Челяднины некогда попали в опалу и проживали в своем с. Первятине (34 верстах от Переславля), невдалеке от того места, где в это время находился этот «угодник». Помогли ли молитвы Даниила или просто великий князь сменил гнев на милость, но так или иначе братья Челяднины снова вошли в фавор. В благодарность же за содействие они познакомили Даниила с государем и исхлопотали ему грамоту на создание церковки.

15 июня 1508 г. произошло ее освящение. Так было положено основание Переславскому Данилову монастырю [111].

Ивана Андреевича Челяднина впервые в источниках мы встречаем в ноябре 1508—марте 1509 г., когда он отправился со своим четвероюродным братом Г. Ф. Давыдовым в Литву для утверждения мирного договора [112]. В это время он уже именуется «боярином» и конюшим. Но в узком смысле слова боярином он не стал и в разрядах никогда им не называется. Едва успел И. А. Челяднин вернуться в Москву, как ему снова пришлось собираться в путь. На этот раз он отправился в свите Василия III сначала в Новгород, а затем во Псков (сентябрь 1509—март 1510 г.). Во Пскове Челяднин вместе с кн. Петром Великим (Шестуновым) и кн. И. В. Хабаром приводят к присяге псковичей на имя московского государя. Здесь же он принимает с Г. Ф. Давыдовым польских послов. Вместе с ним Иван Андреевич был оставлен во Пскове на наместничестве. Покинули они Псков в 1511 г.[113]

В мае 1512 г. И. А. Челяднин был послан при кн. М. И. Булгакове в большом полку на Угру против крымцев. Иван Андреевич — участник всех трех Смоленских походов. В первом из них, начавшемся в ноябре 1512 г., он числился вторым воеводой большого полка (при кн. И. М. Оболенском). Во втором походе (лето 1513 г.) он сопровождал самого Василия III. Наконец, в третьем походе (1514 г.) он снова был вторым воеводой большого полка при кн. Д. В. Щене. И. А. Челяднин все время сопровождает главных военачальников русских войск из княжеской знати, осуществляя как бы контроль над ними. Не обладая, очевидно, достаточными военными талантами и опытом, 8 сентября 1514 г. он наголову был разбит при Орше польско-литовской ратью [114], попал в плен, где и умер [115]. На его дочери был женат кн. Д. Ф. Бельский [116].

В отличие от своего старшего брата Василий Андреевич Челяднин как дворецкий основное внимание уделял судебным и поземельным делам, а не военным. Уже в феврале 1507 г. он скреплял своей подписью жалованную грамоту («приказал Василей Андреевич»). Возможно, в 1508 г. В. А. Челяднин, как и его брат Иван, находился в опале, ибо грамоты этого года им не скреплялись. В августе 1509 г. он снова выступал как дворецкий, разбирая одно из судебных дел о грабеже. В сентябре 1509—марте 1510 г., так же как и его брат, сопровождал Василия III в Новгород и Псков. В январе 1510 г., находясь в Новгороде, В. А. Челяднин подписал («приказал») жалованную льготную грамоту Симонову монастырю. В июле 1510 г. он выдавал уже «по приказу» Василия III оброчную жалованную грамоту бортникам в Суздале. В январе 1511 г. В. А. Челяднина посылали к брату Василия III Семену с целью предотвратить его мятеж. Тогда же он с другими «боярами» подписывал крестоцеловальную охранную запись Василию Шемячичу. В июне 1511 г. вместо него подписал грамоту С. И. Воронцов. Но в июле—декабре 1511 г. он сам «приказывает» жалованные грамоты разным монастырям [117].

В. А. Челяднин, как и его брат Иван, — участник всех трех

Смоленских походов. В первом и во втором походах он находился в непосредственном окружении Василия III. В третьем походе он направляется из Тулы к Смоленску «з детьми боярскими з дворовыми» [118]. Это первое известное нам упоминание о дворовых детях боярских как особой группе служилых людей. В апреле и октябре 1514 г., а также в январе, феврале, марте 1515 г. В. А. Челяднин подписывает великокняжеские жалованные грамоты, а в декабре 1515 г. — указную грамоту житничному и рыбному белозерским приказчикам о выдаче руги Сорской пустыни [119]. Вскоре после этого, во всяком случае до 1 февраля 1516 г., он умер [120].

В. А. Челяднин, как и его предшественник на должности дворецкого П. В. Шестунов, думных чинов не имел [121]. Женат он был на дочери Ф. В. Телепня Оболенского, одну свою дочь выдал замуж за Ф. И. Беззубцева, вторую — за кн. С. Ф. Курбского, а третью — за дальнего родича, будущего видного боярина эпохи Ивана IV И. П. Федорова [122]. Вдова В. А. Челяднина (сестра временщика И. Ф. Телепнева-Оболенского) играла заметную роль в 1526—1533 гг.[123]

Владея землями в Дмитровском и Волоколамском уездах [124], В. А. Челяднин находился в дружеских отношениях с Иосифом Волоцким. Именно Челяднину волоколамский игумен написал послание с просьбой выступить за него ходатаем перед великим князем в годы, когда положение Иосифа при дворе пошатнулось (около 1511—1515 гг.). О близости Челядниных к Иосифу Волоцкому сообщал и новгородский летописец [125].

После смерти братьев Челядниных их вдовы сохранили видное положение при дворе. Они присутствовали на свадьбах Василия III 1526 г. и кн. Андрея Старицкого 1533 г. и при смерти Василия III [126].

У внука Акинфа, Романа Ивановича Каменского, было пятеро сыновей — Григорий Курица, Иван Черный, Юрий, Полуект, Дмитрий. Старший из них около 1464—1473 гг. был наместником в Ростове и боярином у княгини Марии (Марфы) [127]. Дочь Ивана Григорьевича Чорта Курицына выдана была замуж за кн. Ф. И. Стригина-Оболенского. Владения Каменских находились на удельной территории — в Каменском стане Бежецкого верха [128]. Все это привело к тому, что никто из «Романовичей» в состав государевой Думы не пробился.

На судьбе потомков Ратши видны основные тенденции, связанные с думской службой старомосковского боярства. В Думу изучаемого времени попали представители младших ветвей потомков Ивана Морхини и Акинфа. Ф. Г. Товарок и Ф. М. Челядня боярами стали еще во время Василия Темного. В начале княжения Ивана III боярами были И. Ф. Ус Товарков (около 1476—1486 гг., а может быть, и ранее этого) [129] и П. Ф. Челяднин (впервые упомянут около 1465—1471 гг., во всяком случае до 1478 г.).

П. Ф. Челяднина в Думе сменил его брат Андрей (1490—1500 гг.). Старшую ветвь Акинфовичей, возможно, в Думе пред-

ставлял Ф. Д. Хромой (1475—1489) и его троюродный брат А. Р. Хруль Остеев (около 1478—1484 гг., вероятно в начале 80-х годов XV в.) [130]. Новое поколение Ратшичей дало в Думу окольничего И. И. Товаркова (сына «Уса» или «Сухого»). В 1501 г. сын Ф. Д. Хромого Григорий Федорович Давыдов стал окольничим, а уже в 1506 г. — боярином. Его брат Петр также был окольничим (1501—1510), равно как и троюродные братья Давыдовых И. В. Чобот (1489/90—1500) и И. А. Жулебин (1509—1520).

Кобылины

Родоначальником одной из самых могущественных старомосковских фамилий был некий Андрей Кобыла, служивший московским князьям еще в середине XIV в. Происходил он, вероятно, из коренных московских (и переславских) землевладельцев. У него, судя по родословию, было пятеро сыновей — Семен Жеребец, Александр Елко, Василий Ивантей, Гаврила Гавша и Федор Кошка (схема 14).

От первого из них пошли Лодыгины, Коновницыны, Кокаревы и Образцовы. Их среди придворной знати времен Ивана III и Василия III незаметно. На то были свои причины. Лодыгины (внуки первого сына Семена Жеребца — Григория Лодыги) были испомещены в Новгороде [131] и как бы «выбыли» из дальнейшей игры в чины и звания. Один из них (Петр Андреевич) служил рядовым воеводой в 1515—1521 гг.[132] Внук брата Григория Лодыги — Александра Синего — Игнатий Борисович Образец находился на службе у кн. Андрея Васильевича Углицкого [133]. В 1488/89 г. он донес своему князю, что Иван III хотел его «поимать». Это не украшало его в глазах великого князя.

В 1501 г. Образец был воеводой сторожевого полка во время одного из походов [134]. Его двоюродный брат Иван Игнатьевич Шишка в 1495 г. сопровождал в свите Ивана III во время его поездки в Новгород [135].

Поземельные связи Игнатия Образца и его родичей носили следы «удельной крамолы». Потомки его дяди Семена Александровича Синего служили по Кашину и Калуге, а один из сыновей Игнатия — по Можайску [136].

Александр Елко, второй сын Андрея Кобылы, был родоначальником Колычевых и Хлуденевых [137]. Сын Александра Федор Колыч, живший во второй половине XIV—начале XV в., по-видимому, был крупным землевладельцем [138]. Его владения (с. Колычево Московского уезда и с. Колычевское Коломенского уезда) упоминаются в великокняжеских духовных и договорных грамотах XV в.[139] Сын Федора Колыча Андрей погиб в битве с татарами под Суздалем в 1445 г.[140] Старший брат Андрея Григорий после сражения с татарами под Белевом (1438 г.) дал в Троицкий монастырь с. Конотеребово Московского уезда [141]. Какое-то с. Григорьевское-Колычево упоминается в духовной дмитровского князя Юрия Васильевича 1472 г.[142] О двух младших братьях — Иване и Тимофее —

почти ничего не известно. Возможно, Тимофею (до 1453—1460 гг.) принадлежало сельцо Горицы Переславского уезда [143].

Александр Григорьевич Колычев в 60—70-х годах XV в. упоминается в актах как боярин кн. Михаила Андреевича Белозерского и Верейского [144]. У него было три сына — Василий Телица, Борис Хлызень и Митрополит [145]. Борис Хлызень (родоначальник Хлызневых-Колычевых) как московский дворовый сын боярский сопровождал Ивана III в 1495 г. в его поездке в Новгород. Во время похода в Литву в 1500 г. во вспомогательных войсках он возглавлял полк правой руки [146]. Хлызневы входили в состав двора Старицких князей. Иван Борисович Хлызнев в 1533 г. присутствовал на свадьбе кн. Андрея Ивановича. В 1537 г. он участвовал в его борьбе с войсками Елены Глинской, а в 50-х годах упоминался среди воевод кн. Владимира Андреевича [147].

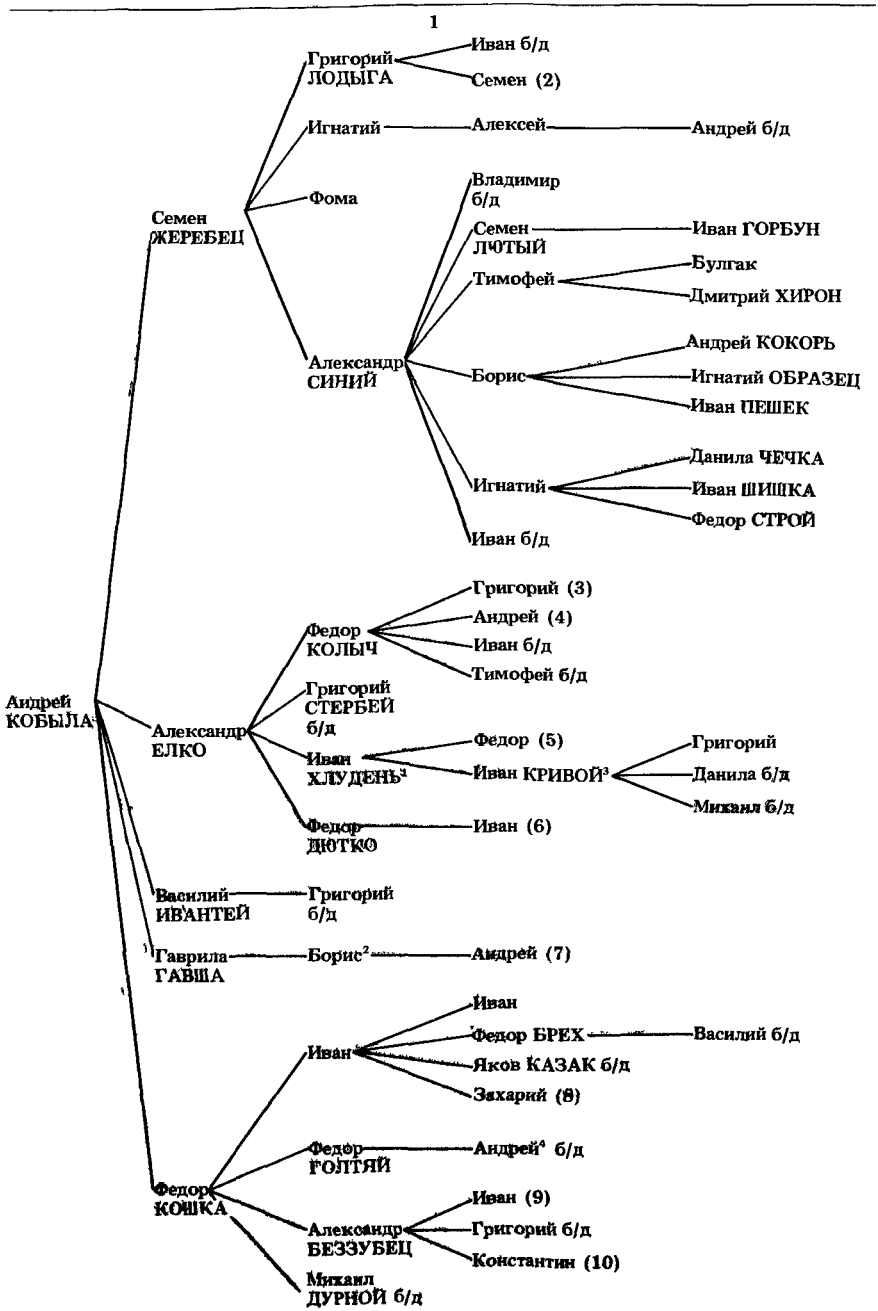
Размножившиеся потомки Федора Колыча к концу XV в. потеряли ряд своих владений в центре Русского государства [148], но зато приобрели поместья в Новгороде. Новгородскими помещиками стали дети второго сына Федора Колыча — Андрея, у которого было три сына — Андрей, Семен и Иван Лобан. Андрей Андреевич Колычев в 1492 г. носил пышный титул «наместника Холмского». В 1493 г. он назначается воеводой левой руки в полки кн. Даниила Пенко, отправленные к Лукам. В мае 1501 г. он находился при новгородском владыке Геннадии [149]. В Новгороде в апреле и ноябре 1499 г., в декабре 1500 г., в январе, апреле, мае 1501 г., марте 1502 г. наместником был его младший брат — Иван Андреевич Лобан (родоначальник Лобановых-Колычевых). Этот видный политический деятель приобрел широкую известность уже к концу XV в. В 1492 г. его отправили с посольством в Крым к Менгли-Гирею. В августе 1495 г. в походе Якова Захарьича из Новгородской земли против «свейских немцев» Иван Лобан Колычев возглавлял передовой полк. В 1498 г. Лобан Колычев упоминается в Хронографическом списке думных чинов (среди окольничих). Где-то между 80-ми годами XV в. и началом XVI в. он купил с. Покровское в Коломенском уезде. Владел с. Шолковским (около Серпухова). 9 марта 1502 г. Иван Лобан был убит под Ивангородом. Пребывание в Новгороде и успешное выполнение Лобаном служебных обязанностей не остались без вознаграждений. В жалованной грамоте Федоровской церкви в Новгороде от февраля 1505 г. упоминается о пожаловании «конюшего» Ивана Андреевича Колычева деревнями Влажинского погоста Деревской пятины. Н. П. Лихачев полагал, что Лобан был женат на дочери одного из видных новгородских бояр Есиповых и получил в приданое волостку Бежецкой пятины [150]. Но речь должна идти, судя по именам внуков «Ивана Андреевича», о его племяннике.

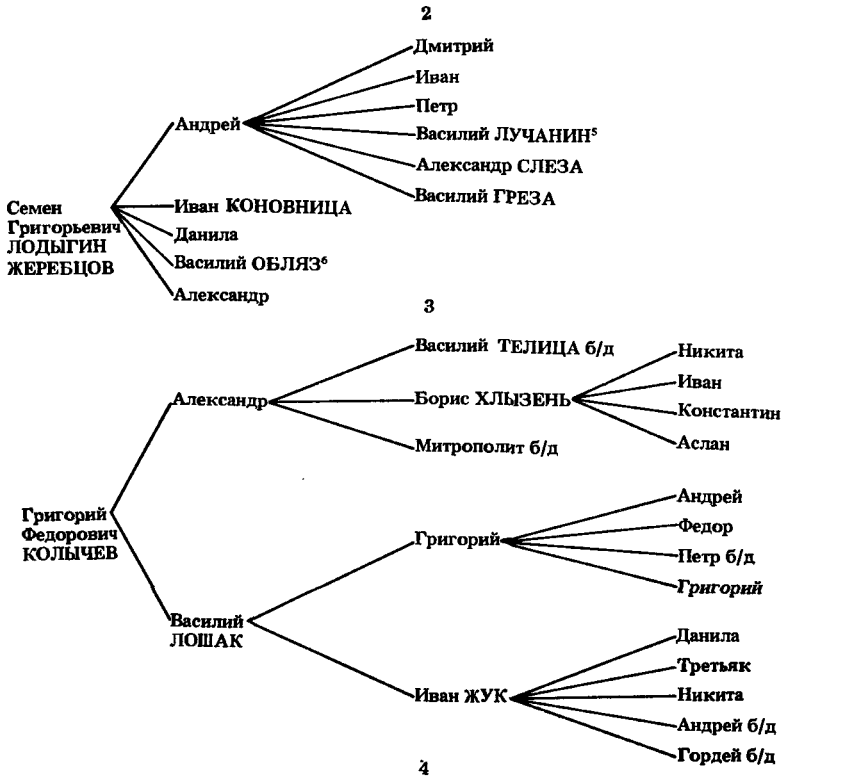
Около 1495 г. в Деревской пятине поместьями владели как сам Иван Лобан Колычев, так и его сын Степан Стенстур (отец митрополита Филиппа) [151].

Новгородскими помещиками были по крайней мере три сына Семена Андреевича Колычева (Иван Пупок, Андрей и Федор

Схема 14

Кобылины




2
Семен Григорьевич ЛОДЫГИН ЖЕРЕБЦОВ
Андрей
Дмитрий
Иван
Петр
Василий ЛУЧАНИН[5]
Александр СЛЕЗА
Василий ГРЕЗА
Иван КОНОВНИЦА
Данила
Василий ОБЛЯЗ[6]
Александр
3
Григорий Федорович КОЛЫЧЕВ
Александр
Василий ТЕЛИЦА б/д
Борис ХЛЫЗЕНЬ
Никита
Иван
Константин
Аслан
Митрополит б/д
Василий ЛОШАК
Григорий
Андрей
Федор
Петр б/д
Григорий
Иван ЖУК
Данила
Третьяк
Никита
Андрей б/д
Гордей б/д
4
Андрей Федорович КОЛЫЧЕВ
Андрей
Михаил
Иван ЧЕРНЫЙ
Игнатий б/д
Никита НЕМЯТЫЙ
Иван
Григорий Большой НОС
Иван
Григорий Меньшой
Семен
Иван ПУПОК
Владимир
Андрей
Иван ХРОМОЙ
Григорий[7]
Федор ЛОМАКА[7]
Иван ЛОБАН
Степан СТЕНСТУР
Михаил б/д
Иван РУДАК б/д
Федор ЧЕЧЕТКА б/д
Иван УМНЫЙ

5

Федор Иванович ХЛУДЕНЕВ
Константин
Тимофей
Федор
Третьяк
Юрий
Лука

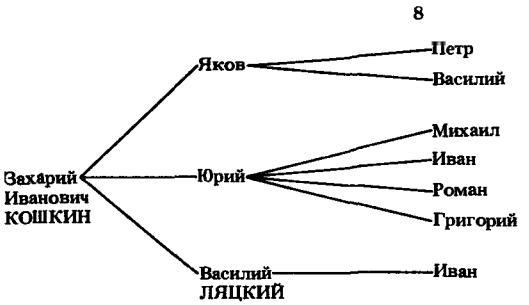
6

Иван Федорович ДЮТКОВ
Федор НЕПЛЮЙ
Гаврила
Никита
Андрей
Иван

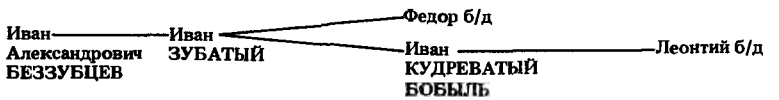
7

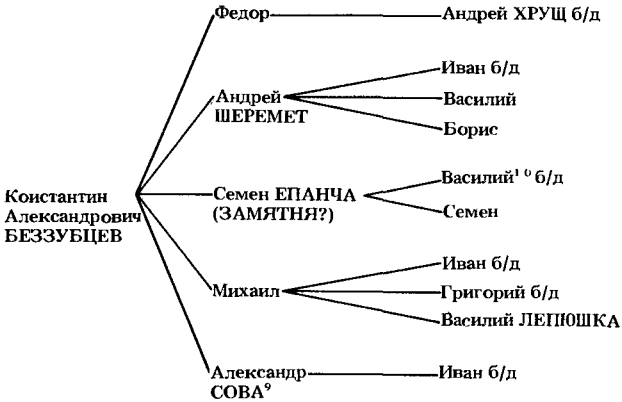
Андрей Борисович ГАВШИН
Федор БОБОРЫКА[8]
Федор
Семен
Михаил
Андрей
Семен
Родион
Иван
Андрей
Никита

8


Захарий Иванович КОШКИН
Яков
Петр
Василий
Юрий
Михаил
Иван
Роман
Григорий
Василий ЛЯЦКИЙ
Иван

9


Иван Александрович БЕЗЗУБЦЕВ
Иван ЗУБАТЫЙ
Федор б/д
Иван КУДРЕВАТЫЙ БОБЫЛЬ
Леонтий б/д



Примечания:
[1] Л Иван Хлудин, Григорий Стербей, Роман.
[2] Л Борис да Ондрей; Б Борис. У Бориса сын Андрей.
[3] Л Василей, Григорей, Дмитрей бездетен. А у Васнлья сын Иван. И Иванов сын Григорей. А у Григорья дети: Шеремет да Угрим да Лука. А у Григорья дети: Федор да Ондрей Забела бездетен. А у Федора Костянтин да Иван, в чернцах был у Троицы.
[4] Л Иван, Гаврила, Андрей бездетен.
[5] Р Василей да Лучанин.
[6] Л Василей да Обляз.
[7 – 7] Л Федор, Григорей Голова.
[8] Л А Борисов сын Ондрей Боборыка. А у Ондрея дети: Федор да Василей Мокра бездетен. А Федоровы дети: Федор, да Ондрей, да Борис, да Иван.
[9] Л Савка.
[10] Р нет.

Ломака) и сын Андрея Андреевича Михаил. Возможно, что приведенный перечень Колычевых, испомещенных в Новгороде, не полон. Судя по генеалогическим связям, в Новгороде были испомещены потомки второго сына Федора Колыча — Андрея. Колычевы значительно поправили свои земельные дела за счет владений, конфискованных правительством Ивана III у новгородских бояр и владыки.

В годы правления Василия III Колычевы продолжали принимать активное участие в политической деятельности. Внук Федора Колыча Василий Григорьевич Лошак (родоначальник Лошаковых-Колычевых) имел двух сыновей — Григория и Ивана Жука. По родословцам известны Андрей, Федор, Петр и Григорий Григорьевичи Лошаковы-Колычевы [152].

У Ивана Лобана, кроме Степана Стенстура, было еще четверо сыновей — Михаил, Иван Рудак, Федор Чечетка и Иван Умный. Иван Рудак в 1527 г. подписывал поручную по кн. М. Л. Глинском. Около этого времени между ним и кн. В. А. Микулинским произошла ссора в г. Смоленске. В 1536 г. Иван Рудак ставил город в Заволочье [153].

Иван Иванович Умный начал службу при дворе кн. Андрея Старицкого, где он в 1525/26 и 1530 гг. был дворецким. После

«поимания» кн. Андрея в 1537 г. Ивана Умного подвергли торговой казни. К концу 1547 г. с него опала уже была снята, и к 1549 г. он стал окольничим. Его детям принадлежало с. Неверово Старицкого уезда [154].

Об Андрее Григорьевиче Лошакове у нас никаких сведений нет. Его сын Петр служил Андрею Старицкому [155]. Замечание родословцев о «бездетности» Петра говорит, скорее всего, о том, что он сошел с исторической арены в связи с событиями 1537 г.

Федор Григорьевич Лошаков появился в разрядах поздно (в 1548 г.), а в 50-е годы служил по Белой [156]. Петр и Григорий Григорьевичи Лошаковы в 1514 г. попали в литовский плен. В 1531 г. Григорий Григорьевич уже вернулся на Русь и упоминался среди воевод. В середине XVI в. он служил по Можайску [157]. Западная ориентация владений братьев свидетельствовала о том, что они или даже их отец принимали участие в Смоленских походах Василия III.

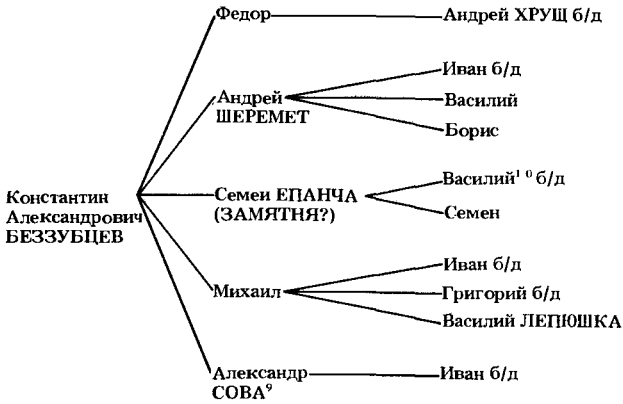
Иван Жук Васильевич Лошаков хорошо известен разрядам. Будучи брянским наместником, он уже в 1501 —1502 гг. ходил с войсками из Северской земли в Литовскую к Мстиславлю. Иван Григорьевич Лошаков (скорее всего, ошибка — Иван Васильевич Жук) в 1514/15 и 1519 гг. участвовал в походах из Ржевы в Литовскую землю. В 1519 г. Ивана Лошакова также направляли с Лук к Полоцку, а в 1521 г. он был воеводой в Торопце. Служил Иван Васильевич Лошаков в 1522 г. «против Ростисловля» (в полку левой руки) и возглавлял сторожевой полк конной рати в походе на Казань 1524 г. В 1527 г. подписал поручную запись по кн. М. Л. Глинском [158].

Прямых данных о землевладении Ивана Жука у нас нет. Но известно, что двое его младших сыновей (Андрей и Гордей) находились «на поместьях в Новегороде». Там же, в Шелонской пятине, находились владения его старших сыновей — Данилы, Третьяка и Никиты [159]. Возможно, они получили поместья еще по наследству от отца или деда. Никита Иванович в 1527 г. подписал поручную запись по кн. М. Л. Глинском [160].

Младшая ветвь Колычевых представлена детьми Андрея Андреевича Колычева — Михаилом, Иваном Черным, Григорием Большим Носом и Григорием Меньшим.

Михаил Андреевич служил воеводой разных полков в 1502—1509 гг. Около 1495 г. владел поместьем в Деревской пятине Новгорода [161]. Его брат Иван Черный упоминался как воевода в 1501—1518 гг. И. А. Колычев — один из русских военачальников, одержавших в 1517 г. победу под Опочкой. О победе сообщалось в посольских делах. В 1514/15 г. Иван Андреевич наместничал в Луках. В 1522 г. посылался с миссией в Крым. Вторая его миссия состоялась в 1523—1525 гг. Имея владения в Новгородской земле (он владел землями в Вышнем Волочке), И. А. Колычев в 1515/16 г. прикупил вотчину в Коломенском уезде [162]. Его сын Никита стал родоначальником Немятых-Колычевых [163].

Третий Андреевич, Григорий Нос, упоминался неоднократно



Примечания:
[1] Л Иван Хлудин, Григорий Стербей, Роман.
[2] Л Борис да Ондрей; Б Борис. У Бориса сын Андрей.
[3] Л Василей, Григорей, Дмитрей бездетен. А у Василья сын Иван. И Иванов сын Григорей. А у Григорья дети: Шеремет да Угрим да Лука. А у Григорья дети: Федор да Ондрей Забела бездетен. А у Федора Костянтин да Иван, в черицах был у Троицы.
[4] Л Иван, Гаврила, Андрей бездетен.
[5] Р Василей да Лучанин.
[6] Л Василей да Обляз.
[7—7] Л Федор, Григорей Голова.
[8] Л А Борисов сын Ондрей Боборыка. А у Ондрея дети: Федор да Василей Мокра бездетен. А Федоровы дети: Федор, да Ондрей, да Борис, да Иван.
[9] Л Савка.
[10] Р нет.

Ломака) и сын Андрея Андреевича Михаил. Возможно, что приведенный перечень Колычевых, испомещенных в Новгороде, не полон. Судя по генеалогическим связям, в Новгороде были испомещены потомки второго сына Федора Колыча — Андрея. Колычевы значительно поправили свои земельные дела за счет владений, конфискованных правительством Ивана III у новгородских бояр и владыки.

В годы правления Василия III Колычевы продолжали принимать активное участие в политической деятельности. Внук Федора Колыча Василий Григорьевич Лошак (родоначальник Лошаковых-Колычевых) имел двух сыновей — Григория и Ивана Жука. По родословцам известны Андрей, Федор, Петр и Григорий Григорьевичи Лошаковы-Колычевы [152].

У Ивана Лобана, кроме Степана Стенстура, было еще четверо сыновей — Михаил, Иван Рудак, Федор Чечетка и Иван Умный. Иван Рудак в 1527 г. подписывал поручную по кн. М. Л. Глинском. Около этого времени между ним и кн. В. А. Микулинским произошла ссора в г. Смоленске. В 1536 г. Иван Рудак ставил город в Заволочье [153].

Иван Иванович Умный начал службу при дворе кн. Андрея Старицкого, где он в 1525/26 и 1530 гг. был дворецким. После

«поимания» кн. Андрея в 1537 г. Ивана Умного подвергли торговой казни. К концу 1547 г. с него опала уже была снята, и к 1549 г. он стал окольничим. Его детям принадлежало с. Неверово Старицкого уезда [154].

Об Андрее Григорьевиче Лошакове у нас никаких сведений нет. Его сын Петр служил Андрею Старицкому [155]. Замечание родословцев о «бездетности» Петра говорит, скорее всего, о том, что он сошел с исторической арены в связи с событиями 1537 г.

Федор Григорьевич Лошаков появился в разрядах поздно (в 1548 г.), а в 50-е годы служил по Белой [156]. Петр и Григорий Григорьевичи Лошаковы в 1514 г. попали в литовский плен. В 1531 г. Григорий Григорьевич уже вернулся на Русь и упоминался среди воевод. В середине XVI в. он служил по Можайску [157]. Западная ориентация владений братьев свидетельствовала о том, что они или даже их отец принимали участие в Смоленских походах Василия III.

Иван Жук Васильевич Лошаков хорошо известен разрядам. Будучи брянским наместником, он уже в 1501 —1502 гг. ходил с войсками из Северской земли в Литовскую к Мстиславлю. Иван Григорьевич Лошаков (скорее всего, ошибка — Иван Васильевич Жук) в 1514/15 и 1519 гг. участвовал в походах из Ржевы в Литовскую землю. В 1519 г. Ивана Лошакова также направляли с Лук к Полоцку, а в 1521 г. он был воеводой в Торопце. Служил Иван Васильевич Лошаков в 1522 г. «против Ростисловля» (в полку левой руки) и возглавлял сторожевой полк конной рати в походе на Казань 1524 г. В 1527 г. подписал поручную запись по кн. М. Л. Глинском [158].

Прямых данных о землевладении Ивана Жука у нас нет. Но известно, что двое его младших сыновей (Андрей и Гордей) находились «на поместьях в Новегороде». Там же, в Шелонской пятине, находились владения его старших сыновей — Данилы, Третьяка и Никиты [159]. Возможно, они получили поместья еще по наследству от отца или деда. Никита Иванович в 1527 г. подписал поручную запись по кн. М. Л. Глинском [160].

Младшая ветвь Колычевых представлена детьми Андрея Андреевича Колычева — Михаилом, Иваном Черным, Григорием Большим Носом и Григорием Меньшим.

Михаил Андреевич служил воеводой разных полков в 1502—1509 гг. Около 1495 г. владел поместьем в Деревской пятине Новгорода [161]. Его брат Иван Черный упоминался как воевода в 1501—1518 гг. И. А. Колычев — один из русских военачальников, одержавших в 1517 г. победу под Опочкой. О победе сообщалось в посольских делах. В 1514/15 г. Иван Андреевич наместничал в Луках. В 1522 г. посылался с миссией в Крым. Вторая его миссия состоялась в 1523—1525 гг. Имея владения в Новгородской земле (он владел землями в Вышнем Волочке), И. А. Колычев в 1515/16 г. прикупил вотчину в Коломенском уезде [162]. Его сын Никита стал родоначальником Немятых-Колычевых [163].

Третий Андреевич, Григорий Нос, упоминался неоднократно

в разрядах в 1515—1521 гг. Около 20-х годов он наместничал в Ивангороде [164]. Примерно в те же годы (1515—1519) ходил в походы и нес военную службу в Великих Луках, Дорогобуже и Мещере последний из братьев — Григорий Меньшой [165].

Судьба двоюродных братьев Андреевичей, детей Семена Андреевича (Ивана Пупка, Владимира, Андрея, Ивана Хромого, Григория Головы и Федора Ломаки), сложилась не так удачно. Трое из шести братьев (Владимир, Иван Пупок и Андрей) после Оршанской битвы 1514 г. попали в литовский плен [166]. Иван Пупок около 1495 г. был новгородским помещиком в Деревской пятине. В 1513 г. он отправился воеводой с Великих Лук в неудачный поход на Оршу [167]. В 1531/32 г. Иван Семенович был галичским наместником [168]. Андрей в 1500 г. — новгородский помещик Вотской пятины. К 1538 г. он уже умер в литовском плену [169]. Владимир в 1531/32 г. в литовском плену в Вильно выступал в качестве послуха в духовной Ф. М. Киселева [170].

О Григории Семеновиче у нас достоверных данных нет, а семейные предания с трудом укладываются в хронологические рамки [171]. Его брат Иван Хромой, костромской наместник, в 1540 г. дал небольшой вклад в Троицкий монастырь [172]. Только у Федора Ломаки жизненный путь сложился более или менее успешно. Будучи в 1500 г. новгородским помещиком Вотской пятины, он воеводствовал с 1523 по 1539 г. В разрядах он именуется головой из новгородских помещиков, но его дети уже служат дворовыми детьми боярскими по Москве [173]. Это может свидетельствовать об успехах, достигнутых их отцом по служебной лестнице чинов. Впрочем, по Москве служили и дети Григория Семеновича [174]. Возможно, поэтому в Московском уезде находились родовые земли еще их отца Семена Андреевича.

Во время событий 1537 г. были казнены дети Ивана Пупка, новгородские помещики Гаврила и Василий «во княж Андрееве Ивановиче вине, по отъезде, как князь Андрей Иванович пошел было к Великому Новугороду». Казнен был и новгородский помещик — сын Владимира Колычева Андрей [175]. Веселовский предположил, что были казнены и братья Андрея, также новгородские помещики. Он подметил, что в третьем колене рода Колычевых «что-то уж слишком много бездетных (на 41 человека 23 бездетных)». А так как многие Колычевы были испомещены в Новгороде, то, возможно, еще некоторые из них были казнены после событий 1537 г., за которые поплатились многие новгородские помещики и известные нам Колычевы среди них [176]. Соображение это весьма правдоподобно. Во всяком случае, в первой трети XVI в. Колычевы, служившие при дворе Василия III, думных чинов не получали. Это, возможно, было связано с тем, что значительная часть их была связана с кн. Андреем Ивановичем Старицким, а московский великий князь не склонен был возвышать родичей представителей удельной знати.

Потомки третьего из сыновей Александра Елко (Ивана Хлудня) — Хлудневы в изучаемый период ничем не выделялись из

детей боярских Государева двора [177]. Константин Федорович Хлуднев в 1495 г. сопровождал княгиню Елену в Литву, а его сын Тимофей в том же году ездил в свите Ивана III в Новгород [178]. Внук Константина и его племянники в середине XVI в. служили по Переславлю [179]. В Деревской пятине были испомещены Неплюевы, происходившие от четвертого сына Александра Елко [180]. Там же стали помещиками и потомки четвертого сына Андрея Кобылы (Гаврилы Гавши) — Боборыкины [181]. А связать свою судьбу с Новгородом в условиях конца XV—XVI в. означало исключить себя и своих потомков из Государева двора.

У последнего (пятого) сына Андрея Кобылы, Федора Кошки, было четверо сыновей: Иван, Федор Голтяй [182], Александр Беззубец и бездетный Михаил Дурной.

Из четверых сыновей Ивана Федоровича (Иван, Федор Брех [183], Яков Казак [184] и Захарий) «род пошел» только от последнего. Но его два брата по-своему способствовали укреплению положения Кошкиных среди придворной знати. Иван Иванович Кошкин выдал одну свою дочь за Тимофея Собакина, а другую — за Григория Козла Морозова; Яков Казак одну дочь выдал за Андрея Плещеева, другую — за кн. Федора Ушатого [185]. В 1432 г. Захарий Иванович Кошкин был одним из инициаторов скандала на свадьбе Василия II из-за пояса Василия Косого, энергично поддерживая великого князя [186]. В дальнейшие годы феодальной войны второй четверти XV в. о Кошкиных источники молчат. То ли Кошкины выжидали, к чему приведет ход событий, то ли действовали не на ратном, а на дипломатическом поприще. Некий «Иван Иванович» наместничал на Костроме около 1447—1455 гг. (в источниках его фамилия не названа). «Иван Иванович» упоминается среди бояр около 1461—1462 гг. в духовной Василия II. Думаем, что прав Веселовский, отождествлявший его с Кошкиным. Очевидно, он же упоминается около 1455—1462 гг. в качестве бежецкого наместника, а около 1465—1469 гг. «Иван Иванович» присутствовал среди бояр на разбирательстве Иваном III одного поземельного спора. В 70-х годах XV в. «Иван Иванович» также присутствовал среди бояр, но на решении одного местнического спора [187].

У Захария Ивановича Кошкина было три сына — Яков, Юрий и Василий Ляцкий. Яков и Юрий стали видными политическими деятелями, в первую очередь крупными администраторами. Боярство Якову Захарьичу «сказано» было уже ко времени новгородской поездки Ивана III 1479 г.[188] Ему как коломенскому наместнику в 1480 г. была доложена меновная грамота [189]. С августа 1485 г. он находился на новгородском наместничестве, будучи последовательным проводником великокняжеской политики [190]. Весной 1488 г. вместе с братом Юрием проводил розыск о новгородских еретиках. Зимой 1488/89 г. новгородцы даже хотели его убить [191]. В 1488 г. присутствовал на приеме имперского посла. В походе «на Северу» 1492 г. Яков Захарьич был вторым воеводой большого полка. С 1492 г. в течение ряда лет он вел переговоры

с литовскими вельможами о перемирии и сватовстве Елены Ивановны. В 1493 г. ходил в поход на Литву из Новгорода. Из Новгорода же в 1495 г. Яков Захарьич шел во главе большого полка в поход против «свейских немцев», а в конце 1496 г. — на Казань. В феврале 1498 г. он присутствовал на докладе одного из судебных дел кн. Дмитрию Ивановичу. В том же году помещен в Хронографическом списке думных лиц. Около 1499—1502 гг. Яков Захарьич присутствовал на докладе еще одного судебного дела, на этот раз кн. Василию Ивановичу [192]. Во время похода на Литву 1500 г., возглавляя большой полк, взял Брянск и помог одержать кн. Д. В. Щене победу на Ведроше [193]. Во время похода на Смоленск 1502 г. кн. Дмитрия Ивановича был вторым воеводой большого полка у кн. В. Д. Холмского. В 1502—1503 гг. вел мирные переговоры с литовцами, во время которых назывался «коломенским воеводой». И действительно, около 1480 г. и между 1497 и 1505 гг. он наместничал в Коломне. В конце 1503 г. он был «сидельцем» при составлении Иваном III его духовной. В 1504 г. Яков Захарьич присутствовал на докладе Ивану III одного местнического дела. В январе 1506 г. боярин Яков Захарьич, казначей Дмитрий Владимирович, печатник Юрий Траханиот и дьяки «являли» царевичу Петру великокняжескую милость: сообщили о согласии Василия III выдать за него замуж сестру московского государя. В апреле того же года он присутствовал на свадьбе кн. В. С. Стародубского. В сентябре 1507 г., как и в 1502 г., Яков Захарьич был вторым воеводой большого полка (при кн. В. Д. Холмском), отправленного с русской ратью на Литву. В апреле 1508 г. присутствовал вместе с В. Д. Холмским и дьяком Семеном Борисовым на докладе поземельного спора князей Кемских Василию III. В осеннем походе 1508 г. он уже возглавлял большой полк. Во время осеннего подхода 1509 г. Василия III в Новгород Яков Захарьич был оставлен в Москве (очевидно, по старости) [194]. Умер он 15 марта 1510 г.[195].

Второй из Захарьичей — Юрий — еще около марта 1471 г. был волостелем в двинских волостях Кегроле и Чакале. Во время поездки Ивана III в Новгород в октябре 1479 г. Юрий называется первым из детей боярских, сопровождавших великого князя. Не прошло и нескольких лет, как Юрий Захарьич участвовал в разъезде земель великого князя и Бориса Волоцкого (октябрь 1483 г.) уже в чине боярина. В 1485 г. отпущен в Казань сопровождать царя Магмед-Аминя [196]. С 1487 г. по весну 1489 г. наместничал в Новгороде [197]. В 1488 г. Юрий проводил с братом Яковом розыск о ереси в Новгороде, а осенью 1490 г. его послали для участия в соборе на новгородских «еретиков». Около 1490—1495 гг. ему докладывались разъезжие грамоты. Около 1490 г. Юрий Захарьич участвовал в разбирательстве судебного дела, которое проводил княжич Василий Иванович. В 1492/93 г. послан вместе с Д. В. Щеней сопровождать княжича Василия, получившего Тверское княжение [198]. В 1498 г. Юрий Захарьич упомянут в Хронографическом боярском списке. В августе 1499 г. должен был возглавлять полк

правой руки в предстоящем походе на Казань. Весной 1500 г. во время войны с Литвой, командуя большим полком, взял Дорогобуж. В 1501 г. присутствовал на приеме литовских и венгерских послов. Женат он был на дочери И. Б. Тучка Морозова. Юрию принадлежало поместье в Бежецкой пятине Новгорода [199].

Младший брат Якова и Юрия Захарьичей, Василий Ляцкий, ничем себя не проявил и, возможно, рано умер. Он был женат на дочери новгородского посадника Василия Никифоровича, убитого новгородцами в 1477 г. за верность Москве. Свое прозвище Василий Захарьич получил от Ляцкого погоста Шелонской пятины, где находились его владения. Земли принадлежали ему также в Бежецкой и Деревской пятинах [200].

Дети Якова и Юрия Захарьичей занимают в Думе прочное место. Сравнительно рано получили думные чины дети Якова. Впервые в разрядах упомянут среди постельничих в свите Ивана III, ездившего в 1495 г. в Новгород, Петр Яковлевич. Он же с двоюродным братом Михаилом («в окольничих места») приводит к присяге псковичей в начале 1510 г. В звании окольничего Петр Яковлевич упоминается летом 1512 г., когда оборонял третьим воеводой большого полка (при Д. В. Щене и А. И. Булгакове) южные окраины Руси. В том же году он уже второй воевода передового полка (при кн. И. М. Воротынском) в рати М. И. Булгакова на Угре. В 1514 г. он снова на Угре (при боярине С. И. Воронцове) [201]. В декабре 1515—декабре 1517 г. Петру Яковлевичу докладывались покупка и продажа княжеских земель. Во время Коломенского похода 1522 г. он сопровождал великого князя. В феврале 1527 г. принимал поруку по кн. М. Л. Глинском. В это время он был уже боярином. В 1528 г. вместе с кн. Б. И. Горбатым «выручил» князей И. М. и А. М. Шуйских. В случае побега этих князей Захарьин и Горбатый должны были уплатить великому князю значительную сумму, которая собиралась с «поручников» княжат и детей боярских. Умер он 9 июня 1533 г.[202]

Брат Петра, Василий Яковлевич, упоминается впервые в разрядах, притом сразу же как окольничий, в 1516 г., когда он был в Дорогобуже воеводой при кн. Б. И. Горбатом. Летом 1521 г. ему докладывалось дело о разбое и грабеже, которое судили М. Ю. Захарьин и Г. Ф. Давыдов. Последний раз в разрядах мы находим его вместе с братом в Коломенском походе 1522 г. В том же году он присутствует на приеме турецкого посла Скиндера. Умер он 1 августа 1526 г.[203]

Михаил Юрьевич впервые упоминается среди окружения Ивана III во время его Новгородского похода 1495 г. Еще в конце 1506 г. он был одним из малозаметных военачальников, состоя воеводой левой руки в полках царевича Яналея и С. И. Воронцова. Весной 1509 г. он участвует в церемонии встречи литовских послов. Во время Псковского похода он с боярами и окольничими (будучи «сыном боярским») в начале 1510 г. принимал с двоюродным братом Петром присягу псковичей («в окольничих места»). Возвышение М. Ю. Захарьина относится к ноябрю 1510—марту

1511 г., когда он возглавил посольство в Литву, которое, правда, еще вело переговоры о мелких порубежных спорах. К августу 1510 г. он получил звание тверского дворецкого, остававшееся за ним по крайней мере до 1522 г. После смерти В. А. Челяднина (около 1515 г.) он, возможно, некоторое время исполнял и обязанности дворецкого Большого дворца. Во всяком случае, в декабре 1519 г. он подписал правую грамоту на суздальские владения [204].

Во время Смоленских походов Михаил Юрьевич особенно ничем не отличился. В первом из них (1512—1513 гг.) он возглавлял сторожевой полк, во втором (1513 г.) был вторым воеводой в большом полку и в передовом полку, в третьем (1514 г.) снова получил назначение вторым воеводой в большой полк. Позднее, во время военной службы на Вошане в 1516 и 1517 гг., М. Ю. Захарьин также бывал вторым или даже третьим воеводой большого полка, как бы присматривая за кн. В. С. Одоевским (первым воеводой большого полка). В 1517 г., возможно, он принимал какое-то участие в отравлении Абдул-Летифа. Весной 1519 г. М. Ю. Захарьина отправили сажать на царство в Казань Шигалея. В феврале 1520 г. в боярском приговоре он назван первым после бояр [205].

Военная деятельность М. Ю. Захарьина не была сколько-нибудь успешна. Его участие в военных службах 1520-х годов было весьма ограничено (стоял с полком на Кашире в 1522—1524 гг., будучи третьим или вторым воеводой в большом полку). Похоже на то, что М. Ю. Захарьин исполнял роль «ока государева» при титулованных военачальниках. Правда, в походе на Казань 1524 г. ему была поручена вся артиллерия (вероятно, потому, что «наряд» был подведомствен оружничему, т. е. в конечном счете дворцовому ведомству). В военной компании он проявил явное малодушие. И все же, несмотря на скромное участие в военных операциях, Герберштейн называет Захарьина как «одного из ... главных советников» Василия III [206].

М. Ю. Захарьин подвизался преимущественно на дипломатическом поприще. С 1517 г. в его ведение фактически передаются литовские дела. На переговорах 1517, 1520, 1521, 1522 и 1526 гг. он возглавлял комиссию русских представителей. Во время приезда имперских послов С. Герберштейна (1517 г.) и Ф. да Колло (1518 г.) он присутствовал в церемониях встреч, но деятельного участия в переговорах как будто не принимал. При участии М. Ю. Захарьина проходят переговоры с прусскими послами в 1517, 1519, 1520 гг., а также с турецкими послами в 1522 и 1529 гг. О близости Захарьина к Василию III свидетельствует то, что на свадьбе великого князя в 1526 г. он был вторым (после Д. Ф. Бельского) дружкой Василия III. Во время нападения Ислам-Гирея осенью 1527 г. его оставили вместе с Б. И. Горбатым оборонять Москву. В 1527 г. М. Ю. Захарьин вместе с другими представителями придворной знати «ручался» за кн. М. Л. Глинского, а в июне 1528 г. скреплял своей печатью поручную княжат и детей боярских по князьях А. М. и И. М. Шуйских [207].

Несколько раз М. Ю. Захарьин вел судебное разбирательство: в 1523/24 г. вместе с И. Ю. Шигоной Поджогиным в качестве «боярина» расследовал дело о попытке муромских детей боярских бежать в Литву, в июне 1521 г. вместе с Г. Ф. Давыдовым — дело о «бое и грабеже», а в июне 1528 г. — о сожжении митрополичьего двора. На суде Василия III в 1525 г. по делу о «бое и грабеже» он присутствовал вместе с кн. Д. Ф. Бельским и кн. В. В. Шуйским. В мае 1531 г. М. Ю. Захарьин участвовал в процессе Вассиана Патрикеева. Очевидно, именно тогда, а не в 1525 г., он давал свидетельские показания о Максиме Греке [208].

Первый раз боярином М. Ю. Захарьин называется в июльских документах 1528 г., т. е., очевидно, уже тогда, когда перестал исполнять дворцовую должность. В 1531/32 г. он упоминается среди душеприказчиков великокняжеского протопопа Василия. Во время предсмертной болезни Василия III Михаил Юрьевич находился среди ближайших к великому князю лиц [209].

В декабре 1533 г. и январе—феврале 1537 г. М. Ю. Захарьин участвует в переговорах с литовскими послами. Осенью 1537 г. он должен был идти вторым воеводой большого полка судовой рати, которую предполагалось отправить к Казани. Именно к Михаилу Юрьевичу как специалисту по артиллерии («наряду») обратился в конце 1538—начале 1539 г. выходец из Литвы Иван Семенович Пересветов с предложением организовать мастерскую по производству особого рода гусарских щитов. Проект был встречен одобрительно, но вскоре (около октября 1539 г.) М. Ю. Захарьин умер, и дело заглохло [210].

Младшие братья Михаила Юрьевича — Роман и Григорий — впервые появлялись в разрядах под 1532 г.[211] Отец будущей царицы Анастасии Роман Юрьевич последний раз в разрядах упоминается в 1535 г.[212] и, очевидно, вскоре после этого умер. А его брат Григорий в 1547 г. стал боярином.

Сын Василия Ляцкого Иван стал крупным военачальником. Его жизненный путь был наполнен взлетами и падениями. Еще в 1510/11 г. он служил вторым воеводой большого полка на Туле. Весной 1514 г. участвовал в приеме турецкого посла Камала. В 1515 г. он находится в войсках кн. Б. И. Горбатого (вторым воеводой передового полка при кн. С. Ф. Курбском), а в рати кн. Д. В. Щени — даже четвертым в таком же полку. Когда в 1516 г. войска кн. А. Б. Горбатого направились с Белой к Витебску, то И. В. Ляцкий был вторым воеводой передового полка (при кн. И. Ф. Ушатом). В 1517 г. он был уже первым воеводой левой руки в рати кн. В. С. Одоевского на Вошане, откуда он был направлен в Вязьму (в той же должности, но в войсках кн. В. В. Шуйского). Под Опочкой кн. В. Ф. Телепнев и И. В. Ляцкий одержали блистательную победу над литовскими войсками кн. Константина Острожского. В связи с ней «бысть Ляцкому от великого князя честь велика». В 1519 г. в походе из Дорогобужа в Литву был вторым воеводой передового полка. В 1522 г. он вместе с Василием III и его

воеводами участвует в Коломенском походе. Когда ставили «Васильгород» в 1523 г., И. В. Ляцкий был вторым воеводой передового полка в конной рати. В походе под Казань 1524 г. он вновь второй воевода передового полка (при кн. С. Ф. Курбском) в судовой рати кн. И. Ф. Бельского. Ляцкий был, очевидно, человеком широко образованным. Во всяком случае, именно его во время одного из посольств в Россию (1517 или 1526 г.) С. Герберштейн просил составить описание Московии [213].

В 1526 г. Иван Васильевич отправляется (уже в чине окольничего) с посольством к Сигизмунду для подтверждения перемирия с Литвой, а возвращается на родину в апреле 1527 г. В январе 1528 г. мы застаем его вторым псковским наместником при кн. В. А. Микулинском. Летом того же года он стоял в Вязьме при И. В. Хабаре, ожидая возможной войны с Литвой. В марте 1529 г. его перебросили на Коломну, а летом того же года он находился уже «против Ростиславля» при кн. М. И. Кубенском и кн. И. Ф. Телепневе-Оболенском. Затем по непонятной причине Ляцкий попадает в опалу, которая с него снимается (как и с других опальных) в августе 1530 г. в связи с рождением наследника престола. В январе 1531 г. он назван четвертым среди воевод, находившихся на Кашире (после кн. В. В. Шуйского, И. В. Хабара и кн. М. И. Кубенского). Во время набега «крымских людей» на тульские украины, когда снова понадобился военный талант Ляцкого, он назначается вторым воеводой большого полка (при кн. И. М. Воротынском). Однако воевод постигла опала, ибо они не смогли воспрепятствовать вторжению крымских войск и были отозваны в Москву. В мае 1533 г. И. В. Ляцкий вновь на ратном поприще, на этот раз командуя вместе с кн. С. В. Одоевским большим полком. В августе того же года он находился среди воевод на Коломне [214].

Смерть Василия III и приход к власти временщика И. Ф. Телепнева-Оболенского роковым образом сказались на судьбе Ляцкого. Летом 1534 г. он служил на Коломне вторым воеводой сторожевого полка (при кн. Р. И. Одоевском), а вскоре бежал в Литву из Серпухова вместе с кн. С. Ф. Бельским. Здесь его щедро наградили. Побег Ляцкого, может быть, вызывался тем, что этот талантливый военачальник был под подозрением у новых правителей, которые назначили его воеводой на скромную по своему значению должность [215]. У И. В. Ляцкого еще в 1504 г. были владения в Переславском уезде. Около 1510 г. ему принадлежало с. Милославское Кашинского уезда, которое он в 1515/16 г. променял на с. Розжалово Ростовского уезда [216].

У третьего сына Федора Кошки, Александра Беззубца, было трое сыновей: Иван, бездетный Григорий и Константин. Ветвь Беззубцевых, шедшая от Ивана Александровича, скоро вымерла. Из двух его внуков старший (Федор) умер бездетным [217], а у младшего (Ивана Кудреватого Бобыля) родился один сын (Леонтий), да и тот не оставил потомства мужского пола [218].

Константин Александрович Беззубцев, не рассчитывая, воз-

можно, пробиться в государеву Думу, где заседали его братья, пошел в Углицкий удел. Уже в 70—80-х годах XV в. он присутствовал на обмене земель кн. Андрея Васильевича Углицкого [219]. У Константина было пять сыновей — Федор, Андрей Шеремет, Семен Епанча, Михаил и Александр Сова.

Ветви Беззубцевых от Федора [220] и Александра не пошли, так как оба их сына умерли бездетными (Андрей Хрущ — у первого и Иван — у второго). А вот Андрей Шеремет стал родоначальником известной боярской семьи Шереметевых. О самом Шереметe известно только, что в начале 80-х годов XV в. его послужильцы были распущены [221].

Трое сыновей Шеремета (Иван, Василий и Борис) в 1500 г. присутствовали на свадьбе кн. В. Д. Холмского [222]. Иван Андреевич Шереметев в 1508 г. служил в Мещере воеводой левой руки. Наместничал он на Двине около 1510 г. В 1514 г., во время третьего Смоленского похода, вместе с другими «головами» вел дворовых детей боярских с Тулы под Смоленск. В 1516 г. он стоял с небольшим полком на Рославле. В 1520 г. И. А. Шереметев находился среди воевод «в Мещере». Погиб Иван Андреевич во время набега Мухаммед-Гирея 1521 г.[223] До думного чина он не дослужился. О Борисе Шереметеве определенных сведений у нас почти нет. Известно только, что в 1500 г. он присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского [224].

Василий впервые упоминается, как и его брат, в 1500 г. В 1521 г. он находился с другими воеводами на Коломне. Затем его отослали в Вязьму, а в 1522 г. он снова попал на Коломну. Под Голутвином в 1522 г. В. А. Шереметев назван вторым среди воевод. В неудачном Казанском походе 1524 г. в конной рати И. В. Хабарова возглавлял передовой полк. Во время свадьбы Василия III, в январе 1526 г., он стоял «у великого князя зголовья». Осенью 1527 г. В. А. Шереметев находился под Бачмановом с войсками, которые должны были противостоять ожидавшемуся тогда набегу Ислам-Гирея. Затем В. А. Шереметев снова появился в 1529 г. с войсками, находившимися в Коломне. В неудачном Казанском походе 1530 г. в конной рати кн. М. Л. Глинского он второй воевода большого полка. Поэтому он и разделил ответственность с другими военачальниками за неуспех. Снова наступил перерыв в служебной карьере В. А. Шереметева, и только летом 1532 г. его послали «против Ростиславля» в полках В. А. Микулинского. Он упоминается в разрядах вплоть до 1537 г.[225] Около 1537—1538 гг. Шереметев постригся в Троицком монастыре и умер в 1548 г.

В Думу он, так же как и его брат, не попал [226]. Трудно сказать, в чем были причины такого «невезения». Зато дети В. А. Шереметева (Иван Большой, Иван Меньшой и Никита) были видными боярами, а Семен — окольничим, но произошло это уже в годы правления Ивана IV.

Брат Андрея Шеремета Семен Епанча источникам не известен. Зато в них фигурирует Замятня Константинович Беззубцев.

Возможно, это — одно лицо. В 1514 г. он числился конюшим (очевидно, новгородским) [227].

Следующий Константинович — Михаил, как и его отец, служил в Угличе. В 1489 г. он записан в разрядах как «князь Ондреев воевода». После поимания углицкого князя (1491 г.) Михаилу Константиновичу сначала, очевидно, пришлось туго, но уже в 1498/99 г. вместе с другими воеводами он посылается на Казань. Затем в его биографии наступил длительный перерыв, после которого Михаил неожиданно в конце 1509 г. появился на горизонте, причем уже в чине окольничего [228]. Это — последнее сведение о Михаиле Константиновиче. Во всяком случае, еще до 1519/20 г. он умер [229].

Таким образом, из разветвленной семьи Кобылиных прочные позиции в Думе ко времени вступления на престол Ивана III занимали только дети младшего сына Андрея Кобылы — Федора Кошки. Жеребцовы, Колычевы, Боборыкины связали свою судьбу с Новгородом и отчасти с Угличем, и поэтому никто из них (разве что И. А. Лобан Колычев) при великокняжеском дворе особым доверием на пользовался.

Старший внук Федора Кошки, Иван Иванович, входил в Думу в качестве боярина около 1461—1462 гг. и был им, возможно, еще в 70-е годы. Поскольку у него и его брата Якова Казака сыновей не было, а сын другого брата — Федора Бреха Василий погиб в бою бездетным, думные должности вслед за ним получили его племянники от младшего брата Захара. Яков и Юрий Захарьичи были боярами, во всяком случае первый — с 1479 г., а второй — с 1483 г. После смерти Юрия (где-то около 1501 г.), Якова (1510 г.) и ранней кончины их младшего брата (Василия Ляцкого) ситуация изменилась. Кошкиных стали назначать не боярами, а окольничими. Изменение в порядке думских назначений, впрочем, характерно не только для этого рода, но и вообще для политики Василия III по отношению к старомосковскому боярству.

Около 1509 г. чин окольничего получил старший в роду Кошкиных — Михаил Константинович Беззубцев, вскоре после этого скончавшийся. В 1510 г. (или в крайнем случае к 1512 г.) окольничим становится старший сын Якова Захарьича Петр, а через несколько лет и его брат Василий (в 1516 г.). После смерти рано умершего Василия (1526 г.) его место сразу же занял двоюродный брат Иван Васильевич Ляцкий (1526 г.), «обойдя» на время по лестнице чинов детей Юрия Захарьича. В 1527 г. Петр Яковлевич стал боярином.

Впрочем, старший из детей Юрия, Михаил, в это время служил по дворцовому ведомству и в 1528 г. сразу же стал не окольничим, а боярином. Почему не продвинулись при Василии III его братья Роман и Григорий Юрьевичи, не вполне ясно. Возможно, этому препятствовало то, что сначала дворцовое звание (тверского дворецкого), а затем думный чин был у их старшего брата.

Сабуровы

Сабуровы происходят из боярской семьи костромичей Зерновых, известной с начала XIV в.[230] У внука Дмитрия Зерна Федора Сабура было, очевидно, шестеро сыновей — Данила, Михаил [231], Иван, Василий, Семен Пешек и Константин Сверчок. В годы феодальной войны второй четверти XV в. Михаил Федорович Сабуров некоторое время находился на службе у Дмитрия Шемяки, но затем перешел на сторону Василия Темного (1447 г.) и был прощен. Уже около 1448—1452 гг. он судил одно поземельное дело (о боярстве его в нем не упоминалось) [232]. Владения Михаила находились в Костроме. До апреля 1459 г. он дал костромские земли Троицкому монастырю, а до 1461/62 г. — княгине Марье Ярославне. Инок Симонова монастыря Мисаил Сабуров дал около 1463—1464 гг. в Ипатьевский монастырь ряд земель на Костроме [233]. Сведение Шереметевского списка, что М. Ф. Сабуров был дворецким и боярином, подтверждается Румянцевским родословцем [234]. Дядей Сабурова был Геннадий Бутурлин. Дочь Михаила Федоровича была замужем за кн. Ярославом Васильевичем Оболенским [235] (схема 15).

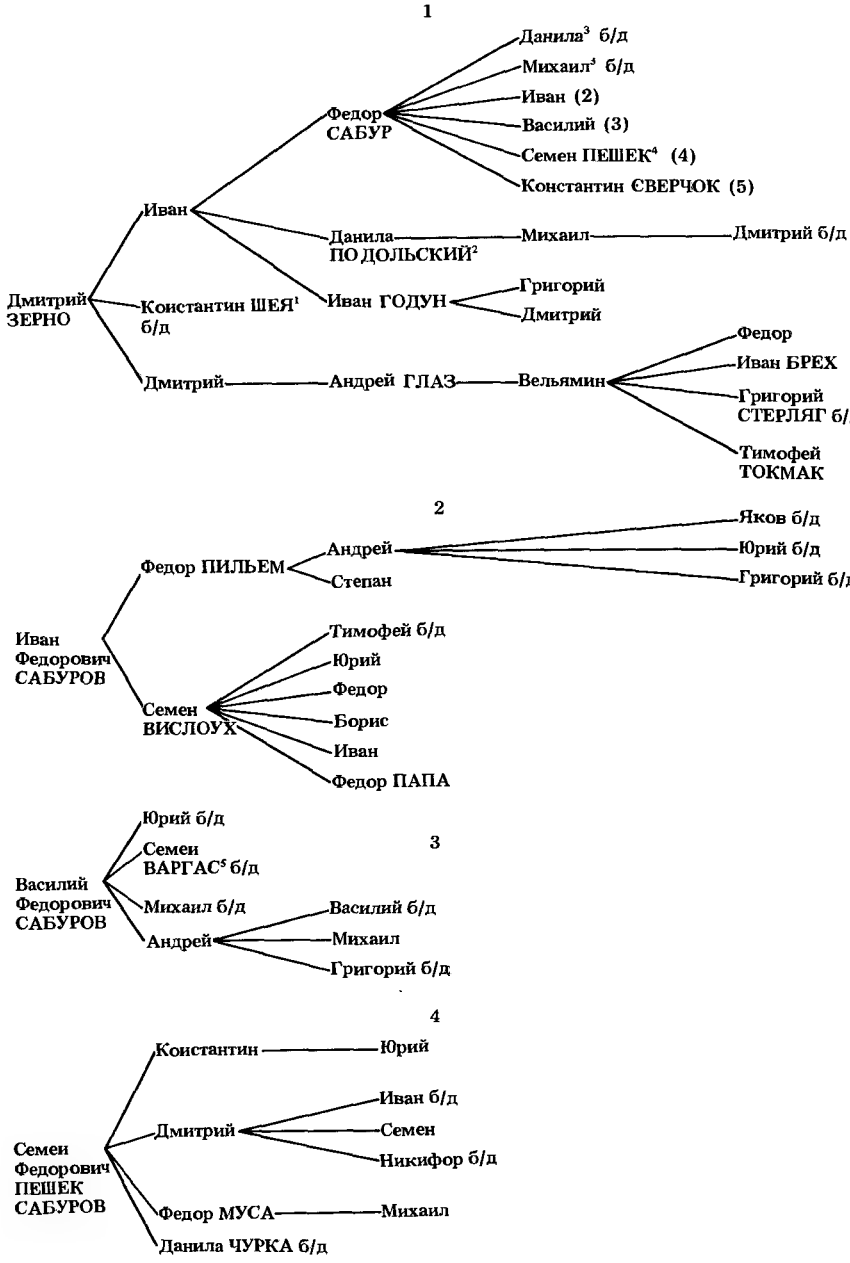
Василий Федорович Сабуров около 70-х годов XV в. местничал с Г. В. Заболоцким. Около 1483—1485 гг. он присутствовал на докладе у Ивана III. Около 1465—1469 гг. вместе с братом Иваном назван среди «бояр» Ивана III на докладе. В 1471 г. он называется боярином дмитровским князя Юрия. После его смерти (в октябре 1472 г.) Василий Федорович перешел на великокняжескую службу, но, наверно, боярского звания не сохранил, так как в записи о походе на Новгород 1477 г. и в грамоте сентября 1478 г. на Вятку, где находился В. Ф. Сабуров, о его боярстве не упоминалось [236].

Семен Пешек Федорович Сабуров, брат Василия Федоровича, известен как боярин княгини Марьи (в Ростове). Когда образовался Вологодский удел (после 1462 г.), она отпустила Семена Пешка к своему сыну Андрею Васильевичу. В походе к Устюгу 1468 г. он упоминался как воевода кн. Андрея (шел «с вологъжаны»). Князь Андрей посылал его с Вологды на Кокшенгу и в 1471 г. В 1477 г. во время похода на Новгород летописец (по старой памяти, что ли?) называл Семена Пешка боярином княгини Марии (Марфы). Сведения о его боярстве при великокняжеском дворе не подтверждаются [237].

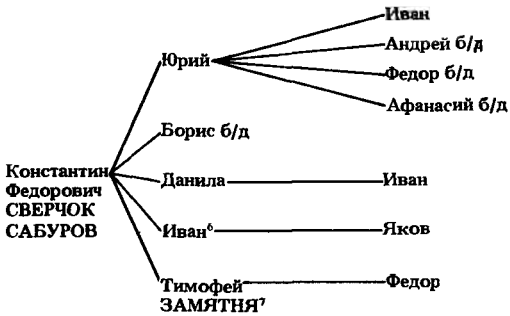
Его дети (Константин, Дмитрий, Федор Муса и Данила Чурка) около 1485/86 и в 1496/97 гг. составляли раздельные записи на свои владения [238]. Федор Семенович в 1516/17 г. описывал Тверь, а в разрядах упоминался под 1512 г.[239] Константин еще до 1496 г. держал в кормлении половину Зубцова, а Дмитрий Пешков описывал Зубцов и Опоки в конце 1491 г. В 1495 г. он был отпущен в Литву с княгиней Еленой Ивановной в качестве ее дворецкого [240].

Братья Семен Пешек и Константин Сверчок около 1468—1472 гг. послушествовали в данной кн. Д. Д. Холмского [241].

Схема 15
Сабуровы



5



Примечания:
[1] Л нет.
[2] Р Польской.
[3] — [5] Так Л. Р Михаил, Данила. Т Михаил.
[4] Л Пешак.
[5] По Т у него сын Дмитрий.
[6] Л Иван Замятня.
[7] Л нет. Р Тимофей да Замятня.

Племянник их Федор Иванович Пильем купил у своих дядьев Василия и Семена землю в Ростове около 1474—1484 гг. Вместе с братом Семеном Вислоухом он разделил купленную землю и составил запись, доложенную боярину княгини Марьи, и разъезжую. Семен Вислоух в конце XV в. был испомещен в Новгородской земле [242].

Юрий Константинович, отец Соломонии Сабуровой, первой жены Василия III, в 1495/96 г. руководил переписью Обонежской пятины. Около 1501 г. он был наместником в Кореле. Во время княжения Василия III Сабуровы, несмотря на родство с великим князем, особенно высоких постов не занимали. В феврале 1506 г. Ю. К. Сабурову докладывались судебные решения по земельным спорам. В 1506 г. он был послан в Муром «для казанского дела» и в рати кн. Д. В. Щени командовал сторожевым полком. Впервые упомянут с думным чином окольничего только осенью 1509 г., когда во время Новгородского похода Василия III оставлен (очевидно, уже как «состарившийся») в Москве [243]. После этого он окончательно прекращает служилую деятельность. Умер в 1511/12 г.

Брат Юрия Константиновича (Сверчкова) Иван в 1501/02 г. наместничал в Городце, в 1510 г. был писцом во Пскове, в 1517—1525 гг. служил новгородским дворецким. Владел в Новгороде поместьем [244]. Другой брат Юрия, Тимофей Замятня, до мая 1505 г. был наместником на Вятке. Погиб он под Оршей в 1514 г., а сын Тимофея Федор погиб под Казанью в 1530 г.[245] В 1517/18 г. Иван, Федор и Афанасий Юрьевичи сделали небольшой земельный вклад (половину деревеньки Московского уезда) в Троицкий монастырь [246]. Иван Юрьевич в 1522 г. упоминается в скромной должности рынды. Есть глухое известие, что он был кравчим Василия III [247].

Наиболее крупной фигурой из Сабуровых был двоюродный брат Юрия Андрей Васильевич. Он принадлежал к тому поколению служилых людей, которые впервые упоминаются в разрядах в 1495 г., во время Новгородского похода Ивана III и (как стольник) во время поездки княгини Елены в Литву [248].

В летнем походе на Казань 1506 г. он был с другими воеводами у наряда, приданного к большому полку судовой рати. В 1506 г. в рати на Мураме кн. Д. В. Щени он был в правой руке вторым воеводой. В летнем походе 1508 г. в Литву «из Северы» он возглавлял сторожевой полк. Встречал с другими воеводами кн. М. Л. Глинского. В большом осеннем походе в Литву 1508 г. он был в том же полку, но только пятым воеводой. За ратные успехи и в силу родственных связей с Василием III к осени 1509 г. А. В. Сабуров, когда он сопровождал великого князя в Новгород, стал окольничим. В 1512 г. его послали в Серпухов в ожидании набега крымцев. В декабре 1512 г. он участвовал в первом Смоленском походе. Во время второго похода возглавлял сторожевой полк, находившийся в рати кн. Д. В. Щени, расположенной в Вязьме. Затем в авангарде русских войск, шедших под Смоленск, А. В. Сабуров командовал передовым полком. В «большой рати» под Смоленском он только второй в том же полку. Зимой 1514 г. в рати кн. В. В. Шуйского, направленной в Литву, он уже второй воевода большого полка. В 1515—1517 гг. он наместничал с Шуйским во Пскове. В январе 1515 г. совершил дерзкий набег на Рославль. В 1519 г. в войсках В. В. Шуйского, направленных из Вязьмы в Литву, снова второй воевода в большом полку. В феврале 1520 г. он назван шестым в боярском приговоре по делу о краже. Во время набега Мухаммед-Гирея в 1521 г. А. В. Сабуров находился в Муроме третьим среди воевод, затем на Коломне при кн. Б. И. Горбатом. Во время Коломенского похода Василия в 1522 г. Андрей Васильевич возглавлял сторожевой полк на Кашире. Затем на девять лет Сабуров исчез из разрядов. Очевидно, это было связано с пострижением Соломонии и вторым браком Василия III. Последний раз А. В. Сабуров упоминается в конце 1531 г. на Костроме, причем впервые с боярским титулом [249]. Его сын Григорий погиб еще раньше — под Казанью в 1530 г.[250], а другой сын — Михаил участвовал как рында в походе 1522 г.[251]

Кроме костромских вотчин, Сабуровым принадлежало сельцо Шихово, находившееся в 25 верстах от Александровой слободы [252]. Наиболее приближенные к великому князю лица стремились обзавестись владениями вблизи этого излюбленного Василием III места. Сабуровы владели землями и в других уездах Русского государства. Во всяком случае, сын Ю. К. Сабурова (Сверчкова) Афанасий и его племянники Федор, Андрей и Замятня Ивановичи в середине XVI в. служили по Торжку, внук Иван Данилович был помещиком Шелонской пятины, а дети А. В. Сабурова и Сабуровы-Вельяминовы служили по Торопцу [253]. Последние, впрочем, в изучаемый период ничем себя не проявили [254].

На отношение Ивана III к Сабуровым повлияла колеблющаяся позиция М. Ф. Сабурова в годы феодальной войны. Сам Михаил Федорович, возможно, боярином был, но уже около 1463/64 г. он постригся в монахи. Среди членов боярских комиссий около 1465—1469 гг. называются его дети Иван и Василий. Во всяком случае, В. Ф. Сабуров в 1471 г. был боярином кн. Юрия Василь-

евича Дмитровского, а в 1477/78 г. на великокняжеской службе упоминался без чина боярина.

Только брак Василия III и Соломонии поправил положение Сабуровых при великокняжеском дворе. Отец великой княгини Юрий Константинович Сабуров с 1509 г. до смерти в 1511/12 г. был окольничим. В том же 1509 г. окольничим стал его двоюродный брат А. В. Сабуров, видный политический деятель. В 1531 г., незадолго до смерти, он получил звание боярина.

Удельные (и новгородские) связи Сабуровых до начала XVI в. не позволяли им занять высокое положение в составе великокняжеского двора.

Плещеевы

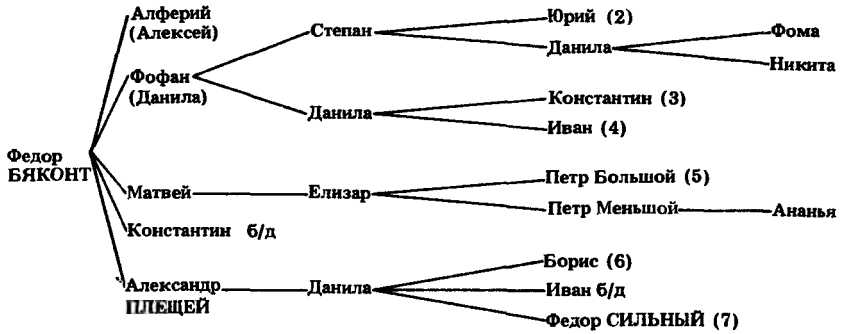
Видный боярский род Плещеевых вел свое происхождение от жителя Черниговской земли Федора Бяконта. В Москве Плещеевы служили еще в начале XIV в. Среди пяти сыновей Федора Бяконта самым знаменитым стал Алексей, митрополит всея Руси. Потомки следующего по старшинству сына (Фофана) строили карьеру на этом знатном родстве — в большинстве своем они служили при дворе митрополитов, многие из них были митрополичьими боярами [255]. Внук Фофана Константин Данилович был женат на дочери боярина времен Василия I Дмитрия Васильевича [256]. Четвертый сын Бяконта, Константин, умер бездетным. Не сложилась придворная карьера у наследников третьего сына Бяконта Матвея. Его потомки (Москотиньевы, Пятые) затерялись в общей массе дворовых детей боярских [257]. Зато наследники пятого сына Бяконта Александра Плещея заняли видные позиции при великокняжеском дворе (схема 16).

Правнук Александра Плещея Михаил Борисович активно способствовал победе Василия II в 1447 г. Тем самым он обеспечил себе прочные позиции при великокняжеском дворе. В одном местническом деле (до 1485 г.) М. Б. Плещеев упоминался как «старый боярин» [258]. У него было семеро сыновей — Андрей, Тимофей (Юрло), Петр, Веньямин, Григорий Охота, Иван Хромой и Федор Мешок [259]. Сохранилась данная грамота Михаила Борисовича и его детей Андрея и Тимофея Троицкому монастырю (около 1446/47 г.). Уже в монашестве Михаил (Мисаил) дал свою переславскую землицу в тот же монастырь (около 1467—1474 гг.) [260].

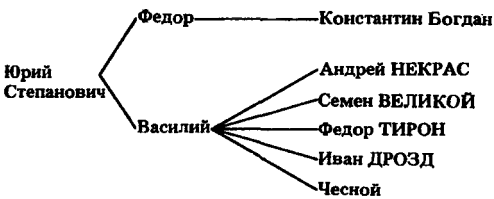
Андрей Михайлович Плещеев еще в 1446 г. сообщил в Москву об освобождении татарами Василия II. Он был окольничим во время Новгородского похода 1475 г. Во время конфликта с братьями в 1479 г. Иван III посылал к ним своего «боярина» А. М. Плещеева. В 1480 г. он отправлялся с Софьей Палеолог на Белоозеро в связи с походом Ахмата. В 1482/83 г. ездил с братом Петром в Волохи, где сватал Елену Стефановну. Около начала 80-х годов XV в. Андрей Михайлович присутствовал на докладе у великого князя Ивана Ивановича (без упоминания о боярстве). В июле 1490 г. был на приеме имперского посла. В 1485 г.

Схема 16
Плещеевы

1



2

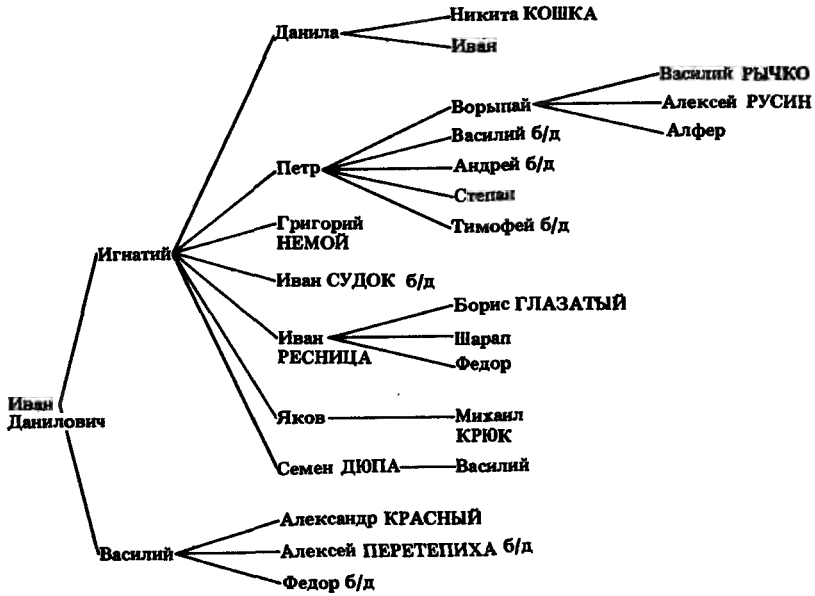


3

А. М. Плещеев упоминался среди бояр, которые оставались («по старости», очевидно) в Москве во время Тверского похода. А. М. Плещеев был женат на дочери Якова Ивановича Казака (из рода Кошкиных) [261]. Сохранилось завещание А. М. Плещеева (до 19 августа 1491 г.) [262].

Тимофей (Юрло) Михайлович Плещеев упоминается среди послухов в купчей 1455—1457 гг. и данных 1455—1466 гг.

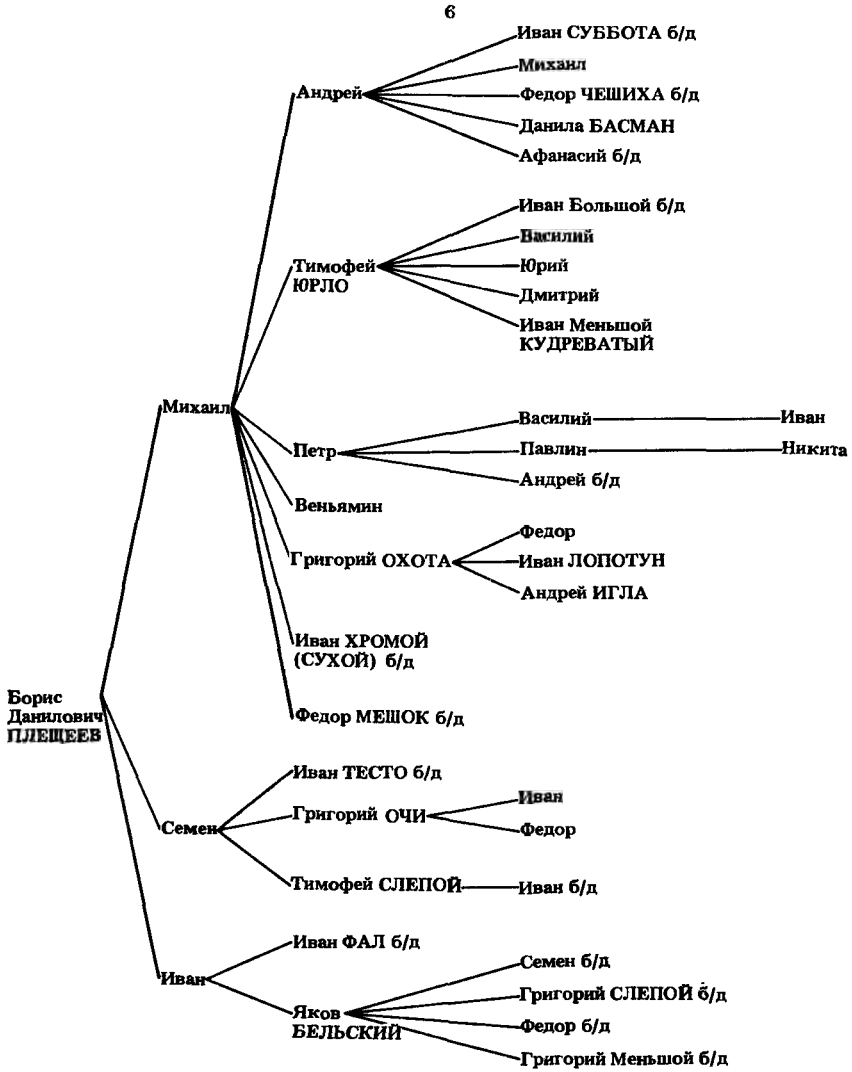
4



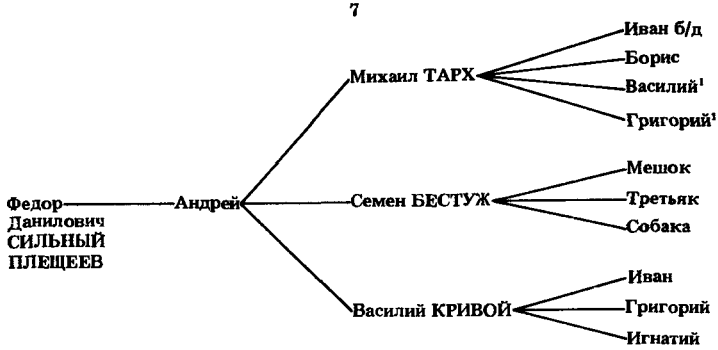
5

(на земли Бежецкого и Дмитровского уездов) [263]. В 1469 г. участвовал в походе к Казани. Разбитый татарами еще на Волге, у Усть-Камы, он попал в плен. Сведения родословцев о его окольничестве подтверждаются помещением его в Хронографическом списке 1498 г. среди окольничих [264]. Так как его младший брат Петр уже в 1487 г. известен как окольничий, можно думать, что Юрло получил свой чин ранее этого. В 1495 г. в разрядах упоминаются дети Юрла Иван и Василий [265]. В дальнейшем Иван Большой бежал в Литву и в 1516 г. получил от литовского великого князя грамоту [266]. Василий в 1508 г. был воеводой князя Семена Калужского, а потом пострижен «в опале» в Кирилловом монастыре (возможно, в связи с побегом брата) [267]. Его братья Юрий и Дмитрий еще ранее «убиты на Смолине», т. е. под Смоленском, в 1502 г.[268]

Третий из Михайловичей, Петр, еще в октябре 1478 г. посылался Иваном III с поручением в Вятку. В 1482 г. он ездил с братом Андреем в Валахию. Осенью 1487 г. в чине окольничего П. М. Плещеев вел переговоры с литовскими представителями.



До августа 1491 г. он упоминался как один из душеприказчиков в завещании своего брата. В сентябре 1490—феврале 1495 г. Петр Михайлович находился на новгородском наместничестве. В конце 1495—начале 1496 г. в качестве окольничего он ездил в свите Ивана III в Новгород. В июне 1497 г. П. М. Плещеев посылался во главе передового полка в Нарву. Помещен он в списке думных чинов в Хронографе (1498 г.). В августе 1499 г. он наместничал в Козельске. В походе 1500 г. к Путивлю П. М. Плещеев возглавлял сторожевой полк. Весной 1501 г. отпущен с поручением



Примечание: [1—1] В родословных книгах нет. Есть в писцовых книгах.

в Тверь. В 1503 г. возглавлял посольство, отправленное в Литву. В июне 1504 г. Петр Михайлович выиграл местническое дело у П. Г. Заболоцкого. Владения П. М. Плещеева (около 1504 г.) находились на московско-дмитровском рубеже. По данным родословцев, был дмитровским и московским боярином [269]. Насколько это сведение точно, неясно. Во всяком случае, еще в июле 1504 г. был окольничим. Но он мог, конечно, после этого перейти в Дмитровский удел, где и получить боярство. В 1510 г. Петр Михайлович составил завещание и через несколько лет (около 1517—1518 гг.) умер [270]. Мачехой его была Марья. Его сын Василий продал в 1517/18 г. в Троицкий монастырь с. Нахабино. В 1495 г. он сопровождал княгиню Елену в Литву. Упоминался В. П. Плещеев и во время поездки Ивана III в Новгород в конце того же года [271].

Четвертый из братьев Плещеевых, Веньямин, «был в Троицком монастыре в чернцах» [272].

Пятый брат (Григорий Охота) в 1478/79 г. выступал послухом по одной земельной сделке [273]. Как установил Ю. Г. Алексеев, Григорий, Андрей, Петр и Юрло были переславскими землевладельцами [274].

Последний (седьмой) из братьев Плещеевых, Федор Мешок, был мало чем примечательной личностью. Впервые в разрядах его упомянули в качестве воеводы левой руки во время похода 1500 г. в Литву. Во время похода 1515 г. и февральского похода 1519 г. к Витебску он был вторым воеводой в таком же полку [275].

У старшего сына Михаила Борисовича, Андрея, было пятеро сыновей. Старший из них, Иван Суббота, в 1492—1493 гг. ездил с миссией в Валахию, а вскоре после этого был убит под Выборгом (1495 г.) [276]. Наиболее видным деятелем был следующий сын Андрея — Михаил. В феврале 1490 г. он занимал еще скромную должность переславского волостеля. Провожал в январе 1495 г. в составе других придворных детей боярских Елену Ивановну, отправлявшуюся в Литву, и в 1495 г. сопровождал Ивана III в его

поездке в Новгород. В конце 1496 г. его направили первым русским представителем в Турцию, откуда он вернулся в феврале 1498 г. В 1508 г. он служил вторым воеводой большого полка в Мещере. Во время первого Смоленского похода М. А. Плещеев с Василием Шемячичем и Василием Стародубским в конце 1512 г. направляется в рейд к Киеву. Во время второго похода он в рати кн. Б. И. Горбатого на Дорогобуже возглавляет полк левой руки. В 1514 г. как специалист по восточным делам присутствовал на приеме турецкого посла Камала [277].

В 1515 г. в рати Д. В. Щени, располагавшейся в Дорогобуже, Михаил Андреевич был только третьим воеводой сторожевого полка, зато в 1517 г. на Луках — третьим в большом полку у кн. А. В. Ростовского. В 1520 г. он уже второй воевода большого полка на Толстике (Мещера). Во время крымского набега Мухаммед-Гирея 1521 г. М. А. Плещеев в Нижнем упоминается всего-навсего третьим из воевод. На следующий год его вместе с другими воеводами Василия III направили в Коломну. В 1523 г. он второй воевода в передовом полку в рати, отправленной к Нижнему. Затем М. А. Плещеев надолго исчезает из нашего поля зрения. Михаила Андреевича постигла опала. В декабре 1525—начале января 1526 г. происходит сыск родства великокняжеских невест, предписывавший, «чтоб которой девке не было в племяни Щенятевых и Плещеевых». Мне представляется, что опала М. А. Плещеева связана с близостью Плещеевых к дмитровскому князю Юрию. В. Д. Назаров объяснял ее тем, что в 1510/11 г. за рубеж бежал И. Т. Юрлов Плещеев. Только в августе 1530 г. в связи с рождением наследника престола М. А. Плещеев вместе с другими опальными людьми был милостиво прощен. В декабре 1532 г. он дал присягу в верности Василию III, обещая никуда не отъезжать (в частности, в уделы князей Юрия и Андрея). За это государь «вину ему отдал» [278].

Странная судьба была у Михаила Андреевича. Несомненно, талантливый и деятельный человек, он все время находился под подозрением у Василия III и до думного чина так и не дослужился [279]. Возможно, это объяснялось тем, что Плещеевы были близки к Юрию Дмитровскому. У этого князя служил в боярах дядя Михаила Петр Михайлович, а также один из его родичей — Василий Рычко [280]. Могло иметь значение и то, что несколько Плещеевых служили митрополитам, причем Богдан Федорович — Варлааму [281]. Может быть, сказалось на судьбе Михаила и то, что его младший брат Афанасий постригся в Кирилло-Белозерском монастыре, основной опоре нестяжателей и их лидера Вассиана Патрикеева [282].

Третий из братьев Плещеевых, Федор Чешиха Андреевич, рано умер (во всяком случае, до 1513/14 г.). Его вдова, дочь какого-то князя Ивана Александровича (возможно, Звенигородского), в 1513/14 г. выдала свою дочь Настасью за кн. И. В. Оболенского. Ее другая дочь (Ирина) в декабре 1515 г. была замужем за кн. П. В. Хованским [283].

Четвертый из братьев, Данила Басман, отец известного боярина времен Ивана IV, в 1514 г. под Оршей попал в плен [284].

У Михаила Борисовича Плещеева был брат Семен. От его сына Григория Очи (упоминается в разрядах в 1500—1520 гг.) [285] пошли Очины-Плещеевы. Григорий Очи, вероятно, служил в удельной Калуге, ибо его сын Федор в середине XVI в. входил в состав калужских детей боярских [286].

Незавидной (по понятиям придворной аристократии XVI в.) была судьба внуков третьего брата М. Б. Плещеева — Ивана [287]. Старший из них, Семен, служил новгородскому владыке, Григорий Слепой мелькнул в разрядах 1531 г.[288], Федор погиб под Оршей в 1514 г., а Григорий Меньшой — под Полоцком. Все они были бездетными. Младший брат Григория Очи, Тимофей Слепой, был испомещен в конце XV в. в Новгороде [289]. Его бездетный сын Иван погиб в 1514 г.

Сын двоюродного брата М. Б. Плещеева Андрея Федоровича Михаил Торх (Тарх) со своими детьми Иваном, Борисом, Василием и Григорием в конце XV в. были испомещены в Новгороде [290].

Владения Плещеевых находились в Верейском, Дмитровском, Звенигородском, Московском, Переславском и Тверском уездах [291].

Плещеевы во второй половине XV—первой трети XVI в. переживали и подъемы, и падения. Боярином еще при Василии Темном был Михаил Борисович, доживший до конца 60-х—начала 70-х годов. Его старший сын, Андрей, называется окольничим в 1475 г., т. е., очевидно, вскоре после смерти Михаила Борисовича. Уже в 1479 г. он стал боярином (умер в 1491 г.). Его брат Юрло, вероятно, спустя немного времени после перехода Михаила в бояре занял его место среди окольничих, а третий брат, Петр, получил это звание в 1487 г. (умер около 1517—1518 гг.).

Связь Плещеевых с Дмитровским уделом задержала дальнейшее продвижение их в Думу. Так, видный деятель того времени М. А. Плещеев, которого постигла опала в 1523 г., даже после выхода из нее (1530 г.) думного чина не получил.

[1] Не смешивать с «Протасьевыми», которые приписывали себя к этому Протасию.

[2] О раннем периоде истории предков Протасия см.: *Воронцов-Вельяминов Б. А.* К истории ростово-суздальских и московских тысяцких // История и генеалогия. М., 1977. С. 124—139.

[3] Род. кн. Ч. 2. С. 14—15; РИИР. Вып. 2. С. 135.

[4] Брат казненного Ивана Васильевича Микула был женат на дочери великого князя Дмитрия Константиновича Суздальского (ПСРЛ. Т. 24. С. 232; РИИР. Вып. 2. С. 135). Князь Петр Дмитриевич женат был на дочери Полуекта Васильевича, сына тысяцкого Василия Васильевича (РИИР. Вып. 2. С. 135—136). О ней см.: *Ивина.* С. 61—62.

[5] ДДГ. № 68. С. 224.

[6] РК. С. 17, 23, 25, 35 (здесь ошибочно назван боярином, но даже и позднее он упоминался без этого чина), 36, 37; Р. С. 97.

[7] Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 207, 272; см. также: *Зимин.* Вотчина. С. 87.

[8] АРГ 1505—1526 гг. № 80.

[9] ПСРЛ. Т. 24. С. 219—220; [Т. 37. С. 100]; РК. С. 55; Р. С. 167; *Лихачев.* С. 176.

[10] [Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 52.]

[11] Была у С. И. Воронцова и дочь Авдотья, выданная замуж за А. М. Кутузова (АФЗХ. Ч. 2. № 335. С. 353). Их дочь Марья — жена «царя» Симеона Касаевича. Сын Федора Демида окольничий Василий владел еще до 1571/72 г. с. Олявидовом Дмитровского уезда (*Шумаков.* Обзор. Вып. 3. № 71. С. 19). О владениях В. Ф. Воронцова и его брата Ивана см.: *Кобрин В. Б.* Состав Опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 31.

[12] РК. С. 13, 48, 50, 57, 61, 62, 66—70, 75, 80, 81; ПСРЛ. Т. 13. С. 420; Т. 24. С. 219—220; Р. С. 188; АРГ 1505—1526 гг. № 213.

[13] Владимирский сборник. М., 1857. С. 129.

[14] АЗР. Т. 2. № 179/III. С. 332; РК. С. 90; ПСРЛ. Т. 13. С. 86, 95; Т. 6. С. 294, 302; *Чумиков А. А.* О торговле ганзейских городов с Новгородом и Москвою и Швеции с Россией // ЧОИДР. 1898. Кн. 1. Отд. IV. С. 14. Запись о наместничестве в Новгороде в 1518/19 г. (Р. С. 165), вероятно, следует датировать 1535/36 г.

[15] *Каштанов С. М.* Борьба за Углич и древнейшие писцовые описания Угличского уезда // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 214—215.

[16] РК. С. 90; Р. С. 261.

[17] РК. С. 63, 90, 94; Р. С. 188, 198, 215, 261; ПСРЛ. Т. 8. С. 288; АЗР. Т. 2. № 179/III. С. 333. В 1522/23 г. брал на оброк деревню Московского уезда у Троицкого монастыря. Послухом в грамоте был его брат Михаил (АРГ 1505—1526 гг. № 213).

[18] РК. С. 95. По пространным разрядам Иван Фока окольничим называется уже в феврале 1536 г. (Р. С. 259), в июле 1537 г. — боярином (Там же. С. 266). Сведения эти ошибочны.

[19] В 1527 г. И. С. Воронцов был одним из поручителей по кн. М. Л. Глинском (СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428). Некоторое время служил в Смоленске. Был близок к Данилову монастырю (ПСРЛ. Т. 21. С. 623).

[20] РК. С. 68; *Зимин.* Состав Боярской думы. С. 58.

[21] Тысячная книга. С. 138.

[22] Род. кн. Ч. 2. С. 16—17; ср.: *Тихомиров.* Российское государство XV—XVII вв. М., 1973. С. 229—230.

[23] Род. кн. Ч. 2. С. 18; Тысячная книга. С. 134.

[24] ДДГ. № 68. С. 224.

[25] ПСРЛ. Т. 26. С. 287. О И. В. Шадре см. также: Alef. P. 85, 86, 118.

[26] Иван Шадра упоминается в мае 1495 г., 1497/98 г., декабре 1501 г., январе, мае и декабре 1503 г., мае 1504 г., феврале 1505 г. (Сб. РИО. Т. 35. С. 199, 259—261, 332, 362, 427, 449). В 1500 г. он участвовал в походе в Литовскую землю (Р. С. 30).

[27] АСЭИ. Т. 1. № 521. С. 397. Дата уточнена С. М. Каштановым (*Каштанов.* История. С. 27). Сб. РИО. Т. 35. С. 427. Помещен после окольничих, последним среди думных людей в Хронографическом списке бояр 1498 г. (*Шмидт.* С. 273).

[28] РК. С. 38, 39, 41, 44.

[29] АСЭИ. Т. 1. № 487, 556; ДДГ. № 95. С. 392; АРГ 1505—1526 гг. № 56; НПК. Т. 3. Стб. 107; Т. 4. Стб. 123, 125. Ср. Никиту Вельяминова (Там же. Т. 3. Стб. 796, 801).

[30] РК. С. 30.

[31] Сын Ивана Обляза Никита в середине XVI в. служил во Ржеве (Тысячная книга. С. 179).

[32] РК. С. 38, 47, 66, 67; Сб. РИО. Т. 35. С. 758, 759; СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428; Род. кн. Ч. 2. С. 16. В 20-х годах XVI в. он служил воеводой в Смоленске (Брань князя Василия Микулинского с Ываном с Рудным с Колычевым // ЧОИДР. 1910. Кн. 4. Смесь. С. 18).

[33] АРГ 1505—1526 гг. № 251. Был новгородским помещиком (НПК. Т. 6. Стб. 131).

[34] РК. С. 56, 66; Р. С. 188 (в тексте описка: «Иван Васильевич»); Сб. РИО. Т. 95. С. 386, 494—499; АРГ 1505—1526 гг. № 210, 251. С. 254.

[35] ААЭ. Т. 1. № 165; ЦГАДА. Ф. 1193 (Калязин монастырь). Кн. 1. № 45; Род. кн. Ч. 2. С. 20.
[36] *Веселовский.* Землевладение. С. 393.
[37] Род. кн. Ч. 2. С. 20; РИБ. Т. 17. № 314.
[38] О Ратшичах и особенно Пушкиных см.: *Веселовский.* С. 39—87.
[39] По Румянцевской редакции родословных книг у Ивана Морхини был сын Александр, а его детьми были Григорий Пушка, Владимир Холопище, Давыд Казарин, Александр и Федор Недоведомица (РИИР. Вып. 2. С. 129—130).
[40] Род. ки. Ч. 1. С. 310. Внук Александра Григорьевича — Игнатий Васильевич был новгородским помещиком (НПК. Т. 3. Стб. 110).
[41] Род. кн. Ч. 1. С. 312.
[42] Тысячная книга. С. 128, 130. У сына их родоначальника Давыда Иваиовича Курчева были владения в Московском уезде (АСЭИ. Т. 2. № 380, 392). Здесь же в 70-х годах XV в. вотчинником был Василий Никитич Пушкин (*Ивина.* С. 94).
[43] Тысячная книга. С. 129, 135. С. Б. Веселовский отмечал, что в Старице получили поместья Иван и Семен Никифоровичи Рожновы (*Веселовский.* С. 86); Тимофей Филиппов Рожнов «с братьею» владели в 1540 г. поместьями в Торопце (Торопецкая книга 1540 г. // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 282).
[44] По Дмитрову в середине XVI в. служил внук Гаврилы Константиновича Михаил Иванович (Тысячная книга. С. 129).
[45] Род. ки. Ч. 1. С. 316. В конце XV в. новгородскими помещиками стали дети Мнхаила Мусы — Гаврила, Григорий, Иван, Тимофей и Никифор (НПК. Т. 1. Стб. 836; Т. 2. Стб. 50, 53, 57, 372—376). Последних двух родословные книги не знают.
[46] Тысячная книга. С. 170—171. По Веселовскому, 10 Кологривовых владели поместьями в Зубцовском уезде (*Веселовский.* С. 86).
[47] Их родоначальник Иван Алексеевич Бобрище — тверской ловчий у Василия III (Род. ки. Ч. 1. С. 326). Возможно, он уже имел земли в Ржеве, по которой служили его дети Иван, Федор и Алешко и племянники Владимир и Матвей Васильевичи (Тысячная книга. С. 75, 179).
[48] Тысячная книга. С. 92. Степан Тимофеевич и Иван и Федор Шафернк Степановичи в конце XV в. были новгородскими помещиками (НПК. Т. 4. Стб. 174—177; Т. 5. Стб. 7, 83).
[49] ПСРЛ. Т. 8. С. 97.
[50] Там же. Т. 6. С. 8, 219, 231, 236; Т. 26. С. 265; ПЛ. Вып. 2. С. 205; ДДГ. № 77. С. 292; АСЭИ. Т. 1. № 501. С. 379; АФЗХ. Ч. 1. № 33. С. 51. О Иване Усе Товаркове см.: *Alef.* P. 116.
[51] АСЭИ. Т. 2. № 356. С. 350. У Бориса Шушлепы было два сыиа — Иван Булыга (Веселовский называет его Бужаром) и Григорий Шушлепа (по Румянцевскому списку, был еще третий сын — Леонтий Теленчей. См.: РИИР. Вып. 2. С. 131). Григорий был испомещен в коице XV в. в Новгороде (НПК. Т. 3. Стб. 15).
[52] *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37.
[53] ПСРЛ. Т. 6. С. 203; РК. С. 17, 19. Неясно, относится ли это сведение к Ивану Ивановичу Усову или к Ивану Ивановичу, сыну Сухого, как считал Веселовский.
[54] АСЭИ. Т. 1. № 516; *Alef.* P. 120.
[55] АФЗХ. Ч. 2. № 54. С. 55. О Товарковых см.: *Веселовский.* С. 73; *Зимин.* Вотчина. С. 109—110.
[56] По Веселовскому, князю Юрию служил Андрей Дыхайла, сын Ивана Уса (*Веселовский.* С. 73). См. также: *Лихачев.* Заметки. С. 110.
[57] Андрей Меньшой Иванович Товарков упомянут в духовной А. И. Шадрина 1525 г. (АРГ 1505—1526 гг. № 251. С. 254).
[58] ПСРЛ. Т. 6. С. 191, 197; АФЗХ. ч. 1. № 299 (ср. купчие его отца — Там же. № 300—302); АСЭИ. Т. 1. № 607, 607-а.
[59] РК. С. 17, 19; Р. С. 86; ПСРЛ. Т. 6. С. 203, 205, 208, 209; [Т. 37. С. 94]. По Ш, боярин с 1470/71 г., умер в 1492/93 г. См. также: *Alef.* P. 111.
[60] АСЭИ. Т. 1. № 406. Первая хронологическая грань грамоты установлена издателями на основании того, что они считали (согласно Ш) с 1471 г. Хромого боярнном. Но, скорее всего, грамота датируется временем около 1478—1480 гг.

[61] АФЗХ. Ч. 1. № 249, дата уточиена нами. То же около 1479—1485 гг. (Там же. № 125, дата уточнена нами).

[62] АСЭИ. Т. 2. № 284 (около 1492 г.). В грамоте упомянут уже сын Ф. Д. Хромого Петр.

[63] Род. кн. Ч. 2. С. 123.

[64] РК. С. 27, 31; *Alef.* Р. 119; Сб. РИО. Т. 35. С. 350, 376, 404; ср. С. 459, 487. Упомнпается в списке думных чинов среди окольничих под 1498 г. (*Шмидт.* С. 273). В 1504 г. упоминается «останок» (остаток) его дворового места в Москве (ДДГ. № 91. С. 370).

[65] РК. С. 16, 37—38; Сб. РИО. Т. 35. С. 487; РЛА. № 306; АСЭИ. Т. 3. № 452, 453, 455, 457 (упомянут в июне—июле 1507 г., марте 1508 г., июле 1509 г.).

[66] РК. С. 39, 48, 49, 51; Р. С. 120; Сб. РИО. Т. 35. С. 487; ПСРЛ. Т. 8. С. 249—250; СГГД. Ч. 5. № 57. С. 40—47; Описи Царского архива. С. 80 (Дата «7031» какого-то соглашения с Ливонией — Там же. С. 79 — вероятно, описка); *Масленникова.* С. 188, 191, 192; АФЗХ. Ч. 1. № 309; ИЛ. С. 165.

[67] Сб. РИО. Т. 35. С. 506—543, 547—573; Т. 53. С. 21; Т. 95. С. 96, 105, 661; ПДС. Т. 1. Стб. 203—211, 374, 474 и др. Его жена Мария считалась первой «боярыией» великой княгини (Родословиая книга в ГБЛ. Ф. 256 (Собр. Румянцева). № 349. Л. 285).

[68] АИ. Т. 1. № 124; АСЭИ. Т. 3. № 390; АРГ 1505—1526 гг. № 184; АГР. Т. 1. № 66. С. 130, 131; ЦГАДА. Ф. 1203 (Спасо-Евфимьев моиастырь). Д. 1. Л. 708 об. — 720; АФЗХ. Ч. 1. № 1-а. С. 13—17; ср.: *Alef.* Р. 119.

[69] РК. С. 31. Еще в 1492 г. вместо иего (возможно, по малолетству) земельные дела разбирал кн. Семеи Ярославский (АСЭИ. Т. 2. № 284). В 1500 г. (без упомииания о думном звании) присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского (*Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37). В 1504 г. упоминается «*останок*» его дворового места в Москве (ДДГ. № 91. С. 370).

[70] АСЭИ. Т. 2. № 305.

[71] РК. С. 40, 44; Сб. РИО. Т. 35. С. 489.

[72] АСЭИ. Т. 2. № 284. С. 191, 555.

[73] Подробнее о нем см.: *Зимин.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 276—277. Упоминается в разрядах уже в начале 1536 г. (Р. С. 259).

[74] ПСРЛ. Т. 28. С. 85.

[75] АСЭИ. Т. 1. № 330.

[76] Там же. № 536; Т. 2. № 400; ПДС. Т. 1. Стб. 26; Сб. РИО. Т. 41. С. 132; ДДГ. № 86. С. 348; *Шмидт.* С. 272; РК. С. 16. О Иване Чоботе см. также: *Alef.* Р. 90, 99, 119. Сам Василий Чулок в 1458 г. менял земли в Переславском уезде (АФЗХ. Ч. 1. № 126). С. Б. Веселовский считал Василия Чулка боярином (*Веселовский.* С. 71). Возможио, «держал» Новгород вместе с Г. В. Заболоцким (Р. С. 82—83). В середине XVI в. Чоботовы служили по Переславлю Залесскому, Чулковы — по Бежецкому верху (Тысячная книга. С. 58, 67, 201). Сыновья И. В. Чобота упоминаются: Андрей — в правой местнической грамоте 1504 г. (Р. С. 83) и в разряде 1521 г. (Там же. С. 180), Яков — в разрядах 1521—1527/28 гг. (РК. С. 65; Р. С. 207).

[77] РК. С. 44, 64; Сб. РИО. Т. 35. С. 489.

[78] РК. С. 10; ПСРЛ. Т. 34. С. 16.

[79] РК. С. 10, 34, 35, 98, 115; Род. кн. Ч. 1. С. 338.

[80] РИБ. Т. 15. № 6 (июнь 1512 г.); ГБЛ. Ф. 304. II (Собр. Троице-Сергиевой лавры). № 15. Л. 62; РК. С. 62. Какой-то из Иванов Андреевичей Жулебиных женат на сестре Семена Дмитриевича Пешкова-Сабурова (*Лихачев Н. П.* Сборник актов. СПб., 1895. Вып. 1. № XIII. С. 44—47).

[81] *Зимин.* О составе. С. 197; Тысячная книга. С. 134, 142, 150; ср.: АФЗХ. Ч. 2. № 229.

[82] В монашестве Геннадий Бутурлин упоминается как писец грамот и послух около 1410—1427, 1428—1432, 1446—1447, 1447—1449 и 1463—1464 гг. (последняя дата условна) (АСЭИ. Т. 1. № 21, 54, 185, 193; Т. 3. № 230). Сделал земельный вклад около 1428—1432 гг. (Там же. Т. 1. № 63).

[83] Р. С. 85; РК. С. 17.

[84] АСЭИ. Т. 2. № 353.

[85] Там же. Т. 1. № 397; АФЗХ. Ч. 1. № 115.

[86] Р. С. 91.

[87] НПК. Т. 3. Стб. 173, 185, 202, 215. Владения Ивана Меньшого Полуехтова (около 1498 г.) и его племянника Андрея (1539 г.) находились в Шелонской пятине (Там же. Т. 5. Стб. 22; Т. 4. Стб. 130, 410).

[88] АФЗХ. Ч. 1. № 58.

[89] РК. С. 47, 51, 52, 58—60, 62, 65. По Ш, боярин в 1512/13 г., умер в 1519/20 г. В пространных разрядах он — боярин под 1513 г. (Р. С. 130—131). В Государеве родословце о думных чинах ни один из четырех братьев Бутурлиных не упоминается (Род. кн. Ч. 1. С. 344).

[90] Р. С. 123, 127 (боярин), 212; РК. С. 48, 62, 65, 67, 75, 77, 80, 82, 90; ПДС. Т. 1. Стб. 186—188, 190; ПСРЛ. Т. 13. С. 98. Запись 1518/19 г. об И. Н. Бутурлине как дворецком (Р. С. 165) следует датировать, очевидно, 1536 г. О нем как о новгородском дворецком см.: НЛ. С. 69. По Ш, боярин в 1512/13 г., умер в 1537/38 г.

[91] РК. С. 48, 50, 53, 55, 57, 61; Р. С. 124, 167. В Описи Государственного архива упоминается «грамота правая черная Ондрея Бутурлина» (ГАР. С. 80—81 (ящик 188), 409). По Ш, А. Н. Бутурлин — окольничий (?) в 1512/13 г., умер в 1534/35 г. В пространной редакции разрядной книги — окольничий под 1514/15, 1520/21, 1521/22 гг. (Р. С. 148, 178, 182, 185), 1530 г. (Там же. С. 213). Впрочем, иногда там упоминается и без этого чина.

[92] РК. С. 63, 66—69, 72, 73, 75, 77; Р. С. 199; Сб. РИО. Т. 35. С. 642—672, 741; *Стромилов*. С. 76.

[93] РК. С. 62, 65, 74; Брань князя Василия Микулинского с Ываном с Рудиым с Колычевым. С. 20; Р. С. 217; АСЭИ. Т. 3. № 391. С. 408. О С. Н. Бутурлине как о новгородском дворецком вспоминают дипломатические документы (Сб. РИО. Т. 59. С. 536). Дворецким он был, по С. М. Каштанову, не ранее конца мая 1537 г. Подробнее о нем см.: *Каштанов С. М.* Борьба за Углич. С. 211—219. В 1524/25 г. упоминается сын С. Н. Бутурлина Иван (АРГ 1505—1526 гг. № 236).

[94] Тысячная книга. С. 138.

[95] Правнуки Слизня Копот и Ташлык Ивановичи и их двоюродный брат Иван Булгак Иванович Слизневы ездили в свите Ивана III в Новгород в 1495 г. (РК. С. 25). Брат Булгака Михаил Иванович Смолка был испомещен в конце XV в. в Новгороде (НПК. Т. 5. Стб. 16, 27), погиб в марте 1502 г. под Ивангородом (ПСРЛ. Т. 8. С. 241). Брат Копота и Ташлыка Василий Копыто в 1495 г. сопровождал Елену Ивановну в Литву (Сб. РИО. Т. 35. С. 164). Сыи Ташлыка Остаия бежал в Литву, а внук Даиила Давыдович «побежал в Немцы молод» (Род. кн. Ч. 1. С. 349). Семен Григорьевич Мятлев в 1500 г. присутствовал на свадьбе ки. В. Д. Холмского, а в 1519 г. служил ки. Дмитрию Углицкому (*Сахаров*. Т. II, ки. VI. С. 37; РК. С. 64). Александр Семеиович Упин упоминается в разрядах 1531 и 1534 гг. (в кратких разрядах ошибочно в 1531 г. Андрей Семенович), а Федор Лобаи Иванов Булгаков-Слизнев — в 1531—1543 гг. (РК. С. 77, 80, 81, 108). Обычно с 1531 г. Лобан служил вместе с братьями Тимофеем Булгаковым и Иваном по Рязани (Там же. С. 76; Р. С. 222, 223, 228, 233). Брат Федора Семен погиб под Оршей в 1514 г. (Род. кн. Ч. 1. С. 348). Земли Александра Упина в 1521 г. находились в Дмитровском уезде (ДДГ. № 99. С. 410). О нем см. также: ГАР. С. 62 (ящик 111), 64 (ящик 125), 277—278, 287—288.

[96] ДДГ. № 58. С. 180.

[97] Род. кн. Ч. 1. С. 350.

[98] ПСРЛ. Т. 16. С. 206—207.

[99] ДДГ. № 61. С. 199. Подписал жалованную грамоту еще в 1433/34 г. (АСЭИ. Т. 3. № 99. С. 136). Ср. о Ф. М. Челядне: *Alef*. P. 82, 118.

[100] См. акты около 1447—1455 гг. (АСЭИ. Т. 1. № 201. С. 144), 1448—1461 гг. (АФЗХ. Ч. 1. № 116. С. 108), 1450—1454 гг. (АСЭИ. Т. 2. № 153-а. С. 90), 1456—1462 гг. (Там же. Т. 1. № 277. С. 198).

[101] АСЭИ. Т. 1. № 20; ср. № 330 и С. 593.

[102] Там же. № 326.

[103] АФЗХ. Ч. 1. № 11.

[104] АСЭИ. Т. 2. № 464 (дата грамоты не вполне ясна); ПСРЛ. Т. 6. С. 195; [Т. 37. С. 94]; РК. С. 17, 19; *Alef*. P. 87—88, 116.

[105] ПДС. Т. 1. Стб. 28—31, 33.

[106] В кратких разрядах упоминается без титула (РК. С. 24), но в пространных — с титулом (Р. С. 36). По Ш, боярин с 1494/95 г., умер в 1502/03 г. См. также: *Alef*. P. 114.

[107] РК. С. 24, 27.

[108] Упомянут наместником в феврале 1498 г. (*Шмидт*. С. 272) и в 1500 г. (РК. С. 29; Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 г. (2-я половина) // Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 11. С. 114; Finlands Medilitudes Urkunden. Helsinki, 1930. Bd. VI. N 4734).

[109] *Шмидт*. С. 272.

[110] Переписная окладная книга по Новугороду... С. 119 и др.; Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971. С. 336.

[111] ПСРЛ. Т. 21. С. 617; *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966. С. 336—341.

[112] ПСРЛ. Т. 8. С. 249—250. В пространной редакции разрядных книг разряд похода 1514 г. под Оршу с участием И. А. Челяднина ошибочно помещен под 1493/94 г. (Р. С. 39; ср. С. 141—142).

[113] РК. С. 44; *Масленникова*. С. 191; ПЛ. Вып. 1. С. 95—97; Сб. РИО. Т. 35. С. 491. См. в декабре 1510 г. (ЦГАДА. Ф. 1144 (Новгородская приказная изба). Кн. 8. Л. 80 об.).

[114] РК. С. 46, 47, 51, 53; ПСРЛ. Т. 8. С. 257—258; [Т. 37. С. 101].

[115] И. А. Челяднина видел в Вильно в оковах С. Герберштейн (*Герберштейн*. С. 18, 19, 222). Он был еще жив в конце 1522—начале 1523 г. (Сб. РИО. Т. 35. С. 654, 657).

[116] *Зимин*. О составе. С. 188.

[117] АРГ 1505—1526 гг. № 29. С. 36 [Ср. его грамоту 1507/08 г. в Суздальский уезд посельскому одного из сел (Описная книга Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1660 г. // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1878. Т. 2. С. 50. № 61)], 80, 86; АСЭИ. Т. 3. № 390. С. 402, 404; РК. С. 44; [АФЗХ. Акты Московского Симонова монастыря / Сост. Л. И. Ивина. Л., 1983. № 11]; Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым. М., 1905. Отд. I. № 20; ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. 516; Т. 34. С. 10; ЦГАДА. Ф. 197 (Собр. Малиновского). Портф. 2. № 38; Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). Можайск, № 6/7610; Кострома, № 29/4996; ГПБ. Собрание актов. № 74. В марте 1512 г. грамота в Московском уезде докладывалась уже кн. Д. В. Щене (АРГ 1505—1526 гг. № 101).

[118] РК. С. 48, 51, 55.

[119] АГР. Т. 1. № 52. С. 68—69; *Кузнецов И. И.* Жалованная грамота великого князя Василия Ивановича протопопу Волоколамского Воскресенского собора Антонию // Древности. Тр. Моск. Археологич. о-ва. М., 1909. Т. XXII, вып. 2. С. 278—280; АРГ 1505—1526 гг. № 118; ГИМ. Собр. Уварова. Карт. 66/20. Отд. 1. № 2. АФЗХ. Ч. 2. № 63. С. 63—64; ААЭ. Т. 1. № 159. С. 129—131; № 161. С. 131—132. В декабре 1515 г. грамоты докладывались Петру Яковлевичу Захарьину (АРГ 1505—1526 гг. № 123).

[120] АФЗХ. Ч. 2. № 70. С. 68; *Шумаков*. Обзор. Вып. 3. № 21. С 7.

[121] П. В. Шестунов получил звание окольничего уже после того, как перестал быть дворецким.

[122] *Лихачев*. Заметки. С. 76—77.

[123] В 1526 г. она присутствовала на свадьбе Василия III, а в 1533 г. на свадьбе кн. Андрея Старицкого (РК. С. 9, 13). Василий III называл ее «бабой» и оставлял при малолетнем наследнике опекуншей. Она была отстранена от политической деятельности после падения И. Ф. Телепнева-Оболенского. См. в Описи Государственного архива указ о ее людях: ГАР. С. 63 (ящик 121), 284.

[124] В. А. Челяднин завещал Волоцкому монастырю свое крупное с. Болашково и другие земли Тверского уезда (АФЗХ. Ч. 2. № 65. С. 68). О связях Челяднина с Волоцким монастырем и Иосифом Саниным см.: *Зимин*. Вотчина. С. 109. У Челядниных были земли и в Переславском уезде (*Титов А. А.* Синодики XVII в. Переславского Никитского монастыря. М., 1903. С. 20).

[125] Послания Иосифа Волоцкого. С. 227—228; ПСРЛ. Т. 30. С. 176, 201.

[126] РК. С. 12—13; ПСРЛ. Т. 6. С. 272.

[127] АФЗХ. Ч. 1. № 7. С. 26; Род. кн. Ч. 1. С. 351. Предположение С. Б. Веселовского о том, что Роман «был великокняжеским боярином» (со ссылкой на генеалогические источники) (с. 54), на наш взгляд, малоубедительно.

[128] АРГ 1505—1526 гг. № 108; *Веселовский.* С. 54; *Зимин А. А.* Из истории феодального землевладения в Волоцком удельном княжестве // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 72.

[129] По родовому счету он должен был стать боярином ранее П. Ф. Челяднина.

[130] Сохранилось неясное сведение о боярстве еще одного троюродного брата Ф. Д. Хромого — А. И. Бутурлина (1456—70—80-е годы XV в.). См.: АФЗХ. Ч. 1. № 115.

[131] Род. кн. Ч. 2. С. 94.

[132] РК. С. 58, 67.

[133] Род. кн. Ч. 2. С. 100; ПСРЛ. Т. 12. С. 219—220. С. Б. Веселовский ошибался, когда считал, что «Образцом» летописного известия был Василий Игнатьевич Синего (*Веселовский.* С. 143).

[134] РК. С. 32.

[135] Там же. С. 25.

[136] Род. кн. Ч. 2. С. 100; Тысячная книга. С. 169, 184. Остатки старых родовых владений (по Переславлю) сохранились к середине XVI в. только у внуков Григория Лодыги — Данилы и Василия Семеновичей (Тысячная книга. С. 139).

[137] О Колычевых см.: *Б[оде]-К[олычев] М. Л.* Боярский род Колычевых. М., 1886; *Веселовский.* С. 143—146; *Зимин А. А.* Колычевы и русское боярство XIV—XVI вв. // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 56—71.

[138] В одном из списков Летописной редакции Государева родословца (РИИР. Вып. 2. С. 45) Федор имеет прозвище «Колыш». «Колыга» в Твери и Пскове означало «скряга» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. II. С. 144). Прозвище «Колыч» некоторые возводят к слову «колча» — «хромой» (Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. СПб., 1901. Ч. 1. С. 225). С. Б. Веселовский производит фамилию Колычевых от «колышка» — «колыбель». Федор Колыч назван в сомнительной памяти Геннадия Бутурлина (*Веселовский.* С. 23).

[139] ДДГ. № 17. С. 46; № 20. С. 56; № 57. С. 176. Ср. в 1503 г. слободку Колычевскую Московского уезда (Там же. № 89. С. 358). О Федоре Колыче см.: *Ивина.* С. 60.

[140] ДРВ. Ч. 6. С. 458.

[141] АСЭИ. Т. 1. № 282. С. 202.

[142] ДДГ. № 68. С. 224. Ср. в 1504 г. д. Колычево Дмитровского уезда (ДДГ. № 95. С. 390).

[143] АСЭИ. Т. 2. № 354, 361.

[144] Там же. № 188 (60—70-е годы XV в.), 233 (1476 г.).

[145] В Летописной редакции Государева родословца ошибочно — «Тимофей митрополит» (РИИР. Вып. 2. С. 46), но здесь пропущен Т. Ф. Колычев. Веселовский ошибочно отождествляет его с митрополитом Филиппом (*Веселовский.* С. 143).

[146] РК. С. 25. 29.

[147] Там же. С. 13, 124, 168, 206, 213; ПСРЛ. Т. 28. С. 357.

[148] Так, в 1479 г. Спасо-Каменный монастырь владел д. Колычевской на Вологде (АСЭИ. Т. 3. № 269).

[149] Сб. РИО. Т. 35. С. 68, 70, 86; РК. С. 23, 32. Поскольку в середине XVI в. потомки А. А. Колычева от детей Ивана и Григория служили по Москве, можно полагать, что в Московском уезде находились родовые земли и Андрея Андреевича.

[150] РИБ. Т. 17. № 354, 357; НЛ. С. 59, 62; Р. С. 77—78; РК. С. 24, 31, 32 (упомянут без звания окольничего); АСЭИ. Т. 3. № 444, 445; Сб. РИО. Т. 41. С. 135 и след.; ПСРЛ. № 12. С. 232—233, 255; Описи Царского архива. С. 99; *Шмидт.* С. 272; *Голубцов, Назаров.* С. 84, № 8; АРГ 1505—1526 гг. № 169; ЛОИИ. Коллекция актовых книг (Колл. 2). № 73. Л. 3 об.—4; *Каштанов.* История. С. 232; НПК. Т. 1. Стб. 730—737; Т. 6. Стб. 45; *Лихачев Н. П.* Родство Колычевых с новгородцами // ИРГО. СПб., 1900. Вып. 1. С. 120—123. О Есиповых см.: *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955. С. 99 и след.

[151] НПК. Т. 1. Стб. 346—353, 730—737; Т. 2. Стб. 431—437. Правитель Швеции Стен Стур Младший (1512—1520 гг.) в мае 1513 г. заключил мирный договор с Россией. Возможно, Степан получил прозвище в честь этого события. Стен Стур Старший правил Швецией в качестве регента в 1470—1497 и 1501—1503 гг. и был активным врагом Руси.

[152] Так как Федор Григорьевич и дети Андрея Григорьевича в середине XVI в. служили по Белой, то, возможно, и землевладение их отца связано с этим районом. Присоединение к России западных районов в ходе русско-литовских войн конца XV—XVI в. привело к раздаче там земель служилым людям из старомосковских боярских родов. Так, в частности, в Вязьме получили земли Годуновы, Салтыковы, Бутурлины и др. (Тысячная книга. С. 187—188).

[153] СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428; ЦГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Д. 683; РК. С. 90.

[154] Акты Юшкова. № 128; ДДГ. № 102. С. 420; ПСРЛ. Т. 8. С. 294, 295; Т. 28. С. 357; Т. 34. С. 26, 173; АФЗХ. Ч. 2. № 422. С. 476.

[155] Род. кн. Ч. 2. С. 107.

[156] Тысячная книга. С. 193.

[157] АЗР. Т. 2. № 137; РК. С. 76—79; Тысячная книга. С. 184.

[158] РК. С. 33, 34, 57, 63, 64, 67, 69, 70 (разряды походов 1514/15 и 1519 гг. совпадают, только в первом случае назван Д. А. Бутурлин, во втором — Д. Г. Бутурлин); ПСРЛ. Т. 13. С. 34, 44; СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428.

[159] Род. кн. Ч. 2. С. 108; НПК. Т. 5. Стб. 452, 496, 497, 501, 502; *Б[оде]-К[олычев] М. Л.* Указ. соч. С. 67. Матвей Третьяков был тысячником Шелоиской пятины (Тысячная книга. С. 90).

[160] СГГД. Ч. 1. № 155. Трое из его детей (Алфер, Степан и Алексей) в 1571 г. были новгородскими помещиками (НПК. Т. 5. Стб. 463, 464, 466, 468—470).

[161] РК. С. 31, 33—35, 39; ПСРЛ. Т. 12. С. 256; НПК. Т. 1. Стб. 321, 333—334.

[162] РК. С. 39, 48, 52—56, 61, 64; Р. С. 78 (в 1501 г. наместничал в Ивангороде). 150—151; Сб. РИО. Т. 35. С. 617, 659, 695; Т. 53. С. 65; Т. 95. С. 481; Описи Царского архива. С. 101, 102; *Дунаев.* Максим Грек. С. 64 (миссия 1523—1525 гг.); ЦГАДА. Ф. 123 (Крымские дела). Кн. 6. Л. 110; АРГ 1505—1526 гг. № 125.

[163] Дети Никиты и сын его брата Ивана в середине XVI в. служили по Москве (Тысячная книга. С. 125).

[164] РК. С. 57, 62, 66; РИБ. Т. 15. № 18. В 1507 г. выступал послухом в одной из сделок на землю кн. В. Д. Холмского (АФЗХ. Ч. 2. № 36. С. 38).

[165] РК. С. 55, 56, 58, 60, 61, 63.

[166] *Stryjkowski M.* Kronika polska, litewska, żmódzka i wszyskiej Rusi. W-wa, 1846. T. II. Str. 384; Сб. РИО. Т. 35. С. 654.

[167] НПК. Т. 1. Стб. 274, 280—282, 284; РК. С. 52—54.

[168] РК. С. 80.

[169] НПК. Т. 3. Стб. 697, 701, 711; АЗР. Т. 2. № 137/II. С. 165.

[170] ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). Ки. 530. Л. 906 об.—907; ср.: Сб. РИО. Т. 59. С. 187. В Новгородских писцовых книгах вместе с владениями Ивана Семеновича упоминаются поместья Василия Семеновича Колычева (НПК. Т. 1. Стб. 274, 280—282, 284). Речь, очевидно, идет о Владимире Колычеве. Во всяком случае, его дети «были на поместье» в Новгороде (Род. кн. Ч. 2. С. 112).

[171] По раиией редакции Государева родословца [ГБЛ. Собр. Беляева. № 6(1512)] он носил прозвище «Голова». М. Л. Боде-Колычев ошибочно называет его «стольиком» (*Б[оде]-К[олычев] М. Л.* Указ. соч. С. 51—52). Известие 1558 г., иа которое он ссылается, относится не к Григорию Семеновичу, а к Григорию Григорьевичу Колычеву.

[172] *Б[оде]-К[олычев] М. Л.* Указ. соч. С. 51.

[173] НПК. Т. 3. Стб. 697, 701, 711; Р. С. 188 (второй воевода передового полка под Опочкой в 1523 г.); ПСРЛ. Т. 8. С. 270; РК. С. 70, 80, 86, 90, 95, 96. Стрыйковский упоминает, что какой-то Колычев находился в 1535 г. в Стародубе, когда он был взят литовскими войсками (*Stryjkowski M.* Op. cit. T. II. Str. 398). Боде-Колычев относил это сведение к Федору Колычеву (*Б[оде]-К[олычев] М. Л.* Указ. соч. С. 53; см. также: Тысячная книга. С. 128).

[174] Тысячная книга. С. 125.

[175] Род. кн. Ч. 2. С. 112; ПСРЛ. Т. 8. С. 295. В летописи говорится о казии Гаврилы Владимировича и Андрея Ивановича Пупкова. Это явная путаница (нужно: Гаврила Иванович Пупков и Андрей Владимирович).

[176] *Веселовский.* С. 144—145.

[177] Поскольку потомки обоих сыновей Ивана Хлудня в середине XVI в. служили по Переславлю (Тысячная книга. С. 139), можно сказать, что и владения самого Ивана Хлудня находились в том же районе. По Типографскому родословцу, его сын Иван Кривой помечен «в Переславле» (ПСРЛ. Т. 24. С. 231).

[178] РК. С. 26; Сб. РИО. Т. 35. С. 164.

[179] Тысячиая книга. С. 139.

[180] Род. кн. Ч. 2. С. 115; Тысячная книга. С. 88.

[181] Род. кн. Ч. 2. С. 120.

[182] Сын Федора Голтяя Андрей (бездетный) «убит на Суздальском бою» 1445 г. (Там же. С. 123), а дочь «была за Ярославом за Боровским за Володимером за Ондреевичем» (РИИР. Вып. 2. С. 47).

[183] По Типографскому родословцу, Федор Брех был боярином (ПСРЛ. Т. 24. С. 231).

[184] По Типографскому родословцу, у Якова Казака был сын Василий (Там же. С. 231). О И. Ф. Кошкине см. также: *Ивина.* С. 53—54.

[185] ПСРЛ. Т. 24. С. 231; Род. кн. Ч. 2. С. 123.

[186] ПСРЛ. Т. 6. С. 148.

[187] АСЭИ. Т. 1. № 213, 262 (О том, что «Иван Иванович» ие мог быть Заболоцким, мы писали выше); Т. 2. № 381. С. 380; ДДГ. № 61. С. 198 (ср.: *Веселовский.* С. 149). Р. С. 86.

[188] РК. С. 19. По Ш, боярин с 1479/80 г., умер в 1510/11 г.

[189] АСЭИ. Т. 1. № 489. С. 368.

[190] Пребывание Якова Захарьича в Новгороде устанавливается в августе 1485 г., 1486/87 г., марте 1487 г., марте 1488 г., весной 1489 г., в марте и июле 1490 г., мае—июне 1493 г. (ПСРЛ. Т. 12. С. 217; ГИМ. Собр. Щукина. № 496. Л. 11 об.; *Казакова Н. А.* Русско-ганзейский договор 1487 г. // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1962. Вып. 10. С. 225; ПДС. Т. 1. Стб. 24, 48; Сб. РИО. Т. 35. С. 85, 87, 94; Сборник Хилкова. № 106. С. 374). Возможно, был в Новгороде до августа 1495 г. (с перерывами), когда послан оттуда «иа свейские иемцы» (РК. С. 24). В 1500 г. владел поместьем в Вотской пятине (Переписная окладная книга по Новугороду... С. 260).

[191] *Казакова, Лурье.* С. 316—317; ПСРЛ. Т. 28. С. 319.

[192] ПДС. Т. 1. Стб. 1; РК. С. 21, 24, 27; Сб. РИО. Т. 35. С. 68—72, 325—333 и др.; АСЭИ. Т. 1. № 628. С. 541; Т. 2. № 416. С. 449; *Шмидт.* С. 272.

[193] РК. С. 30; ПСРЛ. Т. 28. С. 333—334; НЛ. С. 141. Очевидно, тогда были посланы «речи и к воеводам к Якову Захарьичю с товарыщи» (ГАР. С. 47—48 (ящик 36/II), 189—190).

[194] РК. С. 34, 38, 42, 44; Р. С. 86, 91 (см. также: ГБЛ. Ф. 256 (Собр. Румянцева). № 255. Л. 503 об.); Сб. РИО. Т. 35. С. 336, 350, 376—386, 388—408; АСЭИ. Т. 1. № 489; Т. 3. № 439, 475; ДДГ. № 89. С. 364.

[195] Кормовая книга Новоспасского монастыря. М., 1903. С. 1. Не исключено, что Яков Захарьич умер 15 марта 1511 г. (АРГ 1505—1526 гг. С. 309). Незадолго до этого он вместе с детьми Петром и Василием дал запись, разрешающую И. В. Ляцкому продать его с. Милославское Кашинского уезда (АРГ 1505—1526 гг. № 60). О Якове Захарьиче см. также: *Alef.* Р. 113, 121; *Веселовский.* С. 150.

[196] АСЭИ. Т. 3. № 15; РК. С. 19, 20; ДДГ. № 77. С. 292. По Ш, боярин с 1486/87 г., умер в 1503/04 г. См.: *Alef.* Р. 98, 114; *Веселовский.* С. 150—151.

[197] Во всяком случае, весной 1487 г., в феврале 1488 г. и весной 1489 г. (*Казакова Н. А.* Русско-ганзейский договор 1487 г. С. 225; ПДС. Т. 1. Стб. 24; АСЭИ. Т. 3. № 418). Вероятно, отозван в Москву осенью 1490 г. в связи с делом о еретиках.

[198] *Казакова, Лурье.* С. 316—317, 385; АСЭИ. Т. 1. № 554 (без боярского титула); АФЗХ. Ч. 1. № 129 (о дате см.: *Каштанов.* История. С. 58); РК. С. 23.

[199] *Шмидт.* С. 272; РК. С. 28, 30—31; Сб. РИО. Т. 35. С. 304—305, 395; АЗР. Т. 1. № 186. С. 216; НПК. Т. 6. Стб. 466.

[200] НПК. Т. 2. Стб. 263—281; Т. 6. Стб. 711—712; ПСРЛ. Т. 25. С. 310. Подробиее см: *Мятлев Н.* Родство московских родов с новгородцами // ИРГО. СПб., 1903. Вып. 2. С. 39—42; *Он же.* Родство Квашниных с новгородцами // Там же. СПб., 1909. Вып. 3. С. 57—60.

[201] РК. С. 26, 45, 47, 55; Р. С. 114; *Масленникова.* С. 191.

[202] АРГ 1505—1526 гг. №№ 123, 141; РК. С. 68; СГГД. Ч. 1. № 155, 156. С. 428—432; *Веселовский.* С. 152.

[203] РК. С. 59, 68; АФЗХ. Ч. 1. № 1-а; *Дунаев.* Максим Грек. С. 37; *Веселовский.* С. 152.

[204] РК. С. 26, 37, 67—68; Сб. РИО. Т. 35. С. 489, 492—493, 578; Р. С. 114; *Масленникова.* С. 191; ПСРЛ. Т. 8. С. 251—252; Жалованиая грамота Тверскому Афанасьевскому монастырю 1555 г. // Ист. архив. 1960. № 1. С. 222; ЦГАДА. Ф. 1203 (Спасо-Евфимьев монастырь). Д. 1. Л. 708 об., 720. Какие-то «деньги» были взяты на нем, но потом отданы назад и, возможно, взяты «на сытникех» (ГАР. С. 48, ящик 36/II).

[205] РК. С. 37, 48—50, 53, 58, 60; *Герберштейн.* С. 108; ПСРЛ. Т. 8. С. 266—267; *Лихачев.* С. 176.

[206] РК. С. 67—70; Р. С. 187; *Герберштейн.* С. 108, 153.

[207] Сб. РИО. Т. 35. С. 504, 506—525 и др.; Т. 53. С. 6, 42, 83, 183; ПДС. Т. 1. Стб. 196, 260, 290, 360, 429, 470; *Герберштейн.* С. 216—217; *Дунаев.* Максим Грек. С. 36, 39, 84; РК. С. 9; ПСРЛ. Т. 34. С. 16; СГГД. Ч. 1. № 155, 156.

[208] *Зимин А. А.* Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в. // Ист. архив. 1960. № 3. С. 148; АФЗХ. Ч. 1. № 1-а, 2-а (в последнем акте есть формула: «А иа суде были... бояре», в которую как бы включается и М. Ю. Захарьин, но в действительности он еще боярином не был); *Лихачев Н. П.* Сборник актов. СПб., 1895. Вып. 2. № VI; Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. М., 1971. С. 114; *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 285; *Она же.* Очерки. С. 183, 233.

[209] ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). № 281. Л. 3; ПСРЛ. Т. 6. С. 270—273. Подробиее см.: *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 328—329.

[210] Сб. РИО. Т. 59. С. 2, 70, 102; РК. С. 93; Сочинения Ивана Пересветова. М.; Л., 1956. С. 163; *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 311, 325—329.

[211] РК. С. 80, 81.

[212] Там же. С. 92.

[213] Р. С. 115, 187; Сб. РИО. Т. 35. С. 503; Т. 53. С. 65; Т. 95. С. 95, 481; РК. С. 56, 57, 59—61, 63, 68, 69; ПДС. Т. 1. Стб. 256, 337—338; ПЛ. Вып. 1. С. 100; *Замысловский Е.* Описание Литвы, Самогитии, Руссии и Московии Себастиана Мюнстера // ЖМНП. 1880. № 9. С. 89—91; *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV—иачала XVI в. М., 1974. С. 68—69.

[214] Сб. РИО. Т. 35. С. 732—760; ПЛ. Вып. 1. С. 104; РК. С. 72, 73, 78, 81, 83, 84; ПСРЛ. Т. 28. С. 161; Т. 8. С. 287. К 1531/32 г. он был должен благовещенскому протопопу Василию 100 руб. (ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). № 281). В издании грамоты 22 декабря 1526 г. упомянутый в ней новгородский наместник «Иваи Васильевич» отождествлен с Ляцким (РИБ. Т. 15. № 25). На самом деле речь идет о И. В. Хабаре.

[215] *Stryjkowski M.* Op. cit. T. II. Str. 398. И. И. Смирнов строит сложную и сомнительную гипотезу об участии И. В. Ляцкого в «заговоре» кн. М. Л. Глинского (*Смирнов И. И.* Очерки политической истории русского государства 30—50-х годов XVI в. М.; Л., 1958. С. 40—42).

[216] ДДГ. № 94. С. 377; АРГ 1505—1526 гг. № 60. С. 128.

[217] По Ш, окольничий в 1524/25 г., умер в 1533/34 г. В разрядах упоминался без этого чиив с 1520/21 по 1532/33 г. (РК. С. 65, 77, 80—82).

[218] Род. кн. Ч. 2. С. 124. Иван Иванович Беззубцев в 1516 г. и с 1526/27 по 1540 г. наместничал в Ивангороде (ЧОИДР. 1898. Кн. 1. Отд. IV. С. 11; Кн. 4. Отд. IV. № 4; РИБ. Т. 15. № 21 (назван «князем»), 26, 36). В разрядах упоминается впервые в конце 1542 г. в чине окольничего (РК. С. 104).

[219] АСЭИ. Т. 3. № 80. С. 113.

[220] Федор упоминается в разрядах в 1495—1500 гг. (РК. С. 17, 24).

[221] РИБ. Т. 22. Стб. 30.

[222] *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37.

[223] Р. С. 98, 176; АЮ. № 14. С. 28; РК. С. 55, 59, 60, 65; ПСРЛ. Т. 26. С. 310—311.
[224] *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37.
[225] РК. С. 9, 67—70, 73, 75, 80, 86, 94; Р. С. 199 (дата 7035 ошибочна), 257, 261.
[226] С. Б. Веселовский связывает пострижение В. А. Шереметева с борьбой боярских группировок, в которой, по его мнению, тот принимал участие на стороне Шуйских (*Веселовский.* С. 159—160). Подробнее о нем см.: *Барсуков А.* Род Шереметевых. СПб., 1881. Т. 1. С. 61—82.
[227] РК. С. 54.
[228] Там же. С. 21, 28, 44. Вскоре после 1499/1500 г. Михаил Константинович был в Новгороде дворецким (НПК. Т. 3. Стб. 278).
[229] У Михаила Константиновича было трое бездетных сыновей: Иван, Григорий и Василий. Иван и Василий в 1520 г. «по приказу» матери дали на помин души родителей в Троицкий монастырь сельцо Троицкое Кашинского уезда (АРГ 1505—1526 гг. № 186). Свою дочь М. К. Беззубцев выдал замуж за И. И. Слыха Оболенского (*Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. СПб., 1906. Т. 1, ч.II. С. 387). В 1531 г. Василий Беззубцев должен был взять у опального Д. Ф. Бельского коия (ЦГАДА. Ф. 146 (Розыскные дела). № 5), что говорит о причастности его к ведомству конюшего (оружничий Н. И. Карпов отбирал у князя доспех).
[230] Подробно см.: *Веселовский.* С. 162 и след.
[231] В Бархатной книге Данилы и Михаила среди детей Федора Сабура нет (Род. кн. Ч. 1. С. 240); по Летописной редакции — старший сын Даиила, следующий Михаил; по Румянцевской редакции — Михаил, следующий Данила. Веселовский считал Михаила старшим сыном Сабура (*Веселовский.* С. 171) на основании Типографского родословца (ПСРЛ. Т. 24 С. 231).
[232] АСЭИ. Т. 3. № 35. С. 58. По Ш, в 1463/64 г. М. Ф. Сабуров, будучи бояриом-дворецким, умер (сведение не подтверждается). О нем см.: *Alef.* P. 95—96, 110—111; *Веселовский.* С. 171; АСЭИ. Т. 1. С. 613; *Ивина.* С. 59.
[233] АСЭИ. Т. 1. № 280; Т. 3. № 230; ДДГ. № 61. С. 196, 198; № 70. С. 243. Веселовский писал, ссылаясь на Ш, что М. Ф. Сабуров умер в 1464 г. (*Веселовский.* С. 171, 180), а в другом месте, что он постригся в Ипатьевском монастыре в 70-х годах XV в. (*Веселовский С. Б.* Из истории древиерусского землевладения // Ист. зап. М., 1946. Кн. 18. С. 64, 73).
[234] По Ш, дворецким был М. И. (? М. Ф.) Сабуров с 1461 г. и умер в 1463/64 г.; по Беляевскому списку, был дворецким в течение года с 1462/63 г.; по Румянцевской редакции, был дворецким при великом князе Василии II.
[235] АСЭИ. Т. 3. № 230; *Веселовский.* С. 171.
[236] Р. С. 85—86 (без боярского титула); АСЭИ. Т. 1. № 524; Т. 2. № 381 (ср.: *Alef.* P. 111), 387; РК. С. 18, 20; ПСРЛ. Т. 6. С. 207. Двор В. Ф. Сабурова в 1504 г. передан кн. Юрию Дмитровскому (ДДГ. № 91. С. 370). По Ш, боярин с 1464/65 г., умер в 1484/85 г. В Государеве родословце о его боярстве не сообщается (Род. кн. Ч. 1. С. 240).
[237] ПСРЛ. Т. 6. С. 207; Т. 24. С. 191; Т. 28. С. 119, 144; РК. С. 18; Р. С. 22. По Ш, боярин с 1477/78 г., умер в 1483/84 г. В Государеве родословце о его боярстве не сообщается (Род. кн. Ч. 1. С. 240).
[238] АСЭИ. Т. 3. № 231, 232. Сохранились и деловые детей Д. С. Пешкова Семена и Никифора 1517/18 и около 1518/19 гг. (Там же. № 233, 234).
[239] АРГ 1505—1526 гг. № 138; РК. С. 53. По Ш, Федор Муса окольничим стал в 1515/16 г., а умер в 1518/19 г. В Государеве родословце о его думных чинах не сообщается (Род. кн. Ч. 1. С. 244).
[240] АСЭИ. Т. 3. № 181; ПСРЛ. Т. 12. С. 232; Р. С. 40—42.
[241] АСЭИ. Т. 1. № 379 («Костяитин Федоровичь Сабуров»).
[242] Там же. № 444—446; НПК. Т. 4. Стб. 460. Его мать дала половиину варницы в Троицу в 1485 г. (АСЭИ. Т. 1. № 515). Тимофей Семеиович Вислоухов в 1523 г. под Опочкой был воеводой правой руки (Р. С. 188). Дочь Тимофея Семеновича была замужем за кн. Семеном Пронским (Род. кн. Ч. 1. С. 241).
[243] Писцовые книги Обонежской пятины. М.; Л., 1930. С. 1 и след.; РК. С. 32, 37, 38, 44; АСЭИ. Т. 3. № 48. В 1508 и 1510 гг. его слуга купил своему господиину земли в Московском уезде (АРГ 1505—1526 гг. № 42, 62). В изучаемое время в роду Сабуровых было два Юрия Коистантиновича: сын Коистантина Семеновича Пешкова (см. о нем: АСЭИ. Т. 3. № 233, 234) и сын Константина Федоровича Сверчка. Отцом Соломонии был сын Сверчка (РИИР. Вып. 2. С. 50).

[244] Р. С. 75—76; ГБЛ. Ф. 304. II (Собр. Троице-Сергиевой лавры). № 15. Л. 62; РИБ. Т. 15. № 16, 24 (под 1523 и 1525 гг.); *Веселовский.* С. 191; НПК. Т. 5. Стб. 388. Там же были поместья его племянника Ивана Даниловича (Там же. Стб. 330).

[245] АСЭИ. Т. 3. № 293; ПСРЛ. Т. 26. С. 314.

[246] АРГ 1505—1526 гг. № 149.

[247] РК. С. 68; *Зимин.* О составе. С. 189. В июне 1543 г. Иван Юрьевич — второй воевода в Калуге (РК. С. 105).

[248] РК. С. 25; Сб. РИО. Т. 35. С. 163; Р. С. 40. В 1504 г. Андрей Васильевич предоставил семейные документы для местнического дела П. М. Плещеева и П. Г. Заболоцкого (Р. С. 85).

[249] РК. С. 36, 37, 39, 43, 44, 46, 48, 51, 52, 57, 63, 66—69, 80; Р. С. 102; [ПСРЛ. Т. 37. С. 102]; *Лихачев.* С. 176. Как псковский наместник упомянут в 1514/15 г. и в марте и в июне 1517 г. (ПЛ. Вып. 1. С. 98; Сб. РИО. Т. 53. С. 23, 31; *Копанев.* С. 156; ср.: ПДС. Т. 1. Стб. 176; РЛА. № 355).

[250] ПСРЛ. Т. 26. С. 314.

[251] РК. С. 68.

[252] *Стромилов.* С. 75.

[253] Тысячная книга. С. 101, 198; НПК. Т. 5. Стб. 330 (И. Д. Сабуров умер в 1545/46 г.).

[254] Тимофей Вельяминов сын Глазов упоминался на свадьбе кн. В. Д. Холмского в 1500 г. (*Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37), а его брат Григорий Стерляг был в то же время великолукским наместником (РК. С. 29).

[255] Речь должна идти о потомках старшего сына Фофана Степана. Потомки младшего (Данилы) были испомещены в Коломне (Игнатьевы) и Новгороде (Жеребцовы). Поместья Игнатьевых в 1540 г. находились и в Торопце (Торопецкая книга 1540 г. С. 347). Три правнука Данилы — сыновья Ивана Константиновича — в конце XV в. были испомещены в Новгороде (*Веселовский.* Землевладение. С. 293). О том, что у Фофана было также имя Данила, см.: АСЭИ. Т. 1. № 134. По одной из поздних версий родословных книг, Игнатий (родоначальник Игнатьевых) и Василий Ивановичи показаны детьми Ивана Даниловича Плещеева (см.: Родословная книга по трем спискам // Временник ОИДР. М., 1851. Т. 10. С. 99). В. Б. Кобрин принимает эту версию, исходя из того, что братья Игнатий и Василий в акте около 1448—1453 гг. называются Плещеевыми (АСЭИ. Т. 2. № 348). Вопрос остается спорным.

[256] ПСРЛ. Т. 24. С. 232. О Дмитрии Васильевиче см.: *Веселовский.* С. 433.

[257] Ушак Москотиньев в конце XV в. был испомещен в Новгороде (*Веселовский.* Землевладение. С. 293). Москотиньевы сохраняли еще в середине XVI в. остатки своих старинных владимирских земель (Тысячная книга. С. 156). Здесь же находились владения одной из ветвей Плещеевых, шедшей от четвероюродного брата Семена Москотиньи Василия Ивановича Плещеева (Там же. С. 155). Потомки старшего брата Василия Игнатия были связаны с кн. Дмитрием Ивановичем. Во всяком случае, в середине XVI в. по Кашину служили Василий Семенович Плещеев с детьми, а Чобот и Нечай Никитичи — по Дмитрову (Там же. С. 130, 134). Последние двое, очевидно, были детьми Никиты Кошки Даниилова сына Игнатьева (ср.: Род. кн. Ч. 1. С. 288), а Василий Семенович — сын Семена Дюпы Игнатьева.

[258] ПСРЛ. Т. 28. С. 109; Р. С. 85—86. По Ш. М. Б. Плещеев в 1462 г. стал боярином, а умер в 1467/68 г. В Государеве родословце о его боярстве не упоминается (Род. кн. Ч. 1. С. 299).

[259] О Плещеевых см. также: *Веселовский.* С. 247—257.

[260] АСЭИ. Т. 1. № 181. С. 370. М. Б. Плещеев владел землей и в Московском уезде (*Веселовский.* С. 253). По Переславлю служили еще в середине XVI в. внуки старшего сына Михаила Борисовича Андрея (Тысячная книга. С. 138).

[261] ПСРЛ. Т. 6. С. 222, 224—225, 234—235; Т. 12. С. 66; Т. 28. С. 128; РК. С. 17, 20; Р. С. 27; АСЭИ. Т. 1. № 521; ПДС. Т. 1. Стб. 26; Род. кн. Ч. 2. С. 123. По Ш, окольничий с 1475/76 г., боярин с 1479/80 г., умер в 1490/91 г. В Государеве родословце упомянут как боярин (Род. кн. Ч. 1. С. 299). О Плещеевых см.: *Alef.* P. 100, 114, 118.

[262] АСЭИ. Т. 1. № 562. Землевладение А. М. и П. М. Плещеевых изучено Ю. Г. Алек-

сеевым (*Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переславский уезд. М.; Л., 1966. С. 60—65).

263 АСЭИ. Т. 1. № 258, 274, 275. Ср. в даиной около 1446/47 г. (Там же. № 181). Еще до июня 1476 г. он заложил серебряную чару Семену Наквасе (Там же. Т. 2. № 474).

264 ПСРЛ. Т. 12. С. 121, 123; Род. кн. Ч. 1. С. 299; *Шмидт.* С. 272. По Ш, окольничий с 1484/85 г., умер в 1495/96 г.

265 РК. С. 26. Иваи Юрлов упомянут в духовиой А. И. Шадрина 1525 г. (АРГ 1505—1526 гг. № 251. С. 254). У Ивана Меньшого Кудреватого Юрлова кн. Дмитрий Углицкий купил одно село до 1521 г. (ДДГ. № 99. С. 414). О нем см. также: ПКМГ. Ч. 1, отд. 2. С. 411.

266 *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1892. С. 859.

267 Р. С. 98; Род. кн. Ч. 1. С. 300.

268 Род. ки. Ч. 1. С. 300; ПСРЛ. Т. 8. С. 242.

269 РК. С. 20, 24, 28, 30, 31 (назваи среди окольиичих); Р. С. 81—86 (упомянут среди окольиичих); ПСРЛ. Т. 6. С. 234—235; Сб. РИО. Т. 35. С. 1, 4, 282, 287, 412—439 (будучи окольиичим, назван среди «бояр» как дворецкий К. Г. Заболоцкий и сокольиичий М. С. Кляпик Еропкин — см.: Там же. С. 433); АСЭИ. Т. 1. № 562; *Шмидт.* С. 272; ГАР. С. 77 (ящик 178), 393; ДДГ. № 95. С. 382; Род. кн. Ч. 1. С. 299; РИИР. Вып. 2. С. 125. Как новгородский наместиик упомянут в сеитябре 1490 г., январе 1491 г., марте, мае, июле 1493 г., марте, апреле, иоябре 1494 г., январе, феврале 1495 г. (Сб. РИО. Т. 35. С. 85; АСЭИ. Т. 3. № 420, 424, 426, 428, 429, 431—433; РИБ. Т. 15. № 65; Сборииик Хилкова. № 106. С. 374). По Ш, окольничий с 1494/95 г., умер в 1503/04 г. О П. М. Плещееве см.: *Веселовский.* С. 255; *Alef.* P. 100, 119, 121—122.

270 АРГ 1505—1526 гг. № 59. Сделал крупные вклады в Троицкий моиастырь: в 1508 г. — 50 руб., в сентябре 1516 г. — 250 руб. и в январе 1517 г. — более 77 руб., 20 золотых и 5 серебряных ковшей (*Веселовский.* С. 255; *Николаева.* № 58. С. 69; № 59. С. 70).

271 АРГ 1505—1526 гг. № 152, 153; Сб. РИО. Т. 35. С. 164; РК. С. 25.

272 Род. кн. Ч. 1. С. 299. Был душеприказчиком у братьев Ивана в 1482 г. и Андрея в 1491 г. (АСЭИ. Т. 1. № 499, 562).

273 *Голубцов, Назаров.* С. 82. № 4. Потомки Григория Охоты в середине XVI в. служили по Бежецкому верху (Тысячная книга. С. 201). Около 1453/54 г. послух в данной по Переславскому уезду (АСЭИ. Т. 3. № 39).

274 *Алексеев Ю. Г.* Указ. соч. С. 61.

275 РК. С. 29, 58, 64. Шестой брат Иван Михайлович Хромой упомянут в 1482 г. (АСЭИ. Т. 1. № 499).

276 Род ки. Ч. 1. С. 299; ИЛ. С. 184, 187, 190.

277 АСЭИ. Т. 1. № 548; РК. С. 25, 51, 52; Р. С. 40, 98; Сб. РИО. Т. 35. С. 163; Т. 41. С. 225, 231—236, 241—249; Т. 95. С. 96; ИЛ. С. 133, 137, 191.

278 РК. С. 57, 61, 63, 66, 68; Р. С. 176, 187 (называется окольничим); *Назаров.* Свадебные дела. С. 116 (В. Д. Назаров говорит, что М. А. Плещеев последиий раз упомянут в разрядах под 1522 г., но он ие учитывает пространную редакцию разрядных кииг); *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 276—277; ПСРЛ. Т. 28. С. 161; СГГД. Ч. 1. № 162. С. 448—450.

279 Сведение пространиой редакции разрядных книг под 1523 г. о том, что Плещеев был окольничим (Р. С. 187), ошибочно и не подтверждено родословцами (Род. кн. Ч. 1. С. 299). По Ш, окольиичий с 1521/22 г., умер в 1530/31 г.

280 Род. кн. Ч. 1. С. 288, 299. Брат Василия Рычка Алфер в конце XV в. был помещиком Шелонской пятины (НПК. Т. 4. Стб. 297). Там же в 1539 г. находилось поместье двоюродиого племянника Рычка Ратмана Алферьева Ворыпаева (Там же. Стб. 434).

281 Род. кн. Ч. 1. С. 277.

282 Там же. С. 299. «В опале» пострижен был в Кириллове монастыре двоюродный брат М. А. Плещеева Василий Тимофеевич Юрлов, брат которого Иван «побежал в Литву» (Там же. С. 300).

283 АРГ 1505—1526 гг. № 111, 123.

284 Род. кн. Ч. 1. С. 299.

285 РК. С. 62, 65; *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 39.

[286] Тысячная книга. С. 168.
[287] У Ивана Борисовича было двое сыновей: бездетный Иван Фал и Яков Бельский.
[288] РК. С. 76.
[289] НПК. Т. 2. Стб. 396.
[290] Там же. Стб. 736. Младший брат Михаила Торха Василий Кривой около 1470—1490 гг. променял свою землю другому брату — Семену Бестужу (АСЭИ. Т. 2. № 475-а).
[291] Подробнее см.: *Веселовский.* Землевладение. С. 82—84; Подмосковье: Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX вв. М., 1962. С. 533—534; АСЭИ. Т. 2. С. 569; ПКМГ. Ч. I, отд. 2. С. 260, 262.

Глава вторая

Боярские роды конца XIV—начала XV в.

Медленный, но неуклонный подъем экономики в Московском княжестве, успехи в объединительной политике князей, громовые раскаты Куликовской битвы сделали Москву в конце XIV—начале XV в. центром притяжения для многих служилых людей из других земель, решивших поискать счастья и чинов при дворе великих князей московских.

Среди тех, кому удалось проникнуть в Боярскую думу сквозь толщу старомосковских родов, были потомки смоленских княжат, Морозовы и на некоторое время потомки выходца из Орды Серкиза. В Москве оказались также Добрынские и Сорокоумовы, возводившие свой род к легендарному касожскому богатырю Редеде (Редеге), которого в 1022 г. «зарезал» кн. Мстислав Владимирович.

Потомки Редеги

Из старинного рода Редеги, очевидно, уже в XIV столетии выделилось несколько семей, в том числе Сорокоумовы-Глебовы и Симские-Добрынские [1]. К концу этого века они появляются при великокняжеском дворе (схемы 17, 18).

У Василия Глебовича (внука Михаила Сорокоума) было девять сыновей (случай довольно редкий): бездетный Григорий Криворот, Иван Ощера, бездетный Петр Третьяк, Иван (Полуект) Море, Дмитрий Бобр, бездетный Леонтий, Алексей Бурун, Семен Голова и Василий Кокошка.

По семейным преданиям, старший из них, Григорий Криворот, служил при Василии Темном дворецким («боярин, а был дворетцкой на Москве по свою смерть без перемены» [2]). Это как будто подтверждается последующей дворцовой службой родичей Криво-

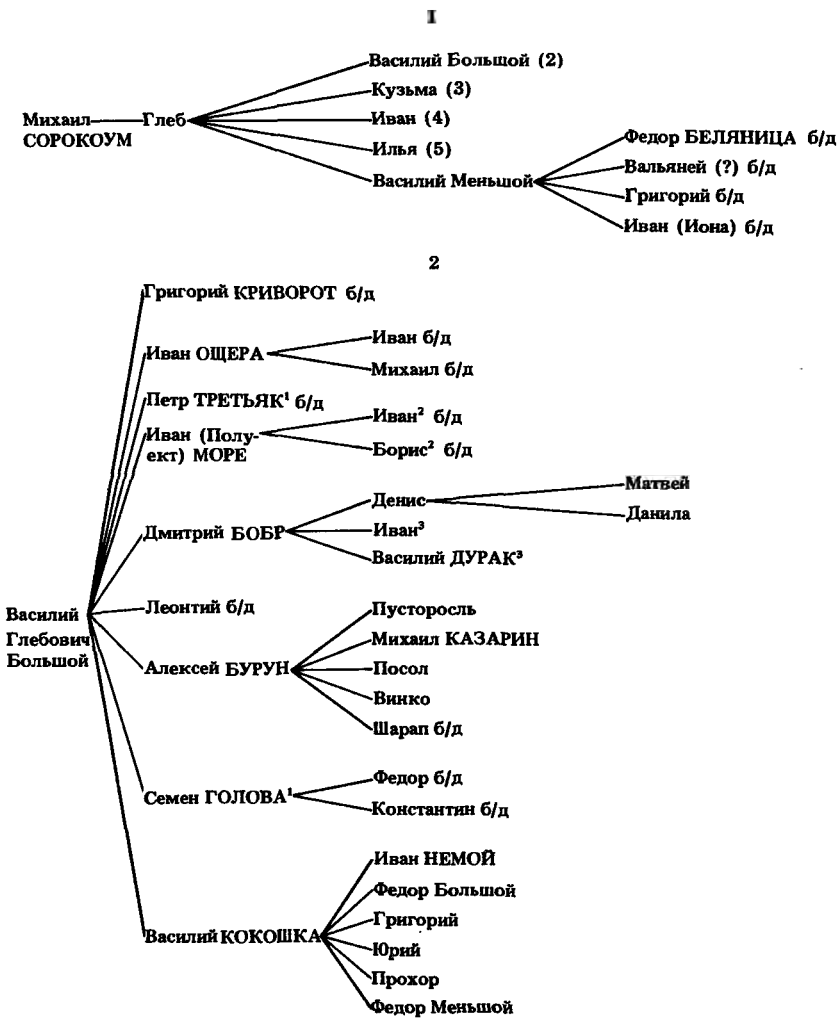
рота. В 1442/43 г. его «застрелили (т. е. ранили. — *А. З.*) в челюсть»[3], что и послужило основанием для его прозвища. После этого, наверно, он оставил ратные дела, занявшись дворцовой службой. С. Б. Веселовский считает именно Криворота наместником в Бежецке около 1455—1462 гг. Трудность состоит в том, что в это время при дворе было два Григория Васильевича — Заболоцкий и Криворот, и к кому из них относятся упоминания о «Григории Васильевиче», сказать сложно. Возможно, именно Криворот около 1462—1464 гг. присутствовал среди бояр на докладе одного судного дела великому князю. Вероятно, ему же были в те же годы доложены два земельных акта[4].

Иван Васильевич Ощера уже в 1446 г. решительно выступил на стороне Василия Темного в его борьбе с Дмитрием Шемякой. Около 1461 г. или, скорее, около 1471 г. он был одним из душеприказчиков кн. Юрия Васильевича Дмитровского. Служба Ощеры дмитровскому князю подтверждается и присутствием его в качестве боярина кн. Юрия около 1471 г. на разборе одного поземельного дела. В 70—90-е годы (скорее всего, до 1472 г.) он наместничал в Дмитрове. После смерти кн. Юрия (1472 г.) И. В. Ощера перешел на великокняжескую службу. В 70—80-е годы XV в. за ним в кормлении была Коломна, а позднее — четыре года Русса. В октябре 1475 г. и октябре 1479 г. он ездил в чине окольничего в Новгород. В летописном рассказе о стоянии на Угре 1480 г. И. В. Ощера назван боярином среди дурных советников великого князя[5]. Между 1479 и 1485 гг. присутствовал среди «бояр» на докладе у Ивана III[6]. 27 февраля 1486 г. брал землю в пожизненное держание у митрополита. После Юрия Захарьича (т. е. после 1489 г.) наместничал в Новгороде (примерно до 1492 г.). Всего в Русе и Новгороде он находился в течение восьми лет. Вскоре после этого (во всяком случае, до марта 1493 г.) Ощера умер. Его владения располагались в Дмитровском и Московском уездах[7]. Два сына Ощеры — Иван и Михаил, которые, по родословцу, были стольниками, в свите княгини Елены ездили в 1495 г. в Литву. Относительно Ивана Ощерина эти сведения подтверждаются[8].

Сын Ивана Ощеры, И. И. Ощерин, упоминается со своей матерью как вкладчик земли «по душе» своего отца в Московском уезде 25 марта 1493 г. В 1495 г. он ездил среди детей боярских в Новгород. Участвовал в приемах литовских послов в 1493, 1494 и 1503 гг. В июне 1496 г. Иван Иванович был послан с миссией к Стефану Волошскому. После поездки получил титул калужского и старицкого дворецкого и в течение пяти лет исполнял его обязанности[9]. Однако в связи с созданием Калужского удела (конец 1503 г.) дворец этот прекратил свое существование.

В сентябре 1503—летом 1505 г. И. И. Ощерин ездил с дипломатической миссией в Крым в качестве «боярина» великого князя. За верную службу Василий III хотел ему дать «на любви» Тверь, Коломну и Кострому, но И. И. Ощерин отказался, считая, что ему «теми жалованьи не откупитца». Тогда он получил в кормление

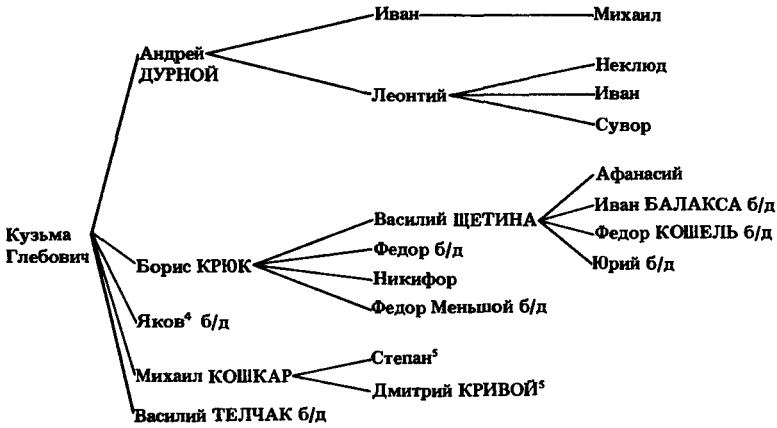
Схема 17
Сорокоумовы-Глебовы



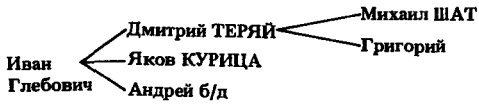
Корелу, где и пробыл пять лет. В 1514 г. И. И. Ощерин присутствовал на приеме турецкого посла Камала. По семейным преданиям, Василий III «в думу ево пустил». Около 1503/04—1540-х годов упоминалась его вотчина в Радонеже. Умер Иван Иванович в ноябре 1521 г.[10]

Следующие по старшинству два брата Ивана Ощеры рано сошли со сцены. Бездетный Петр Третьяк погиб в Суздальском

3



4



5

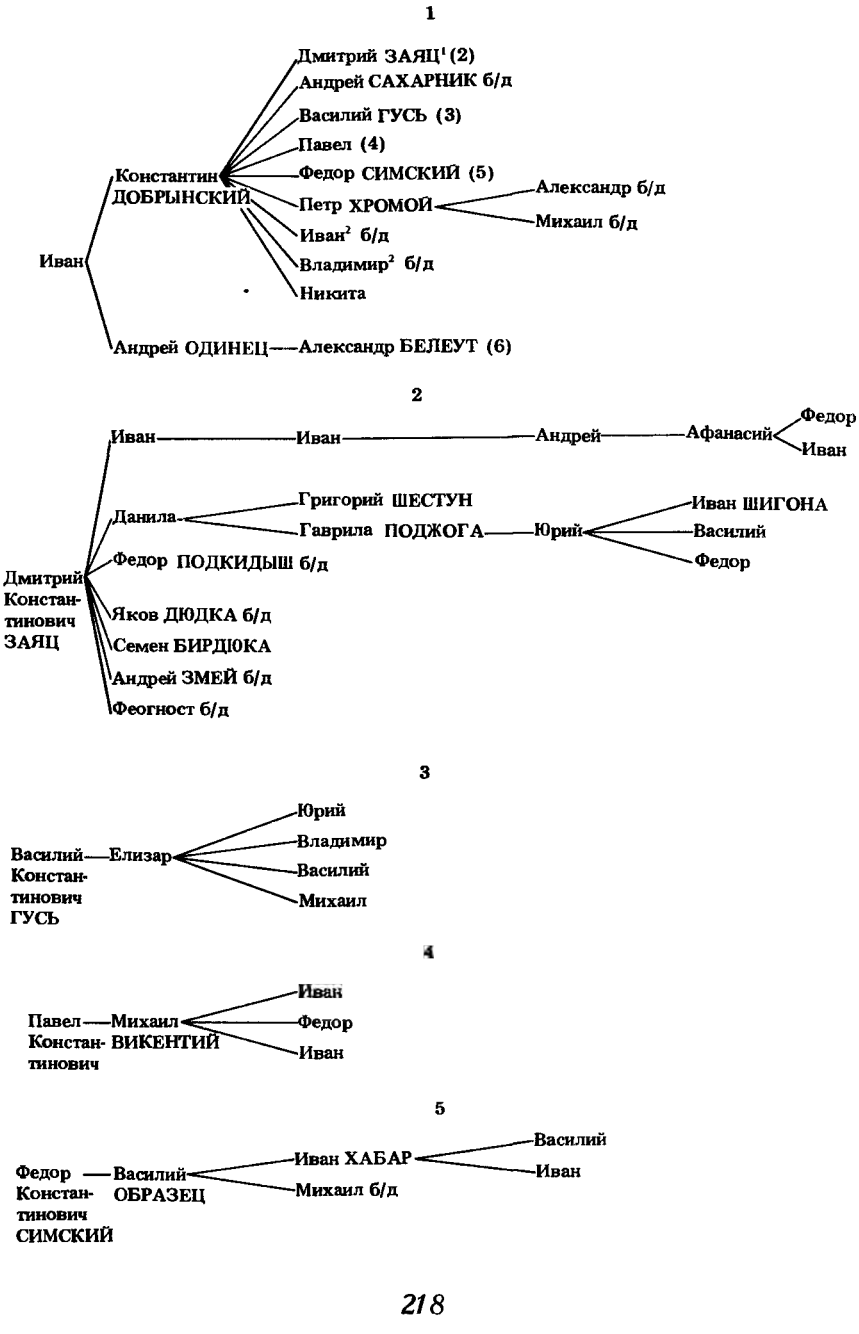
Примечания:

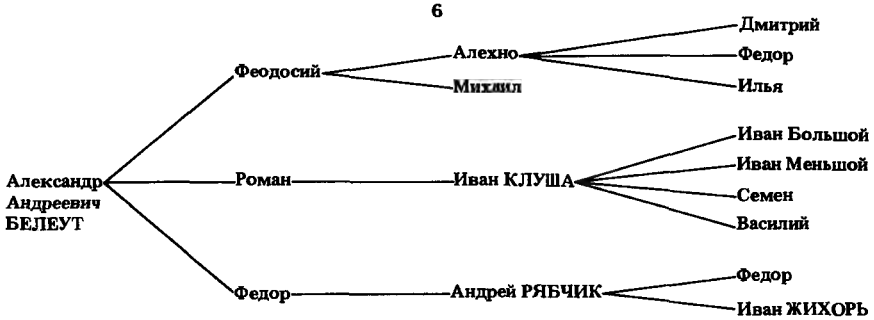
[1-1] По Л (семейный вариант): Дмитрий Бобр, Иван Море, Алексей Бурун, Петр, Семен Голова, Третьяк.
[2-2] По Л Федор и Коистантин (б/д). Сведения ошибочны.
[3-3] По Л Василий, Иван.
[4] Л нет.
[5-5] По Л Дмитрий. "А у Дмитрея дети: Тимофей да Елизарей. А у Якова у Кузьмина дети: Степан да Дмитрей, в Новгороде на поместье."

бою 1445 г., а Иван (Полуект) Море упоминался только в 1434—1443 гг. У Моря были только бездетные сыновья Иван и Борис. По семейным преданиям, Море был великокняжеским постельничим до своей смерти, причем «с судом з боярским и в думе у великого князя з бояры был» [11].

Следующий брат, Дмитрий Васильевич Бобр, еще в 1446 г. вместе с Ощерой и князьями Ряполовскими были в одной «мысли», организуя движение в пользу Василия II. Когда при Василии II отложилась Вятка, Д. В. Бобр «ис Казани на Вятку пошол, да Вятку взял». За это великий князь дал ему Нижний Новгород в кормление. Около 1462—1472 гг. кн. Юрий Васильевич выдал жалованную грамоту на его земли Дмитровского уезда. В 1463 г. он выдал Д. В. Бобру новую грамоту на владения, купленные у его тестя В. Д. Ермолина [12].

Схема 18
Добрынские и Белеутовы





Примечания:

[1] Л (с. 54), Р нет.

[2-2] Л (с. 54): "два Ивана бездетны"; Л (с. 73) нет.

Около 1470—1500 гг. и в 1507 г. его сын Иван (постельничий Василия III) покупал земли у своего брата Василия Дурака [13]. Согласно семейному родословцу, И. Д. Бобров «был постельничей... с судом з боярским и в думе был... А х постельничему пути... была за ним волость Ухра с мыты в путь». Постельничим И. Д. Бобров был в 1507 г. во время похода на Новгород [14].

По семейному преданию, один из сыновей В. Г. Сорокоумова — Алексей Бурун был стольником. У него было пятеро детей. Михаил Казарин Алексеевич Бурунов унаследовал фамильную должность и был за «постелею» (т. е. постельничий) во время Коломенского похода Василия III 1522 г. В 1528 г. он, так же как и И. Д. Бобров, поручительствовал за князей Шуйских. Упоминался Бурунов в купчей И. Д. Боброва 1507 г. и в одной из данных грамот 1521 г.[15]

Потомки Алексея Буруна служили в середине XVI в. по Зубцову (Пусторослевы), Дмитрову (Казариновы) и Старице (Буруновы) [16]. Все это старинные удельные центры.

От младшего сына В. Г. Сорокоумова, Василия Кокошки, пошли Кокошкины, которые были связаны с удельным Угличем и в Москве положения не приобрели. Федор Большой Васильевич служил постельничим у углицкого князя Дмитрия Ивановича [17].

У Василия Глебовича Сорокоумова было четверо братьев (Кузьма, Иван, Илья и Василий Меньшой). Служебной карьеры они не сделали. Сын старшего сына Кузьмы (Андрея Дурного) Иван был отдан «в приданые» с Еленой Ивановной в Литву (1495 г.), а его сын Михаил служил позднее Василию Шемячичу в Стародубе. Брат Ивана Леонтий получил поместье в Новгороде [18]. Внуки второго сына Кузьмы (дети Василия Щетины) также стали новгородскими помещиками Шелонской и Бежецкой пятин [19]. Дети четвертого сына Кузьмы (Михаила Кошкара) Степан и Дмитрий Кривой входили в состав двора кн. Юрия Ивановича Дмитровского [20].

Племянник Кузьмы Глебовича Яков Иванович Курица служил дворецким в Ростове у княгини Марии (около 1470—1478 гг.) [21].

Дети другого племянника (Василия Обеда) были испомещены в Торопце [22]. Словом, картина, типичная для родов, которые связали свою судьбу с уделами и в Государев двор не пробились.

У Константина Ивановича Добрынского было восемь сыновей (Андрей Сахарник, Василий Гусь, Павел, Федор Симский, Петр, Иван, Владимир и Никита), а возможно, и девять (Дмитрий Заяц). Судьба у них сложилась по-разному. Павел постригся в монахи (его потомки — Викентьевы — при дворе не блистали) [23]. Иван и Владимир умерли бездетными. Петр Хромой и Никита служили кн. Ивану Андреевичу Можайскому [24]. Трагичной была судьба старших детей единственного сына Василия Гуся Елизара, в свое время служившего кн. Ивану Можайскому [25]. Еще в 1492 г. Юрий Елизарович бежал в Литву [26]. Второй сын, Владимир, в 1483 г. ездил с миссией в Тверь, в 1495 г. провожал княгиню Елену Ивановну в Литву, а в 1497 г. был казнен в связи с заговором в пользу княжича Василия [27]. Братья Владимира Гусева Василий и Михаил оказались связанными с уделами — они были боярами кн. Юрия Ивановича Дмитровского [28]. Михаил в разрядах упомянут в 1507 г. как его воевода, а в 1522 и 1523 гг. как его боярин (умер еще до 1 июля 1533 г.) [29].

Четвертый (или пятый?) сын К. И. Добрынского, Федор Симский, погиб в Суздальском бою 1445 г. и в «шатости» (в отличие от других братьев) не был замечен. Он был женат на дочери видного в те времена боярина Дмитрия Васильевича [30]. Его сын Василий Образец стал заметной фигурой уже в первый период правления Ивана III. В 1471 г. во время похода на Новгород он находился на наместничестве в Устюге и участвовал в военных действиях с двинянами. В том же году ходил в поход на Волгу. Осенью 1475 г. ездил среди великокняжеских «бояр» с Иваном III «миром» в Новгород. В 1477 г. вместе с кн. С. И. Ряполовским ходил в поход на Казань. В конце того же года участвовал в Новгородском походе, находясь с самим Иваном III (был вторым воеводой большого полка). В конце 1478 г. послан с В. Ф. Сабуровым на Вятку. В 1479 г., будучи боровским наместником, «изымал» крамольного князя Ивана Лыко Оболенского. После взятия Твери в 1485 г. «боярина» В. Ф. Образца оставили там наместником. В том же году вместе с Иваном Головой Владимировичем Ховриным «заложиша полаты кирпичны». Около 1473—1489 гг. взял в пожизненное владение землю у митрополита. Около 1483—1485 гг. присутствовал вместе с В. Ф. Сабуровым на докладе у великого князя Ивана Ивановича. Двор его был распущен (около 1483 г.) [31]. Вопрос о боярстве Образца не вполне ясен. Сведения разряда 1475 г. и летописи под 1485 г. явно недостаточны для того, чтоб считать Образца боярином [32].

У него было два сына — Иван Хабар и Михаил Образцов (последний застрелен под Кричевом в 1507 г.) [33].

Иван Васильевич Хабар, женатый на дочери казначея Д. В. Ховрина, появляется в окружении Ивана III еще в 1495 г., когда

в начале года едет провожать княгиню Елену в Литву, а затем с великим князем в Новгород. По сведениям «Казанской истории», он успешно оборонял Нижний во время осеннего нападения Мухаммед-Эмина 1505 г. Весной 1507 г. мы застаем его воеводой левой руки на Вязьме в полках В. В. Шуйского. В походе Якова Захарьича и В. Д. Холмского 1508 г. в Литву он второй воевода левой руки. Очевидно, за участие в военной кампании (а И. В. Хабар, несомненно, был талантливым полководцем) он получает звание окольничего. Впервые с этим званием он упоминается в сентябре 1509 г., когда сопровождает в Новгород Василия III. В 1514 г. И. В. Хабар оставлен на Угре с боярином С. И. Воронцовым. В 1517 г. он на Вязьме командует сторожевым полком. В 1519 г. на Луках он был вторым воеводой в передовом полку. В февральском боярском приговоре 1520 г. И. В. Хабар помещен седьмым после бояр и окольничих, но перед М. Ю. Захарьиным. С 1519/20 г. и, во всяком случае, по август 1521 г. И. В. Хабар — наместник в Рязани. Если говорить точнее, то с 1519/20 г. он был еще наместником в Перевитске, но после ликвидации Рязанского княжества в июне—августе 1521 г. он стал рязанским наместником. Находясь в Рязани во время набега Мухаммед-Гирея, И. В. Хабар умело организовал оборону города и способствовал тому, что крымские войска быстро покинули пределы России. В 1522 г. с другими воеводами отпущен в Коломну перед прибытием туда великого князя. Затем он стоял с войском «против Ростисловля». В неудачном походе на Казань 1524 г. он командовал большим полком конной рати [34]. В декабре 1525—феврале 1527 г. И. В. Хабар наместничал в Новгороде [35]. Летом 1528 г. в чине боярина он находился с войском в Вязьме. В 1531 г. стоял «на берегу» с кн. В. В. Шуйским. Присутствовал на свадьбе кн. Андрея Старицкого в январе 1533 г.[36] Это последнее упоминание И. В. Хабара в источниках. Его сын Иван Иванович был видным боярином времен Ивана IV [37].

К родословной Добрынских приписан некий Дмитрий Заяц (якобы «первак», сын Константина Добрынского). От него пошли ярославские вотчинники Бирдюкины-Зайцевы. От него же происходят вотчинники Тверского и Старицкого уездов Поджогины (Гаврила Поджога — сын Данилы Дмитриевича Зайцева) [38]. Из них крупнейшей политической фигурой был Иван Юрьевич Шигона. Брата Шигоны Василия убили в Казани [39], а другой брат — Федор никак себя не проявил. Заметим, кстати, что в окружении Василия III, кроме Шигоны, было еще несколько лиц, связанных с Тверью (среди них Карповы). Возможно, это был след еще тех времен, когда княжичу Василию поручено было управление Тверью (в 1490 г.).

В 1505/06, 1507/08, 1508/09 и 1509/10 гг. Шигона упоминался среди участников церемонии встречи литовских послов. Но в это время он уже выполнял важные поручения великого князя. Так, в 1508 г. он передавал «речи» Василия III воеводам в полках и со специальной миссией ездил к Михаилу Глинскому. Именно

Шигона вместе с дьяком Иваном Телешевым вел переговоры о капитуляции Смоленска в 1514 г.[40]

Прошло всего несколько лет, и к 1517 г. Шигона совершил бурный взлет по служилой лестнице. Впрочем, чин у него был весьма скромный: он назывался сыном боярским, «который у государя в думе живет» [41]. Но этот термин означал лицо, особо приближенное к государю.

С 1517 г. Иван Юрьевич — деятельный участник переговоров с Литвой (1517, 1522 гг.), имперскими послами С. Герберштейном и Ф. да Колло (1517, 1518 гг.), орденскими представителями (1517—1520 гг.). Он участник важнейших встреч с крымским мурзой Аппаком (май 1519 г.). В посольских делах он прямо называется «советником» великого князя [42].

Не менее важна роль Шигоны во внутриполитических делах. Еще в 1517 г. он вел расследование по обвинению в измене Василия Шемячича. Около 1520 г. по поручению Василия III говорил с его братом Дмитрием Ивановичем о «недозволенных речах», которые тот произносил по адресу великого князя. Около 1511—1521 гг. именно И. Ю. Шигоне Поджогину для Василия III передавал царевич Петр сведения о своем здоровье. Его посланец должен был «молвити Шигоне, чтобы и о том государя доложил: к митрополиту ли наперед велит итить о здоровье спросити или ко князю Дмитрею Ивановичю?» В 1523/24 г. И. Ю. Шигона Поджогин вместе с М. Ю. Захарьиным разбирал дело о попытке бежать за рубеж муромских детей боярских. В 1524 г. Шигона передавал распоряжение великого князя воеводам, отправленным в Казанский поход. В сентябре того же года он вел ответственнейшие переговоры с турецким представителем греком Скиндером [43]. Шигоне передавал около 1525—1526 гг. свою челобитную кн. И. М. Воротынский [44].

В конце 1525 г. именно Шигона добился согласия от Соломонии Сабуровой на пострижение ее в монахини, не брезгая такими средствами, как избиение бичом [45]. В лице Шигоны Малюта Скуратов имел своего такого же предшественника при дворе Василия III, как Симеон Бекбулатович — царевича Петра. Так же как Малюта, Шигона на ратном поприще не отличался.

То ли общее возмущение эпизодом с Соломонией, то ли чрезмерное властолюбие Шигоны привело к тому, что вскоре после 1525/26 г. его постигла опала и он исчез со страниц источников. Только после рождения наследника престола Ивана в августе 1530 г. Шигона вместе с другими опальными получает свободу. В 1531/32 г. Шигона наряду с другими видными придворными выступает в качестве душеприказчика великокняжеского протопопа Василия. В марте 1532 г. он присутствовал на приеме литовских послов. К этому времени Шигона, очевидно, и получил чин тверского дворецкого, который он и носил, во всяком случае, до марта 1539 г., когда ему докладывались правые грамоты Клинского уезда. Шигона вел переговоры с литовскими послами в декабре 1533 г., феврале — мае 1536 г. и в январе 1537 г. После

смерти Василия III вел в 1533/34 г. переговоры со шведами. До 17 июля 1535 г. он выступал одним из душеприказчиков кн. М. В. Горбатого. С его именем связывается создание Успенского монастыря в родовом владении Поджогиных с. Иванищи (в 21 версте к северо-востоку от Старицы). Умер Шигона до 15 июня 1542 г.[46] Он был близок к иосифлянам [47]. На его дочери был женат окольничий Петр Иванович Головин [48].

Во время предсмертной болезни Василия III Шигона присутствует среди наиболее доверенных лиц великого князя. Именно с ним и дьяком Меньшим Путятиным московский государь и составлял свое завещание, а также «мыслил», кого пустить к себе в «думу», т. е. для обсуждения вопроса о судьбах государства. С. М. Каштанов считает даже, что в это время «Шигона был, кажется, самым приближенным к великому князю лицом». Шигона в источниках называется дворецким тверским и волоцким. Следовательно, после ликвидации Волоцкого удела (1513 г.) Волоколамск стал управляться в Тверском дворе. Как тверской дворецкий Шигона принимал участие в разборе поземельных споров [49].

По данным некоторых родословцев, у Константина Ивановича Добрынского был брат Андрей Одинец [50]. От него вели свое происхождение Белеутовы, Олехновы (Алехновы), Рябчиковы и др. Их родословие тщательно изучено Веселовским, что делает излишним возвращаться к этой теме [51]. В изучаемое время все они никаких крупных должностей при дворе не занимали. Это в значительной степени объясняется тем, что Белеутовы и их родичи своими владельческими отношениями были связаны с удельным Дмитровом [52].

Выезжие княжата, потерявшие титулы (Всеволож-Заболоцкие, Еропкины, Полевы)

В составе московской знати было несколько служилых фамилий, ведших свое происхождение от смоленских и фоминских князей. Все они уже давно при переходе на московскую службу (в XIV в.) лишились княжеского титула, что не помешало некоторым из них занять видное место при великокняжеском дворе. Среди них в первую очередь надо назвать Всеволож-Заболоцких, служивших московским князьям уже в конце XIV в. (схема 19).

У князя Александра Глебовича Смоленского [53] было трое сыновей — Дмитрий, Владимир и Иван. Первые двое участвовали еще в Куликовской битве 1380 г. Старшая ветвь Всеволожских шла от Дмитрия Александровича. У Дмитрия было двое сыновей — Иван и Федор Турик[54]. Иван Дмитриевич Всеволожский принадлежал к числу крупнейших политических деятелей, но неосторожно связал свою судьбу с кн. Юрием Дмитриевичем Галицким. С 1433 г. он был «поиман» («и с детьми»), ослеплен [55], а владения его (в Бежецке) конфискованы.

О детях И. Д. Всеволожского (Иване и Семене) нам почти ничего не известно. Прав С. Б. Веселовский, считавший, что «все

они были в немилости»[56]. В некоторых актах 50—60-х годов XV в. упоминается наместник и боярин «Иван Иванович», но речь идет скорее о И. И. Кошкине[57]. И. И. Всеволож тогда, очевидно, находился вдали от двора. Сыновей у Ивана Ивановича не было, но своих четырех дочерей он выдал замуж за видных деятелей — кн. Д. Д. Холмского, кн. Ивана Булгака Патрикеева, С. Б. Морозова и кн. В. С. Ряполовского. Его двоюродная сестра (дочь Федора Турика) была замужем за кн. В. И. Оболенским[58]. Словом, Всеволож был связан родственными узами с цветом московской аристократии. Отсутствие у него сыновей и бездетность потомков его брата Семена привели к тому, что эта ветвь Всеволож-Заболоцких оказалась выморочной.

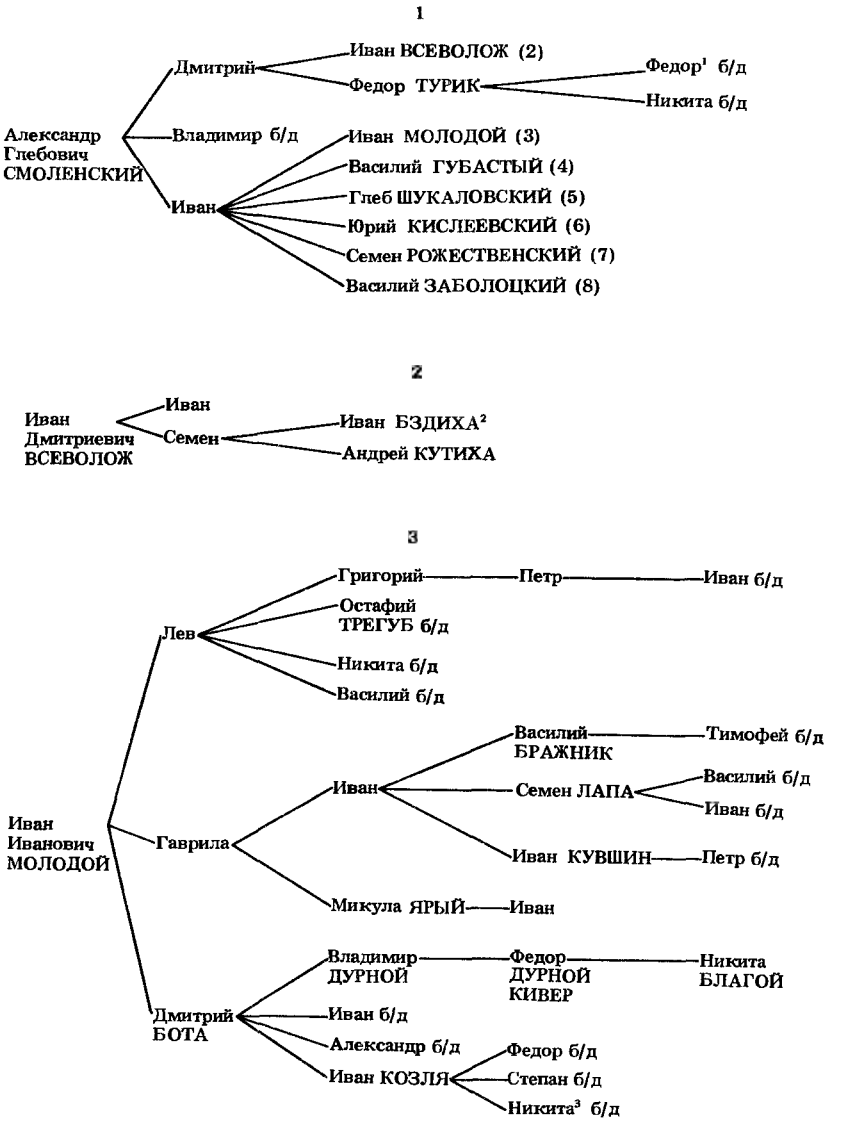
Вторую ветвь Заболоцких представляли дети Ивана Александровича. У него было шесть сыновей — Иван Молодой, Василий Губастый, Глеб Шукаловский, Юрий Кислеевский, Семен Рожественской[59], Василий Заболоцкий.

Потомство Ивана Молодого (у него было трое сыновей — Лев[60], Гаврила, Дмитрий Бота) скоро сошло с исторической сцены. У Гаврилы было двое сыновей — Иван и Микула Ярый. Иван Гаврилович в 1469 г. участвовал в походе на Устюг. Незадолго до 1471 г. был волостелем на Двине, а в 1489/90 г. наместничал на Вологде. В 1500 г. присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского. Вслед за этим был пострижен в Кирилловом монастыре, где стал известным как «Майков друг» (дьяк Андрей Майко — брат Нила Сорского)[61]. Возможно, он принадлежал к числу сторонников Ряполовских (он был в дальнем свойстве с кн. В. С. Ряполовским), Патрикеевых и Дмитрия-внука. Из трех сыновей Ивана Гавриловича (Василий Бражник, Семен Лапа и Иван Кувшин) старший промелькнул в разрядах 1495—1499 гг. (он участвовал, в частности, в походе на Югру 1499 г.)[62]. Уже у внуков Ивана Гавриловича детей не было[63].

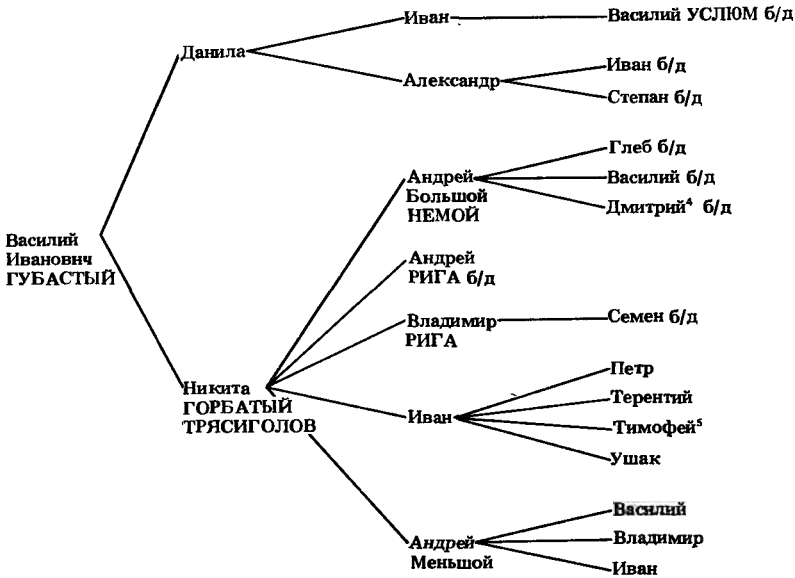
Племянник Ивана Гавриловича Заболоцкого Иван Микулин в 1495 г. во время похода Ивана III в Новгород был одним из постельников. В 1500 г. он присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского, а в 1502 г. посылался с «речью» Ивана III в Стародуб. Словом, Иван Микулин принадлежал к числу доверенных лиц великого князя. В 1511 г. он описывал земли на Белоозере. И. М. Заболоцкий известен также как посол в Данию, куда он ездил в 1514 и 1515 гг. По не вполне проверенному сведению, в 1518/19 г. он проиграл местническое дело А. Н. Бутурлину. В 1522 г. Иван Микулин посылался с Коломны на Казань[64]. Согласно родословным книгам, его сын Иван бежал в Литву[65]. Остальные дети Ивана Александровича Заболоцкого многого не достигли[66].

Ю. Г. Алексеев складывание вотчины Заболоцких в Переславском уезде относит к концу XIV—началу XV в., т. е. ко времени, когда действовал Василий Иванович Заболоцкий[67]. Его сын Григорий Васильевич стал более или менее заметной фигурой. Еще в 1434 г. он находился на наместничестве в Обонежье. Некий Григорий Васильевич упоминается как послух у дьяка Ивана

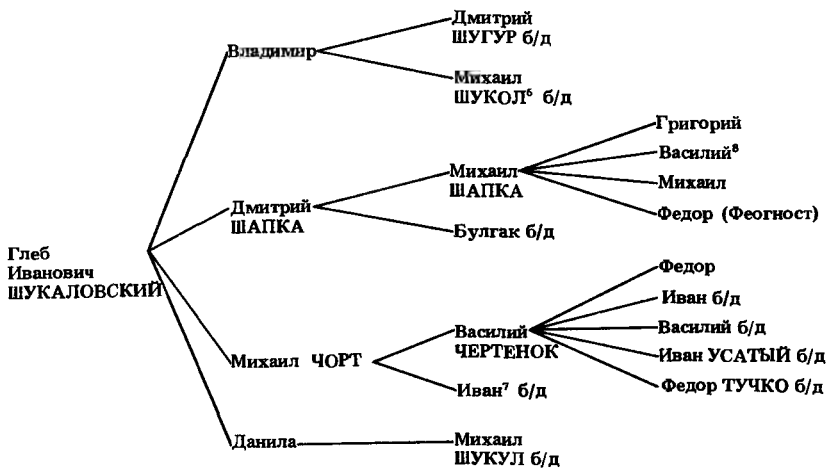
Схема 19
Всеволож-Заболоцкие



4

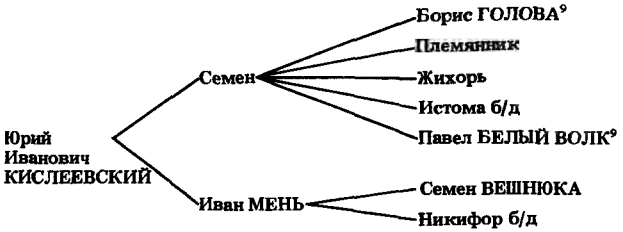


5



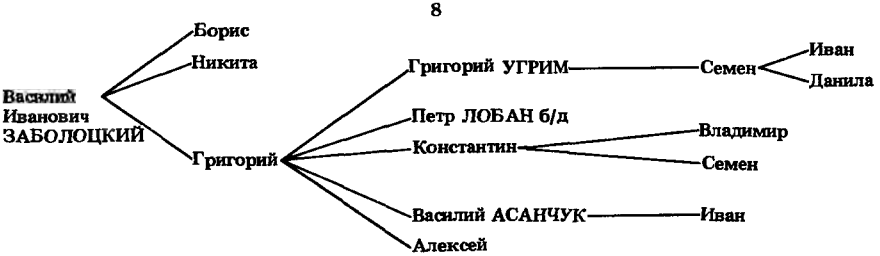
Поповки около 1435—1437 гг. В конце правления Василия II был на наместничестве в Новгороде [6b]. Его посельский прикупал земли Переславского уезда для своего господина около 1462—1478 гг.[69] У Заболоцкого были свои вассалы, «закладывавшиеся» к нему с землей. В 1471 г. он был волостелем на Двине. После 1462 г., но до 1485 г. (скорее всего, в 70-х годах) он проиграл местническое дело В. Ф. Сабурову. По предположению С. Б. Веселовского,

6



7

8



Примечания:

[1] Т Семен.
[2] Л Ездиха.
[3] Л нет.
[4] Л Никита.
[5] Л Никита.
[6] Р Шукул, Т Шугар.
[7] Л нет.
[8] Л нет.
[9–9] Л Борис Голова, Племянник, Волк, Жихорь, Истома, Павел; Т Борис Голова, Племянник, Волк.

в одном из сражений середины XV в. именно он убил кн. С. А. Андомского. Позднее постригся в монахи [70]. Боярином Г. В. Заболоцкий не был.

О старшем сыне Г. В. Заболоцкого (Григории Угриме) мы почти ничего не знаем [71]. Второй сын Григория, Петр Лобан, по поручению великого князя в 1483 г. приезжал с дарами в Тверь. В конце 1491 г. он описывал Клин. В январе 1494 г. принимал

участие в приеме литовских послов. В январе 1495 г. в свите Елены Ивановны Петр Лобан отправлен в Литву. Возможно, за хорошо исполненное поручение уже к концу того же года он получил чин окольничего (в этом чине с Иваном III и его двором ездил в Новгород). В 1497 г. снова ездил в посольстве в Литву, а в 1498 г. присутствовал на приеме литовских послов. В том же году упомянут в Хронографическом списке думных чинов. В 1498/99 г. Заболоцкий описывает Владимир. Тогда же ему докладывается мировая поземельная сделка. В июне 1504 г. Петр Лобан проигрывает местническое дело П. М. Плещееву. Его вотчину (в Переславском уезде) наследовала дочь Анна, вышедшая замуж за кн. П. Ф. Засекина. Владел Петр и поместьем в Новгороде [72].

Следующий из сыновей Григория Васильевича, Константин, ездил в августе 1492 —апреле 1493 г. в Крым. Его сопровождал четвертый из братьев — Василий Асанчук. В январе 1495 г. Константин (на этот раз с пятым братом, Алексеем) принимал участие в приеме литовского посла. В 1496/97 г. ездил «на зговор с немцы». Занимался Константин, как и его брат Петр, писцовым делом: в 1497/98 г. описывал Юрьев. В конце XV в. он судил поземельные дела. В марте 1503 г. (как дворецкий) рассматривал в Углицком уезде дело о воровстве сена. В мае—сентябре 1503 г. как дворецкий же («боярин наш и дворецкий») ездил с миссией в Литву. В декабре 1506—октябре 1508 г. он находился в посольстве в Крыму в качестве «окольничего-боярина» (строго говоря, окольничего), а по возвращении в октябре 1508 г. участвовал в приеме крымских послов. В сентябре 1509—марте 1510 г. он ездил с великим князем и его окружением в Новгород и Псков. Весной 1512 г. Константин Григорьевич вместе с кн. Андреем Старицким был послан оборонять южные границы России. Последний раз упоминался в разрядах в конце 1512 г., когда он с Василием III отправился в первый Смоленский поход. У Константина было поместье в Новгороде [73].

Сын Константина Семен впервые появляется в разрядах на службе в Нижнем Новгороде в 1537 г. Немногим ранее он упоминался в духовной кн. М. В. Горбатого (до июля 1535 г.) [74]. В середине XVI в. он дослужился до чина боярина.

Следующий из братьев,Василий Асанчук, после поездки с Константином Григорьевичем в Крым получил в 1493 г. новое дипломатическое поручение — отправиться к кн. Конраду Мазовецкому. В январе 1494 г. он вместе с братом Петром участвовал в приеме литовских послов. В 1495 г. вместе с братом Алексеем ездил в свите Ивана III в Новгород [75]. У Василия Асанчука был сын Иван, земли которого упоминались в 1504 г. на дмитровско-кашинском рубеже [76].

Пятый из братьев Заболоцких, Алексей Григорьевич, вместе с Петром Лобаном и Константином ездил в свите Ивана III в Новгород в 1495 г. В 1499/1500 г. он наместничал в Пуповичах. В марте 1502 —ноябре 1504 г. побывал с посольством в Крыму. В 1512 г. посылался дворецким к кн. Андрею Старицкому. Наконец, в 1515 г.

как опытный дипломат был отправлен к императору Максимилиану [77]. Близостью к старицкому и дмитровскому дворам [78] объясняется то, что в своей основной массе Заболоцкие особых успехов по службе не достигли.

Род Всеволож-Заболоцких уже в XV в. был крайне разветвленным. Но и в нем, как и в других боярских родах, замечается обычная тенденция: к концу XV—началу XVI в. старшие ветви рода или вымирают, или как бы отступают на задний план. Кроме общих причин, в данном случае повлияла позиция И. Д. Всеволожа в годы феодальной войны второй четверти XV в. Поэтому «Всеволожи» (потомки Ивана Дмитриевича и его брата Федора) скоро сошли со сцены.

Сумели выдвинуться при великокняжеском дворе только потомки шестого из сыновей Ивана Александровича — Василия Заболоцкого. Причин «оскудения рода» было много, главная — близость к удельным дворам. Только дети Григория Васильевича Петр и Константин стали окольничими (первый — в 1495—1504 гг., второй — в 1503—1512 гг.).

От смоленских князей вели свой род Ржевские, Толбузины, Полевы и Еропкины (схема 20).

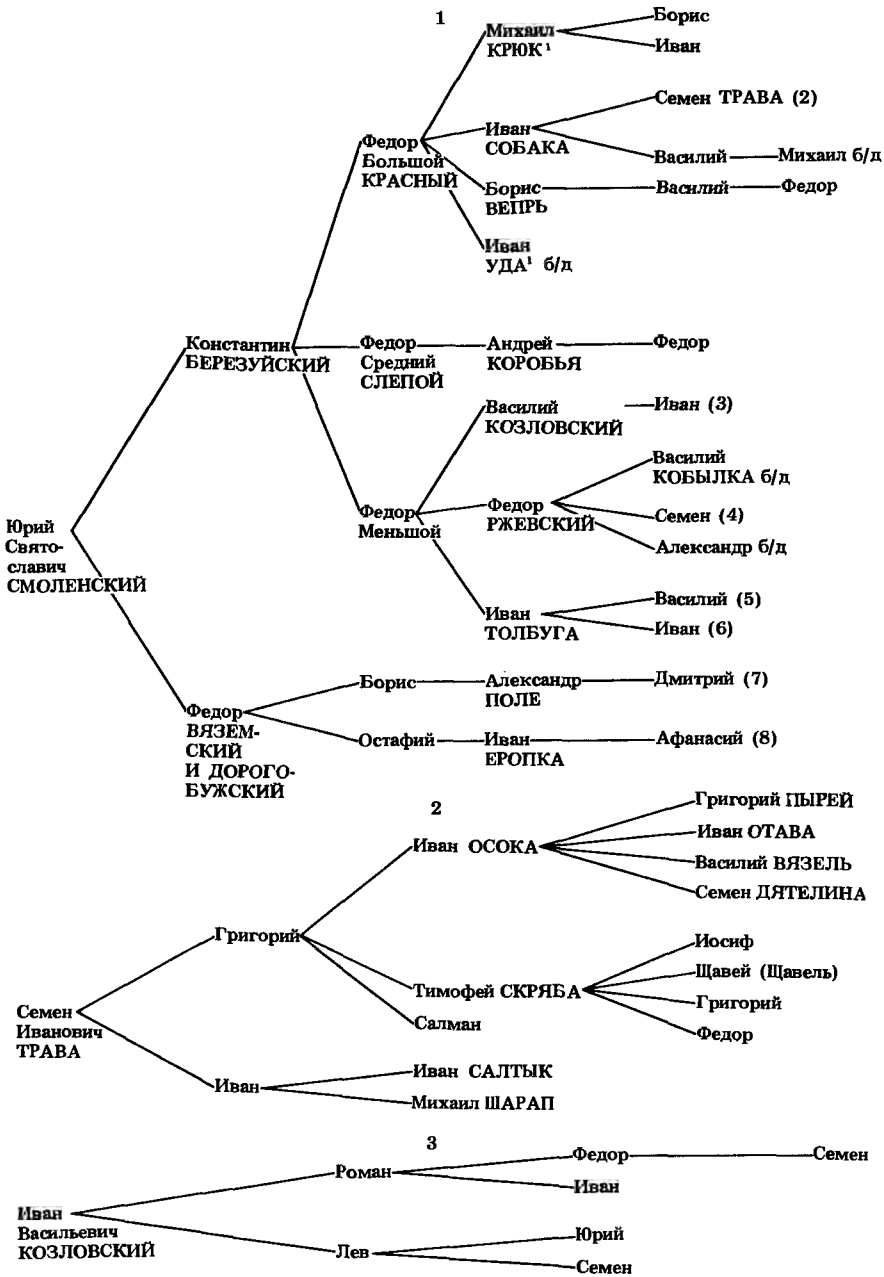
Князь Юрий Святославич был отцом двух сыновей — Константина Березуйского и Федора Вяземского и Дорогобужского. В свою очередь, у Константина было трое сыновей, каждый из которых носил имя Федор: Федор Большой (или) Красный, Федор Средний Слепой и Федор Меньшой. Симеон Гордый женился на дочери сына кн. Юрия Святославича Федора и перезвал своего тестя на Русь в 1404 г. При этом он в дополнение к Новгородскому княжеству «дал ему вотчину Волок совсем» [79]. Но брак потом расстроился, а великая княгиня была отослана на Волок, где выдана вторично замуж, на этот раз за Федора Красного. В 1408 г. Волок в числе других городов получил Свидригайла [80].

Традиционные земельные связи потомков князей Константина и Федора Юрьевичей с Вязьмой, Дорогобужем и Волоколамском оказались настолько устойчивыми, что мы их обнаруживаем даже в середине XV в.

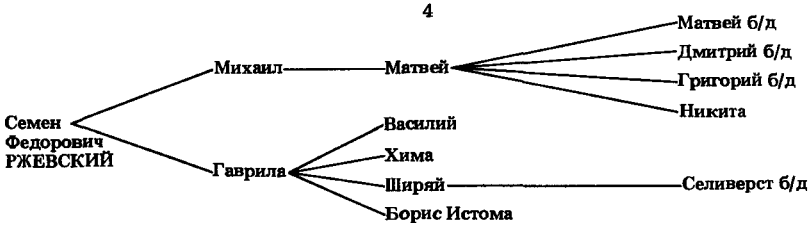
Потомки Федора Красного немного преуспели по ряду причин, главным образом в силу своих удельных связей. Внук его третьего сына Федор Вепрев еще в 1506 г. служил кн. Федору Борисовичу Волоцкому [81]. Правнук его другого сына Тимофей Скряба упоминался в свадебном разряде кн. В. Д. Холмского 1500 г.[82] Сын Скрябы Щавель был казнен в связи с делом Владимира Гусева в 1497 г.[83] Иван Григорьевич Осока в 1490 г. получил в кормление половину Зубцова (от княжича Василия) [84]. Его дети Григорий Пырей и Иван Отава в 1495 г. входили в свиту княгини Елены Ивановны. Вместе с братьями Василием Вязелью и Семеном Дятелиной и матерью они около 1515—1517 гг. продали приданое село матери в Рузском уезде Волоколамскому монастырю [85]. У самого Дятелины в 1540 г. было поместье в Торопце [86]. Брат Щавеля

Схема 20

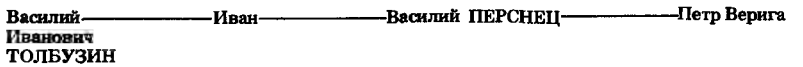
Князья Фоминские



4

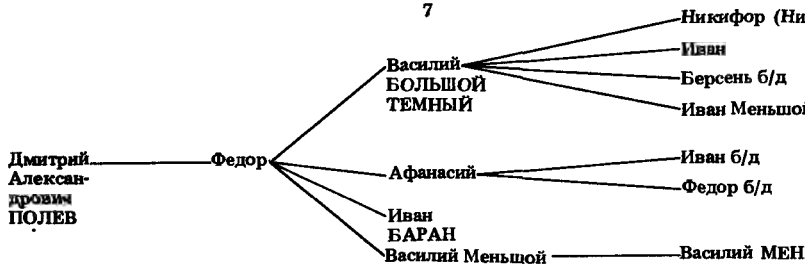


5

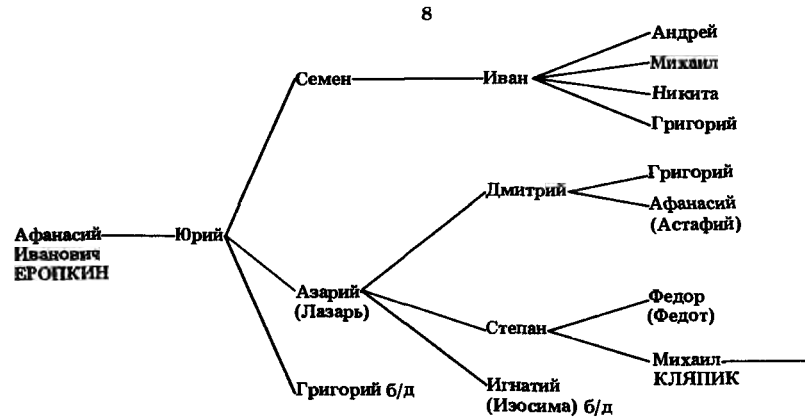


6

7



8



Примечание:

[1-1] Л Иван Собака, Борис Вепрь, Иван Уда, Иван Крюк.

Иосиф постригся в монахи еще до 1500 г., покинув свое новгородское поместье [87].

Двоюродный брат Тимофея Скрябы Иван Иванович Салтык Травин в 1469 г. участвовал в походе к Устюгу и на Казань, будучи сыном боярским. Около 1483 г. он попал в опалу, его послужильцы были распущены. Затем снова вошел в милость и в конце 1483 г. участвовал в походе на «вогуличей». Перед походом он составил завещание, в котором упоминался его брат Михаил Шарап. В 1489 г. Салтык называется среди воевод, отправлявшихся в поход на Вятку [88].

В середине XVI в. Травины служили по Бежецкому верху, Белой, Торжку, Дорогобужу, Можайску [89]. Видных мест при дворе они не занимали.

Потомки второго Константиновича — князя Федора Слепого — Бокеевы, Карповы выехали в Тверь [90]. У трех сыновей третьего брата Федора Меньшого (Василия Козловского, Федора Ржевского, Ивана Толбуги) была сходная судьба. Правда, только Козловские сохранили княжеский титул [91], но он не помог им продвинуться по лестнице чинов. Сильно размножившиеся в XVI в. Ржевские, связав свою судьбу с Волоцким уделом, также влились в общую массу дворовых детей боярских. Двое из пяти сыновей внука Федора Ржевского Гаврилы Семеновича (Василий и Борис Истома) передали ряд своих земель в конце XV—начале XVI в. в Иосифо-Волоколамский монастырь [92]. А так как с Волоколамском были связаны и потомки брата Гаврилы Михаила Семеновича, то, возможно, волоколамские владения восходят еще к их отцу Семену Федоровичу (если не к самому деду Федору Ржевскому).

Брат Василия и Истомы Гавриловичей Хима упоминается как рядовой воевода в разрядах 1515—1519 гг.[93] Их старший двоюродный брат Матвей Михайлович в 1495 г. сопровождал в свите княгиню Елену в Литву [94].

Потомки Ивана Толбузина также были связаны с Волоколамском [95]. Из них наиболее известен Семен Иванович, ездивший с дипломатической миссией в Венецию в 1475 г.[96]

У князя Федора Юрьевича Смоленского было два сына — Борис и Остафий. От первого вели свое происхождение Полевы, а от второго — Еропкины. Полевы в конце XV в. служили, как и их другие дальние родичи, в Волоцком удельном княжестве. Правнук Бориса Федоровича Полева Федор Дмитриевич с сыном Василием упоминаются в духовной кн. Бориса Васильевича Волоцкого [97]. Старший сын Федора, Василий Большой Темный, служил на Угличе [98]. Его сын Никифор сначала служил у кн. Ивана Борисовича Рузского, а по смерти его (в 1503 г.) — у кн. Юрия Ивановича, который унаследовал Рузу. Вскоре (до 1509 г.) он постригся в монахи (приняв имя Нил) и стал одним из видных старцев Иосифо-Волоколамского монастыря [99].

Еропкины по своим владениям были соседями Полевых. Праправнук Ивана Еропки Игнатий Азарьевич Еропкин, так же как

и Никифор Полев, постригся в монахи (под именем Изосимы) и стал основателем Клинской Изосиминской пустыни [100]. У одного из старших братьев Игнатия Степана [101] было двое детей мужского пола — Федор и Михаил Кляпик. Афанасий (Остафий?) Дмитриевич упоминался в разрядах 1495 г. В 1497 г. этот «второй сатанин предотеча» был казнен за участие в заговоре Владимира Гусева [102].

Федор Степанович Еропкин уже в 1489 г. посылался с миссией в Молдавию. В 1491 г. он упоминается как должник в духовной А. М. Плещеева, где послухом был его брат Михаил Кляпик. С тем же братом присутствовал в качестве послуха на мене земель, проводившихся дворецким кн. П. В. Шестуновым в 1499 г. Упоминался он и в разрядах в 1495—1508 гг. Вплоть до 1506/07 г. Федор Степанович участвовал в посольских приемах и ездил с дипломатической миссией [103].

Михаил Степанович Кляпик Еропкин — один из видных деятелей дворцовой администрации, очевидно, лицо, приближенное к княжичу Василию Ивановичу. Чин у Михаила Степановича был, казалось бы, небольшой — сокольничий. Но княжич Василий был страстным любителем соколиной охоты, чем, возможно, и объяснялось приближение к нему Михаила Кляпика. К соколиному делу Кляпик имел отношение очень давно. Еще до 1482 г. у него купил холопа-сокольника И. М. Плещеев. О Кляпике как о послухе в духовной А. М. Плещеева и во время мены великокняжеской земли мы уже писали. У самого Михаила Степановича вотчины в 1504 г. находились на звенигородском рубеже [104].

Михаил Кляпик прославился на дипломатическом поприще. Впервые он отправился с посольством в Литву еще в январе 1488 г., затем ездил туда в марте 1489 и в мае 1490 г. Участвовал он в большом посольстве 1494 г. и снова ездил в Литву в мае 1496 г.[105] Затем он на несколько лет исчезает из нашего поля зрения, вероятно в связи с его близостью к княжичу Василию и расправой в 1497 г. над его сторонниками.

Возвышение княжича Василия вновь приводит к появлению М. С. Кляпика Еропкина при дворе. В 1500 г. он присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского. В феврале 1501 и марте 1503 г. он участвовал в приеме литовских послов, а в мае—сентябре 1503 г. снова ездил в составе посольства в Литву. В 1503 г. он впервые называется сокольничим. Во время посольской миссии в Казань в июле 1505 г. был «поиман» казанцами и освобожден только весной 1507 г. Кляпик в сентябре 1508 г. вел переговоры с литовскими представителями в составе посольской комиссии Боярской думы. Они закончились подписанием перемирия. В ноябре 1508—летом 1509 г. он ездил в составе посольской миссии в Литву для подтверждения мирного договора, а в сентябре 1509 г. отправляется с Василием III в Новгород. В 1509/10 г. в Новгороде участвует в переговорах о мире со шведами, а также в переговорах с Литвой в 1509, 1510, 1511 гг.[106]. Его сын Иван убит в 1530 г. в Казани, после того как был полонен татарами [107]. Владения

Кляпика в 1504 г. были в Московском уезде [108]. Внук Кляпика Андрей в середине XVI в. был дворовым сыном боярским по Можайску. Там же находились владения его родичей Еропкиных [109].

Морозовы

Старейшим боярским родом были Морозовы, связанные с Москвой еще в середине XIV—начале XV в.[110] У Ивана Семеновича Мороза, по разным сведениям, было пять или шесть сыновей. Старший из них, Михаил (упоминающийся в 1382 г.), имел пятерых наследников. Это Василий Слепой, Игнатий, Давыд, Борис и Василий Шея (схема 21).

У Василия Михайловича Слепого Морозова был один сын — Григорий Поплева [111]. Еще около 1463 г. (при Василии II) он участвовал в разборе одного поземельного дела. В конце 1475 г. Г. В. Морозов среди бояр сопровождает Ивана III в его Новгородском походе «миром». В сентябре 1481 г. он наместничал в Новгороде. В 1485 г. оставался у великой княгини во время похода на Тверь. В июне 1489 г. во время похода на Вятку командовал передовым полком. Возможно, именно он был вместе с И. Г. Заболоцким наместником на Вологде в 1489/90 г. В 1461 или 1471 г. кн. Юрий Васильевич завещал ему 10 руб. Около 1496—1499 гг. упоминается дворовое место Морозова в Москве. В 1519 г. земли его вдовы Марии находились в Бежецком верхе [112].

У Григория Поплевы было четверо (или пятеро) сыновей (Иван, Василий, Яков, Григорий и, возможно, Роман). Григорий упоминается в разрядах в 1495 г. и был убит под Смоленском (очевидно, во время похода 1502 г.) [113]. Трое старших сыновей при Василии III стали видными деятелями Боярской думы.

Старший сын Г. В. Поплевы Морозова Иван был женат на дочери Д. В. Ховрина [114]. И. Г. Поплевин Морозов появляется при дворе еще в январе 1495 г., когда он провожает княгиню Елену в Литву (в чине стольника). В том же году он в большой свите Ивана III ездил с великим князем в Новгород. В чине окольничего впервые упоминается в сентябре 1507 г., когда отправился с дипломатической миссией в Казань, из которой возвратился в Москву в январе 1508 г.[115] В период правления Василия III представители некняжеских фамилий должны были, как правило, прежде чем стать боярами, побывать сначала в окольничих (среди окольничих княжат почти не было) или исполнять дворцовые должности. Часто думную должность давали перед получением какой-либо дипломатической миссии. Так было, очевидно, и в случае с И. Г. Морозовым.

В сентябре 1509 г. И. Г. Морозов среди других окольничих сопровождает Василия III в Новгород. Зимой в начале 1512 г. он едет снова в Казань брать у царя шерть на верность. В период первого Смоленского похода, в ноябре 1512 г., он в рати В. В. Шуйского, направленной из Новгорода в Холм. И. Г. Морозов должен

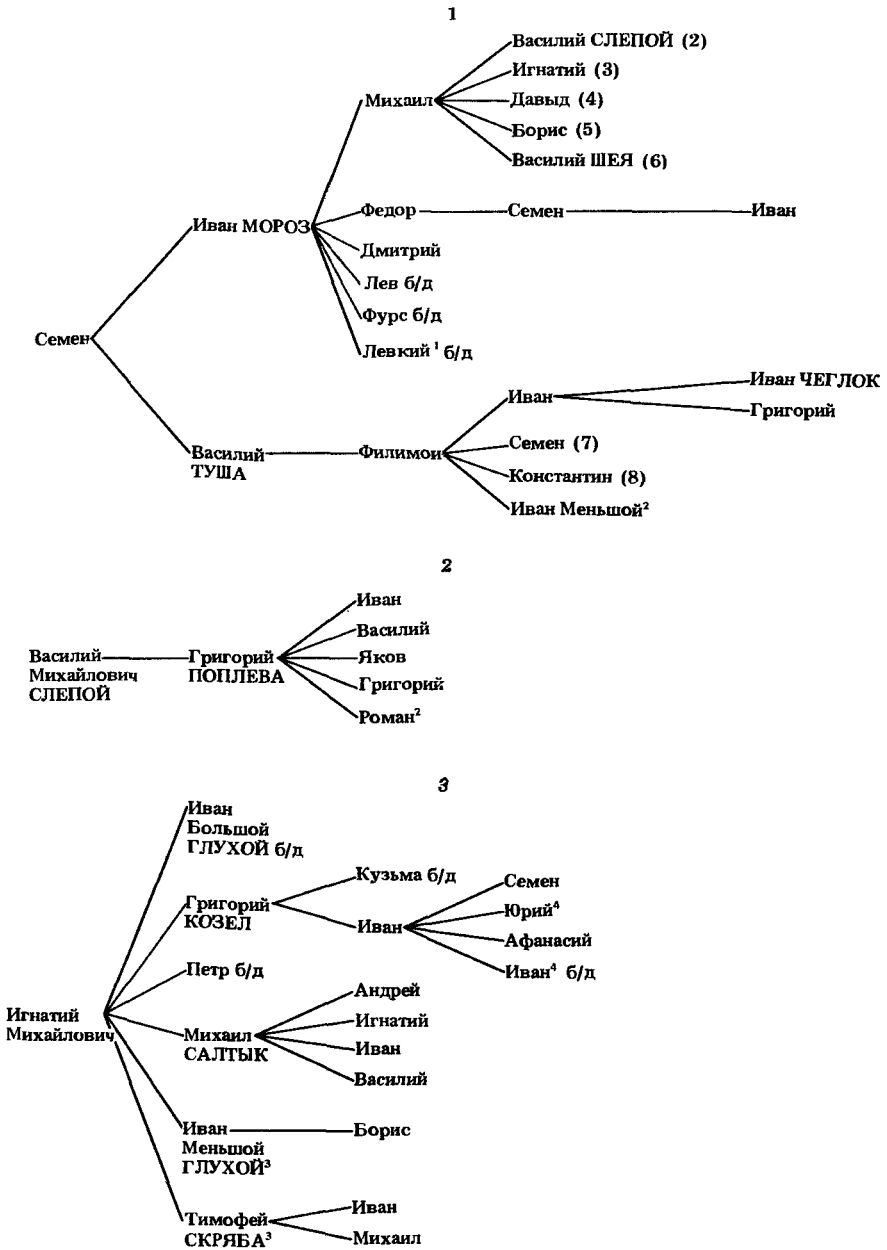
был возглавлять полк правой руки. Во втором Смоленском походе в августе 1513 г. он должен был снова находиться в войсках В. В. Шуйского и, возглавляя полк правой руки, идти с Великих Лук на Полоцк, а позднее быть вторым воеводой большого полка при том же князе. Последнее распоряжение повторилось и в 1514 г., когда Шуйский и Морозов должны были идти из Новгорода на Луки. В это время, с мая—июня 1514 г. по сентябрь 1516 г., И. Г. Морозов находился в Новгороде на наместничестве (обычно упоминается как второй наместник) [116].

Устоявшиеся связи Морозовых с Новгородом, очевидно, и являлись основанием для назначения многих из них на новгородское наместничество. В бытность в Новгороде в 1514 г. И. Г. Морозов участвовал в составлении мирного договора с ганзейскими городами. В 1516 г. мы снова застаем его во главе передового полка на Луках (при кн. А. В. Ростовском). На Луках обычно стояла новгородская рать перед выступлением в Литву. В 1519 г. Морозов несет службу в Серпухове. В боярском приговоре от февраля 1520 г., будучи окольничим, он назван пятым по счету. Весной этого года он должен был вместе с кн. М. Д. Щенятевым идти в поход на Литву, но этот поход не состоялся [117].

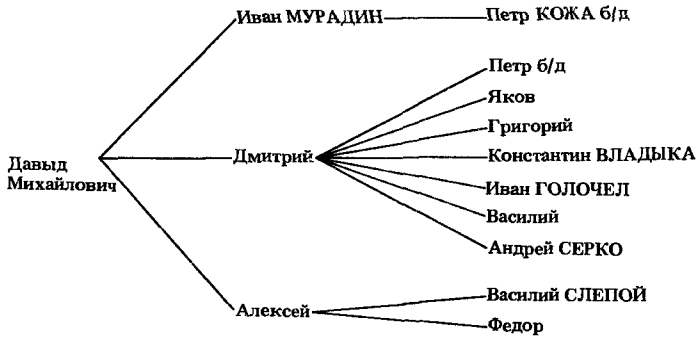
В злополучный июньский набег Мухаммед-Гирея 1521 г. И. Г. Морозов был третьим среди воевод на Серпухове, допустивших вторжение крымских войск в центр Руси. В январе 1522 г. в связи с этим его вместе с другими воеводами постигла опала. Но уже в августе 1523 г. Василий III поручил прием литовского гонца «Ивану Поплевину. . . с товарищи», т. е. как будто Морозов считается главой Боярской думы или ее комиссии. В феврале 1527 г. он с другими представителями московской знати принес присягу по М. Л. Глинском. В 1526/27 г. он продал князю Михаилу с. Звягино Московского уезда. В 1523/24, 1525/26 и 1528/29 гг. он покупал земли в Московском и Костромском уездах. В августе 1527 г. он упоминается впервые как боярин и муромский наместник, судивший поземельные споры. В 1527/28 г. мы застаем его вторым воеводой (после М. Д. Щенятева) на Костроме. В 1533 г. он присутствует на свадьбе кн. Андрея Старицкого, а также на предсмертном совещании у Василия III. В 1534 г. был отправлен из Боровска воеводой в Вязьму. Летом 1537 г. он находился во Владимире вместе с кн. Д. Ф. Бельским, а затем на Костроме при кн. И. А. Ростовском. В том же году (к октябрю) стал снова новгородским наместником [118]. Во время походов в Коломну и Нижний летом и зимой 1547 г. возглавлял Думу в Москве. И. Г. Морозов жил еще долго и умер только в 1554 г.[119]

Второй из братьев Морозовых, Василий, встречается в источниках впервые в 1495 г. в великокняжеской свите, но думный чин получил позднее. В 1500 г. присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского. В феврале 1509 г. В. Г. Морозов — наместник в Перевитске, а в марте того же года он отправился в ответственное посольство в Крым, из которого возвратился в июле 1510 г. В ноябре 1512 г. он, как и его брат Иван, должен был из Новгорода

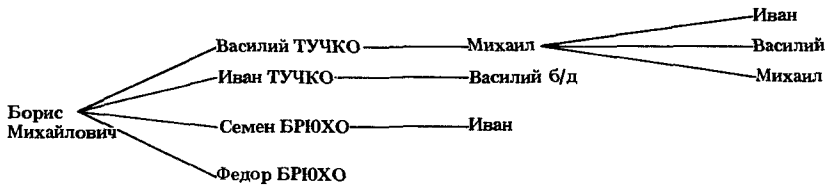
Схема 21
Морозовы



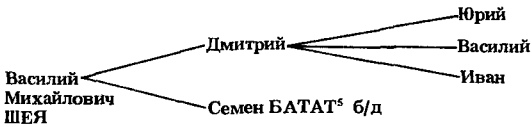
4



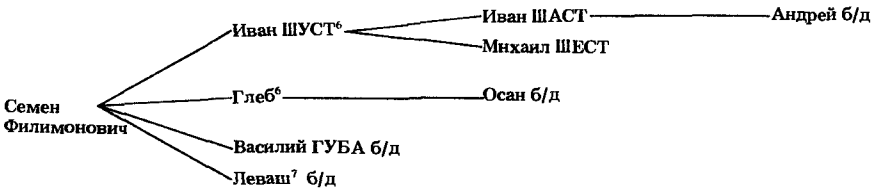
5



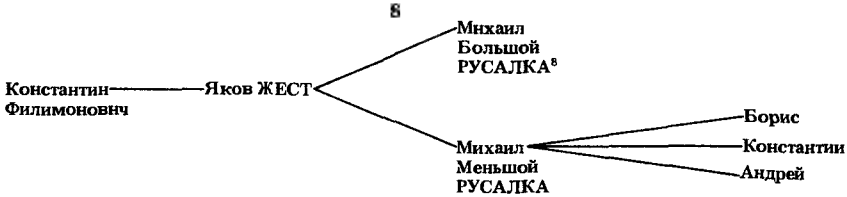
6



7



8



Примечания:

[1] Б, Р нет.
[2-2] Б, Р нет.
[3-3] Л Тимофей Скряба, Иван Глухой.
[4-4] Л Ннкита, Федор, Юрий, Афанасий.
[5] Л Баташ.
[6-6] Л Глеб, Иван.
[7] Л нет, но у Осана есть старший брат Леваш (б/д).
[8] Л у него был сын Андрей (б/д).

направиться к Холму, но в полку не правой, а левой руки. Затем В. Г. Морозов появляется вторым воеводой большого полка на Вошане в 1516 г. и третьим в том же полку в зимнем походе из Лук на Полоцк (при В. В. Шуйском и М. В. Тучкове) [120].

В ноябре 1522—мае 1523 г. В. Г. Морозов побывал во главе посольства в Литве, где присутствовал на подписании перемирной грамоты Сигизмундом. По этому случаю он получил чин окольничего. Затем наступает большой перерыв в известиях о нем. В октябре 1531 г. В. Г. Морозов с В. В. Шуйским, но уже в чине боярина отправляется в большом полку рати, отпущенной в Нижний Новгород. Вместе с братом Иваном он присутствовал на совещании Боярской думы у постели смертельно больного Василия III в 1533 г. В сентябре 1535 г. он командовал передовым полком в рати, стоявшей в Коломне. Вместе с Г. Д. Загряжским в 1537 г. привез из Новгорода перемирную грамоту Ивана III с Сигизмундом. В апреле 1537 г. В. Г. Морозов снова возглавлял посольство в Литву. Умер он около 1542—1544 гг.[121]

Следующий из братьев Морозовых — Яков, так же как и Василий, Иван и Григорий, впервые упоминается в разрядах под 1495 г. и в 1500 г. Но затем источники долго о нем молчат. В августе 1529 и мае 1530 г. он присутствует на приеме литовских послов. Очевидно, вскоре после этого попадает в опалу, из которой освобождается в августе 1530 г.[122]

В начале мая 1531 г. он снова на приеме литовских послов, а затем в июне в чине окольничего ездил в Казань сажать на ханский престол Яналея. В нижегородской рати в октябре 1531 г. возглавил полк левой руки. Возвратился из Казани в ноябре 1532 г. Умер между 1537 и 1541 гг. В 1504 г. владения Я. Г. Морозова находились в Московском уезде [123].

Дети братьев Морозовых достигли крупных чинов при Иване IV. Сыновья Василия Григорий, Владимир и Петр побывали в окольничих, а первый и третий даже дослужились до боярского звания (второй рано умер). Сын Якова Михаил также дослужился до звания боярина.

Вторая ветвь Морозовых шла от Игнатия Михайловича. Сам он и его двоюродный брат Семен Федорович (любимец кн. Юрия Галицкого) чинов не достигли из-за близости к противникам Василия II. Только внуки Игнатия смогли завоевать доверие Василия III. У сына Игнатия Михаила Салтыка было четверо сыновей (Андрей, Игнатий, Иван, Василий) [124]. Старший из них, Андрей Михайлович Салтыков, служил по дворцовому ведомству и стал к сентябрю 1508 г. оружничим [125]. Этот чин наследовал и его сын Лев [126].

Еще в 1506/07 г. в данной Анны Шеиной (вдовы его дальнего родича В. Д. Шеина) А. М. Салтыков упоминается как душеприказчик ее мужа. Летом 1507 г. А. М. Салтыков командовал передовым полком небольшой рати кн. И. М. Телятевского, отправленной из Дорогобужа в Литву. На следующий год он снова ходил в поход на Литву в рати И. В. Шадрина, а в 1512 г. (в чине оруж-

ничего) и на Смоленск [127]. До получения думного чина он так и не дослужился.

Следующую (третью) ветвь Морозовых представлял Дмитрий Давыдович [128]. Долгое время он служил при дворе кн. Андрея Углицкого, около 1461/62 г. (без боярского титула) и в 1462—1464 гг. был, вероятно, его звенигородским наместником. Около 1470—80-х годов присутствует на мене земель кн. Андрея. В начале 80-х годов называется уже боярином. Тогда он присутствовал на суде великого князя Ивана Ивановича [129].

Вопрос о боярстве Д. Д. Морозова сложен. Нам представляется, что он был углицким боярином (сам кн. Андрей «поиман» был только в 1491 г.). В 80-х годах у Морозовых в великокняжеской Думе был уже один представитель рода, причем (по родовому счету) более старший, чем Д. Д. Морозов, а до начала 80-х годов (во всяком случае, с 1475 г.) — В. Б. и И. Б. Тучко Морозовы. Вряд ли из числа Морозовых был в это время еще один боярин. Да и удельные связи Дмитрия Давыдовича не располагали к этому. Никто из его потомков при дворе Василия III карьеры не сделал [130].

Четвертая ветвь Морозовых шла от Бориса Михайловича. У него было четверо сыновей — Василий Тучко, Иван Тучко, Семен Брюхо и Федор Брюхо. Первые двое из них занимали ключевые позиции и в Думе, и во дворце: Василий Тучко был конюшим, а Иван Тучко — дворецким.

В сентябре 1534 г. боярин М. В. Тучков говорил, что «отец его был в конюшых». При нем взимались пошлины за продажу лошадей [131]. С. М. Каштанов исполнение В. Б. Тучком Морозовым должности конюшего относит к первой половине 80-х годов XV в. Но так как его брат был дворецким уже в 60-х годах XV в., то скорее конюшество Василия следует относить к этому времени (по аналогии с братьями Челядниными). Уже в январе 1467 г. И. Б. Тучко Морозов присутствовал в качестве дворецкого на мене митрополичьих земель. Около 1462—1484 гг. он упомянут в одном из актов как дворецкий (после «бояр»), присутствовавший на докладе Ивану III разъезда великокняжеских земель [132].

Василий и Иван Борисовичи Тучко Морозовы были боярами Ивана III, очевидно, уже в октябре 1475 г., когда они отправлялись с ним в поход «миром» в Новгород [133]. Около 1462—1484 гг. Василий присутствовал среди великокняжеских «бояр» на докладе разъезжей грамоты. Принимал вместе с Иваном Борисовичем деятельное участие в походе на Новгород 1477—1478 гг. и в приведении новгородцев к присяге. В 1476 г. составлял сборник официальных новгородских актов. В октябре 1479 г. В. Б. Тучко Морозов снова с братом в свите Ивана III, поехавшего в Новгород, а в 1480 г. вместе с В. Ф. Образцом ездил с «миссией мира» Ивана III к его мятежным братьям. В том же 1480 г. он сопровождал Софью Палеолог на Белоозеро. Еще до 1467—1474 гг. Василий Борисович дал село в Нерехте Троицкому монастырю [134].

Около 1483 г. Иван III распустил боярские дворы, среди них

и дворы братьев Тучковых. В 1485 г. бояре Тучковы были «поиманы» [135]. Сохранилось завещание В. Б. Тучка Морозова (до 27 января 1497 г.) [136].

Сын Василия Тучка Михаил впервые упоминается в источниках в 1500 г. на свадьбе кн. В. Д. Холмского. В мае 1501 г. он уже был галицким наместником. В конце 1511 г. его отправили с дипломатической миссией в Крым, в связи с чем, очевидно, он и получил звание окольничего (боярином при Иване III был еще его отец). Вернулся оттуда Михаил Васильевич только в августе 1515 г. Вскоре (летом 1516 г.) он возглавил новое посольство, уже в Казань, где приводил к присяге Мухаммед-Эмина. В июле 1517, феврале и сентябре 1521 г. — новгородский наместник (в сентябре 1521 г. подписал договор с Ливонией). Летом 1517 г. М. В. Тучков уже в войсках кн. А. В. Ростовского на Луках (вторым воеводой большого полка), откуда ходил в том же полку и в 1519 г. В 1518/19 г. он наместник в Луках. В 1521 г. — один из воевод на Торопце. В 1527 г. Михаил Васильевич — один из поручителей по кн. М. Л. Глинском [137].

Затем наступает перерыв в известиях о Тучкове. Только в 1530/31 г. он появляется в качестве наместника в Луках. В январе 1533 г. М. В. Тучков присутствует на свадьбе кн. Андрея Старицкого. Очевидно, незадолго до этого он получил боярский чин. Боярином он назван и во время предсмертных совещаний Василия III 1533 г. В первой половине 1534 г. его считают одним из правителей Русского государства. В октябре 1538 г., как сторонник кн. И. Ф. Бельского, М. В. Тучков был сослан в свое село [138]. Село Деболы Ростовского уезда он передал в Троицкий монастырь. Умер в 1550 г.[139] Его дочь вышла замуж за кн. М. М. Курбского (сыном ее был кн. Андрей) [140].

Сын Михаила Тучкова Василий — видный писатель, друг Максима Грека, автор новой редакции «Жития Михаила Клопского», свидетель по делу Максима в 1531 г. При Иване IV был рязанским дворецким [141]. Другой сын, Иван, умер до 1537 г., третий, Михаил, позднее стал окольничим.

Семен Брюхо, третий из сыновей Б. М. Морозова, появляется на горизонте в ноябре 1475 г. как новгородский наместник. В 1477 г. он принимал участие в посольстве Ивана III к новгородцам. У него находился список с Обонежской грамоты. В разрядах Семен Борисович упоминается в октябре 1479 г. как сын боярский. В марте—октябре 1486 г. он посылался к Менгли-Гирею [142]. Неясный текст разрядной записи 1501 г.[143] дает некоторые основания считать, что С. Б. Брюхо Морозов к этому времени был уже окольничим. Это подтверждается Хронографическим списком думных чинов 1498 г., где он помещен раньше всех окольничих [144].

Еще до 1497 г. Семен Брюхо был душеприказчиком своего брата В. Б. Тучка. В 1503 г. С. Б. Морозов судил дело о поджоге [145]. В 1508 г. некий «Семен Борисович» (очевидно, Брюхо) присутствовал среди «бояр» на докладе Василию III [146]. В январе того же года, возможно, ему же («Семену Борисовичу») докла-

дывалось дело по Костроме. После этого он вскоре постригается в монахи в Троицком монастыре, а в сентябре—октябре 1515 г. умирает. Он был женат на дочери И. И. Всеволожа [147].

Сын Семена Борисовича Иван в 1500 г. присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского. В 1514/15 г. он наместничал в Луках. В 1526—1530 гг. и в декабре 1538 г. Иван Семенович был новгородским дворецким [148]. В сентябре 1535 г. он числился третьим воеводой большого полка, посланного на Коломну «по стародубским же вестем» (в связи с войной с Литвой) [149]. Тогда И. С. Морозов впервые и назван окольничим. В феврале 1536 г. он находился в Нижнем Новгороде [150]. Это — последнее упоминание о нем в разрядах.

Четвертый сын Б. М. Морозова, Федор Брюхо, известен мало. В 1469 г. он участвовал в походе на Казань. До марта 1571 г. — волостель на Кегроле (Двина). Около 1472—1488 гг. Ф. Б. Морозов послушествует в купчей дьяка Романа Алексеева. В 1495 г. ездил с Иваном III в Новгород среди его детей боярских [151].

Наконец, пятая ветвь Морозовых представлена Дмитрием Васильевичем Шеиным (сыном Василия Шеи) [152]. В 1487 г., когда его поставили наместником в Казань, летописец называет его «боярином». На самом деле боярином он не был. В том же году послан с миссией в Крым. В разрядах Д. В. Шеин впервые упоминается в 1495 г. Участвовал в походах к Казани в 1496 и 1498 гг., возил «речи» Ивана III к воеводам, одержавшим победу на Ведроше в 1500 г., был одним из воевод во время похода к Смоленску в 1502 г. и снова участвовал в конце 1505 г. в Казанском походе. Погиб в 1506 г., когда его замучили казанцы [153]. Д. В. Шеин владел землями в Пошехонье и Московском уезде [154]. В 1506/07 г. вдова Д. В. Шеина с детьми Юрием, Василием и Иваном передала в Троицкий монастырь два сельца — Лаврентьевское и Ивановское Пошехонского уезда. Селение Шеино находилось неподалеку от Александровой слободы [155].

Дети Д. В. Шеина появляются в разрядах поздно, но достигли многого: Юрий, Василий и Иван были при Иване IV окольничими (Юрий умер раньше других, а Василий и Иван получили даже чин боярина) [156]. К тому же Юрий был тверским, а Василий дмитровским дворецким. Тесная связь Морозовых как с Думой, так и с дворцовыми учреждениями характерна не только для времени правления Василия III, но и для княжения Ивана III.

У родоначальника Морозовых Ивана Семеновича был брат Василий Туша. От его сына Филимона пошли Морозовы-Филимоновы. У Филимона было трое (или четверо) сыновей: Иван (родоначальник торопецких помещиков Чеглоковых), Семен (родоначальник Шестовых, испомещенных во Ржеве), Константин и, возможно, Иван Меньшой.

Судьба потомков Константина Филимоновича могла сложиться печально, так как его единственный сын Яков Жест в 1433/34 г. входил во двор кн. Юрия Дмитриевича. Возможно, он даже служил у него дворецким [157]. У Якова были дети, судя

по прозванию, от некоей «Русалки» — два Михаила. Старший из Михаилов решительно встал на сторону Василия Темного (как, кстати, и брат его деда Семен Филимонович с детьми). В 1467/68 г. в походе на Вятку участвовали двоюродные братья Якова Жеста — Глеб, Иван Шуст и Василий Губа [158].

Михаил Яковлевич Русалка уже около 1472—1478 гг. (скорее всего, после 1475 г.) был великокняжеским дворецким. В это время он выступал в качестве послуха во время обмена земель Ивана III. Около 1465—1470 гг. присутствовал при докладе одного поземельного акта Ивану III, но боярином и дворецким тогда не назывался, а около 1475—1476 гг., во время доклада великому князю одной правой грамоты, он уже назван среди бояр [159]. В конце 1475 и в конце 1479 г. в чине дворецкого ездил с Иваном III в Новгород [160]. В январе 1479 г. подписал грамоту Серпуховскому монастырю. В 1482/83 г. передал свой луг во Владимирском уезде митрополичьему дому. Около 1483 г. выступает как душеприказчик И. И. Салтыка Травина. В 1490 г. М. Я. Русалка ведет переговоры с литовскими представителями, а в ноябре 1493 г. — с ногайскими (дворецким он не назван в обоих случаях). В 1495 г. Михаил Яковлевич сопровождал Ивана III во время его поездки с великокняжеским двором в Новгород [161]. В разрядной записи об этом он помещен предпоследним среди «бояр». Но так как последним там назван Дмитрий Владимирович Ховрин (казначей), то, скорее всего, и Русалка боярином не был, а продолжал числиться дворецким. Впрочем, определенные сведения о нем как о дворецком датируются только 1475—1479 гг. Вопрос, следовательно, не вполне ясен. В начале 80-х годов двор М. Я. Русалки (как и ряда других представителей старых московских боярских родов) был распущен. Возможно, что Русалка после этого был отстранен от исполнения должности дворецкого [162].

Андрей Михайлович Русалкин Морозов, так же как и его отец, служил по дворцу. Во всяком случае, он исполнял обязанности дворецкого в апреле 1508 г.[163]

Судьба различных представителей рода Морозовых при дворе Ивана III и Василия III складывалась неровно — сказывалась колеблющаяся позиция некоторых представителей этого рода в годы феодальной войны второй четверти XV в. Сначала из числа Морозовых вышли три боярина — Г. В. Поплева (около 1475—1489 гг.) и В. Б. и И. Б. Тучко Морозовы (около 1475—1484 гг.). Дворецкими были в 60-х годах—1475 г. И. Б. Тучко, а в 1475—1479 гг. — М. Я. Русалка; конюшим — В. Б. Тучко.

Крах 80-х годов (опала Тучковых, роспуск двора М. Я. Русалки) надолго оборвал карьеру Морозовых. Следующее поколение представителей этого рода начало свою думскую карьеру не с боярства, а с чина окольничих. Влияла на это и общая линия правительства Василия III. Из Поплевиных окольничим стал в 1507—1526 гг. Иван Григорьевич, в 1522—1530 гг. — его брат Василий, а вслед за последним и Яков в 1531—1537 гг. С. Б. Брюхо окольничим, очевидно, стал раньше их всех, как более старший

в роду (около 1498 г.), но после 1508 г. он сошел со сцены. Его место окольничего в Думе унаследовал М. В. Тучков (1511—1533 гг.), а вслед за ним сын С. Б. Морозова Иван Семенович (1535 г.).

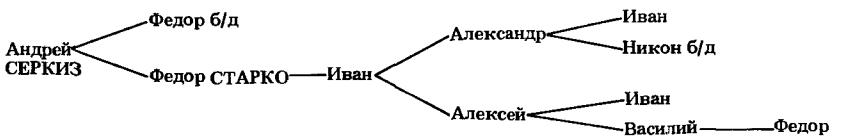
Продвигаясь по лестнице чинов, Морозовы получили в конце концов и боярские звания. В 1527 г. боярином стал И. Г. Поплевин, в 1531 г. — его брат Василий, а в 1533 г. — М. В. Тучков.

Старковы

Иван Федорович Старков происходил из рода Серкизовых, предок которых выехал на Русь из Орды в конце XIV в. Если в 1436 г., будучи коломенским наместником, Старков поддерживал Василия II, то в 1446 г. он «коромолил» и примкнул к Дмитрию Шемяке. В духовной 1453 г. княгиня Софья Витовтовна упоминает кремлевский двор, купленный Старковым. Около 1462—1478 гг. и около 1465—1469 гг. он называется среди «бояр», присутствовавших на докладе поземельных дел великому князю. Входил ли И. Ф. Старков в состав Боярской думы или просто участвовал в работе боярских комиссий, сказать трудно. Владения Серкизовых и Старкова, судя по топонимическим разысканиям С. Б. Веселовского, находились в Московском, Владимирском, Дмитровском и Коломенском уездах [164] (схема 22).

Схема 22

Старковы



Дети И. Ф. Старкова Александр и Алексей служили кн. Юрию Васильевичу Дмитровскому. Алексею около 1471 г. кн. Юрий завещал 50 руб.[165] Александр был в 1473 г. дворецким этого князя [166]. Весной 1475 г. Алексей посылался с миссией в Крым [167]. Во время поездки 1495 г. великого князя в Новгород дети Алексея Иван и Василий и племянник Иван Александрович сопровождали его в числе постельничих [168]. Иван Алексеевич в начале 1495 г. в качестве сына боярского входил в состав свиты, отправленной с дочерью Ивана III Еленой в Литву [169]. В 1519 г. в Переславском уезде числились владения Ивана и Василия Алексеевичей Старковых [170]. Внуки Василия в середине XVI в. также служили по Переславлю [171].

[1] По одному из родословий конца XVII в., Михаил Сорокоум и дед Константина Добрынского были двоюродными братьями (*Веселовский*. С. 288). По одной версии Летописной редакции родословных книг, в Москву прибыли два внука Редеги. Они были крещены, и от Ивана Черменка пошли Сорокоумовы, а от Андрея Троншея — Добрынские (РИИР. Вып. 2. С. 68—69).

[2] РИИР. Вып. 2. С. 69.

[3] ПСРЛ. Т. 28. С. 107, 108.

[4] АСЭИ. Т. 1. № 262; Т. 2. № 385, 385-а; АФЗХ. Ч. 1. № 103. С. 99; *Веселовский*. С. 325.

[5] ПСРЛ. Т. 28. С. 107, 108; Т. 6. С. 230; ДДГ. № 68. С. 224; АСЭИ. Т. 2. № 387. С. 390; Т. 3. № 412; РИИР. Вып. 2. С. 69; РК. С. 17, 19.

[6] АФЗХ. Ч. 1. № 125. С. 117 («Иван Васильевич»). Возможно, тот же «Иван Васильевич» около 1474—1475 гг. судил поземельную тяжбу (АСЭИ. Т. 1. № 430. С. 318.). По Ш, боярин с 1462 г., умер в 1485/86 г. См. также: *Alef*. P. 99, 118; *Веселовский*. С. 325—327.

[7] АФЗХ. Ч. 1. № 33; РИИР. Вып. 2. С. 69; АСЭИ. Т. 3. С. 483. П. № 7. *Голубцов, Назаров*. С. 84. (№ 7); *Веселовский*. С. 327.

[8] Р. С. 40; Сб. РИО. Т. 35. С. 163.

[9] *Голубцов, Назаров*. С. 84 (№ 7); РК. С. 25; Сб. РИО. Т. 35. С. 108, 146—147, 221, 223, 376; Т. 41. С. 240, 304; ИЛ. С. 133; РИИР. Вып. 2. С. 70.

[10] ИЛ. С. 145, 147; Сб. РИО. Т. 41. С. 487—535, 540—541, 552—557; РИИР. Вып. 2. С. 70; АСЭИ. Т. 1. № 649. С. 568; АРГ 1505—1526 гг. № 200.

[11] РИИР. Вып. 2. С. 69, 163. По семейному преданию, дети Ивана Моря Федор и Константин умерли «в полону» в Литве (Там же. С. 70). Борис Морев присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского в 1500 г. (*Сахаров*. Т. II, кн. VI. С. 37).

[12] ПСРЛ. Т. 28. С. 107; РИИР. Вып. 2. С. 69; АСЭИ. Т. 1. № 325, 335, 336. Еще одну купчую Д. В. Бобра около 60-х годов см.: Там же. № 389. О Дмитрии Бобре см.: *Alef*. P. 89; *Веселовский*. С. 328.

[13] АСЭИ. Т. 1. № 488; АРГ 1505—1526 гг. № 35. Около 1504 г. земли обоих братьев находились на московско-дмитровском рубеже (ДДГ. № 95. С. 391, 392).

[14] РИИР. Вып. 2. С. 70; РК. С. 44.

[15] РК. С. 69; Род. кн. Ч. 2. С. 183; СГГД. Ч. 1. № 156. С. 430; АРГ 1505—1526 гг. № 35, 200.

[16] Тысячная книга. С. 128, 182, 188.

[17] *Веселовский*. С. 330; РИИР. Вып. 2. С. 71. Юрий Васильевич Кокошкин в 1526 г. был приставом (Сб. РИО. Т. 35. С. 712). Его племянники служили по Ржеву (Тысячная книга. С. 102). Один из них (Степан Григорьевич) появляется в разрядах в 1536 г. (РК. С. 90). «У Василья у Кокушки» были взяты какие-то книги кн. Василия Стародубского, очевидно, около 1515—1520 гг. (ГАР. С. 48 (ящик 36), 192).

[18] РИИР. Вып. 2. С. 71.

[19] Род. кн. Ч. 2. С. 184, 193; *Лихачев Н. П.* «Государев родословец» и род Адашевых. СПб., 1897. С. 43, 53—55.

[20] Род. кн. Ч. 2. С. 195.

[21] АСЭИ. Т. 1. № 397. С. 290; ср. № 429.

[22] Род. кн. Ч. 2. С. 204.

[23] См. его внука Федора Михайловича Викеитьева под 1495 г. в качестве ясельничего (РК. С. 25). Викентьевы в середине XVI в. служили на Вязьме (Тысячная книга. С. 189).

[24] Род. кн. Ч. 2. С. 128.

[25] АИ. Т. 1. № 40. С. 80 (1448 г.).

[26] Род. кн. Ч. 2. С. 130; ПСРЛ. Т. 8. С. 227.

[27] ПСРЛ. Т. 12. С. 246; Т. 15. Стб. 499; ДРВ. Ч. 14. С. 20; *Веселовский С. Б.* Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 г.//Ист. зап. М., 1939. Т. 5. С. 40—43; *Зимин А. А.* Летописные свидетельства о коронации Дмитрия-внука и заговоре Владимира Гусева (1497—1498 гг.)//Летописи и хроники: Сб. статей, 1973 г. М., 1974. С. 243—245. Гипотеза Н. М. Карамзина, которую разделял и С. Б. Веселовский, о том, что В. Гусев был автором Судебника 1497 г., в настоящее время, после исследований Я. С. Лурье, Л. В. Черепнина, А. Н. Насонова, может считаться окончательно опровергнутой.

[28] Род. кн. Ч. 2. С. 130. Сын Михаила Елизаровича Семен служил в середине XVI в. по Дмитрову (Тысячная книга. С. 128).
[29] РК. С. 37; АРГ 1505—1526 гг. № 210. С. 213; ЦГАДА. Ф. 1193 (Калязин монастырь). № 92.
[30] ПСРЛ. Т. 18. С. 194 («Константин Федорович». Принимаю поправку С. Б. Веселовского, считавшего, что речь идет о Федоре Константиновиче. См.: *Веселовский*. С. 304); ПСРЛ. Т. 24. С. 232.
[31] ПСРЛ. Т. 6. С. 207, 209 (без упоминания о боярстве), 221—222, 237; Т. 15. Стб. 500; Т. 28. С. 124, 127, 144, 148 (без упоминания о боярстве); [Т. 37. С. 92]; РК. С. 17, 18, 20 (без упоминания о боярстве); Р. С. 21; АФЗХ. Ч. 1. № 28; АСЭИ. Т. 1. № 524—525 (без упоминания о боярстве); РИБ. Т. 22. С. 27. См. также: *Alef*. Р. 87, 112; *Веселовский*. С. 304—307. По Ш, боярин с 1472/73 г., умер в 1483/84 г.
[32] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 500. В Государеве родословце упомянут без думного титула (Род. кн. Ч. 2. С. 134).
[33] ПСРЛ. Т. 24. С. 216. Сохранилась палица его жены Ульяны 1509/10 г. (*Николаева*. № 62. С. 71).
[34] Сб. РИО. Т. 35. С. 164; Т. 95. С. 700; РК. С. 25, 40, 43, 44, 55, 61, 64, 66—70; Р. С. 175, 180; Казанская история. М.; Л., 1954. С. 60—61; *Лихачев*. С. 176; АСЭИ. Т. 3. № 390; ПСРЛ. Т. 30. С. 145.
[35] И. В. Хабар упоминается в духовной 1525 г. А. И. Шадрина (АРГ 1505—1526 гг. № 251). Сведения о наместничестве датируются декабрем 1525 г., декабрем 1526 г., январем и февралем 1527 г. (РИБ. Т. 17. № 226, 228; *Копанев*. С. 158; РИБ. Т. 15. № 25. Стб. 45—46).
[36] РК. С. 14, 72, 75, 77, 78.
[37] Иван Иванович впервые упоминается вторым воеводой сторожевого полка летом и осенью 1535 г. (Там же. С. 87, 88). Весной 1536 г. был вторым воеводой полка левой руки (Там же. С. 89), летом 1537 г. — третьим в сторожевом полку (Там же. С. 91).
[38] РИИР. Вып. 2. С. 74; Род. кн. Ч. 2. С. 128; АФЗХ. Ч. 2. № 169. См. также: *Веселовский*. С. 314—315.
[39] ПСРЛ. Т. 8. С. 270; АФЗХ. Ч. 2. № 92, 93. В 1508/09 г. Василий был приставом при встрече литовских послов (Сб. РИО. Т. 35. С. 489).
[40] Сб. РИО. Т. 35. С. 480, 485, 486, 491; РК. С. 42; Русский времянник. М., 1820. Ч. 2. С. 264; ИЛ. С. 195.
[41] Сб. РИО. Т. 53. С. 40 (1517 г.).
[42] Там же. Т. 35. С. 506, 511, 625—626; Т. 53. С. 7, 11, 19, 226, 229 и др.; Т. 95. С. 661—664; ПДС. Т. 1. Стб. 196, 359 и др.
[43] АИ. Т. 1. № 124, 291; Акты Юшкова. № 88. С. 74; *Зимин*. Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в.//Ист. архив. 1960. № 3. С. 148; РК. С. 70; *Дунаев*. Максим Грек. С. 79.
[44] См. помету: «Дал Шигоня от Воротынского с человеком с Ноздрею» (*Назаров В. Д.* Тайна челобитной Ивана Воротынского//Вопр. историн. 1969. № 1. С. 211).
[45] *Герберштейн*. С. 38.
[46] ПСРЛ. Т. 28. С. 161; ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). № 281. Л. 3; Кн. 538. Л. 75—75 об.; Сб. РИО. Т. 35. С. 850; Т. 59. С. 2, 17—18, 31, 65, 70; *Зимин*. О составе. С. 192; Описи Царского архива. С. 119; Владимирский сборник. М., 1857. С. 130; *Зверинский В. В.* Материалы для историко-топографического исследования православных монастырей в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2. № 1314. С. 387—388; АФЗХ. Ч. 2. № 169.
[47] См. послание к Шигоне хутынского игумена, а впоследствии новгородского архиепископа Феодосия 1533 г. (АИ. Т. 1. № 294). У него «изгибла» одна из книг Волоколамского монастыря (*Георгиевский В. Т.* Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911. Прил. С. 16).
[48] *К[азанский] П.* Село Новоспасское. М., 1847. С. 116—117.
[49] ПСРЛ. Т. 6. С. 268; Т. 13. С. 409; *Каштанов*. История. С. 282; ПКМГ. Ч. I, отд. 2. С. 231.
[50] РИИР. Вып. 2. С. 74.
[51] *Веселовский*. С. 292—302.
[52] Тысячная книга. С. 131.

[53] По С. Б. Веселовскому, речь должна идти об Александре Глебовиче, находившемся в 1341 г. на княжении во Пскове (*Веселовский*. С. 332).

[54] Дочь Федора Турика была замужем за кн. Василием Ивановичем Оболенским (Род. кн. Ч. 2. С. 44). Сыновья Турика умерли бездетными.

[55] ПСРЛ. Т. 23. С. 148; Т. 15. Стб. 490.

[56] *Веселовский*. С. 347.

[57] АСЭИ. Т. 1. № 213, 262; Т. 2. № 381. С. 380; *Alef*. P. 82, 83, 117. Веселовский отождествлял «Ивана Ивановича» с И. И. Бутурлиным (АСЭИ. Т. 1. С. 611).

[58] Род. кн. Ч. 2. С. 43, 44.

[59] По убедительному предположению Веселовского, владения Семена Рожественского располагались в Переславском уезде (*Веселовский*. С. 357).

[60] Около 1473—1485 гг. Никита Львович владел землями в Дмитрове (АСЭИ. Т. 1. № 419).

[61] ИЛ. С. 58 (ср.: ПСРЛ. Т. 6. С. 189; Т. 28. С. 119, 288); АСЭИ. Т. 2. № 279; Т. 3. № 15; *Никольский Н.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 1897. С. XXXVII—XXXVIII; *Сахаров*. Т. II, кн. VI. С. 37 («Ивану Гаврилову»); *Зимин*. События. С. 100—102; *Веселовский*. С. 350—351.

[62] РК. С. 25, 29. На свадьбе кн. В. Д. Холмского в 1500 г. присутствовал Иван Лапа (?Кувшин). См.: *Сахаров*. Т. II, кн. VI. С. 37.

[63] Тимофей Васильевич Бражников в конце 1533—начале 1534 г. ездил с посольством в Литву, а в 1537—1541 гг. «в Волохи» (Сб. РИО. Т. 59. С. 7, 10; ПСРЛ. Т. 13. С. 119, 136; ГАР. С. 60 (ящик 102), 265).

[64] РК. С. 26, 33, 69; *Сахаров*. Т. II, кн. VI. С. 37; АЮ. № 15. С. 28—29; ПДС. Т. 1. Стб. 173—176; ПСРЛ. Т. 8. С. 259; Р. С. 167 (ошибочно — Андрей Микулин). См.: *Веселовский*. С. 351—353. «На» него были написаны какие-то «списки во Псков» (ГАР. С. 48 (ящик 36/II), 193).

[65] Род. кн. Ч. 2. С. 45.

[66] Правнук Василия Губастого Иван Александрович в 1495 г. ездил с Иваном III в Новгород и в том же году провожал княгиню Елену Ивановну в Литву (РК. С. 25; Сб. РИО. Т. 35. С. 164). Его дядя Андрей Меньшой Никитич был испомещен в конце XV в. в Новгороде (НПК. Т. 1. Стб. 118). Помещиками Шелонской пятины были дети Семена Юрьевича Кислеевского — Племянник и Павел Белый Волк, последний погиб под Ивангородом (Там же. Т. 5. Стб. 10 и др.; Т. 4. Стб. 119 и др.), и их двоюродный дядя Иван Юрьевич с сыном Иваном (Там же. Т. 1. Стб. 67). Потомки сына Гаврилы Ивановича и его дяди Василия Губастого в середине XVI в. служили по Переславлю (Тысячная книга. С. 139). Среди внуков Глеба Шукаловского известен Василий Михайлович Чертенок, который описывал в 1490 1491 гг. Ростов (АФЗХ. Ч. 1. № 12) и около 1490—1500/01 гг. выступал судьей в поземельных спорах (АСЭИ. Т. 2. № 406). Около мая 1508—мая 1514 г. он вместе с кн. М. В. Шуйским был переславским наместником и сторожил детей кн. Андрея Углицкого (ДДГ. С. 471).

[67] *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. М.; Л., 1966. С. 58—59. Василий Иванович, судя по посланию Геннадия Бутурлина Федору Давыдовичу, служил кн. Дмитрию Юрьевичу Красному (*Веселовский*. С. 24, 349).

[68] ГВНП. № 93; АСЭИ. Т. 2. № 89; Р. С. 83—84.

[69] АСЭИ. Т. 1. № 288, ср. № 421 (1473—1485 гг.). См. жалованную грамоту на земли в Переславле (*Каштанов*. Очерки. С. 385—386. № 25). Об этих землях как о переданных в Троицкий монастырь см. под 1478 г. (АСЭИ. Т. 1. № 455). По Ш, дворецкий в 1462 г., умер боярином в 1472/73 г. По Беляевскому списку, был дворецким в течение года после М. И. Сабурова (который был год дворецким с 1462/63 г.). См.: *Зимин*. О составе. С. 203.

[70] АСЭИ. Т. 1. № 521; Т. 3. № 15; Р. С. 85 86; Род. кн. Ч. 2. С. 164; *Веселовский*. С. 349. О землевладении Г. В. Заболоцкого см.: *Алексеев Ю. Г.* Указ. соч. С. 46, 48.

[71] Сын Г. В. Заболоцкого Семен упоминается в 1495 г. (РК. С. 26) и в 1500 г. (*Сахаров*. Т. II, кн. VI. С. 37).

[72] ПСРЛ. Т. 8. № 223; Т. 15. Стб. 498—499; ДДГ. № 89. С. 357; Сб. РИО. Т. 35. С. 113, 163, 242, 270; РК. С. 24; Р. С. 81—86; *Шмидт*. С. 272; АФЗХ. Ч. 1. № 166, 192, 206 (без упоминания о чине); АСЭИ. Т. 3. № 105; ГАР. С. 77 (ящик 178), 393; *Садиков П. А.* Из истории опричнины XVI в.//Ист. архив. М.; Л., 1950.

Т. III. № 57. С. 264; НПК. Т. 1. Стб. 153, 156. О П. Г. Заболоцком см.: *Alef.* Р. 119; *Веселовский.* С. 353—354.

[73] Сб. РИО. Т. 35. С. 161—162, 412—439; Т. 41. С. 156—165, 171—172; Т. 95. С. 19; РК. С. 28, 44, 46, 48; АФЗХ. Ч. 1. № 114 (конец XV в.), 165; АСЭИ. Т. 1. № 615 (около 1497/98 г.); Т. 2. № 414 (1497/98 г.); ПСРЛ. Т. 28. С. 340, 343; *Каштанов.* Очерки. С. 409—414. № 40; *Веселовский.* С. 358. О К. Г. Заболоцком см.: *Alef.* Р. 103, 120.

[74] РК. С. 92; Владимирский сборник. С. 130.

[75] Сб. РИО. Т. 35. С. 90—102, 113; Сборник Хилкова. № 106. С. 386; РК. С. 25. В 1492 г. он передавал грамоту К. Г. Заболоцкому (Сб. РИО. Т. 41. С. 164).

[76] ДДГ. № 94. С. 375.

[77] РК. С. 25, 29, 46; ПСРЛ. Т. 8. С. 259; Т. 28. С. 335, 337, 351; Сб. РИО. Т. 53. С. 5, 11. С. Б. Веселовский писал, что А. Г. Заболоцкий был дворецким «в каком-либо из малых дворцов» (*Веселовский.* С. 354). Речь идет о старицком дворце.

[78] В 1527 г. одним из воевод Юрия Дмитровского был Василий Федорович Помяс Черленого Заболоцкий (РК. С. 71). Он же был писцом в 1506 г. (АРГ 1505—1526 гг. № 20). Брат Василия Петр Тонкой в 1495 г. находился в свите Елены Ивановны, отправившейся в Литву (Сб. РИО. Т. 35. С. 164). Его сыновья Иван и Григорий в 1504 г. владели землями в Дмитрове (ДДГ. № 94. С. 376). Григорий постригся в Волоколамском монастыре и стал епископом смоленским Гурием (1539—1555 гг.) (Род. кн. Ч. 2. С. 50). Владимиру Андреевичу служили и внучатые племянники Константина Иван и Данила Семеновичи (Там же. С. 51, 53).

[79] Юрий Святославич с сыном Федором получили Волок в числе других 13-ти городов (ПСРЛ. Т. 11. С. 190).

[80] Там же. С. 204.

[81] ДДГ. № 98. С. 406.

[82] *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37.

[83] ПСРЛ. Т. 6. С. 43. См.: *Веселовский С. Б.* Владимир Гусев. С. 44.

[84] АСЭИ. Т. 3. № 181.

[85] Сб. РИО. Т. 35. С. 164; АФЗХ. Ч. 2. № 67. Григорий Пырей присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского 1500 г. (Р. С. 63).

[86] Торопецкая книга 1540 г.//АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 325. Тверской помещик Дятелина Осокин упоминается в 1536 г. (РК. С. 90).

[87] НПК. Т. 3. Стб. 812. По Летописной редакции родословных книг, у Скрябы были дети Щавей, Григорий и Федор; по Румянцевской редакции (и Бархатной книге) — только Щавей и Григорий (РИИР. Вып. 2. С. 40, 166; Род. кн. Ч. 2. С. 211).

[88] ИЛ. С. 58 (ср.: ПСРЛ. Т. 6. С. 189; Т. 28. С. 119, 288); ПСРЛ. Т. 12. С. 215; АСЭИ. Т. 1. № 501; РК. С. 21.

[89] Тысячная книга. С. 185, 192, 193, 200, 202.

[90] О них см. ниже.

[91] Роман Фоминский (Роман Иванович Козловский) упомянут в договоре Казимира IV с Василием II 1449 г. (ДДГ. № 53. С. 161).

[92] АФЗХ. Ч. 2. № 28, 29, 68, 90. Сын Истомы Воин и сын Химы Ветошка в середине XVI в. служили по Дорогобужу, а внуки Василия — по Волоку, Вязьме и Можайску (Тысячная книга. С. 177, 178, 185, 189, 192).

[93] РК. С. 58, 64.

[94] Сб. РИО. Т. 35. С. 164.

[95] *Зимин.* Вотчина. С. 109, 135, 141.

[96] ПСРЛ. Т. 6. С. 199.

[97] ДДГ. № 71. С. 251; Родословная книга по трем спискам // Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 10. С. 263. Сын Федора Василий Меньшик упоминается в разрядах 1531/32 г. (Р. С. 230).

[98] Родословная книга по трем спискам. С. 263.

[99] Там же. С. 179; *Зимин.* Вотчина. С. 88—89, 113.

[100] *Зимин.* Вотчина. С. 52.

[101] По С. Б. Веселовскому, он носил также имя Андрей (*Веселовский.* С. 371). Вопрос неясный. У Андрея Еропкина кн. Борис Васильевич Волоцкий в свое время отобрал владения и в 1477 г. предполагал их вернуть (ДДГ. № 71. С. 251).

[102] РК. С. 25; ПСРЛ. Т. 6. С. 279; *Веселовский С. Б.* Владимир Гусев. С. 43; *Зимин А. А.* Летописные свидетельства о коронации Дмитрия-внука и заговоре Владимира Гусева // Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. М., 1974. С. 246.

[103] Сб. РИО. Т. 35. С. 24, 480, 483; АСЭИ. Т. 1. № 562 (С. 439, 442), 624; РК. С. 25, 38, 41.

[104] АСЭИ. Т. 1. № 499; ДДГ. № 95. С. 381.

[105] Сб. РИО. Т. 35. С. 6—12, 21—33, 41—46, 138—144, 219—225.

[106] *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37; Сб. РИО. Т. 35. С. 313, 403, 413—439, 486, 489, 491, 494; ИЛ. С. 145; ПСРЛ. Т. 8. С. 245, 249—250; Т. 28. С. 340; РК. С. 35, 44; Описи Царского архива. С. 119. В Государеве родословце о его дворцовых чинах не сообщается (Род. кн. Ч. 2. С. 230).

[107] АФЗХ. Ч. 2. № 127. В 1527 г. Иван Кляпиков - один из поручителей по кн. М. Л. Глинском (СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428).

[108] ДДГ. № 95. С. 381. Упомянут среди послухов грамоты И. А. Колычева на земли Коломенского уезда 80-х годов XV в. (*Голубцов, Назаров.* С. 84 (№ 5). В 1495 г. упомянуты Федец (Федот) и Афанасий Еропкины (РК. С. 25). Иван Андреевич Еропкин попал в литовский полон до 1526 г., владел землями в Можайском уезде (см. завещание его вдовы 1533—1535 гг.: АФЗХ. Ч. 2. № 127).

[109] Тысячная книга. С. 184.

[110] НПЛ. С. 404; см. также: *Веселовский.* С. 197. От Ивана Семеновича ведется родословие Морозовых в его древнейшей редакции (ПСРЛ. Т. 24. С. 231). Легенда о происхождении Морозовых «из Прус» в XIII в., скорее всего, вымысел конца XV—начала XVI в. (*Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. С. 147). В церкви Вознесения на Прусской улице Новгорода были захоронения Морозовых. Новгородские Морозовы, по В. Л. Янину, не имели родовых связей с московскими (*Макарий.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 187; *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 204 -212). Это обстоятельство и дало видимость основательности легенды о выезде Морозовых «из Прус» (см. также: *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 137—138). Для нас важно, что возвышение Морозовых относится к концу XIV в.

[111] До 1440 г. В. М. Морозов вместе с братом Игнатием подписали в качестве послухов купчую кн. Дмитрия Юрьевича Красного (АСЭИ. Т. 1. № 163). Около 1463 г. упоминаются земли Московского уезда, данные В. М. Морозовым «до сех мест лет мало не тритцать» (Там же. Т. 2. № 374. С. 368). Василий Михайлович был женат на дочери боярина Дмитрия Васильевича (ПСРЛ. Т. 24. С. 232). О нем см. также: *Ивина.* С. 56—57.

[112] АСЭИ. Т. 2. № 279, 374; РК. С. 17, 20, 21 (без упоминания о боярстве); Р. С. 27; АЗР. Т. 1. № 75. С. 95; Сборник Муханова. СПб., 1866. № 27. С. 39; ПСРЛ. Т. 6. С. 239; ДДГ. № 68. С. 222; № 86. С. 347; АРГ 1505—1526 гг. № 174. С. 169. О Григории Поплеве см.: *Alef.* Р. 113. По Ш, с 1475/76 г. боярин, умер в 1491/92 г.

[113] Род. кн. Ч. 1. С. 260; РК. С. 26. Летописная редакция знает еще младшего брата Григория — Романа (РИИР. Вып. 2. С. 60).

[114] ГБЛ. Ф. 256 (Собр. Румянцева). № 349. Л. 232; АРГ 1505—1526 гг. № 223.

[115] Сб. РИО. Т. 35. С. 163; РК. С. 25; ПСРЛ. Т. 8. С. 247—248.

[116] РК. С. 44, 48, 52 -54; ПСРЛ. Т. 8. С. 252; СГГД. Ч. 5. № 65. С. 55—61; РЛА. № 356; ПДС. Т. 1. Стб. 173 (в 1515 г. — окольничий).

[117] СГГД. Ч. 5. № 65. С. 55—61; РК. С. 59, 62; *Лихачев.* С. 176; Сб. РИО. Т. 53. С. 218.

[118] РК. С. 14, 65, 72, 84, 85, 92, 93, 112, 115; ПСРЛ. Т. 6. С. 271 («оставил у себе... и Поплевиных»); Т. 24. С. 221; Сб. РИО. Т. 35. С. 672; СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428; АРГ 1505 -1526 гг. № 223, 268, 286; ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). Кн. 518. Л. 237 — 237 об.; Кн. 532. Л. 922—922 об.; *Чумиков А. А.* Акты Ревельского городского архива 1450—1610 гг. // ЧОИДР. 1898. Кн. 4. Отд. IV. № 3.

[119] По Троицкой вкладной книге, умер до 5 октября 1554 г. [Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 53]. По Музейскому списку Дворовой тетради, «63-го умре» (ГИМ. Музейское собр. № 3417. Л. 42 об.). В 1555/56 г.

его вдова Аграфена дала «по своем муже» две книги в Чудов монастырь. Его сын Семен умер около 1557 г. (*Тихомиров М. Н.* Записи XIV—XVII вв. на рукописях Чудова монастыря // АЕ за 1958 год. М., 1960. С. 21).

[120] РК. С. 25, 48, 58, 64; *Сахаров*. Т. II, кн. VI. С. 37; Сб. РИО. Т. 95. С. 52—83; ПСРЛ. Т. 28. С. 344—345.

[121] Сб. РИО. Т. 35. С. 642—647; Т. 59. С. 109; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 558; Т. 6. С. 271; Т. 24. С. 221; РК. С. 79, 88; ГАР. С. 60 (ящик 100), 262; *Зимин*. Состав Боярской думы. С. 53.

[122] РК. С. 26; *Сахаров*. Т. II, кн. VI. С. 37; Сб. РИО. Т. 35. С. 787 (окольничий), 824 (без чина). В летописном сообщении говорится о Якове Давыдовиче Морозове (ПСРЛ. Т. 28. С. 161), но, возможно, это ошибка.

[123] Сб. РИО. Т. 35. С. 835 (без чина); ПСРЛ. Т. 8. С. 277 (ср.: ГАР. С. 58 (ящик 89), 256--257 — упоминание шертной Яналея, которую привез Я. Г. Морозов), 281; РК. С. 79; *Зимин*. Состав Боярской думы. С. 53; ДДГ. № 95. С. 381—382.

[124] Один из его старших братьев — Григорий Козел был женат на дочери И. И. Кошкина (Род. кн. Ч. 2. С. 123). Племянник Михаила Салтыка Иван Тимофеев (Скрябин) упоминается на свадьбе кн. В. Д. Холмского в 1500 г. (*Сахаров*. Т. II, кн. VI. С. 37). В 1507—1508 гг. он был воеводой кн. Дмитрия Ивановича (РК. С. 38, 41). Сын Ивана Алексей служил в середине XVI в. по Москве (Тысячная книга. С. 124).

[125] РК. С. 44; Сб. РИО. Т. 95. С. 17. Брат Андрея Василий в 1517 г. был наместником в Опочке (ПЛ. Вып. 1. С. 99; Р. С. 158). По родословцам, он «згорел у себя в селе и з женою» (РИИР. Вып. 2. С. 61).

[126] *Зимин*. О составе. С. 196. Игнатий Михайлович Салтыков служил в 1515—1532 гг. (РК. С. 56, 58, 78; Р. С. 229), а его брат Иван — в 1515—1531 гг. (РК. С. 58, 78). Их дети числились дворовыми детьми боярскими по Вязьме в середине XVI в. (Тысячная книга. С. 187).

[127] АРГ 1505—1526 гг. № 26; РК. С. 38, 41, 43, 44, 48, 49.

[128] О старшем брате Дмитрия Давыдовича Иване Мурадине (Мородине) сохранилось сведение, что он «держал... Москву 7 лет» (РИИР. Вып. 2. С. 61). По Летописной редакции, сыновей у него не было, а только две дочери, по другим — у него был бездетный сын Петр Кожа.

[129] АСЭИ. Т. 3. № 55 (без боярского титула), 56 (судил его тиун), 80 (без боярского звания). Дата грамоты уточнена по С. М. Каштанову (*Каштанов*. История. С. 27).

[130] К. Д. Владыка Морозов выдал свою дочь замуж за И. И. Слыха Стригина (Род. кн. Ч. 1. С. 266). Сам он упоминается в разрядах под 1531 г. (Р. С. 217).

[131] *Каштанов*. Очерки. С. 437—438.

[132] АФЗХ. Ч. 1. № 152; АСЭИ. Т. 1. № 330. Издатели полагали, что, скорее всего, акт составлен после 1478 г.

[133] РК. С. 17. Фамилия обоих в разрядной записи не названа. По пространной редакции, Борисовы-Бороздины (Р. С. 20), но это, очевидно, ошибка. По Ш. В. Б. Тучко Морозов — боярин с 1479/80 г., умер в 1480/81 г.; И. Б. Тучко Морозов — боярин с 1475/76 г., умер в 1502/03 г. См.: *Alef*. P. 114, 118.

[134] АСЭИ. Т. 1. № 330, 369; ср. № 374, 540; РК. С. 18, 19 (здесь братья названы «боярами», но фамилия их в записи отсутствует); ИЛ. С. 108 (названы боярами); *Черепнин*. Архивы. Ч. 1. С. 346, 348—349; ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 337. 339; Т. 28. С. 149.

[135] ПСРЛ. Т. 23. С. 162. Дата уточнена С. М. Каштановым.

[136] АСЭИ. Т. 1. № 612. О И. Б. и В. Б. Тучко Морозовых см.: Там же. С. 633; *Каштанов*. Очерки. С. 437—438; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.; Л., 1979. С. 25, 29, 57, 77.

[137] *Сахаров*. Т. II, кн. VI. С. 37; АСЭИ. Т. 3. № 250, 251; ПСРЛ. Т. 6. С. 252, 257, 258; *Чумиков А. А.* Неизданные русские акты XV—XVI вв. Ревельского городского архива // ЧОИДР. 1897. Кн. 2. Отд. IV. № 8; РЛА. № 369; ЦГАДА. Ф. 1144 (Новгородские кабальные книги). Кн. 8. Л. 128; РК. С. 61, 64, 67; Р. С. 165; СГГД. Ч. 1. № 155; Ч. 5. № 95. С. 87—95. О М. В. Тучкове и его детях см. также: *Шмидт С. О.* Новое о Тучковых: (Тучковы, Максим Грек, Курбский) //

Исследования по социально-политической истории России. М., 1971. С. 129—141.

[138] Р. С. 218, 234, 236; РК. С. 14; ПСРЛ. Т. 6. С. 272; Т. 13. С. 98, 432; АЗР. Т. 2. № 179/II—III. С. 331, 333. По Ш, с 1530/31 г. дворецкий, умер в 1534/35 г. Дата пожалования Тучкову боярства по Ш (ее придерживаются С. Б. Веселовский и С. О. Шмидт) не подтверждается достоверными источниками. Веселовский, а вслед за ним Шмидт считают, что в 1534 г. он просто лишился звания дворецкого. Но дворецким Тучков не был вовсе.

[139] *Зимин.* Состав Боярской думы. С. 51. Дата смерти Тучкова не вполне ясна (*Шмидт С. О.* Указ. соч. С. 132—133).

[140] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 25.

[141] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. М., 1971. С. 116; *Зимин.* О составе. С. 193. В 1528 г. И. М. и В. М. Тучковы были поручниками по князьям А. М. и И. М. Шуйским (СГГД. Ч. 1. № 156. С. 430—431). Об отношении В. М. Тучкова к летописному своду 1539 г. см.: *Насонов А. Н.* История русского летописания IX — начала XVIII в. М., 1969. С. 353, 357—358; *Шмидт С. О.* Указ, соч. С. 134.

[142] ПСРЛ. Т. 6. С. 200, 211; ИЛ. С. 104 (назван боярином); ААЭ. Т. 1. С. 27. № 18; РК. С. 19; Сб. РИО. Т. 41. С. 45—51, 55—56, 63.

[143] «Окольничие... Да с великим же князем Васильем Семен Борисович Брюхо» (РК. С. 31).

[144] *Шмидт.* С. 272. По Ш, был окольничим с 1501/02 г. (отчество «Иванович»).

[145] АСЭИ. Т. 1. № 612; Т. 2. № 495.

[146] Там же. Т. 3. № 475. С. 460. Боярином на самом деле он вряд ли был, обладая лишь правом «боярского суда».

[147] АРГ 1505—1526 гг. № 40; *Веселовский.* С. 207; *Род. кн.* Ч. 2. С. 43.

[148] *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37; Р. С. 151; РИБ. Т. 15. № 25; Сб. РИО. Т. 59. С. 535—536; *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. М., 1905. Т. 1. С. 353.

[149] РК. С. 88. Дата разрядной записи не ясна. Она помещена в конце разрядов за 7043 г. с начальными словами: «Того же лета сентября». Но разряды 7044 г. начинаются с февральской записи. Поэтому полагаем, что сентябрьская запись в конце разряда 7043 г. на самом деле относится к 7044 г. Так эта запись датируется в пространной редакции разрядных книг (Р. С. 258).

[150] РК. С. 89.

[151] ПСРЛ. Т. 8. С. 155; АСЭИ. Т. 1. № 415; Т. 3. № 15; РК. С. 25.

[152] В. М. Шея умер еще до 15 января 1466 г., когда княгиня Мария выдала жалованную грамоту его вдове и сыну Дмитрию (АСЭИ. Т. 1. № 341).

[153] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 500; Т. 19. Стб. 236 (ср.: Казанская история. С. 61—62); Т. 24. С. 215; Сб. РИО. Т. 41. С. 62—71 и след.; РК. С. 25, 27, 28, 31, 34, 36 (везде без боярского титула). Д. В. Шеину было в 1488 г. адресовано антиеретическое послание инока Саввы (О ереси жидовствующих. Новые материалы // ЧОИДР. 1902. Кн. 3. Отд. II. С. VI, 1).

[154] О пошехонских владениях Шеиных, выкупленных из Троицкого монастыря в 80-х годах XV в., см.: АСЭИ. Т. 1. № 341 (январь 1466 г.), 509, 658 (апрель 1505 г.). *О московских владениях Шеиных см.: Там же. С. 633.*

[155] АРГ 1505—1526 гг. № 26; *Стромилов.* С. 79.

[156] Юрий упоминался в акте 1523/24 г. как вотчинник Московского уезда (АРГ 1505—1526 гг. № 223). В 1526 г. он был послан Василием III с поручением в Москву (Письма русских государей. М., 1848. Т. 1. № 1. С. 3). В разрядах Юрий впервые фигурирует с 1531 г. (РК. С. 79—80). Летом 1534 г., в апреле 1536 г. и в марте 1537 г. наместничает в Луках (Там же. С. 85, 90; Сб. РИО. Т. 59. С. 108). Последний раз в разрядах (еще без думиого чина) упомянут в 1537 г. (РК. С. 91). Василий упоминался в разрядах только с 1531/32 г. на Двине (Р. С. 232), а его брат Иван — с 1540 г. (РК. С. 99).

[157] ПСРЛ. Т. 8. С. 98; *Веселовский.* С. 209.

[158] ПСРЛ. Т. 12. С. 70, 119. «Духовиая и списки» бездетного внука Ивана Шуста Андрея Ивановича Шестова (Шастова) хранились в ящике Государственного архива, содержащем документы 10—20-х годов XVI в. (ГАР. С. 44 (ящик 27), 160, 161).

[159] АСЭИ. Т. 2. № 229, 383; Т. 3. № 206. По мнению издателей, акт можно «отнести ко времени не ранее как ок. 1474 г.»

[160] РК. С. 17, 19. Правда, в летописи М. Я. Русалка назван сыном боярским (ИЛ. С. 93).
[161] *Каштанов.* Очерки. № 68. С. 454—455; АФЗХ. Ч. 1. № 185. С. 168; АСЭИ. Т. 1. № 501; Сб. РИО. Т. 35. С. 50—51 (во время переговоров назван «боярином»); Т. 41. С. 199; РК. С. 24. По Ш, дворецкий с 1464/65 г., умер в 1500/01 г. См. также: *Alef.* P. 96, 111. О дворцовых и думных чинах М. Я. Русалки Государев родословец не сообщает (Род. кн. Ч. 1. С. 276).
[162] С 1491 г. идут сведения о дворецком кн. П. В. Шестунове.
[163] *Кабанов А. К.* Материалы по истории Новгородского края из столичных архивов // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1913. Т. XIV, Вып. 3. С. 5 (№ 2).
[164] ПСРЛ. Т. 23. С. 149; Т. 6. С. 173; ДДГ. № 57. С. 177; АСЭИ. Т. 2. № 370, 381. В последнем акте он помещен перед И. Ф. и В. Ф. Сабуровыми, боярство которых проблематично. О Старкове см. подробнее: *Alef.* P. 115—116; *Веселовский.* С. 398—399, 409—411. В Государеве родословце о его боярстве не говорится (Род. кн. Ч. 2. С. 206).
[165] ДДГ. № 68. С. 222.
[166] АФЗХ. Ч. 1. № 82.
[167] Сб. РИО. Т. 41. С. 9—13; ИЛ. С. 89.
[168] РК. С. 26.
[169] Сб. РИО. Т. 35. С. 164.
[170] АФЗХ. Ч. 1. № 23. С. 45.
[171] Тысячная книга. С. 138.

Глава третья

Пополнение Думы боярскими родами в XV—начале XVI в.

Если в конце XIV—начале XV в. в Думу пробиться «новым людям» было чрезвычайно трудно, то на протяжении XV—начала XVI в. положение еще более осложнилось. Старые роды не уступали своих мест, а число потомков старомосковских бояр все увеличивалось. Дело во многом зависело теперь от личных качеств и энергии служилых людей, от их взаимоотношений с великим князем, от их участия в строительстве государственного аппарата и в крупных политических акциях. Так, Ф. В. Басенок был «удалым воеводой», Г. А. Мамон — фаворитом Ивана III и Софьи Палеолог. К окружению великой княгини принадлежали Траханиоты, к тому же крупные дипломатические деятели. Ховрины-Головины обладали несомненными способностями в приумножении государевой казны и в организации работы государственной канцелярии. Фаворитизм часто приводил к катастрофе. Так было в случаях и с Басенком, и с Мамоном, и Юрием Малым (Греком). Практически же в Думе второй половины XV—первой трети XVI в. видной роли «новые люди» не играли.

Феодальная война второй четверти XV в. привела к серьезным изменениям как в составе старомосковских боярских родов, так

и в соотношении их различных ветвей при великокняжеском дворе. Сторонники галицких князей — кн. Юрия Дмитриевича, Дмитрия Шемяки, кн. Ивана Андреевича Можайского, кн. Василия Ярославича Серпуховского-Боровского сходят с исторической сцены. Немилость великокняжеской власти распространяется и на их потомков. Речь идет о князьях Порховских (на одной княжне из этого рода был женат кн. Юрий Дмитриевич), о роде Дмитрия Ивановича Галицкого, кн. Ивана Шонура Козельского (Сатины), Серкизовых (Старковых). Антимосковская позиция И. Д. Всеволожского и братьев Петра, Ивана и Никиты Добрынских также сказалась на судьбе потомков Всеволожского (у Добрынских их как будто не было вовсе). Потомки князей Фоминских, шедшие от Бориса Федоровича Вепрева, Игнатия Михайловича и Семена Федоровича Морозовых, Тимофея Александровича Остеева, или не известны совсем, или ушли на службу в уделы.

Потомки многих выезжих родов (Беклемишевы, Волынские, Лыковы, Монастыревы, Мячковы, Овцыны, Поливановы и др.) по различным причинам так и не смогли пробиться в Думу [1].

Таким образом, в Думе второй половины XV — первой трети XVI в. были представлены только те роды, представители которых сумели уцелеть во время всевозможных жизненных бурь, и прежде всего доказали свою преданность великокняжеской власти.

Басенковы

Происхождение Басенковых окружено туманом. По одному из вариантов родословной Щербининых (XVI в.), Андрей Басенков происходил «из немец» (от боярина кн. Всеволода Холмского, умершего в 1346 г.). Можно согласиться с С. Б. Веселовским, говорившим о сомнительности этой родословной легенды [2].

Еще в 1443 г. Федор Басенок «мужьствова» в походе против царевича Мустафы. В 1446 и 1449 гг. он выступал одним из верных сторонников Василия II в борьбе с Дмитрием Шемякой. Софья Витовтовна в 1453 г. пожаловала «боярину» Федору Васильевичу Басенку несколько своих сел. Во время похода «миром» Василия II в Новгород в 1460 г. Федора Басенка хотели убить «шильники» [3], после чего он был из Новгорода отозван.

Басенок не только отличался ратными талантами, он проявил себя и как администратор. Около 1447—1455 гг. он судил поземельные дела в Гороховце. Около 1449—1450 гг. разбирал споры о землях и в Суздальском крае, где тогда же и наместничал. Примерно в то же время ему докладывались данные грамоты на нижегородские земли. Около 1455 г. Ф. В. Басенок выступал в качестве душеприказчика В. М. Иватина. Между 1456 и 1460 гг. в одной из грамот упоминается его суд как бежецкого наместника. Примерно в 1461/62 г. Федор Васильевич называется среди бояр, подписавших духовную Василия II [4]. В этой же грамоте великий

князь подтвердил пожалования, сделанные Басенку Софьей Витовтовной. Вскоре после восшествия на престол Ивана III, в 1462 г., Басенок «приказал» подтверждение грамоты 1449 г. и суздальской грамоты 1460/61 г.[5]

Неожиданно в 1463 г. Басенку «очи выняли». Он попал в опалу и в 1473 г. оказался в Кирилловом монастыре, где еще прожил семь лет и два месяца. По предположению Я. С. Лурье, Басенок был близок к лицу, составившему летописный текст за 40-е—начало 60-х годов XV в., попавший в Ермолинскую летопись [6].

Сын Федора Никифор в 1474 г. вернулся в Москву с послом Ахматом из Орды. В сентябре 1475 г. погорел его двор на Арбате. В 1485 г. хан Ахмат просил прислать его для переговоров к себе. В том же году Н. Ф. Басенков назван среди оставленных в Москве на время Тверского похода придворных лиц, которые в пространной редакции разрядов именуются боярами (для Н. Ф. Басенкова это сомнительно). В сентябре 1490 г. он был наместником трети Московской [7].

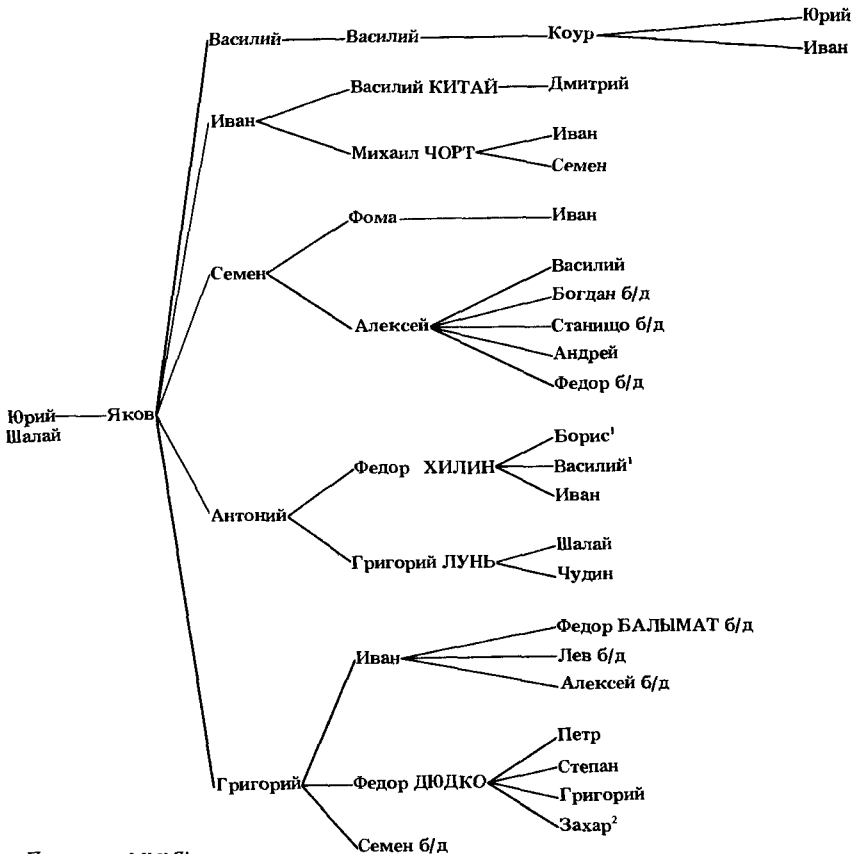
Сын Никифора Иван Боярин в 1495 г. провожал Елену Ивановну в Москву. Ему в 1504 г. принадлежали земли в Дмитровском уезде, а его брату Бреху — в Звенигородском [8]. Басенковы связали свою судьбу с уделами.

Новосильцевы

Род Новосильцевых не принадлежал к особенно древним [9]. Возвышение его относится к XV в. Старшая ветвь этого рода служила в Волоцком уделе. Среди приближенных кн. Федора Борисовича Иосиф Волоцкий около 1511 г. называет некоего Коура, которого можно отождествить с праправнуком родоначальника Новосильцевых Юрия Шалая [10]. В середине XVI в. В. В. Коуров служил также по Волоколамску [11] (схема 23).

Двоюродный брат отца Коура Василий Иванович Китай упоминается как боярин Василия Темного в его завещании около 1461 – 1462 гг.[12] Он был типичным администратором. Как установил Веселовский, именно В. И. Китай («Василий Иванович») назван как боярин на докладе у Ивана III около 1474 – 1475 гг. В апреле 1475 г. В. И. Китай ездил с дипломатической миссией в Литву. В конце 1475 г. он назван среди бояр Ивана III во время его похода «миром» в Новгород. В. И. Китай наместничал в Торжке в 1477 г. В феврале 1478 г. вместе с Иваном Зиновьевичем оставлен наместником в Новгороде [13], где находился, очевидно, до конца 1480 – февраля 1481 г., когда в Новгороде наместничали уже другие лица. Сын В. И. Китая Дмитрий Китаев в 1494 и 1511 гг. присутствовал на приеме литовских послов. Около 1500 г. описывал Вотскую пятину. В 1513—1514 гг. участвовал в Смоленских походах. В битве под Оршей в 1514 г. попал в плен [14]. Его дальний родич Лев Иванович Новосильцев в 1495 г. сопровождал в свите княгиню Елену в Москву [15].

Схема 23
Новосильцевы



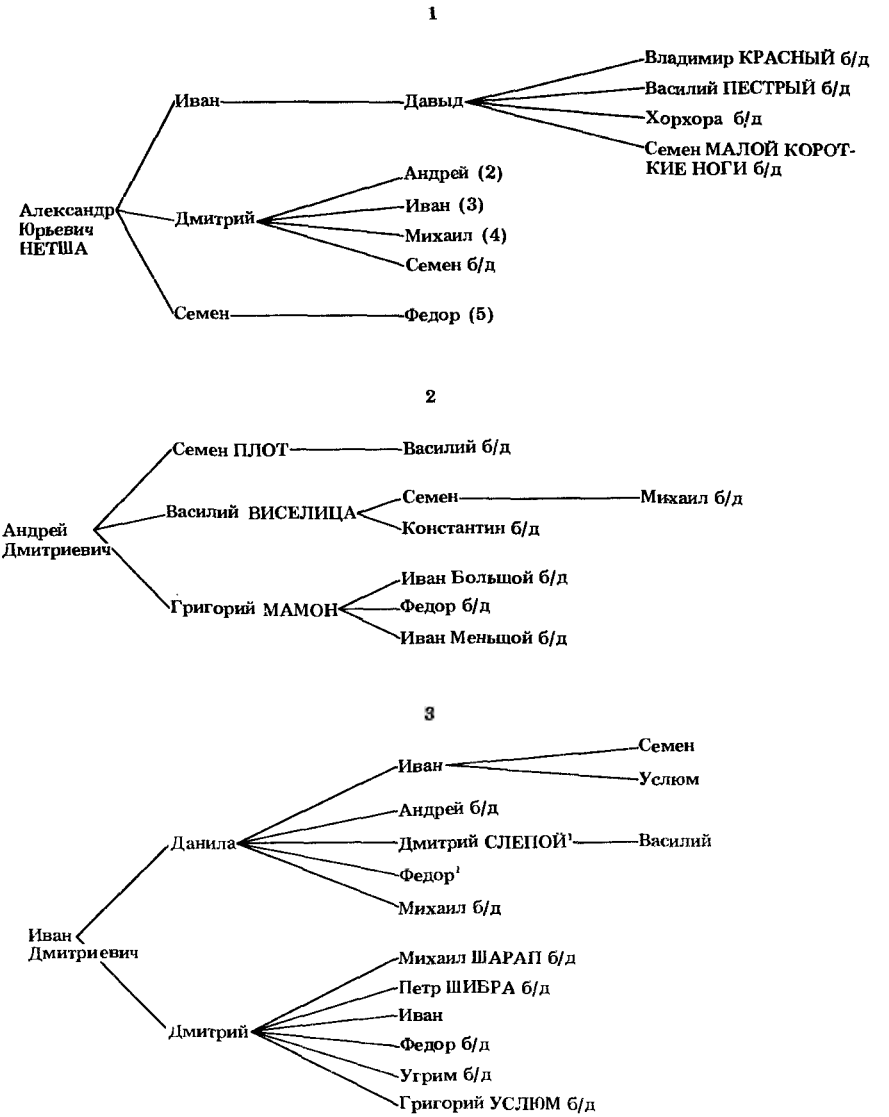
Примечания:
[1] [1]Р Василий, Борис. [2]Р Зайка.

В середине XVI в. Новосильцевы служили по Можайску, Ржеву, Торжку, Старице и Боровску, т. е. по старинным удельным городам. Этим, вероятно, в какой-то степени и объясняется, что после В. И. Китая никто в Боярскую думу так и не пробился.

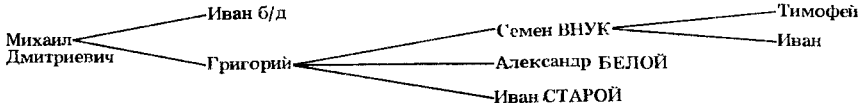
Потомки Нетши

К концу XV в. относится возвышение при московском великокняжеском дворе потомков старинного рода, возводившего свое происхождение к легендарному Александру Нетше, якобы выехавшему в Москву при Иване Калите «из немец». У Нетши было три сына — Иван, Дмитрий и Семен (схема 24).

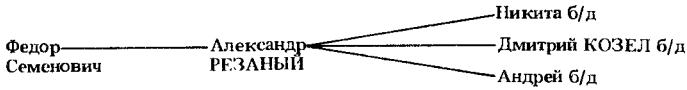
Схема 24
Потомки Нетши



4



5



Примечание:
[1-1]Р Федор, Дмитрий.

Волоцкому в связи с поиманием кн. Андрея Углицкого. Возможно, к этому времени уже входил в Думу, т. е. был (как это явствует из последующего) окольничим. В феврале 1498 г. он был окольничим на суде великого князя Дмитрия Ивановича. В феврале 1500 г. в качестве окольничего Данила Иванович присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского [25]. У Данилы Ивановича было пятеро сыновей — Иван, Андрей, Дмитрий Слепой, Федор и Михаил. Иван Данилович в 1509/10 г. служил писцом у кн. Семена Ивановича [26]. Удельная служба задержала продвижение Ивановых в Думу.

Дмитрия Слепого Данилова сына Иванова впервые в источниках встречаем с его братом Федором среди постельников во время новгородской поездки Ивана III 1495 г. В 1500 г. вместе с тем же братом он присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского. В марте 1504 г. Дмитрий Слепой — пристав на приеме литовских послов. В 1513 г. Д. Д. Иванов находился среди воевод в полку левой руки на Луках, упоминается он в числе воевод и в 1534—1535 гг. В августе 1536 г. как окольничий присутствует на приеме литовских послов. Последний раз участвует в переговорах с литовскими представителями в феврале 1537 г.[27] Его сын Василий дослужился до боярского звания, но в опричнину был казнен [28].

Племянник Дмитрия Слепого Яков Услюм Иванович Данилов в середине XVI в. служил по Москве, его младшие братья — по Бежецкому верху, а старший (Семен) — по Дмитрову [29].

У Данилы Ивановича был младший брат Дмитрий (родоначальник Дмитриевых). Его старший сын (Михаил Шарап) бежал в Литву вместе с кн. Василием Верейским, второй (Петр Шибра) служил Василию Шемячичу, а третий (Иван) служил в Угличе князю Дмитрию Ивановичу [30]. Все это предопределило судьбу потомков Дмитрия, не продвинувшихся по служебной лестнице чинов.

От третьего сына Дмитрия Александровича, Михаила, пошли Внуковы, в середине XVI в. они были дворовыми детьми боярскими по Юрьеву [31]. Правнуки Семена, третьего сына Александра Юрьевича, умерли бездетными.

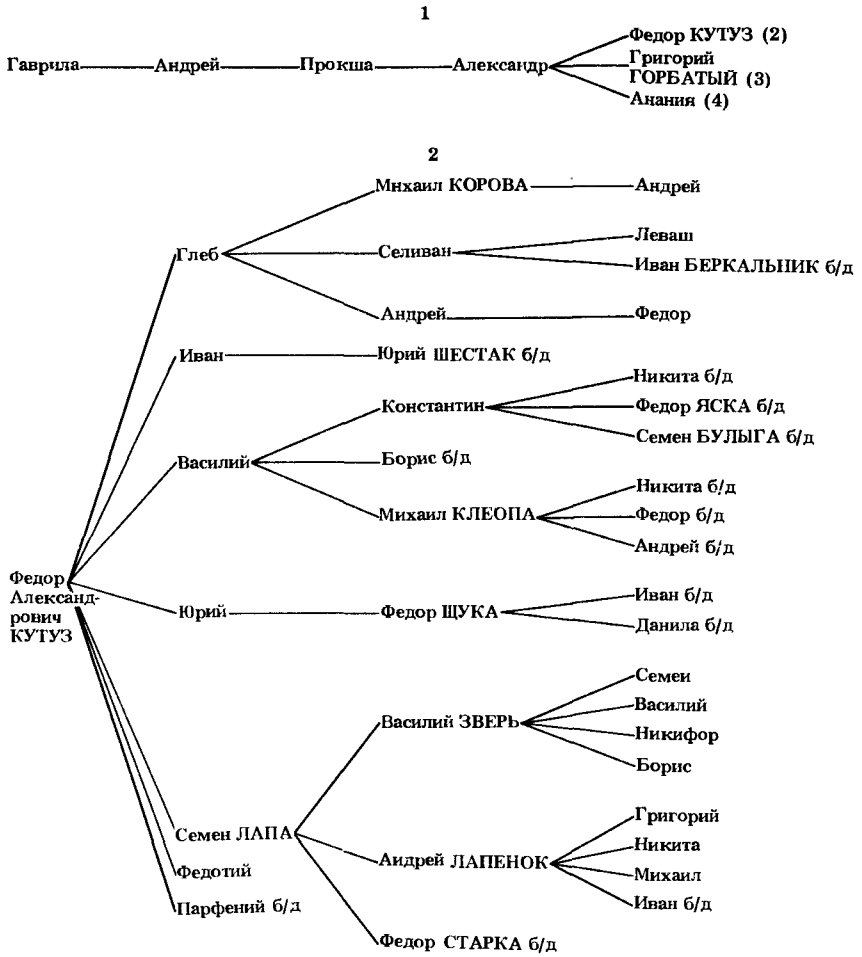
Федор Александрович Кутуз, считавшийся внуком новгородца Прокши, принадлежал к московской служилой знати конца XIV—начала XV в. Старший из трех его внуков от старшего сына Глеба — Михаил Корова — известен как рядовой волоколамский вотчинник. В конце XV в. он вместе с сыном Андреем, единственным дожившим до взрослого возраста, отдал в Иосифов Волоколамский монастырь несколько деревень [32]. В XVI в. Коровины-Кутузовы продолжали оставаться волоцкими землевладельцами [33]. Ветвь Кутузовых, шедшая от второго сына Глеба — Селивана, вымерла (Леваш Селиванов был убит в 1506 г. под Казанью, а Иван Беркальник умер бездетным) (схема 25).

Племянник Михаила Коровы от брата Андрея, Федор, в конце XV в. стал новгородским помещиком [34]. Связи с Новгородом у Кутузовых сохранялись самые тесные. Два двоюродных брата Михаила Коровы — Константин и Михаил Клеопа Васильевичи — служили в конце XV в. боярами у новгородского архиепископа Геннадия. Очевидно, до этого в 1482 г. Михаил Клеопа посылался с миссией к Менгли-Гирею, продолжая дело умиротворения Крыма, которое осуществлял в начале того же года его родич Юрий Шестак [35]. Никита Константинович, возможно, еще в 1470 г. принимал участие в Казанском походе [36]. Внуки сына Федора Кутуза Семена Лапы и потомки брата Федора Анании (Голенищевы и др.) были испомещены в Новгороде и Торопце [37].

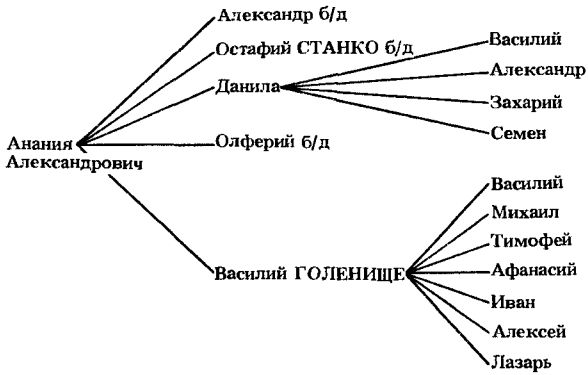
Наибольшего успеха в своей служебной карьере достиг племянник Глеба Федоровича Кутузова Юрий Иванович Шестак. В конце 1475 г. он ездил с Иваном III в поход «миром» на Новгород среди его детей боярских. В 1476 г. в качестве «боярина» посылался вместе с И. Ф. Товарковым во Псков в связи с жалобой псковичей. В 1479 г. был послан на Волок «поимать» кн. Ивана Лыка Оболенского. С тем же Иваном Лыком в 1487 г. ходил в поход на Вятку. В 1489 г. в походе туда же был одним из воевод судовой рати.[38]

Двоюродным братом Юрия был Борис Васильевич Кутузов. Очевидно, он («Борис Васильевич») назван среди «бояр», посылавшихся в 1490 г. для участия в соборе «не еретики». В 1491 г. Б. В. Кутузов описывал Старицу. В 1489, 1493 и 1495 гг. он вел переговоры с литовскими послами. В августе 1495 г. отправился с посольством в Литву. О его земельных владениях сохранилось очень мало сведений. Известно, например, что в 1507/08 г. он присутствовал при совершении одной поземельной сделки Троицкого монастыря. В родословцах Борис Васильевич называется окольничим [39]. Сейчас трудно с уверенностью сказать, когда он получил свой титул. Возможно, это было уже к 1511 г., когда ему написал свое послание Иосиф Волоцкий (у Иосифа Санина с Б. В. Кутузовым была старинная дружба, связанная, быть может, еще с близостью Кутузовых ко двору покровителя волоцкого игумена новго-

Схема 25
Кутузовы



4



родского архиепископа Геннадия) [40]. Вряд ли Борис Васильевич был окольничим до 1498 г., так как его нет в Хронографическом списке думных чинов этого года.

Одна дочь сына Клеопы (также двоюродный брат Шестака) Андрея была выдана замуж за казанского царевича («царя») Симеона Касаевича, другая — за кн. Ф. Куракина, третья — за кн. Василия Лопатина-Оболенского. Сын Клеопы Федор в 1524/25 г. владел землями в Дмитровском уезде [41].

И в данном случае мы видим, что старшая ветвь фамилии оказалась в уделе и в Думу не попала.

Еще один двоюродный брат Юрия Шестака, Андрей Семенович Лапенок, в 1495 г. сопровождал княгиню Елену в Москву, а в 1500 г. был послан в Кафу, но при возвращении оттуда был убит [42]. Другой двоюродный брат, Федор Юрьевич Щука, встречается в разрядах с 1495 по 1530 г. В 1495 г. сопровождал княгиню Елену в Литву. В августе 1528 г. он наместничал в Нижнем Новгороде. В 1527/28 г. и в марте 1529 г. был одним из рязанских наместников. Умер до 1531/32 г., когда по его душе сделан вклад [43].

У брата Федора Кутуза Григория Горбатого было двое сыновей — Дмитрий Горбатый (убит в 1445 г.) и Александр Миса. В 70-е годы XV в. Александр Миса Григорьевич с бездетными сыновьями Антоном и Иваном владели землями в Дмитровском уезде, очевидно принадлежавшими еще их отцу (с. Новое, впоследствии Мисиново) [44]. Потомки его внучатых племянников Андрея Александровича Горбатого и Семена Александровича Зубатого служили в середине XVI в. по Волоку и Белой [45].

Тверская и рязанская нетитулованная знать

Судьба тверского и рязанского боярства на московской службе во многом определялась тем, что Рязань и Тверь (в отличие от других русских земель) сравнительно поздно вошли в состав

единого государства. На их положение при великокняжеском дворе оказали существенное влияние уже обстоятельства, которые сопутствовали ликвидации Тверского и Рязанского княжеств.

Тверское боярство

Значительная часть тверской знати, как бы предвидя падение самостоятельности Твери, перешла на московскую службу еще в мае 1476 г. Как отмечает летопись, это были Григорий Никитич (Бороздин), Иван Никитич Жито, Василий Данилов, Василий Семенович Бокеев, трое «Карповичей», Дмитрий Иванович Кондырев (Киндырев) и «иные мнози» [46] (схемы 26, 27).

Бороздины выводили свой род от Юрия Лазинича, вышедшего из Литвы к великому князю тверскому Ивану Михайловичу [47]. Сын Ивана Борозды (который, по другим сведениям, является основателем рода Бороздиных) Савва Яра в 1418 г. основал Вишерский монастырь в 7 верстах от Новгорода [48]. Внук Борозды Григорий Никитич упоминался как тверской боярин еще около 1461—1476 гг. [49] Он со своим братом Иваном Житом участвовал в Новгородском походе 1477 г., командуя дмитровцами и кашинцами, «которые служат великому князю» [50].

У Григория Никитича было шестеро сыновей — Федор, Василий, Никита, бездетный Михаил, бездетный Иван Жемчужный и Иван Кашинец (родоначальник Кашинцевых). Федор, по родословной, «был во Твери и на Москве в боярех» [51].

Старшие двоюродные братья Григория Никитича (Борис и Семен Захарьичи) были тверскими боярами [52]: Борис в начале 70-х годов во время путешествия Афанасия Никитина, а Семен еще в 1461 г.[53] Характерно, что отъехал в Москву младший из родичей.

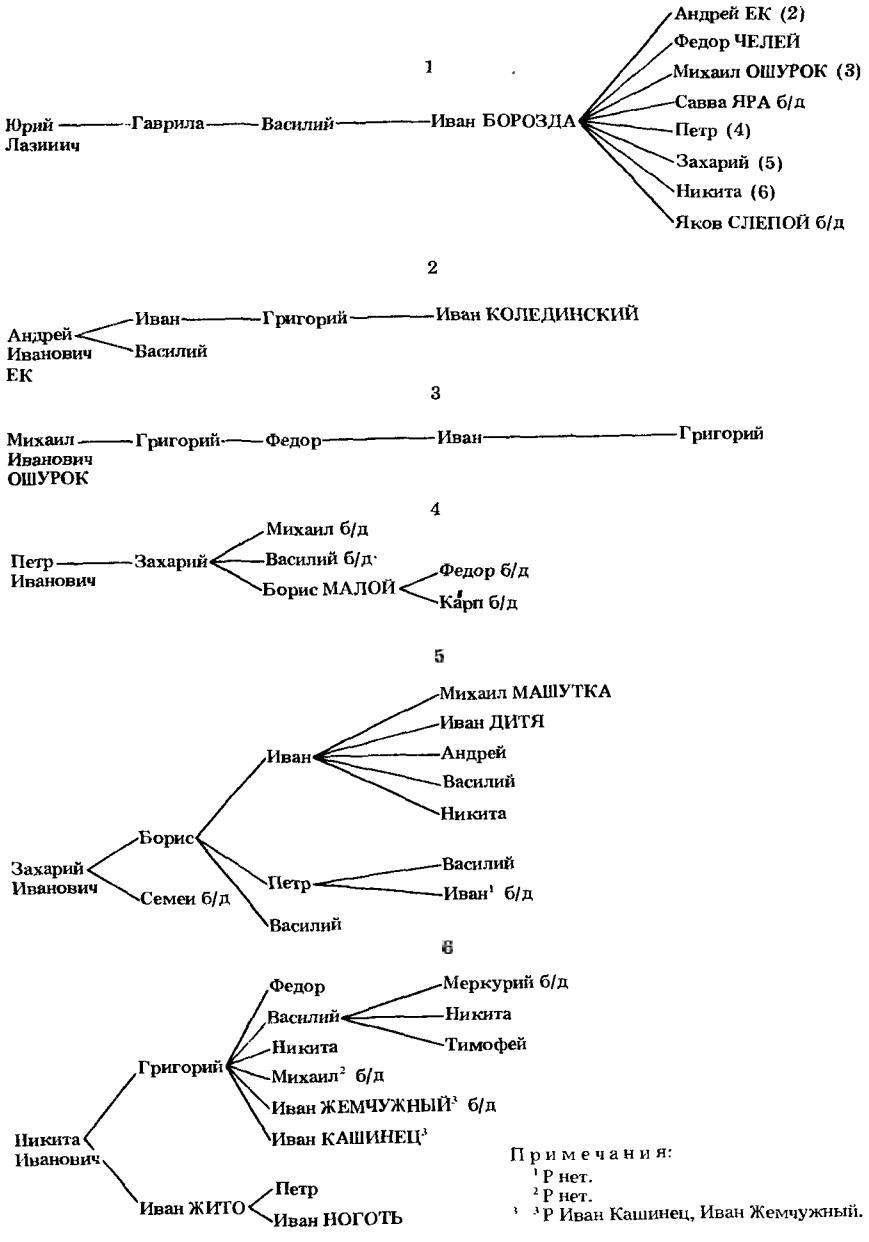
Трое детей Бориса Захарьича — Иван, Петр и Василий, по родословцу, «были в боярех на Москве и во Твери» [54]. Иван Борисович упоминается как боярин уже в 70-х годах XV в. В 1485 и 1487 гг. участвовал в походах на Казань. В начале 1493 г. он с братом Петром командовали полком левой руки в рати, посланной из Твери. В том же году его и Ивана Борисовича послали «изо Твери» на «берег» (Оки) вместе с другими воеводами. В сентябре 1496 г. участвовал в походе на Казань (с полком левой руки). Около 1498—1501 гг. снова упоминается как боярин во Твери. Весной 1501 г. он в Литовском походе командовал полком правой руки, а осенью (16 или 17 августа) был убит «на Серице» во время очередного похода [55].

Во время поездки Ивана III в Новгород 1495 г. среди постельников упомянут сын Ивана Борисовича Михаил Машутка [56].

Брат Ивана Борисовича Петр вместе с ним в 1492 г. командовал полком левой руки, шедшим из Твери, в 1495 г. — таким же полком, но с братом Василием в походе под Выборг, в походах против «свейских немцев» в июне 1496 г. и на Казань в сентябре — полком правой руки [57].

Схема 26

Борисовы (Бороздины) и Житовы



Примечания:

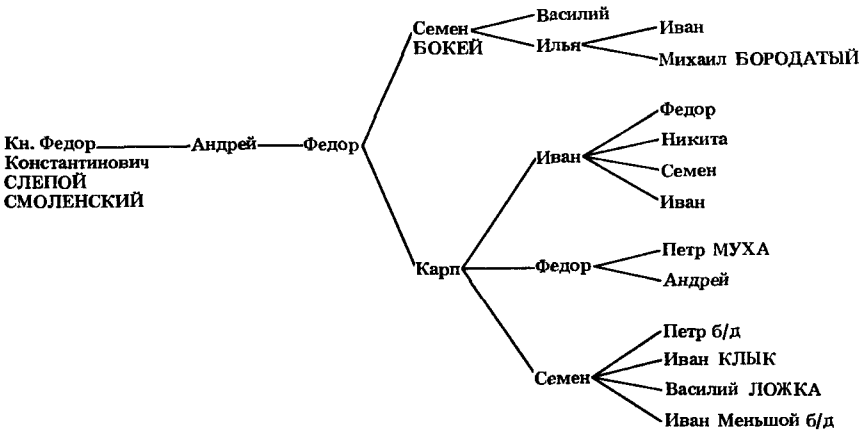
[1] Р нет.

[2] Р нет.

[3] [3]Р Иван Кашинец, Иван Жемчужный.

Схема 27

Карповы и Бокеевы



Около 1495 г. П. Б. Бороздин описывал Деревскую пятину Новгорода. В 1501 г. участвовал в весеннем походе на Литву (в качестве воеводы левой руки). О 1501/02 г. Петр Борисович наместничал в Торжке [58]. Его сын Василий появляется в разрядах еще в 1515 г.[59], к середине века он дослужился до чина окольничего.

Последний из братьев Бороздиных, Василий Борисович, в 1489 г. командовал вместе с кн. В. А. Микулинским полком правой руки в походе на Вятку. В начале 1492 г. Василий был вторым воеводой передового полка, стоявшего на Луках. В походе под Выборг в 1495 г. вместе с братом Петром командовал полком левой руки. В походе на Казань 1496 г. возглавлял полк левой руки [60]. Во время церковного собора 1503 г. он (названный «тверской земли боярином») поддерживал секуляризационные планы Ивана III [61]. П. М. Плещеев в своем завещании (до 1510 г.) упоминал взятые им у В. Б. Бороздина шелом и терлик [62].

В середине XVI в. Борисовы-Бороздины служили по Твери и Кашину и владели землями в Микулине [63].

Младший брат Григория Никитича Бороздина, Иван Жито, стал родоначальником Житовых. У него было два сына — Петр и Иван Ноготь, которые, по родословцам, «были в боярях во Твери и на Москве» [64]. Около 1461—1476 гг. Петр Иванович Житов упоминается как старицкий землевладелец. В 1500 г. в походе к Дорогобужу он командовал полком левой руки. В том же году с полком левой руки шел к Рославлю. В 1501/02 г., возглавляя вместе с кн. И. А. Дорогобужским полк правой руки, участвовал в походе на «немцы». Ходил он и в Литовскую землю в декабре

1502 г. (во главе полка правой руки), и на Казань в 1505 г. (второй воевода левой руки в судовой рати). В 1509 г. в походах Василия III к Новгороду и Юрьеву в разрядах П. И. Житов назван тверским боярином. В конце 1512 г. П. И. Житов числился в сторожевом полку (третьим воеводой), а в 1513 г., очевидно, по старости во время Смоленского похода был оставлен на Москве [65].

Дети П. И. Житова в середине XVI в. служили по Твери. Были у Житовых тогда же владения и в Старице [66].

Тверские бояре Коробовы, так же как и Бороздины, возводили свой род к одному из литовских выходцев [67]. К той же семье принадлежал Иван Яковлевич Киндырь, бывший уже в 1452 г. наместником в Кашине [68]. Выехав в Москву, сын Киндыря Дмитрий сразу же вошел в состав видных военачальников. В 1487 г. он ходил в конной рати на Казань. В войсках, стоявших в 1493 г. на Луках, он возглавлял полк правой руки, а в походе к Рославлю 1500 г. был вторым воеводой левой руки. В Думу он не попал. В середине XVI в. Киндыревы служили по Твери [69].

Василий Данилович (Коробов) еще в 1485 г. ездил с миссией кн. М. Д. Холмского в Москву [70].

Андрей Иванович Коробов участвовал в летнем походе на Вятку 1489 г. (второй воевода передового полка) и в походах против «свейских немцев» 1495—1496 гг. В сентябре 1496 г. в судовой рати, отправленной к Казани, он возглавлял передовой полк. Во время сентябрьского похода к Казани в 1498 г. А. И. Коробов командовал полком левой руки. В апреле 1498 г. он на некоторое время был «поиман». Вопрос о политической ориентации Коробова не ясен. С. М. Каштанов считает, что он был связан с княжичем Василием. Нам кажется, что Андрей Иванович входил в окружение кн. С. И. Ряполовского. Позднее в конной рати, отправленной на Казань осенью 1505 г., Коробов был вторым воеводой сторожевого полка [71].

Из рода князей Фоминских, потерявших свой княжеский титул, происходили Карповы и Бокеевы. Они вели свое происхождение от второго сына Константина Юрьевича Фоминского и Березуйского Федора Слепого. Его внук Федор Андреевич «во Тверь пришол» [72]. У него было два сына — Семен Бокей и Карп [73]. Василий Семенович Бокеев в летнем походе на Вятку 1489 г. возглавлял полк левой руки вместе со своим двоюродным братом Семеном Карповичем. В 1495 г. он сопровождал Ивана III во время его поездки в Новгород и назван «тверитином». Его молодые племянники, Михаил Бородатый и Иван Ильич, в этом походе участвовали как постельники великого князя [74]. Поземельные связи с Тверью Бокеевы утеряли.

Карповых в изучаемое время было несколько ветвей. Одну представляли дети Ивана Карповича — Федор, Никита, Семен и Иван. Среди них наиболее значительной фигурой был Федор Иванович Карпов [75]. Впервые он появляется среди постельников еще в 1495 г., когда вместе с Ю. Д. Греком, Иваном Берсенем, М. Ю. Захарьиным и другими — в будущем крупными деяте-

лями — участвует в поездке Ивана III в Новгород [76]. Затем он надолго исчезает из источников. Возможно, это связано с тем, что его дальние родичи принимали участие в заговоре 1497 г. в пользу княжича Василия (Афанасий Еропкин и Щавей Травин были даже казнены).

В 1508 г., после прихода к власти Василия III, Федор Карпов снова появляется при дворе. В этом году он под руководством Дмитрия Владимировича Ховрина участвует в переговорах с ногайцами. С тех пор восточные дела становятся важнейшей отраслью его деятельности. В том же 1508 г. он встречал крымских послов и под руководством Д. В. Ховрина вел с ними переговоры. К Ф. И. Карпову как к знатоку восточных дел и влиятельному политическому деятелю обращались с посланиями крымские царевичи [77].

В конце 1514—1515 г. под началом Ю. Д. Траханиота (Юрия Малого) и Г. Давыдова ведет переговоры с турецким послом Камалом, а в 1519 г. в той же комиссии — с крымским мурзой Аппаком. В 1515 г. при Ю. Д. Траханиоте и в 1516 г. самостоятельно Ф. И. Карпов ведет переговоры с крымскими послами. В 1518 г. и самостоятельно, и под руководством Юрия Малого ведет переговоры с крымским послом Кудояром [78].

Как консультанта по восточным делам Ф. И. Карпова приглашали для участия в переговорах с имперским послом Ф. да Колло в 1518 г. Еще ранее (в 1517 г.) он присутствовал и на встрече с имперским послом С. Герберштейном, давал необходимые справки по турецкому вопросу [79].

В 20-х годах XVI в. Ф. И. Карпов, как установила Н. В. Синицына, становится фигурой № 1 в восточной дипломатической службе России. Он принимает самое деятельное участие в переговорах с крымскими и турецкими послами (1523, 1524, 1529 гг.) [80].

В западных делах Карпов почти не участвовал. Он только присутствовал на приеме прусского посла в 1518 г. Литовских представителей Ф. И. Карпов принимал (под руководством более старших по рангу лиц, в том числе М. Ю. Захарьина и В. Д. Пенкова) в 1526 и 1529 гг. Возможно, до марта 1525 г. был юрьевским наместником. Еще до 1521 г. Ф. И. Карпов описывал Муром. В 1527 г. он упоминался среди поручителей по кн. М. Л. Глинском [81].

Ф. И. Карпов — один из немногих деятелей, который не попадал при Василии III в сколько-нибудь длительную опалу. Это, возможно, объясняется тем, что в подавляющем большинстве случаев во время переговоров он не выступал на переднем плане, предоставляя представительство более именитым лицам, что и избавляло его от великокняжеского гнева. При Василии III он не имел даже думного чина, получил его уже в малолетство Ивана IV, а после смерти своего брата Никиты (1537 г.) был некоторое время и оружничим. Умер он, очевидно, в 1540 г. [82]

Какими землями владел Ф. И. Карпов, не ясно [83]. В 1524/25 г. он и его брат Никита выступали в качестве душеприказчиков

П. В. Киндырева, передающих Троице его земли в Старицком уезде [84]. Возможно, там находились и владения самих Карповых.

Брат Федора Никита Иванович Карпов известен более своей деятельностью по дворцовому ведомству. Вместе в братьями Федором и Семеном он сопровождал Ивана III в Новгородском походе 1495 г. В бытность свою оружничим он ходил во второй Смоленский поход 1513 г. и в поход на Коломну 1522 г. с Василием III. Оружничий Н. И. Карпов неоднократно принимал участие в посольских церемониях. Весной 1514 г. встречал турецкого посла Камала. Летом 1516 г. ездил с дипломатической миссией к казанскому царю Мухаммед-Эмину. Осенью 1517 г. Н. И. Карпов вместе с другими деятелями придворного окружения встречал имперского посла С. Герберштейна. Он участвовал и во встречах литовских послов осенью 1517 и осенью 1526 г. В декабре 1528 г. ездил с Василием III в Кириллов монастырь. В июне 1531 г. Н. И. Карпов должен был «доспех. . . взяти» у кн. Д. Ф. Бельского, который тем самым фактически был взят под стражу [85].

Другой брат Ф. И. Карпова — Семен, очевидно, очень рано умер (он упоминается только в разрядах 1495 и 1496 гг.) [86]. Его дети начали службу при дворе довольно поздно и особенного успеха не имели. Иван Семенович в 1515 г. присутствовал на приеме посла Камала. В 1526 г. он и его брат Василий упоминаются среди присутствовавших на свадьбе Василия III. В 1527 г. И. С. Карпов дает поручную по кн. М. Л. Глинском [87].

Дядя Федора Ивановича Карпова Семен Карпович в 1501/02 г. посылался воевать «неметцкие земли» из Новгорода [88]. У его старшего брата Федора был сын Петр Муха, состоявший «в совете» с Максимом Греком (с которым был близок и Федор Иванович) и в 1525 г. «за измену» попавший в темницу [89]. Возможно, что опала Петра Мухи связана и с какой-то близостью некоторых из Карповых к кн. Юрию Дмитровско-Кашинскому. Во всяком случае, два племянника Петра Мухи (Федор и Михаил) в середине XVI в. служили по Кашину. Большинство же Карповых (в том числе и сын Петра Василий) служили по Костроме [90].

Двое из детей Ф. И. Карпова — Иван Меньшой и Долмат — в середине XVI в. стали окольничими, а Долмат Федорович — и дмитровским дворецким.

К знатному тверскому роду принадлежали Шетневы [91], их родичи Зюзины [92], Левашовы [93] (с их родичами Хидырщиковыми [94], Нащокиными [95] и Сакмышевыми [96]), Нагие [97], Бибиковы, Якимовы, Панафидины [98] и Сназины [99].

Изо всех их наибольшего успеха добился Афанасий Степанович Сакмышев. В разрядах он дважды упоминается как окольничий (под 1501 и 1509 гг.), Он был тверским окольничим, а не московским (как и сказано в пространной редакции разрядных книг под 1509 г.). В 1500 г. он участвовал в церемонии бракосочетания кн. В. Д. Холмского. В 1504 г. его владения располагались в Клинском уезде. Один из Сакмышевых и в середине XVI в. служил сыном боярским по Клину [100].

Боярство пользовалось в Рязанской земле значительным авторитетом [101]. Оно складывалось на протяжении нескольких столетий [102] и образовало замкнутую корпорацию, тщательно охранявшую свои привилегии. Среди рязанских бояр нет именитых лиц княжеского происхождения, но их генеалогию можно проследить на протяжении нескольких десятилетий. Кроме бояр, нам известны окольничие, конюшие, чашники, сокольничие, стольники при дворе рязанских князей (схемы 28, 29).

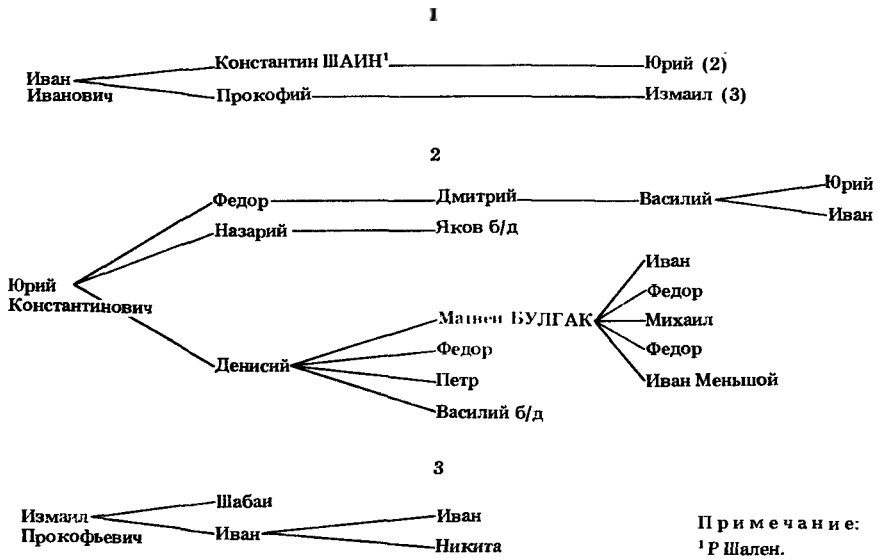
По своему происхождению рязанское боярство было разноплеменным [103]. Так, Вердеревские выводили свой род от Салхомира, выехавшего в 1371 г. из Большой Орды. После его крещения (принял имя и отчество Ивана Мирославича) кн. Олег Рязанский выдал за него свою сестру и пожаловал боярством [104]. Около 30—40-х годов XV в. кн. Федор Иванович Пронский пожаловал землею «дядю своего» Григория Ивановича (сына Ивана Мирославича) [105]. Василий Григорьевич Вердеревский фигурирует среди бояр в 1464 г. [106] Очевидно, его братом был боярин Федор Григорьевич, упоминающийся в акте 1486/87 г. [107] Сын Василия Федор в 1491 г. был конюшим княгини Анны, а в 1497 и 1501 гг. — боярином [108]. Его брат Павел боярином был в 1504 г. [109]

Василий III был вынужден считаться с силой рязанского боярства и уже в 1522 г. пожаловал вотчиной Семена и Василия Федоровичей Вердеревских [110]. Их дети и родичи служили в середине XVI в. при дворе великого князя по Рязани [111].

Измайловы вели свое происхождение от полулегендарного Шаи, приехавшего на Русь в XIII в. Крестившись, Шая стал Иваном Шаиным [112]. Около 1427—1456 гг. Шабан Измайлович (праправнук Шаи) служил сокольничим при дворе рязанского князя Ивана Федоровича [113]. Иван Иванович Измайлов в 1491/92—1499/1500 гг. — видный боярин [114]. Его сын Никита участвовал в военных действиях 1501 г. и тогда же числился конюшим [115].

У чашника Юрия Константиновича (дяди Ивана Измайловича) [116] было три сына — Федор, Назарий и Денисий. Все они были боярами на Рязани. Федор Юрьевич встречается как боярин в акте 1464—1482 гг.[117] Тогда же упоминаются бояре Назарий [118] и Денисий [119]. Федор Денисьевич был боярином в 1516/17 г. В 1521 г. он со своим братом Матвеем Булгаком участвовал в обороне Рязани от Мухаммед-Гирея [120]. Матвей Булгак был в 1498 г. боярином кн. Федора Васильевича Рязанского. Булгак Денисьев в 1506/07 г. служил в Белеве [121]. Из контекста разрядной записи вытекает, что он посылался туда из удела кн. Семена Ивановича Калужского, но, возможно, он не служил этому удельному князю, а был только придан к его войску на время. Федор Денисьев находился на московской службе до 1535 г.[122] Третий брат — Петр Денисьев — в разрядах появляется с 1531 г.[123]

Схема 28
Денисьевы и Булгаковы



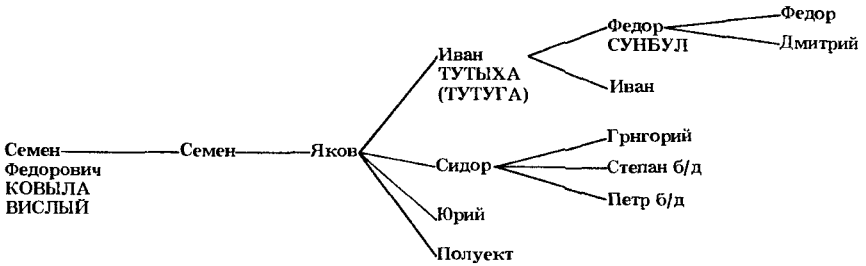
Дети Булгака и Петра продолжали нести службу по Рязани еще в середине XVI в.[124]

Яков Назарьевич был рязанским боярином в 1497—1506 гг.[125]

Видная боярская фамилия Сунбуловых вела свою генеалогию от боярина Семена Федоровича (по прозвищу «Ковыла Вислый»), который выехал из Литвы в Москву, а затем около 1371 г. служил кн. Олегу Рязанскому [126]. Его сын Семен отъехал в Москву при Василии II, а внук Яков вернулся ко двору рязанского князя, на этот раз Федора Ольговича [127]. Боярами кн. Ивана Федоровича были дети Якова — Иван Тутуга (Тутыха), Сидор, Юрий. Четвертым сыном Якова был Полуект. Сын Ивана Тутуги Федор Сунбул известен как боярин рязанского князя в 1501—1518/19 гг.[128] Его сын Федор в июне 1521 г. был одним из воевод в Рязани, а в августе вместе с братом Дмитрием допрашивался в связи с побегом рязанского князя в Литву [129]. И. А. Голубцов предположил, что упомянутый в актах 1464—1482 гг. боярин рязанского князя Василия Ивановича Яков Иванович был старшим братом Федора Сунбула [130]. Сомнения в этом отождествлении все же остаются из-за хронологического разрыва между актами с упоминанием Якова Ивановича и временем действий Федора Сунбула. Правда, сходные трудности остаются и при отождествлении Якова Ивановича с дедом Федора Сунбула.

Схема 29

Сунбуловы



Иван и Михаил Дмитриевичи Кобяковы среди рязанских бояр упомянуты сравнительно поздно [131] (первый — с 1514/15 г., а второй — с 1513/14 до 1518/19 г.) [132]. Климентий и Михаил (Мишура) Кобяковы привлекались к дознанию в связи с побегом кн. Ивана Рязанского в 1521 г. Они вместе с Василием Кобяковым находились тогда в Рязани во время осады ее татарскими войсками [133]. Гридька и Подъюс Ивановичи Кобяковы упоминаются в Рязани в 1531 г. [134]

К Федору Ольговичу Рязанскому (княжил в 1402 г., вероятно, до 1427 г.) выехал из Большой Орды татарин Кичибей (Василий). От одного из его сыновей (Ивана Коробьи) вели свое происхождение Коробьины, а от другого (Селивана) — Селивановы [135]. В 1506 г. упоминается боярин Василий Селиванович [136]. Его сын Григорий служил в 1531 г. в Рязани [137]. По С. Герберштейну, именно Семен Коробьин («Крубин»), подкупленный Василием III, будучи одним из «советников» рязанского князя, предал своего сюзерена и помог великому князю «поймать его» [138].

В 1464—1482 гг. упоминается вместе с братом Епифаном рязанский боярин Прокопий Давыдович. Он еще около 1427—1456 гг. был «заездником» рязанского князя. Возможно, в это же самое время он был боярином [139]. По «родовому письму» Шиловских (середина XVI в.) брат Прокопия Григорий Давыдович был окольничим кн. Ивана Федоровича (1427—1456 гг.) [140]. В том же письме есть краткое сведение о происхождении (вероятно, литовском) этого боярского рода. Дядя Прокофия и Григория Тимош Александрович около 1371 г. был боярином кн. Олега Рязанского [141].

Итак, виднейшие тверские нетитулованные бояре, издавна связанные с Москвой, перешли на службу к Ивану III еще в 1476 г., т. е. задолго до падения независимости Твери. Поэтому в конце XV—первой трети XVI в. они сумели упрочить свои позиции при великокняжеском дворе. Но даже при этом они в московскую Боярскую думу в изучаемое время не попали, числясь по-прежнему

(во всяком случае, до 1509 г.) тверскими боярами и окольничими (Тверь после 1485 г. и до начала XVI в. находилась на положении удела наследника престола) [142]. Особым доверием Василия III пользовались Карповы, один из которых (Никита Иванович) возглавил важное ведомство оружничего, а другой (Федор Иванович) сделался одним из крупнейших дипломатов и публицистов.

Структура рязанского боярства несколько отличалась от состава бояр Северо-Восточной Руси. Это была замкнутая и небольшая по численности корпорация. В ее среде почти не было представителей титулованной знати (кроме Пронских). Большинство рязанских бояр происходило из ордынских и литовских выходцев, что объясняется порубежным положением Рязанского княжества. Тесных связей с боярством Северо-Восточной Руси у рязанской знати не было.

Сравнительно по́здно присоединение Рязани к Русскому государству в 1521 г. существенных перемен в структуре господствующего класса этого края не вызвало. Вердеревские, Измайловы, Кобяковы, Сунбуловы, Коробьины, оставившие на произвол судьбы (как и их тверские собратья по сословию) своего сюзерена, сохранили за собой земли в Рязани. «В число влиятельных боярских родов, — писал М. Н. Тихомиров, — они так и не вошли, но в рязанском крае пользовались большой силой и значением» [143].

По́здное включение Рязани в состав единого Русского государства повлияло на то, что бывшие рязанские бояре и окольничие так и не смогли пробиться в московскую Боярскую думу.

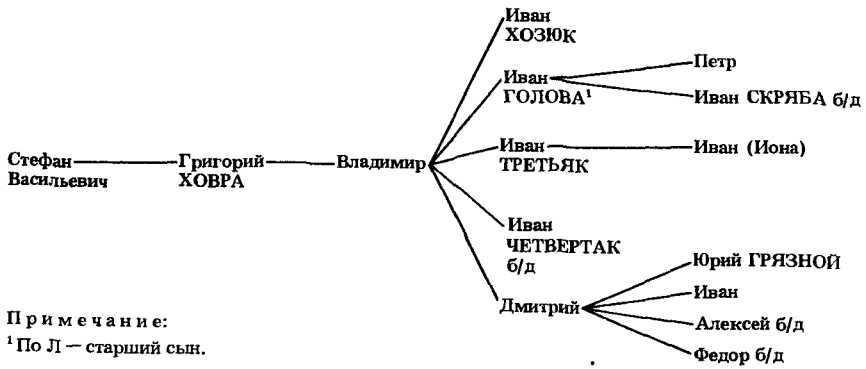
Выезжие иноземцы (Ховрины, Траханиотовы)

В XV в. на Русь выезжали различные иноземцы, преимущественно из соседних стран, в надежде обрести себе новую родину и положение при дворе. Тяга к великокняжескому двору усилилась к концу XV в., когда Русь вошла в круг первостепенных по значению европейских держав. У московского государя служили выходцы из Великого княжества Литовского и стран Востока. Приезжали купцы из итальянских колоний в Крыму, с которыми Москва вела постоянные торговые сношения. В связи с женитьбой Ивана III на Софье Палеолог в столице Русского государства появились греки. На Русь приезжали также итальянские зодчие, немецкие ученые и мастера. Только немногие из них смогли войти в непосредственное великокняжеское окружение и тем более приобрести думные чины. Обычно путь в Думу для наиболее удачливых из них лежал через дворец и казну (схемы 30, 31).

В начале XV в. на Русь выехали из Сурожа Стефан Васильевич и его сын Григорий Ховра. Сын последнего Владимир Григорьевич уже известен как «гость да и болярин великого князя» [144]. Он был одним из богатейших людей Руси второй половины XV в. Еще в 1449/50 г. В. Г. Ховрин построил в Москве на своем дворе каменную Воздвиженскую церковь [145]. Он был тесно связан с виднейшими

Схема 30

Ховрины

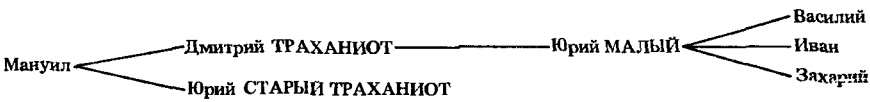


Примечание:

[1] По Л — старший сын.

Схема 31

Траханиотовы



шим боярином князем Юрием Патрикеевичем. В 1457 г. упоминается среди послухов в данной этого князя, а дочь Ховрина была замужем за сыном Юрия Патрикеевича Иваном. В 1458 г. Владимир Григорьевич выступал в качестве послуха в меновной В. Т. Остеева, племянника боярина времен Василия II. Около 1468—1478 гг. послушествовал он и в купчей великокняжеского дьяка Степана Бородатого. Около 1462—1478 гг., около 1463 г. и около 1465—1469 гг. в качестве боярина присутствовал на докладе у Ивана III. Около 1470—1485 гг. подписал жалованную грамоту, выданную Ф. М. Киселеву. Князь Юрий Васильевич Дмитровский около 1471 г. был должен Ховрину 380 руб. с полтиной. В 1473 г. Владимир Григорьевич (вместе с сыном Иваном Головой) руководил постройкой Успенского собора в Москве. Около 1479 г. кн. Андрей Васильевич Вологодский распорядился в своем завещании отдать ему 45 руб., а его детям — Голове и Дмитрию — 24 руб. Последний раз в источниках упоминается под 1480 г.[146] Судя по характеру деятельности, Владимир Григорьевич исполнял обязанности казначея. Владел землями в Московском и Дмитровском уездах. У него было пять сыновей — Иван Хозюк, убитый во время паломничества в Иерусалим, Иван Голова (крестник

Ивана III, женатый на дочери кн. Д. Д. Холмского), Иван Третьяк, Иван Четвертак и Дмитрий.

Иван Голова, упоминавшийся еще в 1473 г., был, вероятно, постриженником Симонова монастыря [147]. В 1503 г. кн. Иван Борисович Рузский завещал ему 22 руб.[148] Дочери Головы вышли замуж: Марья — за князя И. Д. Пронского, Евдокия — за И. В. Хабара. Из двух его сыновей старший, Петр, стал казначеем, младший, Иван Скряба, рано умер.

Дмитрий Владимирович был казначеем, во всяком случае с осени 1491 по конец 1509—начало 1510 г.[149] В источниках он впервые упоминается около 1489 г., а уже в 1491 г. к нему в казну посылались дипломатические документы. В ноябре 1491 г. Д. В. Ховрин участвовал в приеме имперского посла Юрия Делатора (де ля Торна). В 1490/91 г. вел переговоры о мире со шведским послом. С конца 1492 г. Дмитрий Владимирович фактически руководит всеми переговорами с Литвой. У него (и у дьяков) находились ларцы, в которых хранилась великокняжеская казна. В 1489 г. и регулярно с 1500 по 1509 г. ведет сношения с Крымом и другими восточными странами. В 1501 г. вел переговоры с венгерским послом. В 1498 г. помещен в заключительной части списка древних чинов (после окольничих). Где-то между 1494 и 1499 гг. он выступал в качестве «сидельца» и «шурина» при составлении завещания кн. Ивана Юрьевича Патрикеева [150].

В земельных актах, за единственным исключением, о его казначействе не упоминается. Ему докладывали судебные и кабальные поземельные дела около 1488—1490, 1497/98, 1499/1500 гг. и в мае 1501 г. При этом его чин не назывался. В конце 1495 г. ездил в свите Ивана III в Новгород. В 1497 г. («боярин») был послан с ответственной миссией от Ивана III к митрополиту Симону. Присутствовал среди «бояр» на докладе великому князю Дмитрию в феврале 1498 г. и великому князю Василию около 1499—1502 гг. (в последнем случае назван казначеем среди «бояр»). В декабре 1505 г. сообщил царевичу Петру о предполагаемом браке его с сестрой великого князя. В апреле 1508 г. Дмитрий Владимирович проводил судебное разбирательство по земельному спору между князьями Кемскими. В августе 1507 г. он «приказал» грамоту, выданную Устюжскому Успенскому собору. До декабря 1508 г. он вел переговоры между Литвой и Крымом. Упоминается (как казначей, а не боярин) во время похода Василия III в Новгород и Псков, начавшегося в сентябре 1509 г. Он же в Новгороде вел переговоры в 1509/10 г. со Швецией[151]. Боярином в узком смысле слова, очевидно, не был [152]. К 1516 г. он уже умер [153]. Владел землями в Московском уезде и Бежецкой пятине Новгорода [154].

Старший племянник Дмитрия Владимировича, Петр Иванович Головин, пошел по его стезе. В конце 1518 г. он присутствовал на приеме посла Ф. да Колло. Уже в 1519 г. упоминается как казначей. Но, вероятно, им был значительно раньше, еще в походе на Смоленск в конце 1512 г. шел «с казною», т. е. был казначеем.

Вспомним, что около 1510 г. прекращает свою деятельность в казне его дядя. Следующие сведения о П. И. Головине как о казначее относятся к осени 1527 г., когда он оставлен в Москве вместе с кн. Б. И. Горбатым и М. Ю. Захарьиным оборонять столицу во время набега Ислам-Гирея. В 1529 г. он участвует в сношениях с Турцией. Головин упоминается вместе с другими близкими к великому князю лицами во время предсмертной болезни Василия III. Он был женат на княжне М. В. Одоевской. Владел землями в Каширском уезде (1525/26 г.). Был близок к Шуйским [155].

И. И. Третьяков, двоюродный брат П. И. Головина, как печатник прикладывал печать к духовной записи Василия III 1523 г. Выступал одним из поручителей по кн. М. Л. Глинском в феврале 1527 г. Возможно, он был печатником еще в 1520 г., когда участвовал в заседаниях Боярской думы [156]. К 1538 г. он стал казначеем и пробыл в этой должности до начала 1549 г. Известно также, что И. И. Третьяков давал под проценты («росты») деньги [157].

Головины-Третьяковы были образованной семьей. С ними переписывался Иосиф Волоцкий [158]. Но по взглядам своим они, очевидно, примыкали к нестяжателям. Во всяком случае, И. И. Третьяков постригся в Кирилло-Белозерском монастыре [159].

Братья Юрий и Дмитрий Мануйловичи Траханиоты, греки по национальности, принадлежали к числу «слуг» Софьи Палеолог. Выехали они вместе с нею на Русь в 1472 г.[160] Юрий Мануйлович («Старый») подвизался главным образом на дипломатическом поприще [161]. Юрий Грек четырежды ездил с посольством к императору: в 1485—1486 гг., в марте 1489—июле 1490 г., в августе 1490—августе 1491 г., апреле 1492—июле 1493 г. Участвовал он и в приемах имперских послов в Москве. В 1500 г. он и его брат Дмитрий считались боярами Софьи. О его идейной позиции в конце XV в. можно судить по записи им «речей посла цесарева» (посла де ля Торна в 1492 г.), в которой расхваливался «шпанский король», доказавший свое благочестие сожжением еретиков [162].

Брат Юрия Дмитрий Траханиот не был столь известен при дворе (был боярином великой княгини Софьи). Во время похода на Тверь в 1485 г. Дмитрий Грек оставался среди бояр в Москве [163]. Он был связан с кружком новгородского архиепископа Геннадия. Ему принадлежит «Извещение на восьмую тысячу» (1488/89 г.) — памятник, идейно близкий Геннадиевскому кружку [164]. В некоторых списках ему приписывается и «Повесть о белом клобуке».

Влияние Траханиотов при дворе Василия III было значительным. Это видно хотя бы по тому факту, что их родич Нил Гречин стал тверским епископом (в августе 1509 г.).

Наиболее крупной политической фигурой был, очевидно, сын Дмитрия Юрий Траханиот (в отличие от своего дяди он носил прозвище «Малый»). По словам Герберштейна, это был «главный советник» великого князя. Ю. Д. Грек выехал на Русь, как и его отец, в 1472 г., но, очевидно, еще в молодые годы. В 1495 г. он упоминался среди великокняжеских постельников. В феврале 1500 г. «Юшка Малой» присутствовал вместе с отцом и дядей

на свадьбе кн. В. Д. Холмского. В том же году он был отправлен *с посольством в Данию*. Еще при жизни Ивана III он стал печатником (конец 1503 г.). В этом чине он присутствовал в 1506 г. на свадьбе сестры Соломонии Сабуровой. В декабре 1505 г. сообщил царевичу Петру о предполагаемом его браке с сестрой великого князя. В 1505 г., по слухам, именно Юрий Дмитриевич Траханиот подал Василию III совет не жениться на иноземке, рассчитывая на то, что «государь возьмет в супруги его дочь» [165].

Во время сентябрьского похода Василия III в 1509 г. в Новгород, а позднее во Псков, он в качестве казначея оставлен в Москве, тогда как Д. В. Ховрин сопровождал великого князя. Вскоре после этого Ю. Д. Траханиот стал единственным казначеем [166]. Впрочем, уже в 1512 г. снова появляется второй казначей — П. И. Головин (племянник Д. В. Ховрина).

Постепенно в руках Юрия Малого сосредоточиваются важнейшие дипломатические дела — переговоры с Империей (1517, 1518 гг.), с Турцией (1513, 1514, 1515, 1518 гг.) и Орденом (1517, 1519, 1520 гг.). Сношения с Турцией он вел еще и потому, что турецкими посланниками были обычно греки, да и греческий вопрос вообще, наверное, волновал Юрия Малого. Последний раз он упомянут в мае 1522 г. как лицо, которое вело переговоры с Турцией [167].

Меньше известно об участии Ю. Д. Траханиота во внутриполитических делах. В июне 1510 г. ему докладывались владельческие споры на Двине. В 1511 г. он в качестве казначея послал грамоту белозерским таможенникам, чтобы они выдали известную сумму денег одному митрополичьему монастырю. Следовательно, к распоряжению финансами Юрий Малый имел самое непосредственное отношение. В январе 1511 г. он с другими «боярами» подписал крестоцеловальную охранную грамоту Василию Шемячичу. В 1517 г. ему было поручено довольно щекотливое поручение — отправиться к Шемячичу и провести расследование по обвинению его в измене. В августе 1521 г. он вел следствие по делу о побеге кн. Ивана Ивановича Рязанского. По мнению Герберштейна, Юрий Малый был «муж выдающейся учености и многосторонней опытности». В 1502 г. он купил сельцо Михнево [168].

Падение Юрия Малого связано со сложными перипетиями русско-турецких отношений. Герберштейн рассказывает, что за три года до его приезда в Москву (вторичного, т. е. за три года до 1526 г.) турецкий султан ходатайствовал перед Василием III о возвращении из России греческого купца («фрязина») Марка [169]. Марк якобы был «схвачен и убран с глаз долой», ибо он, как и Максим Грек, говорил об «испорченности русских богослужебных книг». К их мнению примкнул и Юрий Малый. Поэтому великокняжеский казначей и присоединился к просьбе об освобождении Марка, он был «немедленно за это отрешен от всех должностей» [170]. И действительно, после мая 1522 г. Юрий Малый в источниках уже не встречается [171], хотя Герберштейн и прибавляет, что

позднее «милость была ему возвращена, но он приставлен был к другой должности». Гнев Василия III на Юрия Малого был особенно силен еще в связи с тем, что супруга последнего, равно как и супруга постельничего Якова Мансурова, уверяла, что Соломония еще до своего пострижения говорила им о своей беременности. Узнав об этом слухе, великий князь повелел наказать кнутом жену Юрия Малого [172]. Так или иначе, но окончательное падение Юрия Малого трудно не связать с теми обстоятельствами, которые погубили и его единоплеменника, Максима Грека, т. е. с турецкими отношениями и вопросом о втором браке Василия III.

Сын Ю. Д. Траханиота Иван был женат на дочери кн. И. Сицкого. В. Ю. Траханиот по традиции в 1547 г. — боярин великой княгини [173].

Траханиоты были не единственными греками в окружении Василия III. Еще в 1496 г. на Русь выехал от венгерского короля Матвея Корвина «боярин из Царяграда» Федор Дмитриевич Ласкарь с сыном [174]. Его сын Дмитрий Ласкирев подвизался на дипломатическом поприще. Так, в Государственном архиве хранился «список з грамоты з докончальные, какова послана грамота г датцкому королю Ивану, з золотою печатью, з Дмитреем Ласкиревым». В марте—декабре 1514 г. он возглавлял посольство к императору Максимиллиану, откуда вернулся с договорной грамотой. В 1519/20 г. Чудов монастырь купил у него сельцо Московского уезда. В 1528 г. выступал одним из поручителей по князьям А. М. и И. М. Шуйским. Его сын Михаил в середине XVI в. был дворовым сыном боярским по Москве [175].

В придворной среде известны были и греки Ларевы. В 1485 г. на Русь выехал Иван Раль Палеолог с детьми [176]. В 1488—1490 гг. его дети Дмитрий и Мануил Ларевы уже ездили с посольством в Италию, Д. Ларев ездил также в Данию в 1493 г. Из следующего посольства Д. Ларев вернулся только к осени 1504 г.[177] Один из Ларевых — Иван Фомич был женат на дочери Меньшого Путятина [178]. Дмитрий Иванович и Мануил Ларевы упоминаются в разрядах под 1495 г., а первый из них — и в походе 1505 г. [179]

Греком был также печатник Мануил Ангелов. В 1493/94 г. М. Ангелов ездил с посольством в Венецию и Милан. В 1500 г. он присутствовал на бракосочетании кн. В. Д. Холмского. В 1509 г. называется печатником [180].

Заканчивая обзор старомосковских боярских семей, можно отметить, что их представители в равной мере участвовали как в работе Думы, так и в дворцовых учреждениях. Принципиальной разницы в характере деятельности, скажем, Г. Ф. Давыдова и М. Ю. Захарьина не было никакой. Оба они выступали и как военачальники, и как участники дипломатических переговоров, и как судьи высшей инстанции. Но чаще для рядовой дворцовой службы брались представители менее видных боярских семей. Думные люди меньше принимали участие в судебно-административной повседневной практике, а также в решении поземельных и финансовых дел. Их функции по преимуществу сводились к воен-

ной службе, а также к наместнической, реже дипломатической. Подавляющее большинство думцев восходит к боярским родам, занимавшим командные позиции еще в Московском княжестве XIV — начала XV в.

[1] Подробно судьба этих служилых родов XIV—XV вв. изучена С. Б. Веселовским.
[2] *Лихачев Н. П., Мятлев Н. В.* Тысячная книга 7059 г. // ЛИРО. Орел, 1911. Вып. 3/4. С. 94; *Веселовский.* С. 438.
[3] ПСРЛ. Т. 6. С. 182; Т. 23. С. 151; Т. 25. С. 266, 270; ДДГ. № 61. С. 199.
[4] АСЭИ. Т. 1 № 203, 253; Т. 2. С. 450; Т. 3. № 493, 502 (п. 104); *Каштанов.* Очерки. № 27. С. 388; ДДГ. № 61. С. 199.
[5] АСЭИ. Т. 1. № 224. С. 160; Т. 3. № 101. С. 139. Не исключено, что он «приказал» не подтверждения, а сами грамоты 1449 и 1460/61 гг.
[6] Описание рукописных сборников Новгородской софийской библиотеки ///ЛЗАК. СПб., 1865. Вып. 3. Отд. III. С. 61; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 184, 185, 187, 188, 209 и др. О Федоре Басенке см. также: *Alef.* P. 82, 117; *Веселовский.* С. 438—441; *Каштанов.* Очерки. С. 389 390; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 307—309, 323, 351—353, 358, 359 и др.
[7] ИЛ. С. 88, 90; ПСРЛ. Т. 6. С. 231; РК. С. 20 (без упоминания чина); Р. С. 27 («бояр своих»); АСЭИ. Т. 3. № 423. По Ш, окольничий с 1486/87 г., умер в 1502/03 г.
[8] Сб. РИО. Т. 35. С. 164 («боярина Микифоров сын Басенкова»); ДДГ. № 94. С. 377 («боярина Микифорова сына Басенкова»); № 95. С. 380; *Веселовский.* С. 440—441. Жена Ивана Никифоровича Антонида умерла до 1526/27 г. (АРГ 1505—1526 гг. № 284).
[9] Впрочем, Яков Юрьевич Новосильцев был окольничим кн. Владимира Андреевича Серпуховского. Его сын Иван в 40—50-х годах XV в. владел землями в Серпухове (АСЭИ. Т. 2. № 377; *Ивина.* С. 61).
[10] Послания Иосифа Волоцкого. М., 1957. С. 215.
[11] Тысячная книга. С. 179.
[12] ДДГ. № 61. С. 198. Так расшифровывает упомянутого там «Василия Ивановича» Г. Алеф (*Alef.* P. 82, 117). Веселовский, на наш взгляд, заблуждается, когда отождествляет в данном случае «Василия Ивановича» с В. И. Заболоцким.
[13] АСЭИ. Т. 1. № 430. С. 320, 623; ИЛ. С. 89, 93 (без чина), 98, 99, 116; РК. С. 17; ПСРЛ. Т. 12. С. 172, 188.
[14] Сб. РИО. Т. 35. С. 134, 495, 654, 657; НПК. Т. 3; РК. С. 52—54. Дмитрию Китаеву ошибочно приписывается роспись боярских послужильцев, испомещенных якобы в Вотской пятине в 1483 г. (*Базилевич К. В.* Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в. // Ист. зап. М., 1945. Кн. 14. С. 64).
[15] Сб. РИО. Т. 35. С. 164. Федор Новосильцев (? брат Льва) в 1493 г. был третным наместником на Москве (АСЭИ. Т. 3. № 425).
[16] ПСРЛ. Т. 8. С. 150; Род. кн. Ч. 2. С. 156; *Веселовский.* С. 450—454.
[17] ПСРЛ. Т. 23. С. 151.
[18] Там же. Т. 6. С. 230; *Шмидт.* С. 272; РК. С. 16, 44; АСЭИ. Т. 3. № 450. Мамон сделал вклад в 40 руб. в Иосифо-Волоколамский монастырь (*Титов А. А.* Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI в. М., 1906. С. 20). По Ш, окольничий в 1499/1500 г., умер в 1509/10 г. Окольничество Мамона отмечено в Государеве родословце (Род. кн. Ч. 2. С. 157).
[19] Р. С. 152, 189; *Копанев.* С. 178; *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37.
[20] Р. С. 29.
[21] РК. С. 26; Сб. РИО. Т. 35. С. 161, 274—277, 289—293; ИЛ. С. 144.
[22] Сб. РИО. Т. 35. С. 489; Род. кн. Ч. 2. С. 157. По Ш, окольничий с 1502/03 г., умер в 1504/05 г. См. также: *Alef.* P. 120.
[23] См. также: *Антонова В. И.* «Одигитрия Смоленская» раннего XIV в. и ее владелец Иван Мамонов // Средневековая Русь. М., 1976. С. 258—270.
[24] *Стромилов.* С. 10.
[25] ДДГ. № 71. С. 251; № 77. С. 292; ПСРЛ. Т. 26. С. 287; РК. С. 16; АСЭИ. Т. 2. № 416. По Ш, окольничий с 1499/1500 г., умер в 1500/01 г. См. также:

Alef. P. 119. Об окольничестве Данилы Ивановича сообщает и Государев родословец (Род. кн. Ч. 2. С. 158).

[26] АРГ 1505—1526 гг. № 57, 61.

[27] РК. С. 26, 52, 84, 87; *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37; Сб. РИО. Т. 35. С. 463; Т. 59. С. 43, 102.

[28] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 376- 377. Василий Дмитриевич служил по Можайску (Тысячная книга. С. 113, 184).

[29] Тысячная книга. С. 125, 129, 201.

[30] Род. кн. Ч. 2. С. 159. Позднее сын Ивана Дмитриевича Григорий служил по Дмитрову (Тысячная книга. С. 129). В Тысячной книге Григорий записан в рубрику «князь Юрьевские Ивановича» (Там же. С. 66).

[31] Там же. С. 151.

[32] АФЗХ. Ч. 2. № 9, 10. Жена Андрея в 1520/21 г. (очевидно, после его смерти) дала еще одну деревеньку в монастырь (Там же. № 84). Сын Андрея Гурий в середине XVI в. был игуменом Хутынского монастыря, а двое других сыновей (Леонтий и Иван) служили по Волоку (Тысячная книга. С. 177).

[33] АФЗХ. Ч. 2. № 83, 199, 245, 270, 282 и др.

[34] НПК. Т. 3. Стб. 282; Род. кн. Ч. 2. С. 2.

[35] Сб. РИО. Т. 41. С. 32—34.

[36] Род. кн. Ч. 2. С. 2; ПСРЛ. Т. 6. С. 189. Никита Константинович продал свою родовую землицу в Рузе Волоколамскому монастырю после 1479 г., но еще до 1504 г. (АФЗХ. Ч. 2. № 12).

[37] Род. кн. Ч. 2. С. 3, 10 («Голенищевы служили из Торопца»). В середине XVI в. торопецкими помещиками числились дети Василия и Ивана Васильевичей Голенищевых, а сын Михаила Васильевича служил по Дмитрову (Тысячная книга. С. 101, 102, 129). См. дворы и поместья Ивана и Василия Тимофеевичей, Матвея, Степана, Василия, Константина и Ивана Васильевичей Голенищевых в 1540 г. в Торопце (Торопецкая книга 1540 г. // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 282, 323, 324, 331—335).

[38] РК. С. 17; ПСРЛ. Т. 6. С. 203, 222; ПЛ. Вып. 2. С. 205. По Государеву родословцу, Юрий Шестак — окольничий (Род. кн. Ч. 2. С. 2). Это, очевидно, правильнее. По Ш, окольничий с 1488/89 г., умер в 1498/99 г.

[39] *Казакова, Лурье.* С. 385; ПСРЛ. Т. 28. С. 156; Сб. РИО. Т. 35. С. 37—39, 105—107 (здесь назван «боярином»), 162, 204—212; АРГ 1505—1526 гг. № 38 (без упоминания чина); Род. кн. Ч. 2. С. 2. В Румянцевском списке «окольничей боярин» (РИИР. Вып. 2. С. 133). По Ш, окольничий с 1488/89 г., умер в 1500/01 г. См. также: *Alef.* P. 119; *Веселовский.* С. 431.

[40] Послания Иосифа Волоцкого. С. 208, 276. О Б. В. Кутузове см. также: *Зимин.* Вотчина. С. 41, 89, 90, 109.

[41] АФЗХ. Ч. 2. № 94, 355; Род. кн. Ч. 2. С. 3.

[42] Сб. РИО. Т. 35. С. 163; Т. 41. С. 290, 292—300 и др.

[43] РК. С. 25, 72, 73, 75; Сб. РИО. Т. 35. С. 164; Р. С. 205, 207; *Веселовский.* С. 432. По Ш, боярин с 1513/14 г., умер в 1530/31 г. В Государеве родословце о думных чинах Федора Шуки не упоминается (Род. кн. Ч. 2. С. 3). Назван ошибочно боярином в пространных разрядах во время похода на Казань в 1530 г. (Р. С. 213).

[44] АСЭИ. Т. 1. № 437 и С. 623.

[45] Тысячная книга. С. 177, 193.

[46] ИЛ. С. 95; ПСРЛ. Т. 28. С. 140.

[47] РИИР. Вып. 2. С. 156.

[48] *Макарий.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 627—633.

[49] АСЭИ. Т. 3. № 150. По Ш, боярин с 1475/76 г., умер в 1479/80 г. По Государеву родословцу, он был «во Твери в боярех» (Род. кн. Ч. 2. С. 143; ср.: РИИР. Вып. 2. С. 157).

[50] ИЛ. С. 99; РК. С. 18, 19. По Ш, Иван Никитич (Жито) — боярин с 1477/78 г., умер в 1509/10 г. О гверском боярстве Федора Григорьевича см.: Род. кн. Ч. 2. С. 143.

[51] Род. кн. Ч. 2. С. 143; РИИР. Вып. 2. С. 157. По Ш, боярин с 1477/78 г., умер в 1493/94 г.

[52] О двоюродном брате Григория Захарии Петровиче нам ничего не известно. Внук Захария Федор Борисович упоминается в источниках с 1524 г. (АФЗХ. Ч. 2. № 92). Он привозил какие-то «списки смоленские» (ГАР. С. 45 (ящик 28), 172).

[53] Хожение за три моря Афанасия Никитина. М.; Л., 1958. С. 33; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 496. Их отец Захарий Иванович был воеводой еще в 1427/28 г. (Там же. Стб. 489). От старшего брата Захария Андрея Ека пошли Калединские и Пусторослевы, служившие в середине XVI в. по Зубцову (Тысячная книга. С. 182).

[54] Род. кн. Ч. 2. С. 141; РИИР. Вып. 2. С. 157. По Ш, Иван Борисович — боярин с 1475/76 г., убит в 1500/01 г.; Петр Борисович — боярин с 1492/93 г., умер в 1503/04 г.; Василий Борисович — боярин с 1475/76 г., умер в 1502/03 г. См. также: *Alef*. P. 112—113.

[55] АСЭИ. Т. 3. № 156, 166; Р. С. 27, 68; РК. С. 21, 23, 27, 28, 31; Род. кн. Ч. 2. С. 141.

[56] РК. С. 26.

[57] Там же. С. 23—24, 27—28.

[58] НПК. Т. 2. Стб. 616—617; РК. С. 31; Р. С. 75.

[59] РК. С. 58, 63.

[60] Там же. С. 21, 23, 24, 28.

[61] *Бегунов Ю. К.* «Слово иное» – новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. XX. С. 351 (в памятнике — «Василей Борисов». Не путать с В. П. Борисовым).

[62] АРГ 1505—1526 гг. № 59.

[63] Тысячная книга. С. 134, 195; ПКМГ. Ч. I, отд. 2. С. 62, 164. 181, 255.

[64] Род. кн. Ч. 2. С. 146. По Ш, П. И. Житов — боярин с 1509/10 г., умер в 1515/16 г.

[65] АСЭИ. Т. 1. № 301; РК. С. 30, 31, 33, 35, 44, 47—49, 53; Р. С. 112. Очевидно, участвовал в битве при Орше 1514 г. в сторожевом полку (Р. С. 39).

[66] Тысячная книга. С. 195; *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 118, 130 и др.

[67] *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 226.

[68] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 495.

[69] РК. С. 21, 23, 30, 31; Тысячная книга. С. 195. См. данную 1524/25 г. «по душе» Петра Васильевича Киндырева на старицкую вотчину: АРГ 1505—1526 гг. № 236.

[70] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 499.

[71] РК. С. 21, 27, 28, 37; ПСРЛ. Т. 26. С. 291; *Каштанов.* История. С. 117—118; *Зимин А. А.* События. С. 96. В середине XVI в. Коробовы служили по Переславлю Залесскому (Тысячная книга. С. 138).

[72] Род. кн. Ч. 2. С. 211. По Летописной редакции, Андрей носил прозвище «Коробья» (РИИР. Вып. 2. С. 41).

[73] Карп Федорович был одним из тверских воевод в походе Василия II к Новгороду 1440 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 491).

[74] РК. С. 21, 26. Михаил Бородатый последний раз в разрядах упоминается на Муроме в 1533 г. (Там же. С. 83). Его сын Михаил в середине XVI в. служил по Мурому (Тысячная книга. С. 158). Другие Бокеевы служили по Можайску, Медыни и Ярославцу.

[75] О Ф. И. Карпове см.: *Зимин А. А.* Общественно-политические взгляды Федора Карпова // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. XII. С. 160—173; *Синицына Н. В.* Федор Иванович Карпов — дипломат, публицист XVI в.: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1966.

[76] РК. С. 26.

[77] Сб. РИО. Т. 95. С. 14, 19, 44, 45, 383 (1516 г.). См. также грамоты Сеадат-Гирея к Ф. И. Карпову 1523, 1524 и 1526 гг.

[78] Сб. РИО. Т. 95. С. 96, 98, 189, 513, 530, 661–664, 666.

[79] ПДС. Т. 1. Стб. 259, 268, 360, 374—376, 383 и др.; Сб. РИО. Т. 35. С. 504, 511.

[80] *Синицына Н. В.* Указ. соч. С. 11—14; *Дунаев.* Максим Грек. С. 41, 42, 72, 77, 87, 88.

[81] Сб. РИО. Т. 35. С. 714–720, 725–727, 793; Т. 53. С. 79; АФЗХ. Ч. 1. № 2-а. С. 19 (правда, отчество «Федора Карпова» здесь не упомянуто); АРГ 1505–1526 гг. № 194; СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428.

[82] Сб. РИО. Т. 59. С. 65; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории русского государства 30–50-х годов XVI в. М.; Л., 1958. С. 84. По Государеву родословцу, Ф. И. Карпов был окольничим при Иване IV (Род. кн. Ч. 2. С. 211). В описи книг Волоколамского монастыря 1545 г. упоминается «Сава Сербьской по Феодоре по Карпове дали» (*Георгиевский В. Т.* Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911. Прил. С. 15).

[83] Внуки Ф. И. Карпова в середине XVI в. служили по Кашину (Тысячная книга. С. 134).

[84] АРГ. 1505—1526 гг. № 236.

[85] РК. С. 26, 51, 68; Сб. РИО. Т. 35. С. 504, 507, 714, 717–718; Т. 95. С. 96; ПСРЛ. Т. 6. С. 258; ПДС. Т. 1. Стб. 259, 261; ЛОИИ. Собр. Лихачева. № 365. Л. 852 об.; ЦГАДА. Ф. 146 (Розыскные дела). № 5.

[86] РК. С. 26, 28.

[87] Сб. РИО. Т. 95. С. 98; РК. С. 9; СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428.

[88] РК. С. 33. В 1504 г. он владел землями в Московском уезде (ДДГ. № 95. С. 390). О Карповых см.: *Веселовский.* С. 366. Сын Семена Василий — послух в деловой 1533/34 г. вдовы кн. И. А. Микулинского (ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). № 286).

[89] *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 164. В Государственном архиве вместе с делом Максима Грека хранились «списки Петра Карпова-Мухина и Некраса Харламова и Якова Дмитреева» (ГАР. С. 43 (ящик 27), 157).

[90] Тысячная книга. С. 134, 148.

[91] Шетневы в середине XVI в. служили по Суздалю (Там же. С. 153). О службе ветвей этого рода по Твери см. ниже.

[92] Зюзины в середине XVI в. служили по Суздалю (Там же. С. 153).

[93] Левашовы в середине XVI в. служили по Суздалю, Торжку и Твери (Там же. С. 153, 196—199). Иван Константинович Левашов, по родословцам, был дворецким в Твери. Его брат Григорий — послух в грамоте 70-х годов XV в. кн. А. Б. Микулинского (АСЭИ. Т. 1. № 474).

[94] Федор Хидырщик, сын боярский кн. Михаила Тверского, упоминается под 1477 г. (ПСРЛ. Т. 8. С. 185). Дмитрий Хидырщиков был в 1504 г. вотчинником Клинского уезда (ДДГ. № 36. С. 404). А. С. Сакмышев приходился ему племянником. При Василии III некоторое время Дмитрий был кормленщиком в Куси и Немде (Акты Юшкова. № 59).

[95] Нащокины в середине XVI в. служили по Новгороду, Вязьме, Москве, а трое — по Твери (Тысячная книга. С. 196).

[96] Речь идет о М. И. Сакмышеве (*Лихачев Н. П., Мятлев Н. В.* Указ. соч. С. 208–209).

[97] Нагие в середине XVI в. служили по Переславлю, а в конце века — по Клину (Тысячная книга. С. 58, 67, 138, 222).

[98] Ср.: *Лихачев Н. П., Мятлев Н. В.* Указ. соч. С. 182—183.

[99] Ср.: Там же. С. 214—215. О тверском боярстве см. также: *Борзаковский В. С.* Указ. соч. С. 222—226.

[100] РК. С. 31, 44 («окольничей»); Р. С. 112 («окольничей тверской»); *Сахаров.* Т. II, кн. VI. С. 37; ДДГ. № 96. С. 402; Тысячная книга. С. 194.

[101] Бояре присутствовали на «докладе» всех земельных, судебных и кабальных дел (АСЭИ. Т. 3. № 348—389).

[102] См. еще в актах Олега Рязанского конца XIV в.: АСЭИ. Т. 3. № 322, 324.

[103] Род. кн. Ч. 2. С. 296, 321, 382; АСЭИ. Т. 3. С. 511.

[104] *Долгоруков П.* Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4. С. 326—327. Зять Олега, Иван Мирославич, упоминается в акте 1390—1401 гг. (АСЭИ. Т. 3. № 324).

[105] Там же. № 356. Около 1427—1456 гг. великий князь Иван Федорович упоминает своего дядю Григория Ивановича (Там же. № 328).

[106] Там же. № 355. Ср. в грамоте 1464—1482 гг. (Там же. № 364).

[107] Там же. № 358. Ср. в актах 1483–1500 гг. (Там же. № 342, 357, 366).

[108] Там же. № 359—361.

[109] Там же. № 362.

[110] Там же. № 363.

[111] Тысячная книга. С. 166–168. О Вердеревских см. также: *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 428.

[112] См. грамоту 1257 г. кн. Олега Ингваревича, выданную Ивану Шаину: АСЭИ.

Т. 3. № 347. Грамота была известна уже в середине XVI в. Подлинность ее не вполне ясна.

[113] АСЭИ. Т. 3. № 353. Тогда же служил в Рязани и его брат Иван Измайлович.

[114] Там же. № 348, 349, 350. Ср. в актах 1483—1500 гг. (Там же. № 357, 366).

[115] РК. С. 32; АСЭИ. Т. 3. № 367. Сын его и родичи упоминаются в Дворовой тетради среди детей боярских по Рязани (Тысячная книга. С. 166, 168).

[116] Родословная книга по трем спискам // Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 10. С. 202—203. Упоминается в актах 1427—1456 гг. (АСЭИ. Т. 3. № 329, 353).

[117] АСЭИ. Т. 3. № 364. Был чашником еще в 1427—1456 гг. (Там же. № 328, 354).

[118] Там же. № 364, 365; в 1464 г. (Там же. № 355).

[119] Там же. № 364; в 1483—1500 гг. (Там же. № 366).

[120] Там же. № 376; Родословная книга по трем спискам. С. 120; РК. С. 66. Матвей Булгак — еще в 1501 г. воевода кн. Федора Рязанского (РК. С. 32).

[121] АСЭИ. Т. 3. № 320. Ср. в акте 1483—1503 гг. (Там же. № 323-а). Григорий Матвеев Денисьев упоминается в 1500 г. на свадьбе В. Д. Холмского (*Сахаров.* Т. II. кн. VI. С. 37; Р. С. 98).

[122] РК. С. 70, 73, 75, 84, 87. Впервые упоминается в разрядах в 1527 г.

[123] Там же. С. 76.

[124] Тысячная книга. С. 166.

[125] АСЭИ. Т. 3. № 346, 360—362, 369.

[126] Там же. № 322. С. 350. По генеалогическим данным, приехал к Василию I (РИИР. Вып. 2. С. 182). Это ошибка.

[127] Яков Ковылин около 1427—1456 гг. был чашником кн. Ивана Федоровича Рязанского (АСЭИ. Т. 3. № 353).

[128] Там же. № 345, 346, 367—378, 385, 389. Подробнее см.: *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., 1858. С. 229.

[129] РК. С. 67; АСЭИ. Т. 3. № 391. Упоминается еще в 1515/16 г. (Там же. № 381). Дети Ф. Ф. Сунбулова и его родичи в середине XVI в. числились дворовыми детьми боярскими по Рязани (Тысячная книга. С. 166, 168). У Дмитрия Федоровича до 1553 г. было поместье в Рязани (Писцовые книги Рязанского края. Рязань, 1900. Т. 1, вып. 2. С. 421).

[130] АСЭИ. Т. 3. № 364, 365; ср. С. 511.

[131] Впервые М. Д. Кобяков упомянут при покупке земли у своего родича Климентия Яковлевича Кобякова в 1501 г. (Там же. № 367).

[132] Там же. № 375, 377, 379—387.

[133] Там же. № 391; РК. С. 67.

[134] РК. С. 76. Их дети и родичи служили в середине XVI в. по Рязани (Тысячная книга. С. 166).

[135] Родословная книга по трем спискам. С. 189; *Иловайский Д. И.* Указ. соч. С. 230. Сохранилась жалованная грамота кн. Ивана Васильевича Рязанского (1483—1500 гг.) вдове Ивана Кичибеевича Коробьи и его детям Ивану и Семену (АСЭИ. Т. 3. № 366). Неясно только, почему в купчей 1464—1482 гг. отчество у Ивана Коробьи «Селиванович» (Там же. № 365).

[136] Там же. № 346.

[137] РК. С. 76, 77. В. Ф. Селиванов и его родичи в середине XVI в. также служили по Рязани (Тысячная книга. С. 166—167).

[138] *Герберштейн.* С. 105. См. жалованную грамоту Василия III Семену Ивановичу Коробьину 1523 г.: Акты Юшкова. № 118. С. 100. О Коробьиных см. также: *Носов Н. Е.* Указ. соч. С. 434.

[139] АСЭИ. Т. 3. № 328, 329, 364. В грамоте № 329 упоминается также Епифан Давыдович, но «родовое письмо» Шиловских его не знает.

[140] Там же. № 352, 354.

[141] Там же. № 322.

[142] Б. Н. Флоря объясняет отсутствие их в московской Думе тем, что существовал особый тверской дворец (*Флоря Б. Н.* О путях политической централизации Русского государства // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 289). С этим согласиться трудно.

[143] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 396.

[144] ПСРЛ. Т. 23. С. 154. О сурожанах см.: *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М.; Л., 1935. О В. Г. Ховрине см. также: *Alef.* Р. 116; *Веселовский.* С. 442—449.

[145] ИЛ. С. 43. В. Г. Ховрин «на Симонове поставил церковь кирпичную Преображе-

ние... да в пределах собор архистратига Михаила..., и ограду кирпичную около монастыря» (АСЭИ. Т. 3. № 479). В Устюжском своде он называется казначеем [ПСРЛ. Т. 37. С. 88].

[146] АФЗХ. Ч. 1. № 30, 126; АСЭИ. Т. 1. № 386, 398; Т. 2. № 370, 374, 375 (в издании акт датирован 1463 г.), 381; РИИР. Вып. 2. С. 56; ДДГ. № 68. С. 221; № 74. С. 276; ИЛ. С. 85; ПСРЛ. Т. 12. С. 199. В семье Головиных хранилось евангелие 1470 г. с надписью В. Г. Ховрина (*К[азанский] П.* Родословие Головиных, владельцев села Новоспасского. М., 1847. С. 11). Веселовский сомневался в древности надписи (*Веселовский.* С. 444).

[147] АСЭИ. Т. 3. № 479; *Ивина.* С. 75.

[148] ДДГ. № 88. С. 351.

[149] По Ш, был казначеем с 1494/95 г., умер в 1509/10 г. По Б, был казначеем с 1494/95 г. в течение 16 лет. В Государеве родословце о думных и дворцовых должностях его не говорится (Род. кн. Ч. 2. С. 270). О Д. В. Ховрине см.: *Савва В. И.* О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1. С. 272. По Шереметевскому и Беляевскому спискам, имел прозвище «Овца». Веселовский считал, что казначеем был Д. В. Овца, предок постельничего 70-х годов XVI в. И. Д. Овцына, а не Ховрин (*Веселовский.* С. 459).

[150] Сб. РИО. Т. 35. С. 75, 114—117, 123, 124, 148—152, 154, 269, 270, 273, 284—288, 298, 300, 304—306, 314—325, 350, 358, 376, 377, 390, 393, 403—405, 459—462, 480, 483—486, 489; Т. 41. С. 83—85, 290—292, 395 и др.; Т. 95. С. 14—15, 18, 24, 55, 56, 64, 67; ПДС. Т. 1. Стб. 66; АЗР. Т. 1. № 186; Описи Царского архива. С. 118; ДДГ. № 86. С. 349; № 89. С. 362—363; *Шмидт.* С. 273. Сохранился сударь, сделанный женой Д. В. Ховрина в сентябре 1495 г. (*Николаева.* № 48. С. 63—64).

[151] АСЭИ. Т. 1. № 536. (1488/89 г.), 540 (около 1488—1490 гг.), 628; Т. 2. № 416; Т. 3. № 250—251 (май 1501 г.), 276 (1499/1500 г.), 475; ПСРЛ. Т. 28. С. 160; ГБЛ. Ф. 256 (Собр. Румянцева). № 255. Л. 503 об.; *Румовский Н.* Описание Великоустюжского Успенского собора. Вологда, 1862. С. 63—65; Сб. РИО. Т. 35. С. 489 и др.; Т. 95. С. 14—15, 24 и др. (ср. под 1494 г. - Сб. РИО. Т. 35. С. 123); РК. С. 44; Описи Царского архива. С. 119.

[152] Сведения о его «боярстве» очень туманны. Они заключаются в формуле: «а у великого князя были бояре Яков Захарьич да казначей Дмитрей Володимерович» (АСЭИ. Т. 1. № 628. С. 541, около 1499—1502 гг.; Т. 2. № 416. С. 449, 1498 г.). Но в данном случае речь идет об участии Ховрина в делах думской (боярской) комиссии, а не о боярском звании. В разряде 1495 г. он назван последним в списке «бояр» (после М. Я. Русалки) без упоминания о казначействе, но, может быть, боярином не был (РК. С. 24). Сходны и известия посольских книг. Так, в январе 1501 г. он назван просто казначеем наряду с боярином Юрием Захарьичем и глухо среди «бояр» (Сб. РИО. Т. 35. С. 303—304, 306).

[153] АФЗХ. Ч. 1. № 60 (упоминаются уже земли его сына).

[154] ДДГ. № 95. С. 391; АФЗХ. Ч. 1. № 153. В 1506 г. купил в Московском уезде сельцо Сырешево (АРГ 1505—1526 гг. № 17; НПК. Т. 6. Стб. 572, 574).

[155] ПДС. Т. 1. Стб. 413, 419; ПСРЛ. Т. 34. С. 16; РК. С. 49, 51; *Дунаев.* Максим Грек. С. 26; ПСРЛ. Т. 6. С. 269—270; *К[азанский] П.* Село Новоспасское. М., 1847. С. 115—116; АРГ 1505—1526 гг. № 270; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 250. В правой грамоте 7 августа 1530 г. помещена «выпись» казначея П. И. Головина на рыбную ловлю (АЮ. № 18. С. 37). О близости к Шуйским см. также жалобу старцев Изосиминской пустыни на кн. А. М. Шуйского и сыновей П. И. Головина Михаила и Петра от августа 1538 г.: ГБЛ. Ф. 303 (АТСЛ). Кн. 539. Л. 270—273.

[156] ДДГ. № 100. С. 415; СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428; *Лихачев.* С. 176. У И. И. Третьякова хранился ящик 82 с документами Государственного архива и «ящичек липов» в ларце 122 (ГАР. С. 57, 63, 251, 286).

[157] См. завещание вдовы кн. Ф. И. Стригина 1513 г.: АРГ 1505—1526 гг. № 108.

[158] Послания Иосифа Волоцкого. С. 187 и след.

[159] Род. кн. Ч. 2. С. 274. «Повелением» И. И. Третьякова в 1507 г. расписано Михаилом Медоварцевым и Феодосием, сыном Дионисия, евангелие (ГПБ. Погод. № 133). См. об этой рукописи: История русского искусства. М., 1955. Т. 3. С. 599—600.

[160] Род. кн. Ч. 2. С. 276. Биографические сведения о Траханиотах, Ласкаревых

и Ларевых (Ралевых) см.: *Hösch E.* Die Stellung Moskoviens in den Kreuzugsplänen des Abendlandes // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. München, 1967. Bd. 15. H. 3. S. 330–336; см. также: *Скржинская Е. Ч.* Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 267–281.

[161] Еще в 1469 г. Юрий Малый приезжал на Русь по поводу предполагавшейся женитьбы Ивана III на Софье (ПСРЛ. Т. 8. С. 154; Т. 28. С. 119). Д. Барьбьери сомневался в том, что посланный им в Рим «Юрий Грек» был Юрием Траханиотом (*Barbieri G.* Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Bari, 1957. P. 46–47).

[162] ПДС. Т. 1. Стб. 14, 24, 34, 65, 69, 82, 114; ПСРЛ. Т. 28. С. 155–157, 159; РК. С. 16: *Рутенбург В. И.* Итальянские источники о связях России и Италии в XV в. // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 460–461; *Седельников А. Д.* Рассказ 1490 г. об инквизиции // Тр. комиссии по древнерусской литературе. М., 1932. Т. 1. С. 49–50.

[163] Р. С. 27; РК. С. 20. По Ш. боярин.

[164] ГПБ. Q XVII. № 15. Л. 382–385; ГБЛ. Ф. 304 (Троицкое собр.). № 730. Л. 485.

[165] *Герберштейн.* С. 38, 65; РК. С. 16, 26; ПСРЛ. Т. 28. С. 332; ДДГ. № 89. С. 362–363; ГБЛ. Ф. 256 (Собр. Румянцева). № 255. Л. 503 об.

[166] РК. С. 44. По Герберштейну, Ю. Траханиот был казначеем еще в 1505 г. (*Герберштейн.* С. 38), но это ошибка.

[167] ПДС. Т. 1. Стб. 223, 425; Сб. РИО. Т. 35. С. 509–514, 532, 533, 541; Т. 53. С. 11, 34, 39, 87, 200; Т. 95. С. 84, 96, 189, 530; *Дунаев.* Максим Грек. С. 34. У Юрия Малого, как и у Ф. Карпова, был слуга-татарин (Сб. РИО. Т. 95. С. 395).

[168] АЮ. № 14. С. 27–28; АФЗХ. Ч. 1. № 295; ЦГАДА. Ф. 197 (Собр. Малиновского). Портф. 2. № 36; АСЭИ. Т. 3. № 48-а (С. 74, № 86), 391; АИ. Т. 1. № 124. До 1510 г. ему «за соболь» завещал 30 алтын П. М. Плещеев (АРГ 1505–1526 гг. № 59).

[169] О Марке см. в переговорах 1522–1523 гг. (*Дунаев.* Максим Грек. С. 40, 52). В Государственном архиве хранились дела «Марковы Грековы» (ГАР. С. 50 (ящик 42), 204).

[170] *Герберштейн.* С. 65.

[171] В 1525/26 г. его вдова дала земельный вклад (село Московского уезда) в Чудов монастырь (ЦГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). Москва. № 12/7154). О Ю. Д. Траханиоте см. также: *Савва В. И.* Указ. соч. Вып. 1. С. 272–273. О владениях Траханиотов Московского уезда см также: АСЭИ. Т. 1. № 624; ПКМГ. Ч. 1, отд. 1. С. 186–187.

[172] *Герберштейн.* С. 38. В Государственном архиве хранилась «сказка Юрья Малово и Степаниды резанки... и иных про немочь великие княгини Соломаниды» (ГАР. С. 50 (ящик 44), 205–206). В ящике 26 находились какие-то материалы «о людех Юрья Малово» (Там же. С. 42).

[173] *Лихачев.* Заметки. С. 94; *Назаров В. Д.* О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 52.

[174] ПСРЛ. Т. 28. С. 160; Т. 15. Стб. 502; Род. кн. Ч. 2. С. 275; *Лихачев.* С. 397.

[175] ГАР. С. 54 (ящик 62), 232–233; ПДС. Т. 1. Стб. 176; ПСРЛ. Т. 8. С. 258; Т. 28. С. 347, 350; ЦГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). Москва. № 8/7150; СГГД. Ч. 1. № 156. С. 430; Тысячная книга. С. 124. Со слов Д. Ф. Ласкирева в 20-х годах XVI в. записана легенда о видении образа Спаса царю Мануилу (ГБЛ. Ф. 113 (Собр. Иосифо-Волоколамского монастыря). № 491. Л. 184–185). К 1531/32 г. относится его купчая на с. Старое Глебовское Юрьев-Польского уезда (ЦГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). Юрьев. 8/4558).

[176] ПСРЛ. Т. 27. С. 287.

[177] Там же. С. 288, 289, 294; Сб. РИО. Т. 41. С. 80, 538.

[178] ЦГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). Коломна. № 7/6317 (1544–1545 гг.). См. также: *Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 267–281.

[179] РК. С. 25, 36.

[180] ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. С. 359; РК. С. 16, 44; Сб. РИО. Т. 35. С. 489.

Заключение

После того как выше был рассмотрен состав Боярской думы в его органическом единстве с историей Государева двора и военно-административная деятельность ее членов и их родичей, настало время подвести итоги исследованию.

Во второй половине XV—первой трети XVI в. в работе Боярской думы, или «бояр», как тогда говорили, принимали участие как думные чины, так и лица дворцовой администрации.

В Думу тогда входили всего два «чина» — бояре и окольничие. Правда, в 1517 г. И. Ю. Поджогин называется сыном боярским, «которой у государя в думе живет» [1]. Обычно на это свидетельство ссылаются, когда говорят о зарождении чина «думных дворян». Но известие о Шигоне стоит совершенно одиноко. Следующее сведение о таких «дворянах» (1553 г.) относится к А. Адашеву и Иг. Вешнякову, также царских фаворитах (вставка в Царственную книгу) [2]. Только к 1564 г. можно говорить о том, что чин думных дворян сформировался [3]. До этого речь шла о персональном участии великокняжеских фаворитов в думских делах.

По духовной Василия II около 1461/62 г., накануне смерти великого князя, в его Думу входили: князь Иван Юрьевич (Патрикеев), Иван Иванович (Кошкин) и Василий Иванович (Китай Новосильцев), Федор Васильевич (Басенок) и Федор Михайлович (Челядня) [4]. Сверх этих пяти человек в 60-х—первой половине 70-х годов XV в. в различных источниках среди бояр упоминаются кн. Василий Иванович Оболенский, кн. Дмитрий Иванович Ряполовский, кн. Иван Васильевич Стрига Оболенский, Григорий Васильевич Криворот, Владимир Григорьевич Ховрин, Иван Федорович Старков [5].

В Думу, следовательно, тогда входили примерно 10—11 человек (пятеро из них были старомосковскими княжатами). Эта цифра не дает представления о единовременном составе Думы, ибо сохранившиеся источники плохо поддаются точной хронологизации.

Названные бояре в той или иной мере содействовали победе Василия Темного над Дмитрием Шемякой во время феодальной войны второй четверти XV в. Среди наиболее активных сторонников московского великого князя летописи называют князей Ряполовских, князей Василия Ивановича и Ивана Стригу Василь-

евича Оболенских, Ф. В. Басенка, И. В. Ощеру, М. Я. Русалку Морозова, Ю. Ф. Кутузова, Ф. Г. Товарка, М. Б. Плещеева. Видными деятелями последних лет правления Василия II были кн. И. Ю. Патрикеев и Ф. М. Челяднин.

Об окольничих в 60-х—первой половине XV в. у нас сведений нет.

Вероятно, в связи с Новгородскими походами и, во всяком случае, к 1475 г. состав Думы значительно обновился. Из старых бояр в ней оставались только И. Ю. Патрикеев, кн. И. В. Стрига, В. И. Китай, В. Г. Ховрин (последний только до 1478 г.). Некоторое время в Думе заседал П. Ф. Челяднин (возможно, около 1465—1474 гг. и, несомненно, в 1477—1478 гг.).

Наиболее ранний список бояр времен Ивана III помещен в записи, которой открывается Государев разряд, — о походе миром великого князя в Новгород в октябре 1475 г. В ней названы сопровождавшие Ивана III бояре: кн. Иван Юрьевич (Патрикеев), Федор Давыдович (Хромой), Василий Федорович Образец, Петр Федорович (Челяднин), кн. Иван Булгак, кн. Данила Щеня, Василий и Иван Борисовичи (Тучко Морозовы), Григорий Васильевич Морозов, кн. Александр Васильевич Оболенский, Василий Китай и окольничие: Андрей Михайлович (Плещеев) и Иван Васильевич Ощера [6]. Сведения о кн. И. Ю. Патрикееве, Федоре Давыдовиче, П. Ф. Челяднине и В. И. Китае подтверждаются актами, а о И. Б. Морозове — летописью (1475 г.). Данные о А. М. Плещееве и И. В. Ощере не противоречат другим источникам. Но вот кн. Иван Булгак в разрядах и других документах боярином не называется. Нет его и в Хронографическом списке бояр 1498 г. (февраль 1498 г.; правда, вскоре после составления списка Иван Булгак умер). Самое странное, что в разрядах, несмотря на многочисленные упоминания, вплоть до 1512 г. [7] не называется боярином прославленный полководец Данила Щеня [8]. Нет его и в Хронографическом списке. После 1475 г. в разрядах нет упоминаний о боярстве кн. А. В. Оболенского, хотя в списке 1498 г. он помещен [9]. В. Ф. Образец назван боярином только в летописном рассказе о походе на Тверь в 1485 г.[10] Нет упоминаний о боярстве Г. В. Морозова. Не вполне ясен вопрос о боярстве В. Б. Тучко Морозова. Он и его брат Иван в пространных разрядах названы Бороздиными, но это ошибка.

Нехватка сохранившихся источников не позволяет окончательно решить вопрос о записи 1475 г. Но ее общий характер, сходный с аналогичными записями (1495 г. и др.), и наличие бесспорных бояр в ее тексте пока склоняют нас к признанию ее достоверной.

Итак, к 1475 г. в Думу вошли кн. А. В. Оболенский (умер в 1501 г.), кн. И. В. Булгак (умер в 1498 г.), кн. Д. В. Щеня (последний раз упомянут в 1515 г.), И. Б. и В. Б. Тучко Морозовы («поиманы» в 1485 г.), Ф. Д. Хромой (сошел со сцены в 80-е годы, во всяком случае до 1492 г.), Г. В. Морозов (до 1490 г.). Затем

в 1476 г. боярином стал И. Ф. Товарков (до 1481 г. или даже до 1486 г.), а к 1479 г. — кн. Д. Д. Холмский (последний раз упомянут в 1493 г., но, может быть, жил еще в течение ряда лет) и Яков Захарьич (умер в 1510 г.).

Окольничими к 1475 г. стали А. М. Плещеев (до 1484 г.). и И. В. Ощера (до 1479 г.), к 1476 г., очевидно, Юрий Шестак (до 1489 г.). Новые пополнения в значительной степени являлись наградой за участие в присоединении Новгорода. Как можно заметить, в Думе 60—70-х годов XV в. незаметно еще преобладания титулованной знати.

В самом начале 80-х годов ряд бояр и окольничих попадает в опалу. В росписи 8 апреля 1483 г. (так называемая Поганая книга) перечислены послужильцы из распущенных дворов кн. И. Ю. Патрикеева, кн. С. И. Хрипуна Ряполовского, И. И. Салтыка Травина, И. Б. и В. Б. Тучко Морозовых, М. Я. Русалки Морозова, А. К. Шеремета и В. Ф. Образца. К ним надо добавить и послужильцев И. Д. Руна. С. Б. Веселовский считал, что опала произошла еще «перед 1481 г.», так как ее следы есть в духовной В. Б. Тучка, якобы умершего в 1481 г., а в духовной И. И. Салтыка (1483 г.) о ней нет и помину. Саму опалу Веселовский связывал с борьбой придворных партий, разгоревшейся во время стояния на Угре 1480 г.[11] Но В. Б. Тучко был жив, во всяком случае до 1485 г., когда он попал в опалу, а его завещание не имеет точной датировки (явлено оно в 1497 г.).

Как установил Г. В. Абрамович, «Поганая книга» сохранилась в двух разновидностях [12]. Первая представлена списком, хранившимся в делах Приказа тайных дел (датирована ошибочно издателями концом XVI в., на самом деле — конец XVII в.). Близок к нему список Бекетовской разрядной книги, приведенный Н. М. Карамзиным [13]. Первый список датирован 8 апреля 1483 г., второй даты не имеет. Вторая разновидность восходит к выписи, сделанной в 1647 г. в связи с делом о бесчестии помещиков Вотской пятины С. Кашкарова и С. Муравьева. В настоящее время она известна в 30 с лишним списках (второй половины XVII—XVIII в.) [14]. Датируется этот вариант 17 июля (июня) 1483 г. По Абрамовичу, 8 апреля был издан указ, относящийся к роспуску дворов новгородских бояр. Указ 17 июля относился к послужильцам братьев Тучковых и, возможно, А. Шеремета. В настоящее время, когда не завершено текстологическое исследование памятника, наблюдения Абрамовича не могут считаться еще достаточно обоснованными [15].

Дума в 80-е—первую половину 90-х годов пополнилась боярами Юрием Захарьичем (боярин к 1483 г., последний раз упомянут в 1501 г.), кн. В. В. Шестуном (упомянут в 1485 г.), А. Ф. Челядниным (упомянут к 1499 г.), из окольничих — А. М. Плещеевым (к 1485 г., умер около 1491 г.). В начале 80-х годов боярином был А. Р. Хруль Остеев, а в 1482 г. — некий кн. Иван Васильевич (? Стрига) [16]. Возможно, боярином к 1485 г. был Н. Ф. Басенков (последний раз упомянут в 1490 г.). Окольни-

чими стали П. М. Плещеев (1487—1504 гг.), И. В. Чобот (около 1485—1490 гг., несомненно, в 1490 г. и до 1494 г.) и кн. И. И. Звенец Звенигородский (в 1490 г. до 1498 г.). Возможно, к 1491 г., но не позднее 1498 г. окольничим стал Данила Иванов (из рода Нетши). Судя по Государеву родословцу, окольничим был также И. И. Товарков. Число окольничих, таким образом, неуклонно возрастало. В 1491—1499 гг. их было каждый год примерно шесть человек.

Новые изменения в составе Думы обнаруживаются к концу 1495 г. и, возможно, связаны с торжественной поездкой Ивана III со своим двором в Новгород [17]. Уже в 1494 г. боярином стал кн. С. И. Молодой Ряполовский, а с конца 1495 г. кн. В. И. Патрикеев и кн. Семен Романович Ярославский (во всяком случае, до 1504 г.). В 1498 г. из одиннадцати бояр пятеро происходили из семей князей Ряполовских и Патрикеевых. Родичем их (по женской линии) был и А. Ф. Челяднин. Бурный взлет влияния Патрикеевых и Ряполовских после успешно заключенного в 1494 г. мирного договора с Великим княжеством Литовским в конечном счете стал одной из причин, вызвавших впоследствии их падение.

К 1498 г. окольничими стали С. Б. Брюхо Морозов (примерно до 1508 г.), Т. М. Плещеев (вскоре после этого умер), И. А. Лобан Колычев (убит в 1502 г.), Г. Ф. Давыдов (к 1506 г. уже боярин), Г. А. Мамон (последний раз упомянут в 1509 г.) [18] и И. В. Шадра (умер вскоре после 1509/10 г.). Спорен вопрос об окольничестве кн. Б. М. Турени. В целом же произошел очередной резкий скачок численности окольничих — до десяти—одиннадцати человек [19]. Его соблазнительно связать с венчанием на великое княжество Дмитрия-внука в 1498 г.[20] Как бы то ни было, он показывает тенденцию великокняжеской власти расширить круг ближайших советников, опереться на тех представителей старомосковской знати, которые вызывали особое доверие у Ивана III. Такая тенденция нашла отражение и в Судебнике 1497 г., где уже в заголовок внесены слова о том, «как судити бояром и окольничим». О суде окольничих упоминается и в статьях 1—7, 33, 69 этого памятника.

Чрезвычайно важен для выяснения состава Боярской думы в конце XV в. список «бояр» в Продолжении Хронографа редакции 1512 г. Составлен он был в 1498 г., под которым и помещен [21]. Список отличается достоверностью и точностью сведений. Под общим заголовком «А бояр у великого князя» в первой половине списка перечислены (очевидно, с учетом степени влиятельности): кн. И. Ю. Патрикеев, «Москву держал», его сын князь Василий, Яков Захарьич, кн. С. И. Ряполовский, кн. Д. А. Пенко, кн. А. В. Оболенский, кн. Семен Романович, кн. П. В. Нагой-Оболенский, Юрий Захарьич и А. Ф. Челяднин. Отсутствует только по неясной причине кн. Д. В. Щеня. Правда, первые известия о боярстве кн. Д. А. Пенко и кн. П. В. Нагого в других источниках датируются 1500 г., но никаких противопоказаний тому, что эти лица могли

быть боярами к 1498 г., у нас нет (в других источниках за 1498—1499 гг. они не упомянуты).

Несколько более сложна картина со второй половиной Хронографического списка. В ней названы: С. Б. Брюхо Морозов, И. В. Чобот, Т. М. Плещеев, П. М. Плещеев, Г. А. Мамон, И. А. Колычев, П. Г. Заболоцкий, Г. Ф. Давыдов, Дмитрий Владимирович, кн. Б. М. Туреня, И. В. Шадра.

Несмотря на то что все эти лица помещены под общей шапкой «бояре», речь идет об окольничих. Во всяком случае, в 1498 г. таковыми были И. В. Чобот, П. М. Плещеев, П. Г. Заболоцкий. Первые сведения об окольничестве Г. А. Мамона в других источниках относятся к 1500 г., а Г. Ф. Давыдова — к 1501 г., но противопоказаний тому, что они были окольничими еще в 1498 г., а может быть, и ранее, нет (Г. Ф. Давыдов в 1496—1500 гг., а Г. А. Мамон в 1481—1499 гг. в источниках не упоминаются). Т. М. Плещеев и С. Б. Морозов называются окольничими в Государеве родословце. О Плещееве в других источниках после 1469 г. сведений нет, о Морозове сведения доходят до 1508 г., но они не ясны, умер он в монашестве в 1515 г. Об окольничестве И. В. Шадры первые сведения относятся к 1503 г., но не исключена и более ранняя датировка. Вместе с ним в Вязьме в 1498—1499 гг. находился и кн. Б. М. Туреня. Более поздних известий о Турене у нас нет. Так как в Государеве родословце о его думном чине сведения отсутствуют, то мы не склонны запись Хронографического списка считать безоговорочным свидетельством об окольничестве Турени (Оболенским быть в окольничих вроде бы «невместно»). Дмитрий Владимирович (Ховрин) в изучаемое время считался казначеем. В Государеве родословце об его окольничестве не упоминается. Возможно, он (как и Туреня) помещен в конце Хронографического списка, так как исполнял отдельные «боярские» поручения.

Из числа известных в 1498 г. окольничих отсутствует в Хронографическом списке только Данила Иванович (сведения о его окольничестве датируются февралем 1498—февралем 1500 г.).

В целом же Хронографический список 1498 г. является существенным источником, пополняющим наши представления о составе Думы в конце XV в.

После казни кн. С. И. Ряполовского и пострижения в монахи кн. И. Ю. и В. И. Патрикеевых (в январе 1499 г.) в состав Думы вошел боярин кн. В. Д. Холмский (к 1504 г., женился на дочери Ивана III в 1500 г.). Окольничими стали К. Г. Заболоцкий (к 1503 г., последний раз упоминается в разрядах в 1512 г.) и П. Ф. Давыдов (с 1501 г., последний раз упоминается в 1510 г.).

Ко времени вступления на престол Василия III (1505 г.) великокняжеская Дума состояла всего из пятерых бояр (кн. Д. В. Щеня, кн. П. В. Нагой, кн. В. Д. Холмский, кн. Семен Романович, вскоре умерший, и Яков Захарьич) и семерых окольничих (Г. Ф. и П. Ф. Давыдовы, Г. А. Мамон, И. В. Шадра, С. Б. Брюхо Морозов, П. Г. и К. Г. Заболоцкие). Происшедший

сдвиг в составе Думы свидетельствовал о росте влияния молодого поколения старомосковских боярских родов. Это подтверждает сообщение летописей о том, что Василия III в 1497 г. поддерживали «дети боярские», а не титулованные представители знати. Брак с Соломонией Сабуровой, происходившей из старой служилой боярской фамилии, был как бы манифестом этой политической линии великого князя. С. Герберштейн, характеризуя деятельность Василия III, писал, что тот «докончил также то, что начал его отец, а именно отнял у всех князей и других властелинов все их города и укрепления. Во всяком случае даже родным своим братьям он не поручает крепостей, не доверяя и им... Исключение составляют юные сыновья бояр (речь идет, конечно о „детях боярских". — *А. З.*), т. е. знатных лиц с более скромным достатком; таких лиц, придавленных своей бедностью, он обыкновенно ежегодно принимает к себе и содержит, назначив жалованье» [22].

В 1505 г. двое из бояр так или иначе были еще связаны с теми слоями аристократии, которые в свое время ориентировались на политического противника Василия III Дмитрия-внука (кн. В. Д. Холмский происходил из среды тверских княжат, а кн. Д. В. Щеня — из Гедиминовичей, давших таких сторонников Дмитрия, как князья Патрикеевы).

Прошло всего несколько лет, и состав боярства расширился. Вместо В. Д. Холмского, «выбывшего» в 1508 г. в опале, боярами стали любимец великого князя Г. Ф. Давыдов из окольничих (1506—1521 гг.) и кн. М. И. Булгаков (с 1509 г., в 1514 г. он попал в плен). Впервые были включены в Боярскую думу ростовские князья. Боярином стал кн. А. В. Ростовский (1509—1521 гг.), а также кн. Д. В. Ростовский (упомянут как боярин в 1517 г., но, возможно, был им еще с 1508 г.). Нетитулованная часть боярства в Думе стала уменьшаться. Зато произошло резкое увеличение числа окольничих, причем за счет представителей родов, ранее становившихся прямо боярами. Княжата Северо-Восточной Руси потеснили старомосковских бояр. К 1509 г. их в Думе стало 13—14 человек. Из старых окольничих оставались И. В. Шадра, Г. А. Мамон, П. Ф. Давыдов, К. Г. Заболоцкий (вопрос о П. М. Плещееве не ясен). К ним добавились девять новых. Трое окольничих появляются в 1509 г. в первый и последний раз. Это кн. В. И. Ноздроватый, кн. В. В. Ромодановский и М. К. Беззубцев. Из дворецких окольничим стал кн. П. В. Великий-Шестунов (умер вскоре после 1516 г.). Этот же чин получили И. Г. Морозов (с 1527 г. — боярин), И. В. Хабар (с 1528 г. — боярин) и И. А. Жулебин (последний раз упомянут в 1520 г.). Званием окольничего были пожалованы отец супруги Василия III Ю. К. Сабуров (умер в 1511/12 г.) и А. В. Сабуров (упоминается до 1532 г.) [23].

Включение некоторых княжат в число окольничих ставило их в менее привилегированное положение, чем то, в котором находились нетитулованные бояре.

К концу 1512—началу 1513 г. наблюдалась известная аристократизация состава Боярской думы, что объясняется изменением общего правительственного курса. Возможно, на этом сказалось приближение ко двору Вассиана Патрикеева (в 1510 г.). В разрядах в это время упоминаются новые бояре: кн. И. М. Репня Оболенский (в 1512 г., в 1513 г. в последний раз), кн. В. В. Шуйский (с 1512 г., умер в 1538 г.), кн. М. Д. Щенятев (с 1513 по 1531 г.), кн. Б. И. Горбатый (с 1513 по 1537 г.), С. И. Воронцов (с 1511 или 1514 по 1521 г.). Окольничими в эти годы стали: И. Г. Мамон (около 1510—1514 гг.), кн. К. Ф. Ушатый (1512—1517 гг.), П. Я. Захарьин (1512—1525 гг.), М. В. Тучков (1512—1532 гг.), В. Я. Захарьин (1516—1525 гг.) Темп роста численности окольничих в Думе снизился.

В 1521 г. в Боярскую думу входило шестеро бояр: кн. В. В. Шуйский, кн. Б. И. Горбатый, кн. М. Д. Щенятев, кн. А. В. Ростовский, С. И. Воронцов, Г. Ф. Давыдов. Окольничими тогда были: И. Г. Морозов, А. В. Сабуров, М. В. Тучков, П. Я. Захарьин, В. Я. Захарьин, И. В. Хабар — всего шесть человек. Численность окольничих резко сократилась. Княжат среди них не было, зато среди бояр большинство происходило из княжеских родов, причем только суздальскими и ростовскими княжатами было четверо из шести бояр [24].

Накануне смерти Василия III, в 1533 г., Дума представляла уже иную картину. Те тенденции, которые только намечались в начале 20-х годов, теперь уже стали отчетливыми. Бояр стало 11, из них пять ростовских и суздальских княжат (кн. В. В. Шуйский, кн. И. В. Шуйский, кн. М. В. Горбатый, кн. Б. И. Горбатый, кн. А. А. Ростовский). Впервые в состав Думы перешел один из «служилых» северских князей — кн. Д. Ф. Бельский (1528 г.). В Думе было пять представителей старомосковского боярства (В. Г. Морозов, И. Г. Морозов, М. В. Тучков, М. Ю. Захарьин и М. С. Воронцов). Число окольничих, продолжая сокращаться, дошло до двух (Я. Г. Морозов — с 1531 г., И. В. Ляцкий — с 1536 г.) [25]. Процесс аристократизации Боярской думы обозначился совершенно недвусмысленно.

В годы правления Елены Глинской состав Боярской думы существенно не изменился. Уже к январю 1534 г. боярином стал всесильный временщик кн. Иван Федорович Телепнев-Оболенский, в июне того же года среди бояр упоминаются князья Иван Данилович Пенков и Иван Федорович Бельский [26], а в ноябре — кн. Никита Васильевич Оболенский (упоминается до 1537 г. включительно).

Вскоре Дума пополнилась князьями А. Д. Ростовским (лето 1536 г.) и М. И. Кубенским (сентябрь 1537 г.). Поскольку ко времени смерти Елены Глинской умерли двое Горбатых (Борис — после января 1537 г., Михаил — в 1534/35 г.), а также М. С. Воронцов и А. А. Ростовский (около 1538 г.), то к 1538 г. число бояр не превышало двенадцати (один из них находился в темнице); при этом шестеро получили свои звания уже после

Численный состав Боярской думы в 1501—1538 гг.

Год	Бояре			Окольничие			Примечания
	всего	княжата	без титула	всего	княжата	без титула	
1501	8 (?7) *	6 (?5)	2	7	—	7	* Неясно, был ли боярином Д. Д. Холмский в 1501—1502 гг., а В. Д. Холмский — в 1503 г.
1502	5 (?4)	4 (?3)	1	7	—	7	
1503	5 (?4)	4 (?3)	1	8	—	8	
1504	5	4	1	7 (?8) *	—	7 (?8)	* Неясно, был ли в 1504—1510 гг. окольничим П. М. Плещеев
1505	4	3	1	6 (?7)	—	6 (?7)	
1506	5	3	2	5 (?6)	—	5 (?6)	
1507	5	3	2	6 (?7)	—	6 (?7)	
1508	5 (?6) *	3 (?4)	2	6 (?7)	—	6 (?7)	* Неясно, был ли в 1508—1516 гг. боярином Д. В. Ростовский
1509	6 (?7)	4 (?5)	2	13 (?14)	3	10 (?14)	
1510	5 (?6)	3 (?4)	2	9 (?12) *	1	8 (?11) *	* Неясно, был ли окольничим в 1510—1511 гг. М. К. Беззубцев, а в 1510—1514 гг. — И. Г. Мамон
1511	4 (?6) *	3 (?4)	1 (?2)	10 (?12)	1	9 (?11)	* Неясно, был ли в 1511—1513 гг. боярином С. И. Воронцов
1512	6 (?8)	5 (?6)	1 (?2)	11 (?12)	2	9 (?10)	
1513	7 (?9)	6 (?7)	1 (?2)	9 (?10)	2	7 (?8)	
1514	7 (?8)	5 (?6)	2	9 (?10)	2	7 (?8)	
1515	6 (?7)	4 (?5)	2	9	2	7	
1516	5 (?6)	3 (?4)	2	10	2	8	
1517	6	4	2	9	1	8	
1518	5	3	2	7	—	7	

Таблица (окончание)

Год	Бояре			Окольничие			Примечания
	всего	княжата	без титула	всего	княжата	без титула	
1519	6	4	2	7	—	7	
1520	6	4	2	7	—	7	
1521	6	4	2	6	—	6	
1522	4	3	1	7	—	7	
1523	4	3	1	6 (?7) *	—	6 (?7)	* Неясно, был ли в 1523—1530 гг. окольничим А. В. Сабуров, находившийся в опале
1524	4	3	1	6 (?7)	—	6 (?7)	
1525	3	3	—	6 (?7)	—	6 (?7)	
1526	7	6	1	5 (?6)	—	5 (?6)	
1527	9	7	2	5 (?6)	—	5 (?6)	
1528	9	6	3	3 (?4)	—	3 (?4)	
1529	9	7	2	3 (?4)	—	3 (?4)	
1530	10	8	2	3 (?4)	—	3 (?4)	
1531	12	7	5	3	—	3	
1532	10	6	4	3	—	3	
1533	11	6	5	2	—	2	
1534	15	11	4	2	—	2	
1535	15	11	4	2	—	2	
1536	15	11	4	3	—	3	
1537	14	10	4	2	—	2	
1538	12	8	4	2	—	2	

смерти Василия III. Окольничими в эти годы стали И. С. Морозов (с 1534 г.) и Д. Д. Иванов (в 1536 г.).

Динамика изменения численного состава Думы за 1501—1538 гг. представлена в таблице.

История включения княжат Северо-Восточной и Юго-Западной Руси в состав Боярской думы — одна из ярких страниц борьбы великокняжеской власти с пережитками феодальной децентрализации. Процесс трансформации титулованной аристократии из полусамостоятельных властителей в великокняжеских советников в изучаемый период не был завершен, но обозначился он явственно. Постепенно складывалось сословие феодальной аристократии — одно из свидетельств становления в России сословной монархии [27].

Кроме великокняжеской, в конце XV—начале XVI в. существовала тверская дума. Тверь находилась тогда на положении удела наследника престола. Тверское боярство сохранило свои позиции и при московских «удельных» князьях в Твери. Так, в разрядах 1495/96 г. среди свиты великого князя во время поездки Ивана III в Новгород упоминаются «из Тверские земли с великим князем бояре» кн. И. А. Дорогобужский, кн. М. Ф. Телятевский (Микулинский) с сыном Иваном и кн. Вл. А. Микулинский [28]. Во время аналогичной поездки конца 1509 г. кн. Василия III упоминаются «боярин тверской, в Володимере наместник» кн. М. Ф. Микулинский-Телятевский, а также «тверской боярин» П. И. Житов [29]. Житов и по родословцам был вместе с братом Иваном «в боярях во Твери и на Москве» [30]. По родословцам, там же были боярами Иван, Петр и Василий Борисовы, а также Григорий и Иван Никитичи и Федор Григорьевич (Бороздины) [31]. О боярстве многих тверичей сообщает и Шереметевский список [32]. Тверским окольничим был, очевидно, А. С. Сакмышев [33]. После 1501 г. остатки самостоятельности Твери были ликвидированы, но тверская дума оставалась. Титул «тверской боярин» постепенно терял реальное содержание. Только некоторые из тверских бояр и окольничих попали значительно позднее в великокняжескую Думу.

Кроме тверской, во всяком случае в 1485—1500 гг., существовала особая дума у супруги Ивана III Софьи Палеолог. В нее, в частности, входили бояре Ю. М. и Д. М. Траханиоты.

Состав боярства в удельных думах восстанавливается с трудом и не полностью, но общая картина ясна [34].

В Дмитрове у кн. Юрия Васильевича (1462—1472 гг.) боярами были кн. И. Н. Оболенский, В. Ф. Сабуров и И. В. Ощера (около 1471 г.). У князя Юрия Ивановича (1504—1533 гг.) в думу входили кн. Д. Д. Хромой (1506—1518 гг.), Д. Ф. Вельяминов (1517/18 г.), В. И. Шадрин (1521 г.) и, возможно, кн. К. Ф. Ушатый и П. М. Плещеев (1504—1510 гг.).

На Угличе в думу кн. Андрея Васильевича Большого (1462 — 1491 гг.) входили бояре: кн. В. Н. Оболенский, К. Г. Поливанов (около 1474—1491 гг.), К. А. Беззубцев, Д. Д. Морозов (70—

80-е годы XV в.), а также кн. Василий Иванович (около 1462 г.). При дворе кн. Дмитрия Ивановича Жилки (около 1504—1521 гг.) боярами были кн. В. И. Барбашин-Суздальский (1507 г.) и кн. А. Ф. Хованский (1521 г.).

В Волоколамском уделе кн. Бориса Васильевича (1462—1494 гг.) и его сына Федора (1494—1513 гг.) известны бояре: кн. П. Н. Оболенский (около 1477—1495 гг.), кн. А. Ф. Голенин (около 1477—1482 гг.), Данила Иванович (около 1477 г.), кн. В. И. Хованский (1487 г.), его сын Федор и внук Андрей (около 1511 г.).

На Вологде у кн. Андрея Васильевича Меньшого (1462—1481 гг.) боярами служили некоторые из князей Шаховских и Ф. И. Мячков.

В Ростовском уделе княгини Марии Ярославны (1462—1485 гг.) известны бояре С. Ф. Пешек Сабуров (1477 г.) и Д. Р. Квашнин (около 1478—1483 гг.).

В Белозерско-Верейском уделе кн. Михаила Андреевича (1432—1486 гг.) боярами были А. Г. Колычев, кн. Василий Андреевич (60—70-е годы XV в.), а также кн. В. В. Ромодановский (70—80-е годы XV в.), В. И. Пушечников (1472 г.) и В. Ф. Безнос Монастырев.

В старицкую думу кн. Андрея (1519—1537 гг.) входили кн. Ю. В. Лыков-Оболенский, а также некоторые из князей Оболенских-Пенинских, Хованских, кн. В. А. Чернятинский и кн. Ф. Д. Пронский (1524/25 г.).

Трудно представить из-за слабой сохранности материала состав думы калужского князя Семена Ивановича (1508—1518 гг.). Во всяком случае, в середине XVI в. по Калуге служили князья Оболенские (А. В. Кашин в 1508 г. служил князю Семену), по Бежецкому верху — Плещеевы (Ю. Т. Юрлов в 1508 г. был воеводой князя Семена), Ромодановские и др.

Итак, удельные думы были в своем роде миниатюрной копией московской. Так же как удельные князья находились в близком родстве с великими князьями, удельные бояре были родичами московских. Это обстоятельство, а также корпоративная замкнутость удельного боярства, его обособленность от рядового провинциального дворянства ослабляли социальную опору удельных правителей и способствовали сравнительно безболезненному падению удельной системы.

При ликвидации уделов бояре удельных дум не включались механически в состав великокняжеского боярства. Свои думные титулы они теряли, и только некоторые из них позднее входили в Думу московских государей (например, Данила Иванович, кн. В. В. Ромодановский), как правило, становясь не боярами, а окольничими.

Уничтожение удельных дум (так же как и всей удельной системы) свидетельствовало о постепенной ликвидации черт политической обособленности феодальной знати отдельных русских земель и слиянии ее в единое сословие. С трудом попадали

в состав Государева двора (не говоря уже о Думе) потомки княжеских и боярских родов, испомещенные в Новгороде. Даже в середине XVI в. новгородские помещики не служили по дворовому списку.

Р. Г. Скрынников выдвинул гипотезу о существовании в XVI в. «семибоярщины», которая возникла во время предсмертной болезни Василия III (1533 г.) как «совет доверенных помощников великого князя» [35]. «Семибоярщиной» в науке принято называть боярское правительство в Москве, пришедшее к власти после свержения Василия Шуйского 17 июля 1610 г.[36] Хронограф 1617 г. рассказывает, что тогда «приняшя власть седмь московскых боляр, но ничтоже им управльшем, точию два месяца власти наслади шася». По словам составителя Хронографа, «седмочисленыя же боляре Московскиа державы и всю власть Русския земли предашя в руце Литовскых воевод» [37]. Таким образом, «семибоярщина» 1610 г. была не каким-то традиционным московским учреждением, а результатом блока определенных боярских группировок в конкретной ситуации.

Попытку перенести обстоятельства бурного «Смутного времени» на 30-е годы XVI в. следует признать несостоятельной. В самом деле, о какой «семибоярщине» можно говорить применительно к событиям 1533 г.? Перед смертью Василий III совещался о судьбах престола со многими видными деятелями из числа своих приближенных. 23 ноября в присутствии своего младшего брата кн. Андрея Ивановича Старицкого, бояр кн. В. В. Шуйского, М. Ю. Захарьина, М. С. Воронцова, казначея П. И. Головина, тверского дворецкого И. Ю. Шигоны Поджогина и дьяков было приступлено к составлению духовной грамоты великого князя. Тогда же Василий III «прибави к собе в думу» бояр кн. И. В. Шуйского, М. В. Тучкова, а также кн. М. Л. Глинского [38]. «Семибоярщину», по Скрынникову, возглавил кн. Андрей. В нее также входили князья В. В. и И. В. Шуйские, М. Л. Глинский, М. Ю. Захарьин, М. В. Тучков и М. С. Воронцов. Прежде всего заметим, что ни кн. М. Л. Глинский, ни тем более кн. Андрей Старицкий боярами не были. Значит, никакой «семибоярщины» не получается [39]. Во главе правительства при малолетнем наследнике престола в качестве опекунов поставлены были «сестричи» великого князя кн. Д. Ф. Бельский и кн. М. Л. Глинский («приказываю вам своих сестричичев, князя Дмитрия Феодоровича Белского з братиею и князя Михаила Львовича Глинского. . .») [40]. А как раз кн. Д. Ф. Бельского Скрынников не включает в состав «семибоярщины». Князя Андрея Старицкого, младшего из своих братьев, Василий III вообще не мог поставить во главе общерусского правительства, ибо тот был удельным князем. Как бы хорошо ни относился к Андрею великий князь, удельный дядя был потенциальной угрозой малолетнему наследнику.

Еще дважды, по Скрынникову, «маячит» на московском горизонте «семибоярщина». В 1549 г. Иван IV отправился в Казанский поход, оставив в Москве для управления столицей кн. Владимира

Старицкого и шестерых бояр [41]. Грозный якобы «всерьез помышлял о восстановлении отцовских порядков и традиций» [42]. Летом 1553 г. во время похода царя на Коломну ведать Москвой оставлен был его брат Юрий [43]. «С этого момента, — пишет Скрынников, — и можно говорить об окончательном оформлении „семибоярщины"». Правда, Юрию подчинялось не шесть бояр (как ранее князю Владимиру), а семь, но «сам он в счет не шел, ибо был глухонемым от рождения» [44].

Посмотрим же источники. В 1547 г., отправляясь в поход, Грозный оставил в Москве кн. Владимира и четырех бояр [45]. Во время похода 1533 г. у кн. Юрия на Москве были оставлены семь бояр (кн. М. И. Булгаков, кн. Ф. И. Шуйский, кн. Ф. А. Булгаков, Г. Ю. Захарьин, И. Д. Шеин, И. П. Федоров, В. Ю. Траханиот). В 1555 г. на Москве оставлено пять бояр (кн. И. М. Шуйский, Г. Ю. Захарьин, И. И. Хабаров, кн. Ф. И. Шуйский, В. Ю. Траханиот), в 1556 г. — семь (кн. И. М. Шуйский, кн. Ф. И. Шуйский, кн. Ю. М. Булгаков, В. Ю. Траханиот, кн. И. М. Троекуров, кн. Ф. А. Булгаков, кн. А. Б. Горбатый), в 1557 г. — шесть (кн. И. М. Шуйский, кн. А. Б. Горбатый, кн. И. М. Троекуров, кн. Ф. А. Булгаков, кн. И. В. Горенский, В. Ю. Траханиот), в 1559 г. — семь (кн. И. М. Шуйский, кн. А. Б. Горбатый, кн. Ф. А. Булгаков, кн. Д. И. Курлятев, В. Ю. Траханиот, кн. И. М. Троекуров, В. М. Юрьев), в 1565 г. — без кн. Юрия семь (И. П. Федоров, И. В. Шереметев, Н. Р. Юрьев, Я. А. Салтыков, В. Ю. Траханиот, В. Д. Данилов, Ф. И. Сукин), в 1567 г. — двое бояр (кн. И. Д. Бельский и Н. Р. Юрьев, а в другом варианте — И. В. Шереметев и В. Ю. Траханиот), в 1572 г. — двое воевод (кн. Ю. И. Токмаков и кн. Т. И. Долгоруков) [46].

Со времени утверждения опричнины до 1610 г. нет никаких известий об управлении Москвой боярской коллегией. С 1549 по 1565 г. сохранилось семь известий, из них в одном случае упоминалось пять бояр, в двух — шесть, в четырех — семь. Говорить на этом основании о существовании какой-то «семибоярщины» как особой боярской коллегии невозможно. Не мнимая «семибоярщина», а Ближняя дума, включавшая в 50-е годы наиболее преданных Ивану IV лиц, была учреждением, на которое опиралась Избранная рада в ходе осуществления своих реформ.

Когда речь заходит о политической истории России конца XV — первой трети XVI в., редко говорят о конкретных исторических деятелях из состава Боярской думы. «Бояре» часто представляются безликой массой, сидящих в Думе «брады уставя». Изучение конкретных биографий лиц из великокняжеского окружения полностью перечеркивает картину, нарисованную Григорием Котошихиным.

Крупнейшим успехом во внешней политике и в ходе объединения русских земель вокруг Москвы, подготовленным всем ходом социально-экономического развития страны, содействовала и плеяда виднейших деятелей, входивших в изучаемое время

в состав Боярской думы и Государева дворца. Среди них были талантливейшие полководцы, наследники «удалого воеводы» Ф. В. Басенка, одного из организаторов побед Василия Темного над Дмитрием Шемякой. Это в первую очередь кн. Д. Д. Холмский, с именем которого связаны успешные Новгородские походы 70-х годов, противостояние Ахмату на Угре в 1480 г. и взятие Казани в 1487 г. В плеяду выдающихся полководцев входил кн. Д. В. Щеня, один из главных полководцев в войнах с Великим княжеством Литовским конца XV—XVI в., организатор победы на Ведроши 1500 г. и взятия Смоленска 1514 г. Блестящую победу под Опочкой одержал талантливый военачальник И. В. Ляцкий.

Из состава членов Боярской думы и Дворца вышли крупные администраторы-наместники в важнейших городах (В. В. и И. В. Шуйские, Ростовские, Горбатые и др.). Многие из них не брезговали никакими средствами и для личного обогащения (как, например, кн. И. В. Стрига — «у кого село добро, ин отнял»). А. М. Салтыков, Н. И. Карпов и М. Ю. Захарьин много сделали для создания первоклассной артиллерии — «наряда», прославившегося уже под Смоленском в 1514 г. Как администраторы были хорошо известны Яков и Юрий Захарьичи и «один из главных советников» Василия III — тверской дворецкий М. Ю. Захарьин. В это время в России было много блистательных дипломатов, таких, как Федор Иванович Карпов (ведавший отношениями с восточными странами), казначей Юрий Дмитриевич Грек, «главный советник» Василия III до 1522 г., Дмитрий Владимирович (Ховрин) и др. Появляются при дворе и фавориты. Тверскому дворецкому И. Ю. Шигоне Поджогину великий князь Василий III поручал наиболее деликатные дела (расследование вопроса об измене Шемячича, дело о пострижении Соломонии Сабуровой и др.). Время рождало и авантюристов, жаждущих власти во что бы то ни стало. Такой была и одна из наиболее ярких личностей начала XVI в. — кн. М. Л. Глинский, возглавивший восстание литовско-русской знати в 1508 г., и кн. И. Ф. Телепнев-Оболенский. Если первый выдал свою племянницу замуж за Василия III, то второй стал любовником его вдовы. Впрочем, судьба у них оказалась сходной — обоих настигла гибель.

Время настоятельно требовало крупных деятелей, способных справиться со сложными и большими политическими задачами, и такие деятели в России появились.

Порядок назначения на думные, равно как и на другие высшие судебно-административные и военные должности, определялся положением феодала на сословно-иерархической лестнице. Его традиции восходили к начальным этапам создания Русского государства. Он зависел от знатности «рода» (т. е. происхождения) и от «службы» данного лица и его предков великому князю. В литературе этот порядок называется местничеством.

О местничестве писалось очень много. Капитальные работы А. И. Маркевича в свое время как бы подвели итоги изучению

этой проблемы. В первой из них автор подробнейшим образом характеризовал все известные ему источники и литературу о местничестве, а во второй дал очерк истории местничества в Московском государстве XV—XVII вв.[47] Вслед за С. М. Соловьевым автор выводил местничество из системы родовых междукняжеских отношений Древней Руси. Наиболее четкую картину местничества нарисовал В. О. Ключевский, также опиравшийся на общее представление государственной школы о борьбе родового начала и государственного в Московской Руси. Согласно его взглядам, «в Москве элементы местничества успели сложиться в целую систему... к княжению Ивана III и его сына Василия». Именно в эту эпоху происходил наплыв в Москву родовитых потомков великих и удельных князей. «Все эти князья Одоевские, Воротынские, Мстиславские, Микулинские, Ярославские и другие, — писал В. О. Ключевский, — ... занимали первые места и в думе». Мало того. «Важнее всего, — писал он в другом месте, — то, что решительное большинство в этом новом составе боярства принадлежало титулованным княжеским фамилиям». Войдя в состав Боярской думы, потомки удельных князей превратили ее в оплот «политических притязаний... служилой и землевладельческой московской аристократии», складывавшейся «из удельных элементов». Существо этих притязаний сводилось к требованию того, чтобы в управлении государством правительство руководствовалось местническим порядком назначения на должность. Именно «местничество сообщало боярству характер правящего класса или сословной аристократии». Благодаря местничеству служилая знать защищалась «от произвола сверху, со стороны государя». В конечном же счете «местничество было вредно и государству, и самому боярству, которое так им дорожило» [48].

Построение Ключевского в модифицированном виде держится и до настоящего времени. Ряд критических соображений в адрес творца этой схемы высказал С. О. Шмидт, считающий, что «местничество было в руках центральной власти средством ослабления феодальной власти». В целом же причины сложения местничества Шмидт представляет себе следующим образом: «Примерно со второй половины XV в. при дворе московского великого князя прочно уже оседают в качестве служилых людей княжата, заметно потеснившие исконное московское нетитулованное боярство... Сложные иерархические отношения пришлых княжат между собой и с нетитулованными боярами определялись местническими обычаями». В конце концов и Шмидт делает справедливое заключение, что «история местничества по существу еще ждет исследователя» [49].

Это изучение необходимо начать с пересмотра источниковой базы, на которой держатся принятые в литературе представления о местничестве.

Основной вывод Ключевского о включении в Думу в конце XV—начале XVI в. массы княжат, выходцев из новоприсоединен-

ных земель, был основан, как об этом уже говорилось, на дефектном Шереметевском списке боярских чинов.

Первоначально состав Думы был не широким, а узким. В 1505 г. в нее входили всего пятеро бояр и семеро окольничих. Из 12 думных людей только трое было княжат. В 1533 г. в Думе было 11 бояр, двое окольничих, причем шестеро бояр происходили из княжат. Аристократизм Боярской думы, как мы видим, нарастает к 1533 г., а не уменьшается.

Отсутствие «служилых княжат» в Думе имеет самое прямое отношение к местничеству. С Воротынскими и другими служилыми княжатами бояре не могли местничать уже потому, что они по отношению к думным людям составляли более высокую прослойку феодальной аристократии [50].

В тот период, когда, согласно схеме Ключевского, местнические отношения должны были устанавливаться и развиваться (т. е. в XV—первой трети XVI в.), его следы в источниках совершенно незначительны. Тогда же, когда оно должно было бы ограничиваться, о нем сохранилось множество известий (с середины XVI в.).

Так, для XIV в. достоверных данных о существовании местничества у нас нет. Так называемые местнические грамоты кн. Дмитрия Константиновича Нижегородского являются, скорее всего, фальшивкой XVIII в.[51] Случай местничества Акинфа с Родионом Нестеровичем 1332 г. также относится к легендам (генеалогического характера), занесенным в летопись при составлении свода 1539 г.[52]

От времени княжения Ивана III до нас дошло всего несколько известий, так или иначе связанных с проблемой местничества. В Устюжском летописном своде говорится, что воеводы под Казанью в 1469 г. «нелюбье держат промеж собя, друг под другом ити не хочет». Даже Маркевич, тщательно собиравший все сведения о ранней истории местничества, писал, что о достоверности этого известия «судить трудно» [53].

Второе сведение также совсем глухое. В местническом деле 1609 г. кн. Б. М. Лыкова и кн. Д. М. Пожарского содержится ссылка первого из спорщиков на то, что по разрядам 1493 г. кн. И. В. Лыко был «выше» кн. Б. М. Турени [54]. Речь, конечно, идет об интерпретации (позднейшей) ранних разрядных записей, а не о местничестве в XV в.

Наконец, во время похода 1500 г. Юрий Захарьич писал Ивану III, что ему «не мочно» быть в сторожевом полку: «То мне стеречи князя Данила». На это он получил суровую отповедь от великого князя, что «ино тебе стеречь не князя Данила, стеречи тебе меня и моего дела. . . не сором тебе быть в сторожевом полку». Здесь в строгом смысле слова местнического дела нет. Речь не шла о том, кому быть «под» кем из воевод. Юрий просто жаловался на несправедливость, играя каламбуром: в сторожевом полку он может только стеречь кн. Данилу, а не воевать. Юрий Захарьич даже не говорит о том, что ему «не вместно» быть под Щеней.

Словом, этот случай в полном смысле местничеством назвать нельзя. Поэтому прав Маркевич, считающий, что отказ Юрия «не имеет даже местнического характера» [55].

Четвертый случай — грамота Ивана III (около 1490 г.) Ивану Судимонту, который был наместником на Костроме вместе с Яковом Захарьичем. Оказывается, Яков бил челом великому князю, что обоим наместникам «на Костроме сытым быти не с чего». Поэтому Иван III пожаловал Якова городом Владимиром, а Судимонту придал вторую половину Костромы [56]. И здесь местнического дела нет, не говоря уже о том, что сама грамота сохранилась в списке конца XVII в. и имеет весьма странный характер (о Иване Судимонте нам вообще ничего не известно).

От времени правления Ивана III до нас дошли два документа местнического характера. Помещены они в составе местнического дела 1504 г. П. М. Плещеева с П. Г. Заболоцким. Один из них — суд Ивана III по делу В. Ф. Сабурова и Г. В. Заболоцкого (60-е—первая половина 70-х годов XV в.) [57]. Суть дела сводилась к жалобе Сабурова на Заболоцкого, который на пиру у великого князя «не дал. . . места выше себя сести». Сабуров ссылался на то, что его отец Федор «сидел выше Григорьева отца Василья за многое бояр». Это показание было проверено боярским «обыском», в результате чего Иван III «оправил» Сабурова и «обинил» Заболоцкого.

В 1504 г. П. М. Плещеев жаловался на П. Г. Заболоцкого в связи с тем, что тот отказался с ним ехать в посольство в Литву, а «я, — писал Плещеев, — Лобана местом более». На основании грамоты В. Ф. Сабурова (а М. Б. Плещеев был «больше» Ивана Сабурова) спор был решен в пользу Плещеева. Документ 1504 г. был настолько важен, что его подлинник хранился в Государственном архиве («правая грамота Петра Плещеева на Лобана на Заболотцкого») [58]. Местничество в обоих грамотах рисуется еще неразвитым. Определялось оно не родовитостью, а службой.

В Типографской летописи и разрядных книгах помещены две «памяти» местнического характера [59]. Одна — «Память Генадья Бутурлина да Михаила Борисовича: князь Юрьи Патрекеевич приехал, а заехал бояр Констянтина Шею» и др. Эта «Память» повторяет список бояр первой духовной Василия Дмитриевича 1406 г. и не имеет иных источников [60]. Составлена она в 30—50-х годах XV в. Другая — память Петра Константиновича. В ней рассказывается, что жена кн. Юрия Патрикеевича «сидела выше» жены тысяцкого Василия Михайловича (Морозова), под которою сидела жена Ивана Морозова, и т. д.[61] Этот документ связан с именем П. К. Добрынского, т. е. относится к 30—40-м годам XV в. В поздних списках родословных книг встречается очень испорченное челобитье Геннадия Бутурлина Федору Давыдовичу (нач.: «Господину Федору Давыдовичю Генадей, господине, Бутурлин челом бьет на великом жалованьи, что, господине, жалуешь, печалуешься о своем брате о молодшем, о Ондрее Бутурлине») [62]. В челобитье есть ссылка на память Геннадия

Бутурлина и Петра Константиновича («То память Петрова Константиновича да и наша»). Содержание челобитной сводится к установлению местнических отношений между Бутурлиными, Колычевыми, Заболоцкими, Морозовыми и Сабуровыми. Геннадий — инок Троице-Сергиева монастыря. Типографская летопись также связана с Троицким монастырем [63]. Возможно, первая память Геннадия связана с его деятельностью, но о втором документе ничего определенного сказать нельзя.

В упоминавшейся уже правой местнической грамоте 70-х годов XV в. есть ссылка Василия Федоровича Сабурова на Геннадия Бутурлина: «отец мой, господине, Федор Сабуров (т. е. Сабур. — *А. З.*) сидел выше Григорьева отца (Заболоцкого. — *А. З.*) Василья за многое бояр, а ведома, господине, бояром старым — Генадью Бутурлину да Михаилу Борисовичю Плещееву» [64]. Эта ссылка странным образом повторяет имена авторов памяти, составленной по духовной Василия I. Геннадий был дядей Михаила Федоровича Сабурова [65].

Четвертый документ местнического типа — «Места боярские при великом князе». Нач.: «Приехал к великому князю князь Юрьи Патрикиевич, Наримантов внук, а князю Ивану Булгаку да князю Данилу Щеняти дед. И в ту пору бояре у великого князя сидели: Борис Данилович (Плещеев. — *А. З.*). А под Борисом сидел Никита Иванович Воронцов» и т. д.[66] Судя по упоминанию последних двух лиц, «Места» составлены не ранее конца XV в. К этому тексту примыкает «Память»: «которой боярин которого был больше и выше сидел. Федор Сабур больше был Никиты Ивановича Воронцова» и т. д.[67] В тексте мы находим еще одного Сабурова (Данилу Ивановича).

Наконец, последний документ также связан с именем Федора Сабурова («Память Федора Ивановича. Сабура [68] Федор сидел выше Никиты Воронцова») [69].

Изучать все эти документы можно только в тесной связи с судьбой родословных и разрядных книг, в которых они помещаются. Пока это не сделано, наблюдения Веселовского могут считаться только предварительными. Все приведенные «памяти» являются записями местнических отношений по воспоминаниям, если не плодом генеалогических размышлений. Кроме первой из них, не видно, чтобы они опирались на какие-либо письменные документы. Примечательно, что споры идут между старомосковскими боярами. Княжата в них (за исключением Юрия Патрикеева, который считается выше их всех) совершенно не участвуют. Этого для нас пока достаточно.

Следы существования местничества в других княжествах (кроме Московского) крайне незначительны. Одно из местнических дел XVI в. (1581/82 г.) упоминает «правую грамоту. . . на Ивана Ивановича Измайлова, дана Федору Григорьевичю Вердеревскому» [70]. Рязанские бояре И. И. Измайлов и Ф. Г. Вердеревский упоминаются в документах конца XV в.[71]

От времени Василия III сведений о местничестве сохранилось

также очень немного. В разрядных книгах есть запись о том, что в 1506/07 г. первым воеводой передового полка был С. И. Воронцов, а сторожевого — Ю. К. Сабуров. В связи с этим в пространной редакции разрядных книг под тем же годом сообщается, что «Юрьи бил челом государю на боярина на Семена Воронцова, что Семен кабы ево почеснея, и государь Юрья Сабурова пожаловал, учинил их с Семеном месникоми по счету» [72]. Это сведение по своему типу очень напоминает поздние записи о местничестве. Во всяком случае, оно относится к старомосковскому боярству.

В рукописи конца XVII в. (в родословных делах) сохранилась «невместная» грамота, данная якобы в 1509 г. окольничему Матвею Яковлевичу Бестужеву на Андрея Петровича Нагого [73]. Никакого окольничего Бестужева в это время не существовало. Грамота входит в круг бестужевских подделок [74].

В местническом деле окольничих М. М. и М. Г. Салтыковых с И. В. Сицким (конец XVI в.) упоминается о том, что, когда в конце 1512 г. Василий III пошел к Смоленску, в дворовых воеводах у него были дворецкий В. А. Челяднин и оружничий А. Салтыков. «И он, Андрей Салтыков, — говорится в этом деле, — бил челом государю в отечестве на большова Васильина брата на Ивана Андреевича Челяднина». Василий III якобы учинил А. Салтыкова и В. А. Челяднина «месниками». Однако проверка, проведенная в приказном ведомстве, подтвердила только существование осеннего разряда 1512 г.[75] Записей о местническом деле не было обнаружено. Вероятнее всего, его и вовсе не существовало. А. Салтыков не мог быть могущественному В. А. Челяднину никаким «месником».

Под 7027 г. в пространной редакции разрядных книг есть сообщение о том, что в этом году «суд был окольничему Ондрею Микитичю Бутурлину о местех с Ондреем Микулиным сыном Ярова Заболоцким на Волоку на Ламском. И по суду государь окольничева Ондрея Микитича Бутурлина оправил, а Ондрея Микулина сына Ярова обвинил, и правую грамоту пожаловал, на нево дал; да в той же грамоте введено, что учинили Микиту Ивановича Бутурлина господином Семену Ивановичю Воронцову» [76]. Сведение, опять возбуждающее по крайней мере настороженность. Дело в том, что ни И. Н. Бутурлин, ни его братья никогда не были окольничими, хотя разрядная книга пространной редакции щедро именует Бутурлиных думными людьми. Так, Иван и Федор Бутурлины называются боярами под 1512/13 г.[77] А. Н. Бутурлин часто именуется окольничим [78]. Н. И. Бутурлин не мог местничать с С. И. Воронцовым, ибо он упоминался в 1453 г., т. е. намного раньше Воронцова. Запись датируется осенью 1518 г., когда Василий III был на Волоке [79].

В пространной редакции разрядных книг под 1521 г. сказано, что на Костроме были наместниками: на большой половине — кн. М. И. Воротынский, а на меньшой — кн. И. В. Глинский. Между ними произошел спор, в результате которого Глинского поставили в «меньших» у Воротынского [80]. Здесь явно какая-то путаница.

И. В. Глинский в разрядах упоминается всего один раз, причем на двадцать лет позже описываемого случая: в 1543 г. он как раз и был наместником и воеводой Костромы. В том же году впервые упоминается в разрядах и М. И. Воротынский [81]. Так что местнический (условно говоря) спор между ними может быть отнесен примерно к 1543 г., а не к 1521 г.

В Софийской II летописи рассказывается о походе 1530 г. русских ратей кн. И. Ф. Бельского (судовой) и кн. М. Л. Глинского (конной). Поход окончился неудачей, поскольку, как пишет летописец, «воеводы межь себя Белской с Глинским спор учинили о местех, которому ехати в город наперед». Маркевич считает этот случай местничеством [82], хотя совершенно ясно, что речь идет не о споре о служебном положении, а о том, кто должен первым войти в побежденный город.

По разрядным книгам, в большом полку судовой рати находились кн. И. Ф. Бельский и кн. М. В. Горбатый, в передовом полку — кн. Федор Лопата Телепнев-Оболенский и кн. Семен Федорович Сицкий, в правой руке — Федор Кутузов и кн. Ф. М. Курбский, в левой руке — Иван и Андрей Никитичи Бутурлины. И вот в разрядных книгах пространной редакции мы встречаем целый комплекс сведений о местнических спорах в Казанском походе, в которых принимают участие почти все названные лица [83]. Иногда в записях даже Казанский поход как бы утрачивается и появляются три похода — 7029, 7034 и 7038 гг., в которых названные воеводы местничали [84]. В первом (1521 г.) походе (мнимом) был якобы местнический спор М. В. Горбатого и И. Н. Бутурлина и А. Бутурлина с М. Курбским; во втором, также мнимом (1526 г.), — три (М. Горбатого с Ф. Оболенским и И. Бутурлиным, М. Курбского с Ф. Оболенским и И. Бутурлиным, А. Бутурлина с М. Курбским); в третьем (1530 г.) тоже было три случая, причем первые два совпадают полностью, а третий частично с местническими делами 1526 г. (М. Горбатого с Ф. Оболенским и И. Бутурлиным, М. Курбского с Ф. Оболенским и И. Бутурлиным и, наконец, А. Бутурлина с М. Курбским, Ф. Оболенским и С. Сицким). Во всех случаях решение было «служба без мест», причем как служба минется, «и князь великий ему с ними счет даст» [85].

Итак, с мнимыми Казанскими походами 1521 и 1526 гг. не следует считаться еще и потому, что местнические дела, упомянутые под этими годами, просто дублируют местничества 1530 г., но и последний случай совершенно фантастичен. Речь идет даже не о том, что в походе 1530 г. участвовал не Михаил (который, кстати сказать, и боярином-то не был), а Федор Курбский. Во всех трех местнических делах назойливо проводится мысль о равенстве в местническом смысле Бутурлиных со всеми крупнейшими княжескими фамилиями, что резко противоречит положению вещей в первой трети XVI в. Самих местнических документов в разрядной книге не помещено, а изложение весьма стандартное, в духе поздних местнических решений [86]. Совершенно

невозможно, чтобы все главные воеводы между собой одновременно в одном походе «переместничались», это противоречит практике 20—30-х годов XVI в. Ничего подобного из достоверных источников нам не известно [87].

Для времени правления Елены Глинской местническими случаями мы не располагаем вовсе. Маркевич приводит известие одного местнического дела конца XVI в. (до 1582 г.), в котором говорится, что кн. В. В. Шуйский «был месник» И. Ф. Бельскому [88]. Но это не что иное, как позднейшая интерпретация служебного положения обоих бояр, а не реальное указание на местнический спор между ними. В местническом деле 1579 г. кн. И. П. Шуйский писал, что «Хабар был местник Ивану Морозову» [89]. И это сведение имеет такой же смысл, как и предшествующее.

В январе 1535 г. архимандрит Феодосий писал новгородскому архиепископу Макарию: «молим, владыко, еже утолити мятеж местной между старіишими градцкыми, наместником и дворецкым, и указ учинити о том... к кому наперед приходити». Маркевич видит в этих словах глухое указание на местнические споры новгородского наместника М. С. Воронцова с И. Н. Бутурлиным [90].

Действительно, в апреле 1536 г. упоминаются в разрядах наместник М. С. Воронцов и дворецкий И. Н. Бутурлин [91]. При этом П. П. Свиньиным изданы отрывки из разрядной книги Годуновых или Сабуровых за 1360/61 г.—1691/92 гг.[92] В них встречается ряд известий местнического характера, часть их относится к Бутурлиным. Так, о И. Г. Закале Бутурлине специально оговаривалось, что он «во всем своем роду большой, в братстве». Помещено здесь «Челобитье на Никиту на Бородина Дмитрия Бутурлина» (нач.: «7027 году ходили воеводы»). После рассказа о походе «из Новгорода» 7043 г. челобитчик сообщает: «Иван, дядя мой, был на твоем государеве жалованье... Новгородском. И присылал к тебе, к государю, бити челом на боярина и на воеводу на Михаила на Воронцова, что дяде моему Михаиле (?) быти не вместна меншим. И ты, государь, пожаловал, прислал свою царскую грамоту к Ивану, к дяде, невместную, а рек еси государь, пожаловать щет (в издании: «цев») дати им, как они с твоего государева жалованья снидет. И Ивана, дяди моево, на твоем государеве жалованье, на дворечестве в Нове-городе нестала...»[93] Маркевич связывает этот случай с грамотой Феодосия, которую он датирует январем 1535 г.[94] Однако в других списках пространной редакции разрядных книг этот случай изложен под 1518/19 г. перед местничеством А. Бутурлина [95]. Не является ли это сведение «затейкой» Бутурлиных, выполненной по материалам разрядных книг? Рассказ же Феодосия не дает достаточных оснований для интерпретации его в местническом смысле.

Обилие в поздних текстах разрядных книг «местнических дел» (сомнительных по содержанию), которые относятся к Бу-

турлиным, позволяет поставить вопрос: не имели ли Бутурлины отношение к их составлению? Вопрос нуждается в специальном обследовании. Сейчас же можно сказать только, что до нас дошла разрядная книга окольничего Федора Васильевича Бутурлина, его сына стольника Ивана и внука стольника Ивана Ивановича (ГИМ. Собр. Уварова. № 593). Списана была книга с книги Квашниных, где «много и затеек написано». Это не единственный экземпляр бутурлинских разрядных книг (см.: ЛОИИ СССР. Собр. Воронцова. № 650, 651). В рукописи, содержащей выдержки из разрядных книг (БАН. 32.5.1), есть даже царская грамота от марта 1633 г., выданная Ф. В. Бутурлину [96]. Бутурлины — видные деятели Боярской думы и московских приказов XVII в. Сам Федор Васильевич возглавлял Приказ городового дела в 1641/42—1643/44 гг., Новую четь в 1643/44—1645/46 гг., а в 1652/53 г. — Московский судный приказ. Его сын — глава целого ряда приказов в 1668/69—1679/80 гг.[97]

Итак, во второй половине XV—первой трети XVI в. местничество имело скромные размеры. Для более раннего периода у нас сохранились отрывочные данные, главным образом содержащие предания о местах, которые занимали во время приемов ближайшие к великому князю бояре. Этот порядок описывает и Герберштейн [98].

Межродовое местничество при назначении на военно-служилые должности имело место у старомосковских бояр, происхождение которых не давало оснований для предпочтения одного рода перед другим. «Состязаться» в знатности неродовитые бояре с княжатами не могли. Поэтому первоначально местничество носило служилый, а не родословный характер. Только со времен боярского правления, когда служилые князья вошли в Думу, они сравнялись с верхушкой старомосковской аристократии и также включились в систему местнических отношений.

Состав боярских фамилий, примерная численность бояр в Думе, порядок получения думных чинов, определявшиеся старомосковскими традициями, — все это в какой-то мере ограничивало волю великого князя при назначении тех или иных лиц в число боярских советников. И все же в его распоряжении было много средств обойти эти препоны, добиться создания Думы из числа наиболее преданных ему лиц. Великий князь не мог сделать боярином племянника ранее его дяди. Но он мог назначить в Думу представителя того из боярских родов, кто казался ему по личным качествам более подходящим для этой цели. Он мог задержать или ускорить назначения боярами тех, кто по родовому принципу, так сказать, стоял на очереди для получения боярского чина.

К концу изучаемого периода все более становилась несостоятельной сама основа, на которой строилась вся система формирования Думы, — родовой принцип назначения ее членов. Дело было даже не столько в том, что при разрастании ветвей в боярских родах, выделении из них все новых и новых семей становилось

невозможным строгое следование старому порядку назначения. Прежде всего этот принцип как таковой не устраивал московских государей, власть которых все усиливалась. При наследовании великокняжеского престола подобный принцип был похоронен еще в годы феодальной войны второй четверти XV в.

При назначении в Думу родовой принцип старшинства был отброшен сначала в рамках Государева дворца и Казны, где уже давно великие князья предпочитали сохранять те или иные ведомства в распоряжении отдельных семей, не руководствуясь никакими родовыми счетами. Затем этот семейный принцип, основанный на личной преданности тех или иных лиц государю и их навыках в практической деятельности, начал завоевывать себе место при назначении и на думные должности (см. судьбу Морозовых, Захарьиных и др.). При резком увеличении численности лиц, связанных единством происхождения, выдержать родовой принцип назначений в Думу было невозможно, да и практически просто вредно («дядья» подчас оказывались связанными с уделами, и их назначение в государеву Думу было чревато опасностями). Дети же великокняжеских бояр с раннего возраста находились при дворе и становились вернейшими исполнителями великокняжеских предначертаний. Впрочем, этот процесс торжества «семейного принципа» назначения в Думу в изучаемое время еще не был завершен.

Одним из средств упрочения влияния великих князей на феодальную аристократию было вступление в отношения родства или свойства с ее наиболее видными представителями. Уже в XIV в. родственниками великих князей стали ростовские князья и Протасьевичи (свояком великого князя был сын тысяцкого Василия Васильевича Микула). Князь Юрий Патрикеевич был женат на дочери Василия I. В 1506 г. за казанского царевича Кудайкула (Петра) была выдана замуж одна из дочерей Ивана III, мужем другой стал еще в 1500 г. кн. В. Д. Холмский. Василий III первым браком был женат на дочери Ю. К. Сабурова, а ее сестру в 1506 г. выдали замуж за кн. В. С. Стародубского. Вторично Василий III женился в 1526 г. на дочери В. Л. Глинского, а свояченицу великого князя Марию в 1527 г. выдали замуж за кн. И. Д. Пенкова. Прошло несколько лет, и супругой кн. Ф. М. Мстиславского в 1530 г. стала одна из дочерей царевича Петра, а в 1538 г. ее сестру выдали замуж за престарелого кн. В. В. Шуйского. Позднее кн. И. Д. Бельский женился на внучке того же царевича.

Практически почти все крупнейшие княжеские фамилии Русского государства (разве что кроме Оболенских, тесно связанных с уделами) оказались в родственных связях с великокняжеским семейством.

Было и еще одно средство добиться покорности потомков когда-то независимых княжат — государева опала во всех ее проявлениях, начиная от простой немилости (удаление от двора, неназначение на придворные и военно-административные долж-

ности) и кончая заточением или даже казнью (что случалось редко).

Так, в 1463 г. «очи выняли» выдающемуся полководцу боярину Федору Басенку. В 1478 г. опала постигла боярина князя И. В. Стригу Оболенского. В начале 80-х годов были распущены дворы И. Б. и В. Б. Тучко Морозовых и других бояр. В 1485 г. оба брата Морозовых были «поиманы». В 1497 г. состоялась казнь В. Е. Гусева и других сторонников княжича Василия. Через два года казнили влиятельнейшего боярина кн. С. И. Ряполовского, а князей И. Ю. и В. И. Патрикеевых постригли в монахи. В 1508 г. был «поиман» свояк великого князя кн. В. Д. Холмский, а в 1514 г. — кн. М. Л. Глинский (вторично угодил в заточение он уже в 1534 г.). В 1525 г. казнен И. Н. Берсень Беклемишев. Затем опала постигла М. А. Плещеева и ряд других видных деятелей, прощенных только в 1530 г. В начале 30-х годов в заточение брошены кн. И. М. и А. М. Шуйские, а в 1538 г. — временщик кн. И. Ф. Телепнев-Оболенский.

Великокняжеская власть придавала большое значение крестоцеловальным записям «в верности престолу», которые должны были давать внушавшие опасения те или иные представители влиятельной части феодальной знати. Так, в 1474 г. подобную запись дал кн. Д. Д. Холмский, в 1522 г. — кн. В. В. Шуйский, в 1524 г. — князья И. Ф. и Д. Ф. Бельские, в 1527 г. — кн. М. Л. Глинский, в 1528 г. — князья И. М. и А. М. Шуйские, в 1530 г. — М. А. Плещеев.

Боярская дума во второй половине XV—первой трети XVI в. наряду с великокняжеской властью являлась высшим государственным органом, осуществлявшим законодательные, судебные и военно-административные функции. Уже в заголовке основного законодательного кодекса того времени — Судебника 1497 г. говорилось, что его «уложил князь великий... с детми своими и с бояры о суде, как судити бояром и околничим» [99]. Итак, бояре, несомненно, участвовали в составлении первого законодательного свода единого Русского государства. Л. В. Черепнин предположил, что среди них были князья И. Ю. и В. И. Патрикеевы [100]. Все решающие мероприятия проводились только после совещания великого князя с Думой. Так, в частности, было в 1523 г., когда встал вопрос о разводе Василия III с Соломонией («начаша думати со своими бояры») [101]. В 1525 г. на соборе, осудившем Максима Грека, присутствовали многие бояре («многим же бояром») [102]. Боярин М. Ю. Захарьин и дьяки участвовали в соборных заседаниях по делу Вассиана Патрикеева 1531 г.[103] Так было и во время предсмертной болезни великого князя 1533 г., когда решался вопрос о составе правительства при малолетнем Иване Васильевиче («нача князь великы думати с бояры... нача же князь велики думати с теми же бояры») [104].

Велико было значение бояр в судебной практике Русского государства. Бояре были судьями «низшей инстанции». Они же входили в состав судей высшей инстанции, выносивших оконча-

тельное решение по спорному делу. Участвовали они и в решении военных дел. Так, в 1522 г. Василий III отправился в поход в Коломну, приговорив «с своею братьею и з бояры»[105].

Для изучаемого периода не известно ни одного заседания Думы, на котором бы присутствовали бояре в полном составе.

Для понимания практической деятельности и самого типа заседаний Боярской думы очень важен единственный сохранившийся «боярский приговор» 1520 г. Он был принят по одному из второстепенных дел (о краже ржи у какого-то корельского попа), но почему-то сохранился в Государственном архиве. Его вынесли «бояре», среди которых названы: кн. В. В. Шуйский, кн. М. Д. Щенятев, кн. Б. И. Горбатый, С. И. Воронцов, И. Г. Морозов, А. В. Сабуров, И. В. Хабар, М. Ю. Захарьин, И. И. Третьяков, а также дьяки[106].

Боярами в это время были шесть человек — четверо названы в начале списка, а также кн. А. В. Ростовский, находившийся в 1520 г. на наместничестве в Новгороде, и старейший боярин Г. Ф. Давыдов, которому обычно в те годы докладывались подобные дела. Следующие трое «бояр» (Морозов, Сабуров, Хабар) на самом деле были окольничими. В 1520 г. известно семь окольничих. Отсутствующие в Приговоре Петр и Василий Яковлевичи *занимались в то же время разбором аналогичных дел. Не упомянуты* в Приговоре И. А. Жулебин и М. В. Тучков. Зато «боярином» назван М. Ю. Захарьин, на самом деле тверской дворецкий (очевидно, «с боярским судом»): в 1520 г. «большого дворецкого» как будто не было и М. Ю. Захарьин (наряду с другими лицами) мог исполнять его обязанности. Наконец, в «бояре» попал И. И. Третьяков, который в 1520 г., возможно, был печатником.

Итак, на заседаниях Боярской думы присутствовали не все бояре и «боярами» (участниками заседания) назывались не только бояре, но также окольничие, члены дворцовой администрации.

Обычно все дела решали так называемые боярские комиссии, которые возглавлялись только боярином (или двумя), а состояли также из лиц дворцового ведомства (дворецких, казначеев) и дьяков, а иногда и просто тех, которым на время их миссии (например, посольской) «сказывалось» боярство (хотя они им и не обладали)[107]. Поэтому за формулой «князь великий приговорил з бояры» (например, о пожаловании Абдул-Летифа в 1508 г.)[108] скрывалось не заседание Василия III со всей Думой в целом, а решение, принятое великим князем с близкими ему лицами, только в какой-то части состоявшими из бояр. Так, решение судьбы Пскова было принято в январе 1510 г. Василием III в Новгороде по приговору великого князя с боярами («приговарил з бояры»), но половина личного состава Думы в это время находилась в Москве[109].

В 1517 г. ответы имперскому послу даны были, после того как Василий III «приговорил с бояры»[110]. Боярские комиссии вели

переговоры с иностранными представителями, судили различные дела, присутствовали на их докладе великому князю, а иногда были высшей судебной инстанцией. На великокняжеском суде и на докладе великому князю или его детям обычно присутствовали один-два боярина вместе с другими администраторами [111].

Первые сведения о «боярах введенных» в источниках появляются тогда же, когда и о детях боярских, т. е. в начале 30-х годов XV в. [112] В литературе считалось, что введенным боярином назывался боярин, введенный в состав Думы (В. И. Сергеевич и др.) [113], или боярин, получивший дворцовую должность (В. О. Ключевский и др.) [114]. Вторая из них ближе к истине. Введенный боярин – боярин, которому доверено исполнение какой-либо должности (например, наместника, судьи и др.) или поручения. Эти-то введенные бояре и осуществляли на практике реальную политическую линию правительства.

С начала 90-х годов XV в. до смерти Ивана III доклад по судным делам только в редчайших случаях принимал сам великий князь [115]. Как правило, докладывались спорные случаи его сыну Василию Ивановичу, внуку Дмитрию, дворецкому П. В. Шестунову, казначею Дмитрию Владимировичу, Ю. К. Сабурову (в 1505/06 г.), кн. Д. А. Пенкову (наместнику на Белоозере), а также виднейшим боярам: кн. Д. В. Щене, Юрию Захарьичу, Якову Захарьичу, кн. Александру Владимировичу Ростовскому и кн. Ивану Юрьевичу Патрикееву [116]. Бояре при этом выступали как наместники [117] или как доверенные лица великого князя.

Бояре занимали важнейшие должности в центральном и местном аппарате. Правда, дворцовые ведомства, непосредственно связанные с великим князем и его личными нуждами, как правило, не входили в компетенцию бояр. Туда назначались лица, менее знатные, но, во всяком случае, особенно преданные великому князю. Иногда функции дворецких (прежде всего в поземельных делах великого князя) исполняли бояре или окольничие. При назначении на военные должности, конечно, учитывались воинские способности княжат и бояр. При распределении этих постов великий князь руководствовался их положением на служебно-иерархической лестнице. Боярам поручались наиболее важные командные должности. Во главе полков во время наиболее крупных походов находилось по два военачальника (иногда и больше). В таком случае назначались один из представителей княжеских фамилий, а второй из числа нетитулованной (старомосковской) знати. Та же система применялась и при назначении на наиболее крупные наместничества.

Велика была роль Боярской думы и в ведении внешнеполитических дел. Бояре присутствовали на аудиенциях, дававшихся великим князем иностранным миссиям в Москве [118]. Они во время переговоров произносили «речи» от имени московского государя [119]. Бояре и окольничие отправлялись в наиболее важные посольства [120]. В тех случаях, когда во главе посольства ставился

не думный человек, ему звание «боярина» как бы «придавалось» на время исполнения его миссии [121].

Боярам вместе с другими администраторами (особенно дьяками и лицами дворцовых ведомств) поручалось ведение переговоров о заключении мира [122]. Переговоры с литовскими представителями неоднократно вели Яков Захарьич и Григорий Федорович Давыдов [123]. Иногда с виднейшими боярами (Яковом Захарьичем, кн. И. Ю. Патрикеевым, кн. В. Д. Холмским) обменивались посланиями литовские паны рады. Решения по важнейшим вопросам внешней политики принимались в результате «приговора» бояр и воли великого князя [124]. Боярам докладывались поземельные дела княжат [125]. В случае, когда Боярская дума выносила то или иное решение, в документах писалось, что «бояре приговорили», а когда к определенному решению не пришли, писалось «бояре поговорили» [126].

Исследователей уже давно ставило в тупик кажущееся противоречие между совершенно определенными сведениями источников о том, что великий князь выносил свои приговоры после совета с боярами, и рассказом И. Н. Берсеня Беклемишева о том, что Василий III «запершыся сам третей у постели всякие дела делает» [127]. Поэтому Н. И. Шатагин, например, считал, что Василий III «сводит на нет... роль боярской думы». С другой стороны, Г. Б. Гальперин исходит из тезиса о том, что «показания опальных бояр, выступивших против централизованного государства, не могут являться объективным источником для научного исследования» [128]. Этот тезис неверен уже потому, что тенденциозными являются и свидетельства защитников централизации. Следовательно, показания Берсеня (кстати говоря, никогда не бывшего боярином) нуждаются в проверке по существу. А эта проверка показывает, что крамольный сын боярский был прав.

Характеризуя деятельность Боярской думы, надо иметь в виду две стороны. Во-первых, не все ее члены играли в ней равную роль. Так, крупнейшей фигурой в конце правления Василия III был М. Ю. Захарьин, а в годы регентства Елены Глинской — кн. И. Ф. Телепнев-Оболенский. Во-вторых, не всегда важнейшие дела поручались членам Боярской думы. Дворецкий, казначей, да и просто фавориты великого князя (вроде Шигоны Поджогина и некоторых дьяков), решали часто больше, чем те или иные бояре. Четкой регламентации деятельности лиц и учреждений в это время не существовало. Но в целом именно бояре занимали важнейшие посты в центральном и местном аппарате. Великий князь не мог еще существенно нарушить традицию, в частности назначить в Думу лиц, хоть сколько-нибудь не связанных с думными родами, но московский государь мог привлекать далеко не всех бояр для текущей правительственной деятельности.

Только в годы малолетства Ивана Грозного, когда воля самого монарха практически сводилась к нулю, Боярская дума стала приобретать более широкие полномочия. Но история Думы этого периода — предмет особого исследования.

переговоры с иностранными представителями, судили различные дела, присутствовали на их докладе великому князю, а иногда были высшей судебной инстанцией. На великокняжеском суде и на докладе великому князю или его детям обычно присутствовали один-два боярина вместе с другими администраторами [111].

Первые сведения о «боярах введенных» в источниках появляются тогда же, когда и о детях боярских, т. е. в начале 30-х годов XV в. [112] В литературе считалось, что введенным боярином назывался боярин, введенный в состав Думы (В. И. Сергеевич и др.) [113], или боярин, получивший дворцовую должность (В. О. Ключевский и др.) [114]. Вторая из них ближе к истине. Введенный боярин — боярин, которому доверено исполнение какой-либо должности (например, наместника, судьи и др.) или поручения. Эти-то введенные бояре и осуществляли на практике реальную политическую линию правительства.

С начала 90-х годов XV в. до смерти Ивана III доклад по судным делам только в редчайших случаях принимал сам великий князь [115]. Как правило, докладывались спорные случаи его сыну Василию Ивановичу, внуку Дмитрию, дворецкому П. В. Шестунову, казначею Дмитрию Владимировичу, Ю. К. Сабурову (в 1505/06 г.), кн. Д. А. Пенкову (наместнику на Белоозере), а также виднейшим боярам: кн. Д. В. Щене, Юрию Захарьичу, Якову Захарьичу, кн. Александру Владимировичу Ростовскому и кн. Ивану Юрьевичу Патрикееву [116]. Бояре при этом выступали как наместники [117] или как доверенные лица великого князя.

Бояре занимали важнейшие должности в центральном и местном аппарате. Правда, дворцовые ведомства, непосредственно связанные с великим князем и его личными нуждами, как правило, не входили в компетенцию бояр. Туда назначались лица, менее знатные, но, во всяком случае, особенно преданные великому князю. Иногда функции дворецких (прежде всего в поземельных делах великого князя) исполняли бояре или окольничие. При назначении на военные должности, конечно, учитывались воинские способности княжат и бояр. При распределении этих постов великий князь руководствовался их положением на служебно-иерархической лестнице. Боярам поручались наиболее важные командные должности. Во главе полков во время наиболее крупных походов находилось по два военачальника (иногда и больше). В таком случае назначались один из представителей княжеских фамилий, а второй из числа нетитулованной (старомосковской) знати. Та же система применялась и при назначении на наиболее крупные наместничества.

Велика была роль Боярской думы и в ведении внешнеполитических дел. Бояре присутствовали на аудиенциях, дававшихся великим князем иностранным миссиям в Москве [118]. Они во время переговоров произносили «речи» от имени московского государя [119]. Бояре и окольничие отправлялись в наиболее важные посольства [120]. В тех случаях, когда во главе посольства ставился

не думный человек, ему звание «боярина» как бы «придавалось» на время исполнения его миссии [121].

Боярам вместе с другими администраторами (особенно дьяками и лицами дворцовых ведомств) поручалось ведение переговоров о заключении мира [122]. Переговоры с литовскими представителями неоднократно вели Яков Захарьич и Григорий Федорович Давыдов [123]. Иногда с виднейшими боярами (Яковом Захарьичем, кн. И. Ю. Патрикеевым, кн. В. Д. Холмским) обменивались посланиями литовские паны рады. Решения по важнейшим вопросам внешней политики принимались в результате «приговора» бояр *и воли великого князя* [124]. *Боярам докладывались поземельные* дела княжат [125]. В случае, когда Боярская дума выносила то или иное решение, в документах писалось, что «бояре приговорили», а когда к определенному решению не пришли, писалось «бояре поговорили» [126].

Исследователей уже давно ставило в тупик кажущееся противоречие между совершенно определенными сведениями источников о том, что великий князь выносил свои приговоры после совета с боярами, и рассказом И. Н. Берсеня Беклемишева о том, что Василий III «запершыся сам третей у постели всякие дела делает» [127]. Поэтому Н. И. Шатагин, например, считал, что Василий III «сводит на нет... роль боярской думы». С другой стороны, Г. Б. Гальперин исходит из тезиса о том, что «показания опальных бояр, выступивших против централизованного государства, не могут являться объективным источником для научного исследования» [128]. Этот тезис неверен уже потому, что тенденциозными являются и свидетельства защитников централизации. Следовательно, показания Берсеня (кстати говоря, никогда не бывшего боярином) нуждаются в проверке по существу. А эта проверка показывает, что крамольный сын боярский был прав.

Характеризуя деятельность Боярской думы, надо иметь в виду две стороны. Во-первых, не все ее члены играли в ней равную роль. Так, крупнейшей фигурой в конце правления Василия III был М. Ю. Захарьин, а в годы регентства Елены Глинской — кн. И. Ф. Телепнев-Оболенский. Во-вторых, не всегда важнейшие дела поручались членам Боярской думы. Дворецкий, казначей, да и просто фавориты великого князя (вроде Шигоны Поджогина и некоторых дьяков), решали часто больше, чем те или иные бояре. Четкой регламентации деятельности лиц и учреждений в это время не существовало. Но в целом именно бояре занимали важнейшие посты в центральном и местном аппарате. Великий князь не мог еще существенно нарушить традицию, в частности назначить в Думу лиц, хоть сколько-нибудь не связанных с думными родами, но московский государь мог привлекать далеко не всех бояр для текущей правительственной деятельности.

Только в годы малолетства Ивана Грозного, когда воля самого монарха практически сводилась к нулю, Боярская дума стала приобретать более широкие полномочия. Но история Думы этого периода — предмет особого исследования.

[1] Сб. РИО. Т. 53. С. 40.
[2] ПСРЛ. Т. 13. С. 523.
[3] См. подробнее: *Лихачев Н. П.* Думное дворянство в Боярской думе XVI столетия // Сб. Археологического ин-та. СПб., 1898. Кн. 6. С. 10.
[4] ДДГ. № 61. С. 198.
[5] Князь И. А. Звенигородский, боярин последних лет правления Василия Темного, при Иване III в Боярскую думу вряд ли входил (с апреля 1463 г. он князь-наместник во Пскове).
[6] РК. С. 17; Р. С. 19—20; ИЛ. С. 92.
[7] РК. С. 49.
[8] В делах о сношениях с Империей есть единственное упоминание о боярстве Данилы Щени.
[9] *Шмидт.* С. 272—273.
[10] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 500.
[11] РИБ. Т. 22. Стб. 27, 29—30; *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. М., 1905. Т. 1. С. 225; АСЭИ. Т. 1. № 501, 612; *Веселовский.* С. 157, 158.
[12] *Абрамович Г. В.* Поганая писцовая книга // ВИД. Л., 1978. Вып. IX. С. 173—194.
[13] РИБ. Т. 22. С. 18—31 (см.: ЦГАДА. Ф. 27 (Приказ тайных дел). 1500, № 4); *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 2, т. 6. Примеч. 201.
[14] В том числе: ГБЛ. Ф. 205 (Собр. ОИДР). № 183. Л. 314—318, 329—330; Ф. 310 (Собр. Ундольского). № 812. Л. 209 об.—211 об.; Ф. 178 (Музейное собр.). № 734. Л. 191—193 об.; № 8973. Л. 226 об.—227 об., 228—229; Ф. 304. II (Собр. Троице-Серг. Лавры, доп.), № 18. Л. 110—113; № 15. Л. 26—33 об.; ЦГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД). № 84. Л. 426—428; № 83. Л. 63—71; № 461. Л. 194 об.—199 об.; Ф. 197 (Собр. Малиновского). № 32; Ф. 196 (Собр. Мазурина). № 477, 822, 876; ГИМ. Собр. Уварова. № 1337 (6). Л. 627—630; Собр. Вахромеева. № 136. Л. 15- 19; Музейское. № 2918. Л. 380—382; № 3257. Л. 483 об.—487; ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 342 (Барятинские). Д. 265; БАН. 34.5.15. Л. 68—75 об.; ГПБ. Погод. № 1623. Л. 85 об.—87 об.; Р. IV. № 275; ЛОИИ СССР. Собр. Археографической комиссии. № 29. Л. 48 и след.; Ф. 13 (Колл. Русского археологического о-ва). Оп. 1. Д. 147; Колл. 174 (Колл. актов до 1613 г.). Оп. 1. Д. 14; Собр. Лихачева. № 146. Л. 321—322. См. также: *Прозоровский Д.* Опись древних рукописей, хранящихся в Музее Русского археологич. о-ва. СПб., 1879. № 146, 147.
[15] В связи с незавершенностью исследования «Поганой книги» возникает вопрос, насколько можно говорить об опале и роспуске дворов Тучковых, И. Ю. Патрикеева и других бояр в 1483 г. Возможно, испомещение их послужильцев не было связано с роспуском. Во всяком случае, следов опалы в 1483 г. цвета московской знати обнаружить не удается: и И. Ю. Патрикеев, и Тучковы, и Русалка, и другие лица продолжали находиться при дворе и пользоваться расположением великокняжеской власти. Не является ли сведение о «роспуске» позднейшей (XVII в.) интерпретацией материалов писцовой книги Вотской пятины 1500 г.? Вопрос пока остается открытым.
[16] РК. С. 19.
[17] Там же. С. 25—26.
[18] Возможно, Г. А. Мамон был окольничим еще до 1491 г. (об этом см. выше).
[19] К этому времени были еще живы окольничие И. В. Чобот, П. М. Плещеев, П. Г. Заболоцкий и Данила Иванов (сошел со сцены вскоре после 1500 г.).
[20] О возвышении Дмитрия-внука с августа 1497 г. до конца 1498 г. см.: *Каштанов.* История. С. 88—95.
[21] *Шмидт.* С. 272—273. В список помещены князья И. Ю. и В. И. Патрикеевы и С. И. Ряполовский, опала которых относится к январю 1499 г. Нет в списке по неясной причине боярина кн. И. В. Булгака, умершего в апреле 1498 г. Об А. Ф. Челяднине сказано, что он «на Новегороде»: Челяднин наместничал в Новгороде, во всяком случае с февраля 1498 по февраль 1500 г. Следовательно, список датируется временем не позднее января 1499 г. Помещен он в Хронографе после рассказа о коронации Дмитрия в феврале 1498 г. и казни Владимира Гусева, но до записи о посажении Дмитрия Ивановича «на великое княжение»

(февраль 1498 г.). Поэтому, скорее всего, он составлен был в связи с февральскими коронационными торжествами 1498 г.

[22] *Герберштейн.* С. 20.

[23] Далее в биографии А. В. Сабурова перерыв до 1531 г., когда он появляется уже как боярин.

[24] Позднее, в 1529/30 г., боярином некоторое время был кн. Ю. Д. Пронский.

[25] До Я. Г. Морозова в 1529—1530 гг. окольничим был его брат Василий.

[26] В августе 1534 г. в связи с бегством брата Семена в Литву И. Ф. Бельский попал в темницу.

[27] О сословной монархии в России в конце XV—первой половине XVI в. см.: *Гальперин Г. Б.* Форма правления Русского централизованного государства XV—XVI вв. Л., 1964. С. 3—28.

[28] РК. С. 26. В родословцах говорится о М. Ф. Телятевском, что он был «во Твери и на Москве в боярех» (Род. кн. Ч. 1. С. 64).

[29] РК. С. 44; Р. С. 112.

[30] Род. кн. Ч. 2. С. 146.

[31] Там же. С. 141, 143.

[32] В том числе о кн. И. А. Дорогобужском, кн. Вл. А., Вас. А., М. Ф. Микулинских, кн. С. Д. Холмском, В. Б., Г. Н., И. Б., И. Н., П. Б. и Ф. Г. Бороздиных, П. И. Житове.

[33] Р. С. 69 (1501 г.).

[34] Подробнее см.: *Зимин А. А.* Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV—первой трети XVI в. // ВИД. Л., 1973. Вып. V. С. 182—195; *Он же.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. М., 1977. С. 161—188.

[35] *Скрынников Р. Г.* Московская семибоярщина // Вопр. истории. 1973. № 2. С. 209—213; ср.: *Он же.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 109, 114; *Он же.* Иван Грозный. М., 1975. С. 5—11 и др.

[36] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937. С. 346—348.

[37] РИБ. Т. 13. Стб. 1309.

[38] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 556—557. Гипотеза А. Е. Преснякова и И. И. Смирнова о том, что в духовной Василия III был перечислен состав регентского совета, нам представляется недостаточно убедительной (*Пресняков А. Е.* Завещание Василия III // Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 71—80; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.; Л., 1958. С. 26; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 225—227; *Он же.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 394—395).

[39] Всего к моменту смерти Василия III в Думу входили 11 бояр. Кроме перечисленных пяти, еще В. Г. и И. Г. Морозовы, князья Б. И. и М. В. Горбатые и кн. Д. Ф. Бельский. Все они также принимали участие в предсмертных совещаниях Василия III. Князь А. А. Ростовский находился в Смоленске.

[40] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 558.

[41] РК. С. 124.

[42] *Скрынников Р. Г.* Московская семибоярщина. С. 213.

[43] РК. С. 141.

[44] *Скрынников Р. Г.* Московская семибоярщина. С. 213.

[45] РК. С. 115. Василий III не раз оставлял в столице бояр со своим родичем царевичем Петром (Там же. С. 53, 54, 69).

[46] Там же. С. 141, 152, 159, 163, 182, 222—223, 226, 245.

[47] *Маркевич А. И.* О местничестве. Киев, 1879. Ч. 1; *Он же.* История местничества в Московском государстве в XV—XVII вв. Одесса, 1888.

[48] *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 140, 153—156; *Он же.* Боярская дума древней Руси. Пг., 1919. С. 239—240.

[49] *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 262—307.

[50] Так, И. М. Воротынский в 1519 и 1521 гг. получал меньшие посты, чем кн. М. Д. Щенятев (РК. С. 61, 66, 67), но по рангу был выше его.

[51] АСЭИ. Т. III. № 307, 308.

[52] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 355, 356.

[53] [ПСРЛ. Т. 37. С. 91]; *Маркевич А. И.* История местничества. С. 244.
[54] Русский исторический сборник. М., 1838. Т. 2. С. 273, 278. Этот разряд есть в достоверных разрядных книгах, но никакого местнического дела там нет (РК. С. 22).
[55] РК. С. 30; *Маркевич А. И.* История местничества. С. 246.
[56] АСЭИ. Т. 3. № 248.
[57] Р. С. 81—86. Датируется по упоминанию дьяка Алексея Полуектова, который фигурирует в источниках 60-х—первой половины 70-х годов XV в. *(Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 420 -421; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV—первой трети XVI в. // Ист. зап. М., 1971. Кн. 87. С. 261—262).
[58] ГАР. С. 77 (ящик 178), 393. В грамоте есть неясность. В мае—сентябре 1503 г. в Литву с Плещеевым был послан К. Г. Заболоцкий, а не Петр Лобан (возможно, он поехал вместо брата) (Сб. РИО. Т. 35. С. 412—439). Дело происходило в 1504 г., т. е. после возвращения из посольства. Иван III предписывал послам: чтобы «розни бы меж вас ни в чем не было» (Там же. С. 428).
[59] ПСРЛ. Т. 24. С. 232; РК. С. 17; ср. также: *Веселовский.* С. 22.
[60] *Веселовский.* С. 23. В Типографской летописи после памятей идут списки бояр.
[61] РК. С. 17.
[62] ЦГАДА. Ф. 196 (Собр. Мазурина). № 240. Л. 115; ср.: ЛОИИ. Собр. Археографической комиссии. № 249. Л. 198 об.; ГБЛ. Румянц. № 252. Л. 386—386 об. Опубликовано: *Коркунов М.* Памятники XV в. СПб., 1857. С. 18—19; *Веселовский.* С. 23—24.
[63] Род. кн. Ч. 1. С. 338; *Насонов А. Н.* Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. М., 1958. Сб. VI. С. 249—252.
[64] Р. С. 85—86.
[65] АСЭИ. Т. III. № 230.
[66] ЛОИИ. Собр. Лихачева. № 495. Л. 115-а; ЦГАДА. Ф. 135 (Государственное древлехранилище). № 184. Л. 253; ср.: ЛОИИ. Собр. Археографической комиссии. № 249. Л. 198. Издано: *Коркунов М.* Указ. соч. С. 20 (начала до слов «сиделн» — нет); *Веселовский.* С. 24 (по рукописи ЦГАДА. Собр. Мазурина. № 240. Л. 35).
[67] *Веселовский.* С. 25.
[68] Описка. Надо: Сабур.
[69] *Коркунов М.* Указ. соч. С. 21; *Веселовский.* С. 25 (тоже по рукописи из Собр. Мазурина. № 240).
[70] *Лихачев.* С. 97—98.
[71] АСЭИ. Т. 3 № 348 (1491 / 92 г.), 349 (1497 / 98 г.), 350 (1499 / 1500 г.), 358 (1486/87 г.); ср. № 342, 357, 366.
[72] РК. С. 37; Р. С. 97.
[73] Акты Юшкова. № 76.
[74] Подробнее см.: *Зимин А. А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв. // Тр. МГИАИ. М., 1963. Т. 17. С. 408—409.
[75] Русский исторический сборник. М., 1842. Т. 5. С. 214, 215, 217, 224, 257, 258, 260, 261, 265, 266, 285, 286; РК. С. 49.
[76] Р. С. 167.
[77] Там же. С. 127, 131. Ср. Ф. Н. Бутурлина под 1515 / 16 г. с боярским титулом (Там же. С. 151), но там же без упоминаний о боярстве (Там же. С. 155, 169, 171).
[78] Там же. С. 148, 149, 163 и др.; *Зимин.* Состав Боярской думы. С. 50—51.
[79] ПСРЛ. Т. 8. С. 265.
[80] Князь Иван Глинский «посылал бити челом государю, что ему меньши князь Михаила быть невмесно. И бояре все ему о том лаели и велели быть ему у князь Михаила в меньших и поставили князь Ивана Глинского меньши» (Р. С. 179—180).
[81] РК. С. 105, 106.
[82] ПСРЛ. Т. 6. С. 265; РК. С. 74—75; *Маркевич А. И.* История местничества. С. 253.

[83] А. И. Маркевич еще ссылается на «какие-то местничества» 1526 г., но это и есть разбираемые ниже случаи (ср.: Изв. Археологич. о-ва. СПб., 1859. Т. 1, вып. 4. С. 229).

[84] См., например: ГБЛ. Ф. 29 (Собр. Беляева). № 7 (1585. Беляевский I список). Л. 98 об. — 99, 106—106 об., 117 об. — 118 об.; БАН. № 34.8.36. Л. 105, 111—112, 122, 122 об. — 123; № 34.3.2. Л. 86 (7034 г.), 99 (7038 г.); Р. С. 197 (7034 г.), 214 (7038 г.).

[85] Р. С. 213 214. Заметим, что М. Ф. Карамыш Курбский умер задолго до 1530 г.

[86] См. запись о местническом деле 1539 г. кн. М. Курбского с кн. П. Репниным (РК. С. 96—97).

[87] Маркевич ссылается еще на родословец по списку ГБЛ. Ф. 256 (Собр. Румянцева). № 252, в котором якобы «есть споры по местничеству бояр времени в. кн. В. И-ча» (*Маркевич А. И.* История местничества. С. 254). Но он текста памятника не видел, а справка, сделанная для него И. Линниченко, после проверки оказалась недоразумением.

[88] Русский исторический сборник. Т. 2. С. 55; *Маркевич А. И.* История местничества. С. 254.

[89] Русский исторический сборник. Т. 2. С. 17.

[90] ДАИ. Т. 1. № 30. С. 31; *Маркевич А. И.* История местничества. С. 258.

[91] РК. С. 90.

[92] *Свиньин П. П.* О службах и походах боярских // Отечественные записки. 1826. Ч. 28. № 80. Декабрь; 1830. Ч. 44. № 126. Октябрь—декабрь.

[93] Там же. 1826. Ч. 28. С. 405, 412—415.

[94] *Маркевич И. А.* О местничестве. Ч. 1. С. 133.

[95] «Тово же году сидели намесники на Великом Новегороде: боярин князь Борис Иванович Горбатой да Михайло Семенович Воронцов, дворецкой ноугородцкой боярин Иван Микитич Бутурлин. И боярин Иван Бутурлин з боярином с Михаилом Варанцовым не писался, а то ему было невместно, и грамоты от государя приходили опричонна к Ивану, а к Михаилу Воронцову писали з боярином со князь Борисом Горбатым» (Р. С. 165; ср.: ЛОИИ СССР. Собр. рукописных книг. № 93. Л. 95; ср.: ЛОИИ. Собр. Лихачева. № 146. Л. 76 об.).

[96] *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962. С. 34, 40—42.

[97] *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. С. 239.

[98] За великокняжеским братом сидели «старейшие князья и советники, причем соблюдались их чины и степени, милости которой каждый пользовался у государя» (*Герберштейн.* С. 204).

[99] Судебники XV—XVI вв. М.; Л., 1952. С. 19.

[100] *Черепнин.* Архивы. Ч. 2. С. 306 и след.

[101] ПЛ. Вып. 1. С. 103.

[102] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. М., 1971. С. 90.

[103] *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 285.

[104] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 556—557; Т. 13. С. 412.

[105] РК. С. 68; Р. С. 182.

[106] *Лихачев.* С. 176—178.

[107] Так, переговоры 26 апреля 1517 г. с С. Герберштейном вели следующие «бояре»: боярин Григорий Федорович, казначей Юрий Малый, Шигона Поджогин и дьяк Меньшой Путятин (ПДС. Т. 1. Стб. 211). В 1523 / 24 г. розыск производили «бояре» М. Ю. Захарьин и Шигона Поджогин (*Зимин А. А.* Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в. // Ист. архив. 1960. № 3. С. 148).

[108] Сб. РИО. Т. 95. С. 42.

[109] *Масленникова.* С. 189; РК. С. 44.

[110] ПДС. Т. 1. Стб. 201—202.

[111] Около 1499—1502 гг. на докладе княжичу Василию Ивановичу присутствовали «бояре» Яков Захарьич и казначей Дмитрий Владимирович (АСЭИ. Т. 1. № 628). Обоих мы встречаем и в 1498 г. на суде Дмитрия Ивановича, внука Ивана III, вместе с окольничим Данилой Ивановичем (Там же. Т. 2. № 416).

[112] В договорных грамотах 1432/33 г. (ДДГ. № 27. С. 70) и 1434 г. (Там же. № 34. С. 88), в жалованных грамотах 1432—1445 гг. в формуле «сужу яз, князь велики, или мой боярин въведены» (АСЭИ. Т. 1. № 76), 1441 г. (Там же. Т. 3. № 70),

1456 г. (Там же. Т. 2. № 169), 1456—1462 гг. (Там же. Т. 3. № 49, 101, 179)и др. В. И. Сергеевич допускает на основании грамоты Василия II Ивану Шае, что бояре введенные могли быть уже в начале XIV в. (*Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. 1. С. 360).

[113] *Сергеевич В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 362, 363; *Юшков С. В.* История государства и права СССР. М., 1947. Ч. 1. С. 186.

[114] *Ключевский В. О.* Боярская дума древней Руси. С. 122; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 6-е изд. СПб.; Киев. 1909. С. 161.

[115] См. около 1499—1502 гг. дело, касающееся придворного Архангельского собора (АСЭИ. Т. 3. № 50).

[116] Там же. Т. 1. № 604 (1496 г.), 607, 607-а (около 1496—1498 гг.), 628 (около 1499—1502 гг.), 642 (около 1502—1504 гг.), 651 (1504 г.); Т. 2. № 285—290 (около 1492 г.), 333 (1493 г.), 422 (1500 г.), 428 (1504 г.), 493 (около 1497/98 г.); Т. 3. № 48 (1506 г.), 208 (около 1495—1497 гг.), 251 (1501 г.), 276 (1499/1500 г.); АФЗХ. Ч. 1. № 117 (1498 г.), 157 (1499 г.).

[117] См. ст. 63. Судебника 1550 г.: «А суд боярской: которому наместнику дано с судом з боарьским, и ему давати полные и докладные».

[118] ПДС. Т. 1. Стб. 26 и др.

[119] Там же. Стб. 28, 30—31, 33 и др.; Сб. РИО. Т. 35. С. 4, 50—51 и др.

[120] Сб. РИО. Т. 35. С. 138, 164, 413 и др.

[121] Там же. Т. 41. С. 161 и др.

[122] Там же. Т. 35. С. 381—382 и др.

[123] Там же. С. 68—69, 313—314, 325—327, 350 и др.

[124] ПДС. Т. 1. Стб. 201—202, 223, 239. Подробно вопрос о роли Боярской думы в посольских делах России конца XV—XVI в. изучен В. И. Саввой (*Савва В. И.* О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1. С. 1—56).

[125] АГР. Т. 1. № 50 (1538/39 г.): «стати на Москве перед бояры у доклада».

[126] Сб. РИО. Т. 35. С. 598, 633 и др.; Т. 59. С. 34—35 и др.; *Савва В. И.* Указ. соч. Вып. 1. С. 21; *Веселовский С. Б.* Две заметки о Боярской думе // Сб. статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 299 и след.

[127] ААЭ. Т. 1. № 172.С. 142.

[128] *Шатагин Н. И.* Русское государство в первой половине XVI в. Свердловск, 1941. С. 50; *Гальперин Г. Б.* Указ. соч. С. 48.

Список сокращений

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 1.

АГР — Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. Т. 1; Киев, 1963. Т. 2.

АЕ — Археографический ежегодник.

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1; СПб., 1848. Т. 2; СПб., 1848. Т. 3.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1.

Акты Юшкова — Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собрал и издал Александр Юшков. М., 1898.

АН СССР — Академия наук СССР.

АРГ 1505—1526 гг. — Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1952—1964. Т. 1—3.

АТСЛ — Архив Троице-Сергиевой лавры (ф. 303) в ГБЛ.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М., 1951—1956. Ч. 1—2.

АЮ — Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1857. Т. 1; СПб., 1864. Т. 2.

Базилевич — Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952.

БАН — Библиотека Академии наук СССР.

Веселовский — Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Веселовский. Землевладение — *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1.

ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.

Власьев — Власьев Г. А. Потомство Рюрика. СПб., 1906. Т. I, ч. 1, 2.

ГАР Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / Подгот. текста и коммент. А. А. Зимина; Под ред. и с предисловием Л. В. Черепнина. М., 1978.

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Герберштейн — Герберштейн С. Записки о московитских делах / Пер. А. И. Малеина. СПб., 1908.

ГИМ — Государственный исторический музей. Отдел рукописей.

Голубцов, Назаров — Голубцов И. А., Назаров В. Д. Акты XV—начала XVI в. // Советские архивы. 1970. № 5. С. 74—89.

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.

ДРВ — Древняя российская вивлиофика. М., 1788. Ч. 6; М., 1790. Ч. 13; Ч. 14; М., 1791. Ч. 19; Ч. 20.

Дунаев. Максим Грек — *Дунаев Б. И.* Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. СПб., 1916.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

Зимин. Вотчина — *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977.

Зимин. Наместническое управление — *Зимин А. А.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV—первой трети XVI в. // Ист. зап. М., 1974. Т. 94.

Зимин. О составе — *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв. // Ист. зап. М., 1958. Т. 63.

Зимин. События — *Зимин А. А.* События 1499 года и борьба политических группировок при дворе Ивана III // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.

Зимин. Состав Боярской думы — *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI вв. // АЕ за 1957 год. М., 1958.

ИА — Исторический архив

Ивина — Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV—первой половины XVI в. Л., 1979.

ИЛ — Иоасафовская летопись. М., 1957.

ИРГО — Известия имп. Русского генеалогического общества.

Казакова. Очерки — *Казакова Н. А.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970.

Казакова, Лурье — Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.; Л., 1955.

Каштанов. История — *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967.

Каштанов. Очерки — *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970.

КГПИ — Казанский государственный педагогический институт.

Копанев — Копанев А. И. Материалы по истории крестьянства // Материалы и сообщения по фоидам рукописной книги БАН СССР. М.; Л., 1966.

ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.

ЛИРО — Летопись Историко-родословного общества в Москве.

Лихачев — Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888.

Лихачев. Заметки — *Лихачев Н. П.* Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий // Известия имп. Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1.

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР (до 1968 г. — Института истории АН СССР).

Масленникова — Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.

МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт.

МГПИ — Московский государственный педагогический институт.

Назаров. Свадебные дела — *Назаров В. Д.* Свадебные дела XVI в. // Вопр. истории. 1976. № 10. С. 110—123.

Николаева — Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в. М., 1971.

НЛ — Новгородские летописи. СПб., 1879.

НПК — Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1859—1910. Т. 1—6.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1949.

ОАПП — Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1—2.

ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете.

Описи Царского архива — Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960.

ПДС — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1.

ПКМГ — Писцовые книги Московского государства. СПб., 1877. Ч. I, отд. 2.

ПЛ — Псковские летописи. М., 1941. Вып. 1; М., 1955. Вып. 2.

ПРП — Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2; М., 1955. Вып. 3.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. СПб., 1848. Т. 4; Л., 1929. Т. 4, ч. 1, вып. 3; СПб., 1853. Т. 6; СПб., 1901. Т. 12; СПб., 1904. Т. 13, 1-я пол.; СПб., 1863. Т. 15; СПб., 1889. Т. 16; СПб., 1913. Т. 18; СПб., 1903. Т. 19; СПб., 1910. Т. 20, ч. 1; СПб., 1914. Т. 20, ч. 2; СПб., 1911. Т. 22, ч. 1; СПб., 1910. Т. 23; Пг., 1921. Т. 24; М.; Л., 1949. Т. 25; М.; Л., 1959. Т. 26; М., 1962. Т. 27; М., 1963. Т. 28; М., 1965. Т. 29; М., 1965. Т. 30; М., 1977. Т. 33; М., 1978. Т. 34; М., 1982. Т. 37.

Р — Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977. Т. 1, ч. I—II.

РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1875. Т. 2; 1894. Т. 15; 1898. Т. 17; 1908. Т. 22; 1914. Т. 31; Пг., 1915. Т. 32.

РИИР — Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2.

РК — Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966.

РЛА — Русско-ливонские акты. СПб., 1868.

Род. кн. — Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... (Бархатная книга). М., 1787. Ч. 1—2.

СА — Советские архивы.

Сахаров — Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. II, кн. VI.

Сб. ГКЭ — Сборник грамот Коллегии экономии. Пг., 1922. Т. I; Л., 1929. Т. II.

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35; 1884. Т. 41; 1887. Т. 53; Т. 59. 1895. Т. 95.

Сборник Хилкова — Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. I; М., 1894. Ч. 5.

Скрынников — Скрынников Р. Г. Опричнина и последние удельные княжения на Руси // Ист. зап. М., 1965. Т. 76.

Стромилов — Стромилов Н. С. Александровская слобода // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1883. Кн. 2.

Тихомиров. Записки. — *Тихомиров М. Н.* Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 167—183.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР.

Тысячная книга — Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

Черепнин. Архивы. Ч. 1—2 — *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1948—1951. Ч. 1—2.

Черепнин. Образование — *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

Шмидт — Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Ист. архив. М., 1951. Т. VII.

Шумаков. Обзор — *Шумаков С. А.* Обзор грамот коллегии экономии. М., 1912. Вып. 3; М., 1917. Вып. 4.

Экземплярский — Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в Татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. 2.

Alef — Alef G. Reflections on the Boyar Duma in the Reign of Ivan III // Alef G. Rulers and Nobles in Fifteenth-Century Moscovy. L., 1983.

Rüß — Rüß H. Machtkampf oder «feudale Reaktion»? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1970. Bd. 18. H. 4. S. 481—502.

Именной указатель *

Абдул-Летиф, хан казанский 141, 186, 307
Абрамович Г. В. 285, 310
Аграфена Васильевна, вел. кн. рязанская 91, 114, 121
Адашев Алексей Федорович 9, 283
Акинфовы *см.* Ратшичи
Аксаковы *см.* Вельяминовы
Алабышевы, кн. *см.* Ярославские, кн.
Алегам, царь казанский 52
Александр Казимирович, вел. кн. литовский 114, 133, 137, 149
Александро, дьяк 138
Алексеев Михаил 140
Алексеев Роман, дьяк 40, 241
Алексеев Ю. Г. 199, 212, 213, 224, 246
Алексей (Алферий Бяконтов), митр. 195
Аленкины, кн. *см.* Ярославские, кн.
Алеф Г. 20, 26, 58, 59, 61, 63, 64, 102—104, 203—206, 209, 211—213, 244, 246—249, 251, 276—278, 280, 318
Алехновы *см.* Редегины
Амвросий, архимандрит 104
Анастасия Иваиовна, жена царевича Петра 128
Анастасия Романовна, царица 187
Андомский, кн. *см.* Белозерский Андомский, кн.
Андрей Васильевич Большой, кн. углицкий 31, 33, 41, 42, 44, 69, 90, 91, 93—95, 104, 150, 160, 175, 189, 191, 239, 246, 257, 292
Андрей Васильевич Меньшой, кн. вологодский 31, 61, 94, 96, 271, 293
Андрей Владимирович Долгая рука, кн. смоленский 136
Андрей Иванович, кн. старицкий 16, 22, 29, 30, 35, 43, 48, 52—55, 71—73, 81, 93, 110, 111, 117, 118, 120, 127, 143, 158, 174, 176, 180—182, 200, 207, 221, 228, 235, 240, 293, 294
Анна Васильевна, вел. кн. рязанская 113, 114, 124, 267
Антоний, протопоп 206
Антонова В. И. 276
Аппак, мурза 168, 222, 265
Арциховский А. В. 248
Афанасий Никитин 261, 278
Ахмат, ордынский посол 253
Ахмат, хан *см.* Ахмед-хан
Ахмат-Кирей *см.* Мухаммед-Гирей
Ахмед-хан (Ахмат), хан Золотой орды 9, 48, 106, 107, 109, 162

Бажанин Иван 147
Базилевич К. В. 14, 23, 149, 150, 276, 315
Барашовы, кн. *см.* Звенигородские, кн.
Барбашины, кн. *см.* Суздальские Глазатые, кн.
Барбьери Д. 282
Барсуков А. П. 211
Басенковы 8, 155, 252
  Андрей 253
  Антонида 98, 276
  Брех Никифорович 253
  Иван Никифорович Боярин 65, 253, 276
  Никифор Федорович 52, 253, 285
  Федор Васильевич Басенок 9, 21, 63, 251—253, 276, 284, 296, 306
Басмановы *см.* Плещеевы
Бахрушин С. В. 3
Бахтеяровы, кн. *см.* Ростовские Приимковы, кн.
Бегич, мурза 48
Бегунов Ю. К. 118, 278
Беззубцевы *см.* Кошкины

* В указатель не включены имена, входящие в названия учреждений, архивных фондов и коллекций рукописей. Из генеалогических схем, имеющихся в книге, в указатель включены лишь названия родов и их ответвлений, а не отдельные лица. Лица из одного рода, как правило, объединяются в одной рубрике, при этом ответвления родов выделены курсивом.

Принятые сокращения: архиеп. — архиепископ; вел. — великий (великая); еп. — епископ; кн. — князь, княгиня, князья; митр. — митрополит; ур. — урожденная.

Беклемишевы 252
Иван Никитич Берсень 141, 264, 306, 309
Белевские, кн. *см.* Черниговские, кн.
Белеутовы *см.* Редегины
Белозерские, кн.
Андомский Семен Андреевич 227
Кемские 113, 184, 272
Бельские, кн. *см.* Гедиминовичи, кн.
Бельские *см.* Плещеевы
Бельский Скуратов Григорий Лукьянович Малюта 222
Берсень Иван Никитич *см.* Беклемишев
Бестужев Матвей Яковлевич 247
Бибиковы 266
Бирдюкины *см.* Зайцевы
Боборыкины *см.* Кобылины Гавшины
Бобрищевы *см.* Пушкины
Бобровы *см.* Сорокоумовы-Глебовы
Богдан Александрович, воевода мутьянский 146, 153
Богоявленский С. К. 313
Боде-Колычев М. Л. 207, 208
Бокеевы 232, 263, 264, 278
Василий Семенович 261, 264
Иван Ильич 264
Михаил Ильич Бородатый 264, 278
Михаил Михайлович 278
Семен Федорович Бокей 264
Борзаковский В. С. 278, 279
Борис Васильевич, кн. волоцкий 29, 31, 34, 44, 54, 56, 76, 81, 107, 112, 161, 162, 184, 232, 247, 255, 257, 293
Борисов Семен Трофимович, дьяк 184
Борисовы Бороздины *см.* Бороздины
Борковский В. И. 248
Бородатый Степан, дьяк 271
Бородин Никита 303
Бороздины 261—263
Борис Захарьич 261
Василий Григорьевич 261
Григорий Никнтич 261, 263, 278, 292, 311
Захарий Иванович 278
Захарий Петрович 278
Иван Васильевич Борозда 261
Иван Григорьевич Жемчужный 261
Михаил Григорьевич 261
Никита Григорьевич 261
Савва Иванович Яра 261
Семен Захарьич 261
Федор Борисович 278
Федор Григорьевич 261, 277, 292, 311
Юрий Лазинич 261
Борисовы 262, 263
Василий Борисович 261, 263, 292, 311
Василий Петрович 261, 263, 278
Иван Борисович 261, 278, 292, 311
Михаил Иванович Машутка 261
Петр Борисович 261, 263, 292, 311
Ековы 262
Андрей Иваиович Ек 278
Колединские 262, 278
Житовы 262—264
Иван Иванович Ноготь 263
Иван Никитич Жито 261, 263, 277, 292, 311
Петр Иванович 263, 264, 278, 292, 311
Кашинцевы 261, 262
Иван Грнгорьевич Кашинец 261
Ощурковы 262
Федор Григорьевич 111
Пусторослевы 278
Борятинские, кн. *см.* Черниговские Мезецкие, кн.
Бражниковы *см.* Заболоцкие
Бритые, кн. *см.* Ростовские, кн.
Брюховы *см.* Морозовы
Буганов В. И. 7, 12, 24, 313
Будовниц И. У. 103, 206
Бузолевы 19
Буйносовы, кн. *см.* Ростовские Хохолковы, кн.
Булгаковы, кн. *см.* Патрикеевы, кн.
Булгаковы *см.* Денисьевы
Бурнаш-Гирей, хан 115
Буруновы *см.* Сорокоумовы-Глебовы
Бутурлины 18, 161, 164—166, 170, 171, 208, 300—304
Андрей Григорьевич Баклан 170
Андрей Иванович (сын Ивана Ивановича) 170—172
Андрей Иванович (сын Ивана Полуектовича) 205
Андрей Никитич 26, 170, 171, 205, 224, 299, 301—303
Афанасий Андреевич 172
Григорий (старец Геннадий) Иванович 170, 191, 204, 246, 299, 300
Григорий Иванович (сын Ивана Ивановича) 170
Дмитрий Андреевич 208
Дмитрий Григорьевич Кривой 170, 208, 303
Иван Андреевич Бутурля 164, 165, 170, 172
Иван Григорьевич Закала 170, 303
Иван Иванович 170, 246
Иван Никитич 26, 170, 171, 205, 301—303, 313
Иван Меньшой Полуектович Брюхатый 205
Иван Семенович 205
Иван Федорович 304
Константин Григорьевич Копоть 170
Михаил (ошибочно) 303
Никита Иванович 158, 170, 301
Полуект Иванович 170
Семен Никитич 73, 139, 170—172, 205

Федор Васильевич 304
Федор Никитич 26, 129, 170, 301, 312
Бычкова М. Е. 14, 23, 24, 60, 152, 248
Бяконта потомки (*см.* также Плещеевы) 154, 157, 195—199
Алферий Федорович *см.* Алексей, митр.
Василий Иванович 212
Данила Фофанович (Данилович) 212
Иван Константинович 212
Константин Данилович 195
Константин Федорович 195
Константин-Богдан Федорович 200
Матвей Федорович 195
Степан Фофанович (Данилович) 212
Федор Бяконт 195
Фофан (Данила) Федорович 195, 212
Жеребцовы 196, 212
Игнатьевы 197, 212
Алфер Ворыпаев сын 213
Василий Ворыпаев сын Рычко 200, 213
Василий Семенович (Плещеев) 212
Игнатий Иванович 212
Нечай Никитич (Плещеев) 212
Никита Данилович Кошка 212
Ратман Алферьевич 213
Семен Игнатьевич Дюпа 212
Чобот Никитич 212
Москотиньевы 195, 197, 212
Семен Петрович Москотиньe 212
Ушак 212
Пятые 195, 197

Валуевы 157
Варлаам, митр. 141, 170, 200
Василий Андреевич, кн., боярин кн. Михаила Андреевича Верейского 293
Василий II Васильевич Темный, вел. кн. 8, 9, 21, 22, 26, 27, 31, 39, 40, 43—48, 55, 63, 69, 75, 76, 98, 113, 118, 123, 131, 138, 147, 149, 162, 172, 174, 183, 191, 195, 200, 214, 215, 217, 219, 226, 234, 238, 243, 247, 252, 253, 255, 268, 271, 278, 283, 310, 314
Василий I Дмитриевич, вел. кн. 23, 29, 31, 67, 70, 123, 131, 156, 195, 280, 299, 300, 305
Василий III Иванович, вел. кн. 9, 15, 16, 21, 27, 32—35, 39, 42, 43, 46, 50—58, 60, 63—66, 70—75, 80—83, 91—95, 97—100, 105, 107, 110, 113, 115—117, 119, 121, 123—128, 131—133, 137—144, 147, 149, 153, 158, 160, 162, 168—170, 172—176, 180—182, 184, 186—190, 193—195, 200, 206, 215—217, 219—223, 228, 229, 233—235, 238—242, 250, 261, 264—268, 270, 272—275, 279, 280, 287—289, 292, 294, 296, 297, 300, 301, 305—309, 311, 313
Василий Иванович Шуйский, царь 294
Василий Кузьмич, протопоп 100, 103, 104, 149, 210
Василий Михайлович, кн. белозерский, верейский и можайский 39, 52, 137, 151, 257
Василий Молейгдарович, царевич 80
Василий Никифорович, новгородский посадник 185
Василий Юрьевич Косой, кн. 183
Василий Ярославич, кн. серпуховской и боровский 22, 252, 255
Вассиан, еп. тверской 106
Великого, кн. *см.* Ярославские Шестуновы, кн.
Вельяминовы (из Протасьевичей) 157, 159. *См.* также Зерновы
Алексей Вельяминович Великий 160, 161
Василий Константинович Немой 161
Василий Федорович 160
Вельямин Андреевич 160
Владимир Федорович 161
Данила Федорович 161, 292
Иван Васильевич Сухой 160, 161
Иван Данилович 161
Константин Васильевич 160
Никита 202
Семен Данилович 161
Федор Алексеевич 161
Федор Вельяминович 160, 161
Федор Федорович Лайка 160
Аксаковы 157, 159—161
Александр Иванович 161
Василий Иванович 161
Дмитрий Иванович 161
Иван Иванович 161
Иван Федорович Аксак 160, 161
Облязовы 159
Иван Васильевич Обляз 161, 202
Никита Иванович Семейка 202
Шадрины 157, 159, 160
Афанасий Иванович 64, 103, 148, 161, 213, 245
Василий Иванович 161, 292
Иван Васильевич Шадра 26, 160, 161, 202, 238, 286—288
Вепревы *см.* Фоминские
Вердеревские *см.* Мирославичи
Веселовский С. Б. 5, 6, 14, 18, 20, 23, 25—27, 58, 61, 62, 64, 101, 120—122, 131, 146, 148—150, 153—156, 182, 183, 203, 204, 207, 209—215, 223, 226, 243—248, 250—253, 276, 277, 279—281, 285, 310, 312, 314, 315
Вешняков Игнатий Петрович 9, 283
Викентьевы *см.* Добрынские
Виселицыны *см.* Нетшичи
Вислоуховы *см.* Сабуровы
Владимир Андреевич, кн. серпуховской 19, 276

Владимир Андреевич, кн. старицкий 29, 30, 54, 111, 176, 247, 294, 295
Владимир Рюрикович, кн. смоленский 136
Владимирский-Буданов М. Ф. 314
Владыкины *см.* Морозовы
Власьев Г. А. 63, 64, 66, 67, 102, 149, 211, 315
Внуковы *см.* Нетшичи
Волынские 252
Воронцов-Вельяминов Б. А. 201
Воронцовы (из Протасьевичей) 157, 159
Авдотья Семеновна *см.* Кутузова
Василий Михайлович 160
Василий Федорович 202
Дмитрий Семенович 158, 160
Иван Михайлович 160
Иван Никитич 157
Иван Семенович Фока 160, 202
Иван Федорович 202
Михаил Семенович 158—160, 202, 289, 294, 303, 313
Никита Иванович 300
Семен Иванович 157, 158, 160, 173, 185, 202, 221, 289, 290, 294, 301, 307
Федор Васильевич Воронец 157
Федор-Демид Семенович 160, 202
Юрий Михайлович 160
Воротынские, кн. 8, 122, 124, 129, 130, 132, 143—146, 149, 297, 298
Александр Иванович 133, 146
Анастасия Ивановна (ур. Захарьина) 133
Владимир Иванович 133, 146
Дмитрий Федорович 132, 133, 149
Иван Михайлович 50—53, 62, 90, 126, 127, 132—136, 145, 149, 150, 185, 188, 222, 245, 311
Михаил Иванович 134, 146, 149, 301, 302, 312
Михаил Федорович 133
Семеи Федорович 132, 133, 149
Федор Юрьевич 132, 149
Всеволожи (Всеволожские) (*см.* также Заболоцкие) 154, 223, 225—227, 229
Александр Глебович, кн. смоленский 223, 246
Владимир Александрович 223
Дмитрий Александрович 223
Иван Александрович 223, 229
Иван Дмитриевич 223, 229, 252
Иван Иванович 223, 224
Семен Иванович 223, 224
Федор Дмитриевич Турик 223, 224, 229
Вяземские, ки. 136, 137
Андрей Юрьевич 136
Михаил Иванович Черный 151
Михаил Дмитриевич 137, 150
Гавшины *см.* Кобылины
Гагарины, кн. *см.* Стародубские Голибесовские, кн.
Галицкий Дмитрий Иванович 252
Гальперин Г. Б. 309, 311, 314
Гацисский А. 99
Гаштольт Ольбрахт 140
Гвоздевы, кн. *см.* Ростовские Приимковы, кн.
Гедиминовичи, кн. 7, 9, 20, 28—30, 35, 58, 82, 97, 123, 124, 127, 147, 288
Гедимин, вел. кн. 124
Евнутий Гедиминович 127
Ольгерд Гедиминович, вел. кн. 124, 127, 148
Бельские, кн. 8, 35, 122, 124, 125, 129, 143, 145, 146
Дмитрий Федорович 35, 71, 75, 125—127, 133, 143, 145—147, 173, 186, 235, 266, 289, 294, 306, 311
Иван Владимирович 124
Иван Дмитриевич 71, 127, 146, 147, 295, 305
Иван Федорович 35, 75, 95, 125—127, 143, 145—147, 188, 240, 289, 302, 303, 306, 311
Семен Иванович 124
Семеи Федорович 19, 25, 27, 74, 125—127, 133, 147, 158, 188, 311
Федор Иванович 34, 124—126
Януш Иванович 124
Ижеславский Михаил Иванович, кн. 127
Мстиславские, кн. 8, 122, 124, 125, 127, 143, 145, 146, 148, 297
Анастасия Петровна 128
Иван Федорович 128, 146, 148
Иван Юрьевич 127
Федор Михайлович 127, 128, 139, 144—146, 305
Трубецкие, кн. 124, 125, 127, 143, 145, 146, 148
Андрей Иванович 127, 148
Василий Андреевич 127
Дмитрий Ольгердович 127
Иван Иванович 127, 148
Иван Семенович 127, 148
Иван Юрьевич 127, 148
Михаил Андреевич 127, 148
Михаил Дмитриевич 127
Никита Андреевич 127
Никита Романович 127
Семен-Богдан Александрович 127
Семен Иванович Персидский 127, 148
Федор Иванович 127, 148
Федор Михайлович 127
Геннадий Гонзов, архиеп. новгородский 36, 162, 176, 260, 273
Георгиевский В. Т. 245, 279
Герберштейн Сигизмунд фон 20, 26, 65,

98, 103, 104, 115, 121, 139, 141, 147, 151, 152, 168, 171, 186, 188, 206, 210, 222, 245, 265, 266, 269, 273, 274, 280, 282, 304, 313, 315
Гиршберг В. Б. 64, 149
Глазатые (Глазатого), кн. *см.* Оболенские, кн.; Суздальские, кн.
Глинские, кн. 8, 34, 122, 124, 142, 143, 145, 152
Богдан Федорович 139, 151
Василий Львович Слепой 142, 305
Василий Михайлович 146
Елена Васильевна *см.* Елеиа Васильевна Глинская, вел. ки.
Иван Васильевич 152, 302, 312
Иваи Львович Мамай 142
Иван Михайлович 153
Марья Васильевна *см.* Ярославская Пеикова, кн.
Михаил Васильевич 146
Михаил Львович 27, 33, 43, 46, 50, 51, 54, 55, 63, 65, 70, 71, 76, 93, 94, 98, 113, 126—128, 132, 134, 135, 137—140, 142, 143, 145, 146, 150, 152, 153, 158, 161, 180, 181, 185, 186, 189, 194, 202, 221, 235, 240, 248, 265, 266, 273, 294, 296, 302, 306
Юрий Васильевич 146, 152
Говдыревские, кн. *см.* Чериговские Мезецкие, кн.
Годуновы *см.* Зериовы
Голенииы, кн. *см.* Ростовские, кн.
Голеиищевы *см.* Кутузовы
Голицыны, кн. *см.* Патрикеевы Булгаковы, кн.
Головины *см.* Ховрины
Голохвастов Д. 59
Голтяевы *см.* Кошкины
Голубцов И. А. 14, 23, 25, 34, 61, 121, 207, 213, 244, 248, 268, 315
Голубые, кн. *см.* Ростовские, кн.
Голышенко В. С. 59
Горбатые, ки. *см.* Суздальские, кн.
Горенские, кн. *см.* Оболенские, кн.
Григорий Давыдович, рязанский окольиичий 19
Губастого *см.* Заболоцкие
Губин Третьяк, дьяк 139
Гундоровы, кн. *см.* Стародубские Палецкие, кн.
Гусевы *см.* Добрынские

Давыдовы *см.* Хромого
Даль В. И. 207
Даниил, митр. 141
Даниил Переславский, игумен 172
Данилов Василий 261
Данилова Л. В. 207
Даниловы *см.* Нетшичи Ивановы
Деевы, кн. *см.* Ярославские, кн.
Делатор *см.* Торн де ля Юрий
Денисьевы 268
Денисий Юрьевич Шаин 267
Петр Данисьевич 267, 268
Федор Денисьевич 267
Булгаковы 268
Григорий Матвеевнч 280
Матвей Денисьевич Булгак 267, 268, 280
Дмитриев Яков 279
Дмитриевы *см.* Нетшичи
Дмитрий, кн. путивльский 139, 141
Дмитрий Васильевич, боярин 195, 212, 220, 248
Дмитрий Дмитриевич, кн. путивльский 141
Дмитрий Иваиович Внук, вел. ки. 62, 184, 224, 244, 257, 272, 286, 288, 308, 310, 313
Дмитрий Иванович Донской, вел. ки. 20, 35, 44, 137, 156
Дмитрий Иваиович Жилка, кн. углицкий 29, 32, 33, 46, 73, 112, 125, 132, 135, 158, 161, 168, 184, 205, 213, 219, 222, 249, 257, 293
Дмитрий Юрьевич Красный, кн. 203
Дмитрий Юрьевич Шемяка, вел. кн. 9, 21, 26, 27, 40, 43, 48, 63, 67, 138, 169, 191, 215, 243, 252, 283
Добрыиские (*см.* также Белеутовы, Зайцевы, Симские) 214, 218, 219, 244, 252
Андрей Коистантинович Сахариик 220
Владимир Константинович 220·
Иваи Константинович 220, 252
Константин Иваиович 156, 220, 223, 244
Никита Константинович 220, 252
Павел Константинович 220
Петр Константинович Хромой 220, 252, 299, 300
Викентьевы 218, 220, 244
Федор Михайлович 244
Гусевы 218
Василий Елизарович 220
Василий Константинович Гусь 220
Владимир Елизарович 62, 220, 229, 233, 244, 247, 248, 306, 310
Елизар Васильевич 220
Михаил Елизарович 220, 245
Семен Михайлович 245
Юрий Елизарович 220
Долгоруков П. В., кн. 279
Долгоруковы, кн. *см.* Оболеиские, кн.
Дорогобужские, кн. *см.* Тверские, кн.
Друцкий Бабич Василий, кн. 113
Дуловы, кн. *см.* Ярославские Моложские, кн.
Дунаев Б. И. 24, 63, 100, 151, 152, 208, 210, 245, 278, 281, 282, 316

Ековы *см.* Бороздины
Елена Васильевна Глинская, вел. кн. 50—52, 55, 58, 65, 70, 71, 93, 126, 133, 142, 152, 158, 176, 289, 303, 309, 317
Елена Ивановна, вел. кн., королева 36, 42, 50, 97, 105, 152, 183, 184, 191, 193, 199, 205, 215, 220, 221, 228, 229, 232, 234, 243, 246, 247, 253, 260
Елена Стефановна, вел. кн. 107, 195
Епифан Давыдович, рязанский боярин 269, 280
Ермолин Василий Дмитриевич 217
Еропкины *см.* Фоминские
Есиповы 176, 207
Ефросинья Андреевна, кн. старицкая 29

Жареный Федор, дьяк 141
Жеребцовы (из Кобылиных) 177, 178, 1907. *См.* также Бяконта потомки
Семеи Андреевич Жеребец 175
Лодыгины 175, 177, 178
Василий Семенович Обляз 207
Григорий Семеиович Лодыга 175, 207
Данила Семенович 207
Петр Аидреевич 207
Коновницыны 175, 178
Синего 177
Александр Семенович Синий 175
Василий Игнатьевич 207
Иваи Игнатьевич Шишка 175
Семен Александрович Лютый 175
Кокоревы (Кокаревы) 175, 177
Образцовы 175, 177
Василий Игнатьевич 207
Игнатий Борисович Образец 175, 207
Житовы *см.* Бороздины
Жулебины см. Остеевы

Заболоцкие 8, 223—227
Алексей Григорьевич 228, 247
Анна Петровна *см.* Ярославская Засекина, кн.
Василий Григорьевич Асанчук 228
Василий Иванович 224, 229, 246, 276, 300
Гаврила Иванович 224, 246
Григорий Васильевич 215, 224, 226—228, 246, 299, 300
Григорий Григорьевич Угрим 227
Данила Семенович 247
Дмитрий Иванович Бота 224
Иван Васильевич 228
Иван Гаврилович 224, 234
Иван Иванович Молодой 32, 42, 112, 209, 224
Иван Семенович 247
Константин Григорьевич 213, 228, 247, 287, 288, 312
Лев Иванович 224
Никита Львович 246
Петр Григорьевич Лобан 16, 199, 212, 227—229, 247, 287, 299, 300, 310, 312
Семен Григорьевич 246
Семен Константинович 228
Бражниковы 225
Василий Иванович Бражник 224
Тимофей Васильевич 246
Губастого 225, 226
Андрей Никитич Меиьшой 246
Василий Иванович 224, 226
Иван Александрович 246
Кислеевские 225, 227
Иван Иванович 246
Иван Юрьевич Мень 246
Павел Семенович Белый волк 246
Племянник Семенович 246
Семен Юрьевич 246
Юрий Иванович 224
Кувшиновы 225
Иван Иванович Кувшин 224, 246
Лапины 225
Семен Иванович Лапа 224
Рожественские 225, 227
Семен Иванович 224, 246
Черленого 227
Василий Федорович Помяс 247
Григорий (Гурий) Петрович 247
Иван Петрович 247
Петр Федорович Тонкий 247
Шукаловские 225, 226
Василий Михайлович Чертенок 246
Глеб Иванович 224, 246
Ярого 225
Андрей Иванович Микулии 171, *246*, *301*
Иван Иванович 224
Иван Микулич 224
Микула Гаврилович Ярый 224
Загряжский Григорий Дмитриевич 238
Зайцевы 218
Данила Дмитриевич 221
Дмитрий Константинович Заяц 220, 221
Бирдюкины 218, 221
Поджогины 218, 221, 223
Василий Юрьевич 221, 245
Гаврила Данилович Поджога 221
Иван Юрьевич Шигона 9, 21, 140, 187, 221—223, 245, 283, 294, 296, 309, 313
Федор Юрьевич 221
Замысловский Е. 210
Замыцкие *см.* Ратшичи Акинфовы
Заозерские, кн. *см.* Ярославские, кн.
Засекины, ки. *см.* Ярославские, кн.

Захарьины 9, 177, 179, 305
Василий Михайлович Юрьев 295
Василий Яковлевич 185, 209, 289, 307
Григорий Юрьевич 187, 190, 295
Захарий Иванович 184, 190
Михаил Юрьевич 65, 73, 125, 169, 185—187, 190, 210, 222, 264, 265, 273, 275, 289, 294, 296, 306, 307, 309, 313
Никита Романович Юрьев 295
Петр Яковлевич 129, 185, 206, 209, 289, 307
Роман Юрьевич 187, 190
Юрий Захарьич 32, 96, 183—185, 190, 215, 281, 285, 286, 296, 298, 308
Яков Захарьич 25, 32, 33, 53, 113, 168, 176, 183—185, 190, 209, 221, 281, 285—287, 296, 308, 309, 313
Ляцкие 179
Василий Захарьич 183, 185, 187, 190
Иван Васильевич 19, 52, 150, 187, 188, 190, 210, 289
Звенигородские, кн. 7, 28, 56—58, 66
Александр Федорович 56
Василий Васильевич Нечика 66
Василий Глебович 56
Глеб Александрович 56
Данила (Дионисий) Васильевич Лупа 56
Евлах Александрович 56, 66
Иваи Александрович Большой 56, 66, 67, 200, 310
Иван Александрович Катлече (Коплечей, Плечей) 56, 200
Иван Глебович Смотра 56, 66
Иван Ивановнч Звенец 56, 286
Петр Васильевич 56
Федор Глебович Шист 56
Барашовы 57
Иван Иваиович Бараш 66
Ноздроватые 57
Василий Иванович 56, 57
Токмаковы 57
Василий Иванович 57
Иван Васильевич Токмак 67
Юрий Иванович 57
Рюмины 57
Иван Васильевич Рюма 56
Спячие 57
Андрей-Богдан Михайлович 66
Василий (Яков) Михайлович Угрим 66
Михаил Иваиович 66
Яков Михайлович *см.* Василий Михайлович
Зверинский В. В. 148, 245
Зерновы (*см.* также Сабуровы) 154, 157, 191—193
Дмитрий Зерно 191
Константин Дмитриевич Шея 299
Вельяминовы 192
Григорий Вельяминович Стерляг 212
Тимофей Вельяминович Токмак Глазов 212
Годуновы 192, 208, 303
Василий Григорьевич 96
Подольские 192
Даиила Иванович (Сабуров) 300
Зимин А. А. 3—12, 23—27, 58—66, 99—104, 106, 119, 121, 146—149, 152, 153, 201—204, 206, 207, 210, 212, 213, 244—250, 277, 278, 281, 311—313, 315, 316
Зимина В. Г. 12
Золотые, кн. *см.* Оболенские Щепины, кн.
Зубатые, кн. *см.* Ярославские, кн.
Зюзины 266, 279

Иван, король *см.* Ханс, король Дании
Иван Андреевич, кн. можайский 137, 138, 219, 252, 255
Иван Борисович, кн. рузский 76, 110, 232, 272
Иван III Васильевич, вел. кн. 15, 19—22, 27, 31—34, 36, 40—44, 48—50, 53—56, 58, 59, 69, 71, 73, 76, 78, 84, 90—96, 100, 106, 107, 109, 110, 112—114, 118, 119, 124, 129, 132, 135, 137, 151, 157, 162, 163, 165, 168, 172, 174, 175, 180, 183—185, 190, 191, 193—195, 197—199, 215, 220, 224, 228, 234, 239—243, 246, 251, 253, 255, 258, 261, 263—266, 269—272, 274, 278, 282, 284, 286, 287, 292, 297—299, 305, 308, 310, 312, 313, 316, 318
Иван IV Васильевич, царь 4, 9, 10, 14, 23, 24, 28, 34, 35, 43, 51, 67, 72, 74, 83, 91, 92, 95, 100—104, 111, 116, 119, 122, 126, 128, 129, 133, 143, 146—148, 152, 153, 169, 174, 189, 201, 202, 204, 221, 222, 238, 240, 249, 250, 265, 279, 281, 294, 295, 306, 309, 311
Иван I Данилович Калита, вел. кн. 20, 76, 100, 154, 157, 254
Иван Зиновьевич *см.* Станищев
Иван Иванович Молодой, вел. кн. 107, 160, 195, 220, 289
Иван Иванович, царевич 119, 129
Ивановы и Иваиовы Даниловы *см.* Нетшичи
Иватин Василий Матвеевич 252
Ивина Л. И. 25, 64, 148, 201, 206, 207, 209, 211, 248, 276, 281, 316
Игнатьевы *см.* Бяконта потомки
Измайловы 267, 268, 270
Иван Иванович 267, 300
Иван Измайлович 280
Инка 114
Никита Иванович 267

Шабан Измайлович 267
Иловайский Д. И. 120, 280
Ильинич Ян 148
Ильяш, воевода мутьянскнй 153
Иона, митр. 27, 31
Иосиф Волоцкий 22, 27, 56, 58, 60, 147, 158, 174, 201, 206, 253, 258, 273, 276, 277, 281
Исак Собака, старец 210, 250, 313
Ислам-Гирей, крымский хан 51, 73, 95, 171, 186, 189, 273

Кабанов А. К. 206, 251
Казакова Н. А. 25, 34, 59, 60, 209, 210, 277, 313, 316
Казанский П. 150, 245, 281
Казариновы *см.* Сорокоумовы-Глебовы Буруновы
Казимир IV, король польский, вел. кн. литовский 122, 136, 143, 144, 153, 247
Камал, турецкий посол 187, 200, 216, 265, 266
Каменские 164, 174
Дмитрий Романовнч 174
Иван Романович Черный 174
Полуект Романович 174
Роман Иванович 174, 207
Юрий Романович 174
Курицыны 164
Григорнй Романович Курица 64, 174
Иван Григорьевич Чорт 174
Карамзин Н. М. 244, 285, 310
Карл V, нмператор Священной Римской нмперни 96
Карповы 221, 232, 261, 263, 264, 270, 279
Василий Семенович 266, 279
Долмат Федорович 266
Иван Ивановнч 264
Иван Карповнч 264
Иван Семенович 266
Иван Федорович Меньшой 266
Карп Федорович 264, 278
Михаил Андреевнч 266
Нпкита Ивановнч 211, 264—266, 270, 296
Семен Иванович 264, 266
Семен Карповнч 264, 266, 279
Федор Андреевич 266
Федор Иванович 264—266, 270, 278, 282, 296
Федор Карповнч 266
Мухины 263
Василий Петровнч 266
Петр Федорович Муха 266, 279
Касаткины, кн. *см.* Ростовские, кн.
Касим, царевнч 48
Катаев И. М. 206
Катыревы, кн. *см.* Ростовские Хохолковы, кн.
Кашинцевы *см.* Бороздины
Кашины, кн. *см.* Оболенские, кн.
Кашкаров С., помещнк 285
Каштанов С. М. 5, 12, 14, 17, 23, 25, 39, 59, 61, 62, 67, 99, 104, 107, 118, 144, 146, 147, 151, 153, 202, 205, 207, 209, 223, 239, 245—247, 249, 251, 264, 276, 278, 310, 316
Квашнины 210, 304
Данила Родионович 293
Родион Нестеровнч Квашня 298
Кемские, кн. *см.* Белозерские, кн.
Киндыревы (Кондыревы) 264
Дмитрнй Ивановнч 261, 264
Иван Яковлевич Киндырь 264
Петр Васильевич 266
Кирилл Новоезерский, иг. 103
Киселев Федор Михайлович 119, 182, 271
Кислеевские *см.* Заболоцкне
Китаевы *см.* Новоснльцевы
Кичибей Василий 269
Клеопины *см.* Кутузовы
Ключевскнй В. О. 6, 146, 297, 308, 312, 314
Кобрни В. Б. 5, 12, 14, 23, 66, 101, 104, 119, 122, 146, 148, 202, 212
Кобылины (*см.* также Жеребцовы, Колычевы, Кошкнны) 8, 154, 157, 175, 177—180, 190
Александр Аидреевич Елко 175, 182
Андрей Кобыла 175, 183, 190
Василий Андреевич Ивантей 175
Гавшины 177, 179
Гаврила Андреевич Гавша 175, 183
Боборыкины 179, 183, 190
Неплюевы 179, 183
Хлуденевы (*Хлудневы*) 175, 177, 179, 182
Иван Александрович Хлудень 182, 209
Иван Ивановнч Крнвой 209
Константнн Федоровнч 183
Тимофей Константнновнч 183
Кобяковы 121, 270
Васнлнй 269
Грндька Ивановнч 269
Иван Дмнтриевич 269
Клнментнй Яковлевич 269, 280
Михаил Дмитриевич 121, 269, 280
Михаил Мншура 269
Подъюс Иванович 269
Ковровы, кн. *см.* Стародубскне Кривоборские, кн.
Ковылины 269
Иван Яковлевич Тутыха (Тутуга) 268
Полуект Яковлевич 268
Семен Семеновнч 268
Семен Федорович Ковыла Вислый 268

Сндор Яковлевнч 268
Юрий Яковлевич 268
Яков Иванович 268
Яков Семеновнч 268, 280
Сунбуловы 269
Дмнтрий Федорович 268, 280
Федор Ивановнч Сунбул 268
Федор Федорович 268, 280
Козельский Иван Шонур, кн. 252
Козловскне, кн. *см.* Фомнскне
Кокоревы *см.* Жеребцовы Снпего
Кокошкины *см.* Сорокоумовы-Глебовы
Колло да Франческо, нмперский посол 94, 168, 186, 222, 265, 272
Кологривовы *см.* Пушкины
Колычева Е. И. 17, 25, 61
Колычевы 175, 177, 178, 180, 182, 190, 207, 300
Александр Григорьевнч 176, 293
Андрей Андреевнч 176, 180, 181, 207
Андрей Владимирович 182, 209
Андрей Ивановнч *см.* Андрей Владнмировнч
Андрей Семенович 176, 182
Андрей Федоровнч 175, 176, 180
Василий Александровнч Телица 176
Васнлий Семенович *см.* Владнмир Семеновнч
Владнмир Семеновнч 182, 208
Григорий Большой Андреевич Нос 158, 181, 182, 207
Грнгорий Андреевич Меньшой 158, 181, 182, 207
Грнгорнй Семенович Голова 182, 208
Грнгорий Федоровнч 175
Иван Андреевич Черный 176, 181, 207
Иван Иванович 208
Иван Семенович Хромой 182, 208
Иван Федорович 175
Митрополнт Александрович 176, 202
Михаил Андреевнч 180, 181
Семен Андреевнч 176, 182
Тимофей Федорович 175, 176, 207
Федор Александровнч Колыч 175, 176, 180, 207
Федор Семенович Ломака (Голова) 176, 180, 182
Лобановы 176
Иван Андреевнч Лобан 26, 176, 180
Иван Ивановнч Рудак 180
Михаил Иванович 180
Федор Иванович Чечетка 180
Федор Степанович *см.* Филипп, мнтр.
Умного 178
Иван Иванович 180, 181
Лошаковы 180
Алексей Никитнч 208
Алфер Ннкитнч 208
Андрей Григорьевич 180, 181, 208
Андрей Ивановнч 181
Василий Григорьевнч Лошак 180
Гордей Иванович 181
Грнгорий Васнльевич 180
Григорий Григорьевнч 180, 181, 208
Данила Иванович 181
Иван Васильевич Жук 180, 181
Иван Григорьевич Жук *см.* Иван Васильевич Жук
Матвей Третьяков сын 208
Ннкита Иванович 181
Петр Андреевнч 181
Петр Григорьевич 180, 181
Степан Никитич 208
Третьяк Иванович 181
Федор Григорьевич 180, 181, 208
Немятые 181
Ннкита Ивановнч 181, 208
Пупковы 178
Василнй Иванович 182
Гаврила Владимнрович *см.* Гаврнла Иванович
Гаврнла Иванович 182, 209
Иван Семеновнч Пупок 176, 182
Хлызневы 176
Борис Александровнч Хлызень 176
Иван Борнсович 176
Кондыревы *см.* Кнндыревы
Коновнпцыны *см.* Жеребцовы Лодыгины
Конрад Мазовецкнй, кн. 228
Копанев А. И. 25, 98, 104, 212, 245, 276, 316
Корецкне, кн. *см.* Патрикеевы, кн.
Коркунов М. 312
Коробовы 264, 278
Андрей Иванович 264
Василий Даннлович 264
Коробьины (*см.* также Бокеевы, Фоминские) 269, 270, 280
Иван Иванович 280
Иван Кичнбеевич Коробья 269, 280
Иван Селнванович *см.* Иван Кичибеевич
Семен Ивановнч 115, 269, 280
Коровины *см.* Кутузовы
Костюхнна Л. М. 59
Котошнхин Грнгорий Карпович 9, 295
Кошкаровы *см.* Сорокоумовы-Глебовы
Кошкины (*см.* также Захарьнны) 20, 97, 98, 177, 179, 180, 183
Василий Федорович (Брехов) 190
Василий Яковлевич (Казаков) 209
Иван Ивановнч 183, 190, 224, 283
Иван Федоровнч 183, 209
Михаил Федоровнч Дурной 183
Федор Андреевнч Кошка 175, 183, 188, 190
Федор Иванович Брех 183, 190, 209
Яков Иванович Казак 97, 183, 190, 196, 209

Беззубцевы (*см.* также Шереметевы) 177, 179, 180, 188, 189
Александр Константинович Сова (Савка) 189
Александр Федорович Беззубец 183, 188
Александра Васнльевна (ур. кн. Мнкулинская) 110
Андрей Федорович Хрущ 189
Василий Михайлович Лепюшка 211
Грнгорий Александровнч 188
Григорий Михайлович 211
Иван Александрович (сын Александра Константиновича Совы) 189
Иван Александровнч (сын Александра Федоровича Беззубца) 188
Иван Иванович Кудреватый Боболь (Бобыль) 188, 210
Иван Михайлович 211
Константнн Александрович 188, 189, 292
Леонтнй Иванович 188
Мнхаил Константнновнч 189, 190, 211, 288, 290
Семен Константиновнч Епанча (Замятня) 189, 190
Федор Иванович 26, 110, 174
Федор Константнновнч 189, 210
Голтяевы 177
Андрей Федорович 48, 209
Федор Федорович Голтяй 183, 209
Крнвоборскне, кн. *см.* Стародубские, кн.
Крубнн Семен *см.* Коробьин Семен Иванович
Крюковы *см.* Сорокоумовы-Глебовы, Фоминскне
Кубенскне, кн. *см.* Ярославские Заозерскне, кн.
Кувшнн Иван Ивановнч *см.* Заболоцкие Кувшиновы
Кудайкул, царевич *см.* Петр Ибреимовнч, царевич
Кудояр, крымский посол 265
Кузнецов И. И. 206
Кузьмин А. Г. 120
Куракины, кн. *см.* Патрикеевы Булгаковы, кн.
Курбские, кн. *см.* Ярославские, кн.
Курцыны *см.* Каменскне
Курлятевы, кн. *см.* Оболенскне, кн.
Курчевы *см.* Пушкины
Кутузовы 8, 155, 156, 258—260
Авдотья Семеновна (ур. Воронцова) 202
Анания Александрович 258
Андрей Александрович Горбатый 260
Аидрей Глебович 258
Борнс Васильевич 258, 260, 277
Глеб Федорович 258
Грнгорий Александрович Горбатый 260
Дмитрий Грнгорьевнч Горбатый 260
Иван Селнвановнч Беркальннк 258
Константнн Васильевич 258
Леваш Селиванович 258
Марья Андреевна *см.* Марья Андреевна, царица
Никита Константнновнч 258, 277
Прокша Андреевнч 258
Селиван Глебович 258
Семен Александровнч Зубатый 260
Федор Александрович Кутуз 258
Федор Андреевнч 258, 302
Юрий Ивановнч Шестак 19, 26, 162, 258, 260, 277
Юрий Федоровнч 284
Голенищевы 258, 277
Васнлий Васильевич (старшнй) 277
Василнй Васильевнч (младшнй, сын Василня Васильевнча) 277
Васнлий Тимофеевич 277
Иван Васильевич (старший) 277
Иван Васильевнч (младший, сын Васнлия Васильевнча) 277
Иван Тнмофеевич 277
Константнн Васильевич 277
Матвей Васильевич 277
Михаил Васильевич 277
Степан Васнльевнч 277
Клеопины
Андрей Михайлович 260
Миханл Васильевнч Клеопа 258, 260
Федор Мнхайловнч 260
Коровины 258, 259
Андрей Михайлович 258, 277
Гурий Андреевнч 277
Иван Андреевнч 277
Леонтий Андреевич 277
Мнхаил Глебович Корова 258
Лапины 259
Андрей Семеновнч Лапенок 260
Семен Федоровнч Лапа 258
Мисины 259
Александр Григорьевич Миса 260
Антон Александрович 260
Иван Александровнч 260
Щука Федор Юрьевич 26, 115, 158, 260, 277
Кучкнн В. А. 60, 100, 103

Лапины, кн. *см.* Оболенскне, кн.
Лапины *см.* Заболоцкие (Лапа), Кутузовы
Ларевы 275, 282
Дмнтрий Ивановнч 275
Иван Ларь *см.* Раль Палеолог Иван
Иван Фомич 275

Мануил Иванович 275
Ласкиревы (Ласкаревы, Ласкарисы) 275, 281
Дмитрий Федорович 275, 282
Михаил Дмитриевич 275
Федор Дмитриевич Ласкарь (Ласкирь) 275
Ласткины, кн. *см.* Ростовские, кн.
Левашовы 266, 279
Григорий Константинович 279
Иван Константинович 279
Левенок В. П. 148
Левочкин И. В. 148
Ленин В. И. 6, 13, 23
Леонтьев А. К. 23.
Лниниченко И. 313
Лихарев Никита Федорович 62
Лихачев Н. П. 18, 24, 60, 64, 98, 99, 119, 147, 150—153, 176, 202—204, 206, 207, 210, 212, 244, 248, 276, 279, 281, 282, 310, 312, 316
Лобановы, кн. *см.* Ростовские, кн.
Лобановы *см.* Колычевы
Лодыгины *см.* Жеребцовы
Лопатины, кн. *см.* Оболенские Телепневы, кн.
Лошаковы *см.* Колычевы
Лурье Я. С. 5, 59, 60, 209, 244, 253, 276, 277, 316
Лыковы 252
Лыковы, кн. *см.* Оболенские, кн.
Льяловские, кн. *см.* Стародубские, кн.
Любавский М. К. 26, 27, 149, 213
Любовников И. И., помещик 95
Ляцкие *см.* Захарьины

Магмет-Аминь *см.* Мухаммед-Эмин
Майко Андрей, дьяк 224
Макарий, архиеп. новгородский, митр. 303
Макарий 248, 277
Максим Грек 23, 24, 60, 63, 100, 151, 152, 187, 208, 210, 240, 245, 249, 250, 266, 274, 275, 278, 279, 281, 282, 306, 313, 316
Максимилиан, император Священной Римской империи 229, 275
Малиновский А. Ф. 104
Мамоновы *см.* Нетшнчи
Мансуров Яков Иванович 275
Манунл, император Византии 282
Марасннова Л. М. 25, 102
Марк Грек (Фрязин), купец 60, 274, 282
Маркевич А. И. 101, 296, 298, 302, 303, 311—313
Марья Андреевна (ур. Кутузова), царица, жена Снмеона Касаевича 202, 260
Марья Андреевна, кн. можайская, жена Василия Михайловича 137
Марья Борисовна, вел. кн. 106
Марья Юрьевна, кн. стародубская (ур. Сабурова) 137
Марья (Марфа) Ярославна, вел. кн. 26, 76, 78, 123, 174, 191, 193, 219, 293
Масленникова Н. Н. 60, 101, 105, 204, 206, 210, 313, 316
Матвей Корвин, король венгерский 275
Медоварцев Михаил 281
Мезецкие, кн. *см.* Черниговские, кн.
Менгли-Гирей, хан 44, 53, 140, 176, 240, 258
Мец Н. Д. 103
Микулинские, кн. 108, 110, 111, 118, 119, 124, 153, 297
Анастасия Васильевна *см.* Ярославская Алабышева, кн.
Андрей Борисович 109, 110, 279
Василий Андреевич 83, 109, 110, 119, 180, 188, 189, 202, 205, 263, 311
Владимир Андреевич 109, 110, 292, 311
Юрий Андреевич 109
Телятевские 108, 110, 111
Андрей Петрович 111, 119
Василий Иванович 111, 119
Дмитрий Иванович 111
Иван Большой Михайлович 110, 111, 238, 292
Иван Меньшой Михайлович Ватута 110, 238, 292
Иван Петрович Зубан 119
Михаил Федорович 110, 292, 311
Пётр Иванович 111
Пунковы 106
Дмитрий Иванович 111, 119
Иван Андреевич Пунко Лугвица 111, 279
Иван Иванович 111, 119
Семен Иванович 111, 119
Ульяна 119
Минины 157
Мирославичи 267
Григорий Иванович 267, 279
Иван Салхомир 267, 279
Вердеревские 267, 270, 279
Василий Григорьевич 267
Василий Федорович 267
Павел Васильевич 267
Семен Федорович 267
Федор Васильевич 267
Федор Григорьевич 267
Мисины *см.* Кутузовы
Митюков Василий 139
Михаил Андреевич, кн. белозерский и верейский 19, 27, 39, 109, 176, 293
Михаил Клопский, святой 240
Михаил Федорович, царь 207
Моложские, кн. *см.* Ярославские, кн.
Монастырев Безнос Василий Федорович 293

Мордовнна С. П. 122, 146, 148, 149, 153
Моревы *см.* Сорокоумовы-Глебовы
Морозовы 8, 20, 21, 154, 156, 214, 234—239, 241, 243, 248, 300, 305
Борис Михайловнч 234, 239
Василий Михайловнч Слепой 234, 248
Григорий Игнатьевич Козел 249
Давыд Мнхайловнч 234
Дмитрий Давыдович 239, 249, 293
Иван Давыдович Мурадин (Мородин) 249
Иван Семенович Мороз 234, 241, 248
Игнатий Михайлович 234, 238, 248
Михаил Ивановнч 234
Петр Иванович Кожа 249
Семен Федорович 238
Яков Давыдовнч 249
Брюховы 237
Иван Семенович 241, 243
Семен Борисович Брюхо 19, 224, 239—241, 243, 250, 286, 287
Федор Борисович Брюхо 239, 241
Владыкины 237
Иван Константинович 64
Константин Дмитриевич Владыка 249
Поплевины 236, 242, 248
Аграфена, жена Ивана Григорьевича 249
Василий Григорьевич 120, 171, 234, 235, 238, 242, 243, 289, 311
Владимир Васильевич 238
Грнгорий Васильевич 238, 248
Григорий Васильевнч Поплева 234, 242
Григорий Григорьевич 234, 238
Иван Григорьевич 152, 234, 235, 238, 242, 243, 288, 289, 303, 307, 311
Марья, жена Григория Васильевича Поплевы 234
Михаил Яковлевич 238
Петр Васильевнч 238
Роман Васильевич 248
Роман Григорьевич 234
Семеи Иванович 249
Яков Григорьевнч 93, 234, 238, 242, 249, 289, 311
Салтыковы 236
Андрей Мнхайловнч 238, 249, 296
Василий Михайлович 238, 249
Иван Михайловнч 238, 249, 303
Игнатнй Мнхайлович 238, 249
Лев Андреевич 238
Михаил Глебович 301
Михаил Игнатьевич Салтык 238, 249
Михаил Михайлович 301
Яков Андреевич 295
Скрябины 236
Алексей Иванович 249
Иван Тимофеевич 249
Тучковы 23, 237, 239, 240, 242, 249, 285, 310
Василий Борисович Тучко 239, 240, 242, 249, 284, 306
Василий Михайлович 240
Иван Борисович Тучко 185, 239, 242, 249, 284, 285, 306
Иван Михайлович 240, 250
Мнхаил Васильевич 80, 92, 238—240, 243, 250, 294, 307
Тушины 236, 237
Андрей Михайлович Русалкин 242
Василий Семенович Губа 242
Василий Семенович Туша 241
Глеб Семенович 242
Иван Семенович Шуст 242, 250
Иван Филимонович 241
Иван Филимонович Меньшой 241
Константин Филнмонович 241
Михаил Большой Яковлевич Русалка 80, 242, 251, 281, 284, 285
Михаил Меньшой Яковлевич Русалка 242
Семен Фнлимоновнч 241, 242
Филнмон Васильевич 241
Яков Константинович Жест 241
Филимоновы 241
Чеглоковы 241
Шестовы (*Шастовы*) 241
Андрей Иванович 250
Шеины 237, 250
Анна, жена Василия Дмитриевича 238
Василий Дмитриевич 238, 241, 250
Василий Михайлович Шея 234, 241, 250
Дмитрий Васильевич 241, 250
Иван Дмитриевич 241, 250
Юрий Дмитриевич 241, 250
Морткины, кн. *см.* Ярославские, кн.
Мосальские, кн. *см.* Черниговские, кн.
Москотиньевы *см.* Бяконта потомки
Мстислав Владимирович, вел. кн. киевский 214
Мстиславские, кн. *см.* Гедиминовичн, кн.
Муравьев С., помещик 285
Мусины *см.* Пушкины
Мустафа, царевич 21, 48, 252
Мухаммед-Гирей, хаи 51, 71, 73, 74, 93, 115, 125, 129, 132, 134, 136, 140, 141, 144, 171, 189, 194, 200, 221, 235, 267
Мухаммед-Эмин (Магмет-Аминь), хан 49, 56, 144, 158, 184, 221, 240, 266
Муханов П. 59, 98, 100, 104, 248
Мухины *см.* Карповы
Мятлев Н. В. 148, 276, 279
Мятлевы *см.* Слизневы
Мячковы 252
Федор Иванович 293

Нагие 266, 279
Андрей Петровнч 301
Нагие, кн. *см.* Оболенские, кн.
Назаров В. Д. 14, 17, 20, 23—27, 60, 61, 66, 133, 135, 138, 149—151, 200, 207, 213, 244, 245, 248, 282, 315, 316
Накваса Семен 213
Наримонт Гедиминович, вел. ки. литовскнй 300
Насонов А. Н. 244, 250, 276, 311, 312
Нащокины 266, 279
Немого, кн. *см.* Оболенские Телепневы, кн.; Ростовские, кн.
Немятые *см.* Колычевы
Неплюевы *см.* Кобылины
Нетшичи 255—257
Александр Юрьевнч Нетша 254, 255, 257
Андрей Дмитриевнч 255
Владнмир Давыдович Красный 255
Данила Иванович 255, 257, 277, 286, 287, 293, 313
Дмитрнй Александрович 254, 255
Иван Александрович 254, 255
Иван Дмитриевич 255
Миханл Дмнтриевич 255, 257
Семен Александрович 254, 257
Семен Дмнтрневнч 255
Виселицыны 256
Васнлий Андреевич Виселица 255
Константин Васильевич 255
Михаил Семенович 255
Семен Васильевич 255
Внуковы 257
Дмитриевы 257
Григорий Дмитриевич 277
Дмитрий Иванович 277
Иван Дмнтриевич 257, 277
Михаил Дмитриевич Шарап 151, 257
Петр Дмитриевич Шнбра 139, 257
Ивановы Даниловы 257
Андрей Даниловнч 257
Василий Дмитриевич 257, 277
Дмитрнй Даниловнч Слепой 257
Иван Даннлович 257
Михаил Даниловнч 257
Семен Иванович 257
Федор Даннлович 257
Яков Иванович Услюм 257
Мамоновы 251, 257
Григорий Андреевич Мамон 251, 255, 276, 286—288, 310
Иван Большой Григорьевич 255, 276
Иван Меньшой Григорьевнч 255, 276
Федор Григорьевич 255
Плотовы 256
Василий Семенович 255
Семен Андреевич Плот 255
Никитин Афанасий *см.* Афанасий Никитнн
Николаева Т. В. 83, 103, 120, 152, 245, 281, 316
Никольский Н. К. 246
Нил Гречин, еп. тверской 273
Нил Сорский 224
Новиков Н. И. 6
Новленские, кн. *см.* Ярославские, кн.
Новосельцев А. П. 26
Новосильские, кн. *см.* Черниговскне, кн.
Новосильцевы 8, 155, 156, 253, 254
Иван Яковлевич 276
Коур Васильевнч 253
Лев Иваиович 253
Федор Иванович Балымат 276
Юрнй Шалай 253
Яков Юрьевич Новосилец 276
Китаевы 254
Васнлий Ивановнч Китай 253, 254, 283
Дмитрий Васнльевнч 253, 276
Ногтевы, кн. *см.* Оболенские, кн.; Суздальские, кн.
Ноздроватые, кн. *см.* Звенигородскис, кн.
Ноздря, «человек» кн. И. М. Воротынского 245
Носов Н. Е. 14, 23, 103, 146, 148, 155, 156

Обедовы (Обед) *см.* Сорокоумовы-Глебовы
Облязовы *см.* Вельяминовы
Оболенские, кн. 7, 20, 28, 29, 35, 43—47, 55, 58, 63, 65, 82, 97, 123, 129, 147, 293
Александр Васильевич 33, 48—50, 64, 284
Андрей Константинович 44, 55
Варлаам Александрович 50
Василий Иванович 44, 48—50, 52—55, 63, 66, 131, 132, 224, 246, 283
Василнй Мнхайлович *см.* Василий Ннкитич
Василий Никнтнч 25, 44, 46, 55, 63, 292
Владимир Иванович 44, 48
Глеб Иванович 63
Даннла Никитич Собака 44
Дмитрий Константннович Куличка (Уличка) 65
Иван Константинович 44, 55
Иван Константинович Глупой 54
Иван Никитич Смола 44, 55, 63, 292
Иоасаф Михайлович, архиеп. ростовский 53
Константнн Семенович 54
Константин Юрьевич 148
Михаил Васильевич 44

Михаил Иванович 44, 53
Михаил Константинович Сухорукий 64, 65
Никита Васильевич Хромой 44, 47, 48, 289
Никита Иванович 44, 55
Петр Михайлович 25
Петр Никитич 25, 44, 55, 293
Семен Иванович 44, 53, 63
Глазатые 46
Федор Юрьевич 65
Юрий Константинович 65
Горенские 44, 46, 54, 63
Василий Константинович 54
Иван Васильевич 54, 295
Петр Иванович 54
Долгоруковы 44, 45, 47
Владимир Иванович 66
Иван Андреевич 55, 66
Семен Владимирович 66
Тимофей Иванович 295
Федор Владимирович 66
Кашины 47, 54
Александр Васильевич 55, 293
Василий Владимирович Каша 54
Иван Александрович 66
Иван Васильевич Глухой 54, 55, 66
Юрий Иванович Глухов 55, 66
Курлятевы 44—46
Анастасия Федоровна (ур. Плещеева) 200
Дмитрий Иванович 46, 47, 63, 295
Иван Васильевич Курля 46, 200
Константин Иванович 46, 47, 63
Михаил Иванович 46
Лапины 45
Лыковы 47, 54
Андрей Васильевич Курака 54
Борис Михайлович 298
Василий Иванович 54, 66
Иван Васильевич 54
Иван Владимирович Лыко 54, 220, 258, 298
Михаил Иванович 54
Федор Иванович 54
Юрий Васильевич Чапля 54, 293
Нагие 44, 45
Андрей Петрович Лапа 64
Петр Васильевич Нагой 48, 50, 55, 64, 287
Ногтевы 44, 45
Андрей Никитич Ноготь 44
Пенинские 44, 46, 293
Андрей Михайлович 53
Иван Андреевич 53
Ульяна Андреевна (ур. Хованская) 29
Юрий Большой Андреевич 53
Юрий Меньшой Андреевич 29, 53, 65
Репнины 44, 46
Василий Большой (Васснан) Иванович 53
Василий Меньшой Иванович 53
Иван Михайлович Репня 53, 55, 65, 129, 170, 173, 289
Петр Иванович 53
Стригины 44, 45
Александр Иванович 49
Василий (Васснан) Иванович, еп. тверской 49
Василий Иванович Шиха 49
Евдокия Ивановна (ур. Курицына Чортова) 64
Ефросинья Васильевиа Шихина 49
Иван Васильевич Стрига 21, 31, 48—50, 58, 63, 283—285, 296, 306
Иван Иванович Слых 49, 64, 211, 249
Иван Иванович Щетина 49, 52, 55, 64
Марья Ивановна Щетинина 49
Федор Ивановнч Гузей 49, 64, 174, 281
Телепневы 44, 45
Василий Васильевич 51
Василий Васильевич Телепень 48, 50
Федор Васильевич Телепень 19, 25, 48, 50, 52, 64, 174
Лопатины 45
Василий Федорович 64, 260
Федор Большой Васильевич Лопата 50, 51, 64, 302
Немого 45
Дмнтрий Иванович 51, 64
Иван Васильевич Немой 50, 51, 64, 142
Овчинины 45
Василий Федорович Помяс 187
Иван Федорович Овчина 50—52, 58, 65, 71, 174, 188, 206, 289, 296, 306, 309
Федор Васильевич Овчина 50, 51
Тростенские 44, 45, 47
Александр Андреевич 55, 66
Андрей Александрович Голодиый 66
Данила Александрович 66
Иван Александрович Колышевский 66
Иван Тимофеевич Глухой 66
Осип Тимофеевнч 66
Петр Тимофеевич 66
Тимофей Александрович 66
Федор Тимофеевич 66
Туренины 44, 46
Борис Михайлович Туреня 41, 52, 53, 286, 287, 298
Василий Большой Борисович 52
Василий Меньшой Борисович 52
Владимир Борисович 52

Иван Борисович Бобос 52
Никита Борисович 52, 53
Федор Борнсович Гвоздь 52
Щепины 44, 46, 63
Борис Дмитриевич 54, 65, 66
Данила Дмитриевич 66
Дмитрий Дмитриевич 54, 66
Дмитрнй Семенович Щепа 54
Никнта Дмитриевич 54, 66
Федор Дмитриевнч Шевырь (Шавырь) 54
Золотые 44, 46
Иван Дмитриевич 54
Серебряные 44, 46, 63
Василий Семенович 54
Петр Семенович 54
Семен Дмитриевич 25, 51, 54, 55
Щербатовы 44, 45, 66
Василнй Андреевич Щербатый 55
Василий Васильевич 55
Иван Васнльевнч 55
Настасья Федоровна (ур. Плещеева) 55
Ярославовы 44, 45, 49, 50
Константнн Ярославич 50
Михаил Константинович 64
Ярослав Васильевич 32, 48—50, 149, 191
Образцовы *см.* Жеребцовы Синего; Симские
Овцыны 252
Дмитрий Владимирович Овца 281
Иван Дмитриевич 281
Овчинины, кн. *см.* Оболенские Телепневы, кн.
Одоевские, кн. 122, 129, 130, 133, 134, 143, 145, 146, 149, 297
Василий Семенович Швих 25, 52, 129, 133, 134, 136, 150, 161, 186, 187
Данила Семенович 146
Иван Семенович Сухорук 133, 150
Марья Васильевна *см.* Ховрина Головина
Михаил Ивановнч 135
Никита Романович 135
Петр Семенович 133—135, 150
Роман Иванович 25, 129, 134, 150, 188
Семен Васильевич 150
Семен Юрьевич 133
Федор Большой Иванович 25, 129, 133—135, 150, 171
Федор Меньшой Иванович 25, 129, 133—135, 150, 171
Онанья, окольничий 20
Осиповские, ки. *см.* Стародубские, кн.
Осовицкие, кн. *см.* Черниговскне, кн.
Осокины *см.* Травнны
Остеевы 164, 166
Александр Андреевич Остей 164, 169
Андрей Романовнч Хруль 169, 175, 285
Васнлнй Тимофеевнч 271
Роман Александрович Безногий 169
Тнмофей Александрович 169, 252
Жулебины 166, 170
Андрей Тимофеевич Жулеба 169
Дмитрий Тимофеевнч Жулеба 169
Иван Большой Андреевич 169
Иван Меньшой Андреевнч Овца 139, 170, 171, 175, 288, 307
Иван Иванович 170
Игнатий Ивановнч 169
Семен (Семейка) Иванович 169, 170
Чулковы 166, 204
Василий Тимофеевич Чулок 169, 204
Чоботовы 166, 204
Андрей Ивановнч 204
Иван Васнльевич Чобот 169, 204, 286, 287, 310
Яков Ивановнч 204
Острожский Константин, кн. 187
Охлябиннны, кн. *см.* Ярославские Ухорские, кн.
Охотины *см.* Плещеевы
Очины *см.* Плещеевы
Ошурков Федор Григорьевич *см.* Бороздины
Ощернны *см.* Сорокоумовы-Глебовы

Палецкне, кн. *см.* Стародубские, кн.
Панафиднны 266
Панеях В. М. 5, 25
Патрикеевы, кн. 30, 33, 123, 224, 286, 288
Василий (Вассиан) Ивановнч Косой 22, 25, 32—34, 49, 58, 60, 131, 187, 200, 210, 286, 287, 289, 306, 310, 313
Василий Юрьевнч 31, 32
Иван Иванович Мунында 33, 34
Иван Юрьевич 31—33, 56, 58, 172, 271, 272, 283—287, 306, 308—310
Михаил Иванович Колышка 33, 59
Патрикий Нарнмонтович 29
Федор Патрикеевич 29
Юрий Патрикеевнч 29, 31—33, 36, 58, 172, 271, 299, 300, 305
Булгаковы 30, 34
Дмитрий Иванович 34, 60
Иван Васильевич Булгак 31, 32, 34, 59, 224, 284, 300, 310
Иван Иванович Мошок 34
Голицыны 30
Андрей Иванович 60, 117, 129, 185
Дмитрий Иванович 34, 60
Михаил Иванович Голица 34, 60, 97, 109, 116, 173, 185, 288, 295
Куракины 30
Андрей Иванович Курака 34, 117, 129

Федор Андреевич 260, 295
Корецкие 29, 30
Александр Патрнкеевнч 29
Васнлий Семенович 58
Иван Большой Семеновнч 58
Иваи Меньшой Семеновнч 58
Семен Семенович Волох 58
Хованские 30, 58, 103, 120, 293
Андрей Петровнч 30
Андрей Федорович 29, 293
Борис Петровнч 30
Васнлий Васильевич Овчина 30
Василий Иванович Лущиха 29, 30, 58, 293
Василий Федорович 29
Васнлий Федорович (Кривого) 29
Ефросинья Андреевна *см.* Ефроснья Андреевна, кн. Старицкая
Иван Васнльевнч 29
Иван Васильевич Хорьяк 30
Иван Ивановнч Жердь 30
Иван Иванович Ушатый (Ушак) 29, 30
Ирина Федоровна (ур. Плещеева) 200
Петр Васильевнч 30, 58, 200
Петр Ивановнч 30
Ульяна Андреевна *см.* Оболенская Пенинская, кн.
Федор Васильевич Кривой 29, 293
Федор Ивановнч Телица (Палица) 30, 43
Юрий Васнльевнч 30
Щенятевы 30, 34, 200
Василий Михайлович 35
Данила Васильевич Щеня 9, 31—36, 49, 53, 58, 59, 73, 74, 80, 94, 99, 111, 117, 142, 158, 168, 173, 184, 185, 187, 193, 194, 200, 206, 284, 286—288, 296, 298, 300, 308, 310
Мнхаил Данилович 35, 60, 73, 127, 132, 235, 289, 307, 311
Петр Михайловнч 35
Пашуто В. Т. 26
Пенинские, кн. *см.* Оболенскне, кн.
Пенковы, кн. *см.* Ярославскне, кн.
Пересветов Иван Семенович 187, 210
Перинины, кн. *см.* Ярославские Моложскне, кн.
Петр Дмнтрневич, кн. дмитровский 160, 201
Петр (Кудайкул) Ибреимович, царевнч 71, 128, 142, 184, 222, 272, 274, 305, 311
Пешковы *см.* Сабуровы
Пильемовы *см.* Сабуровы
Платонов С. Ф. 311, 314
Плещеевы 8, 18, 154, 157, 195—201, 212
Александр Федорович Плещей 195
Анастасия Федоровна *см.* Оболенская Курлятева, кн.
Андрей Мнхайлович 20, 41, 183, 195—199, 201, 212, 213, 233, 284, 295
Андрей Федорович 201
Афанасий Андреевич 200
Борис Данилович 300
Борис Михайлович 201
Васнлий Андреевич Кривой 214
Василий Иванович *см.* Бяконта потомки
Василий Михайлович 201
Васнлий Петрович 199
Василий Семенович *см.* Бяконта потомки, Игнатьевы
Веньямин Михайловнч 195, 199
Грнгорий Михайлович 201
Иван Андреевнч Суббота 199
Иван Борисович 201, 214
Иван Данилович 212
Иван Иванович Фал 214
Иван Мнхайловнч (Тархов) 201, 233
Иван Мнхайлович Хромой (Сухой) 195, 213
Иван Тнмофеевич 201
Игнатий Иванович *см.* Бяконта потомкн, Игнатьевы
Ирина Федоровна *см.* Патрикеева Хованская, кн.
Марья, жена Мнхаила Борисовича 199
Михаил Андреевич 26, 96, 199, 200, 213, 306
Михаил Андреевич Тарх (Торх) 201, 214
Михаил (Мисанл) Борисовнч 170, 195, 199, 201, 212, 284, 299, 300
Нечай Никитнч *см.* Бяконта потомки, Игнатьевы
Петр Мнхайлович 16, 151, 195, 197—201, 212, 213, 228, 263, 282, 286—288, 290, 292, 299, 310, 312
Семен Андреевич Бестуж 214
Семен Борисович 201
Тимофей Семенович Слепой 201
Федор Андреевич Чешиха 51, 55, 200
Федор Михайловнч Мешок 195, 199
Чобот Никитнч *см.* Бяконта потомки, Игнатьевы
Басмановы 198
Алексей Данилович 201
Данила Андреевич Басман 201
Бельские 198
Григорий Яковлевич Меньшой 201
Григорий Яковлевич Слепой 201
Семен Яковлевич 201
Федор Яковлевнч 201
Яков Ивановнч 214
Охотины 198
Григорий Михайлович Охота 195, 199
Очины 198, 201

Григорий Семенович Очи 201
Федор Григорьевич 201
Юрловы 198
Василий Тимофеевич 197, 213
Дмитрий Тимофеевич 197
Иван Большой Тимофеевич 197, 200, 213
Иван Меньшой Тимофеевич Кудреватый 213
Тимофей Михайлович Юрло 19, 195—197, 199, 201, 286
Юрий Тимофеевич 197, 213
Плотовы *см.* Нетшичи Мамоновы
Побойнин И. И. 103
Поджогины *см.* Зайцевы
Подольские *см.* Зерновы
Пожарские, кн. 35, 37, 60
Василий Андреевич 35, 60
Василий Федорович 36
Данила Андреевич 60
Данила Васильевич 36, 60
Дмитрий Михайлович 7, 298
Иван Большой Федорович 36
Иван Федорович Третьяк 36
Семен Федорович 36
Федор Даниловнч 36, 60
Федор Федорович 36, 60
Полевы *см.* Фоминские
Поливановы 252
Климентий Григорьевич 292
Полтев Андрей, смольнянин 105
Полуектов Алексей, дьяк 312
Поплевины *см.* Морозовы
Поповка Иван, дьяк 224, 226
Порфирий, игумен 141
Порховские, кн. 252
Преображенский М. Т. 149
Пресняков А. Е. 311
Прнимковы, кн. *см.* Ростовские, кн.
Прозоровские, кн. 85, 89, 96
Андрей Иванович 105
Иван Андреевич 105
Иван Федорович 105
Михаил Андреевич Лугвица 105
Федор Андреевич 105
Федор Юрьевич Судцкий 105
Прокопий Давыдович, рязанский боярин 269
Пронскне, кн. *см.* Рязанские, кн.
Протасий, еп. рязанскнй 120
Протасьева Т. Н. 59
Протасьевичи (*см.* также Вельяминовы, Воронцовы) 8, 154, 157, 159
Василий Васильевич 157, 201, 305
Иван Васильевич 154, 157, 201
Микула Васильевич 201, 305
Полуект Васильевич 160, 201
Протасий 154, 157, 201
Тимофей Васильевич 20, 157
Юрий Васильевнч Грунка 157
Протасьевы 201
Пужбольские, кн. *см.* Ростовскне, кн.
Пунковы, кн. *см.* Микулинские Телятевскне, кн.
Пупковы *см.* Колычевы
Пусторослевы *см.* Бороздны; Сорокоумовы-Глебовы Буруновы
Путятин Юрий Васильевич, кн. 152
Пушечников Васнлий Иванович 293
Пушкин А. С. 14
Пушкины 161, 163—165, 203
Александр Григорьевич 162, 203
Андрей Григорьевич 162
Василий Григорьевич Улнта 162
Васнлий Нникитич 203
Владимир Васильевич 203
Гаврила Константнновнч 203
Григорий Ивановнч (Александровнч) Пушка 162, 203
Иван Григорьевич 162
Иван Степановнч 203
Игнатий Васильевич 203
Константнн Григорьевич 162
Матвей Васильевич 203
Михаил Ивановнч 203
Никита Григорьевич 162
Степан Тнмофеевич 203
Бобрищевы 162, 165
Алешко Ивановнч 203
Иван Алексеевич Бобрнще 203
Иван Иванович 203
Федор Иванович 203
Кологривовы 162, 165, 203
Курчевы 161, 162
Давыд Иванович 203
Мусины 162, 165
Гаврила Михайлович 203
Григорий Михайлович 203
Иван Михайлович 203
Михаил Тимофеевич Муса 203
Никнфор Мнхайлович 203
Тимофей Михайлович 203
Рожновы 161, 162
Иван Никифорович 203
Семен Никифоровнч 203
Тимофей Филиппович 203
Товарковы 161, 163, 165, 203
Андрей Большой Ивановнч 164
Андрей Иванович Дыхало (Дыхайла) 162, 164, 203
Андрей Меньшой Иванович 164, 203
Арина Ивановна *см.* Ярославская, кн.
Борис Федорович Шушлепа 162
Григорий Борнсович Шушлепа 203
Иван Борисович Булыга (Бужар) 203
Иван Ивановнч Малой (Молодой) 162
Иван Иванович Товарок (Усов) 84, 162, 163, 175, 203

Иван Федорович Сухой 162, 175, 203, 258, 285
Иван Федорович Ус 162, 174, 203, 258, 285
Леонтий Борисович Теленчей 203
Федор Григорьевич Товарок 162, 174, 284
Юмрята (Юрята) Федорович 162
Шафериковы 162, 165
Федор Степанович Шаферик 203
Пятые *см.* Бяконта потомки

Рагозин Степан 140
Радзивилл Николай, кн. 168
Радул, мутьянский воевода (воеводич) 153
Раль (Ларь) Палеолог Иван 275
Ратшичи (*см.* также Пушкины) 8, 154, 157, 161—167, 203
Александр Александрович 203
Александр Иванович 203
Владимир Иванович (Александрович) Холопище 203
Гаврила Алексич 154, 161
Давыд Иванович (Александрович) Казарин 203
Иван Гаврилович Морхиня 161, 162, 174, 203
Ратша 161, 174
Федор Иванович (Александрович) Неведомица 203
Акинфовы (*см.* также Бутурлины, Каменские, Остеевы, Свибловы, Слизневы, Хромого, Челяднины) 163—167
Акинф Гаврилович Великий 161, 164, 172, 174, 298
Андрей Иванович 164, 172
Замыцкие 164, 167
Свибловы 164, 166
Редегиины 8, 154, 156, 214
Андрей Иванович Одинец 156, 223
Андрей Троншей 244
Иван Черемнок 244
Редега (Рededя) 154, 156, 214, 244
Алехновы 219, 223
Белеутовы 219, 223
Александр Андреевич Белеут 156
Рябчиковы 219, 223
Репнины, кн. *см.* Оболенские, кн.
Ржевские *см.* Фоминские
Родион Нестерович *см.* Квашнины
Рождественский С. В. 99, 100, 104, 119, 148, 150
Рожественские *см.* Заболоцкие
Рожновы *см.* Пушкины
Ромодановские, кн. 36—38, 293
Борис Васильевич 36, 40
Василий Васильевич 36, 39, 288, 293
Василий Федорович 36
Иван Васильевич Телеляша (Лихач) 25, 36, 39, 40
Михаил Васильевич 36, 40
Петр Борисович Шарап 40
Петр Семенович 61
Семен Васильевич 36, 40, 61
Федор Васильевич 36, 40
Юрий Васильевич 36, 40
Ростовские, кн. 7, 9, 24, 67, 75, 77—79, 81—83, 97, 123, 147, 289, 296, 305
Александр Владнмирович 79—81, 101, 132, 157, 168, 200, 235, 240, 288, 289, 307, 308
Александр Константинович 76
Андрей Александрович 76, 80
Андрей Дмитриевич 81, 100, 289
Андрей Федорович 75, 76
Арсений Константинович 76
Василий Константинович 75, 76
Владимир Андреевич 76, 80, 81, 100
Владимир Константинович 76
Глеб Константинович 76
Дмитрий Андреевич 76
Дмитрий Владимирович 80, 81, 168, 288, 290
Иван Александрович Ян 76
Иван Андреевич 75, 235
Иван Андреевич Брюхатый 76, 78
Иван Владимирович 81
Иван Константинович 76
Константин Васильевич 75, 76
Константин Владимировнч 76, 81
Петр Андреевич 76
Петр Дмитриевич 81, 158
Федор Александрович 76
Федор Андреевич (сын Андрея Федоровича) 75, 76
Федор Андреевич (сын Андрея Александровича) 76, 81
Федор Васильевич 75
Юрий Андреевич 25
Бритые 79
Дмитрий Иванович Бычок 81
Петр Владимирович Голый 81
Голенины 76, 77, 100
Андрей (Арсений) Андреевич 76
Андрей Федорович 75, 76, 293
Василий Иванович 75, 76
Иван Андреевич 76
Иван Васильевич Меншик 76
Иван Федорович 75
Семен Андреевич 76
Федор Иванович Голеня 75
Голубые 79
Касаткины 79
Ласткины 79
Лобановы 79
Иван Александрович Лобан 81
Немого 77
Семен Юрьевич 75
Юрий Иванович Немой 75

Пришмковы 76, 77
Андрей Дмитриевич 100
Дмитрий Дмитриевич (отец) 100
Дмитрий Дмитриевич (сын) 100
Иван Дмитриевич Волк 100
Лев Дмитриевич Балымат 100
Семен Большой Дмитриевич 100
Семен Меньшой Дмитриевич Баташ 100
Бахтеяровы 76, 77
Гвоздевы 76, 77
Пужбольские 77, 78
Владимир Иванович Волох 101
Иван Александрович 76, 81
Иван Иванович Брюхо 101
Иван Иванович Долгий 76, 81
Семен Иванович Вершка (Верига) 101
Хохолковы 78
Александр Андреевич 78, 79
Александр Иванович Хохолок 78, 80
Андрей Александрович 80, 100, 289, 311
Андрей Иванович Хохолок 78
Дмитрий Александрович 80, 100
Иван Александрович 100
Федор Александрович Горбатый 80
Юрий Андреевич 78
Буйносовы 78, 80
Иван Александрович Буйнос 80
Иван Иванович 101
Катыревы 78
Иван Андреевич Катырь 78, 100
Щепины 76, 77
Дмитрий Александрович Щепа 100
Иван Дмитриевич 100
Яновы 78
Василий Иванович Губка 81
Дмитрий Иванович 81
Иван Андреевич Ян 81
Семен Иванович 81
Темкины 78
Иван Иванович Темка 81
Юрий Иванович 101
Румовский Н. 281
Руно Иван Дмитриевич 285
Русинов Григорий Дмитриевич 43
Рутенбург В. И. 282
Рыбаков Б. А. 210
Рюмины, кн. *см.* Звенигородские, кн.
Рюрик, кн. 211
Рюсс Х. 26, 65, 99, 104, 318
Рябчиковы *см.* Редегины Белеутовы
Рязанские, кн. 113, 114
Анна Васильевна 113, 267
Василий Иванович 113, 116, 268
Иван Васильевич 113, 114, 280
Иван Иванович 114—116, 120, 121, 172, 269, 274
Иван Федорович 19, 113, 268, 269, 279, 280
Олег Иванович 19, 26, 267—269, 279
Олег Ингваревич 279
Федор Васильевич 113, 114, 116, 117, 267, 280
Федор Ольгович 268, 269
Пронские 114, 116—118, 124, 270
Аидрей Иванович Сухорукий 116
Андрей Константинович 117
Василий Данилович 117, 118
Василий Иванович (Нелюбов) 116
Василий Константинович 117
Василий Федорович Рыбин 121
Глеб Юрьевич 116
Данила Дмитриевич 116, 117, 121
Дмитрий Андреевич 116
Иван Владимирович 116
Иван Дмитриевич 25, 116, 117, 272
Иван Иванович Нелюб 116
Иван Иванович Турунтай 116, 117
Константин Федорович 117
Марья Ивановна (ур. Ховрина Головина) 272
Петр Данилович 117, 121
Семен Глебович 211
Семен Данилович 117, 121, 211
Федор Дмитриевич 115—118, 120, 140, 293
Федор Иванович 116, 267
Юрий Дмитриевич 116, 118
Шемякины 114
Авдотья Ивановна (ур. Мезецкая, кн.) 136
Иван Васильевич Шемяка 116
Иван (Иона) Иванович 121
Юрий Иванович 121, 136
Ряполовские, кн. *см.* Стародубские, кн.

Сабуровы 8, 18, 60, 154, 157, 191—195, 300, 303
Андрей Васильевич 193—195, 288, 291, 307, 311
Василий Федорович 191, 193, 211, 220, 226, 251, 292, 299, 300
Григорий Андреевич 193
Данила Иванович *см.* Зерновы Подольские
Данила Федорович 191, 211
Иван Федорович 191, 251
Марья Юрьевна *см.* Стародубская Ряполовская, кн.
Михаил Андреевич 193
Михаил Иванович *см.* Михаил Федорович
Михаил (Мисаил) Федорович 50, 170, 191, 211, 246, 300
Федор Иванович Сабур 191, 211, 300, 312
Вислоуховы 192
Семен Иванович Вислоух 193

Тимофей Семенович 211
Пешковы 192
Данила Семенович Чурка 191
Дмитрий Семенович 191, 211
Константин Семенович 191, 211
Никифор Дмитриевич 211
Семен Дмитриевич 204, 211
Семен Федорович Пешек 26, 191, 193
Федор Семенович Муса 191, 211
Юрий Константинович 158, 211
Пильемовы 192
Федор Иванович Пильем 193
Сверчковы 192, 193
Андрей Иванович 194
Афанасий Юрьевич 193, 194
Замятня Иванович 194
Иван Данилович 194, 212
Иваи Константинович 193
Иван Юрьевич 193, 212
Константин Федорович Сверчок 191, 211
Соломония Юрьевна *см.* Соломония Юрьевна, вел. кн.
Тимофей Константинович Замятня 193
Федор Иванович 194
Федор Юрьевич 193
Юрий Константинович 193, 194, 211, 288, 301, 305, 308
Савва, инок 250
Савва В. И. 281, 282, 314
Савва Сербский, архиеп. 279
Савелов Л. М. 60
Садиков П. А. 142, 152, 246, 278
Сакмышевы 266
Афанасий Степанович 266, 279, 292
Матвей Иванович 279
Салтыковы *см.* Морозовы; Травины
Самоквасов Д. Я. 250, 310
Санин Иосиф *см.* Иосиф Волоцкий
Сапега 152
Сатины 252
Сафа-Гирей, хан 51, 75
Сахаров И. П. 24, 60—63, 66, 99, 101, 102, 104, 105, 149, 203, 204, 210—213, 244, 246—250, 276, 277, 279, 317
Сверчковы *см.* Сабуровы
Свибловы *см.* Ратшичи Акинфовы
Свидригайло, кн. литовский 29, 56, 66, 131, 229
Свиньин П. П. 303, 313
Сеадат-Гирей, хан 21, 278
Седельников А. Д. 282
Селивановы 269
Василий Селиванович 269
Василий Федорович 280
Григорий Васильевич 269
Селиван Кичибеевич 269
Семен Иванович, кн. калужский 40, 55, 75, 141, 197, 257, 267, 293
Семен Олелькович, кн. литовский 106
Серапион, архиеп. новгородский 36
Сергеевич В. И. 26, 146, 308, 314
Серебряные, кн. *см.* Оболенские Щепины, кн.
Серкизовы 243, 252
Андрей Серкиз 214
Старковы 8, 154, 243, 252
Александр Иванович 243
Алексей Иванович 243
Василий Алексеевич 243
Иван Александрович 243
Иван Алексеевич 243
Иван Федорович 243, 251, 283
Сигизмунд I, вел. кн. литовский, король польский 115, 128, 168, 188, 238
Симеон Бекбулатович, царевич, вел. кн. 24, 222
Симеон Иванович Гордый, вел. кн. 229
Симеон Касаевич, царь 202, 260
Симон, митр. 202, 260
Симские 218
Федор Константинович 220, 245
Образцовы 218
Василий Федорович Образец 220, 239, 285
Михаил Васильевич 220
Ульяна, жена Михаила Васильевича 245
Хабаровы 218
Евдокия Иваиовна (ур. Ховрина Головина) 220, 272
Иван Васильевич Хабар 115, 120, 158, 173, 188, 189, 210, 220, 221, 245, 272, 288, 289, 303, 307
Иван Иванович 221, 245, 295
Синего *см.* Жеребцовы
Синицына Н. В. 265, 278
Сисеевы, кн. *см.* Ярославские, кн.
Сицкие, кн. 85, 89, 96
Александр Федорович 105
Андрей Федорович 105
Иван Васильевич 301
Иван Федорович 105, 275
Семен Федорович (сын Федора Михайловича Моложского) 105, 248
Семен Федорович (сын Федора Петровича Кривого) 105, 248
Федор Петрович Кривой 105
Скиндер, турецкий посол 185, 222
Скопины, кн. *см.* Суздальские Шуйские, кн.
Скржинская Е. Ч. 282
Скрынников Р. Г. 14, 23, 122, 146, 148—150, 153, 294, 295, 311, 317
Скрябины *см.* Морозовы; Травины
Скуратов Малюта *см.* Бельский Скуратов Григорий Лукьянович
Слизневы 164, 167, 172
Андрей Иванович Слизень 172, 205

Василий Федорович Копыто 205
Данила Давыдович 205
Иван Иванович 205
Иван Иванович Булгак 205
Иван Иванович Копот 205
Михаил Иванович Смолка 205
Останя Ташлыков сын 205
Семен Иванович 205
Ташлык Иванович 205
Тимофей Иванович 205
Федор Иванович Лобан 205
Мятлевы 167, 172
Семен Григорьевич 205
Упины 167
Александр Семеиович Великой 205
Смирнов И. И. 14, 23, 210, 279, 311
Сназины 266
Собакин Тимофей 183
Солнцевы, кн. *см.* Ярославские Засекиины, кн.
Соловьев С. М. 297
Соломония Юрьевна (ур. Сабурова Сверчкова), вел. кн. 193—195, 222, 274, 275, 282, 288, 306
Сорокоумовы-Глебовы 15, 156, 214, 216, 217, 244
Андрей Кузьмич Дурной 219
Василий Большой Глебович 214, 219
Василий Меньшой Глебович 219
Григорий Васильевич Криворот 214, 215, 283
Иван Андреевич 219
Иваи Глебович 219
Илья Глебович 219
Кузьма Глебович 219
Леонтий Андреевич 219
Леонтий Васильевич 214
Михаил Иванович 219
Михаил Сорокоум 214, 244
Петр Васильевич Третьяк 214, 216
Семен Васильевич Голова 214
Яков Иванович Курица 219
Бобровы 216
Василий Дмитриевич Дурак 219
Дмитрий Васильевич Бобр 214, 217, 244
Иван Дмитриевич 17, 219
Буруновы 216, 219
Алексей Васильевич Бурун 214, 219
Казариновы 216, 219
Михаил Алексеевич Казарин 219
Пусторослевы 216, 219
Кокошкины 216, 219
Василий Васильевич Кокошка 214, 219, 244
Степан Григорьевич 244
Федор Большой Васильевич 219
Юрий Васильевич 244
Кошкаровы 216
Дмитрий Михайлович Кривой 219
Михаил Кузьмич Кошкар 219
Степан Михайлович 219
Крюковы 217
Василий Борисович Щетина 219
Моревы 216
Борис Иванович (Полуектович) 217, 244
Иван (Полуект) Васильевич Море 214, 217
Иван Иванович (Полуектович) 217 244
Константин Иванович 244
Федор Иванович 244
Обедовы 217
Василий Ильич Обед 220
Ощерины 216
Иван Васильевич Ощера 20, 26, 214—217, 244, 284, 285, 292
Иван Иванович 215, 216
Михаил Иванович 215
Софоний Алтыкулачевич, рязанский боярин 19
Софья Витовтовна, вел. кн. 243, 252
Софья Фоминишна Палеолог, вел. кн. 39, 137, 155, 165, 195, 239, 251, 270, 273, 282, 292
Спячие, кн. *см.* Звенигородские, кн.
Срезневский И. И. 26
Станищев Иван Зиновьевич 253
Старковы *см.* Серкизовы
Стародубские (Можайские), кн. 8, 145, 151
Василий Семеиович 16, 35, 71, 113, 132, 137—141, 144, 145, 151, 157, 168, 184, 200, 305
Семен Иваиович 133, 134, 137, 138, 144, 145, 151, 157
Стародубские (Ряполовские), кн. (*см.* также Пожарские, кн.) 7, 8, 20, 28, 29, 35, 37—39, 42, 43, 58, 63, 123, 147
Андрей Федорович 35, 36, 60
Иван Васильевич Черный 60
Федор Аидреевич 35, 36, 60
Голибесовские 37, 38
Иван Федорович Лапа (Лапина, Лопата) 36
Семен Васильевич Голица 36
Гагарины 36
Иван Михайлович 36
Михаил Иванович Гагара 36
Кривоборские 36, 37
Александр Иваиович 36
Андрей Иванович 60
Василий Большой Иванович 60
Василий Меньшой Иванович 60
Иван Александрович 60
Иван Иванович 36
Семен Иванович Приимыш 36, 61
Федор Иваиович 60
Федор Иванович Лайко 36
Ковровы 36, 37, 60

Василий Андреевич Ковер 36
Льяловские 37
Борис Иванович 36
Василий Иванович 36
Иван Константинович 36
Константин Федорович 36
Осиповские 37
Петр Федорович 36
Палецкие 36—39
Александр Давыдович 42
Андрей Федорович 43, 63
Борис Иванович 43
Василий Иванович 42
Василий Федорович Булат 43
Давыд Андреевич 42
Давыд Федорович 63
Дмитрий Федорович Шереда (Череда) 43
Иван Давыдович 42
Иван Иванович 42
Иван Иванович Хруль 42, 43
Иван Федорович 43
Иван Федорович Образец 42, 62
Ульяна Дмитриевна *см.* Ульяна Дмитриевна, кн.
Федор Давыдович Пестрый 42
Федор Большой Иванович 42, 43
Федор Меньшой Иванович 42, 43
Федор Федорович 43
Федор Федорович Пеструха 42
Гундоровы 36, 38, 42
Андрей Большой Федорович Гундор 42, 62
Андрей Меньшой Федорович Гундор Брызгало 42
Иван Большой Федорович Гундор 42
Семен Иванович 62
Юрий Иванович 62
Тулуповы 36, 37, 39
Андрей Васильевич 62
Василий Иванович 42
Владимир Васильевич 62
Дмитрий Давыдович Тулуп 42
Иван Васильевич Немой 42
Иван Дмитриевич 62
Семен Иванович 42
Ряполовские 20, 36—38, 58, 123, 283, 286
Аксинья 42
Андрей Иванович Лобан 40
Василий Семенович Мних 41, 42, 224
Дмитрий Иванович 40, 41, 61, 283
Елена 41
Иван Андреевич Ногавица 40
Иван Иванович 40, 41
Иван Федорович 61
Марья Юрьевна (ур. Сабурова) 42
Михаил Федорович 41
Петр Семенович Лобан 25, 41, 42, 51, 115
Семен Иванович Молодой 32, 33, 40, 41, 58, 61, 123, 264, 286, 287, 306, 310
Семен Иванович Хрипун 40—43, 58, 61, 220, 285
Федор Семенович Стрига 41, 42, 61
Федор Семенович Хрипун 25, 41
Татевы 38, 42
Иван Федорович Тать 41, 42
Хилковы 36, 38, 41
Дмитрий Иванович 41
Иван Федорович Хилок 41
Стен Стур Младший, правитель Швеции 208
Стен Стур Старший, правитель Швеции 208
Степанида Рязанка 282
Стефан, воевода волошский 215
Стефан, воеводич волошский 153
Стригины, кн. *см.* Оболенские, кн.
Стромилов Н. С. 99, 100, 152, 205, 212, 250, 276, 317
Стрыйковский Мацей 208, 210
Судимонты 112
Иван Кондратьевич 112, 299
Суздальские, кн. 7, 24, 67—69, 95, 97, 123
Александр Иванович Брюхатый 70
Андрей Васильевич Лугвица 72, 100
Борис Васильевич 72
Василий Васильевич Гребенка (Шуйский) 72, 99
Василий Дмитриевич Кирдяпа 67
Василий Семенович 72
Дмитрий Константинович 67, 72, 201, 298
Дмитрий Константинович Одноок (Ноготь) 75
Роман Васильевич 72
Семен Борисович 75
Семен Дмитриевич 67, 69, 98
Глазатые 68, 69
Александр Васильевич 72, 73, 98, 106
Борис Александрович 72
Дмитрий Александрович 72
Федор Дмитриевич Черленый 99
Барбашины 69, 72
Владимир Иванович 72, 293
Иван Александрович Барбаша 72
Иван Иванович 25, 72, 73
Михаил Иванович 72
Горбатые 9, 67—69, 123, 153, 296
Александр Борисович 74, 99, 295
Андрей Борисович Бучен 25, 74, 99, 187
Андрей Иванович 73

Борис Иванович (сын Ивана Васильевича) 73
Борис Иванович (сын Ивана Ивановича) 54, 65, 71, 73, 74, 82, 90, 99, 126, 129, 158, 159, 185—187, 200, 273, 289, 307, 311, 313
Владимир Ивановнч 73
Иван Васильевич 33, 69, 72, 73, 98, 99
Иван Иванович (отец) 73, 99, 157
Иван Иванович (сын) 73, 74
Михаил Васильевич Кислый 48, 65, 71, 74, 75, 82, 95, 100, 104, 159, 223, 228, 289, 302, 311
Михаил Иванович Лапа 73
Федор Борисович Кузнец 74
Ногтевы 69
Василий Андреевич Ноготь 75
Шуйские 9, 67—69, 72, 99, 123, 281
Андрей Михайлович Честокол 51, 53, 65, 70, 71, 73, 98, 116, 117, 185, 186, 250, 275, 281, 306
Василий Васильевич Бледный 69, 70, 99
Василий Васильевич Немой 32, 51, 65, 70—75, 82, 91, 95, 98, 99, 126, 132, 158, 169, 171, 187, 188, 194, 221, 234, 235, 238, 289, 294, 296, 303, 305—307
Василий Иванович *см.* Василий Иванович Шуйский, царь
Василий Федорович 69, 70
Василий Юрьевич 67, 69, 99
Дмитрий Васильевич 72
Иван Васильевич 70—72, 98, 99, 120, 289, 294, 296
Иван Дмитриевич Губка 99
Иван Михайлович Плетень 53, 70, 73, 99, 116, 117, 185, 186, 250, 275, 295, 306
Иван Петрович 72, 303
Михаил Васильевич 69, 70, 246
Петр Иванович 72
Федор Юрьевич 67, 98
Скопины 68, 70
Иван Васильевич Скопа 69
Федор Иванович 70, 98, 295
Сукин Федор Иванович 245
Сунбуловы *см.* Ковылины
Сыроечковский В. Е. 280

Татевы, кн. *см.* Стародубские Ряполовские, кн.
Татищев В. Н. 65
Татищев Ю. В. 150
Тверские, кн. (*см.* также Микулинские, кн.) 106, 108, 109, 112, 118, 288
Борис Александрович, вел. кн. 109, 118
Всеволод Александрович, кн. холмский 252
Иван Михайлович, вел. кн. 261
Иван Юрьевич, кн. зубцовский 107
Михаил Александрович, вел. кн. 123
Михаил Борисович, вел. кн. 106, 107, 109, 118
Дорогобужские 107—109, 111
Анастасия Михайловна 109
Иван Иванович 109
Иван Осипович (Иосифович) Пороша 109
Иосиф (Осип) Андреевич 19, 109—111, 118, 119, 263, 292, 311
Юрий Андреевич 109
Чернятинские 109, 111
Андрей Семенович 111
Василий Андреевич 111, 293
Василий Васильевич 111
Дмитрий Васильевич 111
Иван Васильевич Шах 111, 120
Никита Васильевич 111
Холмские 29, 103, 108, 112, 117, 120
Андрей Васильевич 113
Василий Данилович 16, 27, 32, 34, 36, 40, 42, 44, 47, 50, 53, 54, 62, 66, 70, 72, 80, 84, 91—94, 110—113, 116—118, 120, 157, 158, 162, 168, 169, 184, 189, 205, 208, 212, 221, 224, 229, 233, 235, 240, 241, 244, 246, 247, 249, 255, 257, 266, 274, 275, 280, 287, 288, 290, 305, 306, 309
Василий Михайлович 113
Всеволод Александрович *см.* Тверские, кн.
Данила Васильевич 113
Данила Дмитриевич 9, 31, 93, 107, 109, 112, 117, 120, 124, 165, 191, 224, 255, 257, 272, 274, 275, 285, 290, 296, 298, 306
Дмитрий Юрьевич 112
Иван Иванович Каша 113
Михаил Дмитриевич 107, 109, 112, 118, 264
Семен Данилович 113, 120, 311
Феодосия Ивановна, дочь Ивана III 112
Телепневы, кн. *см.* Оболенские, кн.
Телешов Иван Иванович, дьяк 140, 222
Телятевские, кн. *см.* Микулинские, кн.
Темкины, кн. *см.* Ростовские Яновы, кн.
Тимош Александрович, рязанский боярин 269
Титов А. А. 25, 276
Тихомиров М. Н. 6, 13, 23, 64, 65, 100, 119, 122, 139, 146, 151, 152, 202, 249, 270, 279, 280, 317
Тишков Третьяк 98
Товарковы *см.* Пушкины

Токмаковы, кн. *см.* Звенигородские Ноздроватые, кн.
Толбузины *см.* Фоминские
Торн де ля (Делатор) Юрий 272, 273
Травины 229, 230
Михаил Иванович Шарап 232
Осокины 230
Василий Иванович Вязель 229
Григорий Иванович Пырей 229, 247
Иван Григорьевич Осока 229
Иван Иванович Отава 229
Семен Иванович Дятелина 229, 247
Салтыковы 230
Иван Иванович Салтык 162, 232, 247
Скрябины 230
Григорий Тимофеевич 229, 232, 247
Иосиф Тимофеевич 232
Тимофей Григорьевич Скряба 229, 232, 247
Федор Тимофеевич 247
Щавей (Щавель) Тимофеевич 229, 247, 265
Траханиотовы (Трахаииоты) 8, 155, 251, 270, 271, 273, 275, 281
Василнй Юрьевич 275, 295
Дмитрий Мануилович Траханиот 273, 292
Иван Юрьевич 275
Юрий Дмитриевич Малый (Грек) 9, 169, 184, 251, 264, 265, 273—275, 282, 292, 296, 313
Юрий Мануилович Старый Траханиот 273, 292
Тростенские, кн. *см.* Оболенские, кн.
Третьяковы *см.* Ховрины
Троекуровы, кн. *см.* Ярославские, кн.
Трубецкая Е. Э. 148
Трубецкие, кн. *см.* Гедиминовичи, кн.
Тулуповы, кн. *см.* Стародубские Палецкие, ки.
Туренины, кн. *см.* Оболенские, ки.
Тучковы *см.* Морозовы
Тушины *см.* Морозовы

Ульяна Дмитриевна (ур. Стародубская Палецкая), ки., жена кн. Юрня Васильевича 43
Ульяна Дмитриевна (ур. Тверская Холмская), жена кн. Бориса Васильевича Волоцкого 112
Умного *см.* Колычевы Лобановы
Упины *см.* Слизневы
Ухорские, кн. *см.* Ярославские, кн.
Ушатые, кн. 85, 89, 96, 98
Василий Федорович 96
Василий Юрьевич 97
Иван Васильевич Третьяк 106
Иваи Федорович Бородатый 25, 96, 97, 105, 187
Иван Федорович Ляпун 25, 96, 97, 105, 187
Константин Федорович 96, 97, 289, 292
Петр Федорович 96, 97
Федор Иванович 105, 183
Юрий Большой Васильевич 106
Юрий Меньшой Васильевич 97
Юрнй Федорович 96, 97
Чулковы 89, 96
Василий Васильевич Чулок 97, 106

Федор Борисович, кн. волоцкий 29, 30, 34, 110, 229, 253, 293
Федор Иванович, царевич (затем — царь) 147
Федор Молейгдарович, царевич 80
Федор Ростиславич, кн. смоленский и ярославский 19, 103
Федотов-Чеховский А. А. 315
Феннелл Дж. 39, 61, 118
Феодосий, архимандрит 303
Феодосий, архиеп. новгородский 245
Феодосий, сын Дионисия, живописец 281
Феодосия Ивановна, вел. княжна *см.* Тверская Холмская, кн.
Фехнер М. В. 151
Филимоновы *см.* Морозовы Тушины
Филипп (Колычев Лобанов Федор Степанович), митр. 176, 207
Флоря Б. Н. 14, 17, 23, 25, 27, 107, 111, 113, 118, 119, 122, 280
Фомииские (*см.* также Травины) 223, 230, 231, 252, 264
Борис Федорович 232
Констаитин Юрьевич, кн. березуйский 156, 229
Остафий Федорович 232
Федор Большой Константинович Красный, кн. 229
Федор Меньшой Константинович, кн. 229
Федор Средний Константинович Слепой, кн. 229, 264
Федор Юрьевич, кн. вяземский и дорогобужский 229, 232, 247
Юрий Святославич, кн. 229, 247
Вепревы 230
Борис Федорович Вепрь 252
Федор Васильевич 229
Еропкины 223, 229—232, 234
Андрей 247
Андрей Азарьевич *см.* Степан Азарьевич
Андрей Иванович Кляпиков 234
Афанасий (Остафий) Дмитриевич 233, 248
Василий 247
Иван Андреевич 248

Иван Михайлович Кляпиков 233, 248
Иван Остафьевич Еропка 232
Игнатий (Изосима) Азарьевич (Лазаревич) 232, 233
Михаил Степанович Кляпик 213, 233, 234
Степан (Андрей) Азарьевич 233, 247
Федор (Федот, Федец) Степанович 233, 248
Козловские, кн. 230, 232
Василий Федорович 232
Роман Иванович 247
Коробьины (*см.* также Бокеевы) 230
Андрей Федорович Коробья 278
Федор Андреевич 264
Крюковы 230
Полевы 223, 229—232
Василий Большой Федорович Темный 232
Василий Меньшой (Меньшак) Федорович 247
Никифор (Нил) Васильевич 232, 233
Федор Дмитриевич 232, 247
Ржевские 229—232
Борис Гаврилович Истома 232, 247
Василий Гаврилович 232
Ветошка Химин сын 247
Воин Борисович 247
Гаврила Семенович 232
Матвей Михайлович 232
Михаил Семенович 232
Семен Федорович 232
Федор Федорович 232
Хима Гаврилович 232, 247
Толбузины 229—231
Иван Федорович Толбуга 232
Семен Иванович 232
Фотий, митр. 119

Хабаровы *см.* Симские Образцовы
Ханс («Иван»), король Дании 275
Харламов Иван Владимирович Некрас, дьяк 279
Хворостинины, кн. *см.* Ярославские Ухорские, кн.
Хидырщиковы 266
Дмитрий 279
Федор Хидырщик 279
Хилков Г., кн. 100, 118, 210, 213, 247, 317
Хилковы, кн. *см.* Стародубские Ряполовские, кн.
Хлуденевы *см.* Кобылины
Хлызневы *см.* Колычевы
Хованские, кн. *см.* Патрикеевы, кн.
Ховрины 155, 251, 270, 271
Владимир Григорьевич 32, 270, 271, 280, 281
Григорий Степанович Ховра 270
Дмитрий Владимирович 9, 25, 75, 184, 220, 234, 242, 265, 271, 272, 274, 281, 287, 296, 308, 313
Иван Владимирович Хозюк 112, 271
Иван Владимирович Четвертак 272
Степан Васильевич 270
Головины 70, 116, 251, 271, 273, 281
Евдокия Ивановна *см.* Симская Хабарова
Иван Владимирович Голова 116, 271, 272
Иван Иванович Скряба 272
Марья Васильевна (ур. кн. Одоевская) 273
Марья Ивановна *см.* Рязанская Пронская, кн.
Михаил Петрович 281
Петр Иванович 223, 272—274, 281, 294
Петр Петрович 281
Третьяковы 271, 273
Иван Владимирович Третьяк 272
Иван (Иона) Иванович 273, 281, 307
Холмские, кн. *см.* Тверские, кн.
Хорошкевич А. Л. 4, 5, 25, 102, 121
Хохолковы, кн. *см.* Ростовские, кн.
Хромого 21, 161, 164, 165
Иван Андреевич Хромой 169
Давыдовы 165
Григорий Федорович 90, 140, 168, 169, 172, 175, 185, 187, 265, 275, 286—289, 307, 309, 313
Иван Петрович Федоров Челяднин 109, 169, 295
Марья, жена Григория Федоровича 204
Петр Федорович 84, 169, 175, 204, 287, 288
Федор Давыдович 62, 165, 168, 175, 203, 204, 206, 246, 284, 299
Хромые, кн. *см.* Ярославские, кн.

Чеглоковы *см.* Морозовы Тушины
Челяднины 21, 164, 165, 167, 172, 174, 206, 239
Аграфена, жена Федора Михайловича 172
Андрей Федорович 172, 174, 285, 286, 310
Василий Андреевич 169, 172—174, 186, 206, 301
Иван Андреевич 34, 90, 125, 172, 173, 206, 301
Иван Михайлович 172
Иван Петрович *см.* Хромого Давыдов
Иван Петрович Федоров Челяднин

Михаил Андреевнч Челядня 172
Петр Федорович 172, 174, 206, 284
Федор Михайлович Челядня 172, 205, 284
Черепнин Л. В. 6, 13, 23, 24, 27, 58—61, 63, 103, 118, 155, 156, 245, 249, 306, 313, 315, 317, 318
Черкасский Александр Васильевич, кн. 146
Черленого *см.* Заболоцкие Рожественские
Черниговские, кн. (*см.* также Воротынские, кн.; Одоевские, кн.) 56, 129
Иван Юрьевич Новосильский 133, 143, 149
Лев Романович Новосильский 129
Михаил Всеволодич 129, 135
Мстислав Михайлович Карачевский 129, 135
Роман Михайлович 129
Роман Семенович Новосильский и Одоевский 129
Ростислав Михайлович 129
Семен Михайлович Глуховский и Новосильский 129
Федор Иванович Новосильский 133
Федор Львович Новосильский и Одоевский 153
Юрий Михайлович Тарусский и Оболеиский 129
Юрий Романович Новосильский Черный 129, 132
Белевские 129—131
Аидрей Васильевич 129
Василий Васильевич 129
Василий Михайлович 131, 143
Евпраксия (Опракса) Михайловна 131
Иван Васильевич 25, 129, 131, 148
Иван Иванович 129, 149
Федор Михайлович 131, 149
Мезецкие 129—131, 135, 136, 150
Андрей Михайлович 136
Андрей Семенович 136
Василий Михайлович 136
Василий Семенович 136, 150
Васнлий Федорович Кукубяка (Кобяка) 135
Иван Андреевич 150
Иван Меньшой Михайлович 136
Иван Михайлович Шапца 136, 150
Иван Семенович 136
Иван Федорович Сухой 150
Михаил Романович 135, 136, 150
Петр Михайлович Гнуса 136
Петр Семенович 136
Петр Федорович 135, 150
Роман Андреевич 150
Семен Михайлович 136
Семен Романович 135, 136
Федор Аидреевич 135
Федор Семенович 136
Федор Федорович Сухой 135
Борятинские 131
Говдыревские 131
Василий Иванович 135
Иван Федорович 135
Федор Иванович 135
Мосальские 129, 130, 135
Дмитрий Иванович 135
Семен Иванович 135
Новосильские 122, 130
Осовицкие 129
Чернятинские, кн. *см.* Тверские Дорогобужские, кн.
Чоботовы *см.* Остеевы Чулковы
Чулковы *см.* Остеевы
Чулковы, кн. *см.* Ушатые, кн.
Чумиков А. А. 98—100, 202, 248, 249

Шадрины *см.* Вельяминовы
Шаины 268
Иван Иванович Шая (Шаин) 267, 279, 314
Назарий Юрьевич 267
Федор Юрьевич 267
Юрий Константинович 267
Яков Назарьевич 267
Шатагин Н. И. 309, 314
Шафериковы *см.* Пушкины
Шаховские, кн. *см.* Ярославские, кн.
Шеины *см.* Морозовы
Шемякины, ки. *см.* Рязанские Пронские, кн.
Шемячича Иоанн Васильевич Севрюк 142
Шемячичи, кн. 8, 142, 152
Василий Иванович 35, 47, 81, 96, 113, 116, 127, 128, 132, 134, 137—142, 144, 145, 150—152, 157, 168, 170, 173, 200, 222, 257, 274, 296
Евфимия 142, 152
Иван Дмитриевич 138
Шереметев В. Ф. 25
Шереметев П. С. 58
Шереметевы 180, 189, 211
Андрей Константинович Шеремет 189, 211
Борис Андреевич 189
Василий Андреевич 189, 211
Иван Андреевич 189
Иван Большой Васильевич 189, 295
Иван Меньшой Васильевич 189, 295
Никита Васильевич 189
Семен Васильевич 189
Шестовы *см.* Морозовы Тушины
Шестуновы, кн. *см.* Ярославские, кн.
Шетневы 266, 279
Шехонские, кн. *см.* Ярославские, кн.

Шигалей, царь 125, 186
Шиловскне 269, 280
Шмидт С. О. 14, 23—25, 59—61, 64, 65, 102, 103, 153, 202, 204, 206, 207, 209, 213, 246, 249, 250, 276, 281, 297, 310, 311, 317, 318
Шуйские, кн. *см.* Суздальские, кн.
Шукаловские *см.* Заболоцкие
Шульгин В. С. 14, 23, 83, 92, 101, 102
Шумаков С. А. 63, 99, 102, 201, 206, 318

Щенятевы, кн. *см.* Патрикеевы, кн.
Щепины, кн. *см.* Оболенские, кн.; Ростовские, кн.
Щепкина М. В. 59
Щербатовы, кн. *см.* Оболенские, кн.
Щербачев Ю. Н. 25
Щербинины 252
Щетинины, кн. *см.* Ярославские, кн.

Экземплярский А. В. 60, 62, 100, 102, 104, 119, 121, 318
Эскин Ю. М. 63

Юрий, окольничий рязанский 19
Юрий, чашник рязаиский 19
Юрий Васильевич, кн., брат Ивана IV 43, 295
Юрий Васильевич, кн. дмитровский 44, 50, 157, 160, 162, 175, 191, 194, 195, 215, 217, 234, 243, 271, 292
Юрий Дмитриевич, ки. галичский и звенигородский 123, 223, 238, 241, 252
Юрий Иванович, кн. дмитровский 49, 50, 56, 70, 80, 96, 98, 105, 116, 144, 161, 162, 164, 170, 191, 200, 211, 219, 220, 232, 247, 266, 292
Юрий Патрикеевич, кн. *см.* Патрикеевы, кн.
Юрловы *см.* Плещеевы
Юхотские, кн. *см.* Ярославские Новленские, ки.
Юшков А. И. 99, 102, 208, 245, 279, 280, 313, 315
Юшков С. В. 314

Якимовы 266
Яков Иваиович *см.* Ковылин
Яиай, царевич 158
Яиалей, хаи 93, 185, 238, 249
Янии В. Л. 248
Яиовы 151
Михаил Дмитриевич 139
Яновы, кн. *см.* Ростовские, кн.
Ярого *см.* Заболоцкие
Ярослав Владимирович, кн. боровский 209
Ярославовы, кн. *см.* Оболенские, кн.
Ярославские, кн. 7, 22, 67, 83, 85—87, 97, 101, 123, 147, 297
Александр Иваиович 83
Александр Федорович Брюхатый 92, 103
Андрей Васильевич 105
Арина Ивановна (в первом браке Пушкиина Товаркова) 84
Василий Васильевич (сын Василия Давыдовича) 83, 92, 93
Василий Васильевич (сын Василия Романовича) 105
Василий Давыдович Грозные очи 83, 95, 96
Василий Иванович 83, 84, 102
Василий Романович 105
Василий Федорович Мамон 83
Глеб Васильевич 83, 95
Давыд Федорович 83, 96, 103
Данила Васильевич 84, 102, 105
Дмитрий Романович 105
Иван Васильевич 83, 90, 105
Иван Глебович 95
Иван Романович Неблагословенный свистун 96, 105
Иваи Семеиович 84
Иван Семеиович Семейка 84
Илья Васильевич 105
Коистантин Федорович 103
Лев Романович 83
Петр Львович 84
Петр Романович 83
Петр Семеиович Кривой 84
Роман Васильевич 83, 96
Роман Иванович 83, 84, 97
Семен Романович 83, 84, 97, 124, 163, 169, 204, 286, 287
Федор Васильевич 83, 84, 102
Федор Глебович 95
Федор Романович 83, 97
Юрий Васильевич 84
Яков Иванович Воин 83, 101
Алабышевы 86
Анастасия Васильевиа (ур. кн. Тверская Микулинская) 83, 110
Иван Федорович 83
Семеи Федорович 83
Федор Федорович Алабыш 83
Аленкины 83, 87
Александр Федорович Аленка 83
Андрей Александрович 84
Федор Александрович 84
Деевы 88
Иваи Дмитриевич 94, 104

Заозерские 85, 87
Андрей Дмитриевич 93, 94, 104
Дмитрий Васильевич 93
Федор Дмитриевич 93
Кубенские 87, 94, 95, 97
Василий Иванович 94
Иван Иванович 94, 95, 104
Иван Большой Семенович 94
Иван Меньшой Семенович Шелуха 94, 104
Михаил Иванович 92, 95, 188, 289
Семен Дмитриевич 94, 104
Засекины 87, 95
Анна Петровна (ур. Заболоцкая) 228
Давыд Иванович 104
Иван Иванович 103, 104
Иван Иванович Бородатый дурак 95
Иван Иванович Сосун 95, 96
Иваи Михайлович Чулок 104
Иван Федорович 96
Иван Федорович Засека 95
Михаил Иванович 104
Михаил Иванович Черная совка (Черный) 104
Петр Федорович 228
Солнцевы 87, 95
Дмитрий Иванович Солнце 95
Петр Дмитриевич 104
Зубатые 88
Василий Львович 96, 105, 139
Дмитрий Львович Векошка 96
Лев Данилович 96
Курбские 86, 91, 92
Александр Дмитриевич 90
Андрей Дмитриевич 90
Аидрей Михайлович 23, 91, 101—103, 127, 152, 240, 249, 250
Владимир Михайлович Черный 91
Дмитрий Семенович 90, 91
Михаил Михайлович 42, 91, 92, 103, 240, 302
Михаил Федорович Карамыш 91, 103, 313
Роман Федорович 91
Семеи Иванович 83, 90
Семен Федорович 25, 90, 91, 97, 103, 119, 174, 187, 188
Федор Михайлович 91, 92, 302
Федор Семенович 41, 90, 91
Моложские (*см.* также Прозоровские, Сицкие, Ушатые) 85, 89
Василий Федорович 105
Иван Михайлович 96, 105
Михаил Давыдович 83, 96, 105
Федор Михайлович 105
Дуловы 85, 89, 96
Перинины 85, 89
Борис Петрович 105
Дмитрий Федорович Перина 105
Шуморовские 85, 89
Андрей Иванович 105
Глеб Иванович 105
Иван Михайлович Шамин 105
Морткины 86, 88, 96
Иван Михайлович 105
Федор Иванович 96, 105
Новленские 85, 86
Семен Васильевич 93
Юхотские 86, 97
Дмитрий Федорович 93
Иван Дмитриевич 93
Иван Федорович 93
Федор Иванович 93
Пенковы 14, 86, 92, 93, 97, 103, 104, 120, 146
Александр Данилович 92
Василий (Вассиан Данилович) 25, 92, 93, 103, 265
Данила Александрович 32, 84, 92, 103, 124, 176, 286, 308
Иван Васильевич 93
Иван Данилович Хомяк 92, 93, 97, 103, 126, 153, 289, 305
Марья, жена Данилы Пенка 92, 103
Марья Васильевна (ур. кн. Глинская) 305
Марья Даниловна 103
Сисеевы 84, 86
Константин Семенович Сисей 84
Троекуровы 84, 86
Иван Михайлович 84
Михаил Львович Троекур 84, 102
Михаил Михайлович 84, 102
Ухорские 88
Василий Данилович 96
Охлябинины 88, 96
Василий Федорович 105
Петр Федорович 105
Федор Васильевич Охлябина 96
Хворостинины 88, 96
Михаил Васильевич Хворостина 96, 105
Хромые 86
Давыд Даиилович 84, 292
Шаховские 85, 88, 96, 293
Александр Андреевич Драница 96
Александр Андреевич Шемяка 96
Андрей Константинович 96
Иван Юрьевич 96
Константин Глебович 95
Константин Юрьевич 104
Юрий Константинович 96, 104
Шестуновы 86, 87
Андрей Васильевич Меньшак 102
Василий Васильевич Шестун 84, 90, 102, 133, 285
Дмитрий Васильевич 90

Дмитрий Семенович 90
Семен Васильевич Кривой 90, 102
Федор Васильевич 102
Великого 86
Аидрей Петрович 90, 102
Васнлий Петрович 102
Петр Васильевич Великой 90, 102, 173, 174, 206, 233, 251, 287, 308
Шехонские 88, 96
Афанасний Иванович 96, 105
Щетинины 87, 95
Василий Иванович 95
Захарий Иванович 95
Иван Иванович Темка 95
Семен Федорович Щетина 95
Юрий Иванович 95

Alef G. *см.* Алеф Г.
Backus O. 151
Barbieri G. *см.* Барбьери Д.
Hösch E. 281
Rüß H. *см.* Рюсс Х.
Stökl G. 151
Stryjkowski Maciej *см.* Стрыйковский Мацей

Оглавление

А. А. ЗИМИН — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ 3

ВВЕДЕНИЕ 13

Часть первая

Княжата и Дума

Глава первая
СТАРОМОСКОВСКИЕ КНЯЖАТА В ДУМЕ 28
Гедиминовичи 29
Князья Стародубские 35
Оболенские 43
Князья Звенигородские 56

Глава вторая
ПОПОЛНЕНИЕ ДУМЫ КНЯЖАТАМИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ 67
Суздальские князья 67
Ростовские князья 75
Ярославские князья 83

Глава третья
ВКЛЮЧЕНИЕ В ДУМУ ТВЕРСКОЙ И РЯЗАНСКОЙ ЗНАТИ 106
Тверские князья 106
Рязанские князья 113

Глава четвертая
СЛУЖИЛЫЕ КНЯЗЬЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ И ДУМА 122
Гедиминовичи 124
Черниговские князья (Белевские, Воротынские, Одоевские, Мосальские и Мезецкие) 129
Князья Вяземские 136
Стародубское княжество Семена Ивановича Можайского и его сына Василия 137
Новгород-Северское княжество Василия Ивановича Шемячича 138
Князья Глинские 142

Часть вторая

Нетитулованная знать в Думе

ВСТУПЛЕНИЕ 154

Глава первая

ДРЕВНЕЙШИЕ БОЯРСКИЕ РОДЫ 157

Протасьевичи 157

Ратшичи 161

Кобылины 175

Сабуровы 191

Плещеевы 195

Глава вторая

БОЯРСКИЕ РОДЫ КОНЦА XIV—НАЧАЛА XV в. 214

Потомки Редеги 214

Выезжие княжата, потерявшие титулы (Всеволож-Заболоцкие, Еропкины, Полевы) 223

Морозовы 234

Старковы 243

Глава третья

ПОПОЛНЕНИЕ ДУМЫ БОЯРСКИМИ РОДАМИ В XV—НАЧАЛЕ XVI в. 251

Басеиковы 252

Новосильцевы 253

Потомки Нетши 254

Кутузовы 258

Тверская и рязанская нетитулованная знать 260

Выезжие иноземцы (Ховрины, Траханиотовы) 270

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 283

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 315

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 319

Научное издание

ЗИМИН
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Формирование боярской аристократии в России

во второй половине XV—
первой трети XVI в.

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства С. А. Левина
Художник А. В. Денисова
Художественный редактор В. В. Алексеев
Технический редактор Н. Н. Кокина
Корректоры
Р. В. Малоканова, Е. В. Шевченко

ИБ № 32043

Сдано в набор 23.11.87.
Подписано к печати 25.05.88.
А-04892. Формат $60\times90^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная № 1.
Гарнитура литературная.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,12. Усл. кр. отт. 22,12.
Уч.-изд. л. 28,9.
Тираж 16 000 экз. Тип. зак. 2238.
Цена 2 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва. В-485,
Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград. В-34, 9 линия, 12